

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.Я. ЯКОВЛЕВА»

**ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ
И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ:
НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

**Чебоксары
2020**

УДК 81'25(082)
ББК 81.2-7я431
В 74

Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований : сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. – 460 с.

Печатается по решению ученого совета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (протокол № 4 от 27.11.2020 г.).

Ответственные редакторы:
канд. филол. наук, доцент *Н. В. Кормилина*,
канд. филол. наук, доцент *Н. Ю. Шугаева*

Сборник научных статей «Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований» содержит материалы XXIX Международной научно-практической конференции «Вопросы филологии, переводоведения и лингводидактики: направления и перспективы современных исследований», посвященной 90-летию Чувашского государственного педагогического университета. В него вошли статьи преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан и Российской Федерации, студентов из Республики Турция и Туркменистана, обучающихся в российских вузах.

Сборник охватывает широкий спектр современных проблем филологии, лингвистики текста, социолингвистики и переводоведения.

Может быть рекомендован преподавателям иностранных языков, аспирантам, магистрантам, студентам старших курсов факультетов иностранных языков, всем, кто интересуется вопросами филологии и переводоведения.

© Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2020

ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Боровик Н. С.

РОЛЬ РЕДУНДАНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь*

Аннотация. Автор статьи проводит разграничение между понятиями «избыточность» в теории информации и «редундантность» в науке о языке. В представленной статье редундантность определяется как явление, свойственное речи и выражаемое разноуровневыми единицами языка. Представлены возможности абстрактного описания редундантных элементов в высказывании. Отдельно рассматриваются основные функции и роль редундантных элементов в процессе коммуникации. Автор указывает на то, что редундантность присуща каждому процессу коммуникации и является залогом правильного понимания информации, быстрого её восприятия и адекватной реакции у реципиента.

Ключевые слова: избыточность, редундантность, коммуникация, теория информации, речепроизводство.

На явление избыточности в речи впервые указали современная теория информации и техника коммуникации. Согласно их законам, любое сообщение должно иметь максимально краткую и синтаксически простую структуру, при этом акустические характеристики должны обладать высокой степенью компримирования, так как и теория информации, и техника коммуникации стремятся к достижению максимального результата при минимальной затрате средств. Такое стремление привело к тому, что редундантность стала вторым важным измерением в рамках теории информации, где редундантность часто используется в качестве синонима к слову «избыточность». В рамках лингвистики такое толкование редундантности недопустимо. В данной статье мы делаем разграничение между редундантными и избыточными элементами с учётом того факта, что избыточных элементов в процессе передачи информации от одного коммуниканта другому речь не может идти. Каждый элемент речи является необходимым, выполняет свою (прагматическую, информативную, эстетическую и др.) функцию. Речь может идти только о редундантных элементах, при удалении которых основное содержание сообщения останется неизменным.

Понятие редундантности пришло из английского языка и обозначает избыточность и многословность в высказывании. О редундантности принято говорить тогда, когда сообщение содержит такие элементы, которые могли бы быть удалены, а общий смысл высказывания от этого не пострадал бы.

В теории информации под редундантной системой принято понимать «систему, обеспечивающую взаимопонимание (прежде всего язык), которая содержит в себе больше возможностей, чем в действительности может быть реализовано» [6, с. 3]. Это означает, что любое сообщение содержит в своей структуре такую часть, которую можно было бы опустить, при этом содержание сообщения осталось бы в своей основе полным, либо могло бы быть без труда восполнено. В качестве примера попробуем удалить в одном предложении все гласные, и это не повлияет на понимание смысла предложения: (Lsst mn bsplws m Txt Vkl wg, blbt r trtzm lsbr.) Читателю, безусловно, потребуется больше времени, чтобы расшифровать приведенное выше в качестве примера предложение, но он его всё-таки прочтёт. Гласные в данном случае можно было бы назвать редундантными элементами, так как их отсутствие не меняет содержания предложения. Однако в процессе устной или письменной коммуникации гласные всегда стоят на положенном им месте, так как их использование даёт уверенность в том, что сказанное или написанное будет понято правильно. У партнеров по коммуникации могут быть, в силу различного жизненного опыта, разные представления об окружающем их мире, что приводит к возникновению различного рода недопонимания. Во избежание этого, отправитель использует дополнительные языковые средства для поддержания своей основной информации и обеспечения её точного понимания. Не только гласные, но и отдельные слова, и целые части предложения могут быть использованы в качестве таких редундантных элементов. Н. Хофманн описывает редундантность следующим образом: «Это использование большего количества слов и/или символов, чем необходимо для коммуникации» [3, с. 41].

Феномен редундантности необходимо рассматривать в тесной связи с процессом говорения, где два человека, ведущих диалог, выступают в роли партнёров: слушающего и говорящего. Т. Херманн (1982, 1985, 1988) рассматривает этот вид деятельности людей как стремление сохранить равновесие между состоянием действительным и необходимым. Если равновесие нарушается, то возникает необходимость в инициировании действия, направленного на исправление этого неравновесия. В случае с речепроизводством следует говорить о вербальном действии. Первый шаг, который для этого необходим, Т. Херманн обозначает как фокусирование пропозициональной базы. Это означает, что участники диалога принимают решение, на какую тему они будут вести коммуникацию. Понятие фокусирования указывает на то, что говорящий имеет большое разнообразие концептуальных альтернатив. Так, например, если его спросили о том, как пройти к ведомству по гражданским делам, то этот вопрос активирует различные концептуальные структуры. Например, то, что ему также необходимо зайти в это ведомство, что планируется строительство нового здания, что старое здание является достоянием культуры и др. Но если говорящий кооперативен, то он выберет такую пропозициональную базу, которая поможет слу-

шающему найти путь к искомому ведомству. Важным является и то, что высказывание следует планировать так, чтобы его содержание являлось для слушающего информативным. «Генерирование высказываний таит в себе опасность того, что требования, предъявляемые к кооперативному поведению, могут быть выполнены не оптимально, так как высказывания в своей совокупности не могут быть выверены прежде, чем они будут сформированы» [5, с. 132]. При построении высказывания должны быть соотнесены друг с другом две цели: цель максимально кооперативного поведения и цель беглого производства речи. В достижении второй цели и кроется причина редундантности.

Наблюдения за повседневной коммуникацией подтверждают, что устная речь часто содержит информацию, которая не является для слушающего необходимой: устная речь в высшей степени редундантна. В области языка существуют экспериментально психологические результаты исследования, которые свидетельствуют о том, что редундантность оказывает большое влияние на скорость восприятия информации [2]. Испытуемые затрачивали меньше времени на идентификацию одного предмета в массе предметов, если поиски объекта сопровождались фразой, указывающей на дополнительный признак данного объекта, например, обозначающий цвет *маленький красный мяч*. При этом цвет искомого предмета не являлся дискриминируемым признаком. Указание размера *маленький* является уже достаточным для точного определения искомого объекта. Такая «избыточная» информация с точки зрения технических систем информации в рамках лингвистики может быть обозначена лишь как «редундантная», так как она играет значительную роль в идентификации предметов. Кроме того, редундантные элементы дополняют общую информацию, они обеспечивают правильное понимание важной информации и делают её утрату невозможной. Редундантные элементы влияют на количество, но не на качество информации. Такие «составные части информации не изменяют общее информативное содержание» [4, с. 639].

Когда речь идёт о редундантной информации, то прежде всего имеется в виду повторная информация. В зависимости от того, хорошо ли и в достаточном ли объёме получатель проинформирован о теме разговора, степень редундантности получаемого сообщения может варьировать. Для двух разных личностей одинаковая информация может иметь различную степень редундантности. Так новые достижения в области науки и техники представляют собой информацию, однако достижения XIX века могут представлять собой для одного человека редундантность, а для другого новые знания (информацию). Таким образом, информация, которую получает человек, может быть информативна для него как отдельного индивидуума, но в большой степени редундантна для всего человеческого общества. Отсюда следует то, что информация объективна, а редундантность, как повторная информация, субъективна.

Наличие редундантных элементов в высказывании объективно. Но

вот какие именно элементы сообщения передают новые знания, а какие из них являются повторением уже известного и тем самым представляют собой редундантность, это способен оценить только получатель информации. Он является оптимумом в отношении информации и редундантности. Редундантность необходима не только для обеспечения правильного понимания информации, но без неё невозможно и возникновение новой информации.

Общее знание, которое имеется у нас как у представителей того или иного общества, можно обозначить редундантностью. Всё, о чём мы уже однажды слышали или читали, теряет свою актуальность и лишь при повторном упоминании в сообщении или разговоре приобретает свою значимость, но только в том случае, если эта информация является новой для другого человека. В данной статье в качестве редундантных элементов будут пониматься те языковые элементы, которые обеспечивают поддержание правильного понимания основной информации. Одновременно предполагается, что такие элементы способны выполнять и другие функции в тексте (коммуникативные, прагматические и др.).

В подавляющем большинстве случаев информация без наличия редундантности не имеет никакой ценности: во-первых, она ненадёжна, а, во-вторых, ничто новое не может быть усвоено без наличия определённой базы знаний. Так, например, ребёнок либо не поймёт совсем ничего о космическом пространстве, либо поймёт минимум, прежде чем он узнает о том, что Земля является планетой, а Солнце – звездой. При разъяснении термина «галактика», знания о Земле и Солнце будут являться повторением (редундантностью), обеспечивающим восприятие нового материала, т. е. будут служить в качестве фундамента для новой информации. Таким образом, усвоена может быть только та информация, которая содержит необходимое количество редундантности. Повторная информация представляет собой фундамент для новой информации. Отсюда следует, что редундантность обеспечивает усвоение новой информации.

Но что же следует понимать под редундантностью в рамках лингвистики? Как можно её однозначно определить? Как распознать её в тексте? До настоящего времени в лингвистике не было подобных определений. Поэтому возникает необходимость снова обратиться к разработкам в области теории информации. В рамках этой науки редундантность принято определять с помощью математической формулы:

$$R = (H_{max} - H) / H_{max} = 1 - H / H_{max},$$

где редундантность (R) вытекает из отношения H (среднего содержания информации) к H_{max} (максимальному содержанию информации),

или

$$R = 1 - Id(\text{использованные слова кода}) / Id(\text{возможные слова кода}).$$

Согласно выше приведённым формулам можно сделать вывод о том, что редундантность представляет собой не информацию, а часть, которую мы можем вычесть из информации.

Редундантность определяют также как «разницу между теоретически возможной способностью передачи информации кода и средней величиной передаваемой информации» [1, с. 249].

Такие определения являются весьма абстрактными и не отражают сущности явления редундантности в языкознании. В данной работе уже упоминалось о том, что без редундантности невозможно возникновение новой информации. Она создаёт определённую базу, без которой коммуникация не состоялась бы. Необходимо также отметить, что редундантные элементы, содержащие повторную информацию, притягивают дополнительное внимание получателя информации, так как они указывают на важность этой информации. Исходя из выше сказанного под редундантностью следует понимать, прежде всего, повторение уже известной информации. Однако редундантность – это нечто большее, чем просто повторение. В. Умштеттер пишет о редундантности следующее: «Наипростейшая форма редундантности – это повторение. Самая элегантная форма, безусловно, та, которую мы создаём с помощью нашего знания, проверяя всякий раз каждую информацию, в какой степени она может воссоздаться из уже имеющейся информации. С этой точки зрения знанием является такая информация, которая содержит в себе необходимую для сохранения данной информации долю редундантности» [6, с. 15].

Определение редундантности необходимо выводить в совокупности с такими понятиями, как информация и интерпретация. Информация представляет собой информативное содержание, которое имеет свою физическую форму в виде произнесённых или закреплённых на письме языковых знаков, представляющих собой интерпретацию. Каждый языковой знак имеет своё минимальное информативное содержание. Комбинация таких знаков передаёт общее содержание/информацию. В каждом языке существует большое количество возможных комбинаций для передачи одного содержания/одной информации. Определённые элементы таких комбинаций могли бы быть удалены, не вызывая нарушения в общем смысле. Такие элементы языка являются редундантными. Приведём пример:

*«Возьми только маленький **красный** мяч, а большой **синий** оставь, пожалуйста, на месте!»*

*«Возьми **только** маленький мяч, а большой оставь, **пожалуйста**, на месте!»*

«Возьми маленький мяч, а большой оставь на месте!»

При прямом сравнении этих предложений сразу бросается в глаза то, что они содержат разное количество лексических единиц (13 – в первом, 11 – во втором и 9 – в третьем). Но все три предложения имеют одно основное информативное содержание. Получателю данной информации необходимо взять предмет меньшего размера, а предмет большего размера оставить на месте. Выделенные курсивом элементы в первых двух предложениях следует рассматривать в качестве редундантных. Они используются для дополнительной идентификации предмета (цвет) и для выражения модальности.

Удаление этих элементов не нарушает общего смысла сказанного. Последнее предложение не содержит редундантных элементов, но звучит сухо и воспринимается как приказ.

На основе анализа трёх приведённых выше предложений можно сделать следующие выводы: при удалении редундантных элементов неизменным остаётся только основной смысл высказывания. Образность и точность описания теряют в своём качестве. Без редундантных элементов текст воспринимается сухо, скучно, бледно. Кроме того, указание на цвет способствует быстрому пониманию и идентификации предметов.

Таким образом, редундантность может быть рассмотрена как языковое явление, которое может быть выражено разноуровневыми языковыми средствами, создающими дополнительную информацию; удаление таких редундантных языковых единиц не влияет на качество основного содержания сообщения.

Такое понимание редундантности может быть представлено в виде абстрактной математической формулы. В качестве основной модели предлагается модель простого повествовательного предложения.

$$S(A1, A2) + Pr (Ad) + Ob (A3) = In$$

$$S + Pr + Ob = In,$$

где S – подлежащее, A1, A2 и A3 – определения; Pr – сказуемое, Ad – обстоятельство, которое описывает способ действия, Ob – дополнение; In – основная информация, которую содержит предложение в целом. Данной модели соответствует следующее предложение: «Маленький рыжеволосый мальчик крепко держит красный шар». Максимально редуцированный вариант этого предложения имеет следующую форму: «Мальчик держит шар». Абстрактные модели этих предложений выглядят следующим образом:

$$S(A1,A2)+Pr(Ad)+Ob(A3) = In$$

$$S+ Pr + Ob= In$$

$$In = In$$

Первая цепочка представляет собой полное высказывание. Вторая цепочка является редуцированным вариантом первой. В обоих случаях объём основной информации равен. Согласно законам математики, если правые части равенства равны, то и левые части также равны.

Несмотря на то, что редуцированный вариант предложения содержит основную информацию в полном объёме, в качестве приоритетного предложения оно будет воспринято лишь искусственным интеллектом. В реальной жизни существует много факторов, которые могут оказать негативное влияние на восприятие и понимание информации. По этой причине отправитель использует в своём сообщении дополнительные элементы, которые способствуют поддержанию основной информации. В выше приведённом примере человек выберет первое предложение в качестве приоритетного, так как редундантные элементы способствуют созданию более точного представления об объектах разговора. Это облегчает идентификацию данных объектов

и позволяет избежать утраты информации.

Следовательно, редундантность представляет собой часть информации, которая позволяет коммуникантам избежать возникновения информационных пробелов. Она наделяет высказывание модальностью, что необходимо для соблюдения принятых норм и правил коммуникации, способствует быстрому восприятию информации и возникновению адекватной реакции у реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. ЛКИ, 2007. С. 338.
2. *Михайлов Л. М.* Грамматика немецкой диалогической речи : учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М. : Высшая школа, 1986. 110 с.
3. *Hofmann, N.* Redundanz und Äquivalenz in der literarischen Übersetzung dargestellt an fünf deutschen Übersetzungen des Hamlet. De Gruyter, 2016.
4. *Klaus, G., Leibsch, H.* Wörterbuch der Kybernetik. 4. Auflage Gebundene Ausgabe, 1976.
5. *Pechmann, T.* Sprachproduktion. Zur Generierung komplexer Nominalphrasen. VS Verlag für Sozialwissenschaften; 1994th Edition.
6. *Umstätter, Walter* Die Nutzung des Internets zur Fließbandproduktion von Wissen [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.wissenschaftsforschung.de/JB00_179-200.pdf

Бугакова Н. В., Городецкая А. В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ЗАИМСТВОВАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

*Воронежский государственный педагогический университет,
г. Воронеж, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются понятие процесса заимствования, особенности заимствования в английском и французском языках, проводится сравнительный анализ процесса заимствования во французском и английском языках. В ходе исследования используются классификации заимствований по языку-источнику и по заимствованному элементу. По результатам исследования заимствований во французском и английском языках по языку-источнику и по заимствованному элементу делается вывод о том, что французский и английский языки активно участвуют в процессе заимствования, в том числе, обогащая лексику друг друга.

Ключевые слова: заимствование, классификация заимствований, сравнительный анализ, французский язык, английский язык.

Заимствование слов – один из способов развития языка. Заимствования – это результат взаимодействия государств, народов и различных групп

населения. В наши дни этот процесс набирает обороты из-за языковой глобализации, причем большая часть заимствованных слов во всем мире – англицизмы. Французский и английский языки – продукт длительного исторического развития. Более того, эти два языка тесно контактировали друг с другом посредством войн и политических конфликтов, экономических отношений и близкого географического положения, в результате чего они пополняли словарный запас друг друга.

Понятие языкового заимствования достаточно широкое и многогранное. В своем исследовании мы опираемся на определение заимствования, предложенное И. Г. Добродомовым, который понимает под заимствованием «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой, а также сам процесс перехода элементов из одного языка в другой» [4].

Согласно А. А. Реформатскому, «освоение иноязычных заимствований – это, прежде всего, подчинение их строю заимствовавшего языка: грамматическому и фонетическому» [4]. Показателем того, что слово стало освоенным в языке-реципиенте, является то, что оно употребляется наравне с другими словами из своей группы, и о его иноязычном происхождении можно узнать только научно-этимологическим анализом. Некоторые заимствования настолько усваиваются в языке-реципиенте, что они становятся частью основного словарного фонда языка. Основным словарный фонд – лексическая база языка, наиболее устойчивый пласт его лексики; включает первообразные, самые важные и необходимые, прочно вошедшие в жизнь народа и общеупотребительные наименования предметов, явлений, процессов, связанных с реальной действительностью [3, с. 181]. Однако некоторые заимствования слишком специфичны по тематике, и они остаются недоосвоенными лексически.

Английские заимствования представлены во французском языке достаточно широко. Причинами заимствования англицизмов во французском языке являются: потребность в номинации новых понятий и терминов, выражение определенной стилистической окраски и эмоционально-экспрессивной оценки. Тем не менее, заметное влияние английского языка на французский язык появилось лишь после XVII века. В настоящее время это влияние усилилось из-за процесса глобализации: изменения в политической, экономической, социальной и духовной сферах общества, развитие науки и техники, а также ускоренный темп жизни отразились на лексике французского языка.

Сегодня Франция соблюдает политику пуризма – стремление к сохранению литературного языка, к ограничению заимствованных лексических единиц. Несмотря на все принимаемые меры, во французском языке 12 % слов являются англицизмами, и их число ежедневно увеличивается. Одним из следствий активного заимствования английских слов во французском языке является *franglais* – французский язык, изобилующий англицизмами. Этот термин был впервые использован Р. Этьемблом в книге «Parlez-vous

franglais?» в 1964 г. Например, одним из наиболее часто употребляемых англицизмов является слово look (анг. – взгляд, смотреть). Во французском языке look (сущ., м.р.) – внешний вид; looké (прил.) – стильный, модный, looker (глагол.) – смотреть.

Наиболее характерными адаптациями английских заимствований во французском языке являются: фонетическая – перемещении ударения и редукции финальной гласной, морфологическая – слово может не менять свою морфологическую форму и восприниматься целиком как корень или же адаптироваться к морфологической системе французского языка и изменяться согласно ее правилам, семантическая – чаще всего английское слово заимствуется в одном из своих значений, реже в двух или в трех. Стоит отметить, что не ассимилируются морфологически и семантически слова, обозначающие явления и вещи исключительно английские: lady, gentleman, pudding, bill.

Однако не только французский язык активно подвергается проникновению английской лексики в язык, происходит и обратный процесс. Благодаря социально-историческим условиям развития европейского общества, до XX века из всех языков именно французский язык дал наибольшее количество заимствований остальным европейским языкам. Особенному влиянию процесса заимствования из французского языка подвергся в процессе своего исторического развития английский язык. По мнению И. В. Арнольд, «В английском языке процент заимствований значительно выше, чем во многих других языках, так как в силу исторических причин он оказался <...> очень проницаемым» [1, с. 221].

В период между XI и XVIII веками французский язык передал английскому тысячи слов, так что можно сказать, что примерно 60 % английского словаря имеет французское или франко-латинское происхождение. Некоторые ученые полагают, что основная масса французских заимствований проникла в английский язык в период между 1250 и 1400 гг., когда английский язык стал вытеснять французский из всех областей общественной жизни английского народа, и около 40 % французских слов были ассимилированы английским языком. Тем не менее, процесс был полностью инверсирован в середине XVIII, когда большое количество английских слов внедрились во французский язык. Затем, с середины XX века, эта тенденция значительно ускорилась, на этот раз новые слова приходили из Соединенных Штатов Америки.

По мнению И. В. Арнольд, «французские заимствования этого периода проникают преимущественно не в основной словарный фонд, а в определенные пласты словарного состава. Пласты эти определяются историческими условиями заимствования» [1, с. 239].

Так же как и заимствования из других языков, заимствования из французского языка подвергались фонетической, морфологической и часто семантической трансформации соответственно языковым нормам и требованиям лексико-семантической системы английского языка. Так, например,

французские слова в английском языке подчиняются правилам английского словного ударения. Образование производных слов равно подчиняется правилам английской морфологии. Семантические процессы, связанные с заимствованиями французских слов, имеют свои характерные особенности.

В классической лингвистической науке существуют принятые классификации заимствований. Остановимся на анализе классификаций таких ученых, как Лопатникова Н. Н., Мовшович Н. А., Ахманова О. С., Назаряна А. Г.

Так, классификация Лопатниковой Н. Н. и Мовшович Н. А. основывается на выделении объектов заимствования и способах заимствования, но в этой классификации не отражены каналы заимствований [2].

Ахманова О. С. классифицирует заимствованную лексику по способу заимствования, также показывая каналы, по которым язык заимствует лексические единицы. Однако данная классификация не учитывает, что могут заимствоваться не только лексические единицы, но и морфемы.

Классификация Назаряна А. Г. основана на виде канала заимствования, на способе заимствования и на элементах языка, которые можно заимствовать. Таким образом, классификация Назаряна А. Г. является наиболее полной из всех вышеупомянутых.

На основе рассмотренных выше классификаций заимствований предлагаем классифицировать заимствования во французском и английском языках по источнику и по заимствованному элементу.

В качестве источника фактического материала исследования нами были выбраны выпуски французского издания глянцевого журнала «Elle», раздел «Beauté» и британского издания глянцевого журнала «Vogue», раздел «Beauty» с 2007 по 2020 гг. Выбор обоснован тем, что в журналах о моде и о красоте используется специальная тематическая лексика, глянцевые издательства изобилуют неологизмами и заимствованиями. Кроме того подобные издательства очень быстро адаптируются к изменениям и новым словам, которые претерпевает современный язык, и, таким образом, у нас есть возможность отследить как старые заимствования, так и заимствования XX-XXI веков.

Также нами были использованы этимологические онлайн словари французского и английского языков.

Классифицируя заимствования по языку-источнику, мы обнаружили заимствованные элементы во французской лексике (32 слово) из следующих языков: *греческий* (anti-cernes (n, m), anti-ride (adj, m), archi-pointu (adj, m)), *латинский* (barrette (n, f), capsule (n, f), coiffage (n, m), corail (adj, m), crème (n, m), déconseillé (adj, m), demi-queue (n, f), excellente (adj, f), festif (adj, m), sérum (n, m), ultra-brillant (adj, m)), *английский* (cat-eyes (n, m), challenge (n, m), cocktail (n, m), détox (n, m), eye-liner (n, m), flashy (adj, m), gel (n, m), glowy (adj, m), jet-setteuse (n, f), look (n, m), make-up (n, m), nude (adj, m), pop (n, f), queue-de-cheval (n, m), shopping (n, m), star (n, m)), *испанский* (caoutchouc (n, m), mascara (n, m)).

Во французском языке преобладают заимствования из английского

языка, затем следуют заимствования из латинского языка и греческого языков. Наиболее малочисленными являются заимствования из испанского языка.

При анализе английской лексики (32 слова) из выбранных источников мы выявили заимствованные элементы из *греческого* (anti-ageing (adj), bio-based (adj)), *латинского* (co-designer (n), extension (n), formula (n), multitasking (adj), multiseason (adj), pigment (n), product (n), refresh (n)), *французского* (balayage (n), beige (adj), camouflage (n), chic (n), color (n), coverage (n), cream (n), denim (n), eco-friendly (adv), environmental (adj), flea market, fragrance (n), injectable (adj), matte (adj), mousse (n), notable (adj), silhouette (n), sky blue, take care, texture (n)), *испанского* (mascara (n)) и *немецкого* (uberglamorous (adj)) языков.

В английском языке преобладают заимствования из французского языка, также многочисленны слова латинского происхождения, затем следуют слова греческого происхождения. Наименьшее количество слов в английском языке – это слова испанского и немецкого происхождения.

Среди заимствованных элементов ученые выделяют: морфологические заимствования, лексические заимствования, семантические заимствования, калькирование.

При анализе французской лексики (32 слова) мы обнаружили 7 *морфологических* заимствований, среди которых 6 *префиксов* (anti-ernes (n, m), anti-ride (adj, m), archi-pointu (adj, m), demi-queue (n, f), déconseillé (adj, m), ultra-brillant (adj, m)), и 2 *суффикса* (barrette (n, f), coiffage (n, m)), 21 *лексическое* заимствование (capsule (n, f), corail (adj, m), crème (n, m), excellente (adj, f), festif (adj, m), sérum (n, m), cat-eyes (n, m), cocktail (n, m), détox (n, m), eye-liner (n, m), flashy (adj, m) cocktail (n, m) glowy (adj, m), jet-setteuse (n, f), look (n, m), make-up (n, m), nude (adj, m), pop (n, f), détox (n, m), eye-liner (n, m), flashy (adj, m), shopping (n, m), star (n, m), caoutchouc (n, m), mascara (n, m)), 2 *семантических* заимствования (challenge (n, m), gel (m)) и одну *кальку* (queue-de-cheval (n, m)).

В ходе анализа заимствований в английском языке (33 слова) были выявлены 12 *морфологических* заимствований, среди них 8 *префиксов* (anti-ageing (adj), bio-based (adj), co-designer (n), multitasking (adj), multiseason (adj), refresh (n), eco-friendly (adv), uberglamorous (adj)) и 4 *суффикса* (coverage (n), environmental (adj), injectable (adj), notable (adj)), 15 *лексических* заимствований (extension (n), formula (n), pigment (n), product (n), balayage (n), camouflage (n), chic (n), color (n), cream (n), denim (n), fragrance (n), matte (adj), silhouette (n), texture (n), mascara (n,)), 2 *семантических* заимствования (mousse (n), beige (adj)) и 3 *кальки* (flea market, sky blue, take care).

Проанализировав выборку слов из журнала «Elle», мы определили, что французский язык широко использует лексические и морфологические заимствования, меньшую часть составляют семантические заимствования и кальки. Примечательно, что французский язык не заимствовал морфологические элементы из испанского и английского языков в данной выборке.

Выборка лексических единиц из выпусков журнала «Vogue» преимущественно состоит из лексических и морфологических заимствований, гораздо меньше мы обнаружили семантических заимствований и калек. Английский язык активно использует морфологические заимствования из греческого, латинского и французского языков для образования новых слов.

Таким образом, мы пришли к выводу, что как в английском, так и во французском языках, преобладающими являются лексические и морфологические заимствования, в то время как семантические заимствования и кальки являются менее популярными элементами заимствования. Во французском языке имеется большое количество лексических заимствований из английского языка, также английский обеспечил французский язык семантическими заимствованиями и кальками. Однако французский язык практически не заимствует морфемы из английского языка для образования новых слов из сферы «Красота и здоровье». В английском языке также присутствует достаточное количество французских лексических, семантических заимствований и калек. Английский язык активно использует морфемные заимствования из французского языка. Таким образом, французский и английский язык не только активно участвуют в процессе заимствования, но и обогащают лексику друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. 376 с.
2. Лопатникова Н. Н., Мовшович Н. А. Лексикология современного французского языка = *Lexicologie du français moderne* : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям подгот. бакалавров и магистров «Филология», «Лингвистика», направлению подгот. дипломированных специалистов «Иностр. яз.» и специальности «Филология» . 4. изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 2001. 247 с.
3. Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
4. *Лингвистический энциклопедический словарь* / В. Н. Ярцева [и др.]. 2-е изд., доп. М. : Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.

Веч О. Я.

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В ЯЗЫКЕ И ЕЕ СВЯЗЬ С КАТЕГОРИЯМИ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ, ЭКСПРЕССИВНОСТИ И МОДАЛЬНОСТИ

*Ферганский государственный университет,
г. Фергана, Республика Узбекистан*

Аннотация. Современные лингвистические исследования в рамках антропоцентрического направления обращены к говорящей, мыслящей личности и ее языковой картине, которая является результатом познания мира. Так как под процессом познания понимается умение человека наблюдать, воспринимать, осмыслять, абстрагировать, моделировать, оценивать и т. д.

окружающую его действительность, для понимания этого процесса очень важна категория оценки, связанная с понятиями «ценностная картина мира» и «ценность». В статье рассматривается сущность категории оценки и выявляется ее связь с такими категориями как «эмоциональность», «экспрессивность», «модальность».

Ключевые слова: категория оценки, оценочность, эмоциональная оценка, эмоциональность, экспрессивность, модальность.

Современные лингвистические исследования, основанные на антропоцентризме, направлены прежде всего на изучение говорящей, мыслящей личности и ее языковой картины мира. Любая языковая картина, как национальная, так и индивидуальная, является результатом познания мира. При этом под процессом познания понимается умение человека наблюдать, воспринимать, осмысливать, абстрагировать, моделировать, оценивать и т. д. окружающую его действительность.

Оценка как один из инструментов познания мира, являясь объектом изучения таких наук, как философия, психология, социология и лингвистика, связана понятиями «ценностная картина мира» и «ценность», что дает возможность исследователям (В. Вичев, А. А. Ивин, Л. А. Сергеева и др.) рассматривать ее в тесной связи с этими категориями. Если исходить из того факта, что ценности - это то, что «априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что «хорошо» и «правильно», являясь образцом для подражания и воспитания» [8, с. 45], то их исследование становится важнейшей задачей для понимания смыслообразующих основ человеческого существования в рамках культуры, языка, речи, так как именно они задают направление и мотивацию жизнедеятельности человека, его конкретным делам.

Оценка – это «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. п. – как одна из основных частей стилистической коннотации» [2, с. 305].

Способность к оценке – важная сторона интеллектуальной деятельности человека, потому что именно оценка «определяет принятие решений и выбор жизненных путей» [1, с. 48], позволяя человеку выявить значимость объекта действительности, установив его положительное/отрицательное значение для себя [4, с. 12], и выразить своё ценностное отношение к миру с помощью языкового фонда оценочных средств [7, с. 87].

Так как оценка – это всегда эмоциональное отношение человека к реалиям действительности, то она является отражением эмоционального восприятия им мира в целом.

В некоторых исследованиях между «категорией оценки» и «категорией оценочности» ставят знак равенства, рассматривая их как синонимы, однако, на наш взгляд, это, безусловно, связанные, но не взаимозаменяемые понятия.

Категория оценки выступает как логическая категория, а категория

оценочности репрезентирована как лингвистическое понятие, один из коннотативных элементов значения, исходя из чего оценочность можно определить, как способность выражать оценку языковыми средствами. Не случайно оценочность рассматривается в качестве одной из разновидностей модальности.

Оценочный компонент не всегда возможно вычленить в структуре значения единицы языка и речи, поэтому при его выявлении часто обращают внимание на такие категории как эмоциональность, экспрессивность и модальность, которые могут иметь как вербальные, так и невербальные формы выражения.

В связи с тем, что многие языковые единицы могут одновременно быть носителями оценочных значений и заключать в себе эмоциональность, экспрессивность, приобретая определенную стилистическую окраску, возникает определенная сложность при выделении самостоятельного оценочного компонента. Встает закономерный вопрос о том, что делать с такими категориями, как оценочность, эмоциональность, экспрессивность, и как их оценивать по отношению друг другу. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо определиться с внутренним содержанием данных категорий.

Эмоциональность чаще всего рассматривается как некое отношение или чувство говорящего к объекту речи, выраженное и зафиксированное в семантике слова, что позволяет некоторым ученым делать вывод о невозможности выражения оценки в естественном коммуникативном акте без эмоционального фона.

А. О. Чернейко, обращая внимание на взаимозависимость категорий оценки и эмоциональности, делает упор на то, что «выбор знака оценочного высказывания субъектом оценки определяется принятием или неприятием личности другого объекта оценки» [11, с. 44]. Если оценка всегда сопряжена с определенной эмоцией, то и шкала оценочности и эмоциональности совпадает: «плохо» – «неприятное», «хорошо» – «приятное», демонстрируя связь между отрицательной оценкой и эмоциями неодобрения, возмущения, положительной оценки с эмоциями одобрения и восхищения и т. п.

Постулируя прямую зависимость оценки от испытываемых эмоций, Н. А. Лукьянова, И. Н. Худяков, А. О. Чернейко, В. И. Шаховский и др. совмещают оценочный и эмоциональный компоненты в одном термине «эмоциональная оценка».

М. Н. Кожина, Т. В. Маркелова, И. А. Стернин и др. исследователи, напротив, считают, что оценка и эмоции могут выражаться обособленно, «между ними нет отношений интердепенденции» [8, с. 47], следовательно, понятия «категория оценки» и «категория оценочности» необходимо разграничивать.

Е. М. Вольф, различая «эмоциональность» и «оценочность», рассматривает их как соотношение части и целого, полагая, что эмотивный («оценочный») компонент является более общим и включает эмоциональное и

рациональное в качестве своих разновидностей, так как он всегда «подразумевает хорошее/плохое отношение субъекта к объекту оценки и противопоставляется объективному, который опирается на свойства объектов. Эмоциональное и рациональное в оценке подразумевают две разные стороны отношения субъекта к объекту, первая – его чувства, вторая – мнения» [3, с. 42].

Схожей с категорией оценки является и категория экспрессивности, встречающаяся во многих научных трудах последних десятилетий, но до сих пор до конца не исследованная в понятийном плане.

Чаще всего экспрессивность определяется как «не-нейтральность речи, отстранение, деавтоматизация, придающие речи необычность, а тем самым выразительность» [10, с. 36–37]. «Экспрессивность представляет собой отображение в содержании языковых сущностей эмоционального, ценностного отношения субъекта речи к элементам внешнего и внутреннего мира человека, вызываемого в нём при их обозначении» [9, с. 203], а, следовательно, от эмоциональности она отличается целенаправленным воздействием на слушателя. Кроме того, как функциональная категория экспрессивность служит усилению выразительности, изобразительности и увеличению силы воздействия сказанного, а как языковая, семантическая категория помогает передать специфическое содержание высказывания с помощью особых средств.

Экспрессивность и оценка не зависят друг от друга напрямую, но, безусловно, взаимосвязаны: оценивая тот или иной объект или явление, субъект использует для этого специальный набор экспрессивных средств языка.

Вопрос соотношения категорий оценочности и модальности поднимался в работах А. А. Потебни, В. В. Виноградова, В. Г. Гака, Г. А. Золотовой и др., однако по сей день не решен однозначно. Так, одни ученые дифференцируют эти понятия, другие определяют оценку как один из видов субъективной модальности.

Мы, вслед за Т. В. Маркеловой, считаем, что к области оценки относится достаточно широкий спектр «субъективных, эмоциональных, модальных, рациональных, алетических, персуазивных, временных, пространственных, экзистенциальных отношений» [5, с. 76], что позволяет говорить о проявлении модальности на уровне всего высказывания в целом, в то время как оценка обнаруживается только на лексическом уровне, следовательно, это явления не одного порядка. Более того, субъективная модальность – это «отношение говорящего к предмету речи, а оценка – ценностное отношение, связанное не только с личностно-прагматической интерпретацией обозначаемого, но и с определением его места по шкале ценностей, отражающей известное каждому говорящему соотношение языковых и внеязыковых знаний о том, что такое хорошо, а что такое плохо» [6, с. 61]. И здесь остро встает вопрос о средствах и способах передачи субъективной модальности в языке. Такие ученые, как В. В. Виноградов, А. В. Бондарко,

Е. И. Беляева и др. считают, что наиболее адекватными средствами выражения настоящей категории оказываются вводно-модальные слова, так как именно они определяют степень соразмерности содержания высказывания и реальной действительности с точки зрения говорящего.

Таким образом, оценка как лингвистическая категория включает в себе отношение говорящего к объектам действительности или самой действительности, исходя из того, насколько ситуация с ними соответствует его потребностям или целям. Так как в процессе постижения и осознания мира человек выражает свою позицию по отношению к нему, оценка тесно связана с такими категориями, как эмоциональность, экспрессивность и модальность. Однако оценка не может считаться составной частью этих категорий в силу ее специфических черт и должна быть признана самостоятельной категорией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., исправленное. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1969. 607 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 246 с.
4. Ивин А. А. Основания логики оценок. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.
5. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств в выражении оценки в русском языке // Филологические науки. 1995. № 4. С. 67–79.
6. Маркелова Т. В. Выражение оценки в русском языке // Русский язык в школе. М., 1995. С. 76.
7. Маркелова Т. В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филологические науки. 1996. № 1. С. 80–90.
8. Стернин И. А. Оценочность слова в языке и речи // Исследования по семантике. Уфа, 1990. С. 43–51.
9. Телия В. Н. Типы языковых значений. М. : Наука, 1981. 269 с.
10. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М. : Высшая школа, 1991. С. 36–67.
11. Чернейко А. О. Порождение и восприятие межличностных отношений оценок // НДВШ. Филологические науки. 1996. № 6. С. 42–54.

Гончарюк Н. Л.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОПИСЫВАЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА

*Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья рассматривает семантику диалектных фразеологических единиц. Наиболее коннотативно насыщенными являются

оценочные фразеологизмы, описывающие человека. При этом именно диалектные фразеологизмы отражают не только явления и реалии, ушедшие в прошлое, но и изменение представлений, отношений и оценок. В островных немецких говорах фразеологические единицы содержат очень много сравнений с животными и неодушевленными предметами, что как нельзя лучше отражает жизненный уклад, мировоззрение и самобытность российских немцев. Диалектные фразеологические единицы значительно отличаются от литературного стандарта, что связано с процессом преобразования фразеологического состава диалектов под влиянием русскоязычного окружения и русского языка.

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантические разряды, коннотативная насыщенность, антропоцентричность, компаративный фразеологизм.

В последнее время все больший интерес вызывает семантика фразеологизмов и закономерности их употребления, что связано с общей тенденцией – разработкой моделей языкового синтеза [3, с. 560].

По мнению исследователей, в качестве основы когнитивного изучения лексики представляется признание взаимосвязи языковой и неязыковой природы семантических явлений, а именно, идея о соотношении слова и знания о мире, языковых и неязыковых знаний, обеспечивающих понимание значения слова.

Фразеологическая единица семантически и функционально-грамматически близка к слову, но при этом она не тождественна ему. Поэтому значение фразеологизмов значительно отличается от словесного значения. Фразеологизмы мотивированны, поэтому их значение тоже мотивировано.

Исследуя семантику устойчивых сочетаний, ученые выделяют классификационные разряды фразеологизмов по их связи с внеязыковой действительностью: «понятийные, или предметно-синонимические группы», «тематические классы», «понятийные микрополя», «семантические классы», которые, в свою очередь, членятся на «семантические группы», «семантические поля».

Все исследователи обращают внимание на то, что распределение фразеологизмов по семантическим разрядам неравномерно, не все области объективной действительности получают отражение во фразеологии, одни семантические группы охватывают большое число фразеологизмов, другие беднее, а некоторые представлены единичными оборотами. Наполненность тех или иных групп находится в прямой зависимости от коннотативной насыщенности фразеологизмов. Богаты и разнообразны группы оценочных фразеологизмов, связанных с характеристикой человека, его физических и психических особенностей, действий и состояний [1, с. 9].

Фразеологии вообще, а диалектной фразеологии в особенности, присуща ярко выраженная образно-эмоциональная оценка предметов, явлений, действий, качеств, зачастую уже имеющих в языке свои наименования.

Многие диалектные фразеологизмы являются продуктом фантазии, питающей также сказки и мифы, широко распространенных в народном мировоззрении образов и сравнений, связанных с магией и мифологией. Фразеология проявляет значительное упорство в сохранении уже давно изжитых представлений, суеверий, берущих начало на ранних стадиях человеческого познания, когда образ, лежащий в основе фразеологизма, мог иметь другой смысл и значимость в процессе языкового мышления. При сохранении образов, утраченных или забытых в современной жизни, фразеологизмы остаются свидетельствами и хранителями не только ушедших в прошлое явлений и реалий, но и изменившихся со временем представлений, оценок, отношений [2, с. 55].

Кроме того, фразеология антропоцентрична, и ее антропоцентричность выражается в том, что большая часть фразеологических единиц связана с человеком и его характеристиками. Фразеологические единицы, характеризующие человека, в основном мотивированы. Они представляют собой образное обобщение ассоциативных связей между предметами и явлениями объективной действительности. Их значение является результатом метафорического переосмысления конкретного значения словосочетаний.

Во фразеологическом составе островных немецких говоров отражены как положительные, так и отрицательные черты характера человека.

Из фольклора приходят ассоциации животных с определенными чертами характера, поэтому очень часты именно такие сравнения, использующиеся в составе компаративных фразеологизмов.

Так, человека хитрого носители диалекта сравнивают с лисой – животным, традиционно олицетворяющим собой хитрость и лукавство. Данная черта характера выражается компаративным фразеологизмом *„wie n alte Fuchs“*, который имеет общее значение *„klug, witzig, listig“* и соответствует фразеологической единице немецкого литературного языка *„ein alter Fuchs“*.

Тихого, молчаливого и незаметного человека считают похожим на мышку: *„ruhig wie a Mäusche“*. При этом прилагательное *„ruhig“* используется в значении *„still“*, а сравнение с мышкой только усиливает этот образ. Весь фразеологизм имеет общее значение *„still, schweigend, bewegungslos“*. В немецком литературном языке подобное сравнение отсутствует, а вместо него используются *„Leisetreter, Duckmäuser“*.

Упрямство приписывается ослу или быку и может быть выражено фразеологизмами *„uprjamij wie en Ochs“* и *„wi n Esel“*, имеющими основное значение *„sehr störrisch“*. Заимствованное из русского языка прилагательное *„uprjamij“* (упрямый) имеет значение *„störrisch“*. Компаративные фразеологизмы с компонентами *„Ochs“* или *„Esel“* отсутствуют в немецком литературном языке. Данная черта характера представлена лексемами *„Starrkopf, Trotzkopf“*.

Такая же черта характера, как «злоба/злость» приписывается «нечистой силе», при этом в образовании фразеологизмов используются лексеммы «Hexe» и «Teufel»: *beis wie en Hex, eine böse Frau; dr Deiwel selbst, der*

richtige Teufel'. И та, и другая фразеологические единицы имеют общее значение *,böse, boshaft'*.

А добротой наделены сверхъестественные «добрые» существа. Поэтому для описания доброго, беззлобного человека используется компаративный фразеологизм *,wi n Engel'*, имеющий значение *,gut, gutherzig'*.

Любопытство и осторожность выражаются глагольными фразеологизмы с факультативными лексемами «*Ohr*», «*Nase*». Фразеологические единицы *Uhr strek hale ,die Ohren steifhalten'*, *die Uhr spitze hale ,die Ohren spitzen'*, *die Naas in die Luft stecke, die Naas gejers Weter hale, die Noos noch m Wind hale ,Bescheid wissen'* имеют общее значение *,ganz vorsichtig sein'*. При этом фразеологическая единица *,die Naas gejers Weter hale'* является «калькой» русскоязычного фразеологизма *,держат нос по ветру'*. А фразеологизмы *lange Uhr habe ,lange Ohren machen'*, *die Naas iwerall strecke, d Naas alle Wege strecke ,die Nase in alles stecken'* имеют общее значение *,sehr neugierig sein'*. Данные фразеологические единицы либо полностью соответствуют фразеологическим единицам немецкого литературного языка, либо являются их вариантами.

Болтливость вполне логично выражается глагольными фразеологическими единицами с общим значением *,viel und oberflächlich reden'*, основными компонентами которых являются глаголы говорения «*sprechen*», «*schwätzen*», «*babbeln*»: *tumm schwetze, zum Tod spreche, bis zum Tod uspapple ,schwätzen, bis jemand stirbt'*; *ohne End babble ,babbeln ohne aufzuhören'*; *warwas-wos papple ,dummes Zeug schwätzen'*; *Ungeschichte schwetze ,einen Bären aufbinden'*.

Терпеливый человек, в сознании диалектоносителей, имеет широкую, «непробиваемую» спину. Такая черта характера выражается глагольными фразеологизмами *,en breides Buckel habe'*, *,eine grouße Buckel habe'*, *,en große Buckel habe'*, *,grouße Pugel hobe'*, *einen breiten Buckel haben'* с общим значением *,sehr geduldig sein'*. Данные фразеологические единицы представляют собой разные фонетические варианты словосочетания *,einen breiten Buckel haben'*.

А вспыльчивость описывается фразеологизмом *,schnell ausenaner flieghe'*, имеющим значение *,sich schnell, heftig erregen; zornig hochfahren'*, в то время как в немецком литературном языке выражение *,auseinander fliegen'* имеет прямое значение.

Образная оценка умственных способностей может носить положительный или отрицательный характер, но чаще фразеологические единицы используются именно для отрицательной оценки. Очень часто глупого, необразованного человека диалектоносители сравнивают с каким-либо домашним животным: *a dumme Gans, tumm wie en Kuh*; или с, вероятно, бесполезным неодушевленным предметом: *dumm wie n Klotz; dumm wie a faul Klotz*. Все эти фразеологизмы имеют общее значение *,unverständlich, unvernünftig'*, а образное сравнение с тем или иным животным или предметом только усиливает эффект экспрессивности.

Голова такого глупого человека – это механизм, который, как правило, сломан или плохо функционирует, или в котором не хватает какой-либо детали, например, винтика: *Dr Mechanismus im Owrstübche schafft net mehr richtig.*; *Bei ihm reicht eine Schraube net.*; *Der hat verlornt eine Schraube.* Лексемы «*Mechanismus*» и «*Schraube*», относящиеся скорее к техническому словарю, использованы в переносном значении. А общее значение данных фразеологических единиц можно определить, как *,nicht ganz richtig im Kopf sein'*.

Человек же психически ненормальный характеризуется как «*потерявший ум/рассудок*». Данное состояние выражается фразеологизмами *fun der Spur komme*; *von Verstand komme*, имеющими общее значение *,Denkkraft verlieren'*.

При положительной оценке умственных способностей многочисленны сочетания с лексемой “*Kopf*“: *kaa Strau im Kopp hobe*; *Gritz im Kopp hobe* *,findig/klug sein'*; *Der Kopf schafft.* *,Der Kopf funktioniert gut.'* Первые два фразеологизма являются структурными вариантами, где компоненты *,kaa Strau'* и *,Gritz'* взаимозаменяемы. А фразеологическая единица *,Der Kopf schafft.'* дает «техническую» оценку голове человека, так как глагол *,schaffen'* имеет здесь значение *,funktionieren'*.

Для характеристики человека не просто умного, но опытного в русском языке есть фразеологизм «*Он на этом собаку съел*». В немецком литературном языке подобный фразеологизм отсутствует, но в говорах российских немцев, под влиянием русского языка, появляется «калька» *,Dr hot dr Hund gresst.'* со значением *,allseits erorbt, reich an Erfahrung, Kenntnissen und Übung sein'*.

Внешность, а особенно, что-то необычное во внешнем виде всегда вызывает многочисленные эмоции, для выражения которых часто используются фразеологические единицы, наиболее ярко отражающие те или иные образы. Сравнения при этом могут быть самые разнообразные и неожиданные.

Так, худого человека в говоре сравнивают и с палкой, и с охотничьей собакой, и с пальцем, и с жердью: *tjarr wie ein Steckel, mager wie en Finger, tjarr wie ein Jagdthund, mager wie en Stock wie n Wiesbaum.* Выявленные компаративные фразеологизмы с такой семантикой имеют значение *,dünn, abgemagert, knochig'*.

Высокий человек подобен какому-либо длинному или высокому объекту – каланче, телеграфному столбу, жерди, шести: *ein Langschunkiche, Pelznickel, Telegrafposte, en lang Stang.* Данные субстантивные фразеологизмы, отражая различные образы, обладают общим значением *,ein Mensch von hohem Wuchs'*.

Считается, если о ком-то говорят: «*кровь с молоком*» – это внешний показатель хорошего здоровья: *wie Milch un Blut, Blut mit Milch.* При помощи данных фразеологизмов, имеющих значение *,rotwangig'*, может быть описан здоровый цвет лица.

А такая «выдающаяся» часть лица, как нос, сравнивается в островных немецких говорах с картошкой или валенком: *die Noos wi Kartoffel, a Nas wie 'n Filzstiefel*, тогда, как в немецком литературном языке нет подобных сравнений. Данные фразеологизмы выражают общее значение ‚*eine auffallende Nasenform*‘. Кроме того, такие фразеологические единицы выражают субъективную оценку внешности, причем имеющую явно отрицательный характер.

Говорят, глаза – зеркало души, а в островных немецких говорах они как будто окна: *Aage wie zwaa Fensterscheibe*, при этом данный фразеологизм имеет скорее отрицательную коннотацию, чем положительную. Общее же значение фразеологической единицы определяется как ‚*sehr große Augen*‘.

Но взгляд может быть разным – удивленным и глупым: *wie der Ochs am Berge gucke, wie en Schouf uf die neie Tier gucke*; удивленным и любопытным: *die ganze Aage gucke, auf allen Augen schaue*; удивленным от неожиданности: *die Augen grouß aufreisen, die Aoge peile*, а иногда – отсутствующим: *in ein Loch schauen, in eine Punkt gucke, auf en Blatt gucke, uf an Platz gucke*. А описывается взгляд глагольными фразеологизмами с глаголами «*gucken*», «*schauen*», «*peilen*» в качестве «ядра», которые имеют общее значение «*sehen*», и отражают такие нюансы как ‚*dumm sehen*‘, ‚*neugierig sehen*‘, ‚*verwundert sehen*‘, ‚*zerstreut sehen*‘.

Таким образом, большая часть исследованных диалектных фразеологизмов, характеризующих человека, представляет собой глагольные сочетания и сравнения с животными и неодушевленными предметами в составе компаративных фразеологизмов и соотносится с русскоязычными эквивалентами чаще, чем с немецкоязычными. Это связано с таким фактором развития диалектной фразеологии, как «отсутствие словарного соответствия в литературном стандарте, возможность только описательного способа толкования» [2, с. 54], а также с процессом преобразования лексического/фразеологического состава островных немецких говоров под влиянием русскоязычного окружения и русского языка. Данные фразеологические единицы, благодаря выразительности и экспрессивности диалектной речи, обладают эмоциональной окрашенностью и, кроме того, отображают специфику жизненного уклада и мировоззрения народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ивашко Л. А.* Очерки русской диалектной фразеологии. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 112 с.
2. *Копчук Л. Б.* Лексика и фразеология немецких диалектов : учебное пособие для студентов университетов и факультетов иностранных языков. СПб. : ООО «Береста», 2002. 127 с.
3. *Языкознание.* Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. М. : Большая Российская Энциклопедия, 2000. 688 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ ДЕЙКСИСА

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена явлению указательности как важному лингвистическому феномену, который привлекает ученых неоднородностью своих компонентов и неоднозначностью толкования. В работе представлены как ранние попытки исследования дейксиса, так и современные точки зрения на данное явление, представлены разные варианты наименования дейксиса (индекс, шифтеры, эгоцентрики). Явление дейктивности в коммуникативном акте реализуется по-разному и включает в себя разнообразные языковые средства, обладающие указательными свойствами. В работе также представлены взгляды О. Есперсена, Р. Якобсона, Ю. Д. Апресяна, А. В. Кравченко, Дж. Лайонза, И. А. Стернина и других исследователей на явление указательности в языке.

Ключевые слова: указательность, дейксис, пространственный дейксис, временной дейксис, шифтеры, референциальная точка.

Исследование указательности как свойства языкового знака имеет довольно богатую историю. Тем не менее, проблема изучения дейксиса и в настоящее время находится в фокусе внимания многих лингвистов. Существует несколько названий данного языкового явления: дейксис, индекс, эгоцентрики, шифтеры. Несмотря на разнообразные названия, их объединяет одно свойство – указательность.

Сам термин «дейксис» происходит от греческого слова «δείξις» и означает «показ», «указание». Таким образом, данное понятие известно в лингвистике еще с античных времен. В новое время к явлению указательности первым решил обратиться известный немецкий исследователь индоевропейских языков Карл Бругманн. В своем исследовании «Die Demonstrative Pronomina der indogermanischen Sprachen» (1904) ученый предпринял попытку описать разные способы указания в индоевропейских языках и выявил четыре вида демонстративов: *der*-дейксис (этот, такой, тот самый); *hic*-дейксис (местоположение «Я»); *istic*-дейксис (местоположение «Ты»); *jener*-дейксис (тот, некий) [11]. Позже известный немецкий психолог и лингвист Карл Бюлер в своей работе «Теория языка: репрезентативная функция языка» (1934 г.) разработал систему ориентации субъекта «здесь – сейчас – я», ссылаясь при этом на четыре бругманновских вида указания и утверждал безусловную необходимость средств указания [2].

Далее Отто Есперсен ввел понятие «шифтер», под которым понимал особое свойство некоторых грамматических категорий, способное «переключать» речевое взаимодействие в разные плоскости по отношению к ре-

альности, времени и его участникам [3]. Дейктические элементы можно отнести к наиболее ярким примерам. В свою очередь Р. Якобсон предложил свою интерпретацию термина О. Есперсена и в своей статье «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» относил к данному лингвистическому явлению различные глагольные категории лица, времени и наклонения, определяя их семиотическим понятием «индекс», так как шифтеры, по его мнению, способны не только соотноситься с обозначаемым им объектом по условно принятому правилу, но и находиться с обозначаемым объектом в реальной связи. Кроме того, ученый считал, что «слово «я», обозначающее говорящего, реально связано с высказыванием и, следовательно, функционирует как индекс» [10, с. 95–113]. Интересно отметить тот факт, что в своей работе лингвист противопоставил шифтерные грамматические категории нешифтерным. В частности, глагольную категорию времени Р. Якобсон отнес к шифтерным, а категорию вида – к нешифтерным [10, с. 95–113].

Если говорить о современном состоянии лингвистической науки относительно явления указательности, то под дейксисом понимается довольно широкий ряд языковых средств, интерпретация которых зачастую требует знание условий экстралингвистической ситуации, в которой происходит непосредственный акт коммуникации. К важнейшим из условий относят говорящего, адресата, место и время высказывания [7].

Традиционно к дейктикам относят указательные и личные местоимения, наречия времени и места. Однако в данное понятие стали включать разнообразные лексические, морфологические, синтаксические и даже фонетические средства для актуализации дейктической составляющей высказывания (*Вот твоя книга; Это во-о-о-он когда было*). Как отмечает С. В. Кодзасов в статье «Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости)», благодаря долготе/краткости звук способен передавать физическое и темпоральное пространство в речи если момент речи считать референциальной точкой, то долгота/краткость звука способны передавать дальность/близость объекта относительно референциальной точки [4].

По мнению А. В. Кравченко «это привело к тому, что зачастую под словом «дейксис» понимают различные языковые явления, которые не всегда обоснованно подводят под общее понятие. Некоторые указывают на необходимость различения собственно дейксиса, принадлежащего грамматике, и более широкого понятия ситуативности, противопоставленного внеситуативности, которые определяют прагматические аспекты языка и относятся к интеракционному уровню – поэтому нельзя смешивать дейксис с контекстуальной обусловленностью» [5, с. 87–88]. С этой точки зрения значительно различаются по смыслу предложения *You ought to help elderly people* и *You ought to help the elderly people*. Если в первом предложении личное местоимение 2 лица носит обобщенный характер, оно внеситуативно и употребляется безотносительно к конкретному лицу, то во втором предложении местоимение *You* контекстуально обусловлено и носит явный указательный характер. Во втором случае использование определенного артикля

создает особый контекст и переводит в плоскость общения с заданными параметрами.

Дж. Лайонз в своей работе «Лингвистическая семантика» (1994) считает дейксис ориентационным свойством языка, указывающим место и время произнесения высказывания. Автор предлагает вычленять «чистый» и «не-чистый дейксис», причем к первому относит выражения, значения которых можно объяснить, используя термины дейксиса, а ко второму относит единицы языка, значения которых являются лишь частично дейктичными. Так, к «чистому» дейксису Дж. Лайонз относит местоимения 1 и 2 лица, указательные местоимения и наречия. Во вторую группу – «не-чистого» дейксиса – лингвист включает местоимения 3 лица единственного числа. Кроме того, ученый предлагает еще одно оригинальное деление дейксиса на первичный и вторичный. Данное деление основано на степени близости лингвистических средств к дейктическому центру (англ. *this, here*). Если требуется переинтерпретация компонентов дейктического контекста, то данные единицы языка со значением указания следует относить ко вторичной группе. Так, ситуативная замена указательного местоимения *this* на *that* при указании на объект, находящийся в непосредственной близости от говорящего, указывает на его вторичную природу [6, с. 309–352].

Еще одной важной вехой в развитии лингвистической науки стала ориентация на говорящего в процессе коммуникации. Это предопределило появление нового ориентира при интерпретации множества языковых явлений, и дейксиса в числе прочих. Как справедливо заметил известный лингвист Ю. Д. Апресян «представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. Так мы оцениваем размеры животных, соотнося их с размерами человеческого тела. Слоны, носороги, бегемоты – большие животные, потому что они больше человека, а зайцы, кошки, хомяки – маленькие животные, потому что они меньше человека» [1]. В своей работе «Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира» (1986) ученый уточняет семантику традиционных дейктических средств, которые не принимаются во внимание традиционной лексикографией. Исследователь вводит понятие «дейксис наблюдателя», которое реализуется в лексических значениях всех грамматических классов слов и считает его крайне важным для понимания адресатом, т. к. именно позиция наблюдателя определяет валентность положения вещей: левый – значит слева от наблюдателя, правый – соответственно, справа от наблюдателя [1].

Весомый вклад в изучение данного явления был сделан И. А. Стернинным (1973), который дал следующее определение единицам языка дейктического характера: «дейктические слова – это слова, дающие относительную характеристику чувственно воспринимаемых в речевой или воссозданной ситуации объектов или событий и осуществляющие одновременно семантическое указание на центр координации (субъект или объект), относительно которого характеризуется данный объект или событие» [9, с. 43].

Здесь заслуживают внимания три релевантных аспекта: чувственно воспринимаемые объекты, два вида ситуации – речевой и воссозданный и наличие «центра координации».

Важно также отметить работу Н. А. Сребрянской «Дейксис в единицах языка», в которой филолог предприняла попытку составить поле дейктивности с его центральными и периферическими компонентами. К элементам с максимальным дейктическим содержанием, составляющим ядро поля, автор отнесла личные местоимения (*я, он, она, ты, вы* и т. д.), наречия места и времени (*здесь, сейчас, там* и т. д.), а также прилагательные, выражающие пространственные значения (*левый, правый, передний, дальний* и т. д.), прилагательные со значением прошлого, будущего времени и значения, одновременного с другим действием (*вчерашний, завтрашний, настоящий, следующий*), глаголы движения и предлоги, выражающие пространственные отношения. К периферийным компонентам дейктического поля Н. А. Сребрянская относит так называемые «единицы смешанного типа номинации», значение указательности в которых раскрывается лишь в контексте (*пассажир, сосед*) [8, с. 34–36].

В последнее время значительно расширился не только лингвистический инвентарь основных типов дейксиса, но и сама классификация типов указания. Поэтому в современной лингвистической литературе, помимо уже ставших традиционными личного и хронотопического дейксиса, можно встретить коммуникативно-функциональный дейксис (например, тема-рематическое членение предложения), эмоционально-оценочный дейксис, в котором точкой отсчета является эмоциональное состояние говорящего, социально-функциональный дейксис, основанный на формах вежливости и этикета, принятых в конкретном социуме, дискурсивный дейксис, отсылающий к определенным компонентам текста.

Нельзя не обратить внимание на неоднозначность использования и понимания дейксиса непосредственно в акте коммуникации. Интересным случаем в коммуникативной практике с точки зрения дейктивности представляет собой предложение *I am not here right now*, так как личное местоимение *I* является эгоцентричным и всегда соотносит говорящего с ситуацией «здесь и сейчас», т.е. *где бы я не был, я всегда был, есть и буду находиться в данном отрезке пространства и времени*. Отрицание этого представляет собой парадокс: *там, где я нахожусь в данное время – это здесь и сейчас, но меня в данной точке пространства в данном отрезке времени нет*. Однако это совершенно не препятствует его широкому использованию в коммуникации и, самое интересное, успешному взаимодействию коммуникантов.

Таким образом, дейксис представляет собой крайне интересное и уникальное лингвистическое явление. Толкование данного явления в значительной степени варьировалась в ходе развития языковедения. Несмотря на многочисленные исследования, которые проводились ранее и проводятся в

данное время учеными-филологами, данный феномен до сих пор представляет собой довольно широкое поле для лингвистического анализа и интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. М., 1986. С. 5–34.
2. *Бюлер К.* Теория языка: Репрезентативная функция языка. М. : Прогресс, 1993. 501 с.
3. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958. 400 с.
4. *Кодзасов С. В.* Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 227–238.
5. *Кравченко А. В.* Вопросы теории указательности: эгоцентричность, дейктичность, индексальность. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. 210 с.
6. *Лайон Дж.* Лингвистическая семантика. М. : Языки славянской культуры, 2003. 397 с.
7. *Лингвистический энциклопедический словарь.* Гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
8. *Сребрянская Н. А.* Дейксис в единицах языка. Воронеж : Тип. Воронеж. гос. пед. ун-та, 2003. 135 с.
9. *Стернин И. А.* К проблеме дейктической функции слова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 18 с.
10. *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя : сб. ст. / под ред. Б. А. Успенского. М. : Наука, 1972. С. 95–113.
11. *Brugmann, K.* Die Demonstrative Pronomina der indogermanischen Sprachen // Abhandlungen der Philologisch-historischen Klasse der Philologischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1904. Bd. 22. N6. S. 9–12.

Соколова В. О.

К ИСТОРИИ ЭЛЕМЕНТА «РАЗ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию статуса элемента «раз» в русском языке, его семантики и структурных особенностей. Обращается внимание на историю становления орфограммы «Правописание приставок на -з/-с», на разнообразие смысловых значений морфемы раз-. Рассмотрение орфограммы в диахроническом аспекте актуально при разработке методических рекомендаций по обучению фонетике, графике и орфографии в школе. Обращение к лексикографическим источникам разных типов позволяет произвести отбор дидактического материала для исторического комментирования языковых явлений в условиях учебного процесса.

Ключевые слова: морфема, приставка, семантика, полисемия, словарь, орфография.

Слово в русском языке всегда отличалось своей экспрессией и полисемичностью. По мере исторического развития лексический состав языка претерпевает изменения и совершенствуется. Слово может изменять семантическую и грамматическую структуру: некоторые значения корректируются и расширяются, какие-то и вовсе исчезают, обнаруживаются новые особенности употребления слова в языке.

В отечественном языкознании насчитывается достаточное количество примеров, когда у языкового знака выделяется два и более лексических значений. При этом определяемые значения должны быть связаны между собой семантическим и историческим образом. Одним из таких образцов является слово *раз*. По происхождению слово *раз* принадлежит к разряду имен существительных, которые в свою очередь сложились от глаголов праславянской корневой единицы. Исходно **razь* в значении «удар», связано чередованием гласных с глаголом *рэзати* [4, с. 432]. На современном этапе развития языка такие слова являются непроизводными, их внутренняя форма была утрачена. В древнерусском языке слово *раз* функционировало как существительное со значением предметности «один раз» и как глагольная приставка.

В «Словаре Академии Российской» элемент «*раз*» употребляется вместо числительного имени *один* и в сочетании с числительными для обозначения времени и числа. В словарной статье «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля преобладают наречные значения слова *раз*: например, «Раз, в крещенский вечерок, девушки гадали», здесь *раз* функционирует в значении однажды, как-то, некогда [5]. Д. Н. Ушаков указывает на разнообразие грамматических омонимов элемента *раз*: 1) в сочетании со словом, обозначающим количество, указывает на один момент или кратность, повторяемость какого-либо действия; 2) в сочетании с порядковым числительным и указательным местоимением означает случай, чего-нибудь; 4) в значении колич. слова, нескл. один (при счете). В роли подлежащего «удар, оплеуха» и сказуемого. *Раз* – наречие: однажды, когда-то; условный союз: если, когда, коль скоро (*разг.*) [9]. В свою очередь Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой тоже уделяет внимание разнообразию семантики слова *раз* и добавляет к уже существующим толкованиям значение частицы (*разг.*) при указании на внезапность наступления действия и выражении изумления какой-либо неожиданностью [6].

Приставочные образования, содержащие морфему *раз-*, эволюционировали непоследовательно. Поэтому орфографии приставки *раз-* следует отвести пристальное внимание при изучении истории русского письма.

Вновь обращаясь к лексикографическим источникам русской словесности, выясняем, что *раз* – представляет собой вариант приставки *роз-* (*рос-/розо-*) в безударном положении. Согласно этимологическому словарю М.

Фасмера, приставка *раз-* сформировалась под церковнославянским влиянием в благоприятных условиях аканья [4, с. 432].

Наличие у приставки *раз-* (*рас-*) / *роз-* (*рос-*) нескольких вариантов написания – следствие и такого фонетического явления, как полногласие. Так, старославянский вариант *раз-* (*рас-*) противопоставляется исконно восточнославянскому *роз-* (*рос-*). В соответствии с современными орфографическими нормами на месте безударного гласного мы пишем букву *a*, под ударением – *o*.

И. И. Срезневский определяет *разъ-* как предлог, употребляющийся только в сложных словах в следующих значениях: 1) дробление, деление на части, распределение (*разрезати*); 2) распространение, движение в разные стороны (*разгоняти*); 3) разнообразие действия или качества (*раскрасить*); 4) отрицание действия или качества, уничтожение действия (*разгласить*); 5) доведение действия до конца, до исполнения (*разбудить*); 6) усиление, сильную степень действия или качества (*разговориться*) [3, с. 59]. Произношение предлога *разъ* – двоякое – *разъ* и *розъ*. Написание варьируется в зависимости от того, с какой буквой начинается соединенное с предлогом слово.

Согласно В. И. Далю, *роз-/раз-* является слитным предлогом, правописание которого зависит от ударения [5]. В словарной статье фиксируются четыре лексических значения: 1) окончание действия (*разбудить*); 2) деление, обособление, разнота (*разломать*); 3) уничтожение, переделка снова (*разогреть*); 4) сильная высшая степень действия или состояния (*распрекрасный*). Как мы видим, здесь добавляется сема «переделка снова» и остаются в стороне значения движения в разные стороны и разнообразия действия или качества.

В Большом толковом словаре русского языка (БТС) С. А. Кузнецова и «Толковом словаре русского языка» Д. И. Ушакова также отмечено функционирование морфемы *раз-* в качестве глагольной приставки [7; 9]. Подчеркивается уже знакомое значение высшей степени проявления того или иного качества приставки имени существительного и имени прилагательного. Заметим, что глаголам приставка *раз-*, помимо уже известных нам значений, придает следующие: продолжение, увеличение, расширение действия (*расширить*); в комбинации с постфиксом *-ся* постепенное усиление развивающегося действия или энергичное, напряженное проявление действия (*разговориться*). Значение движения в разные стороны уточняется с помощью представленной модели *раз-...-ся* у непереходных глаголов (*разбежаться*). Сохраняется значение распространения, но для особой конкретизации присутствует сема «на всю поверхность». Добавляется значение обратного действия, которое направлено именно на уничтожение результатов предшествующего (*размотать*). Отмечается, что глагольная приставка служит для образования совершенного вида (*рассмешишь*).

«Толковый словарь» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [8] фиксирует факт образования имен существительных со значением разделения и расхождения (*разводье*), отличным от вышеуказанных.

Рассмотрев семантическую структуру элемента *раз* в русском языке, обратимся к процессу формирования особенностей его правописания.

Написание элемента «*раз*» именно как приставочного элемента регламентируется орфограммой «Правописание приставок на -з/-с». В свою очередь орфография приставок на -з/-с на протяжении всего исторического сложения орфографической системы отличалась своей нестабильностью и неоднородностью.

На современном этапе изучения русского языка написание приставок на -з/-с регламентируется следующим правилом: в приставках на -з/-с перед звонкими согласными пишется з, а перед глухими - с; например, *разбудить*, *растисание*. Однако был период, когда данная орфограмма относилась к дискуссионным вопросам правописания.

Написание исконно безъеровых приставок на -з является результатом долговременного процесса становления правописного узуса под влиянием отличительных лингвистических тенденций и существующих принципов орфографии.

По сравнению с остальными приставками с ером на конце древнейшая орфография префиксов на -з отражала действие таких фонетических процессов, как нейтрализация фонем по глухости/звонкости на стыке приставок без ера со следующей морфемой на согласный, замена свистящих перед шипящими, и выкидка звука или слога в группах согласных (диэреза) или добавление одного или нескольких звуков в единицу языка (эпентеза). Перечисленные явления, безусловно, отражались в языковой практике написания. Так, произношение, устоявшееся в дописьменный период, как известно, передавало основные ассимилятивные процессы устной речи. С течением времени написание приставок на -з склоняется к сохранению единообразия морфемы. В XIV веке отмечается популярность тенденции написания лексем согласно фонематическому принципу, которые, вместе с тем, граничат не только с фонетическими и традиционными написаниями, как, например, в словах *бессѣмени* и *бессловесно* соответственно, но и со спорными случаями, например, в слове *бесчислено*, когда ассимиляция по мягкости и месту образования уже не передается.

Первые очертания правила приставок на -з/-с были изложены в «Российской грамматике» 1775 г. М. В. Ломоносов писал, что предлоги, которые из согласных з и с составляются, из сего правила должно выключить, ибо древнее их употребление к тому принуждает. Чтобы употреблять с, невзирая ни на мягкость, ни на твердость следующих согласных, то должно писать *исбытокъ*, *раскрыть*, *восбраняю*. Положим, чтобы вместо с была всегда з, то принуждены будем писать: *зколачиваю*, *зтекаю*, *изстребляю*, *возкресение*. Но, видя коль странно и дико сие кажется перед *избытокъ*, *разрыть*, *возбраняю*, *сколачиваю*, *стекаю*, *истребляю*, *воскресение*, мне кажется, должно признаться, что для привычки перед мягкими з, воз, из, раз, перед твердыми с, вос, ис надлежит оставить [2, с. 58]. Следовательно, правило

носило рекомендательный характер и позволяло языковым носителям писать слова с приставками на *-з/-с* по их желанию и усмотрению.

Проводимая уже в 1917–1918 гг. реформа русской орфографии заключалась в изменении ряда правил русского правописания, помимо остальных положений вводила избирательное написание приставок на *-з/-с* перед глухой и звонкой согласной. Данное упорядочение приводило к современному правописанию орфограммы.

Если еще до орфографической реформы написание приставок на *-з/-с* характеризовалось единообразным написанием, сторонником чего являлся Я. К. Грот [1, с. 260], то с принятием реформы выбор финальной гласной стал зависеть от последующей согласной, ее звонкости или глухости.

Хотя Я. К. Грот и говорил об установке написания данных тогда еще предлогов в соответствии с этимологическими особенностями, в его грамматических трудах 1876 и 1885 гг. написание *-с* перед глухой согласной приставок *воз-, из-, низ-, раз-* и передача приставок *без- и чрез-* всегда с *-з* являлись утвержденными.

Цель орфографической реформы заключалась в упрощении русской орфографии. Однако несмотря на такую установку, правило касательно написания приставок на *-з/-с*, наоборот, усложнилось. Тенденция фонематического написания приставок на *-з* существовала во всем своем многообразии, но в последующие десятилетия уступила древней орфографической традиции. Окончательно норма написания орфограммы приставок на *з/-с* утвердилась в своде правил 1956 года.

Таким образом, изучение особенностей элемента «раз» в русском языке позволяет более глубоко использовать прием исторического комментирования на уроках русского языка, обеспечить сознательное и эффективное усвоение лингвистического материала в рамках образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне // Филологические разыскания. Т. 2. СПб., 1876. С. 260.
2. Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб. : Имп. АН, 1755. 216 с.
3. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Р С. СПб. : Отд-ние рус.яз. и словесн. Имп. АН, 1912. С. 59.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1987. 832 с.
5. *Gufo.me* – коллекция словарей и энциклопедий. Толковый словарь Даля [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://gufo.me/dict/dal/>
6. *Gufo.me* – коллекция словарей и энциклопедий. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://gufo.me/dict/efremova/>
7. *Gufo.me* – коллекция словарей и энциклопедий. Толковый словарь Кузнецова [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://gufo.me/dict/kuznetsov/>
8. *Gufo.me* – коллекция словарей и энциклопедий. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://gufo.me/dict/ozhegov/>
9. *Gufo.me* – коллекция словарей и энциклопедий. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://gufo.me/dict/ushakov/>

КОНВЕРСИЯ В НЕМЕЦКОМ ИДИОЛЕКТЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

Санкт-Петербургский государственный университет,
Г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Обширный запас немецкой лексики составляет основу языковой личности Ломоносова. Тексты ученого на немецком языке содержат многочисленные примеры конверсии, т. е. словообразования без изменения основы, а также без использования аффиксов, соединительных морфем или иных словообразовательных средств. Немалая часть этих примеров связана с этикетными формами, характерными для личной и служебной переписки. В идиолекте Ломоносова также находит отражение характерная особенность конверсии в немецком языке XVIII в. – парное использование конвертатов; оно может быть как контактным, так и дистантным. Отдельные случаи конверсии в немецкоязычной переписке Ломоносова реализуют экспрессивный потенциал, свойственный данному способу словообразования.

Ключевые слова: идиолект, языковая личность, немецкий язык, лексикография, словообразование, конверсия, Ломоносов.

1. Предварительные замечания

Идиолект как совокупность индивидуальных характеристик речи того или иного индивида включает в себя не только специфические особенности словарного запаса и построения фраз на родном языке, но и затрагивает сферу использования неродного языка. Данное обстоятельство в полной мере относится к идиолекту М. В. Ломоносова, прекрасно владевшего, кроме родного русского, также латинским и немецким языками.

Основную долю характерных черт идиолекта составляет словарное богатство речи индивида. Именно в словарном многообразии находит свое воплощение языковая личность человека. Известный немецкий исследователь П. Хоффманн, оценивая языковое творчество Ломоносова, особо выделил такие его черты, как «необычайно богатый словарный запас» (*einen ungewöhnlich breiten Wortschatz*) и «превосходное чувство языка» (*ein exzellentes Sprachgefühl*) [7, с. 107].

Материалом для настоящего исследования послужили тексты Ломоносова на немецком языке, зафиксированные в Полном собрании сочинений ученого. Немецкие тексты Ломоносова – это разнообразные по своему объему и жанру речевые произведения: личные и деловые письма, обращенные к конкретным историческим личностям, а также служебные и деловые документы (рапорты, отчеты, записки, рабочие журналы и т.п.). (Подробнее об источниках, характере и языке немецких текстов Ломоносова см. [4]). Эти тексты являются документальным свидетельством искусного владения российским ученым-просветителем письменной коммуникацией на немецком языке.

По мнению немецких лексикографов, термин «словообразование»

(*Wortbildung*) вошел в лингвистический обиход только в последней трети XVIII в. Наиболее употребительными обозначениями данного понятия являются «образование или формирование слов» (*Bildung oder Formirung von Wörtern*) и «этимология» (*Etymologia*). При этом сам термин «этимология» имплицитно подразумевает наличие стертой границы между диахронически ориентированной этимологией и синхронически ориентированным словообразованием Ср.: «*Der Terminus Wortbildung erscheint allerdings erst ab dem letzten Drittel des 18. Jahrhunderts. Gängige Bezeichnungen sind Bildung oder Formirung von Wörtern und Etymologia. In der Verwendung der Bezeichnung Etymologia wird die Verwischung der Grenzen zwischen diachron orientierter Etymologie und synchron orientierter Wortbildung deutlich*» [8, с. 1470].

В германистике признается, что основными способами словообразования в немецком языке являются словосложение (*Zusammensetzung, Komposition*), эксплицитная аффиксация / деривация (*explizite Derivation*), имплицитная деривация (*implizite Derivation*), конверсия (*Konversion*) и сокращение структуры слова (*Abkürzung, Kürzung*) [3, с. 84–85]. В немецких текстах Ломоносова представлены практически все вышеназванные способы словообразования – к примеру, производные словоформы в виде субстантивных композитов (*Abendessen, Admiralitäts-Academie, Glaskunst, Sprachmeister* и т.д.), дериватов (*allerley, beständig, Bestrafung, Gelegenheit, nämlich, vermehren* и т.д.), сокращений (*Nürnb. – Nürnberg, R. thaler – Reichsthaler, u.d.g. – und dergleichen, S. Exc. – Seine Excelenz* и т.д.).

Настоящее исследование посвящено особенностям конверсии как способа применения в тексте слов лексикона без какого-либо использования словообразовательных средств. Ср.: «Под конверсией (*Konversion bzw. Wortartwechsel*) понимается словообразовательный процесс, при котором не происходит какого-либо изменения словообразовательной основы и не используются словообразовательные средства: аффиксы, соединительные морфемы, изменение огласовки корня (*Schießen – Schuss*) и т.д.» [3, с. 96]. Цель исследования состоит в выявлении и лексикографическом анализе особенностей словообразовательной конверсии на материале немецких текстов Ломоносова.

Исследование проводится при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-012-00636 «Словарь языка М. В. Ломоносова (немецкий язык)» (руководитель К. А. Филиппов).

2. Конверсия в немецких текстах Ломоносова

Необходимо отметить, что явление конверсии не было чем-то абсолютно новым в немецком языке XVIII в. В грамматике И. К. Готшеда *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst* (1748) конверсии как одному из способов словообразования имен существительных отводится целый раздел: «§ 127. Помимо этих композитов, немецкий язык образует множество существительных из других частей речи, причем без добавления существительного: напр. *ein Taugenicht, ein Gernegroß, ein Nimmersatt*; и то, что ино-

гда морализирующие и сатирические писатели привыкли делать из таких новых сочетаний, которые нередко не оказываются неправильными. Глаголы в своей неопределенной форме (*modus infinitivus*), как по отдельности, так и в сочетании, выделяют такие существительные; как *das Daseyn, das Nachtreten, das Spotten* или *Verspotten, das Schlafen und Wachen, das Essen und Trinken, das Gehen und Stehen, Reiten und Fahren* и так далее. Эти последние весьма обычны, особенно если под рукой нет существительных, которые обозначают то же самое, что *das Liegen, das Schmiegen, das Leihen* и т.п.» (127. §. *Außer diesen Zusammensetzungen bildet die deutsche Sprache noch viel Hauptwörter, aus andern Redetheilen, so daß kein Hauptwort dazu kommt: z. E. ein Taugenicht, ein Gernegroß, ein Nimmersatt; und was bisweilen moralische und satirische Scribenten für solche neue Verbindungen, die zuweilen nicht unrecht gerathen, zu machen pflegen. Auch geben die Zeitwörter in ihrer unbestimmten Art, (modus infinitivus) sowohl einzeln, als zusammengesetzt, solche Hauptwörter ab; als das Daseyn, das Nachtreten, das Spotten, oder Verspotten, das Schlafen und Wachen, das Essen und Trinken, das Gehen und Stehen, Reiten und Fahren, u. s^ow. Diese letztern sind nun sehr gewöhnlich, sonderlich wenn man keine Hauptwörter hat, die eben das bedeuten; als das Liegen, das Schmiegen, das Leihen, u. dergl. m.*) [6, с. 142] (перевод – К. Ф.).

Конверсия как один из способов словообразования обладает немалым экспрессивным потенциалом. Выразительные возможности конверсии можно обнаружить, например, в остроумном объяснении Готшеда разницы между грамматикой (*Sprachkunst*) и риторикой (*Redekunst*), составлявшими вместе с логикой (*Logik*), как известно, первую часть семи свободных искусств – тривиум. По мнению Готшеда, грамматикой (как и ходьбой) пользуется любой необученный человек, в то время искусству риторики (как и искусству танца) приходится учиться долгие годы. Ср.: «*Indessen ist sprechen und reden zweyerley; so wie die Sprachkunst und Redekunst unterschieden sind. Das erste kann jeder, der nicht stumm ist: das zweyte nur der, so es durch Regeln und Uebung gelernet hat. Es ist somit, die mit dem **Gehen und Tanzen***» [5, с. 3] (выделено нами – авт.).

Всего в немецком материале Ломоносова были зафиксированы 26 различных конвертатов (лексем, образованных в результате конверсии, ср.: *Konvertat* – „*Bezeichnung für Wortbildungsprodukte, die ohne Beteiligung von Wortbildungsaffixen durch Konversion gebildet wurden*“ [9, с. 369]), причем 21 из них встретилась в текстах только один раз, ещё пять были зафиксированы два и более раз (в том числе в разных словоформах одной и той же лексемы). Особо следует заметить, что в пяти случаях конвертаты получили также словоизменятельный суффикс –s как показатель косвенного падежа (генитива).

Большинство случаев конверсии в немецких текстах Ломоносова так или иначе связано с обучением Ломоносова (вместе с двумя другими российскими студентами – Д. И. Виноградовым и Г.-У. Райзером) в Германии

в период 1737–1741 гг. Текстологический анализ хронологии появления подобных примеров в немецких текстах Ломоносова показывает, что первые случаи конверсии зафиксированы в двух рапортах об учебных занятиях в Марбурге, направленных Ломоносовым в Академию Наук и датированных 1737 и 1738 гг., а также в письмах, адресованных разным лицам во время его обучения в Германии.

В рапорте от 1737 г. зафиксирован только один случай конверсии; ср.: *Ich Michael Lomonosoff und ich Demetrius Winogradoff haben bis auf den April in der deutschen Sprache, Arithmetick, Geometrie und Trigonometrie Unterricht genossen, und vom May-Monath die Frantzösische Sprache und **das Zeichnen** angefangen* [1, с. 362]. Перевод А. И. Доватура: Я же, Михайло Ломоносов, и я, Дмитрий Виноградов, до апреля месяца брали уроки немецкого языка, арифметики, геометрии и тригонометрии, а с мая начали учиться французскому языку и **рисованию** [1, с. 363] (здесь и далее перевод немецких текстов Ломоносова на русский язык приводится по Полному собранию сочинений ученого – авт.).

Затем в рапорте об учебных занятиях в Марбурге от 1738 г. Ломоносов вновь использует конвертированную лексему *Zeichnen* (рисование); ср.: *Ich habe mich auch biß dato **in dem Zeichnen** von 10 biß 11 des Morgens exerciret* [1, с. 368]. Перевод А. И. Доватура: До сих пор я по утрам, от 10 до 11 часов, упражнялся также в **рисовании** [1, с. 374]. Затем в списке расходов он последовательно употребляет две лексемы: *dem Barbier für Rasiren und Aderlassen* [1, с. 369] Перевод: Цирюльнику за **бритье и кровопускание** [1, с. 374].

Точно так же в письмах Ломоносова из Германии присутствуют полученные путем конверсии лексемы, связанные с описанием тех или иных деталей учебной практики; ср., например, оценку своего первого опыта письменного обращения к высокопоставленному адресату (*mit meinem schlechten Schreiben*) или упоминание научного руководителя российских студентов в Марбурге Хр. Вольфа (*auf Anrathen des Herrn Regierungs-Rath Wolf[ff]*) в письме И.-А. Корфу от 9 ноября 1737 г.: *Es Excellenz werden nicht ungnädig deuten, daß ich Denselbigen die mit so viel grossen Affairen beschäftiget, **mit meinem schlechten Schreiben** beschwehrlich falle. <...> Weil aber diejenige Bücher vor der Oster-Messe nicht zu bekommen sind, und die Winter-Zeit nicht bequem gewesen die Berg-Werke zu besehen, wo wir die Ertzen zur besseren Erkän[n]tniß des mineralischen Reichs anschaffen könnten, so haben wir dieses **auf Anrathen des Herrn Regierungs-Rath Wolf[ff]** auf folgende Sommer ausgesetzt* [1, с. 418]. Перевод Т. Н. Кладо: Благоволите, ваше превосходительство, милостиво извинить, что я, при множестве ваших важных занятий, утруждаю вас **своим плохим писанием**. <...> Но так как книг этих нельзя добыть раньше пасхальной ярмарки, а зимнее время неудобно для посещения рудников, где мы могли бы достать руды для лучшего познания минерального царства, то мы **по совету** г. регирунгсрата Вольфа отложили это до будущего лета [1, с. 419].

Другим источником примеров может служить пространное письмо Ломоносова И.-Д. Шумахеру от 5 ноября 1740 г., в котором зафиксированы более десяти случаев конверсии (в связи с большим объемом примеров мы ограничиваемся минимальным контекстом, необходимым для понимания цитат); ср.: *mehr Erbahrmen[s] als Straffens* ‘более заслуживающим сострадания, чем наказания’; *mein Verbrechen* ‘мой проступок’; *zu langem Ausbleiben* ‘вследствие длительного непоступления’; *ich bin des festen Vertrauens* ‘я твердо надеюсь’; *ohne Ansehen der Person* ‘без лицепрятия’; *mit Grämen u[nd] Argern* ‘с горем и досадой’; *das Probieren* ‘пробирное искусство’; *zu meinem größeren Mießvergnügen* ‘к крайнему своему огорчению’; *meines Bittens* ‘моей просьбы’ (см. [1, с. 421–431]).

Любопытный случай конверсии глагола *prahlen* (хвастать) представлен в письме Ломоносова Д. Ф. Михаэлису от 4 декабря 1740 г. В этом письме Ломоносов сначала использует лексему *prahlen* в своей изначальной категориальной (глагольной) форме, после чего прибегает к конвертации глагола в существительное как к способу дать обобщающую характеристику поведения человека. Ср.: ... *ich traue mehr keinem Laboranten, insonderheit denen die zu viel **prahlen**; welches ich mit meinen eigenen Schaden gelernet.* <...> *Der Bergrath Henkel, deßen **Prahlen** u hönische Nase-weißheit der gelehrten Welt bekant ist, hat nicht viel beßer ausgerichtet u nur fast mit lehrem Geschwätze mich der Zeit beraubet* [2, с. 11]. Перевод В. Л. Чеканала: ... я не доверяю никакому другому лаборанту, особенно тем, которые слишком много **хвастают**; этому я научился на собственном горьком опыте. <...> Горный советник Генкель, чье **хвастовство** и высокомерное умничанье известны всему ученому миру, делал это не лучше и похитил у меня время почти одной только пустой болтовней [2, с. 11].

Следующие случаи конверсии связаны с этикетными формами, характерными для личной и служебной переписки. Эти примеры охватывают не только период пребывания Ломоносова в Германии, но время его деятельности в Академии наук.

Примечательной можно считать стандартную этикетную фразу, завершающую письмо Ломоносова из Марбурга И.-А. Корфу от 4 сентября 1737 г. Ср.: *U[e]brigens ergeth an Ew. Ex[c]ellentz **mein demütiges Bitten**, Dieselben wollen gütigst denjenigen mit Dero fernere hohe Gnade erfreuen, der dafür mit geziemender Hochachtung und schuldigster Ehrerbittung biß in Todt verharret Ew. Hochgebohrnen Excellentz unterhänigster Diener Michael Lomonosoff* [1, с. 415–416]. Перевод Т. Н. Кладо: Засим обращаюсь к вашему превосходительству **с нижайшей просьбой** благосклонно удовольствоваться и впредь вашей высокой милостью того, кто со своей стороны с подобающим уважением и достоюлжною почтительною покорностью до смерти пребывает вашего превосходительства всепреданнейшим слугою Михайло Ломоносов [1, с. 416].

Такие формулировки постоянно встречаются в письмах Ломоносова разных лет, как, например, в письме И. Д. Шумахеру от 1 мая 1745 г.; ср: *Ich*

lebe des festen Vertrauens, daß Ew. Wohlgebohren werden mein unterthüniges und gehorsamstes Ersuchen nicht fruchtloss bleiben laßen, sondern vielmehr zu meiner Beförderung mit einer baldigen Resolution zu helfen geruhen [1, с. 434].
Перевод Т. Н. Кладо: Я остаюсь в **твердой уверенности**, что ваше благородие не оставите **мою нижайшую и покорнейшую просьбу** без последствий, а, напротив, соблаговолите помочь моему повышению скорой резолюцией [1, с. 435].

Одной из характерных особенностей конверсии в немецком языке XVIII в. можно считать парное использование конвертатов. В упомянутых выше (см. с. 3) цитатах из учебников грамматики и риторики Готшеда приводится несколько примеров такого парного применения; ср.: *Schlafen und Wachen, Essen und Trinken, Gehen und Stehen, Reiten und Fahren, Gehen und Tanzen*. В немецких текстах Ломоносова также регулярно встречаются подобные случаи; ср.: *für Rasiren und Aderlassen, mehr Erbarmen[s] als Straffens, mit Grämen u[nd] Argern*. В данном случае мы имеем дело с контактным порядком следования слов, но аналогичным случаем можно признать также дистантное расположение конвертированных лексем в стереотипных завершающих формулировках в письмах, типа *Ich bin des Vertrauens, dieselben werden mein gehorsamst **Ersuchen** nicht verwerfen. Dero gehorsamster Diener M. Lomonosoff* [2, с. 11]. Перевод В. Л. Чеканала: Пребываю в **надежде**, что Вы не откажете мне в **моей покорной просьбе** [2, с. 11].

Отдельно мы хотим остановиться на двух случаях конверсии, заметно отличающихся от уже рассмотренных выше.

В обширном письме Ломоносова И. Г. Гмелину от 1 октября 1748 г. наряду с другими случаями синтаксической конверсии (*Antwort-Schreiben, Versprechen (2), Verfahren, Verbrechen, Belieben*) содержится примечательный композит *Hierseyn*, сочетающий себе два способа субстантивного словообразования, а именно словосложения по модели $N \rightarrow Adv + V$ и синтаксической конверсии. Ср.: *Sie werden ein beständig nagendes Gewißen haben und allen Ruhm gantz und gar verlieren, den Sie bey Ihrem **Hierseyn** erlangen könnten, endlich werden Sie in der äußersten Gefahr und in einem von allen Seiten her zudringenden Elende leben* [2, с. 13]. Перевод Г. А. Лихачевой: Вас всегда будет мучить совесть, Вы потеряете всю Вашу славу, которую Вы приобрели **здесь у нас**, и будете жить в конце концов в вечном страхе и бедности, которые будут окружать Вас со всех сторон [2, с. 13].

Удивительно, что аналогичный случай комбинации словосложения и конверсии в композите *das Daseyn* приводит Готшед в своей грамматике *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*, причем с единственной разницей в использовании вместо локального наречия *hier* (как у Ломоносова) синонимичного наречия *da* (см. цитату в тексте выше с. 3).

Следующий примечательный пример конверсии при совмещении с другой моделью субстантивного словообразования мы зафиксировали в письме Ломоносова графу К. Г. Разумовскому от 12 июля 1748 г. Это письмо

примечательно тем, что сначала оно было написано на русском языке и затем самим Ломоносовым было переведено на немецкий язык. Ср.: «Ваше сиятельство чрез особливую е. и. в. к вам высочайшую милость имеет случай в рассуждении сего сделать два великие дела, то есть, исходатайствовав нам ранги, умножить в российском народе почтение и охоту к наукам, а себе тем приобрести вечную славу» [1, с. 458]. ⇔ *Еw. Ex. durch die besondere Ihro M. gegen dieselben Allerhöchsten Gnade haben die Gelegenheit zwey große Thaten inansehung dieses ins Werk zu stellen, nähmlich durch die Auswirkung des uns zugehörigen Rangs die Beehrung und Lust zu den Wießenschafften in der Reußischen Nation zu vermehren, **Sichselbsten** aber einen ewigen Ruhm zu erwerben* [1, с. 459].

Таким образом, при переводе на немецкий язык Ломоносов в качестве эквивалента возвратного местоимения себе употребил окказиональную субстантивированную форму *Sichselbsten* вместо более традиционного *sich selbst*, которое также можно найти в его корреспонденции, ср. вышеупомянутое письмо Гмелину: *Jedoch wann Sie Sich ernstlich vorgenommen haben, weder Schand noch Gewißen mehr zu haben, und nicht nur die Ihnen in Rußland wiederfahrne Gut-haten, Ihr Versprechen, contract, Eyd, sondern auch **Sich Selbst** zu vergeßen: So belieben Sie ohngesäumt mir vor meinen Theil einen Wechsel von 357½ Rub. zu schicken, und alle Schriften und Zeichnungen dem H. Prof. Krafft rein abzugeben, so bald die Academie Ihme befehlen wird, selbige entgegen zu nehmen* [2, с. 13]. Перевод Г. А. Лихачевой: Однако же, если Вы серьезно решили не иметь ни стыда, ни совести и забыть благодеяния со стороны России, Ваше обещание, контракт, клятву и **самого себя**, то постарайтесь прислать причитающиеся мне 357½ рублей и все работы и зарисовки передать профессору Крафту, как только Академия прикажет ему получить их [2, с. 15].

3. Заключение

Изучение немецкоязычного наследия Ломоносова показывает, что большинство примеров конверсии представлены в его личной и служебной переписке. Наиболее ранние из них приходятся на период пребывания ученого в Германии с 1737 по 1741 гг. Анализ контекстов, в которых наблюдаются случаи словообразования при помощи конверсии, позволяет сделать следующие обобщающие наблюдения:

- наибольшее количество случаев конверсии приходятся на завершающую часть писем, носящую явно выраженный стереотипно-этикетный характер;
- одной из характерных черт текстового использования конвертированных лексем является парный (как контактный, так и дистантный) характер дистрибуции;
- в отдельных случаях можно говорить о проявлении творческого подхода Ломоносова к использованию конверсии как эффективного стилистического приема.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 10. Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 935 с.
2. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 11, дополнительный, справочный: Письма. Переводы. Стихотворения. Указатели. Л. : Изд-во АН СССР, 1983. 424 с.
3. *Нефедов С. Т.* Теоретическая грамматика немецкого языка : Морфология : учебник. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 354 с.
4. *Словарь немецкого языка М. В. Ломоносова: Научный проспект словаря* / С. С. Волков, Л. Н. Григорьева, К. В. Манёрова, М. В. Корышев, А. К. Филиппов, К. А. Филиппов; отв. ред. С. С. Волков, К. А. Филиппов; отв. секр. А. К. Филиппов. СПб. : Наука, 2019. 96 с.
5. *Gottsched, J. Chr.* Akademische Redekunst, zum Gebrauche der Vorlesungen auf hohen Schulen als ein bequemes Handbuch eingerichtet und mit den schönsten Zeugnissen der Alten, erläutert von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig: Breitkopf, 1759. 416 S.
6. *Gottsched, J. Chr.* Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst. Nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst. Leipzig: B. Chr. Breitkopf, 1748. 544 S.
7. *Hoffmann, P.* Michail Vasil'evič Lomonosov (1711–1765). Ein Enzyklopädist im Zeitalter der Aufklärung. Frankfurt a. M.; Berlin; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2011. 298 S.
8. *Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts* / Gerda Haßler / Cordula Neis. Band 2. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. 1880 S.
9. *Metzler Lexikon Sprache* / H. Glück, M. Rödel (Hrsg.). 5. Aufl. Stuttgart: J. B. Metzler Verlag, 2016. 814 S.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

Лотфуллина А. Н.

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ ПОПОЛНЕНИЯ ГРУППЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ PLURALIA TANTUM В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности существительных группы pluralia tantum, отмечаются основные способы пополнения данной группы слов в современном русском языке. Приводятся различные точки зрения ученых по теме, описывается процесс лексикализации форм множественного числа. Особое внимание уделяется значениям множественного числа имен существительных, на основе которых происходит лексикализация форм. Произведен анализ научной и художественной литературы на основе данных Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: существительные, категория числа, pluralia tantum, лексикализация.

Морфологическая категория числа имен существительных в современном русском языке выражается как система двух форм – единственного и множественного числа, – противопоставленных друг другу. Кроме данного противопоставления, существуют группы существительных singularia tantum и pluralia tantum, имеющие формы только единственного числа и только множественного числа соответственно.

В рамках исследования мы рассмотрим способы образования существительных группы pluralia tantum в современном русском языке. «Русская грамматика» (1980) отмечает, что данные существительные одновременно противостоят и существительным singularia tantum, и существительным с полной парадигмой в единственном числе [15, с. 471–472]. В. В. Виноградов в работе «Современный русский язык. Грамматическое учение о слове» утверждал, что эти формы не всегда соотносятся друг с другом и являются обособленными, так как между ними существуют семантические различия [5, с. 89]. Согласно мнению А. А. Реформатского, существительные групп singularia tantum и pluralia tantum и вовсе стоят вне грамматической категории числа [14, с. 391]. Данное суждение опровергается А. А. Зализняком, в модели которого существительные группы singularia tantum имеют потенциально полную парадигму, у исчисляемых существительных pluralia tantum можно наблюдать омонимию форм единственного и множественного числа, и неисчисляемые существительные pluralia tantum также наделены потенциально полной парадигмой [8, с. 58]. Целесообразно отметить, что

русский язык постоянно развивается и пополняется не только новыми словами, но и новыми грамматическими формами, и разряд существительных *pluralia tantum* не является исключением.

Категория множественного числа, по мнению В. В. Виноградова, «сильная, многознаменательная категория», поэтому образование новых *pluralia tantum* не вызывает особых затруднений [5, с. 89]. К. С. Аксаков считал, что это связано «склонностью человека видеть во множественном ... как бы новое имя» [2, с. 106]. Л. А. Брусенская же отмечала, что нечто, выделенное из множества, во многих случаях не может репрезентовать это множество в целом, что ведет в первую очередь к лексикализации единственного и множественного числа, а после к непрерывному пополнению группы *pluralia tantum* [4, с. 12].

Главным источником образования новых существительных *pluralia tantum* является лексикализация форм множественного числа, т. е. обособление формы слова на основе семантики. Впервые данную гипотезу выдвинул А. А. Потебня и классифицировал значения множественного числа (отличительных от значения количественной множественности), которые и выступают основанием для образования новых слов. Учёный выделял: а) множественное сложных вещей; б) множественное делимого вещества; в) множественное гиперболическое; г) множественное времени; д) множественное места; е) множественное состояния [12, с. 1]. В работах О. Н. Ляшевской же можно увидеть «множественное видовое» для названий свойств и веществ и «множественное эмфатическое» для веществ и пространственных обозначений. Эти значения, как подмечает учёный, являются лексически связанными, а именно возможными только при определенных разрядах существительных [10, с. 18].

Богатый материал для исследования дает работа «Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование)» В. И. Дегтярева. В своем труде он утверждает, что лексикализация – это сложный процесс, который основывается на когнитивных процессах, творческой деятельности мышления. При лексикализации происходит осмысление множества в совокупность, определенную целостность. В ходе исследования В. И. Дегтярев выявил четыре основных значения множественности: а) собирательность; б) обобщенность; в) неопределенность; г) интенсивность [6, с. 263].

В. В. Виноградов в работе «Современный русский язык. Грамматическое учение о слове» остановился в основном на значении собирательности как на источнике образования новых *pluralia tantum* и представил свою обширную классификацию, где выделил: 1) такие слова, как дети, люди, народные массы; 2) масса вещества; 3) интенсивность; 4) многосоставный предмет; 5) метонимия по модели шуба, мех – животное во мн. числе; 6) промежуток времени; 7) место пространственно тянущейся массы; 8) состояние; 9) занятие, профессия с предлогом в; 10) сложное действие; 11) сорта, виды вещества [5, с. 98–99].

Однако мысль о главенствующей роли значения собирательности в

образовании *pluralia tantum* не нова. В. В. Виноградов основывался на рассуждениях М. Брауна, использовавшего метод синхронного семантического описания для своего анализа [6, с. 261].

И. И. Ревзин придерживался другого мнения и считал главным компонентом значения *pluralia tantum* неопределенность. Он приводил слова А. В. Исаченко о том, что формы множественного числа выражают неопределенное множество и полностью соглашался с этим [13, с. 103].

Рассмотрим примеры лексикализации форм множественного числа на основе ранее перечисленных значений.

Абстрактные и вещественные существительные являются подвижным классом и в зависимости от текста могут быть выражены и единственным и множественным числом [4, с. 22], хотя А. В. Бондарко характеризовал их по несоотносительности по числу [3, с. 134], а Л. В. Калинина отмечала, что абстрактным, вещественным и собирательным существительным свойственна анумеральная семантика [9, с. 56].

Существительные с абстрактной семантикой во множественном числе называют проявления различных качеств, свойств, эмоциональных состояний [15, с. 462]:

Так и поступали горе-педагоги всех стран в течение многих веков: они ревностно искореняли из обихода детей эти «сумбуры и вздоры» [К. И. Чуковский. От двух до пяти (1933–1965)].

Кроме этого, для них характерно значение интенсивности:

Известно, что поэтов рождает несчастье и душевные муки, а муки у Мамурина были острее, чем у какого-нибудь другого арестанта [Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990].

Вещественные существительные *pluralia tantum* проявляются в следующих значениях:

1. сорта или виды вещества:

*Но с приходом на почту Верки Рахманихи связь посылочная стончилась, а потом и вовсе на нет сошла. Васька Рахман курил ростовские да киевские **табаки*** [Борис Екимов. На хуторе // «Новый Мир», 2002].

2. изделия из данного вещества:

*Картины, мраморные статуи, **бронзы**, дорогие игрушки, расставленные на готических этажерках, – поразили его* [А. С. Пушкин. Египетские ночи (1837)].

3. большое пространство, покрытое веществом:

*Табунятся и ласточки. Скосили **овсы**. Пожелтели сверху донизу липы, а в болотах – осины и берёзы. Было уже два лёгких морозца* [М. М. Пришвин. Кэт (1925)].

Собирательные существительные предстают самым «стойким» разрядом [4, с. 22]. Лексикализация происходит в случае метонимии, когда наименование целого переносится на содержащие его отдельные предметы. Например:

*Шинель (прославленная в литературе уже Гоголем), надевавшаяся в холодные сезоны поверх вышеперечисленных **одежд**, ох, шинель достойна отдельной песни в "Одиссее" [Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)] – имеется в виду предметы одежды.*

Еще одним способом пополнения группы pluralia tantum является заимствование, в основном из английского языка. В ходе этого процесса идет грамматическая адаптация по числу. Например, в слове nuggets уже присутствует показатель множественного числа -s, но по аналогии со словом джинсы внедряется русское окончание -ы и образуется *наггетсы*. Такое же происходит и со словами *такосы* (tacos – блюдо мексиканской кухни), *леггинсы* (leggings – штаны обтягивающего фасона), *слаксы* (slacks – брюки свободного покроя), *сникерсы* (sneakers – кроссовки), *кроксы* (cros – обувь из полимерного материала croslite).

Заметим, что категория числа также обладает экспрессивными возможностями и существительные группы pluralia tantum могут послужить способом создания комического эффекта в речи. Например: «*Все мы люди, все мы человеки*».

Слова группы pluralia tantum могут быть не только узуальными, но и окказиональными. Так, в «Грифельной оде» О. Э. Мандельштама появляется форма слова *полусонок*.

*На мягком сланце облаков
Молочный грифельный рисунок —
Не ученичество миров,
А бред овечьих полусонок.*

Из контекста можно понять, что слово стоит в форме родительного падежа множественного числа, но нужно отметить, что здесь подразумевается общий, коллективный сон овец, а значит, происходит лексикализация на основе собирательности, и слово *полусонки* – это слово pluralia tantum.

В статье О. М. Акай «Существительные Pluralia tantum как языковые лакуны» отмечается, что новые существительные группы pluralia tantum в основном относятся к субстандарту, т. е. жаргонным и просторечным словам. Например, новые слова для обозначения денег типа: *бабки, башилы, деревянные, лавэшки, ломти, ослики, покупалки, пятаки, слезы, тугрики, феники, филки, фисташки, фонарики, шайбочки, щелесты* [1, с. 268].

Однако с этой точкой зрения можно и не согласиться, ведь в «Русской грамматике» (1980) отмечается, что следует различать слова с суффиксами субъективной оценки и субстантивированные слова от существительных группы pluralia tantum. Кроме этого в данном источнике говорится, что несклоняемые существительные также не входят в группу существительных pluralia tantum [15, с. 472–473]. Например, слово *лавэ* в «Словаре русского арго» В. С. Елистратова отмечено как несклоняемое [7, с. 223]. «Все в ржавых соплях, на тачках, лопатники от *лавэ* трещат, репы красные, самодовольные» [Александр МЕШКОВ. Нагиев выгнал меня с передачи // Комсомольская правда, 2003.03.10].

В результате проведенного анализа мы установили, что слова группы *pluralia tantum* возникают в ходе лексикализации форм множественного числа, основой которых являются значения множественной собирательности, обобщенности, неопределенности, интенсивности, в ходе заимствований по уже сложившимся в языке моделям и в ходе авторского словотворчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акай О. М.* Существительные *Pluralia tantum* как языковые лакуны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. XII. № 3. С. 265–269.
2. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики. М. : Тип. Л. Степановой, 1860. 195 с.
3. *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М. : Языки славянских культур, 2005. 624 с.
4. *Брусенская Л. А.* Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. н. Краснодар, 1994. 43 с.
5. *Виноградов В. В.* Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М. : Гос. учебно-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1938. 719 с.
6. *Дегтярев В. И.* Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2014. 344 с.
7. *Елистратов В. С.* Словарь русского арго. М. : Русские словари, 2000. 696 с.
8. *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение: с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М. : Языки славянской культуры, 2002. 760 с.
9. *Калинина Л. В.* К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имён существительных // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 55–70.
10. *Ляшевская О. Н.* Семантика русского числа. М. : Издательский дом «ЯСК», 2004. 400 с.
11. *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>
12. *Потебня А. А.* Значения множественного числа в русском языке. Воронеж : Тип. В.И. Исаева, 1888. 76 с.
13. *Ревзин И. И.* Так называемое немаркированное множественное число // Вопросы языкознания. 1969. № 3. С. 102–109.
14. *Реформатский А. А.* Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1987. 264 с.
15. *Русская грамматика*: в 2 т. М. : Наука, 1980. Т. 1. 717 с.

Сагидуллина А. А.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ В СФЕРЕ МЕСТОИМЕНИЙ

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблеме грамматической омонимии в сфере местоимений. В работе рассматриваются общие положения теории грамматической омонимии, приведены примеры различных точек зрения на актуальный дискуссионный вопрос морфологии – выделение местоимений

в отдельную часть речи. Рассматривается грамматическая омонимия в сфере местоимений как следствие явления переходности – прономинализации. Особое внимание уделяется частям речи, которые служат производящей базой для процесса прономинализации. Произведен анализ художественной литературы на основе Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: местоимения, грамматические омонимы, переходность, прономинализация.

Традиционно к местоимениям относят слова, которые не называют предметы, признаки, количества и не определяют их содержания, а лишь указывают на них. Такие слова объединяются только своим значением и не имеют единых отличительных грамматических свойств: они наделяются свойствами той части речи, на которую указывают. В связи с этим существуют различные подходы к решению проблемы отнесения местоимений к самостоятельным частям речи.

Одни ученые, вслед за традиционной греко-римской грамматикой, выделяют местоимения в отдельную часть речи (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Н. И. Греч, А. Н. Гвоздев). Такой же подход представлен в учебной литературе, особенно в школьном курсе русского языка.

Ряд ученых, учитывая разнородность местоимений в плане семантики и грамматических свойств, считает, что они не составляют отдельной части речи (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, М. В. Панов). Согласно этому подходу, местоименные слова не имеют грамматических признаков особых частей речи и поэтому распределяются по другим знаменательным частям речи – имени существительному, имени прилагательному и имени числительному.

А. М. Пешковский местоимениями считал слова с предельно-отвлеченным значением, субъективно-объективного типа и включал местоимения в группу указательных слов, с меняющимся применением и с меняющимся конкретным содержанием в зависимости от субъекта, обстановки, ситуации речи. Поскольку отвлеченность нарастает, слово может превратиться в местоимение: такие слова, как *упомянутый*, *данный* и т.п. в современном русском языке являются местоимениями [6, с. 154].

Схожую точку зрения объясняет и М. В. Панов. По его мнению, местоимения не являются особой частью речи, хотя и составляют лексические группы слов с замещающим и указательным значением основы [5, с. 164].

В. В. Виноградов в своей книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1986) называет раздел о местоимениях «грамматическими пережитками». Так, рассматривая местоимения в особом разделе, В. В. Виноградов выделяет только предметно-личные местоимения, которые, с его точки зрения, сохранили грамматическое своеобразие. Он подчеркивает, что местоимения указывают на соотношение действительности и речи говорящего. По мнению академика, другие разряды местоимений «рассеяны по

разным грамматическим категориям и не образуют самостоятельного грамматического класса» [2, с. 266].

В качестве отдельной части речи в академических описательных грамматиках – «Грамматике современного русского литературного языка» (1970), «Русской грамматике» (1980) и в «Краткой русской грамматике» (1989) – выделяются только местоимения-существительные. Остальные местоименные слова авторы грамматик выделяют среди других частей речи и именуют местоименными прилагательными, местоименными наречиями, местоименными числительными.

Считается, что местоимения – закрытая, непополняемая группа слов, или пополняемая, но только за счет внутренних ресурсов. Это положение опровергает явление прономинализации [3, с. 28].

Прономинализация – это семантический способ словообразования, при котором на основе других частей речи (имен существительных, прилагательных, числительных, причастий) образуются местоимения. В этом случае производящие слова утрачивают свойственное им лексическое значение и приобретают отвлеченную семантику, а также указательную (дейктическую) функцию в предложении.

Вследствие этого в сфере местоимений возникают грамматические, или так называемые функциональные омонимы – слова, родственные по происхождению, но принадлежащие к разным частям речи и выполняющие разные синтаксические функции [1, с. 194]. Омонимичные друг другу части речи представляют собой один омокомплекс – они имеют единое звуковое и графическое оформление.

В качестве производящей базы для подобных образований могут выступать имена существительные, среди которых выделяют две группы:

1) существительные, обозначающие предмет:

вещь (в значении «нечто»), *дело* (в значении «это»), *штука* (в значении «это»), *факт* (в значении «это»), *вопрос* (в значении «это»), *явление* (в значении «это»), *предмет* (в значении «это»);

2) существительные, обозначающие лицо:

человек (в значении «кто-то»), *люди* (в значении «кто-то»), *мужчина* (в значении «он»), *женщина* (в значении «она»), *брат* (в значении «он»), *сестра* (в значении «она»).

Однако такая точка зрения критикуется многими исследователями. Например, В. Я. Кузнецов и И. Я. Сидоренко считают, что такие существительные всегда выполняют только свою основную номинативную функцию и не переходят в местоимения [7, с. 110].

Имена прилагательные и причастия также могут переходить в разряд местоимений, поскольку в их семантике наблюдается элемент указательности: *данный* (в значении «этот»), *известный* (в значении «этот»), *определенный* (в значении «тот»), *последний* (в значении «тот»), *следующий* (в значении «этот»), *отдельный* (в значении «некоторый»), *целый* (в значении

«этот»). Следует отметить, что при переходе прилагательных в разряд местоимений, первые утрачивают свои грамматические свойства: теряют способность иметь степени сравнения, зависимые слова и способность сочетаться с наречиями степени. Причастия же при переходе в разряд местоимений теряют свои глагольные признаки.

Существуют также случаи перехода числительного в местоимение, особенно это проявляется в случае использования числительного *один* (в значении «некто», «некоторый»).

Подобные случаи прономинализации широко представлены в произведениях русской классической литературы. Для анализа этого явления обратимся к Национальному корпусу русского языка. Национальный корпус русского языка – это информационно-справочная система, в которой собраны русские тексты. Данные этой системы дают материал для исследования различных языковых единиц, в нашем случае – явления прономинализации [4].

Примеры перехода имен существительных в местоимения:

О, хороший закон – это великая вещь! [А. Н. Толстой. Петр Первый. Книга первая (1930)].

Наука есть дело великое, но всего человека она не удовлетворит [Ф. М. Достоевский. Из записных тетрадей (1876)].

Дело было вечером, делать было нечего [С. Михалков. А что у вас? (1951)].

Вдруг говорят мне: человек вас спрашивает [И. С. Тургенев. Записки охотника (1852)].

Вслед за властью за советской, / Вслед за фронтом шел наш брат [А. Твардовский. Василий Теркин (1942)].

Примеры перехода имен прилагательных в местоимения:

Никто не дерзал отказываться от его приглашения, или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское [А. С. Пушкин. Дубровский (1833)].

Во-первых, на это существует жизненный опыт; а, во-вторых, доложу вам, изучать отдельные личности не стоит труда [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)].

– В *последний* раз я была здесь еще девочкой, лет десять назад [А. П. Чехов. В родном углу (1897)].

Примеры перехода имени числительного в местоимения:

Итак, в одном департаменте служил один чиновник [Н. В. Гоголь. Шинель (1842)].

Один сидел у реки спиной к костру [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)].

Достаточно сказать только, что есть в одном городе глупый человек, это уже и личность [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)].

Помимо произведений художественной литературы, в которых проно-

минализация выполняет экспрессивно-эмоциональную функцию, она широко распространена в официально-деловой и научной сфере:

***Настоящий** документ подтверждает право собственности.*

В данной статье рассмотрены основные положения современной социальной теории.

В русском языке также можно встретить обратное прономинализации явление – переход некоторых местоимений в другие части речи. В этом случае местоимения утрачивают свою главную функцию – указательную (дейктическую) – и приобретают признаки других частей речи.

Например, в роли существительных могут выступать такие местоимения: *мои, наши, сам, тот, этот, ничья* и др.:

*Главное, нашелся. А как **мои** тут без меня?* [М. М. Роцин. Спешите делать добро (1979)].

*Через несколько дней **наши** здесь будут, попомнишь мое слово!* [А. А. Фадеев. Молодая гвардия (1943-1951)].

*Футбол свели на **ничью**, а волейбол, борьбу и перетягивание каната проиграли* [В. И. Аблазов. Дневник (1981)].

*Видно, **тот** был в самом деле хорош: растрёпанный, растёгнутый, башмаки без шнурков* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)].

Местоимения могут переходить не только в другие знаменательные части речи, но и в служебные (частицы и союзы):

*Он сказал, **что** знать не хочет о ее существовании, но вперед предупреждает ее, чтобы она не смела попадаться ему на глаза* [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867-1869)].

*– Должно быть, теперь **какие** цветы у вас, **какой** рай!* [Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома (1862)].

Таким образом, вопрос об отнесении местоимений к самостоятельным частям речи остается дискуссионным, так же как и явление прономинализации. В ходе исследования мы установили, что грамматические омонимы в сфере местоимений возникают вследствие процесса прономинализации – перехода других частей речи в разряд местоимений. На основе примеров, взятых из художественных текстов, видно, что грамматические омонимы местоимений довольно широко распространены в русском литературном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка : Монография. М. : Дрофа, 2000. 640 с.
2. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Отв. ред. Г. А. Золотова. М. : Высш. шк., 1986. 640 с.
3. *Корнеева Т. А.* Переходные явления в грамматике : учеб пособие. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2019. 68 с.
4. *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/>
5. *Панов М. В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред.

Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. М. : Языки славянской культуры, 2004. 568 с.

6. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М. : Учпедгиз, 1956. 511 с.

7. *Ушакова Л. И.* Современный русский язык. Морфология: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений по спец. «Филология». Белгород : Изд-во Белгород. гос. ун-та, 1999. 284 с.

Фадеева Л. В.

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

*Институт развития образования Омской области,
г. Омск, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются словообразовательные возможности современного немецкого языка на примере сложных глаголов. Подробно описываются структурные особенности, взаимоотношения компонентов сложных глаголов и их семантика. Особое внимание уделяется многообразию взглядов на природу сложного глагола.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательное значение, словосложение, глагольное словосложение, семантика.

Человек является центром мироздания. Все происходящее в этом мире события воспринимаются человеком и преломляются его сознанием. С этим связан тот знаменательный факт, что в гуманитарных науках на передний план выдвинулся человеческий фактор. Вследствие этого произошел переход науки на новую антропологическую парадигму.

Лингвистика накопила богатейший эмпирический материал и описала его. Например, описание процессов, происходящих в словообразовательных структурах и учитывающих их доминирующую роль в картине мира. Словообразование – языковая сфера, в которой закон языковой экономии функционирует неукоснительно и наиболее эффективно. Анализ семантики производных слов позволяет вскрыть закономерности и правила, стоящие за образованием и функционированием значительной части словарного состава изучаемого языка: даже по неполным данным производная лексика развитых языков составляет 60 % их словаря [8, с. 86]. В пределах производного слова проявляется и реализуется словообразовательное значение, являющееся самостоятельным типом значения. Словообразовательное значение обладает рядом признаков, которые отличают его от грамматического и лексического типов значения. Словообразовательные значения принадлежат к формально выраженным и формально объективируемым значениям языка. Подобно грамматическим значениям, они имеют свои собственные материальные средства их передачи, используемыми и на уровне грамматики, и на уровне словообразования (аффиксацией, редупликацией, порядком следования компонентов). Здесь используются и некоторые специальные приемы

(сложение полнзначных основ, разные типы аббревиации и усечений).

В качестве отличительной черты словообразовательного значения был отмечен промежуточный характер этого значения, сказывающийся в том, что по одним признакам оно тяготеет более к лексическому значению, по другим – к грамматическому. Промежуточное место словообразовательного значения среди других типов значения сказывается и в том, что если лексические значения принадлежат индивидуально одному слову, грамматические – целому классу слов, то словообразовательные значения принадлежат одинаково всем словам одной и той же группы внутри грамматического класса [4, с. 139]. Словообразовательное значение выражает классифицирующие или систематизирующие значения, способствующие выделению в изучаемом языке его главных лексико-семантических разрядов слов (обычно внутри одной части речи). Словообразовательному значению свойственен серийный характер. Повторяемость значения у каждого члена однотипной со структурной точки зрения группировки позволяет говорить о таких группировках как о словообразовательных рядах и выделять последние по набору формальных и семантических признаков как особую единицу словообразовательной системы [8, с. 107].

Для немецкого языка словообразование более актуально, чем для других европейских языков. Согласно результатам специальных исследований, в немецком языке словообразовательные номинации доминируют [25]. Но следует учитывать также типологическую специфику немецкого языка, в силу которой доминирующим способом немецкого словообразования является словосложение, позволяющее обозначить комплексные объекты действительности как целостные номинации. Большая часть их, серийные образования, поддающиеся регулированию и систематизации, зафиксированы в словарях. Но модель словосложения обладает повышенной степенью свободы, мобильности, и за рамками словарей остается неподдающееся исчислению количество единичных, несерийных композитов, неучтенных в приведенных данных, что может несколько увеличить долю словообразования в немецкоязычной языковой картине мира. Особенно отчетливо это проявляется в окказиональных образованиях авторов в многочисленных источниках художественной и публицистической литературы.

Более подробно хотелось бы остановиться на глагольном словосложении как характерной особенности немецкой словообразовательной системы. Как полагает М. Д. Степанова, глагольное словосложение – это «соединение в одну лексическую единицу глагола со знаменательной частью речи, т.е. с существительным, прилагательным, наречием, глагольной именной формой (инфинитивом, причастием)» [11, с. 292]. Такие соединения обладают внешними и внутренними признаками слова, но их словообразующая основа складывается из двух самостоятельных частей. Сложные глаголы представляют собой сдвиги определительного типа: первый компонент конкретизирует, сужает значение второго (т.е. глагола). Большое распространение в современном немецком языке получили сложные глаголы с

первым компонентом – прилагательным, наречием и существительным, например: *frei lassen, frei sprechen, gut gehen, voll essen, wach bleiben, übrigbleiben, emporsteigen, bevorstehen, stattfinden, teilnehmen, achthaben*. Значительно реже встречаются сложные глаголы с первым компонентом – инфинитивом или причастием: *kennen lernen, stehen bleiben, bekannt machen, verloren gehen*. Отдельно следует выделить глаголы с первым компонентом – предложной группой: *zugrunde legen, zustande kommen, insreine bringen*.

С точки зрения взаимоотношения компонентов сложные глаголы соответствуют сочетанию сказуемого:

- с дополнением: *Haus halten*;
- с предикативным атрибутом: *frei sprechen, bekannt machen*;
- с обстоятельством: *emporsteigen, insreine bringen*;
- или же сложному сказуемому: *gelaufen kommen, stehen bleiben*.

Однако с семантической точки зрения сложные глаголы нельзя считать сочетанием сказуемого с дополняющими его членами предложения. Структура сдвига говорит лишь о происхождении данной словообразовательной модели. Сложный глагол, как и всякий другой глагол, представляет собой в целом наименование действия или состояния субъекта. Проблема сложного глагола в немецком языке остается дискуссионной. Лингвистические дебаты ведутся, прежде всего, вокруг определения понятия «сложный глагол» и критериев его отграничения от смежных языковых явлений [13, с. 130]. В первую очередь необходимо отметить тот факт, что германисты всегда значительно расходились в своих взглядах на природу сложного глагола. Многие зарубежные лингвисты понимают глагольное словосложение слишком широко, включая в него префиксальные и префиксоидные образования [24, с. 35; 26, с. 115; 16, с. 385; 23], т.е. представители традиционной грамматики сложными – *Komposita* – считают все глаголы, имеющие предкорневой элемент. Среди этих глаголов различались сложные глаголы с отделяемым первым компонентом и сложные глаголы с неотделяемым первым компонентом – *trennbare und untrennbare Komposita* [24, с. 33–43] или прочные и непрочные соединения – *feste und unfeste Zusammensetzungen* [21, с. 87–89].

Исходя из возможности соотнесения или несоотнесения компонентов со знаменательной частью речи, служебным словом или морфемой, из числа сложных глаголов большинством лингвистов исключаются префиксальные и префиксоидные образования [18, с. 13; 19, с. 306–313], т.е. группа сложных глаголов ограничивается единицами, компоненты которых соотносимы на современном этапе изучения языка со знаменательными частями речи, например: *Dank sagen, blank bohnen, hinfliegen, kennen lernen*. Но и в отношении этой более узкой группы сложных глаголов имеются различные мнения. Э. Драх рассматривает их как сдвиги – *Gefüge* [17, с. 55–57], О. Бехагель – как простой сдвиг – *eine blosse Zusammenrückung* [15, с. 198]; Г. Глинц как единства – *Vorgangsgefüge* [20, с. 389–398], Х. Бринкман как сложные глаголы [16, с. 366–382]. Различия в толковании подобных глаголов встречаются и в отечественном языкознании. В. Г. Адмони, Т. В. Строева, М. Д.

Степанова, Н. Н. Аветисян определяют соединение глагола с наречием, прилагательным, существительным и именной формой глагола как сложные глаголы [2, с. 182–221; 12, с. 20; 11, с. 292–300; 1].

К. С. Брыковский, Р. Г. Котов, К. А. Левковская, А. С. Юханов считают их фразеологическими единицами [3, с. 15; 7; 10; 14, с. 3], абсолютизируя при разграничении сложного глагола и устойчивого глагольного словосочетания чисто формальный признак отделяемости и неотделяемости первого компонента. Подобное состояние вопроса о глагольном словосложении вызвано тем, что трудно найти единый удовлетворительный критерий сложного слова вообще и сложного глагола в частности.

Говоря о словосложении, нельзя забывать про такой важный признак сложного слова, как цельнооформленность. В лингвистике принято считать цельнооформленность основным признаком сложного слова. Под цельнооформленностью слова следует понимать, прежде всего синтаксическое, морфологическое и фонетическое единство компонентов. Компоненты сложных слов не могут быть выделены синтаксически как самостоятельные члены предложения. В пользу единого семантического образования служат и функции первых компонентов сложных глаголов. Многие лингвисты, занимающиеся исследованием глагольного словообразования, отмечают тот факт, что первый компонент, чаще всего префиксоид, присоединяясь к производящей основе, либо уточняет действие, выраженное исходным глаголом, либо полностью изменяет семантику основ [9; 22; 6]. Подобные функции выполняют наречия и прилагательные, также являющиеся первыми компонентами сложных глаголов.

Функцию, при которой первый компонент только уточняет действие, выраженное опорным глаголом, можно назвать уточняющей или модифицирующей. Функцию, при которой первый компонент является выразителем основного действия, основного родового понятия, можно назвать «архисемной», исходя из понимания В. Г. Гаком «архисемы» как общей семы родового значения [5, с. 81]. В сложных глаголах с компонентами *herum-*, *herunter-*, *hin-*, *hinein-*, *heraus-*, *weg-*, *dahin-*, *daher-*, *her-*, пространственное наречие соединяется с опорными глаголами для указания направленности движения, выступая в уточняющей функции, например: *daherzuckeln* (приближение к говорящему). Или же в нарушение словообразовательных правил пространственное наречие может соединяться с глаголами, не являющимися глаголами движения, например, с глаголами акустического восприятия, с глаголами, обозначающими состояние движущегося субъекта. В этом случае наречный компонент выступает в архисемной функции, являясь показателем направленности движения, а опорный глагол выражает какой-либо признак, сопутствующий движению, например: *daherreden* (необдуманность действия).

В словарном фонде немецкого языка можно выделить большое количество стилистически окрашенных вариантов нейтральных словообразова-

тельных моделей глагольного словосложения: соединение наречия и опорного глагола (модель Adv+V), соединение прилагательного и опорного глагола (модель Adj +V). В разговорной немецкой речи функционируют краткие формы пространственных наречий: herunter, hinunter, runter; herauf, hinauf, rauf; heraus, raus, herein, rein; herüber, hinüber, rüber; heran, ran; herum, rum. Усечению подвергаются также и местоименные наречия: darauf – drauf, daran – dran, darum – drum, darunter – drunter, darüber – drüber. Являясь сами по себе разговорно окрашенными, эти усеченные формы обладают большими возможностями образовывать стилистически окрашенные разговорные сложные глаголы. Особенно популярны в разговорной речи сложные глаголы с усеченными наречиями rauf, raus, rum, runter.

runterkommen – herunterkommen:

- 1) nach unten kommen («упасть»)
- 2) gesellschaftlich, moralisch absinken, verkommen («морально разлагаться»)
- 3) von etwas frei sein («освободиться от чего – либо»)

runterreißen – herunterreißen:

- 1) nach unten reißen («сорвать вниз»)
- 2) vernichtend kritisieren («уничтожающе критиковать»)
- 3) bestimmtes Pensum bewältigen («выполнить задания по определенной главе методической разработки»)

runterschlingen – herunterschlingen:

- 1) hastig essen («поспешно есть»)

runterspülen – herunterspülen:

- 1) mit Alkohol betäuben («опьяняться алкоголем»).

В числе первых компонентов сложных глаголов имеется разговорно окрашенное прилагательное „kaputt“, присоединение которого к опорному глаголу придает разговорную окраску всему сложному глаголу, например: sich kaputt arbeiten – zu viel, anstrengend arbeiten («сильно много, напряженно работать»); sich kaputt lachen – heftig lachen («громко смеяться»); sich kaputt weinen – heftig weinen («громко плакать»); sich kaputt reden – zu viel reden («слишком много разговаривать»). Таким образом, присоединение разговорно окрашенного первого компонента вызывает стилистическую маркированность сложного глагола в целом.

К разговорно окрашенным можно отнести и наречие drauflos, которое, присоединяясь к опорному глаголу, придает ему значение «быстрого, стремительного действия или его начала». Например:

drauflosarbeiten – ohne zu überlegen, schnell arbeiten («быстро работать, не размышляя»);

drauflosgehen – auf jmdn., etw. schnell zugehen, dem Ziel zustreben («быстро направляться к кому-либо, чему-либо; стремиться к цели»);

drauflosfeuern – unkontrolliert schießen («бесконтрольно стрелять»);

drauflosreden – ohne zu überlegen schnell reden («не раздумывая быстро говорить»);

drauflosreiten – ohne festes Ziel irgendwohin reiten («скакать куда-то без

определенной цели»);

drauflosschießen – unkontrolliert schießen («бесконтрольно стрелять»);

drauflossprechen – unkontrolliert, wirr sprechen («бесконтрольно, спутанно разговаривать»);

draufloswirtschaften – ohne zu überlegen wirtschaften, ohne zu überlegen handeln, arbeiten («вести хозяйство, не раздумывая; не раздумывая действовать, работать»).

Разговорную окраску сложному глаголу могут придавать не только первые компоненты, но и разговорные опорные глаголы. В качестве разговорных опорных глаголов могут выступать глаголы различных семантических групп. Глаголы движения:

flitzen – sich sehr schnell bewegen («быстро двигаться»): daherflitzen, herumflitzen, losflitzen;

latschen – schlurfend gehen («идти, шаркая»): daherlatschen, herumlatschen, herunterlatschen, loslatschen;

stiefeln – langsam gehen («медленно идти»): daherstiefeln, herumstiefeln, losstiefeln.

Глаголы перемещения:

schmettern – heftig werfen («быстро бросить»): herunterschmettern, hinschmettern;

schmeißen – heftig werfen («быстро бросить»): herausschmeißen, herunterschmeißen, hinschmeißen, hineinschmeißen, zusammenschmeißen, wegschmeißen.

Глаголы речи:

drucksen – verlegen stottern («смущенно заикаться»): herumdrucksen;

faseln – töricht, irr, wirr reden («глупо, путанно разговаривать»): daherfaseln, herfaseln;

keifen – laut und grob, mit schriller Stimme schimpfen («громко и грубо, пронзительным голосом ругаться»): loskeifen.

Примечательно то, что сложные глаголы современного немецкого языка можно распределить по отдельным лексико-грамматическим группам, так как они имеют разнообразную семантику, дающую яркую характеристику действующему лицу или предмету. Например, в лексико-семантическую группу «Поведение субъекта» можно включить такие сложные глаголы, как:

herumtreiben (v.u., umg.) = ziellos die Zeit vertreiben («бесцельно проводить время»);

herumlungern (v.i., umg.) = müßig umhergehen oder dastehen («бездельно, бесцельно, бессмысленно бродить или стоять»);

sich vorbeibenehmen = sich schlecht benehmen («плохо себя вести»);

herumsitzen (v.i., umg.) = die Zeit ohne Arbeit, ziellos vertreiben («проводить время бесцельно, без работы»).

Перечисленные выше примеры сложных глаголов, дающие этическую

и нормативную оценку действующему субъекту, можно включить в семантический подтип «Негативное поведение субъекта».

Второй семантический подтип с выделенным семантическим значением «Отрицательное суждение о ком-либо, порицание, унижение кого-либо» может быть представлен следующими сложными глаголами:

herunterziehen (v.t., fig., umg.) = schlecht, hässlich über etwas oder jemanden sprechen, in den Schmutz ziehen («плохо, отвратительно о ком – либо выражаться»);

Brand marken (v.t., fig.) = öffentlich bloßstellen, anprangern, scharf kritisieren («публично разоблачать, клеймить кого-либо, резко критиковать»).

Третий выделенный семантический подтип можно обозначить как «Отрицательная деятельность субъекта, направленная на объект». К нему относятся следующие сложные глаголы:

hinausekeln (v.t., umg.) jmdn. ≈ jmdn. durch ständige schlechte Behandlung, durch Schikanen zum Weggehen veranlassen («кого-либо принудить уйти через плохое обращение или издевательство»);

hinauskomplimentieren (v.t., umg.) jmdn. ≈ höflich, aber mit sanfter Gewalt zum Gehen veranlassen («кого – либо вежливо принудить уйти»);

niederknüppeln (v.t., fig.) = gewaltsam unterdrücken («оказывать давление при помощи силы»).

Лексико-семантическая структура глаголов данного семантического подтипа в большинстве случаев включает сему пейоративной оценки.

Четвертый выделенный подтип лексико-семантической группы «Поведение субъекта» имеет семантическое значение «Положительная деятельность субъекта». Он представлен большим количеством сложных глаголов, например: sich durchschlängeln = sich geschickt, gewandt durch etwas hindurchwinden, Schwierigkeiten geschickt umgehen («ловко преодолевать что – либо, справляться с трудностями»); Mai käfern (v.i., umg. scherzh.) = still und emsig vor sich hin arbeiten («тихо и усердно работать»); sich schön machen (v.t., umg.) = sich sorgfältig kleiden («тщательно одеваться»); begutachten (v.t.) = fachmännisch beurteilen, prüfen («компетентно оценивать что-либо, проверять»).

Пятый подтип данной лексико-семантической группы можно обозначить как «Интенсификация глагольного действия». К нему относятся следующие сложные глаголы: fortreißen (v.t.) = heftig, schnell wegnehmen («быстро что-либо отнять»); heraushauen (v.t., umg.) = jmdn. durch kämpferisches, energisches Eingreifen aus feindlicher Übermacht oder einer Prügelei befreien («кого-либо освободить от вражеского влияния при помощи энергичного вмешательства»); ranklotzen (v.i., umg.) = hart arbeiten (um eine Arbeit schnell zu beenden) («очень эффективно работать, чтобы поскорее завершить работу»); sich hineinbohren (fig., umg.) = sich energisch, zäh in etwas hineinarbeiten («энергично во что-либо вратываться»).

Вторая лексико-семантическая группа «Физические действия субъекта» также представлена несколькими семантическими подтипами, включающими в свой состав сложные глаголы. Семантический подтип ««Неудачное, необдуманное действие, отрицательный результат действия» может быть представлен следующими примерами: *drauflosfeuern* (v.i.) = *unkontrolliert schießen* («стрелять бесконтрольно»); *draufloswirtschaften* (v.i.) = *ohne zu überlegen wirtschaften, ohne zu überlegen handeln, arbeiten* («вести хозяйство, не обдумывая; действовать, не рассуждая»). Следующий подтип имеет семантическое значение «Небрежно выполняемое действие»: *niederspielen* (v.t.) = *nachlässig, ausdruckslos spielen* («небрежно и невыразительно играть»); *niederkritzeln* (v.t.) = *nachlässig schreiben* («небрежно писать»); *hinschustern* (v.t.) = *schlecht, nachlässig anfertigen* («плохо, небрежно изготавливать что – либо»); *hinschmieren* (v.t.) = *flüchtig und fast unleserlich niederschreiben* («быстро и почти неразборчиво писать»). Следующий подтип имеет семантическое значение «Деинтенсификация действия», например: *herumkrautern* (v.i.) = *langsam, mühsam arbeiten* («медленно, с трудом работать»); *herummurksen* (v.i., umg.) *an etwas ~ = lange und ohne sichtbaren Erfolg herumbasteln* («долго и безуспешно что-либо мастерить»); *herumkurieren* (v.t.) = *lange erfolglos versuchen, jmdn. zu heilen* («долго и безуспешно кого-либо лечить»).

Многочисленные примеры лексико – семантической группы «Звуковые действия» также можно разделить на несколько подтипов. Первый подтип имеет семантическое значение «Звонкие/громкие звуковые действия»: *losdonnern* (v.i., fig., umg.) = *laut zu schimpfen beginnen* («начинать громко ругаться»); *herumschreien* (v.i., umg.) = *lange und ohne ersichtlichen Grund schreien* («долго и без основательной причины кричать»); *herausbrüllen* (v.i., umg.) = *unbeherrscht brüllen, äußern* («не владея собой кричать, выражаться»). В семный набор сложных глаголов входит сема интенсификации. Глаголы, представляющие данный семантический подтип, имеют системное и метафорически переосмысленное значение.

Второй подтип имеет семантическое значение «Необдуманная, глупая речь / невыразительные, необдуманные звуковые действия»: *heruntersingen* (v.i., umg.) = *ausdruckslos singen* («невыразительно петь»); *herunterreden* (v.i., umg.) = *schnell, ausdruckslos reden* («быстро, невыразительно разговаривать»); *herunterrasseln* (v.i., umg.) = *rasch, ohne Stocken, fehlerlos aufsagen, aber ohne innere Beteiligung* («быстро, не запинаясь что-либо произносить без всякого душевного участия»).

Третий подтип имеет семантическое значение «Тихие звуковые действия/ невнятные звуковые действия»: *hinsprechen* (v.t.) = *unverständlich sprechen, hinreden* (v.t.) = *nebenbei, unverständlich sprechen* («невнятно разговаривать»). В семный набор глаголов данного подтипа включена сема деинтенсификации: *hervorbringen* (v.t.) = *mühsam, stockend sprechen* («с трудом, заикаясь разговаривать»).

Четвертый подтип имеет семантическое значение «Внезапные /

неожиданные звуковые действия»: *herausplatzen* (v.i., umg.) = *rasch, unerwartet antworten oder lachen* («быстро, неожиданно ответить или засмеяться»); *heraussprudeln* (v.t.) = *überstürzt, ungeduldig aussprechen* («произнести что-либо в нетерпении»); *durcheinanderreden* (v.i.) = *gleichzeitig reden (von mehreren), ohne auf die anderen zu achten* («одновременно нескольким людям разговаривать, не обращая внимание на других»).

Сложные глаголы лексико-семантической группы «Движение» очень разнообразны по своей семантике. К семантическому подтипу «Быстрое передвижение» относятся следующие глаголы: *sich davonpacken* (v.i., umg.) = *schnell fortlaufen* («быстро убежать»); *hinausschießen* (v.i., fig.) = *rasch hinauslaufen* («быстро выбежать»); *niederstoßen* (v.i.) = *sehr schnell nach unten fliegen* («очень быстро полететь вниз»); *davoneilen* (v.i.) = *sich eilig entfernen* («быстро удалиться»); *herabstoßen* (v.i.) = *sich plötzlich und schnell von (dort) oben nach (hier) unten bewegen* («неожиданно и быстро двигаться сверху вниз»).

К семантическому подтипу «Медленное передвижение» также относятся сложные глаголы: *sich dahinschleppen* = *sich mühsam fortbewegen* («с трудом уходить»).

Третий подтип имеет семантическое значение «Передвижение различными способами»: *fortspringen* (v.i.) = *sich springend entfernen* («удаляться, подпрыгивая»); *herumtigern* (v.i.) = *fortwährend in einem Raum wie ein Tiger im Käfig umherlaufen* («бегать по помещению как тигр в клетке»); *herumspuken* (v.i.) = *wie ein Spuk umhergehen* («исчезнуть как приведение»).

Четвертый подтип имеет семантическое значение «Бесцельное передвижение»: *umhertreiben* (v.i.) = *ziellos, hilflos hierhin und dorthin treiben* («бесцельно, беспомощно бегать туда – сюда»); *umhergehen* (v.i.) = *planlos hierhin und dorthin gehen, spazierengehen* («бесцельно ходить, прогуливаться»); *herumflattern* (v.i.) = *ohne bestimmtes Ziel fliegen* («летать без определенной цели»); *herumgondeln* (v.i.) = *ohne festes Ziel herumfahren* («ездить без определенной цели»).

Сложные глаголы лексико-семантической группы «Физическое и эмоциональное состояние субъекта» можно подразделить на следующие семантические подтипы: «Плохое физическое и эмоциональное состояние», «Хорошее физическое и эмоциональное состояние», «Интенсивное проявление или приобретение качества», «Приобретение качества», «Проявление качества».

К семантическому подтипу «Плохое физическое и эмоциональное состояние» относятся следующие глаголы: *schlapp machen* (v.i., umg.) = *Anstrengungen nicht aushalten, ohnmächtig werden* («не выдерживать напряжения, терять сознание»); *dahinvegetieren* (v.i.) = *elend, nahe am Zugrundegehen leben* («жить очень бедно, на грани самоуничтожения»). Данная семантика проявляется и при переносном значении: *Kopf stehen* (v.i., fig.) = *verwirrt und ratlos sein* («быть смущенным и потерянным»).

Второй подтип имеет семантическое значение «Хорошее физическое и эмоциональное состояние»: *sich herausmachen* = *sich körperlich entwickeln*,

sich gesellschaftlich gut entwickeln («хорошо развиваться физически и духовно»); dahinleben (v.i.) = sorglos leben («жить без забот»).

Третий подтип сложных глаголов лексико-семантической группы «Физическое и эмоциональное состояние субъекта» имеет семантическое значение «Интенсивное проявление или приобретение качества»:

sich fest lesen = beim Lesen vom Inhalt so fasziniert werden, daß man länger liest, als ursprünglich beabsichtigt («быть так увлеченным чтением, что читать дольше, чем намеривалось»);

sich fest reden = beim Reden auf ein Thema kommen, das einen so beschäftigt, das man länger redet, als ursprünglich beabsichtigt («во время разговора так увлечься темой, что говорить о ней дольше, чем первоначально намеривалось»).

К семантическому подтипу «Проявление качества» относится следующий сложный глагол: heraussein (v.i., umg.) = klar, geklärt, entschieden sein («быть ясным, проясненным, решенным»).

Как видно из многочисленных примеров, сложные глаголы немецкого языка имеют очень разнообразную семантику. Эта семантика может давать различные характеристики действию, процессу, состоянию или субъекту и объекту глагольного действия. Кроме того, в результате взаимодействия первых компонентов сложных глаголов и их производящих основ формируется значение оценочной признаковости, которое может входить в денотативное значение глаголов или в их коннотативное значение. Среди сложных глаголов отмечено много экспрессивных глаголов. К таким глаголам чаще всего относятся разговорные глаголы и стилистически сниженные варианты глаголов. Экспрессивно окрашенные глаголы характеризуют субъект или объект, одновременно оценивая их. Эти глагольные лексемы соотносят субъект высказывания не с классом, а с оценкой признака, характерного для того класса или члена класса, имя которого обозначает уже не комплекс признаков, названный в прямом значении, а одно периферийное свойство и его оценку. Это семантическая особенность является характерной приметой всех имен, в сигнификат которых входит коннотация. Образ, необходимый для семантики сложных глаголов, ориентированных на эмотивный эффект, и есть та сущность, которая не входит в денотацию, но принадлежит семантике глаголов как её узуальная или окказиональная внутренняя форма. Таким образом, сложные глаголы могут служить ёмким и экономным языковым средством объективации многообразных проявлений действительности и состояний сознания человека – сферы его интеллектуальной и эмоциональной деятельности.

Суммируя все сказанное об особенностях сложных немецких глаголов, можно сделать следующие выводы: сложные глаголы представляют собой в современном немецком языке весьма продуктивный, постоянно пополняемый класс слов. Они образуются путем соединения глагола со знаменательной частью речи и обладают внешними и внутренними признаками самостоятельного слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аветисян Н. Н.* Глагол и глагольное словосложение на материале современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. 335 с.
2. *Адмони В. Г.* Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970. С. 182–221.
3. *Брыковский К. С.* Глагольные единицы типа *hinaufgehen* в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 16 с.
4. *Головин Б. Н.* Словообразовательная типология русских приставочных глаголов // *Славянское языкознание*. М., 1959. С. 139.
5. *Гак В. Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // *Семантическая структура слова*. М., 1971. С. 78–96.
6. *Кан Е.* Коллоквиальные глаголы с префиксоидами в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 15 с.
7. *Котов Р. Г.* Устойчивые словосочетания типа «глагол + прилагательное» в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956. 11 с.
8. *Кубрякова Е. С.* Семантика производного слова // *Аспекты семантических исследований*. М., 1980. С. 81–155.
9. *Левитене Л.* Валентные связи в глагольном словообразовании (на материале предложно-наречных глагольных соединений в совр. нем. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 17 с.
10. *Левковская К. А.* О принципах структурно-семантического анализа языковой единицы // *Вопросы языкознания*. № 1. М., 1957. С. 41–55.
11. *Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. 373 с.
12. *Строева Т. В.* Структура предложения в немецком языке. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. 124 с.
13. *Юханов А. С.* Глагольно-наречные единицы с *auf-*, *hinauf-* / *herauf-*, *empor-*, *hoch-* в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1972. 22 с.
14. *Юханов А. С.* Сложный глагол и новая орфографическая реформа немецкого языка // *Мат-лы междунар. конф., посвященной научному наследию профессора Марии Дмитриевны Степановой и его дальнейшему развитию*. М. : МГЛУ, 2001. С. 130–134.
15. *Behagel, O.* *Die deutsche Sprache*. Halle/Saale : Niemeyer, 1953. 308 S.
16. *Brinkmann, H.* *Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung*. 2. Aufl. Düsseldorf, 1971. 939 S.
17. *Drach, E.* *Grundgedanken der deutschen Satzlehre*. Frankfurt / Main : Diesterweg – Verl., 1940. 99 S.
18. *Erben, J.* *Einführung in die deutsche Wortbildungslehre*. Berlin : Schmidt, cop., 1973. 170 S.
19. *Fleischer, W.* *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1974. 361 S.
20. *Glinz, H.* *Die innere Form des Deutschen*. 2. nachgeführte Aufl. Bern u. München : Franke, 1961. 505 S.
21. *Henzen, W.* *Deutsche Wortbildung*. Tübingen, Niemeyer, 1957. 306 S.
22. *Kempke, G.* Die Bedeutungsgruppen der verbalen Kompositionspartikeln *an-* und *auf-* in synchronischer und diachronischer Sicht // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. Halle/Saale, 1965. Bd. 87. S. 392–426.
23. *Kramer, G.* Zur Abgrenzung von *Zusammensetzung* und *Ableitung*. In: *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. Halle/Saale, 1962. Bd. 84, H. 3. S. 406–438.
24. *Paul, H.* *Deutsche Grammatik*, Bd.V., Halle (Saale) : Niemeyer, 1955. 142 S.
25. *Weißgerber, L.* Die geistige Seite der Sprache und ihre Erforschung // *Sprache der*

Gegenwart. Schriften des Instituts für deutsche Sprache. Band 15. Düsseldorf : Schwann, 1971. 270 S.

26. *Wilmanns, W.* Deutsche Grammatik: 2 Abt., Wortbildung. Straßburg : Trübner, 1930. 663 S.

27. *Wahrig, G.* Deutsches Wörterbuch. München : Mosaik Verlag GMBH, 1986.

Шакмакова А. М.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты изучения категории рода имен существительных в русском языке. Особое внимание обращается на структуру грамматической категории рода и ее формальное воплощение. Выявляются проблемы определения рода имен существительных как грамматической категории. Рассматриваются компоненты грамматической категории рода и их выражение в лексемах, способы выражения грамматической категории рода, а также реализация эстетических ресурсов грамматического рода имен существительных.

Ключевые слова: морфология, грамматическая категория, род, склоняемые имена существительные.

Одной из основных грамматических категорий имени существительного является категория рода. Грамматической категорией рода называется частная классификационная категория, указывающая на способность существительных сочетаться с определенными формами слов, относящихся к синтаксическому разряду определяющих: *ответственный студент* (мужской род, какой?), *умная девушка* (женский род, какая?), *голубое небо* (средний род, какое?).

В. В. Виноградов в работе «Грамматическое учение о слове» (2001 г.) дает развернутую характеристику категории рода. По его мнению, все существительные современного русского языка, за исключением тех, которые употребляются только в формах множественного числа (*pluralia tantum*), принадлежат к одному из трех родов – мужскому, женскому, среднему (*конь, сосна, небо*). Небольшая группа слов принадлежит к так называемому *общему роду* (*сирота, соня, такса* и т. д.) [2, с. 56-78].

Грамматической категорией род можно назвать условно, традиционно. Согласно классическому определению А. В. Бондарко, «Грамматическая категория – это система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородным значением, соотносится с понятием функ-

ционально-семантического поля» [1, с. 1]. Однако в русском языке род проявляет себя непоследовательно: различают ряд существительных, которые нельзя отнести ни к мужскому, ни к женскому, ни к среднему роду – существительные группы *pluralia tantum* (*брюки, ножницы, ворота*); грамматический род неодушевленных имен существительных несет в себе чисто формальный характер, не коррелируя с семантикой лексем (*диван, кровать, кресло*).

Дискуссии по поводу принадлежности этих слов к определенному роду продолжаются, ведь, если категория рода действительно является грамматической, то все слова в русском языке без исключения должны принадлежать одному из родов, иначе, если род не присущ всем русским существительным, то мы не можем считать категорию рода морфологической категорией.

Исходя из этого, И. Г. Милославский предлагает так называемый *парный род*, характерный для существительных, называющих предметы, состоящие из двух парных частей: *брюки, сани, ворота* и т. д. [4, с. 47]. Имея четыре рода, можно утверждать, что абсолютно все имена существительные в русском языке имеют категорию рода.

Г. А. Хайрутдинова в работе «О семантике и эстетических функциях категории рода существительных» (2008 г.) представила свою концепцию семантической модели грамматической категории рода имени существительного. Таким образом, в грамматической категории рода имени существительного различают четыре основных компонента: *сигнификативный, номинативный, структурный и коннотативный* [5, с. 2].

Сигнификативный компонент обусловлен спецификой системно-структурных отношений в русском языке и во многом определяется национальным колоритом языковой картины мира. Так, существительное *природа*, помимо общекатегориального значения предметности, имеет частное грамматическое значение женского рода.

Номинативным значением грамматической категории рода является формальная связь с обозначаемым мужским или женским биологическим полом (*отец-мать, брат-сестра, студент-студентка*). В соответствии с идеями О. Г. Ревзиной, номинативный компонент рода имени существительного определяют признаки предмета, отражающие оппозиции: *ответственный / безответственный, мужского / женского пола* [4, с. 10].

Номинативное значение грамматической категории рода, связанное с формальным обозначением лиц мужского или женского пола, непостоянно. Можно сравнить и противопоставить личные существительные *кум и кума, дояр и доярка, преподаватель и преподавательница* и т. д., однако подавляющее большинство слов в русском языке не имеет формального сопоставления с биологическим полом. Так, мы не можем определить, почему слово *стол* – мужского рода, а слово *игла* – женского, слово *город* – мужского рода, слово *деревня* – женского, а слово *село* – среднего рода. Эти факты не

могут позволить отнести категорию рода к номинативной, ведь номинативным значением категория рода может обладать лишь для личных имен существительных. Причем, личные имена существительные нельзя приравнивать к одушевленным, ведь далеко не все одушевленные имена имеют формальную противопоставленность по родовому признаку: *тигр – тигрица, конь – кобыла, но окунь, леопард, дельфин и др.* Согласно мнению И. Г. Милославского, номинативный компонент рода присущ ограниченному числу существительных: он отсутствует у неодушевленных и части одушевленных лексем [4, с. 44–45].

Г. А. Хайрутдинова выделяет 4 группы лексем, которым присуще номинативное значение рода: 1) существительные, которые называют лица мужского или женского пола (*отец-мать, брат-сестра*); 2) существительные, которые называют животных и обозначают или самца, или самку (*петух-курица, бык-корова*); 3) существительные, называющие мифологических существ или мужского, или женского пола (*водяной, фея, богатырь*); 4) имена существительные, называющие собственно лица, литературные персонажи, мифические существа и содержащие в своем значении сему пола (*Петр, Зевс*) [5, с. 3].

Так, номинативное значение грамматической категории рода присуще ограниченному числу имен существительных. Однако номинативная значимость может появляться в художественных текстах. Метафорическое переосмысление использовал К. Д. Бальмонт в стихотворении «Август». Он писал: «*Как ясен август, нежный и спокойный, / Сознавший мимолетность красоты. / Позолотив древесные листья, / Он чувства заключил в порядок стройный*». А. Белый также метафорически называет Родину матерью, наделяя существительное *природа* номинативным значением женского рода: «*Мать-Россия! Тебе мои песни, / О немая, суровая мать!*»

Структурный компонент значения обозначает отношение данного знака к другим знакам внутри определенной знаковой системы. При этом выделяются два типа структурных компонентов значения: *структурно-парадигматический* и *структурно-синтагматический*. По мнению В. В. Иванниченко, важность парадигматического компонента в семантической структуре грамматической единицы «повышается с выдвиганием на первый план сигнификативного компонента» и проявляется в группе неодушевленных существительных [3, с. 105].

Структурно-синтагматический компонент семантики реализуется в тексте на семантическом согласовании признаков лексем с предметными ввиду общности семантического компонента рода.

Коннотативный компонент родовой семантики включает в себя образные, эмоционально-оценочные и стилистические элементы, которые обусловлены особенностями человеческой психологии в плане осмысления пола живого предмета, историей становления категории рода, культурой, традициями человека и интенцией говорящего.

Различают несколько способов выражения грамматической категории

рода. Один из них – собственно морфологический (флективный). Однако существует омонимия окончаний существительных разного рода. Так, окончание *-а* присуще существительным женского рода (*девушка, земляника*), но встречается и у существительных мужского рода (*мужчина, дедушка*), среднего рода (*семья, знамя*), у двуродовых существительных (*стена, скряга*). Нулевое окончание характерно как для существительных женского рода, так и для существительных мужского рода: *тень, ночь, тюль, пень* и др. Считается, что родовая принадлежность может быть выявлена не формой единственного числа именительного падежа, но всей парадигмой существительного.

Словообразовательный способ выражения грамматической категории рода характеризуется словообразовательными аффиксами, характерными для существительных того или иного рода. Так, суффиксы *-чик, -щик, -ик, -ник* характерны для существительных мужского рода. Существительные женского рода образуются с помощью суффиксов *-изн(а), -ость, -ш(а) и других*. Суффиксы *-ени-, -и-, -ни-* образуют существительные среднего рода. Однако наличие суффикса *-иц* может указывать как на женский (*девица*), так и на средний род (*собрание*).

Существительные с непроизводной основой (состоящие только из корневой морфемы и окончания) вовсе лишены этого признака родовой принадлежности. Можно сделать вывод, что род существительного связан и со способом словообразования. Однако и этот способ определения рода имени существительного можно считать непоследовательным, потому что существует множество непроизводных существительных, а также существительных, образованных несуффиксальным путем.

Лексический способ выражения грамматической категории рода возможен только у одушевленных существительных. Существительные, противопоставленные по родо-половому признаку, образуют пары: *муж-жена, сын-дочь, брат-сестра, конь-кобыла*.

При синтаксическом способе выражения категории рода существительных род проявляется в согласовании существительного с именем прилагательным и причастием (*белый тюль, неутешительное зрелище*), с формами глагола в прошедшем времени (*облако исчезло, девушка зашла*), в возможности замены существительного лично-указательным местоимением *он, она, оно*.

Согласование существительного с глаголом в прошедшем времени имеет более широкую зону действия, дифференцируя имя существительное любого рода в именительном падеже единственного числа. Возможность замены существительного лично-указательным местоимением представляется наименее точной, ведь случаи типа *он – профессор и она – профессор* не дифференцируются.

Последний способ определения рода наиболее удобен для имен существительных общего рода. Так, в последнее время существительные истонно мужского рода (*доктор, врач, профессор*) тяготеют к общему роду.

Это связано с освоением женщинами определенных сфер деятельности. Причем стоит отметить, что на современном этапе развития русского языка эти существительные легко согласуются с формами женского рода: *врач поставила диагноз, профессор прочитала лекцию*. Однако формы *прекрасная директор* или *умная ученый* в русском языке не закрепились.

Таким образом, внешний облик словоформ дает недостаточно информации для определения рода имени существительного. На современном этапе развития языка предпочтительнее использовать синтаксический способ при определении рода.

Эстетические ресурсы грамматической категории рода наиболее часто реализуются в художественных, поэтических текстах путем преобразования семантики неодушевленных существительных таким образом, чтобы в грамматическом значении рода появлялась конкретная сема половой принадлежности.

Как правило, реализация эстетической функции рода в русском языке происходит путем олицетворения. Так, в стихотворении А. А. Фета «*На двойном стекле узоры...*» неодушевленное существительное *мороз* наделяется признаками живого существа мужского пола, что отражается не только семантически, но и грамматически в согласовании с глаголами прошедшего времени: «*На двойном стекле узоры / Начертил мороз*».

В авторских сказках Н. Н. Носова также используется метафоризация грамматической категории рода. Так, в сказке «*Приключения Незнайки*» эстетические ресурсы грамматической категории рода реализуются путем олицетворения транспортных средств: *Машина зафыркала. Машина юркнула. Автомобиль запрыгал по шпалам. Пыхтя, мчался паровоз. Паровоз преследовал их по пятам. Стартер взвизгнул, заскреб по железу. Комбайн зажужжал. Снегочистка ходила по кругу*.

Таким образом, род как грамматическая категория также может быть использован и для создания образности в произведениях художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Грамматические категории: истолкование понятия, принципы классификации, межкатегориальные связи [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://goo.su/2mgq>
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / Под. ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2001. 720 с.
3. Иваницкий В. В. Основы общей и контрастивной аспектологии. Кемерово : Филиал изд-ва Томского гос. ун-та при Кемеровском гос. ун-те, 1991. 199 с.
4. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М. : Просвещение, 1981. 254 с.
5. Ревзина О. Г. Основные черты структуры грамматической категории рода // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М. : Наука, 1976. С. 4–24.
6. Хайрутдинова Г. А. О семантике и эстетических функциях категории рода существительных [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://clck.ru/RTMHZ>

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТОЛОГИИ И СЕМАНТИКИ

Аксёнчикова-Бирюкова А. А.

АССОЦИАТИВНО-КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «ПЕЧАЛЬ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ А.А. АХМАТОВОЙ НА РАННЕМ ЭТАПЕ ЕЕ ТВОРЧЕСТВА

*Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь*

Аннотация. В статье рассматриваются репрезентация и смысловое наполнение базового эмоционального концепта «печаль» в поэтической картине мира А. А. Ахматовой, исследуются ассоциаты-стимулы, формирующие ассоциативный слой изучаемого концепта, который является приоритетным в структуре художественного текста писателя, изучаются внешние и внутренние характеристики данного концепта; рассматриваются образно-метафорические репрезентанты концепта «печаль», имеющего большое значение в реализации поэтического пространства поэтессы.

Ключевые слова: Анна Ахматова, концепт, печаль, репрезентанты, ассоциаты.

Концепт представляет собой многомерное ментальное образование, передающее культурно-исторический опыт народа, особенности его менталитета и имеющее языковое выражение.

Предметом изучения в данной работе является репрезентация и смысловое содержание эмоционального концепта «печаль» на материале лирических произведений Анны Ахматовой. Целью данного исследования является выделение средств, представляющих разные аспекты появления и протекания эмоции *печаль*. В XX веке такие ученые-психологи, как П. Экман, Р. Вудвортс, К. Изард занимались изучением эмоций. В ходе исследований они доказали наличие универсальных эмоций, присущих всем людям. По мнению К. Изарда «Некоторые отдельные эмоции являются универсальными, общекультурными феноменами» [1, с. 10]. Печаль представляет собой ключевую эмоцию, которую испытывает каждый человек вне зависимости от его национальности или культуры.

В настоящее время в лингвистике получило широкое распространение исследование эмоциональных концептов как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте. И. А. Вотякова исследовала синонимические способы, характеризующие концепт «печаль», анализирует их словообразовательный потенциал [2, с. 137]. А. А. Козакова проанализировала изменения, происходившие в репрезентации концепта «печаль» в различные периоды творчества Марины Цветаевой [3].

Поэтическая картина мира характеризуется тем, что внутренний мир человека имеет в нем первостепенное значение. Поэт предлагает всем явлениям и процессам свою трактовку, во многом связанную с его индивидуально-авторским мировоззрением, воображением, эмоциональным отношением ко всему происходящему. Это находит отражение в использовании образно-метафорических репрезентантов эмоциональных концептов, описании внутренних и внешних характеристик переживаемых эмоций.

Эмоциональное поведение, выраженное языковыми средствами, передает внутренние и внешние характеристики эмоций. К внутренним характеристикам относятся мысли, переживания, физиологическая реакция и поведение субъекта. Полученные признаки формируют понятийное ядро рассматриваемых эмоциональных концептов. Под внешними характеристиками концепта понимается то, что окружает лирического героя в момент, когда он погружен в эмоциональное состояние, стимулы переживаемых эмоций.

Ахматова – одно из достижений русской лирики. Своим творчеством поэтесса опровергла убеждение, что женщина не может быть поэтом. Ее яркий талант смог заставить многих критиков по-другому оценивать литературный потенциал женщин-поэтов. В. Ф. Ходасевич, исследуя вопросы, касающиеся женской поэзии, характеризует Анну Андреевну, как одну из «ярчайших звезд на небосклоне женской поэзии» [4, с. 10]. Ее произведения отличает искренность, автобиографичность, лаконизм и сдержанность. Ее творческое наследие и в настоящее время привлекает многих исследователей. Это связано с тем, что поэзии Ахматовой присущи глубина и многогранность.

Для нас интерес представляет рассмотрение того, как реализуется концепт «печаль» в поэзии Анны Ахматовой на раннем этапе ее творчества (1909–1922 гг.). Материалом исследования являются тексты произведений А. А. Ахматовой, включенные в национальный корпус русского языка (НКРЯ) [5].

Рассмотрим внутренние характеристики эмоции *печаль*, реализованные в поэтическом пространстве поэтессы в этот период. Ахматова не акцентирует внимание на физиологической реакции лирического героя на данную негативную эмоцию и его поведении. Она в большей степени описывает его внутренние ощущения.

1. 'Опьянение', 'горечь'. Человек, испытывающий печаль, чувствует неприятный горький привкус:

Оттого, что я терпкой печалью

Напоила его допьяна («Сжала руки под темной вуалью...»).

Печаль в данном случае выступает в качестве пьянящего, дурманящего напитка, который переполняет человека, этот напиток неприятен на вкус. В данном случае можно говорить о таком свойстве этого состояния, как утрата человеком способности здраво мыслить и оценивать реальность.

2. 'Истома'. Печаль, вызванная любовными переживаниями, утомляет

лирического героя, он чувствует усталость, нехватку воздуха, отсутствие жизненных сил. Физиологической реакцией на данное состояние являются постоянные вздохи:

*И не вздох печали томной,
Не затейливый укор,
Мне внушает ужас темный
Твой спокойный ясный взор* («То ли я с тобой осталась...»).

3. 'Болезнь'. Печаль, окутывающая все вокруг, словно ядовитый дым, уподобляется смертельной болезни, от которой нет спасения лирическому герою:

*Чем хуже этот век предшествующих? Разве
Тем, что в чаду печали и тревог
Он к самой черной прикоснулся язве,
Но исцелить ее не мог* («Чем хуже этот век предшествующих? Разве...»)

4. 'Боль'. Боль душевная становится для человека болью физической. Лирический герой, впервые испытавший чувство печали, обречен на мучения, его состояние вызывает жалость:

*Мальчик сказал мне: «Как это больно!»
И мальчика очень жаль...
Еще так недавно он был довольным
И только слышал про печаль* («Мальчик сказал мне: «Как это больно!»...»).

В данном контексте печаль выступает синонимом страданий. Переживание печали дает человеку ощущение ни с чем не сравнимой физической боли.

В своих произведениях Анна Ахматова акцентирует внимание на отражении тех негативных ощущений и последствий, которые печаль имеет для переживаемого эту эмоцию человека. В то же время лирический герой считает, что печалиться не имеет смысла, это бесполезно и даже является преступлением:

*О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна* («Надпись на неоконченном портрете»).

Также поэтесса указывает на то, какие явления обычно сопутствуют эмоциональному состоянию печали. В ходе исследования выявлено, что данное эмоциональное состояние возникает при взаимодействии человека с окружающей его природой, где одним из провоцирующих факторов выступает увядание:

*Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб* («Я слышу иволги всегда печальный голос...»)

*Сентябрь, печаль и холода,
А возвращенье невозможно
В таинственные города* («Последнее письмо»).

Для нее ассоциатами печали служат осень, холод, темнота, грустное пение птиц:

*Тогда припомни час единый,
Вечерний удаленный час,
И крик печали лебединой,
И взор моих прощальных глаз* («Последнее письмо»).

Кроме того, печаль связана с расставанием лирической героини с любимым человеком или его потерей (*лебединая печаль*), а также с невозможностью вернуться в родные места.

Интерес представляют варианты сложных прилагательных, использованные Ахматовой в стихах: *печально-нем, печально-благодарная*.

*И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом* («Помолись о нищей, о потерянной...»).

В данном случае чувство печали основано на использовании контраста: душная, жаркая ночь – свежее, ледяное утро.

*А ты, мой дальний, неужели
Стал бледен и печально-нем?
Что слышу?*

*Целых три недели
Все шепчешь: «Бедная, зачем?!»* («Мне больше ног моих не надо...»).

Молодость, всегда ассоциирующаяся с радостью и весельем, у Анны Ахматовой становится причиной печали. Жизненный путь лирического героя полон трудностей и забот, что вызывает беспокойство о том, как сберечь свою душу в таких условиях, как наполнить смыслом всю свою жизнь:

*Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести* («Дал Ты мне молодость трудную...»).

Неизменным спутником молодости является любовь. Она в первую очередь служит причиной печали лирического героя и выражается в болезненном состоянии и бессилии человека. Любовь не делает его счастливым, а служит причиной его страданий и горя:

*Первый признак – странное веселье,
Словно ты пила хмельное зелье,
А второй – печаль, печаль такая,
Что нельзя вздохнуть, изнемогая* («Угадаешь ты ее не сразу...»).

Даже взгляд на любимого человека делает лирическую героиню печальной:

*Как ты можешь смотреть на Неву,
Как ты смеешь всходить на мосты?
Я недаром печальной слыву
С той поры, как привиделся ты* («Как ты можешь смотреть на Неву...»).

Воспоминание о пережитом чувстве любви будет оставаться в памяти лирической героини всю ее жизнь. Это чувство трансформировалось, и в вечности останется дивная печаль;

Чтоб вечно жили

Дивные печали.

Ты превращен в мое

воспоминанье («Как белый камень в глубине колодца...»).

Не может не вызывать печаль лирического героя будь то ранняя смерть близких и родных людей, будь то гибель от жестокой весны только что пробудившейся от зимней спячки природы:

И ранней смерти так ужасен вид,

Что не могу на Божий мир глядеть я.

Во мне печаль, которой царь Давид

По-царски одарил тысячелетья («Майский снег»).

Сила этой печали воистину безмерна и глубока.

В то же время лирическая героиня считает себя воплощением печали на земле. Она представляет себя мифической птицей Гамаюн, имеющей женское лицо, которая в русском фольклоре считалась предвестником смерти и несчастий человеческих:

«Я смертельна для тех, кто нежен и юн.

Я птица печали. Я – Гамаюн (««Я смертельна для тех, кто нежен и юн...»»).

Таким образом, можно сказать, что концепт «печаль» в поэтической картине мира Ахматовой на раннем этапе ее творчества включает такие концептуальные признаки, создающие его понятийный слой, как *опьянение, горечь, истома, болезнь, боль*.

Концептосфера данного концепта содержит следующие концепты: «природа», «любовь», «молодость», «жизнь», «смерть».

В поэтической картине мира Ахматовой печаль является реакцией на события, происходящие в мире, в жизни лирической героини, представляя собой внутреннее, интимное переживание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард К. Эмоции человека. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980.
2. Вотякова И. А. Изучение синонимических связей в словообразовательной презентации концептов (на примере концепта печаль) // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2012. Вып. 4. С. 136–139.
3. Козакова А. А. Концепт *печаль* в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 5. С. 123–128.
4. Колесников С. А., Черкасов В. А. Концепция личности А. А. Ахматовой в восприятии В. Ф. Ходасевича // ЖУРНАЛ «ФИЛОЛОГОС». 2012. № 13. С. 10–24.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.10.2020).

ОРГАНИЗУЮЩАЯ И СМЫСЛОРЕАЛИЗУЮЩАЯ ФУНКЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится анализ концептуальных метафор в англоязычном спортивном дискурсе. Широкое употребление концептуальных метафор в спортивном дискурсе объясняется их экспрессивностью и образностью. Особое внимание уделяется конвенциональным метафорам спортивного дискурса, а именно ‘Спорт – это рассказ’ и ‘Спорт – это путь’. Выявляемые системные отношения между концептуальными метафорами являются иллюстрацией закономерностей восприятия адресатами метафоры в тексте. Концептуальные метафоры организуют текст в структурно-содержательном плане и реализуют новые смыслы в спортивном дискурсе.

Ключевые слова: концептуальная метафора, спортивный дискурс, конвенциональная метафора, креативная метафора, теория концептуальной метафоры.

В настоящее время в когнитивной лингвистике и, в частности, в когнитивном направлении метафорологии одним из самых актуальных проблем исследования является изучение взаимосвязи и взаимоотношения концептуальных метафор как проявления системности понятийной системы человека.

В сфере спортивной коммуникации веками употреблялись и закреплялись в сознании участников дискурса наиболее значимые и возобновляющиеся концептуальные метафоры. В свою очередь, динамика спортивных событий определяет употребление ярких и неожиданных метафор.

Согласно Оксфордскому словарю английского языка, метафора – это фигура речи, в которой свойства одного объекта или действия метафорически переносятся по аналогии другому [Цит. по: 3, с. 9]. Иными словами, метафора – это объект или действие, образно описываемое другим объектом/действием, разделяющим определенную схожесть.

Концептуальная метафора – «это осмысление сущности одного вида в терминах другого [8, с. 5]».

Рассмотрим объективирование концептуальной метафоры в контекстах, взятых из спортивного интервью:

„Iceland at EURO 2016: Aron Gunnarsson and Heimir Hallgrímsson recall a fairy-tale run“ [5]. / Исландия на Евро-2016: Арон Гуннарссон и Хеймир Хадльгримссон вспоминают сказочный забег (здесь и далее перевод авторов – В. А., К. Ф.).

Так, в сильной позиции текста, в названии, мы видим концептуальную метафору *a fairy-tale run*. Первое, буквальное значение существительного

run является «бег», т. е. быстрое физическое передвижение. Данная концептуальная метафора реализует метафорическую модель 'Спорт – это движение' и, тем самым, восходит к более общей и конвенциональной метафоре спортивного дискурса – 'Спорт – это путь'.

В. В. Аргунов в своей работе [1] также выделяют креативную метафору 'Участие в турнире – это сказка', которая является развитием конвенциональной метафоры 'Спорт – это рассказ'. Авторы выделяют прагматический потенциал подобных метафор в связи с их высокой степенью экспрессивности и образности. В данном контексте эта метафора вербализуется с помощью прилагательного *fairy-tale* и является адъективной метафорой.

Концептуальная метафора 'Спорт – это рассказ' является в высшей степени конвенциональной в связи с концептуальной связью между понятийными сферами 'Спорт' и 'Рассказ'. Массовая аудитория, как правило, не наблюдает спортивное событие собственными глазами. При этом вербальная общественная коммуникация («сарафанное радио»), радио, ТВ, Интернет служат определенными медиаторами, обеспечивающими удовлетворение не только информационной, но и образовательной, развлекательной и др. потребностей адресатов. Будучи готовыми информационными продуктами, спортивные новости носят компактный и повествовательный характер.

Таким образом, данное метафорическое употребление является комплексной метафорой, реализацией двух конвенциональных метафор 'Спорт – это рассказ' и 'Спорт – это путь', которые способствуют организации текста в содержательном плане.

Следующим примером употребления метафоры пути является текст:

„Captain Aron Gunnarsson and coach Heimir Hallgrímsson reflect on a remarkable journey“ [5]. / *Капитан Арон Гуннарссон и тренер Хадльгримссон размышляют о замечательном путешествии.*

Здесь мы видим концептуальную метафору *journey* ('Спорт – это путь'). Данная метафора позволяет представить участие в турнире (деятельность) сборной Исландии как путешествие. По-видимому, данное конвенциональное употребление объясняется определенной корреляцией между двумя понятийными сферами метафоры 'Спорт' и 'Путь': на протяжении всей истории соревнования традиционно проводятся на определенной территории (стране, городе), что подразумевает физическое перемещение и проделанный путь для участников чемпионата. Эта концептуальная метафора закрепилась в сознании носителей самых разных языков и не осознается как образный язык. Тем не менее, являясь базовой метафорой спортивного дискурса, метафора пути организует текст в структурно-содержательном плане; креативные метафоры, развивающие ее, формируют и реализуют новые смыслы.

“A lot of players were just going on fumes; they already finished the gas

in the tank” [5]. / *Многие игроки просто ехали на выхлопе; у них уже закончилось топливо в баке.*

В данном контексте мы находим реализацию метафорической модели ‘Спорт – это механизм’, которая связана с метафорой пути и позволяет представить футболистов в качестве машин, которые действуют бесперебойно и организованно, и у которых закончилось топливо. Эти метафоры выделяют физическое напряжение исландских спортсменов, которые играют в меру своих возможностей.

Здесь метафорически использован вариант словосочетания «*running on fumes*», обозначающий: „to continue doing something even when you have no energy“ [11] (русск.: продолжать что-то делать, даже когда у вас нет энергии). Лексикографическое отображение данного идиоматического выражения говорит о его принадлежности к общей лексике, конвенциональности. Тем самым в сознании реципиентов спортивного дискурса имеется концептуальная метафора ‘Человек – это механизм’, которая не является специфичной сфере спорта. Однако, по нашему мнению, этот пример является иллюстрацией креативности метафоры, основанной на контексте («контекстно-индуцированная креативность» (З. Ковечеш [7, с. 99])).

Машина – это транспортная техника (автомобиль, корабль, самолет) с собственным двигателем для перевозок по различным путям. Метафорическая модель ‘Футболист – это машина’ подразумевает пространственное передвижение, является тесно связанной с концептуальной метафорой ‘Спорт – это путь’. Как без «топлива» машина не может идти дальше и проехать длинный путь, так и без определенного настроения и энергии спортсмены не могут победить и иметь право на дальнейшее участие в чемпионате.

„*It was probably the easiest game to get the players motivated [for], it was really on autopilot*“ [5]. / *Вероятно, это была самая легкая игра, чтобы мотивировать футболистов; она действительно была на автопилоте.*

В этом контексте мы видим продолжение метафоры механизма *autopilot*. Эта креативная метафора описывает действия участников спортивного события как происходящие на «автопилоте». Игра исландских футболистов расценивается положительно и ей придаются такие характеристики, как стойкость, непоколебимость и полная самоотдача.

Рассмотрим объективирование концептуальной метафоры в контекстах, взятых из новостной статьи:

„*Iceland looking to emulate Leicester City heroics as Euros odyssey continues*“ [6] / *Исландия хочет подражать героизму Лестер Сити, пока продолжается одиссея Евро.*

„*Surprise Euro 2016 quarter-finalists Iceland want to emulate Leicester City and produce a fairytale ending to their French odyssey*“ [Там же] / *Исландцы, неожиданные четвертьфиналисты Евро-2016, хотят подражать Лестер Сити и произвести сказочную концовку своей французской одиссеи.*

Итак, в сильных позициях текста – в заголовке и в начале статьи – мы

находим креативные метафоры (*Euros odyssey, fairytale ending to their French odyssey*). Данные употребления являются развитиями метафор рассказа и пути ('Спорт – это сказка' и 'Спорт – это одиссея'). Эта метафорическая концептуализация обусловлена понятийными сферами 'Сказка' и 'Одиссея', которые являются более специфичными и точными подкатегориями рассказа, пути. При этом фоновые знания адресата и адресантов о стране сборной служат основой для формирования креативных метафор. Участие исландской команды метафорически уподобляется сказке (чему-то идеализированному, волшебному) и одиссее (длинному и трудному путешествию, стремлению к цели [9]). Тем самым креативные метафоры реализуют новые смыслы, передают оценочное отношение адресата, предлагают новое видение на то или иное событие; конвенциональные метафоры, лежащие в их основе, структурируют текст в содержательном плане.

Мы находим следующие примеры организующей и смыслореализующей функции концептуальных метафор в новостной статье [10]:

„*Iceland's **Cinderella Run** At UEFA Euro 2016*“ [Там же] / *Исландский забег «Золушки» на Евро-2016.*

“*Every so often in the world of sports, there comes a **Cinderella story** that awes and captivates fans...*” [Там же] / *Время от времени в мире спорта появляется история о «Золушке», которая восхищает и очаровывает фанатов...*

„*...the **fairy tale run** doesn't stop there*” [Там же] / *Сказочный забег на этом не заканчивается.*

„*...we will see whether their **fairy tale** is over or if they can shock and captivate us again*“ [Там же] / *Мы еще увидим, закончится ли их сказка или смогут ли они снова шокировать и очаровать нас.*

„*Iceland, fresh from their **giant-killing** triumph against England, were full of confidence*“ [Там же] / *Исландия, только что восторжествовавшая над гигантом-Англией, была полна уверенности.*

„*Their **fairy-tale run** at UEFA Euro 2016 is over*” [Там же] / *Их сказочный забег на Евро-2016 закончился.*

Здесь мы находим такие креативные метафоры, как: *Cinderella Run, Cinderella story, the fairy tale run, fairy tale, giant-killing, fairy-tale run.*

Метафора *Cinderella* в английском языке является конвенциональной, и на это указывает ее лексикографическое отображение. Мы находим существительное „*Cinderella*” со значением: тот, кому выказывают пренебрежение, как Золушке из сказки [2]. В волшебной сказке обязательно присутствуют протагонист и антагонист. Здесь, в свою очередь, сборная Исландии выступает в роли главного героя и сражается с противоборствующими силами – командами Англии и Франции. Кульминация сказки – победа героя. Иными словами, создается ментальное пространство, где, вопреки всем противодействиям, исландские футболисты всегда побеждают. Возможно, тем самым автор передает свое ожидание и уверенность в победе сборной Исландии.

Креативная метафора *giant-killing* позволяет метафорически представить победу Исландии над Англией как убийство гиганта. Данная концептуальная метафора является конвенциональной: это прилагательное, описывающее игрока или команду, которая побеждает намного сильного соперника [4] ('Спорт – это война', 'Спорт – это смерть'). Таким образом, в английском языке закрепились наиболее востребованные для спортивного дискурса концептуальные метафоры.

Итак, в англоязычном спортивном дискурсе употребляются доступные для широкой аудитории концептуальные метафоры. Метафорическая концептуализация адресатов и адресанта определяется понятийной системой человека, его способностью к образному мышлению и языку. Прослеживаемые системные отношения между концептуальными метафорами являются иллюстрацией закономерностей восприятия адресатами метафоры в тексте. Концептуальные метафоры организуют текст в структурно-содержательном плане и реализуют новые смыслы в спортивном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аргунов В. В.* Концептуальные метафоры в русскоязычном и англоязычном спортивном дискурсе : дис. ... магистра лингвистики. Якутск : Северо-Вост. фед. университет, 2020.
2. *Cinderella.* (n.d.). Dictionary by Merriam-Webster. Retrieved October 14, 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/Cinderella>
3. *Eriksson, M.* Building a Balanced Organizational Culture – Imagery in Corporate Storytelling : Metaphors and Translation (Dissertation). 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:lnu:diva-96428>
4. *Giant-killing.* (n.d.). Cambridge Dictionary. Retrieved October 14, 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/giant-killing>
5. *Iceland at EURO 2016:* Aron Gunnarsson and Heimir Hallgrímsson recall a fairy-tale run. UEFA.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.uefa.com/uefaeuro-2020/news/025e-0fc01191df5f-5135a6fc3b24-1000--four-years-on-iceland-s-fairy-tale-run/>
6. *Iceland looking to emulate Leicester City heroics as Euros odyssey continues.* RTÉ.ie [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.rte.ie/sport/euro-2016/2016/0629/798974-iceland-looking-to-emulate-leicester/>
7. *Kovecses, Z.* Where Metaphors Come From: Reconsidering Context in Metaphor // New York: Oxford University Press, 2015. 215 p.
8. *Lakoff, G.* Metaphors we live by // London: The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
9. *Odyssey.* (n.d.). Dictionary by Merriam-Webster. Retrieved October 14, 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/odyssey>
10. *Pisciotta, P.* Iceland's Cinderella Run At UEFA Euro 2016. Odyssey [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.theodysseyonline.com/icelands-cinderella-run-uefa-euro-2016>
11. *Running on fumes.* (n.d.). In The Idioms – Largest Idioms Dictionary. Retrieved September 23, 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.theidioms.com/running-on-fumes/>

КОНЦЕПТ «ДРУЖБА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается историко-этимологическая составляющая содержания концепта «дружба» в русской языковой картине мира. Материалом исследования являются историко-этимологические словари русского языка и языковые данные Национального корпуса русского языка. Дается характеристика этимология корня ДРУГ-, от которого образованы слова, формирующие концепт «дружба». Обнаруженные в ходе этимологического анализа смыслы 'спутник', 'товарищ по оружию', 'поддержка, опора' и пр. подтверждаются примерами использования слова *друг* в русской речи. Также выявлена значимая в культурном отношении национально-специфическая ассоциативно-смысловая связь между понятиями «друг» и «другой» в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт «дружба», концептуальный анализ, лингвокультурология, русская языковая картина мира, внутренняя форма, этимология.

В современном языкознании активно развивается такое направление лингвистических исследований на стыке лингвистики и культурологии, как лингвокультурология. Лингвокультурологическое направление изучает национальное и культурное своеобразие языков мира [4]. В рамках этого подхода сложилось научное понятие «языковая картина мира», которое отражает, как особенности менталитета этноса, его системы ценностей и моделей представлены в категориях и единицах национального языка [3]. Важнейшим элементом языковой картины мира считаются концепты как культурно обусловленные единицы знания о мире этноса [5; 8]. Изучение концептов национальной культуры помогает нам понять ключевые идеи языковой картины мира того или иного народа, его отношение к тем или иным явлениям окружающего мира и внутренней жизни человека. В этом состоит актуальность нашего исследования.

В центре нашего исследования находится концепт «дружба» в русской языковой картине мира. Концепт «дружба» является одним из наиболее значимых в русской национальной культуре. Многие ученые отмечали существенную национальную специфику в восприятии дружбы в русской культуре, которая отражена в фактах языка [1; 5].

Наше исследование основано на методике описания концептов национальной культуры, принятой в работах ученых Нижегородской школы кон-

цептуального анализа [6; 7]. В соответствии с этой методикой, первоначальный этап комплексного синхронно-диахронного лингвокультурологического описания концепта состоит в рассмотрении историко-этимологической составляющей его концептуального содержания.

Цель исследования – охарактеризовать этимологию корня ДРУГ-, от которого образованы слова, формирующие концепт «дружба» в русской языковой картине мира. Также в целях нашего исследования необходимо подтвердить реальность смыслов, выявленных в этимологическом анализе, в примерах использования слова *друг* в русской речи.

Материалом исследования являются историко-этимологические словари русского языка [10; 11] и языковые данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Предлагаемое в работе комплексное описание концепта носит синхронно-диахронный характер. Это означает, что в отличие от лексического значения слова, в которое принципиально не входит его внутренняя форма, т.е. этимология, в концептуальное содержание как раз включаются этимологические и историко-лингвистические сведения [4; 5; 7]. Также и по мнению Ю. С. Степанова, исходное содержание концепта формируется на основе внутренней формы воплощающих его слов и выражений [8]. Важность внутренней формы слова для понимания концептуального содержания соответствующего концепта заключается в следующем. Внутренняя форма – это образ, который положен в основу названия того или иного явления, когда люди в своем опыте восприятия мира впервые столкнулись с этим явлением [4].

Новое человек может узнать лишь одним способом – сопоставить его с чем-то уже известным из опыта. Для этого используется механизм концептуальной метафоры Дж. Лакоффа – М. Джонсона [5]. Таким образом, благодаря внутренней форме мы можем узнать, как нашим предкам представлялась та или иная реальность жизни. Нам нужно для этого проанализировать понятие, лежащее в основе метафорического сопоставления с тем, которое называется этим словом.

У некоторых слов внутренняя форма прозрачна. У других слов она забывается, стирается со временем. Такая внутренняя форма выявляется с помощью специальной методики этимологических исследований, основанной на сравнительно-историческом методе в языкознании. Таким образом, согласно принятой методике исследования, внутренняя форма корня ДРУГ- выявляется посредством анализа этимологических данных.

В словаре М. Фасмера слово *друг* рассматривается как родственное лит. *draiūgas* «спутник, товарищ», лтш. *drāugs*, гот. *driugan* «воин», англос. *dreogan* «совершать, добиваться», гот. *gadraiūhts* «воины», д.-в.-н. *trucht* «отряд воинов, свита», д.-в.-н. *truhtīn* «военачальник, князь», лит. *sudrugti* «присоединиться» [10].

Данные этого словаря позволили нам выделить исконные для значе-

ния этого корня значения 'спутник, товарищ', т.е. сопровождающий в дороге или соучаствующий в каком-либо предприятии, 'воин', т.е. товарищ по оружию. В целом здесь можно говорить о семантике участия в какой-то совместной деятельности любого типа. Эти значения в общем сохранились и в современном русском языке, на что указывают данные Национального корпуса русского языка:

СПУТНИК: *Одним словом, Проктер был спутником и другом знаменитостей – сам он был слишком незначителен как человек и как поэт, чтобы претендовать на большее, если он действительно этого хотел...* [Григорий Кружков. 1. Пушкин как озерный поэт // «Дружба народов», 1999].

ТОВАРИЩ ПО ОРУЖИЮ: *Спешите же с ответами, мои друзья по оружию и идеи!* [Ю. В. Трифонов. Отблеск костра (1965)].

В словаре П. Я. Черных корень рассматривается как родственный словен. *drug, sodrug*; словац. *druh*. Др.-рус. *другъ* – «друг», «товарищ», «слуга», «дружина». Ст.-сл. *дроугъ*. Общеславянское **drugъ* (индоевропейское **dhrughos*). Индоевропейская база *dh(e)reugh-*, корень **dher-* «поддерживать», «подпирать», «держатъ» [11].

Мы видим, что в этом словаре ожидаемо повторяются основные смыслы для исконного значения корня ДРУГ-. В целях нашего исследования важно, что в древнем, индоевропейском состоянии языка корень ДРУГ-соотносился с идеей 'держатъ' (слова *друг* и *держатъ* восходят к общему корню в индоевропейском праязыке), 'подпирать' → 'поддерживать'.

Таким образом, на этой стадии этимологического анализа мы выявили еще одно важное для понимания концепта «дружба» в русской языковой картине мира значение – это идея опоры, поддержки; то, что поддерживает, подпират кого-л. / что-л. Эта семантика в слове более древняя, в современных словарях она напрямую не отражается. Но в русской речи существует много примеров, когда значение слова *друг* так или иначе соотносится в контексте с значениями слов *опора*, *поддержка*, глагола *поддерживать*. Это можно видеть в примерах из Национального корпуса русского языка:

ОПОРА: *Спасибо, что лапу сломал, а не голову... Но – Филипп, близкий друг, опора и надежда артиста!* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]; *Как и все женщины, чувствую себя неуютно без опоры – надежного, верного друга* [Помогите нам встретиться // «Сельская новь», 2003.10.07].

ПОДДЕРЖКА: *Поддержка друзей Баллы от 0 до 5 Оцениваются профессиональные способности окружения кандидата – насколько оно готово стать эффективным предвыборным штабом* [Наталья Тимакова, Глеб Черкасов. Кандидатский минимум // «Коммерсантъ-Власть», 1998].

ПОДДЕРЖИВАТЬ: *«Полностью поддерживаю своего друга и соратника Антон Геращенко!..»* [Украинский депутат вылизал тарелку и рассказал о традициях // lenta.ru, 2017.12.09]; *Его поддерживают деньгами друзья проекта, те же меценаты* [Александра Виграйзер. Опасная правда //

lenta.ru, 2017.05.22].

Таким образом, в современное представление говорящих по-русски о друге эти смыслы ('опора', 'поддержка', 'поддерживать / поддержать') также входят, пусть и на потенциальном уровне.

О национальной специфике в языковом выражении концепта могут свидетельствовать и этимологические связи разных слов языка. Эти смысловые связи уже не ощущаются на современном уровне развития языка. Но они входят в ту часть содержания концепта, которая называется «этимологическая память концепта» [9, с. 68].

В этом плане при анализе материалов словаря М. Фасмера нам важно указание на то, что семантика современного русского местоимения-прилагательного *другой* восходит к *друг* в значении 'спутник, товарищ, близкий человек': «**Другой**, *друг друга*, укр. *другий* «второй», блр. *другі* – то же... || *Первонач.* Тождественно **друг**» [10]. В современном русском языке, согласно словарю Т. Н. Ефремовой, местоимение-прилагательное (иногда и в роли существительного) *другой* имеет следующие значения: «I. **сущ. разг.** Кто-то иной, не сам; II. **сущ. разг.** 1. Ни один из названных или из известных; 2. Кто-л. посторонний, чужой; III. **прилаг.**: А) 1. Не этот, не данный. 2. Противоположный (о стороне, крае и т. п. чего-л.). 3. Употр. при противопоставлении; Б) 1. Отличный от данного, прежнего; иной. 2. *разг.* Второй, следующий; В) Употр. при приблизительном указании количества, продолжительности чего-л.; IV. **местоим.**: 1. *разг.* Некий, некоторый; 2. *разг.* Некоторый, какой-нибудь, иной» [2]. Как видим, для слова *другой* в словаре указано много значений, но ни одно из них напрямую не связано с значением *друг* 'товарищ, близкий человек'.

В этой этимологической связи, на наш взгляд, и можно искать национальную специфику представления о друге в русской языковой картине мира. Так, в работах Т. Б. Радбиля говорится о неслучайности этимологического сближения *друг* и *другой* 'тот, кто не Я, второй'. На концептуальном уровне это может означать значимое культурное представление о том, что в русской картине мира любой человек, тот, кто не Я, по умолчанию, автоматически считается другом, а не врагом или посторонним человеком [5; 7].

Отметим, что в других языках подобного сближения нет. Например, в английском *friend* 'друг' и *other / another* 'другой' совершенно закономерно представлены разными корнями. Ведь, по сути, это абсолютно разные понятия, они и не должны быть логически связанными. А в русском языке на этимологическом уровне мы эту, вроде бы не обязательную связку наблюдаем, что не может быть случайно. Предки современных русских людей видели закономерность в сближении понятий «друг» и «другой» и отразили это в своем языке.

Таким образом, этимологический анализ позволил нам установить наличие важной концептуальной связки, актуальной для представления о друге в русской языковой картине мира. То, что *друг* и *другой* ассоциативно

связаны в русском языковом сознании, доказывают и контексты употребления наречного выражения *друг друга*.

В современном русском языке это выражение означает 'один другого; взаимно' [2] и не имеет никакой смысловой связи с представлением о друге. Но в контекстах употребления выражение *друг друга* очень часто употребляется именно в положительно окрашенных высказываниях, в которых речь идет о взаимной поддержке людей. Нередко даже слова с корнем ДРУГ- и выражение *друг друга* встречаются в пределах одного текстового фрагмента: *Возможно именно она помогает им узнать **друг друга** и, наверное, подружиться* [коллективный. Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006-2011)].

Похожим образом ведут себя и другие падежные формы этого наречного выражения – *друг другу, друг на друга, друг с другом* и пр.:

*«Полетели наши ребяташки, – подумал Кянукук. – Они откинули спинки кресел и сидят рядом, болтают об антимирах или читают стихи. Наверное, они **подружатся друг с другом**. Возможно, **подружатся** на всю жизнь»*. [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)];

*А тут оба одновременно улыбнулись, и я вижу, что это **близкие друг другу люди*** [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004];

*Эти парни **друг за друга** – в огонь и воду!* [Светлана Беллендир. Уфа - Луганск. Дорога дружбы // «Бельские просторы», 2018].

В таких случаях можно говорить о том, что в результате паронимического сближения близких по звучанию слов с разным значением актуализуется их этимологическая семантика («этимологическая память концепта»).

Подведем некоторые итоги. Проведенный анализ историко-этимологической составляющей в концептуальном содержании концепта «дружба» позволил выявить его когнитивные признаки, заложенные в представление о дружбе и друге в русской культуре изначально. Это такие когнитивные признаки, как 'спутник, товарищ', 'воин = товарищ по оружию', 'опора, поддержка'. Кроме этого, этимологический анализ выявил наличие культурно значимой концептуальной связи между понятиями «друг» и «другой» (тот, кто не я, т.е. любой человек, потенциально осмысливается как друг). Эта исконная, подкрепленная общностью происхождения связь между словами *друг* и *другой* выступает как уникальная национально-специфичная концептуальная связка в русской языковой картине мира.

Согласно принятой концепции исследования, этимологический анализ является лишь начальной стадией комплексного лингвокультурологического описания концептуального содержания и языкового воплощения исследуемого концепта. Основной набор когнитивных признаков для концепта «дружба» формируется на базе уже словарных толкований самой леммы *дружба* — имени концепта, а также слов *друг* и *дружить* как его других репрезентантов по данным толковых словарей русского языка. Это определяет перспективы нашего дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М. : Русские словари, 1997. 416 с.
2. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. Т. II. 1209 с.
3. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира : Сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
4. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 456 с.
5. *Радбиль Т. Б.* Когнитивистика : Учебное пособие. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2018. 375 с.
6. *Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В.* Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
7. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол. мон. / Под ред. Л. В. Рацибурской. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
8. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Академпроект, 1997. 989 с.
9. *Стешина Е. Г.* Этимологическая память концепта «деньги» // Филологический аспект. 2018. № 4 (36). С. 68–72.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. Изд. 2-е, стереотип. / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева; Под ред. и с пред. проф. Б. А. Ларина. М.: АСТ, 2009. Т. I. 576 с.
11. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стер. М. : Русский язык, 1999. Т. 1. 560 с.

Красикова М. Б.

ПРОИЗВОДНЫЕ ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза А. К. Серова, г. Краснодар. Российская Федерация

Аннотация. Объектом анализа данной статьи являются такие производные единицы как отглагольные существительные в современном английском языке. Со стороны своей семантической структуры они оцениваются как сложные образования, которые сочетают в себе категориальный показатель субстанции - предметность и остаточный категориальный признак базового глагола – процесс в виде дополнительного компонента семантической структуры. Автор статьи разделяет производные единицы на семантические группы, выстраивая их на оси абстрактности-конкретности и предлагает их классификацию.

Ключевые слова: отглагольные существительные, семантическая классификация, предметность, абстрактность, конкретность.

1. Вступительные замечания.

1.1. В отглагольном словообразовании, наряду с производными прилагательными и глаголами, выделяется достаточно большой и многочисленный класс производных – отглагольные существительные (далее ОС) [1; 4; 8]. Например: *to exist* 'существовать' – *existence* 'существование'; *to equip* 'снаряжать, оборудовать' – *equipment* 'оборудование, оборудование'; *to talk* 'разговаривать' – *talking* 'разговор'; *to attest* 'удовлетворять' – *attestation* 'удовольствие'; *to land* 'всходить, высаживаться на берег' – *landing* 'место высадки'; *to subordinate* 'подчинять' – *subordination* 'подчиненность'; *to teach* 'учить, учить' – *teacher* 'учитель'.

Объектом исследования в данной статье и будут именно производные ОС. Мотивирующей основой производной единицы является базовый глагол (БГ), но, переходя в разряд слов другой части речи (существительного), эта языковая единица испытывает со временем формоизменения и, в итоге, поляризует в себе остаточное влияние глагольных и именных значений. А. М. Пешковский писал: «Вникнем еще в слова: «хождение», «ходьба», «походка». Корень обозначает здесь действие, т.е. опять что-то такое, что от действующих предметов отдельно не существует. А суффикс опять сосредотачивает нашу мысль на этом действии, как на чем-то отдельно существующем, как на предмет» [5, с. 281]. «Значение предметности, служит тем семантическим средством, с помощью которого из названия единичной вещи возникает обобщенное обозначение целого класса однородных вещей или выражение отвлеченного понятия» [2, с. 45].

1.2. Материалом исследования послужила сплошная выборка предложений из современных художественных произведений английских и американских авторов, которая насчитывает 3595 единицы. Часть ОС встречалась в тексте неоднократно, поэтому численность единиц анализа составила 2759 существительных, образованных от глаголов.

1.3. Заданием статьи является семантическая классификация производных ОС.

2. Характеристика объекта исследования.

Производные ОС неоднократно становились объектом исследования и можно утверждать, что наука накопила достаточно теоретических и практических исследований ОС [1; 2; 4; 5; 8], на которые опирается автор данной статьи. Стоит назвать разные критерии, содержащиеся в приведенных исследованиях и которые лежат в основе изучения производных единиц: критерий словообразовательных гнезд, семантический критерий, трансформационный, транспозиционный, номинативный. Данный перечень характеризуется изменением теоретических приоритетов и переоценкой ценностей в середине лингвистики на примере анализа определенного языкового явления и отражает переход от описания внешней стороны языковой единицы к описанию ее внутренней стороны, то есть ее словообразовательной семантики [6, с. 8]. Данное исследование опирается на методику анализа словар-

ных дефиниций, трансформационный анализ, семантический и контекстуальный анализ.

Со стороны своей семантической структуры ОС оцениваются как сложные образования, которые сочетают категориальный показатель субстанции - предметность и остаточный категориальный признак БГ – процесс в виде дополнительного компонента семантической структуры, который, усложняя значение ОС, добавляет им неповторимую семантику и, следовательно, функциональное своеобразие [4; 8]. Отмечается, что соотношенность ведущего и подчиненного компонентов смещается в сторону усиления главного признака - предметности и, как доказательство, выделяют 3 степени в процессе лексико-грамматической номинализации: 1) первичное значение действия БГ отражается в тождественном значении ОС ср.: *achievement* – 'action of achieving'; 2) значения действия модифицируется в ОС и сказывается это в том, что значение сужается, развивается дополнительное значение кратности, ср.: *invitation* – 'request to go or come somewhere or do something' – свидетельства привлечения ОС в грамматическую категорию числа; 3) развивается вторичное предметное значение, в котором полностью отражается влияние существительного, ср.: *donation* – 'a thing donated' [4; 9].

Для ОС категориальные признаки – это те, которые заимствуются у БГ и свойственны всем единицам этого разряда. «Именно категориальным признакам принадлежит роль организующего начала, цементирующего и подчиняющего себя всю структуру» [3, с. 136]. Предметом анализа данной статьи становится признак, общий для БГ и ОС, то есть категориальное значение глагола – идея действия, потому что ОС семантически связанное с БГ посредством происхождения, во всех своих значениях сохраняет глагольный признак, сочетая его с собственным категориальным значением предметности.

Распределение на уровне обобщенных, типичных и более случайных, групповых значений в семантике БГ обеспечивает основу для соответствующей классификации ОС (действие *to paint* 'рисовать' – *painting* 'рисование', движение *to walk* 'ходить' – *walking* 'ходьба', отношение к окружающего *to depend* 'зависеть' – *dependence* 'зависимость', а также смысловые модификации в виде субъекта *to execute* 'выполнять, казнить' – *executioner* 'палач', объекта *to divorce* 'отделять, отрываться' – *divorcee* 'разведенная', результату *to find* 'находить' – *find* 'находка', орудия, средству действия *to skim* 'снимать сливки' – *skimmer* 'шумовка' и т.п.).

Перечисленные значения производных ОС переплетаются с логическими понятиями «абстрактное» и «конкретное». Лингвистическое противопоставление словарного значения и контекстуального употребления четко не отслеживают этот контраст: словарные значения, независимо от реальной семантики явлений, которые обозначаются, отличаются большей степенью обобщенности, однако, будучи оторванными от конкретной ситуации, они передают названия в общем значении, тогда как контекстуальное употребление добавляет им ситуативную определенность. Однако и на этом

уровне смысла слова может добывать как конкретный в зависимости от сочетаемости слов, так и абстрактный характер [4; 7].

Количество разграничений конкретных и абстрактных значений внутри обобщенного понятия ОС в перечисленных выше исследованиях разное, потому что разные подходы и концепции, которые лежат в основе подобных исследований. Определение ролевой функции ОС порою усложнено, поскольку термины «субъект», «объект», «адресат», «инструмент», «действие», «место», «время» и т.п. в лингвистике могут рассматриваться, с одной стороны, как элементы в синтаксической структуре предложения, а, с другой стороны, как внутреннее содержание производного слова. В данной статье окончательный объем семантики ОС рассматривается в плане категориальных превращений, следовательно, понятие предмет и процесс является здесь основным для классификации семантических структур ОС, которые отражают их бинарное расслоение. Предлагается рассматривать производные с точки зрения их внутренней семантической значимости на основе практического анализа конкретного языкового материала.

3. Дифференциация значений производных ОС. На основе анализа семантики производных ОС, общее количество которых в выборке составили 2759 единицы, выделились две группы:

а) ОС с семантикой действия, состояния, отношений (далее ОСД). Данная подгруппа является самой многочисленной – 1728 значения, что составляет 63 % от общей выборки. Производные данной группы передают значение: 1) «имя действия», напр.: (1) *They engaged in arm – waving conversation*. 'Они вели беседу, размахивая руками.'; 2) процесс, напр.: (2) *In her teaching, there was no sentimentality*. 'В ее преподавании не было сентиментальности.'; 3) однократное действие или его результат, напр.: (3) *Miss Mandie looked around and the shadow of her old grin crossed her face*. 'Мисс Модии посмотрела вокруг, и тень ее старой улыбки исказила ее лицо.'; 4) состояние, напр.: (4) *She was in a state of exhaustion after climbing the mountain*. 'Она находилась в состоянии истощения потом взбирания на на гору.'; 5) чувство, напр.: (5) *Jem and I viewed Christmas with mixed feelings*. 'Мы с Джемом ожидали Рождество со смешанным чувством.'; 6) отношения, напр.: (6) *She insisted on girl's subordination of her orders*. 'Она настаивала на том, чтобы девочка подчинялась ее приказам'.

Количественное наполнение выделенных групп подано в следующей таблице.

Таблица 1. Классификация значений ОС

Значения ОС	Количественная характеристика семантических групп ОС, (%)
1. ОСД (ОС со значением действия, состояния, отношения)	1728 (100)
1.1. Имя действия / процесс	842 (49)
1.2. Одноразовое действие или его результат	611 (35)
1.3. Состояние, чувство, отношение	275 (16)

2. ОС с конкретными значениями	1031 (100)
2.1. Субъект действия	360 (35)
2.2. Объект действия	337 (32)
2.3. Инструмент / средство воздействия	200 (20)
2.4. Место действия	110 (11)
2.5. Время действия / срок	24 (2)
Всего	2759 (100)

б) ОС с конкретными значениями, куда относятся производные с не-акциональной семантикой. Производные ОС данной подгруппы составляют 1031 пример (37% общей выборки и передают следующие значения: 1) субъект действия, напр.: (7) *Eula May was Maycomb's leading telephone operator*. 'Юла Мэй была главной телефонисткой Мейкомба.'; 2) объект действия, напр.: (8) *The judge dismissed all charges of forgery against a defendant*. 'Судья снял все обвинения против подсудимого в подделке денег.'; 3) орудия труда или другие материальные предметы, средства влияния, напр.: (9) *The men tried to soak her house with hand extinguishers*. 'Люди пытались затушить ее дом с помощью ручных огнетушителей.' (10) *I saw Miss Maudie Atkinson with hedge clippers in her hands*. 'Я видел Мисс Моде Аткинсон с садовыми ножницами в руках.'; 4) место действия, напр.: (11) *He lives in that little settlement beyond the town dump*. 'Он живет в том маленьком поселении за городским мусорником.'; 5) время действия, срок, напр.: (12) *His enlistment as a soldier in the army has finished*. 'Срок его службы в армии как солдата закончился'.

4. Выводы. Приведенные данные свидетельствуют о том, что:

4.1. ОС образуют мощный слой лексики с много развитой системой значений, которая обусловлена семантической соотнесенностью с глаголами.

4.2. Глагольная семантика не просто заимствуется, но своеобразно преломляется в значениях предметности.

4.3. Количество ОС, в семантике которых лексическое значение БГ остается знаменательным элементом, превышает количество производного отглагольного деривата с конкретными значениями. Подобное соотношение обращает внимание исследователей [4; 8] и это стоит считать тенденцией в отглагольном словообразовании в английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Избранные труды. Т. 1. М. : Школа «Языки русской культуры»; Изд-во «Восточная литература» РАН, 1995. 367 с.

2. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: Избранные труды. М. : Наука, 1975. 559 с.

3. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972. 216 с.

4. Красицова М. Б. Семантико-синтаксические характеристики отглагольных существительных со значением действия в английском языке и реализация ими валентности // Дослідження різнорівневих одиниць романських, германських і слов'янських мов:

Зб. наук. пр. Випуск 2. Донецьк : ДонНУ, 2003. С. 25–33.

5. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М. : Учпедгиз, 1956. 511 с.

6. *Плунгян В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику : Учебное пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

7. *Чернейко Л. О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М. : Изд-во МГУ, 1997. 320 с. Приложение: Шкала конкретности – абстрактности.

8. *Kreidler, Charles W.* *Introducing English Semantics.* London and New York : Routledge, 1998. 332 p.

9. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.* Oxford : Oxford University Press, 1994. 1579 p.

Пташкин А. С.

ON LITERARY AND MEDICAL DISCOURSES OF THE CATEGORY OF MENTAL DEVIATION IN ENGLISH

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
г. Томск, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются художественный и медицинский дискурсы категории девиации в английском языке. В работе представлен метод дискурсивного анализа средств выражения категории девиации. Дискурс категории девиации в английском языке представлен в качестве системы абстрактных концептов, указывающих на ментальные отклонения. Художественный дискурс категории девиации представлен лексическими единицами нейтрально-книжного стиля. Медицинский дискурс категории девиации включает термины международной классификации болезней.

Ключевые слова: художественный дискурс, медицинский дискурс, девиация, концепт, лексема, словосочетание.

The term “discourse” was introduced by Z. S. Harris in 1952 as “a method of studying the movement of information in the discourse” [8]. Discourse – n. a certain complex of categories, concepts that are offered to be produced and transformed “in a particular set of practices” [4].

Discourse should be defined as a specific type of activity that objectifies data about this process [6].

The discourse is influenced by sociolinguistic factors; they characterize the discourse under study in different contexts [5].

Nowadays, discourse analysis is widely used in various fields of knowledge. The discourse theory is observed in psycholinguistics, semiotics, anthropology, philosophy, political science, etc. [2].

Within the framework of semiotics the discourse is regarded as a sign system, which implies verbal and non-verbal systems of signs [9]. R. Bart defines discourses as social signs, and the sign in turn is interpreted by him as a symbol.

He includes cultural markers with verbal sign systems in the discourse [1]. "Semi-analysis" of the text often merges with its psychoanalysis [10].

Critical Discourse Analysis (CDA) offers a theory and method of empirical research of the relationship between discourse and socio-cultural phenomena.

Discourse studies within the framework of different areas of linguistics consider the linguistic side of discourse, thereby delimiting it from other language phenomena. Discourse includes the concept of consciousness unlike text or speech. E. Benveniste, using the notion of discourse, contrasted it as a process to the system [3].

As the discourse analysis in general, any linguist should take into account various levels of analysis without omitting a communicative act, the text, semantic structure of mental units.

T. Dijk tended to reveal a textual analysis with special attention to the levels of the text. A contextual analysis goes further [7].

The discourse of deviation presupposes a consideration of central extralinguistic factors of time, place, all the participants and their role and cognitive characteristics in the discourse, etc.

We believe that deviation in the framework of the discourse analysis cannot be represented as a primitive set of isolated units. This category acts as an integral set of units that are organized contextually. The discourse of deviation is a form of the generation of meanings, that is, conceptualization.

The discourse of deviation, like other mental units, has certain implicit categories. There are more explicit concepts in the discourse that exist parallel to these implicit categories and partially correspond to them [7]. In this case, the discourse analysis of the category of deviation is close to the method of conceptual analysis, which also presupposes the existence of the hierarchy within abstract mental units. Such hierarchy can be given in various ways [12].

The deviation definition system is one of the key characteristics of such a socially marked communication product as discourse.

The discursive deviation actualizes the meanings of norm and pathology, it helps to define special communicative tasks within texts under analysis. The concept of "deviation" is the tool for revealing anomalies in the aspect of a certain institution.

The discourse of deviation is a kind of unity of linguistic and cognitive structures. Language means of expression of the category of deviation can be subjected to the discourse analysis.

The category of deviation and its concepts can be the basis for the discourse. This work is essential for identifying the specifics of a particular type of the discourse, where this concept or category is realized. Thus, we call the category of deviation a key mental unit and include it as one of the criteria in the typology of institutional discourses. So, the concept *fool* can be met in the literary discourse, *dementia* is typical for the scientific discourse, etc.

The discourse constructs a categorial space of thinking-talking about deviation, and the coordinates of this space are levels of the above-mentioned mental

unit. It is logical to assume that the discourse helps to determine the nature of primary concepts by describing their interrelations within a mental component.

The basic notions of the world-image in the discourse of deviation, presented in the form of categorical concepts, receive an environment of objectification where it is possible to identify their ontology.

Thus, the discourse of deviation can be both a static and dynamic structure; processes of this formation are conditioned by cognitive activities associated with language. The method of discourse analysis allows us to model the interrelationships between concepts in the form of levels, to elucidate the ontological essence of the basic concepts within the framework of understanding the duality of the human worldview.

We distinguish medical and neutral book linguistic units, which update the semantic space within the category of deviation. As it has been noted before, the semantic area of the category of deviation includes the corresponding concepts. The concepts of the mental component of the category of deviation in English are one of the components of medical and literary discourses.

We determine general characteristics of the English speaking discourses of deviation in medicine on the basis of the examples considered [11]. An integral part of the discourse is the general content of the concept.

It is logical to single out the concepts of general theoretical medical topics within the category of deviation; they represent the central part of the mental unit under consideration from the viewpoint of mental components. Thus, texts belonging to the discourse of deviation in medicine should be considered a reference system to the above-mentioned concepts of the mental components of the semantic category under consideration [12].

Articles, journals, chapters of monographs, dictionaries, as well as data from corpora of English have been considered as an empirical basis for the analysis. Genre specificity of the data obtained is a scientific article, a popular science article, a monograph, an electronic corpus. Information of this sphere is formed in specialized medical discourse. Medical discourse as a more general unit than the discourse of deviation defines the focus of the subject, subtopics and methods.

Articles from journals, dictionaries, chapters of monographs differ stylistically and thematically at the lexical level. For example, the verbs in the popular science article devoted to life and death are represented by active units describing physiological and cognitive processes: *detect brain activity, stop circulation, decrease oxygen need, etc.*

The grammatical constructions presented in the discourse of deviation in medicine are different in the sense of: 1) passive voice; 2) active voice. At the same time, the authors of medical articles introduce: a) the medical term or marker "patient suffering from a particular ailment"; b) indication of one's own opinion; 3) reference to the medical and scientific community as a whole.

The "light" modality of the discourse of deviation within the framework of the medical discourse is also in focus.

This modality indicates a tactful way of representing information by the

author. Such information is introduced with the help of the modal verbs *may, can, dare, to be allowed*, etc. in English.

Complex sentences in English have subordinate participial and gerundial constructions, which provide additional information.

The main characteristic of modern scientific discourse is the simplification of the syntax. The emphasis on the important information for the reader is done with the help of a marker – dash.

In addition, the authors of articles, monographs and other scientific literature in the field of medicine use means that serve as markers that transmit signals of negative politeness – hedges: *quite, probably, possibly*, etc.

It is also logical to single out the word-boosters in the discourse of deviation, which are markers of the relationship, of strengthening their point of view in the proposed text: *just, definitely, interestingly*.

Features of other discourses are characteristic of literary discourse. The purpose of such a discourse is somewhat different, since it includes the whole set of semantic paradigms, feelings, knowledge, general cultural values. Thus, the literary discourse of deviation reflects the entire complex of ideas about abnormality in the mental sphere.

It should be noted that the concepts within the literary discourse corresponds to the number of mental units in the selected social approach to the structure of the mental component of the impairment category in English.

Literary discourse is polymorphous. A literary work can include various types of discourse, for example, discourse of everyday dialogue (slangisms, jargonisms, etc.) or medical discourse.

Literary discourse is a verbal representation of the process of perception of the world. At the same time, the discourse forms a semantic space of concepts by itself.

A feature of these mental units is their representation in the author's individual sphere of concepts. In addition, the studied concepts are characterized by allegory, which creates a multidimensionality within the literary work.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Barthes, R.* The fashion system. Berkeley : University of California Press, 1990.
2. *Baudrillard, J.* System of objects. New York : Verso, 2006.
3. *Benveniste, E.* Problemes de linguistique generale. Paris : Gallimard, 1966.
4. *Buchanan, I.* A Dictionary of Critical Theory. Oxford : Oxford University Press, 2010.
5. *Chalker, S., Weiner, E.* Oxford Dictionary of English Grammar. Oxford : Oxford University Press, 2014.
6. *Concise Oxford Companion to the English Language.* Oxford : Oxford University Press, 1998.
7. *Dijk, T. A. van* Discourse, ideology and context // *Folia Linguistica.* 2001. 35 (1–2). Pp. 11–40.
8. *Harris, Z. S.* Discourse Analysis // *Language.* 1952. 28(1). Pp. 1–30.
9. *Jean, G.* Signs, Symbols and Ciphers: Decoding the Message. London : Thames & Hudson Ltd., 1999.

10. *Kristéva, J.* (1981). *Le langage, cet inconnu*. Paris: Ed. du Seuil, 1981.

11. *Ptashkin, A.* The Concepts of "Beauty" and "Pathology" within the Biological Component of Deviation Category (in the English language) // *Xlinguae: European Scientific Language Journal*. 2014. 7(1). Pp. 21–28.

12. *Ptashkin, A.* Means of expressing the semantic field of a mental component within deficiency category in Russian // *Xlinguae: European Scientific Journal*. 2018. 11(2). Pp. 60–67.

Пучкова И. Н.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

*Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу концептосферы «внутренний мир человека» в английской и русской фразеологии. Материалом анализа послужили английские и русские устойчивые словосочетания, пословицы и поговорки, содержащие компоненты «mind», «ум», «heart», «сердце». Выявляются структурные признаки соответствующих фрагментов исследуемой концептосферы, проводится их количественный анализ, выявляются средства их вербализации, делаются выводы об общих чертах и национально-культурной специфике концептуализации понятия «внутренний мир» в английской и русской лингвокультуре.

Ключевые слова: концептосфера, концепт, фразеология, английский язык, русский язык

Концептосфера – это одно из важных понятий в когнитивной лингвистике. Под этим термином понимается свод знаний, который состоит из концептов, обобщающий различные знания внешнего мира, организующий мыслительные картины, схемы, символы, понятия, фреймеры, сценарии, гештальты (сложные комплексные образы внешнего мира), пропозиции, когнитемы, существующий в виде абстрактных значений [3]. Концептосфера «внутренний мир человека» изучалась на материале древнерусского языка [2], проводилось исследование отдельных ее фрагментов в английском языке, но дополнительного внимания заслуживает изучение данного вопроса в сопоставительном плане.

Целью данной работы является изучение концептосферы «внутренний мир человека» в русском и английском языке, в частности, ее фрагментов «ум» и «сердце». Для этого мы попытались изучить сочетаемость вышеупомянутых лексем в идиомах, пословицах и поговорках, выявить признаки концептов и сопоставить их по номенклатуре, количеству и средствам вербализации.

Для исследования выбраны фразеологизмы – устойчивые выражения,

пословицы и поговорки, которые отражают все аспекты жизни народа.

Материалом исследования послужили 437 единиц с компонентом *mind* 70 единиц с компонентом *heart* в английском языке, 70 единиц с компонентом «ум» и 80 единиц с компонентом «сердце» в русском языке, отобранные из англоязычных [5], [6] и русскоязычных [1], [4] источников.

Понятие *mind/ум* ассоциируется с мышлением, памятью, психофизиологическим состоянием человека, а, следовательно, так же, как и человеку, ему будут присущи признаки живого организма (витальные признаки).

В английском языке концепт «*mind*» обладает 4 витальными характеристиками – здоровье (*a healthy mind in a healthy body, a sound mind in a sound body*), зрение (*mind's eye, the beauty of things lies in the mind that contemplates it*), слух (*mind's ear*). В русской фразеологии обнаруживаются 6 витальных признаков данного концепта – жизнь (*чьим умом живешь, того и песенку поешь*), здоровье (*в здоровом уме*), сила/слабость, (*сильный телом победит одного, сильный умом тысячи, ум слабый не желает науки, а хочет век прожить без скуки*), зрение (*видит око далеко, а ум еще дальше*), речь (*ум говорит: пора идти со двора*).

И в русском, и в английском фразеологическом фонде обнаруживаются по 1 ментальному признаку концептов *mind/ум* (англ. *great minds think alike*, русск. *уму непостижимо*)

В русской фразеологии концепт «ум» обнаруживает большее разнообразие эмоционально-нравственных признаков, нежели концепт «*mind*» в английской. Признаки доброта, любовь, трезвость, грех характерны для русского языка (*за добра ума, ум простор любит, трезвый ум, не умом грешат, а волей*). В английских фразеологизмах концепт *mind* отличают признаки «гордость» и «праздность». (*an idle mind is the devil's workshop, a proud mind and an empty purse gree ill thegither*).

И в английском языке концепты «ум»/*mind* отмечено небольшое количество социальных признаков. Для английского языка наиболее актуальны признаки «власть» и «богатство» (*A good mind a kingdom, my mind to me is a kingdom, memory is the treasure of mind*), для русского – власть (*образование гость, а ум хозяин, свой ум – царь в голове*) и подчинение (*и сила уму уступает*).

Поверхность как локус мыслей выступает как признак концепта *mind/ум* и в русском, и в английском языке. Грамматическим средством вербализации данного признака выступает сочетаемость с предлогами **on/off** в английском языке и предлог **на** в русском: англ. – *on your mind, a weight off your mind, a load off your mind*, русск. *на уме, себе на уме, на ум наставить, на ум взбрело, на ум нейдет*.

Признак «вместимость» актуализируется в английских идиомах благодаря предлогам **in, out of** (*be/bear in mind go out of your mind, put out of your mind, out of sight, out of mind, be in your right mind, keep sth in mind, in your mind*), а также лексемам **close** и **open**: *keep an open mind, close your mind*

to sb, в русском языке средствами актуализации признака вместимость выступают предлоги в и из: *в уме, из ума выжить, из ума вон, из ума не идет, в своем уме.*

В представлении носителей русского языка ум как предмет или субстанция обладает такими онтологическими признаками, как длина (*волос долог, а ум (у бабы) короток*), количество (*ума много, ума дать, добавит, набраться*), способность пропускать свет (*ясный ум, пей воду: вода не смутит ума*). Для английского языка актуальны 2 онтологических признака концепта «mind»: **размер** (*little things please little minds, great minds think alike*) и **количество** (*many heads, many minds, be in two minds about, give sb a piece of one's mind*).

И в русской и в английской фразеологии ум/mind может мыслиться как точка в пространстве, служащая ориентиром направления движения и расположения относительно нее других объектов. Как следствие, данный концепт обладает пространственно-ориентационными признаками. В английском языке актуализируются признаки «сзади» (*At the back of your mind*), «движение к...» (*leap to mind, come to mind, bring to mind, call to mind*). В русском языке номенклатура кинетических признаков обширнее: движение к... (до ума довести), движение от и вниз (*сходить с ума, свести с ума*), «сзади» (*задним умом крепок, ум за морем, а смерть за воротом*), «спереди» (*язык мой-враг мой, наперед ума лепечет*).

В обоих языках концепт «ум»/mind обнаруживает кинетические признаки. В английском языке это **быстрота** (**Quick mind**), в русском – **способность к передвижению** (*ум за разум заходит*)

Национально-культурную специфику русского языка составляет наличие в нем **ценностных** признаков концепта «ум», где ум мыслится как товар, представляющий ценность: *ума на деньги не купишь, ума нажить, ума не одолжишь и не купишь, умом торговать, а без ума горевать, ум без догадки гроша не стоит, ум за морем не купишь, коль дома нет, Фома не купит ума, своего продаст, брат он мой, а ум свой, чарка вина прибавит ума. Пей до дна, наживай ума... .*

Кроме того, в русских фразеологизмах отмечены фитоморфные, зооморфные и гендерные признаки концепта «ум», несвойственные для английского языка: *недозрелый умок, что весенний ледок, ослиный ум, бабий/женский/ мужской ум*. Помимо этого в русской фразеологии воспроизводится модель «ум – содержимое, наполняющее вместилище» (*ума палата, ума полная сума*).

Heart/сердце – орган, ассоциирующийся с чувствами, переживаниями, настроениями, это их вместилище, поэтому признаки сердца как вместилища присутствуют в 2 английских идиомах (*at the bottom of my heart, open your heart*) и в 9 русских пословицах (*в сердцах иных людей всегда сумерки, в сердце нет окна, что в сердце варится, на лице не утаится, в сердце не влезешь, из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь, западать в сердце, войти в сердце, с глаз долой – из сердца вон*).

В русской культурной традиции сердце может мыслиться как поверхность, на которой локализуются чувства (*камень на сердце, держать на сердце, заскребло/захолонуло/защемило на сердце, мышцы скребнут на сердце*), в английской фразеологии концептуальные признаки сердца как поверхности не обнаружены.

И в русском, и в английском языке сердце воспринимается как объект, способный двигаться. В английском языке обнаружены 3 кинетических признака – движение вперед (*heart goes out to*), движение вверх-вниз (*sinks, jumps/ leaps*) скорость (*quickens*). Для данного фрагмента концептосферы в русской лингвокультуре характерны признаки «движение вниз» (сердце падает, в пятки уходит, отрывается, обрывается), «вращательное движение» (закатывается, покатилося), «движение вверх-вниз» (запрыгало, прыгает), «колебательное движение» (дрожит), «безостановочное движение» (*заходится, расходилось, взыграло, не лежит*), «движение от...» (*отходит*).

В английской фразеологии обнаружены 6 онтологических признаков сердца как физического объекта: агрегатное состояние (сердце мыслится как жидкость – *pour one's heart out to sb*), прочность (*break one's heart*), материал (*heart of gold, of stone, of glass*), размер (*a big heart*), вкус (*sweetheart deal*), температура (*cold hands, warm heart*), вес (*heavy heart*). В русских идиомах и поговорках сердце также воспринимается как физическое тело, обладающее 8 онтологическими признаками: температура (*горячее сердце, выстудить, зазнобить сердце, сердце захолонуло, сердце матери лучше солнца греет, сердце горит*), вес (*с легким сердцем, с тяжелым сердцем*), размер (*большое сердце*), границы (*в крайнем сердце*), фактура (*мягкое сердце, черствое сердце не знает благодарности*), материал (*каменное сердце, золотое сердце*), агрегатное состояние (*сердце тает*), прочность (*сердце разрывается*).

Пространственно- ориентационные признаки концепта heart более многочисленны в английском языке, нежели в русском, и имеют большее количество средств их вербализации (англ. *At heart, close/near dear to your heart, take to heart, after one's own heart*, рус. – *ты мне вар у сердца*).

Зооморфные признаки концепта heart/сердце реализуются в 3-х английских и 2-х русских фразеологизмах (англ. *chicken-hearted, a surgeon has an eagle's eye, a lion's heart and a lady's hand, warm the cockles of sb's heart*, русск. *сердце соколье, а смелость воронья, заячье сердце*).

Интересно отметить, что носители русского языка в большей степени воспринимают сердце как живой организм, нежели представители англоязычной лингвокультуры. В русских поговорках отмечены такие **витальные** признаки концепта «сердце», как слух, (*как будто слышит сердце, сердцем чуют, сердце чует*), болезнь (*сердце болит, обмирает, до боли в сердце, бередить сердце* т.е. задевать больное место), способность издавать звуки (*сердце екает*, т. е. издает икающие звуки, *ноет*, т.е. издает жалобные звуки) – всего 3 признака. В английском фразеологическом фонде зарегистрирован лишь 1 витальный признак концепта heart, а именно, слабость (*faint heart*

never won a fair lady)

В обоих языках концепт heart/сердце обнаруживает по 1 **нравственному** признаку, для обоих языков этим признаком является доброта (**англ. good-hearted**, рус. **доброе сердце**)

Среди **эмоциональных** признаков концепта heart в английских фразеологизмах отмечены 3 признака – «горе», «веселье», «покой» (*What the eye doesn't see, the heart doesn't grieve over, a merry heart makes a long life, two things prolong your life: a quiet heart and a loving wife,*), в русском – 2 «веселье», «радость» (*Сердце веселится – и лицо цветет, сердце радуется, сердце выиграло*).

В группе **социальных** признаков концепта heart в английском языке выявлен признак «подчинение» (*a face is no index to the heart*), для представителей русской лингвокультуры наиболее актуален признак «свобода/несвобода»: *сердце просит дай сердцу волю, заведет тебя в неволю, Поп руки свяжет и голову свяжет, а сердца не свяжет*).

Коммуникативные признаки концептов heart/сердце актуализируются в обоих языках благодаря глаголам говорения: англ. **reproaches of heart**, рус. *сердце сердцу весть подает, сердце просит дай сердцу волю*

В русском языке, в отличие от английского, концепт «сердце» обладает фитоморфными **признаками** (*сердце мохом обросло*), а также признаками **содержимого**, находящегося в некоем вместилище (*вынимать сердце*)

Итак, фрагменты «ум» и «сердце» являются составляющими концептосферы «внутренний мир человека». Данные фрагменты складываются из совокупности ряда когнитивных признаков – онтологических, пространственно-ориентационных, кинетических, антропоморфных и других. Количество фразеологизмов со словом «mind» в английском языке говорит о преобладании рационального компонента в сознании носителей английского языка над эмоциональным. Наиболее разветвленную структуру признаков и богатый арсенал средств их вербализации имеет концепт «сердце» в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://vdahl.ru/>

2. Кондратьева О. Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях: На примере концептов душа, сердце, ум : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

3. Тентимшиова А. К. Концепт и концептосфера в исследованиях ученых-лингвистов // Научно-методический электронный журнал «Концепт» [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://e-koncept.ru/2016/46223.htm>.

4. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://slovar.cc/rus/dal/579079.html>

5. Nickol, M. 70 idioms with Heart. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.dailywritings.com/70-idioms-with-heart/>

6. The free dictionary by farlex. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://idioms.thefreedictionary.com/mind>

ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА JOY/РАДОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Российская Федерация*

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. На основе метода дефиниционного анализа англоязычных лексикографических источников рассматриваются лексические репрезентанты концепта JOY/РАДОСТЬ в современном английском языке. Лексический ряд представлен синонимами с семантикой эмоции радости разной интенсивности, а также глагольными, адъективными и адвербиальными дериватами.

Ключевые слова: анализ, дефиниция, знание, концепт, концептуализация, лексема, репрезентанты.

В современной отечественной и зарубежной лингвистике вопросы языковой концептуализации остаются достаточно актуальными. Когнитивный подход предполагает объяснение структур языка на новой концептуальной основе, во взаимосвязи со структурами сознания. Признание данной взаимосвязи обусловило появление в арсенале лингвистики такого понятия как языковое сознание. В структуре этого понятия главная роль в объяснении фактов языка отводится знанию. Знание дает человеку возможность подвергать категоризации и языковой концептуализации окружающий мир таким образом, что, в результате, позволяет ему познать и себя, и окружающий мир еще лучше и глубже. Что касается собственно языковых средств, репрезентирующих тот или иной концепт, концептосферу, фрагмент картины мира, то их можно использовать для новых, усовершенствованных языковых таксономий, которые, в свою очередь, могут применяться в языках программирования в системе искусственного интеллекта для обработки массивов текстов и живой разговорной речи.

Неотъемлемой частью жизнедеятельности человека, однако, являются как процессы и предметы объективно-материального мира, так и явления и элементы его субъективно-духовного мира во всем многообразии их отношений и связей. Эмоциональная сфера является составной частью духовного мира человека. Известно, что природа эмоций по сути своей невербальна. Тем не менее, чувства и эмоции в полной мере описаны в специальных науках с использованием специальных методов исследования, концептуальной базы и подъязыка соответствующих наук. Подробнее о становлении и развитии эмотиологии, учении об эмоциях описано в научном исследовании П. Е. Клобукова [2].

Признание наличия специального подязыка исследования эмоций подтверждает то, что сфера эмоций не может быть дезавуирована лингвистикой. Лингвистические исследования, посвященные изучению эмоциональной сферы личности, относились, как правило, к таким частным разделам языкознания как лексикология, лексикография, которые носили выраженный прикладной характер. Рассмотрение языковой концептуализации эмоциональной сферы личности существенно отличается от исследований в психиатрии и психологии, прежде всего, целевой установкой. Если в фокусе внимания психиатрии и психологии находятся человеческие чувства и эмоции в норме и патологии, то в сферу интересов лингвиста попадают все языковые средства, посредством которых эмоциональный концепт объективируется, включая ядро и периферию, а также деривационный, идиоматический, синонимический, паремиологический, афористический потенциал языка, репрезентирующего эмоцию человека.

В работе рассматривается эмоциональный концепт JOY, его лексическая репрезентация в современном английском языке. Объектом исследования послужили тексты словарных статей англоязычных лексикографических источников. В качестве основного метода исследования был применен метод дефиниционного анализа.

В языкознании одним из приемов познания лингвистического объекта является прием построения моделей. Языковую концептуализацию можно представить в качестве способа лингвистического моделирования мира, применяемого для понимания и освоения этого мира. Вместе с тем к понятию *концепт* следует подходить с осторожностью. Следует иметь в виду, что, оперируя понятием *концепт*, мы дифференцируем в речи (дискурсе) две фазы: фазу порождения, генерирования, кодирования речи (дискурса) в соответствии с интенцией (намерением) говорящего (пишущего) и фазу восприятия, декодирования, понимания речи (дискурса). На этапе порождения дискурса говорящий концептуализирует свои мысли и идеи, которые он собирает «вывести» в речь через «оязыковление» своих намерений. Собственно мысли, идеи, которые еще не были озвучены, также представляют собой совокупность концептов. Это концепты первого, абстрактного уровня мышления. Когда они облекаются в слова, в словоформы в высказываниях и выражениях, то это уже *лингвоконцепты*, которые становятся репрезентативными, объективируются в языковых знаках, то есть вербализуются. Это равносильно тому, что мыслительные концепты материализуются посредством знаков языка.

Язык мозга представляется уникальным. В свое время профессор Н. И. Жинкин сказал, что язык мозга представляет собой *универсальный предметный код* (УПК) [1]. В этом смысле все люди, говорящие на разных языках, воспринимают и кодируют данный фрагмент мира на языке мозга приблизительно одинаково (при условии, если нет патологических изменений в мозгу и психике), то есть универсально. Гораздо сложнее и интереснее устроен естественный человеческий язык. Уникальность каждого из языков

этносов проявляется на этапе перекодировки универсального языка мозга на естественный язык человеческого общения. Для того, чтобы вербализовать универсально воспринимаемые предметы, явления, действия, процессы действительности в этнических языках существует большое разнообразие языковых средств. Представим себе, что за человеком, находящимся в *эмоциональном состоянии радости/ the emotional state of joyfulness*, наблюдают русский и англичанин. Язык мозга каждого из них фиксирует такое эмоциональное состояние как РАДОСТЬ/JOY. Намеренно графически изображая слова прописными буквами русского и английского алфавитов соответственно, мы хотим подчеркнуть, что эти слова «произносятся» ни на русском, ни на английском и ни каком другом этническом языке, а на универсальном языке мозга [5].

Русский «видит» это эмоциональное состояние РАДОСТИ через призму русского языка и вербализует его такими лексическими единицами как *радость, восторг, веселье, восхищение, наслаждение, ликование, удовольствие*, и т.п. Англичанин – лексическими единицами *delight, satisfaction, happiness, pleasure, ecstasy, enjoyment, exultation, gaiety, gladness* и т.п.

Ментальный концепт РАДОСТЬ/JOY, универсальный для всех языков, проецируется в этнических языках и обозначается базовым общепотребительным, нейтральным словом, которое и будет представлять концепт в конкретном этническом языке, в конкретной этнической лингвокультуре. Этот перенесенный в языковую сферу концепт и следует называть *лингвоконцептом* [4; 5]. Лингвистические концепты представляют собой единицы знаний о мире, “схваченные” языковыми знаками [3]. Следует отметить, что в последние десятилетия термин *концепт*, а также его дериваты *концептуализация, концептуальный, концептуализировать(ся)* уверенно вошли в научный оборот речи и прочно утвердились в филологических науках. Несмотря на дискуссионный характер употребления данного термина, в частности в лингвистике, ученые едины во мнении, что концептом является единица знания о мире, хранящегося в структуре сознания. Слово сочетание *знание о мире* подразумевает всю картину мира (включая опыт и общественную практику), отраженную в психике человека. Таким образом, с одной стороны, можно сказать, что концепт *per se* обладает ментальной сущностью, однако, с другой стороны, Homo loquens имеет уникальную способность конвертировать знания в чувственно-образном ментальном формате в языковой, текстово-дискурсивный формат. Вследствие этого вербализованный концепт, как уже было отмечено выше, часто называют *лингвоконцептом*. В свою очередь классифицирующему человеческому сознанию свойственно квантовать знание о мире, то есть преобразовывать его из непрерывной формы в дискретную, и систематизировать его в виде структур, состоящих из концептов. На этой стадии обработанному кванту знания, то есть концепту присваивается идентификационный знак, в качестве которого в коммуникативном сообществе используется естественный человеческий язык [4].

В качестве номинанта концепта, как правило, используется автономная лексема, содержащая в своей структуре семантические дифференциальные признаки, наилучшим образом репрезентирующие прототипические черты концепта. Важно отметить, что лексема является репрезентантом концепта лишь в той мере, в какой она сигнализирует и/или предвосхищает определенную область, фрагмент или квант знания о мире, однако она ни в какой мере не является полным вербализованным аналогом содержания целостного концепта, даже при условии, что лексема, как номинант концепта, может быть развернута в пропозициональную структуру. Упакованное таким образом в вербализованную концептуальную оболочку знание с соответствующим идентифицирующим номинантом, может храниться, извлекаться, обрабатываться и транслироваться во времени и пространстве.

Языковые знаки рассматривают в качестве репрезентантов концептов. Основной постулат лингвокогнитологии состоит в том, что языковая единица является экспликатором конкретного кванта знаний о мире, и наоборот, квант знаний, получивший среди когнитологов терминологическое наименование «концепт», «означивается» и «ословливается» с помощью языковых единиц. Концепты в свою очередь систематизируются, инвентаризируются, и маркируются, то есть номинируются через языковые знаки. В этой связи любой отдельно взятый концепт можно рассмотреть как особый лингвистический объект [5].

Дефиниционный анализ статей англоязычных словарей продемонстрировал, что концепт JOY / РАДОСТЬ в сознании англоговорящего человека репрезентируется следующими лексическими единицами: *beatitude (n), bliss (n), blissful (adj), cheer (n), delight (n), delightful (adj), to delight (v), delectation (n), ecstasy (n), ecstatic (gaiety (n), elation (n), to elate (v), exhilaration (n), to exhilarate (v), exaltation (n), to exalt (v), exultation (n), to exult (v), festivity (n), felicity (n), to felicitate (v), glad (adj), gratification (n), to gratify (v), glee (n), gladness (n), hilarity (n), joy (n), to joy (v), joyful (adj), joyfulness (n), joyous (adj), joyousness (n), jubilation (n), jubilant (adj), to jubilate (v), mirth (n), pleasure (n), to pleasure (v), pleasing (adj), pleasurable (adj), rapture (n), ravishment (n), to ravish (v), rejoicing (n), to rejoice (v), revelry (n), to revel (v), satisfaction (n).*

Изучение словарных дефиниций лексем дает возможность определить базовую лексему *joy*, представляющую концепт JOY / РАДОСТЬ. Предложенный выбор истолковывается с точки зрения частотности употребления этой лексемы в рассматриваемых словарях [6]. Также рассматриваемая языковая единица имеет достаточно широкое значение, позволяющее описывать ее в соотношении со смежными категориями *счастья, удовольствия, эйфории*.

Анализ статей лексикографических источников и примеров объективации данного концепта дает возможность выделить релевантные признаки концепта JOY / РАДОСТЬ: 1) *feeling of great happiness and pleasure*, 2)

something or someone that gives joy, 3) the expression of joy. Отметим, что перечисленные признаки формируют понятийную составляющую этого концепта.

Концепт JOY / РАДОСТЬ отличается достаточно большим многообразием оттенков. Сфера возможных эмоциональных состояний человека, их переплетение, переход из одной степени эмоционального проявления в другое, более слабое или сильное, намного шире, чем совокупность языковых средств, выражающих данный концепт.

Если говорить об интенсивности проявления концепта JOY / РАДОСТЬ с точки зрения глубины переживания и внешнего проявления чувства радости, следует отметить, что состояния *gaiety, ecstasy, rejoicing* характеризуются большей интенсивностью и обуславливают большую частотность их употребления в речи, поведении, жестах, мимике, чем состояние радости, которое выражено в лексемах *pleasure u happiness*. Ведь действительно, настоящее счастье, по крайней мере, у русских, как правильно подмечено, «простое и тихое...».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. 157 с.
2. *Клобуков П. Е.* Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке). Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : Филология, 1998. Вып. 4. С. 110–123.
3. *Кубрякова Е. С.* О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2001. С. 4–10.
4. *Пушкин А. А.* Лингвоконцепт «авторитарная языковая личность» // Сб. мат-лов VII межвуз. науч.-практ. конф. «Дорожно-транспортный комплекс: состояние, проблемы и перспективы развития» 6-13 февраля 2014 г. Чебоксары : Волжск. филиал МАДИ. С. 418–422.
5. *Пушкин А. А., Мясникова И. А.* Лексические репрезентанты концепта «СМЕХ» в русском и английском языках // Электронный научный журнал. М. : АР-Консалт, 2017. № 3. С. 211–215.
6. *OneLook Dictionary Search* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.onelook.com/?w=JOY&ls=a> (дата обращения 25.10.2020).

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аратаева А. Т.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ РЕАЛИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ДИСКУРСЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

*Центрально-Казахстанская академия,
г. Караганда, Республика Казахстан*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования метафорических моделей в дискурсе языковой личности американского политического деятеля. Модели метафор обладают положительным прагматическим потенциалом, характеризуются универсальностью образных сфер как основ для метафорического преобразования во многих лингво-культурных сообществах в связи с многовековым обобщением опыта практической жизни человека в мире. Знания, передаваемые метафорическими моделями, организованы на основе более простых когнитивных структур (схем образов), постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью. Рассматриваемая в статье метафорическая модель представлена преимущественно конвенциональными метафорами, фиксированными в культурной традиции англоязычного общества.

Ключевые слова: языковая личность, политический дискурс, метафорическая модель, когнитивная метафора.

Одним из интенсивно развивающихся направлений современной политической лингвистики на сегодняшний день признается исследование политической метафоры и описание ее конкретных моделей [1, с. 122].

При исследовании политического дискурса рассматриваются метафоры, выполняющие в языке концептуальную функцию, которая основывается на их способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий. Подобные концепты представляют собой вербализованные понятия, содержащие в образной форме наименования, представление субъекта номинации о свойствах и характере обозначаемого. Концептуальная метафора одновременно дает денотату имя и предлагает определенный ракурс его видения [2, с. 21].

Концептуальная метафора, как считает Е. О. Опарина, действует в сфере абстрактных невещественных понятий, используя в качестве средства номинации имена предметов и явлений, воспринимаемых органами чувств и более знакомых по повседневному опыту [там же].

Возникновение теории концептуальной метафоры было вызвано размышлениями о ее когнитивной ценности. Основоположниками данной теории в рамках когнитивной лингвистики считают американских исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Далее теория концептуальной метафоры получает развитие в работах российских исследователей – А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, Е. О. Опариной, А. П. Чудинова и др.

По мнению А. Н. Баранова, с когнитивной точки зрения процессы метафоризации – это специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания, когда неизвестное становится известным, а известное совершенно новым [3, с. 184]. В данном случае процесс метафоризации близок к модели рассуждения по аналогии, в основе которой лежит представление о передаче знаний между двумя концептуальными полями: источником (базой) и целью. В этой связи А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов рассматривают метафору как «сложный языковой феномен, образуемый в результате взаимодействия двух смысловых комплексов – содержания/фокуса/источника и оболочки/фрейма/цели» [3, с. 5].

Такая постановка вопроса позволяет рассматривать базовые пропозиции концептуальной метафоры в качестве метафорических моделей. А. П. Чудинов предлагает схематичное восприятие метафорических моделей (базовых пропозиций концептуальной метафоры) по формуле ‘X – это Y’, при котором отношение между компонентами формулы «понимается не как прямое отождествление, а как подобие» [1, с. 131].

Следовательно, метафорическая модель – это существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами: сферой-источником (X) и сферой-магнитом/сферой-целью (Y). В соответствии с формулой ‘X – это Y’ система фреймов, слотов одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита, сферы-цели) [там же].

Таким образом, метафорическая модель структурирована: ее структура состоит из фреймов, которые могут делиться на слоты. Фреймы – особые структуры данных для понятийного представления стереотипных ситуаций в рамках общего контекста знаний о мире. Фрейм можно представлять себе в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними: каждый фрейм состоит из слотов, которые актуализируют один из аспектов его содержания [4, с. 7].

Следствия, выводимые из пропозиций базовых концептуальных метафор, представлены во множестве выражений обыденного языка, что свидетельствует о том, что эти модели мышления действительно существуют в понятийной системе носителей языка и что носители языка оперируют ими в речевой деятельности [2, с. 21–22]. Например, А. Н. Баранов пишет, что к числу концептуальных метафор европейской культуры относятся метафорические проекции “время – это деньги”, “спор – это война”, “жизнь – это путешествие” и др. [65, с. 76].

В связи с быстро распространяющимися процессами глобализации во

многих сферах человеческой деятельности особый интерес представляет изучение концептуальных политических метафор иных лингво-культурных общностей.

Специалисты отмечают, что абсолютное большинство политических метафор базируется на обыденной картине мира, наивных представлениях, которые однако не являются примитивными. Напротив, подобные представления отражают «опыт освоения мира десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в познании национального менталитета» [1, с. 137–138]. В частности, исследование американских политических метафор как принадлежности европейско-американского культурно-политического пространства дает представление о механизмах осмысления действительности, характерных для языковой личности американского политического деятеля; способах восприятия этой личностью мировых политических событий, явлений, процессов и вербальной репрезентации собственных представлений о сложившейся политической ситуации.

В настоящей статье будет рассмотрена одна из метафорических моделей, являющаяся доминантной для дискурса языковой личности Мадлен Олбрайт, – «Политическая деятельность – это строительство».

Метафорическая модель приводится по сфере-источнику и описываются по следующим признакам, предложенным А. П. Чудиновым:

1. Сфера-источник – понятийная сфера, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц.

2. Сфера-магнит (сфера-цель) – понятийная область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц.

3. Относящиеся к данной модели фреймы – единицы знаний, организованные вокруг некоторого понятия и содержащие данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия.

4. Типовые слоты, составляющие отдельные фреймы. Слоты содержат некоторый аспект конкретизации фрейма.

5. Компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-магните) смыслы охватываемых данной моделью единиц. В данном случае необходимо определить, по каким признакам метафорически сближаются указанные сферы, почему понятийная структура сферы-источника оказывается подходящей для обозначения элементов в сфере-магните.

6. Дискурсивная характеристика модели, которая включает типичные для соответствующих метафор концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, прагматический потенциал модели, ее взаимосвязи с существующей политической ситуацией, политическими взглядами и интенциями субъектов коммуникации и др.

7. Продуктивность модели – способность к развертыванию и типовые направления развертывания в тексте и дискурсе. Выявление частотности ис-

пользования соответствующих моделей метафор, сопоставление частотности различных моделей с учетом стилистических и жанровых признаков текста [1, с. 131–133].

Рассмотрим несколько примеров в структуре метафорической модели «Политическая деятельность – это строительство».

1. Фрейм «Политические реалии – это здание»

1.1 Слот «Части здания».

1. *I believe that most Russians understand ... that their great nation can best built a secure future for itself in a Europe without **walls**, with a transformed NATO as a partner.*

2. *Central Europeans felt let down and complained that only East Germany ... had truly been admitted to the West while the rest of the region had been asked to sit in **various institutional waiting rooms**.*

3. *Take Iraq or North Korea, where people operate within **hermetically sealed walls** and, therefore, having alternative sources of information is really important.*

1.2. Слот «Строительные материалы, инструменты»

1. *In order to advance these and other interests – from non-proliferation to human rights – the United States needs a strong foreign policy with **a full toolbox**.*

2. *Economic liberalization and free trade are **essential elements in our hemisphere's economic architecture**, and we are determined to keep them on the front burner.*

1.3. Слот «Строители, архитекторы»

1. ***The democracy-building initiatives** are good investments.*

2.... *I am honored to welcome you as **co-architects** in building a vigorous and farsighted American foreign policy with public diplomacy at its core.*

Метафоры, связанные с понятием строительства, часто употребляются с целью упростить понимание некоторой политической задачи, способы ее решения. Как утверждают специалисты, «влияние метафор на мышление человека неоспоримо. В политике метафора – основной “поставщик” альтернатив разрешения проблемных ситуаций [3, с. 190]. Метафоры модели строительства в дискурсе М. Олбрайт подтверждают данный факт:

*President Clinton shattered **the glass ceiling** for women in foreign policy [6, p. 340]; President Clinton hoped his exchange of elaborate state visits in 1997 and 1998 with Jiang Zemin would open at least a crack in **China's wall of political repression** [6, p. 430];*

*Atatürk took **a sledgehammer** to the foundations of society, abolishing the Islamic caliphate and asserting control over religion on behalf of the State [7, p. 244];*

*...This vision of Europe is not the property of any one nation or group; it is an aspiration shared across the continent and on both sides of the Atlantic ... for increasingly in this new era, security **will not rest on a single pillar**. It must be supported by democratic institutions and values [8];*

Whether directly or indirectly, transnational crime harms us all. Left

*unchecked, it can **fray the fabric** of our societies and threaten the security of our nations [9].*

В ряде случаев строительная метафора позволяет в доступной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею:

*As we look ahead to the next 50 years, we are determined that NATO will endure, and adapt, and become the essential foundation for an ever-widening Atlantic community. To judge NATO's future potential, we must understand fully its past accomplishments. For NATO has always been more than a defensive shield: It was **the roof** over our heads when we rebuilt post-war Europe; It was **the floor** upon which the first structures of European unity were laid; it was **the door** through which one time adversaries were welcomed into our family of democracies [8].*

В рассмотренном примере развернутая метафора нагнетается в контексте приемом синтаксической конвергенции. Одновременное использование тропа и стилистической фигуры позволяет автору правильно расставить нужные акценты: каждое следующее высказывание привлекает и удерживает внимание реципиента на главной идее сообщения – необходимости трансформации и адаптации НАТО для соответствия требованиям новой эры.

Значительный интерес представляет метафорическое осмысление политических реалий в рамках рассматриваемой модели. Так, через актуализацию концептов *внешняя политика, демократия, либерализация экономики* в слоте «Строители, архитекторы» акцентируется одна из основных установок американской системы ценностей, рассматривающая человека как творца собственной судьбы, будущего; человека, способного противостоять стихии, ударам извне:

*... I am honored to welcome you as **co-architects** in building a vigorous and farsighted American foreign policy with public diplomacy at its core [10]; Democracies do not descend from the sky, they **build from the ground up** [11]; ...You have already **built the foundations** for a strong civil society – from a vibrant free press to women's groups to the Mother Teresa Society [12].*

Среди общепризнанных традиционных ценностей американского общества – активный интерес к повышению квалификации и профессионального образования, профессионализм, качественно выполняемая работа. Данная ценность метафорически реализуется в составляющих слота «Строительные материалы, инструменты»:

*... I will do everything I can in my time to see that you have **the necessary diplomatic tools** in your time to protect our nation and do your job [13].*

Метафорическая модель «Политическая деятельность – это строительство» реализует концепты *мировая экономика, международные программы по обмену студентами, НАТО, безопасность, будущее, международная преступность, политические репрессии*.

Приведенные примеры свидетельствуют о взаимодействии, взаимо-

проникновении когнитивного и прагматического уровней в структуре языковой личности. Метафора, как особый способ мышления, заложенный в интеллектуальной системе человека, одновременно дает представление о ценностных ориентирах языковой личности и является для данной личности средством воздействия на сознание и поведение других людей.

Контексты употребления метафорических моделей также реализуют основные ценностные установки американской лингво-культурной общности, в которых проявляются особенности американского национального характера: *ориентация на будущее, активные действия, профессионализм, прагматизм, патриотизм, вера в собственные силы.*

Используемые языковой личностью М. Олбрайт в политической коммуникации модели метафор выполняют важные для политических сообщений функции – когнитивную, коммуникативную, эвфемистическую, популяризаторскую, оценочную, эстетическую, прагматическую.

Метафорические модели в политическом дискурсе Мадлен Олбрайт являются одним из важных средств обеспечения связности и цельности текста, усиливают его прагматический потенциал и эстетическую значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М. : Флинта, Наука, 2007. 256 с.
2. Опарина Е. О. Метафора в политическом дискурсе // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 20–31.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М. : Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979. 151 с.
5. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. Москва : «Наука», 2003. № 2. С. 73–94.
6. Albright, M. *Madam Secretary: A Memoir*. New York : MIRAMAX BOOKS, 2003. 562 p.
7. Albright, M. *The Mighty and the Almighty: Reflections about God, America, and World Affairs*. New York : Harper Collins Publishers, 2006. 339 p.
8. Albright, Madeleine. *Atlantic Unity and European Unity Remain Our Common Vision*. Тип документа: speech. База данных: Academic Search Premier. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://search.epnet.com/login.aspx?direct=true&db=aph&an=9708090212&lang=ru>
9. Albright, Madeleine. *Security Challenges Confronting the Asia-Pacific Region*. Тип документа: speech. База данных: Academic Search Premier. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://search.epnet.com/login.aspx?direct=true&db=aph&an=2436116&lang=ru>
10. Albright, Madeleine. *The Importance of Public Diplomacy to American Foreign Policy*. Тип документа: article. База данных: Academic Search Premier [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://search.epnet.com/login.aspx?direct=true&db=aph&an=2642361&lang=ru>
11. Albright, Madeleine. *U.S. Support for Democracy in Serbia and Montenegro*. Тип документа: speech. База данных: Academic Search Premier. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://search.epnet.com/login.aspx?direct=true&db=aph&an=2865084&lang=ru>
12. Albright, Madeleine. *Three Steps toward Peace, Democracy, and Renewal in Kosovo*. Тип документа: article. База данных: Academic Search Premier. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://search.epnet.com/login.aspx?direct=true&db=aph&an=2642365&lang=ru>

13. Albright, Madeleine. Building a Bipartisan Foreign Policy. Тип документа: speech. База данных: Academic Search Premier. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://search.epnet.com/login.aspx?direct=true&db=aph&an=9708090210&lang=ru>

Бондаренко С. В.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПОСТОРОННЕГО СЛЫШАЩЕГО КАК ФАКТОР РЕГУЛЯЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ

*Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с исследованием стратегического взаимодействия коммуникантов в устном дискурсе в присутствии третьего лица, а также степени воздействия интерференции постороннего слышащего на процесс актуализации речевой коммуникации.

Лингвопрагматическое изучение ситуативной обусловленности взаимодействия «говорящий – слушающий» интерференцией «третьего лица» позволяет установить специфические особенности реализации данного коммуникативного взаимодействия и говорить об особом коммуникативном статусе постороннего слышащего – «вмешивающегося», ролевое коммуникативное поведение которого предопределяет коммуникативные стратегии и тактики построения коммуникации в целом.

Ключевые слова: речевое взаимодействие, коммуникант, интерференция, посторонний слышащий-«вмешивающийся», стратегии и тактики.

Вопрос изучения особенностей речевого взаимодействия коммуникантов, обусловленного интерференцией присутствующего третьего лица, заслуживает определенного внимания в связи со все более открытым характером протекания межличностной коммуникации в современном социуме. И несмотря на то, что, казалось бы, культура речевого поведения предусматривает невмешательство третьего лица во взаимодействие посторонних коммуникантов, налицо многочисленные примеры нарушения правил коммуникативного поведения и этикета.

Исследования показывают, что речевая интерференция постороннего слышащего в дискурсное взаимодействие лиц, ведущих диалог, может быть обусловлена и объективными, и субъективными факторами, независимо от вида которых «вмешивающийся» – это каузативная сила, способная изменить логико-предметную, смысловую, эмоциональную направленность речевого взаимодействия. Именно интенциональная составляющая коммуникативного намерения постороннего слышащего – «вмешивающегося» (ин-

формационной, мотивационной (воздействующей), эмоциональной направленности) предопределяет кооперативный/ некооперативный характер дальнейшего развития коммуникации в целом.

Фактор принятия/ непринятия «вмешивающегося» в качестве полноправного участника коммуникации позволяет вычленить типичные варианты конструирования речевого поведения в коммуникативных ситуациях «говорящий ↔ слушающий и вмешивающийся», основными из которых являются [1, с. 544–545]:

Модель 1:

а) стратегия «игнорирования» со стороны говорящего / слушающего – стратегия «вмешательства» со стороны постороннего слышащего;

б) стратегия «вмешательства» со стороны постороннего слышащего – стратегия «игнорирования» со стороны говорящего / слушающего.

Модель 2:

а) стратегия «раскрытия» со стороны говорящего / слушающего – стратегия «вмешательства» со стороны постороннего слышащего;

б) стратегия «вмешательства» со стороны постороннего слышащего – стратегия «раскрытия» со стороны говорящего / слушающего.

Модель 3:

а) стратегия «сокрытия» со стороны говорящих – стратегия «вмешательства» со стороны постороннего слышащего;

б) стратегия «вмешательства» со стороны постороннего слышащего – стратегия «сокрытия» со стороны говорящих.

Актуализация коммуникативного процесса при всех вышеперечисленных вариантах оппозиционного соотношения поведенческих стратегий коммуникантов, как подтверждает наш исследовательский материал [1], а также исследования других авторов, может происходить как в форме диалога («партиципant 1 – «вмешивающийся» или «партиципant 2 – вмешивающийся»), так и принять форму трилога с двойной адресацией и условным равноправием участников коммуникации [3, с. 110].

Однако, следует заметить, что с точки зрения эффективного развития дальнейшего речевого взаимодействия в рамках треугольного построения коммуникативного процесса наиболее продуктивной с позиции выбора дальнейших стратегий и тактик как средств построения успешной коммуникации является модель 3: стратегии «раскрытия» со стороны говорящего / слушающего – стратегии «вмешательства» со стороны постороннего слышащего или, наоборот, стратегии «вмешательства» со стороны постороннего слышащего – стратегии «раскрытия» со стороны говорящего / слушающего.

Исследовательский материал показывает, что каузативная составляющая коммуникативной интерференции постороннего слышащего обусловлена информационной, мотивационной, эмоциональной интенциями с его стороны. Наиболее характерными стратегиями здесь могут выступать стратегии информационно-интерпретационной направленности, стратегия

убеждения, стратегия самопрезентации, стратегия эмоционального воздействия на адресата.

Выбор тактики, предопределенный интенциями вмешивающегося, обуславливает выбор коммуникативной роли постороннего слышащего.

Из многочисленного набора тактик, отмечаемых исследователями [3, с. 109–113], при созидательном характере интерференции постороннего лица следует акцентировать внимание на тактике солидаризации, при которой посторонний слышащий стремится подчеркнуть общность взглядов на ту или иную проблему. В данном контексте речь идет о выборе со стороны третьего лица коммуникативной роли «supporter/поддерживающий», целью которой является выражение согласия с оценкой проблемы, данной одним или всеми участниками коммуникации. Например:

“I am aware, quite aware –” Rodney’s words, which were broken in sense, spoken after a pause, and with his eyes upon the ground, nevertheless expressed an astonishing amount of resolution. “I am quite aware what you must think of me,” he brought out, looking Mr. Hilbery directly in the eyes for the first time.

“I could express my views on the subject more fully if we were alone,” Mr. Hilbery returned.

“But you forget me,” said Katharine. She moved a little towards Rodney, and her movement seemed to testify mutely to her respect for him, and her alliance with him. “*I think William has behaved perfectly rightly*, and, after all, it is I who am concerned – I and Cassandra.”

Cassandra, too, gave an indescribably slight movement which seemed to draw the three of them into alliance together. [4, p. 180]

В приведенном примере мы видим коммуникативное взаимодействие двух участников (Родни и Мистера Хилбери), основанное на противодействии и оппозитивной оценки поступка одного из них другим. В ситуации проявления негативного отношения к произошедшему событию речевая интерференция третьего лица (Катарини) является, прежде всего, субъективно обоснованной (it is I who am concerned) и характеризует «вмешивающегося» как заинтересованное в эффективной позитивной коммуникации лицо. Реплика Катарини “I think William has behaved perfectly rightly” подчеркивает не только согласие третьего лица с оценкой проблемы, но и выступает средством определения его коммуникативной роли «supporter», подтверждение статуса которого мы далее находим и в кинесических действиях героини (She moved a little towards Rodney, and her movement seemed to testify mutely to her respect for him, and her alliance with him).

Отметим, что при кооперативном общении «вмешивающимся» третьим лицом также используются: тактика положительной оценки информации (коммуникативная роль постороннего слышащего – «appreciator/оценивающий»), тактика рассмотрения информации под новым углом (коммуникативная роль – «innovator/новатор идей») или тактика указания на перспективу с элементами поощрения идей говорящих (коммуникативная роль – «inspирer/вдохновитель»). В процессе речевой взаимодействия корреляции

в информационном поле имеют значения тактика разъяснения (коммуникативная роль постороннего слышащего – «consultant/ консультант»), тактика контрастивного/сопоставительного анализа (коммуникативная роль – «analyzer/ анализатор»), тактика иллюстрирования с приведением примеров и фактов («illustrator/ иллюстратор»), комментирования («commentator/ комментатор»), указания на путь, способы решения проблемы, совета («adviser/ советчик» или «idea provider/ генератор идей») и др.

При воздействующем (мотивационном) коммуникативном намерении посторонний слышащий использует в качестве инструмента речевой интерференции тактики убеждения, призыва, обещания с реализацией коммуникативных ролей «persuader/убеждающий», «appealer/взывающий», «promiser/обещающий» соответственно, а также может выступить в роли медиатора в разрешении конфликтных ситуаций.

Ведущей тактикой стратегии эмоционального воздействия выступает тактика обращения к эмоциям адресата с использованием языковых средств выражения похвалы, положительной оценки действий или суждений говорящих.

При деструктивной направленности коммуникации речевое вмешательство постороннего слышащего (вмешивающегося) основывается на выборе стратегий дискредитации, манипуляции, целью которых является отрицательное воздействие на процесс коммуникации. Интерференция постороннего слышащего в речевой акт строится на базе речевых средств выражения контраргументации, оспаривания, критики (информационное коммуникативное намерение), устрашения, угрозы (воздействующее/ мотивационное коммуникативное намерение), упрека, обвинения, оскорбления и др. (коммуникативное намерение эмоционального воздействия). Такое коммуникативное поведение третьего лица ведет, как правило, либо к полному прекращению коммуникации, либо к изменению ее тематической составляющей, либо выбору стратегии сокрытия со стороны говорящих (Модель 1, Модель 2).

“I’m awfully sorry about this,” he said penitently. “I mean, roping you in to listen to this frightful tosh! <...> But, honestly, how was I to know? I never dreamed we were going to be let in for anything of this sort. Portwood's plays are usually so dashed bright and snappy and all that. Can’t think what he was doing, putting on a thing like this. Why, it's blue round the edges!”

The man on Jill's right laughed sharply.

“*Perhaps,*” he said, “*the chump who wrote the piece got away from the asylum long enough to put up the money to produce it.*”

If there is one thing that startles the well-bred Londoner and throws him off his balance, it is to be addressed unexpectedly by a stranger. Freddie's sense of decency was revolted. <...>

“Oh, ah, yes,” he mumbled. “Well,” he added to Jill, “I suppose I may as well be toddling back. See you later and so forth.”

And with a faint ‘Good-bye-ee!’ Freddie removed himself, thoroughly

unnerved [5, p. 31–32].

Как видно из примера, колкое замечание постороннего слышащего (обусловленное коммуникативным намерением эмоционального воздействия) действительно приводит к изменению эмоционального состояния героя, вызывая в нем, помимо уже присущих чувств негодования и вины, чувство возмущения некорректным поведением со стороны «вмешивающегося». Тем не менее, развязкой становится прекращение процесса коммуникации между ведущими участниками.

С другой стороны, отметим, что посторонний слышащий может выбрать данные стратегии и тактики в случаях самозащиты и оправдания, как средство отрицания негативного отношения говорящих по отношению к нему. Противоположным вариантом выступает использование «вмешивающимся» тактики дистанцирования, отдаления и, таким образом, оппозиционирования себя коммуникативному акту и его участникам.

Так или иначе, коммуникативную роль постороннего слышащего в таких ситуациях мы обозначаем как «*oppositionist/оппозиционер*» или «*opponent / оппонент*».

Таким образом, интерференция постороннего слышащего в вербальное взаимодействие участников коммуникации, целенаправленное использование определенного набора коммуникативных стратегий и тактик, выступающих средством реализации его коммуникативного намерения, являются важной каузативной силой, предопределяющей характер коммуникативного развития речевого акта в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко С. В., Горбачева Е. Н., Сыресина И. О. Коммуникативные оппозиции речевого взаимодействия в ситуациях вербальной коммуникации при постороннем слышащем // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2020. № 2 (81). С. 543–546. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=42837170>
2. Темиргазина З. К. Количество участников как фактор коммуникативной ситуации: типология ситуаций с тремя участниками // Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА. 2019. Vol. 10. № 1. С. 108–120. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=37217203>
3. Шномер Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики как фактор эффективной коммуникации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 4. С. 109–113. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://e.lanbook.com/journal/issue/296967>
4. Woolf, V. Day and Night [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://royallib.com/book/Woolf_Virginia/night_and_day.html
5. Wodehouse, P. G. Jill the Reckless [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://e.lanbook.com/book/115226>

**ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале интервью в японской прессе)**

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрены понятия «дискурс», «политический дискурс», приведены результаты анализа речевого воздействия в политическом дискурсе на материале интервью японских политиков в японской интернет-газете «Mainichi Shimbun» и на сайте houdoukyoku.jp. В ходе исследования по классификации А. А. Казакова авторы пришли к выводу, что на микроуровне чаще всего можно встретить употребления абстрактных денотативно свободных понятий, метафор, синонимов, использование эвфемизмов, штампов или универсальных истин.

Ключевые слова: политический дискурс, речевое воздействие, японский язык, политик.

Как отмечают исследователи, речь любого политика, желающего завоевать доверие, обязана уметь затронуть сознание масс, каждое его рассуждение и высказывание должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (то есть, во все множество внутренних миров) его адресатов, «потребителей» политического дискурса, умелый политик оперирует символами, архетипами и ритуалами, созвучными массовому сознанию. В связи с этим, особый интерес для исследования представляют интервью японских политиков Синдзо Абэ, Ёсихидэ Суга, Ясухиро Накасонэ и Фумио Кисида, где основными темами являются отношения между Россией и Японией, а также экономические отношения Японии с другими странами.

В рамках исследования рассмотрим термин «дискурс», который являясь довольно распространенным понятием в языкознании, имеет множество значений. Современные исследователи считают, что нет точного определения к понятию слова «дискурс», который мог бы включать в себя все случаи его использования. По утверждению Н. Д. Арутюновой: «Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [1]. По ее словам, дискурс является связным текстом в совместности с такими факторами, как экстралингвистика, прагматика, социокультура и психология. Дискурс не что иное, как событие, которое исследуется в порядке текущего времени, иначе говоря, по мере его появления и развития. Также при анализе дискурса нужно учитывать все социальные, культурологические и прагматические факторы.

В свою очередь, политический дискурс – это отличительная вариация дискурса по той причине, что содержит в себе цели завоевания и удержания политической власти. Важнейшей особенностью политического дискурса является то, что политики нередко «маскируют» свои цели, употребляя но-

минализацию, эллипсис, метафоризацию, особую интонацию и другие приемы воздействия на сознание электората и оппонентов. В целом, общественное предназначение политического дискурса заключается во внушении адресатам, гражданам сообщества, потребность в «политически правильных» действиях и оценках. Другими словами, целью политического дискурса является не описание, а убеждение, которое должно вызвать в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию [2].

А. А. Казаков предлагает разделить способы речевого воздействия на следующие уровни: микро-, мезо- и макроуровень [3]. В данном исследовании мы будем рассматривать особенности речевого воздействия на микроуровне. К нему А. А. Казаков относит использование следующих средств: метафор; синонимов; эвфемизмов и дисфемизмов; штампов или универсальных истин; овеществления; тенденциозного наименования кого-или чего-либо; употребления абстрактных денотативно свободных понятий.

В ходе проведенного анализа были выявлены следующие случаи использования различных приемов речевого воздействия на микроуровне:

1. Использование метафор (было замечено 5 раз). Например:

「日本は過去4年の間に5人の首相が交替するという「回転ドア内閣」が続いた。」 - Shin no 2 daiseitōseiji made niwaji kangakakaru. Nihon wa kako 4-nen no ma ni 5-ri no shushō gakōtaisuru to iu 'kaiten doa naikaku' ga tsudzuita. – «За Японией последовало так называемое «вращение двери кабинета министров», в котором за последние четыре года будут заменены пять премьер-министров». Бывший премьер-министр Ясухиро Накасонэ использует выражение «вращение двери кабинета министров», говоря о том, что за четыре года в Японии ожидается смена пяти премьер-министров.

「だからこそ自由貿易の旗を高く掲げなければなりません。」 - Dakarakoso jiyūbōeki no hata o takaku kakagenakerebanarimasen. – «Вот почему флаг свободной торговли должен быть поднят высоко». В данном случае под «флагом, поднятым высоко» подразумевается готовность Японии к свободной торговле с целью расширения свободной и справедливой экономической зоны в мире.

2. Синонимы (использовались 15 раз). Например:

「失態」 - shittai – «ошибка, промах», 「間違い」 - machigai – «ошибка, промах»; 「アメリカ」 - America – «Америка», 「米国」 - Beikoku – «Америка»; 「センター」 - senta: - «центр», 「中心」 - chu:shin - «центр, середина».

3. Эвфемизмы (был найден 1 случай употребления):

「北方領土」 - hōpōu ryōdōu – «Северные территории». Так Япония называет Южные Курильские острова, входящие в состав РФ, считая, однако, что данные территории являются вековыми территориями Японии. Случаев употребления дисфемизмов не было выявлено.

4. Штампы (были использованы 1 раз):

「ロシアの場合選挙は悪い候補とうんと悪い候補ととんでもない

候補が出て来て、うんと悪い候補ととんでもない候補を落とすというのが選挙という雰囲気ですからね。ロシアはそうなのです。」 - Roshia no baai senkyo wa waruikōho to unto waruikōho to tondemonaikōho ga dete kite, unto waruikōho to tondemonaikōho o otosu to iu no gasenkyo to iufun'ikidesukara ne. Roshia wa sōnanodesu. – «В случае с Россией есть плохие кандидаты, очень плохие кандидаты и невероятно плохие кандидаты, и сама атмосфера выборов – это отбрасывание очень плохих и невероятно плохих кандидатов. Россия такая». В данном случае Ёсихида Суга утверждает, что в России по определению нет хороших кандидатов на пост президента, а выборы – это только «сортировка» плохих и очень плохих кандидатов, однако нельзя считать, что данное утверждение соответствует действительности.

Случаев употребления овеществления и тенденциозного наименования чего-либо не было выявлено.

5. Абстрактные денотативно свободные понятия:

意志 – ishi – «воля», было найдено 5 раз; 自由 – jiyuu – «свобода», 4 раза; 意識 – ishiki – «сознание; сознательность», 2 раза; 信頼 – shinrai – «доверие», 4 раза.

Из приемов речевого воздействия, которые не были указаны в классификации А. А. Казакова, можем отметить употребление риторических вопросов, сравнений, заимствованных слов, эпитетов, имен собственных, терминов, из которых:

1. Риторический вопрос использовался 6 раз. Например:

「北方領土はそもそも日本の領土です。それを返還するのに、ロシア側が条件を付けるのは、そもそもおかしいと思いませんか。」 - Hoppō ryōdo wa somosomo Nihon no ryōdo desu. Sore o henkan suru no ni, Roshia-gawa ga jōken o tsukeru no wa, somosomo okashī to omoimasen ka. – «Северные территории изначально являются территориями Японии. Разве не странно, что российская сторона устанавливает условия для его возвращения?»

「求心力とはやるべき政策課題をしっかりと掲げ、それを実行していく強い意志を示していくことによって生まれてくるのではないでしょう。か。」 Kyūshinryoku to hayarubeki seisakukadai o shikkari kakage, sore o jikkōshite ikutsuyoiishi o shimeshite ikukoto niyotte umaretekuruno dewanaideshouka. «Может быть, это связано с тем, что сплоченная сила рождается благодаря твердой постановке политического вопроса, который необходимо решить, и проявлению твердой воли для его решения?»

2. Сравнения были использованы 6 раз. Например:

「中曽根元首相は、政治のダイナミズムを培うためには、米国や英国のように数年ごとに政権が入れ替わるシステムを目指して歩み続けなければならないと言う。」 - Nakasone moto shushō wa, seiji no dainamizumu o tsuchikau tame ni wa, Beikoku ya Ijirisu no yō ni sunen-goto ni seiken ga irekawaru shisutemu o mezashite ayumi tsudzukenakereba naranai to

iu. – «Бывший премьер-министр Накаоне говорит, что для развития политического динамизма мы должны продолжать стремиться к системе, в которой администрация меняется каждые несколько лет, как Соединенные Штаты и Соединенное Королевство».

3. Использование заимствованных слов:

ビッグデータ – Biggudēta – «большие данные»; ロボットのイノベーション – robottonoinobēshon – «инновации роботов»; ソサエティ5.0 – «sosaeti 5. 0» - «общество 0.5»; メディア – media – медиа、ポピュリズム – populism - популизм.

4. Эпитет использовался 1 раз:

「そのため熾烈な争奪戦が世界で繰り広げられています。」 - Sonotameshiresunasōdatsu-sengasekaidekurihirogerareteimasu. – «Поэтому в мире идет жестокая битва». Эпитетом является выражение «жестокая битва», обозначающая то, что в мире растет конкурентоспособность среди компаний и стран, использующих различные технологии.

5. Имена собственные - введение исторических параллелей:

В интервью на вопрос 毛沢東か何かになりたいのですか? Mōtakutōkananikaninaritainodesuka? «Вы хотите быть Мао Цзэдуном или кем-то еще?» - политик Ёсихидэ Суга сказал следующее: «そこまでは考えていないと思いますが、ロシアのプーチン大統領も今度3月18日に選挙があります。これはまず当選が確実ですから、4期目の長期政権になります。」 Soko made wakangaeteinai to omoimasuga, Roshia no pūchindaitōryōmokondo 3 tsuki 18-nichi nisenkyogaarimasu. Korewamazutōsengakakujitsudesukara, 4-ki-me no chōkiseikenninarimasu. «Я не думаю, что до такого уровня, но президент России Путин в следующий раз проведет выборы 18 марта. Это будет четвертое долгосрочное правительство, поскольку он наверняка будет избран». Здесь г-н Суга перевел вопрос с себя на президента РФ Владимира Путина, тем самым выразив мнение, что Путин как раз-таки хочет стать кем-то, наподобие Мао Цзэдуна.

6. Использование терминов:

AI (人工知能) - jinkōchinō – «искусственный интеллект». Встречается 10 раз. Такая частота употребления данного термина связана с растущим освоением искусственного интеллекта в Японии. На данный момент многие японские предприятия сосредоточили особое внимание на данном вопросе, что ставит проблему развития искусственного интеллекта на первое место в Японии. Например, благодаря внедрению роботов-помощников, японские политики планируют решить проблему нехватки рабочей силы на различных предприятиях.

WTO (世界貿易機関) - Sekaibōekikikan - «Всемирная торговая организация». Встречалось 6 раз.

Таким образом, в результате анализа интервью из интернет-издания японской газеты «Mainichi Shimbun» и с сайта houdoukyoku.jp о текущих отношениях Японии с Россией и другими странами по классификации А. А.

Казакова мы можем прийти к выводу, что на микроуровне чаще всего можно встретить употребления абстрактных денотативно свободных понятий, употребление метафор, синонимов, использование эвфемизмов, дисфемизмов найдено не было, штампов или универсальных истин. Итак, по классификации А. А. Казакова мы выделили 5 подгрупп (использование метафор (5); синонимов (15); эвфемизмов (1) и дисфемизмов; штампов или универсальных истин; употребления абстрактных денотативно свободных понятий). Случаев употребления овеществления и тенденциозного наименования не наблюдается. Из приемов речевого воздействия, которые не были указаны в классификации А. А. Казаков, были найдены: употребление риторических вопросов (6), сравнений (6), выявлено большое количество заимствованных слов (практически во всех случаях заимствования совершались из английского языка), эпитетов, имен собственных и терминов. Данный анализ интервью позволяет сделать вывод, что японские политики широко используют различные способы речевого воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskii-diskurs-kak-predmet-politologicheskoy-filologii>
3. Казаков А. А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 90.
4. Казаков А. А. Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения // Вестн. Волгогр. гос. унта. Сер. 4 История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. С. 141.
5. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. Вып. 1(24). Екатеринбург, 2008. С. 43–48.

Кормилина Н. В.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ РАЗНЫХ ВИДОВ НЕСВЯЗНЫХ ТЕКСТОВ

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье представлены результаты экспериментального исследования понимания несвязных текстов на английском языке в условиях учебного билингвизма. Анализируется роль в процессе понимания несвязных текстов лингвистических и жанровых особенностей текста, наличия или отсутствия опыта чтения подобных текстов, способности информантов использовать средства логической связности для установления смысловой связи между элементами текста, а также влияние полученных в результате прочтения текста эмоций на его общение понимание.

Ключевые слова: несвязный текст, учебный билингвизм, понимание текста, поэтический текст, прозаический текст, психолингвистика.

Смысловое восприятие и понимание содержания (интерпретация) текста состоит в том, чтобы вскрыть всю совокупность скрытых от непосредственного наблюдения компонентов. Вот почему огромный интерес с точки зрения психолингвистики представляет вопрос, какие действия субъекта обеспечивают появление этих компонентов текста, и какие психолингвистические закономерности определяют последовательность их появления. Рассмотрение интерпретации с психолингвистической точки зрения объясняет психологические особенности восприятия текста и то, как эти особенности обусловлены сущностью текста.

В нашем случае исследовательский интерес представляют несвязные тексты и процесс их понимания. Общеизвестно, что понимание текста представляет собой сложный процесс, поскольку «подразумевает членение текста на смысловые отрезки, выделение из общего фона некоторых ключевых для понимания текста элементов. Эти элементы часто называют опорами, поскольку они являются наиболее важными, существенными для понимания» [1, с. 109]. В случае, если текст является несвязанным, то понимание сопровождается еще большим количеством трудностей.

Несвязность текста может выражаться разными способами. Несвязны могут быть отдельные предложения и их части. Также данная характеристика может проявляться в отсутствие смыслового единства текста. Читателям нелегко понять общий замысел текста, который хотел вложить автор. Причиной этого является отличие структуры несвязного текста от текстов привычных. В несвязном тексте могут полностью отсутствовать знаки препинания, либо их количество бывает слишком велико, чтобы разобраться, к какой части предложения относится то или иное межфразовое единство. Также в несвязных текстах может отсутствовать деление на абзацы, что сбивает читателей с толку, мешает определить основные элементы структуры. В несвязных текстах отсутствует связь между предложениями, достигаемая повтором одних и тех же лексических единиц, антонимов, синонимов. Также в них не используются параллельные конструкции, которые могли бы натолкнуть на связь предложений. Также о несвязности говорит отсутствие союзов, являющихся неотъемлемым элементов связи структур текста.

Для проведения исследования нами была привлечена группа информантов – студентов факультета иностранных языков, которые на первом этапе эксперимента были студентами 4 курса, а на втором этапе уже студентами 5 курса. На первом этапе эксперимента в качестве материала исследования были использованы два несвязных текста: стихотворный текст Сэмюэля Беккета «Roundelay» [2], считающийся наиболее сложным для восприятия, особенно если он представляет собой текст с несвязной структурой, а также прозаический текст, а именно, отрывок из романа Джеймса Джойса «Улисс» [4]. В исследовании понимания стихотворения был использован

метод ассоциативного эксперимента, для изучения понимания прозаического текста мы выбрали методику ассоциативного эксперимента в совокупности с методикой поиска ключевых слов.

На втором этапе эксперимента материалом выступило стихотворение Сэмюэля Беккета «What would I do without this world» и законченный рассказ Вирджинии Вулф «Monday or Tuesday». В исследовании понимания стихотворения был использован метод озаглавливания и поиска ключевых слов, для изучения понимания прозаического текста мы выбрали методику, по которой информантам необходимо было восстановить последовательность абзацев в тексте.

Итак, рассмотрим результаты проведенного исследования. Материалом для первой части эксперимента послужило стихотворение Сэмюэля Беккета «Roundelay» [2].

Roundelay

on all that strand
 at end of day
 steps sole sound
 long sole sound
 until unbidden stay
 then no sound
 on all that strand
 long no sound
 until unbidden go
 steps sole sound
 long sole sound
 on all that strand
 at end of day

Информантам были даны следующие задания:

1. Ответить, почему автор дал своему стихотворению именно такое название.

2. Дать 1-3 ассоциации, возникшие после прочтения стихотворения.

Полученные в результате эксперимента ассоциации можно разделить на две группы: положительные и отрицательные. Ассоциации, полученные от информантов, и их количественное соотношение представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Характеристика ассоциаций	Ассоциации	% от всего кол-ва слов
Положительные	Bells, merry-go-round, repetition, dance, night, eternity, sleep, song, mother, fairytale, dreams, quiet, unity, childhood, silence	75 %
Отрицательные	Nightmare, loneliness, darkness, horror, emptiness	25 %

Как мы видим, 75 % ассоциаций имели положительную окраску, одна четвертая часть ассоциаций имеет отрицательную оценку со стороны информантов.

Анализ содержательной стороны ассоциаций свидетельствует о том, что некоторые ассоциации прямо указывают на связь стихотворения с песенным мотивом, а если точнее, с колыбельной. Это слова «night», «song», «dreams», «bells». Близка к этой и тема детства, выраженная в ассоциациях «mother», «childhood», «fairytale», «marry-go-round». В соответствие с первым заданием, мы выяснили, что наибольшее количество опрошенных отметили связь названия с повторением строчек («repetition of the lines»), которые идут словно по кругу. Они взяли за основу второе значение слова roundelay. Ассоциация, связанная с ритмичностью стихотворения («rhythmical structure»), на которую обратили внимание двое опрошенных, также указывает на повторяемость строчек, что придает стихотворению особый ритм. Один человек обратил внимание на значение «колыбельная», что и выявило ассоциацию с детством («childhood»). Все вышеуказанные ассоциации говорят о положительном влиянии стихотворения на информантов. Такое же или нейтральное положение занимает ассоциация с завершением дня («the end of the day»).

Однако есть и такие, которые показывают на негативное восприятие данного стихотворения. Например, такие ассоциации, как «endlessness of everything», «giddiness». Они указывают на то, что данный текст вызвал у информантов отрицательные эмоции, переживания. Такие слова, как «horror», «darkness», «emptiness», «nightmare» говорят, что, несмотря на содержание нейтральной лексики, данный текст вызывает отрицательные эмоции.

В процессе работы над вторым текстом, отрывком из произведения Джеймса Джойса [4], информантам были даны задания написать ассоциации, вызванные текстом, отметить 2-3 ключевых слова и описать свое состояние после прочтения текста.

James Joyce “Ulysses” (Chapter 5). He stood up. Hello. Were those two buttons of my waistcoat open all the time? Women enjoy it. Never tell you. But we. Excuse, miss, there's a (whh!) just a (whh!) fluff. Or their skirt behind, placket unhooked. Glimpses of the moon. Annoyed if you don't. Why didn't you tell me before. Still like you better untidy. Good job it wasn't farther south. He passed, discreetly buttoning, down the aisle and out through the main door into the light. He stood a moment unseeing by the cold black marble bowl while before him and behind two worshippers dipped furtive hands in the low tide of holy water. Trams: a car of Prescott's dyeworks: a widow in her weeds. Notice because I'm in mourning myself. He covered himself. How goes the time? Quarter past. Time enough yet. Better get that lotion made up. Where is this? Ah yes, the last time. Sweny's in Lincoln place. Chemists rarely move. Their green and gold beaconjars too heavy to stir. Hamilton Long's, founded in the year of the flood. Huguenot churchyard near there. Visit some day.

Список ключевых слов и ассоциаций представлен в таблице 2.

Таблица 2

Ассоциации	Ключевые слова
Thoughts, deep sense, play of words, melancholy, shame, street, man, haste, time, many buttons, visits, tired, mind, confusion, glimpses, mourn, walk, abrupt	Time, button, mourn, stand, glimpses, he, black marble, bowl, moon, widow, dyeworks, moment, untidy

Список названных ассоциаций, а также мнение информантов обо всем отрывке помогает нам сделать вывод о том, что 80 % информантов восприняли данный текст неоднозначно.

Данный отрывок является размышлениями одного из героев произведения Джеймса Джойса. Поэтому очевидно, что некоторые из опрошенных выделили такую ассоциацию, как «thoughts». Близкими к данной ассоциации можно считать и такие слова, как «mind», «deep sense», «play of words». Последняя ассоциация особенно наталкивает нас на вопрос о несвязности мыслей, так как в сознании мысли не складываются в ровные предложения, тексты. Наши мысли в голове – настоящая «play of words».

Так как рассказчик в процессе своего монолога совершает прогулку по улице, хорошо понятными являются и ассоциации «street», «visits». В процессе эксперимента мы также попросили информантов рассказать об их впечатлениях после прочтения текста.

У большинства опрошенных данный текст вызвал непонятные, необъяснимые ощущения. Их сбивала с толку несвязность реплик, мыслей героя. Некоторые даже не смогли прочитать текст до конца. Поэтому в их ответах появлялись такие ассоциации, как «confusion», «melancholy», «haste».

Обратимся к ключевым словам, выбранным информантами. Наибольшее число голосов получило слово «time». Рассказчик много говорит о времени в конце отрывка, размышляет о нем. Возможно, поэтому данное слово так и привлекло информантов. Вторым по частотности является слово «button». В начале отрывка это слово упоминается несколько раз, а также далее продолжается мысль, связанная с теми же пуговицами. Весь отрывок наполнен чувством неопределенности, бессвязности мысли. И несколько раз в тексте употребляется слово «mourn». Поэтому оно и стоит на третьем месте в списке ключевых слов. Затем следуют слова, которые были выбраны информантами лишь по одному разу. К ним относятся такие слова, как «stand», «glimpses», «black marble», «bowl», «moon», «widow», «dyeworks», «moment», «untidy».

Один участник нашего исследования отказался выполнять предложенные нами задания, так как не смог прочитать текст до конца. Трудность в выполнении этого задания заключается в отсутствии у информанта навыка чтения несвязных текстов и, тем более, анализа их. В тексте не существует

явной связи между предложениями и конструкциями, что и оказало воздействие на негативное восприятие самого текста. Данная форма написания сбивала информанта с толку, помешала разобраться в ходе событий, происходящих в данном отрывке. Поэтому текст и оказался непонятым.

Один же информант получил удовольствие от чтения предоставленного отрывка. Данный факт объясняется тем, что названный информант привык читать тексты подобного типа. Он с большим интересом проникся проблемами рассказчика, выявил причины такого поведения героя. У информанта не возникает видимых проблем с восприятием и правильной интерпретацией несвязных текстов.

Считается, что прозаический текст является самым легким для восприятия, однако не в нашем случае. Текст «Улисса» отличается своей несвязностью, что и повлияло на трудность понимания. Основной проблемой при прочтении текста было то, что информанты не могли однозначно понять, что именно хотел сказать автор. Так что, можно сказать, что большое влияние на результаты нашего эксперимента оказал личный опыт участников по работе с несвязными текстами.

На втором этапе нашего исследования мы выбрали тексты этих же двух жанров, чтобы сравнить, произойдут ли изменения в их интерпретации при повторном исследовании и отсутствии каких-либо целенаправленных действий по развитию навыков анализа несвязных текстов.

Для начала обратимся к поэтическому тексту. На этом этапе эксперимента мы проводили исследование понимания несвязного текста стихотворения Сэмюэля Беккета «What would I do without this world» [3].

what would I do without this world
faceless incurious
where to be lasts but an instant
where every instant
spills in the void the ignorance of having been
without this wave where in the end
body and shadow together are engulfed
what would I do without this silence
where the murmurs die
the pantings the frenzies towards succour towards love
without this sky that soars
above its ballast dust

what would I do what I did yesterday and the day before
peering out of my deadlight looking for another
wandering like me eddying far from all the living
in a convulsive space
among the voices voiceless
that throng my hiddenness

Это стихотворение также является работой Сэмюэля Беккета. Оба стихотворения имеют необычную, несвязную структуру и чем-то похожи друг на друга. Исходя из результатов исследований двух лет, мы видим, что пер-

вое стихотворение было воспринято информантами с положительной оценкой, оно напомнило им о детских годах, о колыбельных и каруселях. Во втором случае восприятие стихотворение Беккета варьировалось от положительного к диаметрально противоположному. Это видно из списка слов и названий, выбранных студентами (результаты представлены в Таблице 3).

Таблица 3

	Положительные	Негативные	Нейтральные
Заголовки	My best poem, Romantic Story	When I die, The end of the days, Solitude	A riddle, What would I do
Ключевые слова	Love, dream	Deadlight, without, ignorance, shadow, hiddenness, voiceless, die, engulfed, frenzies, end, faceless, convulsive, eddy, incurious, howing been, ballast, void	Silence, what, space, I, do, voice, instant, yesterday, living, wandering, world, would, body, sky, far, where, that, towards, wave, last, be, peering

Несмотря на то, что результаты понимания двух поэтических текстов немного отличаются друг от друга, информанты выделили схожие трудности, возникшие в процессе работы над текстами. Основной упор студенты сделали на несвязность структуры стихотворений. Во время учебы они не встречались с подобными текстами, поэтому необычная организация стихотворного текста привела их в замешательство. Отсутствие знаков препинания и деления на синтагмы, цикличность структуры, все эти факторы повлияли на понимание всего стихотворения в целом.

Также информанты указали отсутствие рифмы в обоих стихотворениях. Мы привыкли, что обычный поэтический текст характеризуется рифмой в конце каждой строки или через несколько строк, это зависит от задумки автора. А в стихотворениях Беккета этой рифмы нет, что отличает их от традиционных стихотворений и создает дополнительные трудности в восприятии текста в целом.

Оба стихотворных текста были восприняты адекватно, но, по мнению самих студентов, легче для понимания было стихотворение Roundelay. Тематика данного стихотворения располагает к его прочтению, оно оставляет после себя добрые, детские воспоминания и эмоции. О втором стихотворении этого сказать нельзя. Оно наполнено чувствами страдания, поиска смысла жизни и своего места в этой жизни.

Самыми трудными для интерпретации оказались тексты прозаического характера. На первом этапе эксперимента исследование проводилось на примере отрывка из произведения Джеймса Джойса «Улисс». А на втором этапе мы выбрали законченный рассказ Вирджинии Вулф «Monday or

Tuesday» [5]. Задания по двум текстам отличались друг от друга, однако это не повлияло на результаты исследования.

Оба текста написаны в стиле «потока сознания», что и определило наличие основных трудностей в процессе восприятия текстов. Работая в данном направлении литературы, автор уделяет больше внимания чувствам, восприятиям героя. Он показывает, что видит вокруг себя действующее лицо произведения, описывает все, что встречается ему на пути. Это словно внутренняя речь героя, его мысли, оформленные в слова.

Поэтому и структура такого вида текстов несет в себе определенную несвязность. В мыслях нет четкой структурированности, что и отличает их от речи, произнесенной вслух.

На втором этапе работы с прозаическим текстом, то есть в ходе разбора рассказа Вирджинии Вулф, мы решили усложнить задачу. Информантам необходимо было восстановить последовательность абзацев в тексте, который сам по себе был несвязным. Данные, полученные в ходе анализа этой работы, показали, что только 5 % информантов смогли правильно расставить сверхфразовые единства. Ответы остальных 95 % совпадали с оригиналом по нескольким пунктам.

Кроме очевидного фактора структуры текста, на процесс понимания повлиял и особенный стиль письма Дж. Джойса и В. Вулф. Только 5 % информантов были хорошо знакомы с творчеством этих писателей и считали их произведения простыми и понятными для восприятия. Для остальных студентов работы Джойса и Вулф представили особую сложность, так как они не только не читали их, но даже и не имели интереса к изучению литературы такого вида.

В текстах обоих авторов употребляется много глаголов, описывающих действия героя, его передвижения в процессе развития действия произведения. Также употребляется много прилагательных, характеризующих чувства и переживания, бурлящие в душе у главного персонажа. Глаголы в совокупности с прилагательными раскрывают полноценную картину образов, предстающих перед главными героями. Вирджиния Вулф и Джеймс Джойс писали свои произведения в одном и том же стиле, чем и объясняется схожесть в использовании большого количества глаголов и прилагательных.

Рассказ В. Вулф потребовал от информантов больше времени и сил, так как он представляет собой законченное произведение с четко выраженными началом, основной частью и заключением. Произведение Джеймса Джойса, данное для разбора – отрывок из его работы «Улисс». Он вырван из середины всего крупного произведения и теряет некоторые важные черты, присущие всему роману в целом. Несмотря на то, что рассказ «Monday or Tuesday» сложнее для восприятия, он характеризуется смысловой завершенностью, что, в определенной степени, даже упрощает работу с ним.

Исследования, проведенные нами в ходе двух лет работы с несвязными текстами, показали, что наибольшую трудность для восприятия информантами представляют художественные тексты прозаического характера. Они больше по своему объему и требуют больших усилий для полного и глубинного разбора структур, созданных автором. Обычно эти структуры намеренно включаются автором в произведение, чтобы создать эффект контраста или раскрыть как можно больше сюжетных линий за короткий промежуток времени. В. Вулф и Дж. Джойс успешно пользуются этим приемом и создают свои неповторимые произведения. Не все читатели смогут быстро привыкнуть к работе с такими текстами, для этого нужно иметь черты характера или интересы, схожие с интересами автора произведения, чтобы общая тематика и направление деятельности объединили ход мышления двух людей. Только в том случае можно будет говорить о понимании читателем смысла, заложенного автором текста.

Что касается поэтических несвязных текстов, то необычность их структуры осложняет процесс понимания, который может вызывать негативные чувства у читателей и тем самым провоцирует нежелание продолжать его читать и, тем более, анализировать. Особенно сильно на это влияет отсутствие знаков препинания, разделяющих текст стихотворения на синтагмы и предложения. Читателю приходится самому расставлять акценты значимости и выявлять положение темы и ремы в предложении. Но это один из способов, который автор использует для достижения необычного эффекта от прочтения его стихотворения. Читателю легко привыкнуть к работе с такими текстами, необходима целенаправленная работа по развитию навыка чтения стихотворений с необычной структурной организацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кормилина Н. В., Шугаева Н. Ю.* Структурно-семантическая связность стимулирующих реплик и реплик-реакций в диалогическом тексте // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2014. № 2 (82). С. 108–115.
2. *Beckett, Samuel* Roundelay [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://everything2.com/title/Roundelay>. Дата обращения: 17.10.2020.
3. *Beckett, Samuel* What would I do without this world [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.samuel-beckett.net/beckwwid.html>. Дата обращения: 17.10.2020.
4. *Joyce, James* Ulysses [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.planetpdf.com/planetpdf/pdfs/free_ebooks/Ulysses_NT.pdf. Дата обращения : 17.10.2020.
5. *Woolf, Virginia* Monday or Tuesday [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.bartleby.com/85/3.html>. Дата обращения: 17.10.2020.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье мы рассматриваем употребление фразеологизмов представителями разных профессий. Они появляются в их речи в результате переосмысления профессиональных выражений, описывая различные сферы деятельности, для того, чтобы выразить их мысли эмоционально, но в то же время ясно и коротко.

Статья посвящена использованию фразеологизмов в речи известных бизнесменов, инвесторов, изобретателей, шеф-повара, модели. Примеры показывают то, как их род деятельности, хобби и жизнь в целом влияют на выбор ими фразеологизмов. Материалы исследования были взяты из интернет-ресурса.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизмы, классификация фразеологизмов, идиома, сфера деятельности.

Фразеология, которая является самостоятельной лингвистической дисциплиной, появилась недавно. Еще не в полной мере определены предмет, задачи и методы изучения фразеологии. Наименее разработанными являются вопросы об особенностях фразеологизмов, их отличии от свободных словосочетаний, о классификации фразеологизмов. Не сложилось и единого мнения у лингвистов о том, что такое фразеологизм, нет также и согласованности по поводу состава этих единиц в языке [3, с 37].

По мнению В. П. Жукова, фразеология является особым разделом лингвистики, который изучает семантические, морфолого-синтаксические и стилистические особенности фразеологизмов. Он считает фразеологизмы воспроизводимыми в речи оборотами, построенными на основе сочинительных или подчинительных словосочетаний, обладающими целостным значением и сочетающимся со словом: каши просят (что), руки не доходят (у кого, до чего) и т.д. [1, с. 23].

Фразеологические сращения называются идиомами. Этот термин был впервые введен английским языковедом Л. П. Смитом. В своей работе он пишет о том, что слово «*idiom*» используется для обозначения в английском языке французского термина «*idiotisme*», который обозначает грамматические структуры сочетаний, характерных для английского языка. Однако их значение нелегко объяснить с логической и грамматической точки зрения. В то же время термин «фразеологическая единица» был представлен советскими лингвистами для обозначения особой группы словосочетаний [4, с. 7].

В настоящее время в лингвистике используются различные виды классификаций, которые разработаны ведущими российскими и зарубежными

учёными: Н. Н. Амосовым, Ш. Балли, В. В. Виноградовым, А. В. Куниным, А. И. Смирницким, Л. П. Смиттом, В. Х. Коллинзом и другими.

Ученными был разработан ряд лингвистических принципов классификации фразеологизмов:

- семантический (Ш. Балли и В. В. Виноградов);
- структурно-семантический (А. В. Кунин и А. И. Смирницкий);
- контекстологический (Н. Н. Амосова);
- тематический (Л. П. Смит, В. Х. Коллинз, В. В. Сытель, Л. А. Винарева);
- этимологический (А. В. Кунин).

В данной статье мы рассматриваем использование фразеологизмов представителями разных профессий. Они появляются в их речи в результате переосмысления профессиональных выражений, описывая различные сферы деятельности, для того, чтобы выразить их мысли эмоционально, но в то же время ясно и коротко.

Рассмотрим, к примеру, всемирно известного создателя электрических машин Tesla – Илона Маска. Он является американским предпринимателем, изобретателем, инженером и миллиардером.

Обратимся к первому примеру. „*It’s OK to have your eggs in one basket as long as you control what happens to that basket*”.

Дословный перевод: «иметь яйца в одной корзине до тех пор, пока вы контролируете, что происходит с этой корзиной». Опираясь на его деятельность, можно попробовать сделать вывод о том, что скорее всего речь идёт о его заработке, деньгах, т.е. в нынешней интерпретации это обозначает то, что надёжней будет положить деньги на депозит в разных банках. Так будет надёжней, смысл заключается в пословице: «Не клади все деньги в один карман».

Приведем следующий пример: „*Persistence is very important. You should not give up unless you are forced to give up*“ . – «Не стоит сдаваться, до тех пор, пока вы не будете вынуждены сделать это». Он как создатель электрических машин прошёл через множество проб и ошибок, чтобы создать то, что принесёт человечеству большую пользу.

“*In fact, even if producing CO2 was good for the environment, given that we are going to run out of hydrocarbons, we need to find some sustainable means of operating*”.

Дословный перевод: «бежать прочь, выбегать от углеводорода». Электромобиль был создан для того, чтобы решить не только проблему загрязнения природы от выхлопа автомобильных газов, но и недостаток ресурсов для автомобильного топлива (углеводорода).

Рассмотрим далее фразеологизмы в речи американского бизнесмена и владельца девелоперской компании и газеты “*New York Observer*” Джареда Кушнера.

“*I ran my own business when I was 19, buying condos and renovating apartment buildings*” . – «Заниматься собственным бизнесом».

“I always thought, 'Will I go into the business, or will I not go into the business?’. – «Открыть свой бизнес».

“I’m definitely scared about newspapers. The problem is nobody wants to catch a falling knife, and nobody knows where things will stabilize”. Фраза, используется в инвестиционной терминологии для описания рискованной инвестиционной стратегии.

Следующие фразеологизмы мы обнаружили в речи Джорджа Сороса, американского трейдера, инвестора и финансиста.

“The anti-resource curse initiative has stronger legs than most and that has made me very enthusiastic”. – «Иметь опору».

“As I like to put it, we have hit pay dirt. The effort to cure the resource curse is a good example of what private foundations working with NGOs can accomplish”. – «Упасть в грязь лицом».

Работа с деньгами, акциями – это тяжелый и в некотором роде опасный процесс. В случае неудачи, можно обанкротиться и лишится всего. Но, чтобы этого не произошло, нужен посредник – стабильная опора.

Илон Маск, Джаред Кушнер и Джордж Сорос – все они используют в основном структурно-семантические фразеологизмы, связанные с их основным родом деятельности. Можно также обратить внимание на то, что в их высказываниях фразеологизмы в основном описывают бизнес в целом – риск, инвестиции, «золотое правило» бизнесменов о хранении сбережений в разных банках.

Далее рассмотрим высказывания создателей технологий, которые изменили мир к лучшему. Это американский изобретатель, промышленник, владелец заводов по производству по всему миру, автор 161 патента США Генри Форд и американский инженер, изобретатель, предприниматель, промышленный дизайнер Стив Джобс.

“You can do anything if you have enthusiasm. Enthusiasm is the spark in your eye, the swing in your gait, the grip of your hand, the irresistible surge of your will and your energy to execute your ideas”. – «Хватка вашей руки. Уметь быстро реагировать».

“When everything seems to be going against you, remember that the airplane takes off against the wind, not with it”. – «Когда кажется, что весь мир настроен против тебя, – помни, что самолет взлетает против ветра».

Автомобилистам при управлении машины нужно быть внимательными, уметь быстро реагировать. Поскольку его деятельность была связана именно с производством машин, отсюда и пошло использование им именно таких фразеологизмов.

“Chop your own wood and it will warm you twice”. – «Коли свои дрова сам, и ты согреешься дважды».

Имеется в виду, что только своими усилиями ты сможешь добиться своей цели. Есть интересный факт: в 80х годах двигательный аппарат имел газо-воздушную смесь и поджигали её запальной свечой, чтобы автомобиль поехал. Так же люди кололи дрова, чтобы затопить печь. Возможно, именно

поэтому для высказывания своих мыслей, он использовал данное фразеологическое словосочетание (поджигать смесь свечой – поджигать дрова).

“We believe that customers are smart, and want objects which *are well thought through*”. – «Хорошо оснащены, проработаны».

“Quality is much better than quantity. *One home run is much better than two doubles*”.

Сравнение с бейсболом означает, что Стив Джобс готов сделать один огромный прорыв в создании технологий, чем несколько маленьких и не таких значительных. Наверное, он когда-то увлекался бейсболом, раз использует такую терминологию для описания своей работы.

“You *can't connect the dots looking forward*; you can only connect them looking backward. So, you have to trust that the dots will somehow connect in your future. You have to trust in something – your gut, destiny, life, karma, whatever”.

Дословный перевод: «не можете соединить точки, смотря вперёд». Явно речь идёт не о каких-то там непонятных человеку точках. Итак, мы знаем, что он занимается предпринимательской деятельностью, а их основной задачей является – планирование всех дел наперёд. Следовательно, он хотел сказать, что «мы не можем жить от события к событию/жить одним днём.»

“Bottom line is, I didn't return to Apple *to make a fortune*”. – “Зарабатывать деньги”.

Стив Джобс всем известен, как основатель корпорации Apple, однако в 1985 году он её покинул, проиграв борьбу за власть с советом директоров.

Генри Форд и Стив Джобс тоже в основном используют в речи структурно-семантические фразеологизмы. Чтобы «совершить прорыв» (*One home run is much better than two doubles.*) им пришлось пройти через множество “проб и ошибок” (*the grip of your hand*), чтобы в конечном итоге добиться желаемого результата.

Возьмём кулинарию, как следующую сферу деятельности.

Гай Фиери – самый богатый шеф-повар в мире. Он является владельцем нескольких ресторанов в Калифорнии, а также известен своим телесериалом на канале Food Network.

“There are two different things: *there's grilling, and there's barbecue. Grilling is when people say, 'We're going to turn up the heat, make it really hot and sear a steak, sear a burger, cook a chicken'. Barbecue is going low and slow*”.

Здесь он использует контекстологическое фразеологическое выражение. Полагаем, что он хотел сказать, что “grilling” – это быстрый рабочий процесс, без вкладывания эмоций. «Положил мясо в гриль и готово» – выражение похоже на русский эквивалент «работать, спустя рукава.» «A barbecue» – это размеренный процесс, сделанный со всей душой «работать, засучив рукава».

“Cooking is all about people. Food is maybe the only universal thing that really has the power *to bring everyone together*. No matter what culture,

everywhere around the world, people *get together to eat*”. – «Объединять».

Учитывая, что его жизнь связана с приготовлением блюд, то он использует фразеологизмы, связанные с различными кухнями и едой.

Рассмотрим теперь индустрию моды, шоу бизнеса. В качестве примера были взяты высказывания известной американской модели Ким Кардашьян.

„I would rather *have been beaten up* in the media than live a life that wasn't happy”. – «Быть побитой СМИ». Учитывая, что она звезда, то, очевидно, что журналисты и папарацци ходят за ней по пятам, чтобы затем написать о ней, чаще всего в преувеличенной форме, чтобы читателям было интереснее читать. Значение фразеологизма: «Быть тем, над кем издеваются/ о ком пишут неправду».

“My reality is never going *to be stick-skinny*”. – «Быть тощим, как спичка».

“I'm constantly *on the go*”. – «Быть в разъездах».

Работать моделью – значит быть постоянно в разъездах, чтобы участвовать в фотосессиях, показах мод, и соблюдать диету для поддержания модельных параметров. Она является моделью plus size, поэтому у неё нет нужды быть слишком худой. Описывая свой род деятельности, она прибегает к структурно-семантическим фразеологизмам.

Проанализировав высказывания, можно сделать вывод о том, что в основном при разговоре преобладают структурно-семантические фразеологизмы. Так как они более понятны для человека. Несколько раз нам встретились контекстологические фразеологизмы, и чтобы их понять требуется время, определенные знания. Однако, ориентируясь на род деятельности человека, его жизнь, перевод фразеологизмов не составит трудности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков В. П. Русская фразеология. М. : Просвещение, 1986. 320с.
2. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М. : Международные отношения, 1972. 287 с.
3. Пастушенко Л. П. Английские фразеологические единицы в составе фразеологического поля : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1982. 289 с.
4. Смит Л. П. Фразеология английского языка. М. : Учпедгиз., 1959. 208 с.
5. *Great Quotes By Famous People To Inspire & Brighten Your Day* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://quotes.thefamouspeople.com/miscellaneous.php>

ОБРАЗЫ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

*Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются гендерные стереотипизированные образы в рекламном дискурсе. На материале англоязычной телерекламы показано, что мужчина представлен как семьянин, член братства, добытчик, защитник. В свою очередь, женские рекламные образы отражают стереотипные представления о женщине как о жене, матери, хозяйке дома. Выявлено, что мужчины используют значительное количество терминов, представляя компетентными не только себя, но и экстраполируя это на рекламируемый товар. Женщины в рекламе характеризуются экспрессивностью, апелляцией к чувствам матери и занятой хозяйки. В заключении рассмотрены различия гендерных стереотипизированных образов, а также типичных изображенных в рекламе ситуаций, в которых мужчина чаще представлен на рабочем месте, в то время как женщина – в кругу семьи.

Ключевые слова: рекламный дискурс, стереотип, гендерная дифференциация, мужская и женская реклама, образы мужчины и женщины.

Настоящее исследование посвящено изучению образов мужчины и женщины в дискурсе рекламных видеороликов телевидения США. Анализ рекламного дискурса как одного из видов институционального дискурса представляет значительный исследовательский интерес. В современном обществе реклама не только убеждает клиента приобрести товар или услугу, но и играет роль проводника, транслирующего в сознание людей идеи и образы, тем самым способствуя их закреплению в массовой культуре [7].

Исследования, посвященные гендерному аспекту рекламного дискурса [3; 5; 6], указывают на то, что в рекламной продукции мужчины и женщины представлены в определенном социальном контексте, в котором они исполняют отведенные им гендерные роли, являющиеся стереотипизированными. Создание и воспроизведение образов мужчин и женщин в рекламе поддерживает существование гендерных стереотипов. Под гендерным стереотипом, вслед за О. А. Ворониной, мы понимаем «стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское и «женское»» [1, с. 16]. Стереотипы, включая гендерные, упрощают процесс систематизации информации, однако они также носят абсолютный характер, в результате чего нивелируются особенности отдельной личности и происходит навязывание ей определенных стандартов и норм поведения. Под воздействием гендерных стереотипов членам общества предписываются определенные психологические характеристики, нормы поведения, профессии и т. д. в зависимости от их гендерной

принадлежности. В следствие сильного манипулятивного потенциала гендерных стереотипов, наблюдается их активное использование в рекламном дискурсе, что ведет к еще большему их укреплению в общественном сознании. Далее мы рассмотрим, какие именно стереотипизированные мужские и женские образы нам удалось выявить в материале исследования.

Для анализа образов мужчины и женщины нами были просмотрены 167 рекламных роликов, вышедших на телевидении США и представляющих потребительские товары широкого спектра применения [8; 9]. Из отобранного материала 20 реклам были отмечены нами, как содержащие те или иные стереотипизированные образы мужчин и женщин, при этом 12 из них являются примерами «мужской» рекламы, а 8 – «женской». Такой перевес и большая нацеленность рекламной продукции на потребителей мужского пола объясняется нами отсылкой к одному из самых распространенных мужских гендерных стереотипов, который состоит в том, что мужчины считаются более кредитоспособными, чем женщины.

В рассмотренном нами материале отмечены следующие мужские образы: 1) мужчина-семьянин; 2) мужчина как член некой общности, братства; 3) независимый мужчина; 4) неотразимый мужчина-мачо, полигамный самец; 5) мужчина, стремящийся вперед и не задерживающийся на одном месте, авантюрист; 6) занятой и успешный мужчина-добытчик; 7) сильный мужчина-защитник. Некоторые из выделенных нами образов, а именно образы активного, сильного и содержащего свою семью мужчину, соответствуют образам, выделенным в работе С. В. Гиталова [2].

Одним из наиболее ярких примеров, демонстрирующих сразу несколько стереотипизированных мужских образов, является реклама продукции Hillshire Farm: “I said a beef hot links! I said a brat, beef kielbasa, hot smoked sausage, cheddarwurst!” В данном случае, изображая нескольких мужчин, каждый из которых готовит мясо на заднем дворе своего собственного дома, реклама обращается к образу мужчины-семьянина. Кроме того, в ней используется гендерный стереотип о том, что мужчины любят поесть и из всей пищи предпочитают именно мясные блюда. Следует также отметить перечисление в рекламе конкретных наименований различных мясных изделий, что, потенциально, влияет на восприятие рекламы потребителями-мужчинами, которые, согласно исследованиям [4], используют в своей речи больше терминов и специальной лексики, чем женщины.

Вторым значимым образом, создаваемым данной рекламой, является образ мужчины, как члена определенной общности, братства. Находясь каждый на своем собственном заднем дворе, мужчины исполняют песню, повторяя друг за другом одни и те же строчки. Эффект от использования подобного образа усиливается в конце видеоролика, когда все мужчины собираются вместе и произносят следующие слова: “When I say Hillshire, you say Farm! – Hillshire! – Farm! – Go meat!”, показывая, что каждый член этой группы одобряет рекламируемый товар.

Следующий видеофрагмент рекламирует продукцию Nutri Grain с использованием образа независимого мужчины, который берет все, что хочет, и ни о чем не волнуется. Герой ролика съедает зерновой батончик, ощущает прилив сил и понимает, что теперь ему все по плечу: “I’m quitting the company and starting my own and by the way I feel great”, “You’re hot and I feel great, let’s get married”, “Go ahead and hit me”, “I’m marrying a girl just because of her looks, and we’re rushing right into making babies”, “I got no income, because I just quit my job, and I don’t care, because I feel great! Yeah.” Независимый мужчина принимает смелые решения, он прямолинеен и ничего не боится, он делает то, что должен делать типичный мужчина с точки зрения общества: начать собственное дело, жениться, завести детей. Общество, в лице коллег главного героя, выражает одобрение его поступков: “Steve, you’re a great guy with great skills, you’re going to do great”, “Wooo, you do feel great.” Представляя зрителю группу людей, занимающихся одним делом и произносящих одни и те же слова, данный рекламный ролик также отсылает нас к теме мужского братства, в которое, по сюжету, объединяются не только рядовые клерки, но и их начальник вместе с владельцем фирмы. Присутствие разговорной лексики – “what the hell”, “hot” (о привлекательности девушки), “what’s up”, “ass”, многократно употребленное “yeah” и высокая динамика диалогов с быстрой сменой ролей говорящего и слушающего свидетельствуют о стремлении к разговорному стилю общения в данной рекламе. В целом описанные особенности позволяют нам отнести рассматриваемый пример к гендерно-ориентированной («мужской») рекламе.

Наглядным примером создания образа мужчины-авантюриста стала реклама телекоммуникационной компании Verizon Wireless, главным героем которой является мужчина, путешествующий по различной местности и всегда остающийся на связи, который несколько раз произносит фразу: “Can you hear me now? Good.” Сюжет и невербальные компоненты создают образ мужчины-авантюриста, путешественника, находящегося в пути и движущегося вперед к своей цели. В вербальной составляющей данной рекламы интерес представляет закадровый голос, произносящий следующий текст: “How do you build America’s largest wireless network? By never being satisfied. Until when no matter where you go your call goes through. Verizon wireless, we never stop working for you.” В начале за счет превосходной формы “largest” в “America’s largest wireless network” у зрителя формируется представление о чем-то грандиозном. Далее с помощью фразы “By never being satisfied” закрепляется как образ человека, всегда движущегося вперед, так и тяга к прогрессу самого рекламируемого продукта, развивающегося как бы параллельно с изображаемым мужчиной. Эта идея параллельного движения подчеркивается глаголом “go”, который применяется и к персонажу, и к продукту. И, наконец, образ постоянного прогресса усиливается фразой “we never stop working for you”, содержащей сочетание “never stop”.

Одним из основных мужских образов, используемых в рассмотренной

нами рекламе, является образ занятого и успешного мужчины. Реклама ITT Technical Institute создает образ такого мужчины, стремясь привлечь тех зрителей, которые желают видеть себя в подобном образе. Рассказывая о том, как обучение в ITT Tech помогло ему достичь успеха в жизни, герой рекламного ролика говорит: “All I knew was I wanted to work earlier my twentieths. Obviously. I wanted to have a really successful carrier. Well, I got my education from ITT Technical Institute. My wife said my choice, ITT Tech, definitely helped me to reach the goals that I have for myself, my wife and our life together. To be able to pick and choose where we wanna go and also the lifestyle that we wanna live...” Образ уверенного в себе мужчины создается при помощи наречий, выражающих высокую степень уверенности – “obviously” и “definitely”, а успешность описывается словосочетаниями “a really successful carrier” и “to reach the goals that I have for myself”. Кроме того, в конце рекламного ролика закадровый голос произносит слова, которые подкрепляют образ успешного мужчины нацеленностью на будущее: “for the rest of their lives”, “for the future”, “can help you reach your goals” (подобное отмечено нами и в рекламе Verizon Wireless). Дополнительно при помощи слов “wife”, “our life together” и изображения персонажа в ресторане вместе с женой в рекламу вводится образ мужчины-семьянина.

Отметим, что мужчина в «мужской» рекламе может изображаться не только как семьянин, но и как мачо, стремящийся заполучить как можно больше девушек. Для такой рекламы характерны сексуализированные женские образы, которые призваны привлечь мужскую аудиторию.

Предметом рекламы, ориентированной на мужчин, чаще всего становятся еда и напитки, автомобили и мужские средства гигиены.

По нашим наблюдениям, «мужская» реклама представлена динамичными диалогами и лаконичными высказываниями, содержит технические термины и специальную лексику, которые создают впечатление надежных вещей от производителей, знающих свое дело. Данная реклама полагается как на вербальную, так и на невербальную составляющую; практически в каждом рассмотренном видеоролике были обнаружены экстралингвистические средства создания мужского образа.

Далее мы рассмотрим примеры создания в рекламном дискурсе женских образов, которые, согласно нашему исследованию, кардинально отличаются от мужских образов, представленных выше. В рассмотренном материале создаются следующие основные женские образы: 1) заботливая мама; 2) заботливая жена; 3) женщина-домохозяйка; 4) красивая женщина.

Ярким примером создания образа заботливой мамы является реклама консервированных макаронных изделий Chef Boyardee. На просьбу дочери купить ей рекламируемый продукт, мама отвечает: “Oh, not tonight, sweetie, you’ve had Chef every night this week.” Обращение “sweetie” является примером номинативно-аффективной лексики, показывающей близость отношений между говорящим и слушающим, при помощи которой реклама взывает к материнским чувствам женщин-зрителей. Ответ девочки “But I love Chef”

также апеллирует к материнскому инстинкту при помощи эмоционально окрашенного глагола “love”, ведь каждая мама хочет дать своему ребенку то, что он действительно любит. По нашему мнению, при использовании “like” вместо “love” реклама обладала бы меньшим эффектом. Согласно проведенному исследованию, эмоционально окрашенная лексика является характерной для «женской» рекламы.

В видеоролике, посвященном заколкам для волос Bumpits, показаны разнообразные стереотипные гендерные (женские) черты, находящие отражение в рекламе. Он убеждает потенциальных покупателей в простоте использования товара при помощи таких слов и сочетаний как “fast”, “in seconds”, “simply”, “instantly”, “easy”, “so easy”, “the easiest”. Кроме того, “self-gripping” также отсылает нас к идее простоты, говоря о том, что заколка сама захватит волосы. Дополнительно в рекламе отмечается, что любой сможет сделать себе профессиональную прическу: “Anyone could be a stylist!”, “Styling hair can take more effort, and it just falls flat! Bump it up, and your style lasts all day long!” Таким образом, использование большого количества сигналов, транслирующих идею простоты использования, является способом манипулирования женской аудиторией. По нашему мнению, это обусловлено стереотипами о том, что у женщин нет большого количества свободного времени из-за дел по дому и заботы о семье и о том, что для женщин важна простота, так как у них нет ни времени, ни навыков, чтобы разбираться в технических аспектах использования той или иной вещи. Этим же можно объяснить другое, встречающееся в «женской» рекламе, средство воздействия на зрителя – представление рекламного текста в форме инструкции, в которой объясняется порядок действий, необходимых для правильного использования товара. В данном случае таким предложением-инструкцией является отрывок: “Simply part your hair at the crown, give them little tease, insert Bumpits, fluff it up, and you are ready to go!”

Следует отметить, что рассматриваемый рекламный видеоролик наполнен разнообразными оценочными прилагательными, создающими как отрицательный образ женщины, не пользующейся Bumpits, так и положительный образ женщины, использующей данный товар: “flat” (дважды), “boring”, “incredible”, “perfect” (дважды), “fabulous” (дважды), “amazing”, “sexy”, “elegant”, “casual”, “sassy”, “flirty”, “confident”, “beautiful”, “comfortable”, “secure”, “versatile”. Образ женщины, пользующейся товаром, усиливается различными наречиями-интенсификаторами и прилагательными в превосходной форме: “so easy”, “incredibly comfortable”, “completely concealed”, “super secure”, “the easiest, most versatile hair accessory you’ve ever worn”. По нашему мнению, подобная экспрессивность соотносится с большей экспрессивностью женской речи в целом, отмечаемой в работе Е. А. Земской и др. [4].

В рекламе пластырей Band-Aid, в которой дети исполняют песню, содержатся следующие специальные слова: “germs”, “infection”, “heal”. Слова

“germs” и “infection”, на наш взгляд, передают идею опасности, которая может грозить детям, а слова “protection”, “trust” и “help” формируют у зрителя убеждение в том, что рекламируемый товар – это то, что может спасти их детей, ведь он надежен, и ему можно доверять. Данная реклама создает образ заботливой мамы, следящей за здоровьем своих детей, и целевой аудиторией этого ролика являются именно женщины, что можно доказать тем, что, во-первых, на невербальном уровне показаны именно женские руки, клеящие пластырь на рану ребенка, а во-вторых, согласно гендерному стереотипу, именно женщины обычно покупают подобные товары и следят за здоровьем своих детей.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что тематика «женской» рекламы отражает стереотипизированное представление о том, что основными сферами деятельности и интересами женщины являются занятие домашним хозяйством, забота о детях и муже, в том числе об их здоровье, а также уход за собой и поддержание собственной красоты.

В целом такую рекламу характеризует наполненность текста эмоционально окрашенной лексикой, оценочными прилагательными, в том числе в превосходной форме, и различными интенсификаторами, а также присутствие специальной лексики, относящейся к темам красоты, здоровья и чистоты.

Кроме того, нами было отмечено, что тексты в рекламе, адресованной женщинам, в среднем обладают большим размером, а вербальных элементов создания женского образа и средств влияния на зрителя больше, чем невербальных. По нашему мнению, это связано со стереотипизированным высказыванием о том, что «женщины любят ушами», вследствие чего создается такая реклама, которая в первую очередь будет воздействовать не на визуальном уровне, а на уровне текста.

Сравнивая «мужские» и «женские» рекламные ролики и то, как в них создаются мужские и женские образы, главным отличием мы хотели бы назвать то, что представленные образцы женской рекламы являются более экспрессивными по сравнению с мужской. Кроме того, в рекламе, адресованной мужчинам, не наблюдается такого явного акцента на простоте использования товара, какой отмечается в рекламе, ориентированной на женскую аудиторию.

В использовании специальной лексики также отмечены различия, так как эти лексические средства в «мужской» и «женской» рекламе относятся к разным сферам жизни: в то время как в первой содержатся термины, связанные с техникой и продуктами питания, вторая чаще оперирует терминами из области красоты, здоровья и чистоты, которые можно интерпретировать как термины ведения домашнего хозяйства.

В исследованной нами рекламе мужчина часто показан во время какого-либо рабочего процесса или собеседования, что свидетельствует о важности карьеры в его жизни, в то время как женщин, заботящихся о карьере, в рассмотренных нами примерах не встретилось ни одной. Женщина

намного чаще, чем мужчина, изображается в окружении семьи.

Таким образом, реклама определяет и отражает место в жизни как мужчин, так и женщин: мужчина более свободен в распределении своего личного времени, он зарабатывает деньги, делает карьеру и имеет любовные отношения с тем, с кем хочет; женщина же проводит большую часть своего времени дома и с семьей, она очень заботится о чистоте своего дома и здоровье детей и мужа, и не думает о том, чтобы как-то разнообразить свое времяпровождение. Рекламный дискурс гендерно дифференцирован и характеризуется использованием стереотипизированных образов мужчин и женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронина О. А., Клименкова Т. А. Гендер и культура // Женщины и социальная политика (гендерный аспект) / отв. ред. З. А. Хоткина. 1992. С. 10–22.
2. Гиталов С. В. Гендерный аспект языковых средств, используемых в рекламе продуктов питания // Вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. статей / под ред. Н. В. Кормилиной, Н. Ю. Шугаевой. 2015. С. 17–26.
3. Дударева А. А. Рекламный образ: Мужчина и женщина. М. : РИП-холдинг, 2003. 222 с.
4. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. 1993. С. 90–136.
5. Семкина М. В. Использование гендерных стереотипов как прием манипулирования сознанием в телевизионной рекламе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 170 с.
6. Томская М. В. Гендерные компоненты социального рекламного дискурса // Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. Пилотный выпуск. 2002. С. 81–87.
7. Трушина Л. Е. Реклама в информационном пространстве современного общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2007. №4. С. 215–222.
8. *Greatest 2000's Commercials* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=zpZkVxV0-C4>
9. *Iconic 2000s Commercials* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=jEWnN04lwZo>

Павлова И. С., Шугаева Н. Ю.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию роли эвфемизмов в современном английском языке, которые используются для замены отрицательных и негативно-окрашенных лексических единиц. Целью статьи является анализ использования эвфемии американскими политическими деятелями в их политической речи. Делается вывод о том, что эвфемизмы

являются эффективными средствами в построении современной политической коммуникации.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая корректность, политический эвфемизм, эвфемия.

Одной из важнейших сфер современной коммуникации является политический дискурс. В современном мире политические деятели разных стран имеют большую возможность воздействовать на сознание людей, донести свои политические идеи и завоевать доверие общественности. Для них очень важно умение выстраивать свою речь таким образом, чтобы их публичное выступление казалось богатым разными языковыми средствами. В настоящее время политические деятели стараются использовать в своей речи лексические единицы, способные завуалировать неприятные общественные явления и украсить действительность.

Эвфемизмы – это эмоционально-нейтральные лексические единицы языка, используемые вместо синонимичных им грубых и нетактичных выражений [1].

Английский язык считается языком синонимов, и он вполне оправдывает этот статус. Вряд ли в каком-либо другом языке мира можно найти столько эвфемизмов, сколько их в английском. Возможно, это связано с менталитетом, ведь британцы и американцы старательно избегают употребления слов, которые, по их мнению, могут как-то обидеть собеседника, поэтому они часто выбирают вместо них такие замысловатые выражения, что иностранцу очень сложно понять, что изначально имелось в виду.

История эвфемизмов в английском языке восходит к Вьетнамской войне, когда многие солдаты страдали от так называемой *shell shock*, т.е. боевой психической травмы, которая была результатом различных факторов военной обстановки. Бойцы, получившие психические расстройства, уже не могли вести боевые действия и, более того, всю жизнь страдали контузией, что прямо накладывало ограничения на их способность действовать.

Учитывая, что английский язык считает не допустимым использование слова “*psycho*” по отношению к психически нездоровым людям из-за возможного оскорбления их достоинства, в 1970-е годы впервые вошел в обиход эвфемизм, который используется и по сей день: «посттравматический синдром» – «*posttraumatic stress disorder*».

В средствах массовой информации эвфемизмы обладают наибольшим манипулятивным эффектом благодаря своим разносторонним возможностям воздействия на сознание читателя.

Способность эвфемизмов манипулировать определяется несколькими факторами: эвфемизмы маскируют истинную суть явления, создавая нейтральную коннотацию. Реципиент обычно не успевает вычленив эвфемизм из контекста и осмыслить его, так как обилие информации в современном обществе затрудняет оценку материала.

В настоящее время мало кто знаком с феноменом эвфемии, поэтому

многие не осознают, как осуществляется манипулятивный эффект.

В современном английском языке лингвисты выделяют несколько групп эвфемизмов. К первой группе они относят эвфемизмы, связанные с религиозными представлениями. Так, например, слово “*God*” заменяется словами “*Heaven, Jove, Lord, goodness.*” К следующей группе эвфемизмов относятся слова, связанные с государственной и военной тайной. К примеру, слово “*peaceful nuclear device*” используется вместо “*nuclear bomb*”. К третьей группе можно отнести политические эвфемизмы.

Война и политика являются актуальными темами для создания эвфемизмов. Политические эвфемизмы направлены на смягчение различных видов дискриминаций. Следует также отметить, что в процессе своих публичных выступлений современные политические деятели используют эвфемизмы для достижения своих политических целей.

По словам кандидата филологических наук А. Ю. Мирониной, к политическим эвфемизмам относятся слова, которые используются в речи политика для замены табуированных слов или выражений, т.е. считающихся запретными в использовании в речи [3].

Принято считать, что использование эвфемизмов в публичных выступлениях обусловлено политкорректностью, которая основана на избегании от языковых и лексических единиц, оскорбляющих чувства и достоинство человека.

Современные политические деятели должны уметь обыгрывать опасные моменты в своей речи таким образом, чтобы не обидеть своих слушателей. Кроме этого, политические эвфемизмы используются в целях уклонения от истины и реальности. Данная стратегия состоит в том, чтобы избавиться от нежелательной информации и истинного смысла высказывания [2].

Мы проанализировали публичные выступления американских и британских политиков с целью выявления использования политических эвфемизмов в качестве средства воздействия политических деятелей на общественность.

В частности мы рассмотрели использование политически корректных эвфемизмов в речи 44-ого президента Соединенных Штатов Америки Барака Обамы. Например: “*Children from **low-income families** score 27 points below the average reading level, while students from **wealthy families** score fifteen points above the average*” [4].

В данном примере Барак Обама использовал эвфемизмы для маскировки проблемы социальной несправедливости.

В политической речи Барака Обамы лингвисты отмечают также использование описательного перифраза, генерализации. Такая тенденция прослеживается в следующих примерах:

“*They had **some sort of chronic condition** that had to be tended to.*”

“*We are willing to look out for one another and help people who are vulnerable and help **people who are down on their luck***” [3].

В данных примерах использование эвфемии позволяет политику скрывать истинную сущность явления с помощью нейтрального или положительного смысла и ослабления концентрации значения табуированного слова.

В большинстве своих публичных выступлений Барак Обама использует политические эвфемизмы для завуалирования действительности и для смягчения грубой и неприглядной информации для слушающего его человека.

Также нами была проанализирована инаугурационная речь 45 президента США Дональда Трампа.

*“And while they celebrated in our nation’s capital, there was little to celebrate for **struggling families** all across our land”* [3].

В данном примере под эвфемизмом *struggling families* американский президент имеет в виду семьи с низким уровнем дохода, т.к. такие типы семей называть бедными или нищими в современном обществе не принято.

*“We’ve financed and built one global project after another, but ignored the fates of our children in **the inner cities** of Chicago, Baltimore, Detroit and so many other places throughout our land”* [3].

В вышеприведенном примере эвфемизм *“inner cities”* используется Д. Трампом для указания населенных районов, в которых в основном проживают люди с низким уровнем дохода и принадлежат к различным социальным группам. Кроме этого, данное словосочетание используется для замены слова *“ghetto”*.

В роли эвфемизмов, кроме существительных и сочетаний прилагательное + существительное используются также отдельные глаголы с префиксом *re-*. Использование таких глаголов способствует смягчению описания действительности и преуменьшению обещаний политиков в отношении исправления этих последствий. Например: *rebuild*, *reconstruct*, *reinforce*, *redesign* и т.д.

Ныне действующий президент США Дональд Трамп во время президентской гонки в 2016 году часто использовал такие глаголы в своих выступлениях для того, чтобы приуменьшить достижения Барака Обамы и сделать акцент на том, что Соединенные Штаты Америки нуждаются в восстановлении и в его помощи:

*“But to accomplish them, we must **replace** the present policy of globalism – which has moved so many jobs and so much wealth out of our country – and **replace** it with a new policy of Americanism”* [4].

Одна из самых больших проблем на данный момент в США является незаконная иммиграция, поэтому политики часто используют эвфемизмы для обозначения проблем, связанные с иммигрантами. Конечно, всем известно, что США – это страна иммигрантов. Но нужно отметить, что не каждый переселенец становится полезным членом американского общества. Таким образом, Д. Трамп уделяет большое внимание проблемам нелегальных иммигрантов в своих публичных выступлениях. Он использует в своей речи

различные эвфемистические конструкции: *“We also have to be honest about the fact that not everyone who seeks to join our country will be able to successfully assimilate”* [4].

В рассматриваемом примере американский президент, используя данную эвфемистическую конструкцию, не дискредитирует иммигрантов и не портит репутацию США. Такое использование эвфемии помогает ему благожелательно воздействовать на американское общество.

Более того, следует отметить еще один факт, что при упоминании расовых меньшинств, которые проживают на территории страны, политический деятель Д. Трамп использует всегда артикль «the» для передачи своего восприятия их как единое общество, в котором все члены равны перед лицом экономики США.

В ходе написания данной статьи, нами были проанализированы публичные выступления американского политика и члена Демократической партии Хиллари Клинтон, которая была кандидатом в президенты США в 2016 году.

В своих публичных выступлениях Х. Клинтон часто употребляет эвфемизмы для смягчения обстоятельств и реального положения дел в стране. Например: *“Those challenges emerged long before the Great Recession, and they have persisted through our recovery”* [5].

Хиллари Клинтон в своем публичном выступлении, посвященном дню Прав Человека, защищала меньшинства США, говоря о гомосексуалистах и трансгендерах и называя их термином «transgender people», что более корректно и более тактично, чем использование лексической единицы «transgenders»:

“I am talking about gay, lesbian, bisexual, and transgender people, human beings born free and given bestowed equality and dignity, who have a right to claim that, which is now one of the remaining human rights challenges of our time” [5].

Д. Трамп также использует современную аббревиатуру LGBTQ в своих выступлениях о текущих проблемах сексуальных меньшинств.

“As your president, I will do everything in my power to protect our LGBTQ citizens from the violence and oppression of a hateful foreign ideology” [5].

В своей предвыборной кампании в 2016 году Х. Клинтон говорила о важности обеспечения достойной жизни людям с ограниченными возможностями и использовала слово *“disabilities”*.

I’m talking about people with disabilities, men and women, boys and girls, who have talents, skills, ideas, and dreams for themselves and their families just like anybody else.” [5].

Во время президентской гонки в Соединенных Штатах Америки в 2016 году кандидаты высказывали свое отношение о проблеме нелегальных иммигрантов в США, и политик Х. Клинтон использовала эту тему как рычаг влияния на население Америки. Таким образом, она попыталась противостоять Д. Трампу по вопросу депортации иммигрантов:

*“You fight every single day to lift up the **Latino** community - when the cameras are rolling and when the cameras are off, at home in your districts and here in Washington. And no one understands better than you the pivotal moment we're at right now - not just for **Latinos** but for our country”* [4].

Интересен тот факт, что Д. Трамп в своих выступлениях меньше всего использовал термин *Latino*, чем другие политики и использовал термин *Hispanics* в своих выступлениях о поддержке латиноамериканского населения.

*“I'll take jobs back from China, I'll take jobs back from Japan. **The Hispanics** are going to get those jobs, and they're going to love Trump”* [4].

Таким образом, можно прийти к выводу, что эвфемизмы обладают огромным манипулятивным потенциалом, который используют многие политические деятели в своих публичных выступлениях. Используя эвфемизмы, политики не дискредитируют лицо, о котором идет речь, они желают завуалировать суть своего высказывания и хотят сделать его менее конкретным и туманным, тем самым возвысить статус денотата, скрыть свою неуверенность.

Проанализировав публичные выступления ведущих американских политиков, можно сказать, что эвфемия играет важную роль в современном английском языке. Использование эвфемизмов позволяет политикам из разных стран произвести положительное впечатление на людей, сделать свои выступления более тактичными и толерантными, избежать негативного отношения со стороны граждан своих стран и заручиться поддержкой избирателей на выборах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арапова Н. С.* Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. *Заварзина Г. А.* Эвфемизмы как проявление «политической корректности» // Русская речь. 2006. № 2. С. 54–56.
3. *Миронина А. Ю.* Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе (на материале публ. выступлений Б. Обамы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2012. 19 с.
4. *CNN Breaking News, Latest News and Videos* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://edition.cnn.com/politics> свободный
5. *The New York Times* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.nytimes.com/> свободный

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ В РЕЧИ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Данное исследование посвящено использованию политических эвфемизмов в современном английском языке, а именно изучению эвфемизмов в речи политических деятелей США. В статье рассмотрены классификация и особенности использования политических эвфемизмов.

Актуальность темы не вызывает сомнения. В статье приводятся примеры использования политических эвфемизмов в речи Б. Обамы и Д. Трампа, к которым они прибегают для маскировки процессов и последствий, происходящих во внутренней и внешней политике США.

Ключевые слова: эвфемизмы, классификация эвфемизмов, политическая корректность, политические эвфемизмы.

В настоящее время политика представляется борьбой за власть между представителями различных партий, защитой конкретных интересов, идей и действий. В данной политической деятельности язык играет, на самом деле, важную роль и является основным фактором.

Эвфемизмы важны в тех случаях, когда неприятные вещи и события замечаются и упоминаются косвенным образом. Они необходимы в обществе, когда прямые наименования вызывают смущение, в то время как косвенные намеки являются признаками хорошего тона.

Основным мотивом употребления политических эвфемизмов является, прежде всего, соблюдение правил политической корректности, с целью не вызвать резонанс в обществе и массовые возмущения.

Л. П. Крысин делит эвфемизмы на две большие группы: личные, связанные с личной жизнью и личностью говорящего, адресата или третьего лица, и социальные, связанные с различными сторонами жизни человека внутри общества. К личным он относит четыре группы эвфемизмов: физиологические процессы, части тела, болезнь и смерть, отношения между полами. Социальные эвфемизмы Л. П. Крысин делит на шесть групп: дипломатия; репрессивные действия власти; государственные и военные тайны; деятельность армии, разведки, милиции; сфера распределения и обслуживания; отношения между различными национальными и социальными группами [4].

В данной статье хотелось бы отдельно остановиться на эвфемизмах в политическом дискурсе.

Значительный интерес в современном обществе представляют выступления политических лидеров, которые воздействуют на слушателей. Следовательно, умение политика выступать публично, его коммуникативные навыки играют немаловажную роль в его карьере.

Политические эвфемизмы имеют особые признаки, которые не характерны для эвфемистических выражений, используемых в других сферах деятельности. Часто политики преследуют определенные цели, им необходимо скрывать правду, отвлекая общественное мнение от нее.

Как справедливо отметил Дж. Лоуренс, эвфемизмы всегда были союзниками военной и политической интриги, поэтому они от них неотделимы [5, с. 43].

И. Р. Гальперин считает, что политический эвфемизм — это «перифраз, цель которого ввести в заблуждение общественное мнение и выразить неприятные для аудитории понятия в более деликатной манере» [1, с. 74].

В. П. Москвин определяет политический эвфемизм, как разновидность маскирующего эвфемизма и выделяет их как «лексемы, употребляемые вместо нежелательных слов и выражений с целью скрыть неприятные стороны действительности за счет смягчения и искажения смысла описываемого факта» [2, с. 63].

Политические лидеры часто используют стратегии и тактики, оказывающие помощь в манипулировании аудиторией, способности при помощи языка воздействовать на убеждения людей для достижения намеченной цели. Что часто приводит к откровенной нечестности.

Рассмотрим некоторые примеры использования политических эвфемизмов, которые используют политики США для маскировки процессов и последствий, которые происходят во внутренней и внешней политике США.

Подвергая критике действия президента США Дж. Буша, Б. Обама часто использует слово «*Washington*», столицу Америки, в которой расположен Белый дом. Столица страны подразумевает власть.

Рассмотрим следующие примеры:

Here in Washington, we've all seen how quickly good intentions can turn into broken promises and wasteful spending [6].

Здесь, в Вашингтоне, мы видели все, как быстро добрые намерения могут превратиться в нарушенные обещания и расточительные расходы.

We want a new course for this country. We want new leadership in Washington [7].

С целью наладить внутреннюю и внешнюю политику США Б. Обама часто употребляет слова с общим смыслом, а также глаголы с префиксом «*re-*» для обозначения действий, которые он собирается совершить.

We will rebuild, we will recover, and the United States of America will emerge stronger than before [8].

Мы перестроим, мы восстановимся, и Соединенные Штаты Америки станут сильнее, чем раньше.

Вышеназванные эвфемизмы кажутся слушателям многообещающими и позитивными, однако они не выражают каких-либо конкретных действий. У слушателей создается положительное впечатление, связанное с движением вперед, совершенствованием и улучшением качества жизни.

Часто политики употребляют группу слов (существительные с широким значением: «*issue*», «*problem*», «*strategy*», «*step*» и др.), чтобы создать неопределенное представление о каком-либо событии или явлении. Такие слова притупляют сознание, не вызывают негативной реакции у слушателей.

Выступления Д. Трамп часто рассматриваются как политически некорректными. В то же время сам политик говорит о том, что политическая корректность является проблемой современной политики.

*I think the big **problem** this country has is being politically correct. I've been challenged by so many people, and I don't frankly have time for total political correctness. And to be honest with you, this country doesn't have time either [4].*

Я думаю, что политкорректность – большая проблема в этой стране. Многие люди бросали мне вызов, и у меня нет времени на полную политкорректность. И, честно говоря, у этой страны тоже нет времени.

Рассмотрим следующее высказывание Д. Трампа.

We will bring back our jobs. We will bring back our borders. We will bring back our wealth, and we will bring back our dreams. We will build new roads and highways and bridges and airports and tunnels and railways all across our wonderful nation. We will get our people off of welfare and back to work rebuilding our country with American hands and American labor. We will follow two simple rules -- buy American and hire American.

Мы вернем нашу работу. Мы вернем наши границы. Мы вернем наше богатство, и мы вернем наши мечты. Мы будем строить новые дороги и автомагистрали, мосты, аэропорты и туннели, и железные дороги по всей нашей замечательной стране. Мы вернем нашим людям благосостояние и вернемся к восстановлению нашей страны с помощью американских рабочих. Мы будем следовать двум простым правилам – покупаем американское и нанимаем американцев.

Короткие параллельно организованные предложения подчеркивают четкость и ясность изложения этапов работы. Многократное повторение обещания формирует положительную оценку восприятия обществом программы президента США.

Описывая отношения с другими странами, с которыми США имеют экономические и культурные связи, в речи Д. Трампа используется выражение «*special relationship*». Так, данный эвфемизм можно встретить в следующем предложении.

*We're going to have a very busy day tomorrow, and a lot of things are going to be solved I hope, and I think it'll lead to really a wonderful situation long term. And our relationship is a very **special relationship** [9].*

Завтра у нас будет очень напряженный день, и многое будет решено, я надеюсь, и я думаю, что это приведет к действительно прекрасной ситуации в долгосрочной перспективе. И наши отношения — это особые отношения.

Политики стараются избегать отрицательных частиц и суффиксов, которые формируют плохой образ. С следующим высказыванием выступающий употребляет выражение «*outlive one's usefulness*» вместо “*useless*”

*I promised to go through the budget line by line to eliminate programs that have **outlived their usefulness**, and in each of the budgets I've put forward so far, we've proposed approximately \$20 billion in savings through shrinking or ending more than 120 such programs [10].*

Я пообещал просмотреть бюджет построчно, чтобы исключить программы, которые более не целесообразны, и в каждом из предложенных мною бюджетов мы предложили примерно 20 миллиардов долларов экономии за счет сокращения или прекращения более 120 таких программ.

Б. Обама часто употребляет эвфемизмы “*challenge, extraordinary, tough*”.

*Despite a **tough budget environment**, our security assistance has increased every single year [11].*

Несмотря на жесткие бюджетные условия, наша помощь в области безопасности увеличивается с каждым годом.

“*Tough*” здесь имеет значение «*having or causing difficulties*». “*Tough*” – короткое, разговорное слово, имеющее положительное значение, позволяющее спикеру быть ближе к слушателям.

*The competition for jobs is real. But this shouldn't discourage us. It should **challenge** us [12].*

Конкуренция за рабочие места реальна. Но это не должно обескураживать нас. Это должно бросить нам вызов.

Также распространенным словом является „*challenge*” и его производные. Слово “*challenge*” также воспринимается позитивно.

*It also means making sure that in the future we're not dragged down by long-term debt. This is a **challenge** that both parties have a responsibility to address – to get federal spending under control and bring down the deficits that have been growing for most of the last decade [12].*

Это также означает необходимость убедиться, что долгосрочный долг в будущем нас не вымотает. Это задача, которую обе стороны обязаны решить – взять под контроль федеральные расходы и сократить дефицит, который рос на протяжении большей части последнего десятилетия.

*These are **challenging times** for America, but we've faced challenging times before [12].*

Это тяжелые времена для Америки, но мы сталкивались с трудными и временами раньше.

Часто эвфемизмы-числительные скрывают последствия печальных событий, происшедших в той или иной стране. Конечно, событие 11 сентября 2001 года навсегда оставит свой след в памяти большинства жителей Америки. Поэтому «9/11» политики используют для замены словосочетания “*terrorist attack*” [3].

Итак, подводя итоги, можно отметить то, что политические деятели используют эвфемизмы для того, чтобы сохранить политическую корректность, соблюсти нормы этикета, уменьшить тяжесть и остроту проблем и, в целом, сохранить имидж страны в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальперин И. О.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. 459 с.
2. *Москвин В. П.* Эвфемизмы : системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58–70.
3. *Петрова Т. В., Сидорова Л. А.* Эвфемизмы в речи политических деятелей США // Вопросы лингводидактики и межкультурной коммуникации в контексте современных исследований : сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2019. С. 417–420.
4. *Саммани Мохаммед Хассен.* Семантические особенности эвфемизмов в русском языке. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2014. № 6 (65). С. 643–649.
5. *Lawrence, J.* Unmentionables and Other Euphemisms. London : Gentry Books, 2003. 784 p.
6. <https://www.theguardian.com/world/2009/feb/25/full-text-barack-obama-congress-address>
7. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/07/30/remarks-first-lady-summit-mandela-washington-fellowship-young-african-le>
8. <https://www.standard.co.uk/news/we-will-rebuild-we-will-recover-and-the-united-states-of-america-will-emerge-stronger-6936320.html>
9. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jul/01/donald-trump-civility-political-correctness>
10. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2010/11/29/remarks-president-federal-employee-pay-freeze>
11. <https://uk.reuters.com/article/uk-obama/obama-marks-accomplishments-spending-fight-looms-idUKTRE6BM01120101223>
12. <https://www.americanrhetoric.com/speeches/stateoftheunion2011.htm>

Шугаева Н. Ю.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Современная лингвистика проявляет большой интерес к изучению политического дискурса: исследователи анализируют понятие политического дискурса, рассматривают его основные характеристики, особенности, функции, выявляют и классифицируют подходы к его изучению. В данной статье рассматриваются лингвистические особенности и средства, лежащие в основе англоязычной публичной политической речи. Исследование проведено на материале речей американских политиков.

Ключевые слова: публичная политическая речь, дискурс, стилистические средства, метафора.

Политика, будучи специфической сферой деятельности человека, по своей сути, представляет собой совокупность действий речи. Главная цель политической коммуникации, по мнению О. Л. Михалевой, заключается в борьбе за власть [3, с. 11]. Основными концептами политического дискурса концепты «власть» и «политик» считает и М. В. Гаврилова [1, с. 90]. У концепта «власть» не существует различий при обывательском и научном подходе и трактуется как право, способность и возможность принудить кого-либо к чему-либо. Значимость политического дискурса, которая выражается в обосновании и отстаивании своего права на власть, регулярно подчеркивается в политических речах.

Н. А. Синеокая вслед за В. И. Карасиком политический дискурс считает «институциональным общением, при осуществлении которого, в отличие от лично ориентированного, используется определенная система профессионально ориентированных знаков, т. е. данный феномен имеет собственный подъязык (лексику, фразеологию и паремиологию)» [5, с. 512].

В научной литературе при обозначении дискурса в рамках средств массовой информации (далее – СМИ) используются различные понятия: газетный дискурс, газетно-публицистический дискурс, журналистский дискурс, массово-информационный дискурс, публицистический дискурс.

Выделение массово-информационного дискурса А. В. Олянич обосновывает его трансформацией в массовый и приобретением специфических характеристик, которые отличают его от других видов коммуникации, в первую очередь, по критерию общности и различных уровней передаваемой информации [4, с. 70–71]. М. Р. Желтухина обнаруживает синонимичное сходство между массово-информационным дискурсом и дискурсом масс-медиа [2, с. 244].

Масс-медиа дискурс представляет собой дискурс институциональный, так как его применяют медийных институтах, таких как издательства, теле-радиокомпании и т.д. По утверждению М. Р. Желтухиной, выраженная терминами социальной деятельности институциональная коммуникация является стандартизированной формой общения людей, между которыми существуют отношения координации. Это означает, что при данном типе коммуникации закрепляется ее организационно-правовая структура, в рамках которой обратная связь между источниками и аудиторией отложена во временном отношении [2, с. 150].

Е. С. Щелкунова отмечает использование термина «журналистский текст», который заменяет термин «публицистический текст» [6, с. 73]. В качестве одного из контраргументов для использования термина «публицистический текст» называется «интерстилевой» характер, которым облают современные материалы, распространяющиеся в СМИ [6, с. 73]. Данный вид

текста не относится ни к какому-либо конкретному стилю, ни к публицистическому. Е. С. Щелкунова также отмечает, что подобное разведение понятий приводит к излишнему дроблению терминологии, так как синкретизм свойственен публицистическому тексту как природная составляющая и может быть использован применительно к публицистике как к виду творческой деятельности, а к журналистике как к способу ее существования [6, с. 74].

В рамках публицистического стиля наиболее ярко проявляется политический конфликтный дискурс. Современная геополитическая ситуация характеризуется большим количеством разнообразных конфликтов, среди которых политическим уделяется особое внимание.

Успешной реализации основной цели политико-конфликтного дискурса с посредством названных характеристик способствует именно лексическая составляющая речи политиков. Данное положение можно подтвердить на примерах речей, произнесенных американским политиком Х. Клинтон в ходе ее предвыборной кампании, и затем опубликованных в различных СМИ США.

Так, американский политик Х. Клинтон в ходе своей предвыборной кампании избрала довольно агрессивную тактику обвинения, выразившись в приписывании оппоненту вины, негативном описании как самого противника, так и любой ситуации, с которой он связан. Например, *“Donald Trump’s ideas aren’t just different – they are dangerously incoherent. They’re not even really ideas – just a series of bizarre rants, personal feuds, and outright lies. And to top it off, he believes America is weak. An embarrassment. He called our military a disaster. He said we are - and I quote – a “third – world country.” And he’s been saying things like that for decades. Those are the words my friends of someone who doesn’t understand America or the world”* [9].

В приведенном примере видим лексические средства, имеющие отрицательное оценочное значение. Нередко подобные обвинения не имеют под собой оснований, не могут быть доказаны объективными обстоятельствами. Однако, это не останавливает современных политиков, которые нередко используют ее в своей деятельности.

Другой весьма характерной для Х. Клинтон тактикой, используемой политиком в своих речах, можно назвать «презентацию». Данную тактику отличает многократное употребление личного местоимения “I”. Примером может служить следующее высказывание кандидата в президенты США на выборах 2016 г.: *“As your Senator, I fought against racial profiling and the disparity in sentencing between crack and powder cocaine. Unlike him [Donald Trump], I have some experience with the tough calls and the hard work of statecraft. I wrestled with the Chinese over a climate deal in Copenhagen, I brokered a ceasefire between Israel and Hamas, I negotiated the reduction of nuclear weapons with Russia, I twisted arms to bring the world together in global sanctions against Iran...”* [9].

Помимо названной части речи высказывание изобилует усиливающими формами образования образа успешного, сильного, опытного политического деятеля лексическими единицами: *tough, fight, wrestle, broker, twisted arms*. Такой прием в определенной степени строится на противопоставлении собственной положительно характеризуемой личности и негативно описанной личности оппонента.

Кроме того, Х. Клинтон нередко использовала обещания. В ходе реализации данной тактики политический деятель использует глаголы совершенного вида в будущем времени: *I + will (not) + verb*. Характер высказываний в такой форме способствует убеждению публики в отсутствии каких-либо сомнений в реальности выполнения обещания. Так, обещая молодому поколению хорошо оплачиваемую работу, Х. Клинтон говорит: *“In my first 100 days as president, I will work with both parties to pass a comprehensive plan to create the next generation of good – paying jobs. And I will repeat today what I have said throughout this campaign. I will not raise taxes on the middle class. I will give you tax relief to help ease these burdens”* [11].

Здесь используются лексемы, направленные на формирование в воображении избирателей собственного положительного имиджа политика и определенные прагматической направленностью на достижение убеждения в реальной возможности выполнения сказанного.

В ходе анализа предвыборных речей Х. Клинтон обнаружено довольно значимое число общих риторических вопросов: *“What happened?”*; *“And, you know what?”*; *“Well, then, why don’t they start listening to those who are?”*; *“You know what her answer was?”*; *“What part of democracy are they afraid of?”* и т.д.

Используя данный прием, политик демонстрирует свое отношение к оппонентам, обличая их непрофессионализм в определенных сферах, убеждая тем самым публику в том, что данные политические деятели являются таковыми в действительности. Данная цель достигается заведомым наличием в такого рода вопросах ответов на них. Названный способ демонстрирует утверждение, а не оценочное суждение коммуниканта.

На уровне лексики также обнаруживаются приемы, которыми характеризуется политический дискурс.

Метафора широко распространена в процессе построения политической картины мира. При этом, она используется не только с целью привлечения внимания потенциальных слушателей. В политической коммуникации данный языковой прием не ограничивается только рамками лишь художественной стороны. Ее воздействие отражается как на подсознательных, так и на бессознательных составляющих человеческой психики. Используя метафору, политик получает возможность установления контакта с аудиторией, создания атмосферы, соответствующей ситуации.

Х. Клинтон нередко использует метафоры, сопряженные с медицинской сферой. Она сравнивает проблемы государства с болезнями, которые необходимо лечить. Например, *“So how do you heal the divide?”*

"I've laid out a platform that I think would begin to remedy some of the problems we have in the criminal justice system" [11].

Используя данную тематику, политик демонстрирует свою готовность «вылечить» американский народ от его «социальных недугов».

В коротком рукописном сценарии, состоящем из 93 слов, она использует 13 различных концептуальных метафор: *running for president, get ahead and stay ahead, families are strong, America is strong, fight their way back, a champion, at the top, tough economic times, join me on this journey, the deck is stacked, just get by, hitting the road* [11].

Доминирующей метафорической моделью в инаугурационной речи Х. Клинтон является модель «Изменения в стране – это путешествие» (*journey*). Говоря о том, что «Американцы не сдавались тяжким экономическим временам»: *Americans have fought their way back from tough economic times*, она сравнивает сопротивление кризису с возвращением с долгого путешествия. В своей речи Х. Клинтон говорит, что можно делать больше, чем просто сводить концы с концами: *So you can do more than just get by*, сравнивая жизнь с трудным путешествием. Комбинируя метафорические модели «Путешествие» и «Спорт» Х. Клинтон утверждает, что проголосовавших ждет лучшее будущее: *You can get ahead, and stay ahead*. В конце своей речи кандидат в президенты призывает американцев голосовать за нее: *And I hope you'll join me on this journey*, словно она и американский народ путешествуют вместе, делая американское общество лучше.

Также в речи можно обнаружить метафоры со сферой-источником «Политика – это спортивное состязание»: *"I'm running for president; everyday Americans need a champion, and I want to be that champion; you can get ahead, and stay ahead"*.

Проанализированный материал показывает, что использованные Х. Клинтон спортивные метафоры выражают ее четкое намерение не только принять участие в политической гонке, но и одержать победу в этом состязании.

Также очевидной тенденцией является употребление эллиптических предложений в тексте предвыборной речи. Исключая из предложения подлежащее или сказуемое, политик придает своим высказываниям динамичность и живость, благодаря чему слушатели, в свою очередь, погружаются в атмосферу реальности. Использование эллипсиса возможно только при правильно построенной и понятной речи, что требует от говорящего высокого уровня грамотности и определенной культуры общения, так как недостающие члены предложения должны восстанавливаться в мышлении слушающих на основании дальнейшего контекста. Данное средство речевого воздействия на аудиторию присутствует в выступлении Х. Клинтон, хотя и нельзя назвать его частотным. Представляется возможным привести только несколько предложений, в которых отсутствует один из главных членов предложения:

"Equality of opportunity... Jobs for those who can work... Security for

those who need it... The ending of special privilege for the few... The preservation of civil liberties for all... a wider and constantly rising standard of living”,

“For the successful and the struggling. For the innovators and inventors. For those breaking barriers in technology and discovering cures for diseases. For the factory workers and food servers who stand on their feet all day” [11].

Приведенные примеры демонстрируют наличие лишь определенных ключевых слов, передающих главную мысль политика. В свою очередь, убеждение осуществляется благодаря компрессии текста, его динамики и экспрессии.

Таким образом, для политического дискурса Х. Клинтон характерно использование различных тактик – обвинения, самопрезентации, обещания, а также приема употребления риторических вопросов. Применяемые способы раскрываются при помощи различных лексических и синтаксических единиц, употребляемых для достижения единственной цели – сформировать в сознании избирателей собственный положительный имидж, выстроенный на противоположности негативно описанному образу оппонента.

Лингвистическая специфика политического дискурса способствует грамотному ведению диалога политическими деятелями, а также оказанию влияния не только на оппонента, но и на других слушателей, утверждая в их мышлении правоту говорящего. По этой причине грамотное использование лингвистических особенностей политического дискурса представляет собой довольно значимое умение и существенное преимущество любого политика. Ввиду необходимости приобретения политического веса и популярности лицам, задействованным в политической сфере, просто необходимо уметь находить достойный выход из любых ситуаций различного уровня сложности. При этом делать это нужно с использованием своего ораторского искусства и нестандартного, но рационального мышления.

При рассмотрении наиболее значимых лингвистических особенностей политико-конфликтного дискурса полагаем необходимым обратить внимание на тщательный отбор и использование синтаксических конструкций, прежде всего, активного и пассивного залога. Употребление в речи политиков активного залога наблюдается при обращении к аудитории в целях демонстрации готовности к выполнению обещаний и к реализации действий в целом. При использовании в политической речи глаголов в пассивной форме внимание слушающих переносится непосредственно с говорящего, благодаря чему с него снимается ответственность за какие-либо действия или бездействие. Целесообразным видится отнесение к синтаксическому уровню способность описывать ситуацию путем номинализации. Данный языковой феномен заключается в преобразовании глагола в имя существительное. Номинализация регулирует процессы восприятия и понимания, так как оратор способен довольно легко исключить из обсуждения важных персонажей, вплоть до полного удаления действующих лиц. При этом номинализация представляет собой гибкий механизм воздействия. Она дает возможность видоизменить речевое высказывание с целью указания участника,

который необходим в конкретной ситуации.

Тексты политических выступлений характеризуются особым вниманием к форме, отбору языковых выражений, в них наиболее часто встречаются лозунговые предложения и определенная политическая лексика. По мере расширения сферы влияния политического деятеля увеличивается сложность политических задач, которые он должен решать.

Для усиления эффекта выступления оратор часто использует условные придаточные предложения вместо вопросительных. Он задает вопрос реальна ли цель, о которой он говорит, достижима ли она, и уже используя данное предложение, строит свое высказывание, которое логически развивает сказанную мысль. При усложнении синтаксической структуры придаточной части условного предложения сам оратор указывает на сложные условия достижения обозначенной им цели или на существование нескольких целей. Данное положение может быть подтверждено примерами из выступлений Б. Обамы:

“If there is anyone out there who still doubts that America is a place where all things are possible; who still wonders if the dream of our founders is alive in our time; who still questions the power of our democracy, tonight is your answer” [7].

“If I had told you eight years ago that America would reverse a great recession, reboot our auto industry, and unleash the longest stretch of job creation in our history – if I had told you that we would open up a new chapter with the Cuban people, shut down Iran’s nuclear weapons program without firing a shot, take out the mastermind of 9-11 – if I had told you that we would win marriage equality and secure the right to health insurance for another 20 million of our fellow citizens – if I had told you all that, you might have said our sights were set a little too high” [8].

В политических выступлениях также широко используются параллельные конструкции. Например, *“It grew strength from the young people who rejected the myth of their generation's apathy, who left their homes and their families for jobs that offered little pay and less sleep; from the not-so-young people who braved the bitter cold and scorching heat to knock on doors of perfect strangers; and from the millions of Americans who volunteered and organised and proved that more than two centuries later a government of the people, by the people, and for the people has not perished from the Earth”* [7].

Так мы видим, что в своих политических речах Б. Обама использует как простые, так и сложные предложения, направленные на корреляцию цели высказывания с оказываемым ими эффектом, на которые оказывают влияние такие переменные, как контекст и аудитория. Для достижения планируемых эффектов высказывания при отборе и употреблении средств выразительности необходимо учитывать все эти факторы.

Для примера проведем анализ отрывка обращения американского президента Дж. Ф. Кеннеди к нации в период Карибского кризиса, произнесенного 22 октября 1962 г. Данная политическая речь ярко демонстрирует

весьма впечатляющую реакцию политика на факт размещения Советским Союзом оружия на Кубе. Сама политическая ситуация носит характер конфликтной и демонстрирует этап эскалации (постепенного усиления, нарастания) конфликта. *“But this secret, swift, extraordinary buildup of Communist missiles – in an area well known to have a special and historical relationship to the United States and the nations of the Western Hemisphere, in violation of Soviet assurances, and in defiance of American and hemispheric policy – this sudden, clandestine decision to station strategic weapons for the first time outside of Soviet soil – is a deliberately provocative and unjustified change in the status quo which cannot be accepted by this country, if our courage and our commitments are ever to be trusted again by either friend or foe”* [10]. Приведенное высказывание характеризуется высокой степенью импрессивности.

Комбинация тропов и стилистических фигур речи, эпитеты, такие как *sudden, clandestine, swift, deliberately provocative, unjustified* придают импрессивность высказыванию. Данный текст дает возможность определить наиболее важную составляющую конфликтного политического дискурса – саморепрезентацию одного из участников конфликта.

Фактор регуляции речевой коммуникации характеризуется стратегией партнерства. Иллюстрацию такой позиции находим в речевом поведении лидера США Дж. Ф. Кеннеди, период правления которого совпал с периодом ужесточения и без того существенного политического конфликта (холодной войны). Стремясь найти компромиссное решение внешнеполитических проблем, американскому президенту удается соблюсти все нормы, предписанные международной дипломатией, даже в самые острые моменты кризиса. С 1963 г. на первый план выходит ведение сотрудничества в отношениях с Советским Союзом. Понимание президентом необходимости установить взаимопонимание между двумя государствами прослеживается в политических выступлениях Дж. Кеннеди:

“So let us begin anew – remembering on both sides that civility is not a sign of weakness, and sincerity is always subject to proof. Let us never negotiate out of fear, but let us never fear to negotiate. Let both sides explore what problems unite us instead of belaboring those problems which divide us. Let both sides, for the first time, formulate serious and precise proposals for the inspection and control of 31 arms, and bring the absolute power to destroy other nations under the absolute control of all nations. And, if a beachhead of cooperation may push back the jungle of suspicion, let both sides join in creating a new endeavor – not a new balance of power, but a new world of law – where the strong are just, and the weak secure, and the peace preserved” [10].

Таким образом, выявить особенности речевого взаимодействия, свойственного политическому конфликту, становится возможным при помощи теории факторов речевого общения, определяющий фактор которой заключается в целевом содержании высказывания. Структуру конфликта можно соотнести с факторами регуляции речевой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаврилова М. В.* Лингвистический анализ политического дискурса // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований. СПбГУ, 2002. Вып. 3. С. 88–108.
2. *Желтухина М. Р.* Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
3. *Николаева Т. М.* Краткий словарь терминов лингвистики. М. : Прогресс, 1978. 480 с.
4. *Охременко И. В.* Конфликтология. М. : Юрайт, 2018. 156 с.
5. *Солганик Г. Я.* Стилистика текста. М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.
6. *Щелкунова Е. С.* Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 220 с.
7. *Barack Obama Acceptance Speech as President Elect of the USA* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://wwpresidentialvote.blogspot.com/>
8. *President Obama's Farewell Speech* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.nytimes.com/video/us/politics/100000004864201/watch-live-president-obamas-farewell-speech.html>
9. *The New York Times, October 21st, 2016* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/serial?id=nytimes>
10. *The Washington Post* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.washingtonpost.com/>
11. *The Washington Post, October 25th, 2016* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.washingtonpost.com/>

Яшкина А. В., Шугаева Н. Ю.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению лингвостилистических средств в репрезентации образа России в англоязычной прессе. В статье анализируются лингвостилистические средства, используемые в современной англоязычной прессе. Прежде всего, речь идет об использовании метафоры, иронии, аллюзии, олицетворения. Возможность раскрытия потенциала лингвостилистических средств в печатных газетных текстах позволит определить тематическую особенность статей, а также обозначить значимость и роль лингвостилистических средств при создании образа России в современной англоязычной прессе.

Ключевые слова: лингвостилистические средства, метафора, ирония, олицетворение.

Сегодня Россия играет значительную роль на нынешней политической арене. Россия вызывает огромное любопытство у иностранных средств массовой информации. К тому же, с учетом последних событий в мире, где упоминается Россия, как сторона конфликтов в Сирии, инцидентов в Украине и разработчик вакцины от коронавируса. Количество новостей, упоминающих Россию в англоязычных СМИ, в значительной степени возросло. Современная Россия предстает в британских СМИ, как страна «более решительная» и в то же время «более настороженная». Англоязычная пресса информирует своих читателей, влияет на их отношение и мысли к обсуждаемой теме, согласованной с российскими новостями. Для выполнения этих задач англоязычная пресса использует различные приемы. Одним в числе таких приемов возникает применение стилистических средств, а точнее лексических и синтаксических стилистических приемов для разработки определенного образа страны или человека. По большей части, достаточно несколько к месту подобранных слов. Итак, будет создано полное представление того, о ком идет речь. Образ может быть негативным или позитивным.

Статьи в англоязычной прессе часто выступают в качестве одного из важнейших ресурсов для журналистов, которые никогда не были в России. Они издают статьи о России, на этом основании рассчитывать на непредвзятость позиции и точность фактов не доводится. Н. Т. Клушина писала: «Информация, которую собирают и обрабатывают специальные сотрудники для определенных групп читателей, и не может быть абсолютно объективной. Читатель чаще всего получает интерпретацию информации, как бы не подчеркивался ее объективный характер» [4]. На сегодняшний день, существенной темой газетных и журнальных статей является внутренняя ситуация в стране, реформы, руководящие личности, экономика и культура России.

В статьях при создании образа России авторы часто используют метафоры.

Облики русских городов возникают в метафорическом контексте: «белый ад – whitehell» [3]. Здесь выражение «whitehell» используется для изображения морозных русских зим, на фоне которых, с позиции иностранцев невозможно уцелеть.

Журналисты используют в своих статьях необычные метафоры для описания российских властей: “Oh yes, there are politics in the Kremlin, vicious politics. It's just that they've reverted to the form famously described by Winston Churchill as a bulldog fight under a rug” [3].

В журнале “The Economist” автор статьи использует метафору “as a bulldog fight under the rug”. Он сравнивает русских политиков с жесткими бульдогами, которые вполне могут справиться со всеми конкурентами.

Часто в английских СМИ встречается метафорический образ «Россия – медведь». Россия нередко сопоставляется с крупным сибирским обитателем – медведем. Так же, как и медведя, англоязычные газетные публикации видят в России крупного, дикого, грубого и неуклюжего соседа: “Now that *the Russian bear* is once again growling menacingly” [2].

Несмотря на всеобщую тенденцию западных СМИ представлять Россию в образе недружелюбного и агрессивного партнера, можно встретить и оптимистичные отклики некоторых английских изданий. Так, к примеру, встречается метафорическую модель «Россия – друг»:

“In 2012, American leaders believed they were pursuing a “reset” of relations with Russia” [4].

Статьи совмещают элементы, как устной речи, так и письменных жанров. В прессе встречаются лексические единицы, применение которых подходяще для высокого или книжного стиля. Лексическая единица – это слово, неизменное словосочетание или иная единица языка, способная обозначать предметы, события, их признаки. Например:

“I gave up on Drudge long ago, as have many others. People are dropping off like flies! I don't believe that!” [2]

Автором статьи используется лексическая единица “I don't believe that”, при помощи которой он передает свое отношение к происходящей проблеме в мире.

Использование восклицательных знаков является еще одной особенностью авторов статей. Почти каждое предложение может перейти в восклицательное при произнесении его с определенной манерой. Использование двух или более восклицательных знаков говорит об усилении эмоциональности статьи. В связи со сложившейся ситуацией в мире, доля восклицательных предложений в значительной части рассмотренных статей оказалась небольшой. Например:

“Do they want to die?! So let them die! The people don't wanna understand they should stay at home for their own life!” [1]

В данном примере, мы можем ощутить всю боль и возмущение автора статьи в связи с беспечностью людей, которая выражается использованием восклицательных знаков в конце каждого предложения.

Иногда, автор статьи сокращает высказывание при помощи лингвистического приема – эллипсиса. Эллипсис – это лингвистический прием, который встречается как в письменной так и в устной речи, с целью предания речи выразительности, экспрессии. Под эллипсисом принято понимать предложения, в которых отсутствуют части предложения, но мы можем восстановить их исходя из контекста диалога [5]. Разберем примеры эллипсиса в языке англоязычных СМИ, указав важнейшие ситуации его появления. Этот прием используется, когда требуется избегать повторов. Слова, которые повторяются, опускаются при ответе на вопрос собеседника:

“- When did you say she'd be back? – By \ 10:35” [2].

В этом примере, мы видим, что не имеет смысла в повторении сказанных слов в вопросе, потому что ответ на вопрос очевиден.

Часто журналисты используют иронию. Ирония – это стилистический прием контраста видимого и скрытого смысла высказывания, создающий эффект насмешки. Имплицитность иронических утверждений содержится в том, что автор не ругает, а сообщает намеками. Иронический эффект может

быть достигнут за счет таких средств как метафоры, гиперболы, аллюзии:

“Sarko’s fallen for Vlad. He’s got a crush on the Kremlin chief”. [1]

Этот пример, демонстрирует иронию. Она выступает развернутой метафорой «политика – любовные отношения», а для осуществления максимального эффекта используется разговорная лексика.

Авторы статей используют интенсификаторы для выражения определенных фраз и высказываний. Интенсификаторы – это лексические средства, возникшие от наречий и прилагательных, пылкое значение которых преобладает над семантическим. К этой категории можно отнести следующие слова: *terribly, awesomely, dreadfully*.

“Terribly. how scary it is. To all the health care provider, God bless you all. Thank you“. [3]

В данном примере интенсификатор „*terribly*“ употребляется для усиления эмоциональной окраски выраженного наречием в английском языке слова *scary* – страшно.

Олицетворение, также может придать экспрессивность статье. Олицетворение – это троп, состоящий в приписывании неодушевленным предметам признаков и свойств живых существ. В представленном ниже примере, применяется олицетворение „*The Crown arguing*“ для того, чтобы оказать эмоциональное воздействие на читателей:

“*The Crown arguing that the Stephans should have taken him to the hospital more expeditiously given that he had bacterial meningitis*”. [1]

Деятельность, на которую способен лишь человек (утверждать), переходит на абстрактное понятие «корона», для создания большей образности нелестному комментарию с целью удачливого эмоционального влияния на других читателей.

Для создания образа просвещенной России авторы статей используют лексику, которые несут положительный смысл. В современных англоязычных СМИ реализуется образ России как страны с неповторимой и своеобразной культурой. Используется лексика, которая показывает русское «величие и мощь» во всей ее красе: «*larger-than-life*»

Данное прилагательное «*larger-than-life*» часто отмечается в статьях, причастных к русскому балету:

“...*the Bolshoi’s brand of ballet – larger-than-life dancers capable of sky-high jumps and space-devouring sweep and willing to sacrifice academic perfection to electrify their audience...*”. [2]

Иностранные журналисты пишут о том, что понятие «русская душа» делает русскую культуру яркой и неповторимой, она выделяет ее среди других культур:

“*We’re not Russian actors; we don’t have that soul*”. [3]

Авторы используют самостоятельные части речи, прилагательные, которые со всей красотой и глубиной описывают русскую душу. На страницах английской прессы часто встречаются следующие словосочетания: “*great Russian soul*”, “*mystifying Russian soul*”, “*enigmatic Russian soul*”.

Таким образом, проведенное исследование показало, что лингвистические средства часто используются в англоязычной прессе для создания негативного образа России и помогают авторам манипулировать читателем и его восприятием. Журналисты используют формы выражения своей позиции, способствующие завуалированному влиянию на многочисленный разум.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Putin, Russia & The West* // The Guardian [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2012/jan/14/grace-dent-putin-russia-the-west> (Дата доступа: 20.12.2019).

2. *The US-Russia thaw could start here* // The Guardian. 28.01.2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2009/jan/28/russia-barack-obama> (Дата доступа: 20.09.2020).

3. *The Economist*, 17.04.2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.economist.com/weeklyedition/2016-04-16> (Дата доступа: 22.10.2020).

4. *Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе / Под ред. Г. Я. Солганика. М., 2000.*

5. *Яндекс. Словари* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://slovari.yandex.ru/>

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Андрушкевич Ю. О.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В ИСПАНСКОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ

*Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь*

Аннотация. В статье описываются семантико-прагматические характеристики вербальных средств стратегии убеждения в испаноязычном публицистическом дискурсе. В результате анализа языкового материала выявлены типы аргументов и особенности их языкового воплощения в аналитических статьях на испанском языке, установлены синтаксические, лексические и морфологические средства, маркирующие речевое воздействие и определены их прагматические функции.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, стратегия убеждения, аналитическая статья, тезис, аргумент.

Обращение к публицистическому тексту, а именно газетной статье, обусловлено спецификой стиля прессы, поскольку, с одной стороны, язык добротной и качественной публицистики является сегодня индикатором динамики языковых процессов, а с другой стороны, позволяет проследить как языковые средства оптимизируют воздействие при проекции на композиционную структуру текста таких экстралингвистических параметров, не имеющих эксплицитного выражения, как интенция автора, его стратегии и тактики.

Социальным назначением аналитической статьи является то, что она предстает мощным средством убеждения и воздействия на широкие массы [1]. Для достижения данной цели автор статьи использует определенные речевые стратегии. Понятие дискурсивной, или коммуникативной, стратегии является одним из центральных понятий современных функциональных концепций (коммуникативно-прагматический и когнитивно-функциональных теорий, дискурсивного анализа) и представляет собой эффективный инструмент анализа речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях. Для выявления семантико-прагматических характеристик вербальных средств коммуникативной стратегии убеждения в испаноязычном публицистическом дискурсе были применены метод непосредственного лингвистического наблюдения и описания, метод логического обобщения и количественный анализ. Материалом для анализа послужили 27 аналитических статей периодических онлайн изданий качественной испанской

прессе, газеты “El país”.

Коммуникативная стратегия, или стратегия речевого поведения определяет всю схему построения процесса коммуникации. «В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [1]. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [2, с. 192]. Эффективность речевых стратегий определяется результатами или последствиями социального взаимодействия, независимо от того, является ли данный результат преднамеренным, осознанно планируемым [3].

На вербальном уровне стратегии убеждения потенциального собеседника находят свое проявление в аргументативных текстах, в которых на основе общности логической структуры принято выделять тезис, или аргументируемое положение, и основания, или аргументы [1]. Как утверждает В. С. Григорьева, «логическая структура «убеждающих» текстов в основном предопределена тем, что убеждение в сущности является особым информационным процессом, состоящим в передаче соответствующих сведений. Стержнем текстов такого содержания является, главным образом, информация о фактах или их интерпретация, являющаяся, следовательно, информацией о других фактах, прямо или косвенно связанных с данным известием» [4, с. 137]. Следовательно, конечной целью аргументированного речевого акта является достижение перлокутивного эффекта – оказания воздействия на реципиента.

Таким образом, аналитическая статья относится к аргументативному тексту, т.к. имеет следующую трехступенчатую структуру: тезис (начало) – аргументы (основная часть) – вывод (концовка). Исходя из данной схемы, представляется логичным последовательно проанализировать языковые особенности каждой структурно-смысловой части.

В испанской аналитической статье тезис может состоять из одного простого или сложного предложения, его части, либо из нескольких предложений: (чаще двух): *Casi han desaparecido el acto de leer y la mirada reflexiva sobre el arte producido durante milenios (Vida sin cultura)*. Этот тезис представлен одним простым предложением с двумя однородными подлежащими.

Следующий тезис выражен сложноподчиненным предложением с уступительным союзом *sin que* и вводной конструкцией *sin embargo*: *Sin embargo, a pesar de esas limitaciones, muchos gobiernos, escondidos detrás de la soberanía, continuaban asesinando y torturando, sin que otras naciones pudieran hacer nada para evitarlo (Venezuela, brujos y demonios)*.

Иногда тезис может быть выражен частью сложного предложения: *Parecía que la compulsión del consumismo virtual no iba a ser tan feroz como la tradicional por aquello de que el producto no se materializa, pero se está demostrando que al ser humano lo que le gusta es poseer, ni tan siquiera precisa*

tener en sus manos un objeto precioso, se siente satisfecho con el hecho simplón de acumular sin pagar (Lectores y piratas). Тезис включает в себя подчинительную связь (с помощью союза *lo que*), а также безличную герундиальную конструкцию *estar+gerundio*.

Иногда тезис может быть выражен посредством нескольких предложений: *En tiempos de creciente incertidumbre donde la tensión entre gobernantes y gobernados aumenta porque prevalece la falta de apertura, honestidad, transparencia y resultados, es necesario hacer un alto para reflexionar cómo y por qué llegamos a este punto. Debemos buscar la manera de detener y revertir ese deterioro que hoy el mundo conoce como mexicanización (Revertir la mexicanización).* Это сложные предложения с подчинительными и сочинительными связями, соединенные причинным союзом *porque*, разъяснительными союзами *como, que*. Полное перечисление в середине предложения семантически осложняет тезис, что способствует более высокой информативной плотности.

В предложениях, составляющих тезис, обычно используются настоящее глагольное время *Presente de Indicativo*, либо прошедшее, тесно связанное с настоящим, глагольное время *Pretérito Perfecto*, поскольку в статьях рассматриваются актуальные проблемы, которые соотносятся с действительным настоящим. В основном, это утвердительные конструкции, нередко автор использует цитаты известных людей, статистические данные, утверждения экспертов.

В следующем примере упор сделан на мнение экспертов, представителей Departamento de Prehistoria de la Universidad Complutense:

"España tiene la obligación de estudiar científicamente la cueva para difundir los conocimientos adquiridos en este tipo de estudios y para preservar este patrimonio para las generaciones futuras"... Возможно, используя цитаты, статистику, выдержки из документов или писем, автор тем самым подкрепляет свои мысли и идеи, создает «каркас», на который будет опираться в процессе своих последующих рассуждений, строя аргументы и формулируя выводы. Это формирует положительное отношение адресата к тексту статьи и к автору в частности. Чем авторитетнее личность, на которую ссылаются, тем выше убедительная сила цитаты.

Как показал анализ, негативно окрашенные тезисы имеют высокую частотность в исследованном материале. Вероятно потому, что в силу психологических особенностей человеку свойственно больше внимания уделять отрицательным фактам и явлениям. Например, *Casi han desaparecido el acto de leer y la mirada reflexiva sobre el arte producido durante milenios. Síntoma de este deterioro es la abrupta sustitución de la lógica filosófica por la del emprendedor en la reforma educativa (Vida sin cultura).* Автор использует стилистически негативно окрашенное слово *síntoma*, что в прямом смысле означает признак болезни, появление нового, необычного, отсутствие какого-либо нормального явления. Симптомом, по мнению автора, является

замена философской логики на логику предпринимателя, а болезнью – исчезновение акта чтения и рефлексивного взгляда на мировое искусство.

Для доказательства тезиса автор привлекает различного рода аргументы. В зависимости от целей и задач конкретного исследования выделяются определенные типы аргументов и приводятся различные классификации. Так, достаточно традиционным является разделение на про- и контраргументы. В ряде работ исследуются фактические аргументы и аргументы, основанные на мнении, где возможна дальнейшая градация в зависимости от того, кто это мнение высказывает: эксперт, автор статьи и др.

В структуре аргумента (независимо от его типа) выделяют основание для рассуждения (доказательство) и следствие. Причем располагаются данные части не в строгом порядке: следствие может идти перед рассуждением, и наоборот. Если следствие стоит на первом месте, то союз *porque* маркирует начало рассуждения. Например, в статье *Lectores y piratas* в структуре аргумента, основанного на мнении автора статьи, сначала выделяется следствие, а затем приводится рассуждение автора, которое вводится причинным союзом *porque*. По синтаксическим и семантическим свойствам союзы делятся на сочинительные и подчинительные. В свою очередь сочинительные делятся на соединительные, противительные и разделительные. *Como mi empecinado optimismo no me permite transitar todo el tiempo por el lado sombrío de la calle, me esfuerzo en pensar que hemos mejorado, no en el nivel en sí de piratería (en eso seguimos siendo los mejores) sino en la posibilidad de expresar lo que pensamos de ella sin miedo a ser linchados en plaza pública como si fuéramos enemigos del pueblo. Así sucedió hace unos años, entre otras cosas (следствие), porque los dos partidos que se han turnado en el poder han evitado la impopularidad que suponía el ponerle puertas al campo, de tal manera que cuando los autores defendían en una columna los derechos de autor o un plan eficaz contra la piratería se quedaban solos como perros, desprotegidos y al albur de que les dieran un buen repaso en las redes (рассуждение) (Lectores y piratas).*

В этом фрагменте автор нам говорит о том, что несколько лет назад те писатели, которые боролись за свои авторские права против пиратства, были «публично линчеваны, будто бы являясь врагами народа». И все потому, что государство, а в частности две чередующиеся партии, закрыв доступ к бесплатному скачиванию информации в сети и тем самым защитив авторские права, вызвали бы негодование народа и утратили свою популярность. Однако автор надеется, что на сегодняшний момент человеческое самосознание на достаточно высоком уровне, чтобы свободно высказывать и принимать свое и чужое мнение.

В случае если следствие излагается после доказательства, то рассуждения автора вводятся такими выражениями и конструкциями как *la consecuencia es, resulta que, el resultado es, de ser así*. Например, в статье *Vida sin cultura* в структуре аргумента, основанного на мнении автора статьи, на первое место выдвигается рассуждение, а затем приводится следствие,

оформленное в виде обобщающего предложения выводного характера, которое четко определяет авторскую позицию: *Quien escuche una opinión semejante rápidamente alegará que hemos sustituido la cultura de la palabra por la cultura de la imagen, el argumento favorito cuando se conversa de estas cuestiones.* (рассуждение) *De ser así, habríamos sustituido la centralidad del acto de leer por la del acto de mirar.* (следствие) С точки зрения синтаксиса это простое распространенное предложение с инфинитивной конструкцией, причем два однородных дополнения имеют параллельный способ выражения. Конструктивно данное предложение занимает финальную позицию абзаца, имеет выводной или обобщающий характер, поэтому строгая синтаксическая конструкция способствует лучшему пониманию и усвоению. А весь комплекс рассмотренных структурно-семантических особенностей реализует стратегию убеждения как иллюкативную установку автора.

Исследуя синтаксические особенности выражения аргументов, следует отметить, что для аналитической статьи характерны сложные предложения с сочинительными и подчинительными связями, и самыми разнообразными типами придаточных предложений: времени, цели, причины, определительные, уступки, условные предложения, чаще первого типа, и, следовательно, часто встречаются союзы, указывающее на ту или иную подчинительную связь. Например, *Aunque este último país tenía un poder económico desproporcionado, su margen de maniobra político y militar estaba limitado por el poder soviético.* (уступительный союз aunque) ... *para mostrarle un espejo a una sociedad – para que refleje sus ansiedades y anhelos – y crear una ventana a través de la cual los de afuera puedan pispar.* (придаточное цели) *Esta es la estrategia opuesta a la que adopta el drama político danés Borgen, que presenta a una primera ministra idealizada...* (придаточное определительное) *Cuando se produjo la Segunda Guerra Mundial, la protección del imperio se había vuelto más una carga que un activo.* (придаточное времени). *Si los padres hacen sus tareas, a los maestros les resultará más fácil contagiar el entusiasmo por la literatura...* (*Lectores y piratas*). (условное предложение первого типа).

Таким образом, в ходе анализа текстов аналитических статей были выделены следующие типы аргументов: 1) рациональные аргументы (аргументы, выведенные с помощью логических рассуждений) – 47 %; 2) аргументы, основанные на мнении (эксперта, профессионала, широко известной личности) – 21 %; 3) фактические аргументы (к ним относятся исторические факты, факты из современной жизни общества, статистические данные) – 32 %. Также были выявлены некоторые языковые признаки, характерные для данных типов аргументов.

В заключительной части аналитической статьи располагается вывод, базирующийся на приведенных в статье аргументах в совокупности с поставленным тезисом. Как правило, вывод в более обобщенном виде содержит основные аргументы и тезис. В большинстве случаев, заключительная часть является либо последним абзацем статьи, либо двумя последними абзацами статьи. О том, что начинается заключительная часть, содержащая

эксплицитный вывод свидетельствуют такие словосочетания, как *al final, el último capítulo es, en una palabra*, etc. Например: ***En una palabra, si bien la era de la primacía de EE UU no ha concluido, va a experimentar cambios importantes (El poder real de EEUU).***

В заключительной части аналитической статьи вывод может быть выражен эксплицитно (т.е. явно, «прямым текстом») или же имплицитно (т.е. подразумевать некоторое суждение, индуктивно или дедуктивно вытекающее из текста статьи). Проведенный анализ показал, что большая часть выводов в изученных статьях на испанском языке выражена эксплицитно (около 67 %). Соответственно, статьи, содержащие имплицитно представленный вывод, составили 33 % фактического материала.

Рассмотрим более подробно лексические и грамматические характеристики, присущие эксплицитно выраженным выводам.

Обращает внимание высокая частотность использования условных предложений первого типа, реже – второго и смешанного: ***Si los padres hacen sus tareas, a los maestros les resultará más fácil contagiar el entusiasmo por la literatura, y todos entenderemos de qué manera un lector está más preparado para enfrentar el mundo que alguien que no lo es (Lectores y piratas).*** Это сложносочиненное предложение, включающее условное предложение первого типа с союзом *si*, а также косвенный вопрос (*qué*) и инфинитивную конструкцию с предлогом цели *para*.

В следующем примере представлена часть условного предложения с элементами второго и смешанного типа: ***... y si este país tuviera una idea cabal de lo que significa su esencia constitucional no andaría poniéndole palos en la rueda a esta final y ya se habría decidido el sitio del encuentro... (El Partido del Rey).***

Кроме того, вывод может начинаться с риторического вопроса и содержать парцелляцию, как в следующем примере: ***¿Es este un relato catastrófico? No lo pretende. Se trata simplemente de identificar bien cuáles son nuestros problemas. Son estos. (Un elefante imposible de esconder).***

Таким образом, как и в случае с аргументирующей частью, и риторические вопросы, на который сам автор дает ответ, и парцелляция являются средствами выразительности текста, которые призваны усиливать воздействие от прочитанного.

В некоторых статьях автор с помощью вывода демонстрирует читателям некую модель будущего, то, чего можно достичь посредством выполнения некоторых условий: ***La nueva Ucrania sigue viva y decidida a defenderse. Aunque por sí sola no es rival para el poder del ejército ruso, sus aliados podrían decidir hacer “lo que sea necesario” para ayudar, sin que eso implique llegar a involucrarse en una confrontación militar directa con Rusia ni violar el acuerdo de Minsk. Si lo hacen, no sólo ayudarían a Ucrania, sino que también a la UE a recobrar los valores y principios que parece haber perdido (La última oportunidad para Ucrania y Europa).*** В этом примере говорится о том, что Украина, будучи не способной одна стать соперником российских войск,

могла бы прибегнуть к помощи своих более сильных союзников. Они, в свою очередь, сделали бы то, что «нужно сделать», однако при этом не вошли бы в открытый военный конфликт с Россией и не нарушили бы Минский договор. Это не только помогло бы Украине, но также и Европейскому Союзу восстановить «доброе имя», которое он утратил. В этой части автором используется глагольно-модальная форма *Potencial Simple*, которая выражает возможность действия в будущем, также ранее упомянутый противительный союз *sino* в конструкции *no... sino*. Данный тип заключительного вывода может толковаться как проецирующий. Подобной интерпретации способствуют и лексико-грамматические средства, ориентированные на выражение модальности возможности.

Ярким примером имплицитности являются предложение с разделительным союзом *o*. например: *Lo que está por ver es si esos cambios aumentarán la seguridad y la prosperidad mundiales o no (El poder real de EEUU). Y puede que sea cierto. Igual la vida sin cultura es mucho más feliz. O puede que no: puede que la vida sin cultura no sea ni siquiera vida sino un pobre simulacro, un juego que sea aburrido jugar (Vida sin cultura).*

В данного типа выводах автор не высказывает явно своей точки зрения, хотя по сути она прослеживалась на протяжении всей статьи, а подводит читателя к размышлению, дает «пищу для ума», чтобы на фоне всего описываемого в статье адресат сам смог сделать свой выбор в пользу того или иного умозаключения.

Из всего вышесказанного можно вывести, что как эксплицитность, так и имплицитность, являются одинаково действенными способами построения вывода в публицистике, несмотря на доминирование эксплицитных выводов в проанализированных нами статьях.

Выявленные языковые особенности структурно-смысловых частей аналитической статьи отражены в следующей таблице:

Структурно-смысловая часть		Языковые характеристики
Вступительная часть		Глаголы в настоящем и прошедшем времени; личные местоимения; имена собственные; имена числительные
Тезис (может находиться как во вступительной, так и в аргументирующей части)		Одно, несколько или часть сложного утвердительного предложения; сказуемое выражено настоящим временем, а также прошедшим; вводные слова, предикативные глагольные конструкции, герундиальные обороты, цитаты, статистические данные; оценочная лексика
Аргументирующая часть		
Аргументы	Фактические	Имена числительные, глаголы в прошедшем времени, термины, имена

		собственные, безличные конструкции <i>es cierto, es evidente, se sabe</i>
	Рациональные	Сложноподчиненные предложения с союзом <i>porque</i> ; конструкции <i>la consecuencia es, resulta que, el resultado es, de ser así</i> ; условные предложения 1-го типа;
	Основанные на мнении	Глаголы, обозначающие речемыслительную деятельность; чужая речь, передаваемая с помощью прямой или косвенной речи; антропонимы.
Заключительная часть		
Эксплицитный вывод	Условные предложения; риторические вопросы; модальные формы глаголов	
Имплицитный вывод	Метафоры; наречия, выражающие сомнение; сложные предложения с разделительным союзом <i>o</i> ; парцелляция	

ЛИТЕРАТУРА

1. *Паршина О. Н.* Российская политическая речь: Теория и практика. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 232 с.
2. *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация: учебн. пособие. М. : Наука, 1998. 224 с.
3. *Блакар Р. М.* Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование языка и его использование в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия / В. М. Сергеева [и др.]; под общ. ред. В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1987. С. 464.
4. *Григорьева В. С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография [Текст]. Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2007. 288 с.

Бакалова Е. В.

СТРУКТУРА КОДОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

*Череповецкий государственный университет,
г. Череповец, Российская Федерация*

Аннотация. В статье осуществляется структурный анализ кодовых переключений в печатных СМИ, а именно в современных англоязычных и русскоязычных гляцевых журналах «Elle». В результате проведенного исследования было выявлено, что для публицистического материала не характерно использование такого структурного типа кодовых переключений, как

выбор кода, который в большей степени характерен для устной речи, а не для письменной. В журнальных статьях преобладают внутрифразовые переключения в пределах словосочетания и простого предложения: вкрапления и острова гостевого языка.

Ключевые слова: билингвизм, кодовое переключение, структурный тип, вкрапление, остров гостевого языка, глянецовый журнал.

Явление массового двуязычия являются нормой для современного общества. Расширяющиеся связи в культурной, политической, экономической, спортивной среде способствуют возникновению многоязычия. Ввиду многогранности билингвизма выделяют множество аспектов его изучения – лингвистический, психологический, социологический, педагогический, литературно-художественный и другие [1, с. 34].

Для нас особый интерес представляет явление билингвизма в статьях современных англоязычных и русскоязычных глянецовых журналов, которые относятся к печатным СМИ.

Печатные СМИ представляют собой тип средств массовой информации, который исторически сформировался одним из первых, поскольку газеты появились раньше телевидения и интернета. Более оперативные СМИ послужили толчком к развитию печатных СМИ, так глянецовые издания ставят перед собой не только цель информировать читателей, но и сформировать их понимание мира в целом [2, с. 165].

Цель работы – выявление специфики структуры кодовых переключений в русскоязычных и англоязычных женских глянецовых журналах.

Материал исследования представлен 1580 случаями употребления кодовых переключений, извлеченных методом сплошной выборки из 20 русскоязычных и 20 англоязычных журналов «Elle» за 2012-2014 гг.

Кодовое переключение – «структурная единица гостевого языка в высказывании на матричном языке, не нарушающая грамматику матричного языка, выполняющая определенные прагматические функции» [4, с. 325]. Матричный язык определяет морфосинтаксическую структуру предложения. Гостевой язык – источник иноязычных единиц [4, с. 325].

Структурный анализ особенностей кодовых переключений в глянецовых журналах осуществлялся на основе модели рамки матричного языка, которую предложила К. Майерс-Скоттон. На основе данной модели зарубежный исследователь выделяет два типа иерархий – матричный/гостевой язык и содержательные/служебные морфемы.

К содержательным морфемам, например, относятся корневые морфемы имен существительных, глаголов, наречий, к системным – артикли, глаголы-связки, предлоги, которые несут значение родительного падежа [3, с. 34].

Отечественный исследователь Г. Н. Чиршева отмечает, что существует три структурных типа кодовых переключений по месту появления в речи: выбор кода, межфразовые и внутрифразовые переключения.

Выбор кода характеризуется сменой/чередованием реплик, т.е. одна реплика произносится на «первом языке», а другая – на «втором языке».

Межфразовые переключения, как правило, происходят между предложениями в пределах высказывания.

Внутрифразовые переключения подразделяются на: 1) переключения между компонентами сложного предложения и 2) переключения в пределах словосочетания, простого предложения. Второй тип внутрифразовых переключений включает в себя вкрапления и острова гостевого языка. В данном случае переключение происходит между лексическими единицами.

Вкрапление представляет собой одиночную единицу гостевого языка, которая подчиняется правилам матричного языка. Существует несколько разновидностей вкраплений – собственно вкрапление, голые формы и пиджинизированные вкрапления.

Собственно вкрапление представляет собой переключение лексем, которые используются в первоначальной форме, так как их синтаксическая позиция не требует их изменений [6, с. 41].

Голые формы – лексемы гостевого языка, которые используются без грамматического оформления показателями матричного языка, несмотря на то что их позиция в морфосинтаксической рамке этого требует [6, с. 42].

Пиджинизированное вкрапление – элемент гостевого языка, содержащий только корневую морфему, грамматические релевантные морфемы обеспечивает матричный язык [6, с. 42].

Острова гостевого языка – одна/нескольких лексических единиц и соответствующие ей/им системные морфемы [5, с. 223–225]. В данном структурном типе кодовых переключений сохраняются некоторые грамматические показатели гостевого языка в высказывании на матричном языке [6, с. 43].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследуемом материале выявлены межфразовые и внутрифразовые кодовые переключения, представленные переключениями между компонентами сложного предложения, а также между лексическими единицами.

Примеры выбора кода в журнальных статьях отсутствуют, поскольку данный структурный тип в большей степени характерен для устной формы, а не для письменной.

Рассмотрим примеры структурных типов кодовых переключений, функционирующих в англоязычных и русскоязычных глянцевого журналах.

1. Межфразовые кодовые переключения:

а) *Я получила 9 баллов из 9 плюс один короткий, но приятный комментарий – и это классно, потому что в одном из предыдущих курсов простой черновик моего эссе сокурсники злобно растоптали, жалуясь, что моя школьная грамматика не дает им понять мою скудную мысль. **Eat this!*** [2014, №10: 340].

б) *“Meanwhile, the attitude among my French friends was: Can’t you forgive him? and, ‘**Courage! C’est difficile!**’ ”* [2012, №6: 236].

Данная группа кодовых переключений малочисленна.

2. Внутрифразовые кодовые переключения между компонентами сложного предложения:

а) *Когда в зале появляется Дайан Контерато, они с Путером приветственно расцеловываются: «**Bonjour, ça va?**»* [2013, №9: 141].

б) *My mother used to be fond of citing: **Bei Nacht sind alle Katzen grau** (“At night all cats are gray.”)* [2012, №10: 355].

3. Кодовые переключения между лексическими единицами (острова гостевого языка):

а) *А мы доставляем быстро в любую точку России. И человек чувствует себя модным, как **fit-girls**. Все хотят быть такими же, как...* [2013, №10: 134]. Здесь гостевой язык – английский. Островное переключение «fit-girls» представлено двумя содержательными морфемами гостевого языка «fit» и «girl», также одной системной морфемой гостевого языка (окончание -s, указывающее на множественное число). Кроме того, соблюдается порядок следования морфем матричного языка. Кодовое переключение «fit-girls», являющееся островом гостевого языка, также функционирует в виде голой формы, поскольку отсутствуют необходимые для русской морфосинтаксической рамки морфемы, которые указывают на род, падеж и склонение.

б) *Не так уж и плохо для **arranged marriage** длиною в 30 лет* [2013, №11: 297]. Здесь остров гостевого языка «arranged marriage» (брак по договоренности) состоит из двух содержательных «arrang» и «marriage», а также одной системной морфемы гостевого языка «-ed».

в) *Несмотря на то, что сам бренд еще очень молод, дизайнера с 20-летним опытом и ювелирном бизнесе называют одной из самых ярких представительниц авангардного течения **haute joaillerie*** [2014, №10: 150]. Гостевой язык в данном примере – французский. Островное переключение представлено двумя содержательными морфемами гостевого языка «haute» (высокое) и «joaillerie» (ювелирное искусство). Системные морфемы гостевого языка отсутствуют, однако порядок слов и французского языка и согласование существительного с прилагательным по роду сохраняется (прилагательное следует за определяемым существительным).

г) *Veronica Lake had a **voix brune**” says Bishop, “even with her hairdo”* [2012, №10: 335]. Остров гостевого языка представлен двумя содержательными морфемами ГЯ «voix» (голос) и «brune» (коричневый). Системных морфем ГЯ нет, однако сохраняется порядок слов гостевого языка и согласование существительного и прилагательного по роду.

д) *She greeted a couple of coworkers (the French William Shatner, the French James Spader) with the requisite pair of **bonjour bisous** but snubbed another woman* [2012, №4: 124]. Остров гостевого языка «bonjour bisous» представлен содержательными морфемами гостевого языка «bonjour» и «bisou» и системной морфемой гостевого языка «-s». Необходимо отметить, что порядок следования морфем французского языка не соблюдается.

4. Собственно вкрапления:

а) *В конце прошлого года случился забавный beauty-казус* [2012, №3: 164]. Кодовое переключение – вкрапление, представленное содержательной морфемой гостевого языка «beauty». «Beauty-казус» является сложным словом, состоящим из двух корневых морфем, первая – из гостевого языка, вторая – из матричного.

б) *I called everyone I knew for advice. Should I dress like a character? Or just be myself? Should I project confidence or naïveté* (2012, №4: 118)? Здесь кодовое переключение – собственно вкрапление, т.к. представляет собой содержательную морфему гостевого языка «naïveté». Кроме того, отсутствуют системные морфемы гостевого языка.

5. Голые формы:

а) *Более вылощенного backstage я еще не видела* [2012, №3: 92]. Здесь кодовое переключение на английский язык – голая форма, т.к. не содержит системных морфем матричного языка, которые необходимы для построения русской морфосинтаксической рамки.

б) *In Fivestory's supertight edit, Distenfeld melds old-school retailing with digital savvy and an outré eye* [2013, № 9: 262]. В данном примере кодовое переключение является голой формой, поскольку единица гостевого языка не содержит системных морфем, необходимых для того, чтобы построить морфосинтаксическую рамку матричного языка.

6. Пиджинизированные вкрапления:

а) *Гостям вечера была предоставлена эксклюзивная возможность приобрести их в импровизированном шоу-руме за три недели до старта продаж* [2013, №12: 356]. Кодовое переключение является пиджинизированным вкраплением, поскольку содержательные морфемы гостевого языка «шоу» и «рум» введены в морфосинтаксическую рамку русского предложения посредством системной морфемы матричного языка (окончание «-е»).

б) *I've picked up ballroom and ballet basics, my arms don't give out now during yoga's chataranga, and my relevé is less wobbly* [2013, № 1: 92]. Здесь содержательная морфема гостевого языка «relevé» введена в рамку англоязычного предложения с помощью системной морфемы «my» и глагола-связки «is».

Выводы. В исследуемом материале на русском и английском языке численно преобладают вкрапления и острова гостевого языка (внутрифразовые кодовые переключения). Их использование можно объяснить нежеланием авторов журнальных статей вводить сложные структуры гостевого языка, которыми являются межфразовые кодовые переключения и переключения между компонентами сложного предложения. Журналисты предпочитают использовать переключения между лексическими единицами для того, чтобы избежать трудности в восприятии информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева С. В. Билингвизм и его аспекты // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского.

2009. № 3(26). С. 34–38.

2. Барабаш В. В., Сазонов Т. В. Журнал как особый вид СМИ – репродуктор и транслятор медиаобразов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10. С. 165–168.

3. Исаева М. Г. Кодовые переключения в СМИ : монография. Череповец : ЧГУ, 2012. 164 с.

4. Исаева М. Г., Минкина Е. В. Прагматические и стилистические особенности кодовых переключений в русскоязычных молодежных журналах // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 2. С. 325–328.

5. Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб. : Златоуст, 2012. 488 с.

6. Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Структурные характеристики переключений кодов в русских высказываниях детей-билингвов в России и США // Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. № 3. С. 33–47.

Бартенева И. И., Туров И. Г.

НОВЫЙ ВИД ЗАГОЛОВКА – ЗАГОЛОВОК-СТАТЬЯ

*Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь*

Аннотация. В данной статье рассматривается тенденция к появлению новостного заголовка, который и представляет собой, можно сказать, статью, так как современный человек в силу объективных причин читает только заголовок и получает информацию из него. Как сделать заголовок кликабельным? Для решения этой задачи и определения рекомендаций по написанию заголовков в статье анализируются функции, структура и стилистика новостных заголовков в испаноязычной и русскоязычной прессе.

Ключевые слова: заголовок, функции заголовков, модель заголовков, стилистические особенности заголовков, кликабельные заголовки.

У современного человека в силу многих причин остро проявляется нехватка времени в купе с огромнейшим потоком информации, которая к нему поступает. Человек пытается адаптироваться к данной ситуации, сэкономить свое время и получить достаточно информации. Современный человек трансформировался. Он открывает интернет или берет в руки газету и зачастую читает лишь заголовки статей. Соответственно и сам заголовок модифицируется. Рассмотрим некоторые моменты касательно того, что представляют собой современные заголовки с точки зрения функций, структурной организации и смысловой взаимосвязи заголовка и статьи.

Для исследования методом сплошной выборки было отобрано 100 русскоязычных и 100 испаноязычных заголовков новостных статей. Источниками послужили русскоязычные интернет-издания: “*Медуза.ru*”,

„*tut.by*“, „*infox.ru*“, „*BFM.ru*“, „*Lenta.ru*“, „*Life.ru*“; а также испаноязычные интернет-версии печатных газет: „*El Pais*“, „*ABC*“, „*20 minutos*“, и новостные порталы „*Antena3.es*“, „*Europa Press.es*“. Целью выяснения преобразований, происходящих с заголовками, является прослеживание алгоритма составления кликабельного заголовка.

Необходимо начать с того, что СМИ являются не только источником информации, но и инструментом формирования общественного мнения и настроения. Пресса выступает крупнейшим источником массовой информации и имеет ряд преимуществ перед телевидением и радиовещанием, так как из четырех знаковых систем, а именно словесной, кинетической, музыкальной и графической, наибольшей информационной емкостью характеризуются именно словесные знаки. Читатель также имеет возможность самостоятельно определять время и место ознакомления с опубликованными материалами. А заголовки и подзаголовки статей выступают в качестве фильтра, позволяющего человеку лучше ориентироваться в потоке информации и отбирать только интересующие его материалы. Именно от заголовка зависит, будет ли прочитан основной материал статьи, поэтому главной его задачей является привлечь внимание читателя и вызвать у него желание продолжить чтение. Газетный заголовок во многом определяет эффективное восприятие самой статьи, так как он несет информацию о содержании статьи, о затронутых в ней темах, характере и степени важности отраженных в ней событий.

Благодаря **когнитивной функции** печатные СМИ создают у читателей определенную картину мира.

Образовательная функция печатных СМИ отвечает за распространение знаний из различных областей и способствует внедрению в жизнь людей норм, правил и моделей поведения, а также пропаганде культурных ценностей, на основе которых становится возможным всестороннее развитие человека.

Средства массовой информации глубоко **идеологичны** в силу своей общественной природы, так как они стремятся оказать глубокое влияние на мировоззренческие основы и ценностные ориентиры аудитории, на самосознание людей, их идеалы и стремления, включая мотивацию поведенческих актов [1, с. 72].

Воздействующая функция печатных СМИ создается «особой языковой тканью, особым соотношением эксплицитной и имплицитной информации» [2, с. 122] и внедряется в сознание адресата.

Функция критики и контроля, которая заключается в оценке деятельности институтов власти, общественных объединений, а также отдельных политиков. «Агентство подает новости, чтобы на их основании клиенты могли принимать решения. Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы исключить появление неоперативной, искаженной или односторонней информации» [3, с. 106].

Большинство новостных текстов создаются по принципу *перевернутой пирамиды*, согласно которому вся самая ценная информация сообщается в начале текста.

В ходе исследования было выявлено, что самой распространенной моделью заголовков являются простые двусоставные предложения. Такая модель заголовков как в русскоязычной, так и в испаноязычной прессе, как правило, соотносится со следующей формулой: «X Y Z», где X – субъект действия, Y – предикат, Z – любое соотношение второстепенных членов.

Для наглядности приведем следующие примеры русскоязычных новостных заголовков данного типа:

«Неизвестный устроил массовый пожар в чешской больнице» [infox.ru, 10.12.2019]; «Почти половина бизнесменов РФ не хотят внедрять роботов» [BFM.ru, 12.12.2019]; «Эксперт рассказал о последствиях ЧП на “Адмирале Кузнецове”» [infox.ru, 13.12.2019]; «ООН подсчитала погибших мирных жителей Донбасса» [tut.by, 12.12.2019]; «Турция пригрозила прикрыть военную базу США» [infox.ru, 11.12.2019]; «Новая Зеландия запросила у США 1,2 миллиона квадратных сантиметров донорской кожи после извержения вулкана» [tut.by, 11.12.2019]; «Авиаперевозчики предупредили о подорожании билетов в следующем году» [BFM.ru, 10.12.2019].

Также, приведем примеры использования данной модели в испаноязычных новостных заголовках:

“Los Reyes empiezan en Cuba la visita más incómoda de la democracia» [ABC, 16.10.2019]; “Sanchez apela a un pacto “entre diferentes” para salvar la crisis de gobernabilidad” [El Pais, 06.10.2019]; ‘El consumo de tabaco se perpetúa entre los adolescentes’ [El Pais, 20.11.2019]; ‘Greta Thunberg pide escolta policial en Madrid con coches eléctricos’ [20minutos.es, 06.12.2019]; ‘Unos 200 independentistas queman ejemplares de la Constitución en barcelona durante una manifestación’ [20 minutos.es, 06.12.2019]; ‘Arabia Saudí pone fin a las entradas diferenciadas por sexo en los restaurantes’ [Europa Press, 08.12.2019].

Как видно из примеров, преимуществом указанной модели заголовков является ее прозрачность, то есть обеспечение полного понимания заголовка реципиентом. Краткость и лаконичность являются неотъемлемыми чертами современной прессы. Выразительность и информативность заголовка напрямую зависит от количества слов – лучшими являются те заголовки, которые лаконичны, информативны и выразительны одновременно [4, с. 16]. Ввиду вышесказанного, журналисты часто прибегают к опущению некоторых элементов структуры заголовка. Предельная лаконичность газетного заголовка не допускает употребления в них элементов, лишенных достаточной информативной насыщенности [5, с. 160].

Использование прессой конкретных языковых средств оказывает влияние на структуру мышления и тем самым на процесс восприятия и воспроизведения действительности.

Согласно результатам количественного анализа, метонимия и олицетворение являются одними из основных стилистических приемов, применяемых в русскоязычных и испаноязычных новостных заголовках. Использование *метонимии* в качестве стилистического средства чаще связано не с желанием автора придать заголовку некую эмоциональную окраску, а с его стремлением сделать заголовок более лаконичным и коротким.

Использование метонимии в первую очередь связано с употреблением в заголовках названий государств, регионов, городов. Приведем примеры русскоязычных заголовков:

«Россию на четыре года отстранили от Олимпиад и чемпионатов мира из-за допинга» [Meduza, 09.12.2019]; «“Белоруссия не хочет слияния и поглощения”. На пути к интеграции еще много проблем» [BFM, 09.12.2019]; «Москва считает учения НАТО в Восточной Европе калькой холодной войны» [BFM.ru, 12.12.2019].

Аналогичные примеры можно привести и среди испаноязычных заголовков:

«Arabia Saudí pone fin a las entradas diferenciadas por sexo en los restaurantes» [Europa Press, 08.12.2019]; «España gana visibilidad, pero no avanza en influencia en las instituciones europeas» [El País, 09.12.2019]; «Finlandia tendrá la primera ministra más joven del mundo» [El País, 09.12.2019]; «Italia castiga a Vodafone con una multa de 6 millones por hacer ofertas no claras a sus exclientes» [20 minutos.es, 07.12.2019].

Очевидно, что упоминание стран в качестве действующих лиц в заголовках такого плана, следует рассматривать как отсылку к их руководству, либо другим гражданам. Например, в заголовке *«Россию на четыре года отстранили от Олимпиад и чемпионатов мира из-за допинга»* под Россией имеются в виду российские спортсмены.

Использование *метафоры*, в качестве стилистического приема, также достаточно характерно как для русскоязычных, так и для испаноязычных заголовков. Хотя использование метафоры может снижать информативность и объективность новостного заголовка, ее присутствие делает заголовки более интригующими, яркими, придает ему остроту, что, несомненно, влияет на выбор читателя относительно прочтения той или иной статьи.

Примерами использования метафор в названиях русскоязычных новостных текстов можно считать следующие заголовки:

«Медведев назвал санкции WADA продолжением антироссийской истории» [Life.ru, 09.12.2019]; «На торгах 10 декабря белорусский рубль окреп к доллару и евро» [tut.by, 10.12.2019]; «Эксперты: Отказ Минска от «интеграционной» сделки с Москвой чреват системным шоком для экономики» [tut.by, 10.12.2019]; «“Париж сейчас в осаде”. Магазины и рестораны столицы Франции пустуют» [BFM.ru, 09.12.2019].

Интересным примером является последний заголовок. Первая его часть не только содержит метафору, но и графически обозначена как цитата, а отсутствие ссылки на ее автора только подкрепляет читательский интерес.

Достаточно броской и креативной является и сама цитата, которая проводит параллель между осадой города в периоды войн и забастовкой работников транспорта, которая буквально парализовала французскую столицу.

Далее приведем примеры использования метафор в испаноязычных заголовках:

“La Costa del Sol sangriento» [El Pais, 07.12.2019]; ‘Miles de personas asumen en Madrid el grito de Greta Thunberg frente a la crisis climática’ [El Pais, 07.12.2019]; ‘¿Cuándo se estresa un tomate?’ [El Pais, 07.12.2019]; «El movimiento Extinction Rebellion recorre Madrid en una "marcha fúnebre" por "los océanos muertos" [Europa Press, 08.12.2019].

Первый заголовок *«La Costa del Sol sangriento»* является примером лаконичного и одновременно выразительного заголовка. Метафора *«Кровавая Коста-дель-Соль»* является вызывающей и звучит уместно на фоне криминальных событий, всколыхнувших испанское побережье.

Инверсия является типичным стилистическим приемом в новостных заголовках обоих языков, и применяется для того, чтобы выделить один из элементов смысловой структуры текста, а также усилить эмфатическое ударение на определенном слове или фразе.

В первую очередь, было отмечено сходство в тематике статей, в названиях которых используется инверсия. Сравним примеры заголовков обоих языков: *«Скончался бывший мэр Москвы Юрий Лужков» [tut.by, 10.12.2019]* и *“Muere Juice WRLD, prometedor rapero de 21 años, tras sufrir una convulsión en el aeropuerto de Chicago“ [Europa Press, 08.12.2019].* В данном случае, и в первом и во втором заголовке инверсией подчеркнута трагическое событие, а именно внезапная смерть известных личностей.

Также, было отмечено, что инверсия в заголовках обоих языков не редко применяется при описании криминальных событий и чрезвычайных происшествий. Приведем в качестве примеров следующие русскоязычные и испаноязычные заголовки:

«На крейсере «Адмирал Кузнецов» произошел пожар: есть пострадавшие» [BFM.ru, 12.12.2019]; «В Приморье столкнулись 48 легковушек» [BFM.ru, 11.12.2019]; «В Одессе произошел взрыв в детском саду» [BFM.ru, 12.12.2019].

“Detenido el marido de la mujer hallada muerta en su casa de Tenerife“ [El Pais, 24.09.2019]; “Detenidos cinco antisistema por atacar y dejar tuerto a un joven que llevaba una bandera de España" [ABC, 18.10.2019].

Наиболее ярким и, в то же время, редко используемым стилистическим приемом является *игра слов*. Слабая распространенность данного стилистического приема обусловлена его субъективностью, повышенной оценочностью, наличием иронии, что нехарактерно для новостного жанра.

Лексическими приемами создания игры слов являются парадокс и каламбур. Парадокс, как правило, построен на логической несовместимости сочетаемых в нем понятий, что производит комический эффект. Примером

применения парадокса служит заголовок: «*Договорились продолжать договариваться*»: итоги «нормандского саммита» [infox.ru, 10.12.2019]. В парадоксальном изречении «*Договорились продолжать договариваться*» читается явная ирония, что выдает скептическое отношение автора к результатам саммита «нормандской четверки».

Разновидностью каламбура является смысловая антонимия, которую можно наблюдать в заголовке: «*Солист группы «Без билета» месяц будет работать контролером общественного транспорта*» [tut.by, 10.12.2019].

Среди испаноязычных заголовков, примером применения игры слов в качестве стилистического средства является следующий заголовок: „*La justicia llega tarde para los tres de Baltimore*“ (*los tres de Memphis*) [El Pais, 09.12.2019]. В данном заголовке, проведена смысловая параллель между «тройкой из Балтимора» и известной криминальной бандой «тройкой из Мемфиса», в связи со схожестью приговора и обвинений.

Делаем вывод, что современный заголовок можно рассматривать как отдельный текст, обладающий определенной эмоциональной окраской, направленный на привлечение внимания и повышение интереса читателя.

Итак, чтобы сделать заголовок кликабельным, необходимо следовать следующим рекомендациям:

- заголовок должен содержать в концентрированной форме все основные смысловые элементы статьи;
- основные функции заголовка должны быть использованы грамотно, пропорционально и объективно;
- желательно использовать простые двусоставные предложения;
- предпочтителен нейтральный стиль подачи информации с незначительным использованием стилистических приемов;
- использовать заголовок-цитату или заголовок-резюме;
- выбирать лексику, вызывающую сильные эмоции;
- использовать всем известные имена собственные;
- делать акцент на ясности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов А. С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. М. : Издательство «Наука», 1966. С. 95–126.

2. Подчасов А. С. Функционально-стилистические особенности газетных заголовков (на материале российских и британских газет второй половины 1980-1990 годов. Синтаксический аспект : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10 ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2001. 21 с.

3. Мельник Г. С., Виноградова С. М. Деловая журналистика : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2010. 304 с.

4. Васильева Л. В. Роль и функции СМИ в современном обществе. Благовещенск : Вест. АмГУ, 2010. 112 с.

5. Рахимов Х. О. О заголовочном комплексе в художественных репортажах // Сборник научных трудов МГПИИЯ имени М. Тореца. М., 1979. С. 129–137.

МОТИВ «ОДИНОЧЕСТВА» В ПРОИЗВЕДЕНИИ Д. КОУПЛЕНДА «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ БОГА»

*Тюменский государственный институт культуры,
г. Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В статье описываются особенности европейской постмодернистической литературы на примере анализа произведения Д. Коупленда «Жизнь после Бога». По мнению Д. Коупленда, одиночество заполняет все сферы жизни и образа мысли человека: одиночество в любви, одиночество в дружбе, одиночество в религии (жизнь без Бога), и как следствие этого, одиночество в смерти. Д. Коупленд обращает внимание на то, что жизнь человека без Бога не просто формирует чувство одиночества, но утверждает безразличие ко всему окружающему, которое способно привести человека к деградации.

Ключевые слова: одиночество, крушение идеалов, безысходность, постмодернизм, рубеж веков.

Во второй половине XX века в европейской литературе формируется новое литературное течение, которое получило название постмодернизма. Как отмечают исследователи, постмодернизм этого периода характеризовался высокой степенью чувствительности. Мир, воспринимался постмодернистами как хаос, как нечто хаотическое и бессистемное, как пространство, лишенное смысловых и ценностных ориентиров. Такое восприятие мира возникает в сознании человека, стоящего на пороге новой эпохи – эпохи рубежа веков (конец XX – начало XXI века).

Сознание человека на рубеже эпох всегда характеризовалось ощущением страха, боязнью встретиться с чем-то новым, непонятым, порой приводящим человека к безумию. Примерами могут быть произведения Э. По, Г. Уэллса, Г. Лавкрафта, в которых писатели описывают страх человека перед неизвестным и непостижимым. Их герои находятся в поиске, ищут пути выхода из бездны. Иной путь развития общества изображает Д. Коупленд в своих произведениях. Воспитанный на литературе постмодернизма, он создает свои литературные этюды в 90-е годы XX века, когда в обществе обостряется чувство отчужденности, безразличия, безысходности и одиночества. Герои Д. Коупленда не стремятся бороться за свое счастье, они пассивны в своих действиях и равнодушны, воспринимают действительность как неизбежное.

Неординарным и уникальным по проблематике и структуре является произведение Д. Коупленда «Жизнь после Бога». «Жизнь после Бога» – это сборник, рассказов, системно не связанных между собой, но объединенных темами одиночества, отчуждения и невыносимого ощущения отсутствия идеалов и высоких смыслов. Эти темы настолько тесно переплетены между собой, что воспринимаются как единое целое, неделимое в произведении.

Структура повествования Коуплендом выбрана не случайно, так как сам мир, окружающий писателя и его героев, не имеет системности и структуры, это хаос, в котором отсутствует понятие норм и моралей существования.

Повествование в сборнике ведется от лица стороннего наблюдателя, рассказывающего о событиях, очевидцем и соучастником которых он был. Героями его рассказов являются знакомые и близкие ему люди: это и молодая наивная девушка Кэти, лишившаяся всяких желаний и стремлений, как только ее покинул молодой человек; и мелкий жулик Донни, готовый за небольшие деньги выполнять какую угодно работу (например, принимать ванну вместе с 16-летней девочкой или смотреть фильм «Бэтмен возвращается» вместе с пожилой женщиной); и родители главного героя, мирно доживающие свой век. Всех их объединяет состояние одиночества, которое каждый из персонажей переживает в разной степени. Кто-то пронзительно остро (Кэтти), кто-то равнодушно-приемлюще (Донни), а кто-то бессознательно-шизофренически (родители). Одиночество становится основным мотивом произведения. Сам автор рассматривает тему одиночества в разных плоскостях его существования: одиночество в невозможности любить, одиночество в отсутствии дружбы, одиночество в смерти, одиночество в существовании без Бога. В мире, где нет Бога, где все идеалы лишены своего значения, человеку становится неуютно и одиноко. И он начинает искать спасение где угодно и в чем угодно. Будь-то времяпрепровождение в странных компаниях, алкоголь, наркотики, оупляющая суэта повседневности, а также приобретение новых, и, к сожалению, бессмысленных целей жизни (например, «в конце жизни получить пулю», как намеревался Донни). Д. Коупленд утверждает, что современное ему поколение и поколение грядущее растут без Бога:

«Вы – первое поколение, выросшее без веры и религии. Вы и Ваше тело – не одно и то же. В мире телевидения и супермаркетов, реактивных компьютерных сетей и фаст-фудов нет места религиозным представлениям. Как же тогда пережить одиночество, справиться с бессмысленностью, удержаться в тот момент, когда земля уходит из-под ног?» [2].

Писатель подчеркивает дисгармонию человеческой души, которая формируется под влиянием научно-технического прогресса. Мир телевидения, магазинов и виртуальных интернет сетей – это материальный мир, мир, который не способен уберечь человека от одиночества. Только вера и религия способны наполнить человеческую жизнь смыслом существования, удержать человека от совершения поступков, за которые может быть стыдно в будущем.

Иногда, в самые драматичные моменты повествования, отчужденность главного героя прерывается каким-нибудь обобщающим философским размышлением, которое он формулирует либо в качестве самоутешения, либо протест обществу, так как не может больше молчать. Эти размышления носят противоречивый характер: с одной стороны, они характеризуют

ются глубиной мысли, с другой стороны, выступают как мелодраматические банальности. Сквозной нитью через все произведение протягивается темы всеобщей тоски и унылого безразличия. Например, размышление человека об одиночестве в контексте смерти:

«Когда вы молоды, вы постоянно ожидаете конца света...потом, вы взрослеете... и вам приходится пересмотреть вашу позицию в отношении апокалипсиса, ко времени и смерти. Вы понимаете, что жизнь так или иначе будет продолжаться, с вами, без вас и мелькающих у вас в голове картинок поэтому, вы переключаетесь на картинки...» [2].

Картинками, напоминающими вспышки света, писатель называет воспоминания человека о конкретных событиях. По мнению писателя, воспоминания человека – это яркие моменты, минуты, секунды человеческой жизни, которые запоминаются по щелчку фотоаппарата, моментально, и если понадобится что-то вспомнить, то в первую очередь на просторах памяти возникнет детальная фотокарточка. Фотокарточка как предмет материального мира, а не духовного. Фотокарточками мы можем назвать рассказы, входящие в сборник «Жизнь после Бога», так как они появляются на страницах сборника хаотично, как воспоминания героя о прошлом. Данная форма организации композиции произведения помогает раскрыть эмоциональное состояние героя, его отношение к тем или иным событиям.

Для осмысления темы одиночества и смерти необходимо обратиться к рассказу «Говорят мертвые». В самом названии используется прием антитезы – противопоставление мира мертвых миру живых. Сталкиваясь лицом к лицу со смертью, перед глазами человека в одно мгновение пролетает вся его жизнь. Воспоминания как картинки, вспышки фотоаппарата, хаотично воспроизводятся в сознании человека. Человек пытается ухватиться за прошлое и наполнить смыслом, оставшиеся мгновения жизни. В этом рассказе Д. Коупленд описывает, что чувствует человек, оказавшись наедине со смертью: что есть смерть, что есть страх, что есть боль, стыд?

Таким образом, Д. Коупленд утверждает, что в момент смерти человек воспринимает окружающий мир в виде определенных картинок. Автор описывает пять смертей, идейно-тематически не связанных между собой, но объединенных общей схемой повествования. Д. Коупленд предлагает план-схему смерти, который имеет одинаковую структуру во всех случаях. Например, первая история, вспышка и телефонный звонок, «из холодильника начали выпрыгивать кубики льда – телефон зазвонил и раскис прямо в руке – «желтые бумажки – памятки вспыхнули, и я умер». Вторая история, вспышка в зеркале – зашелестело и вспыхнуло фиговое дерево – расплавились шампуни, стоявшие в пирамидке – взрыв, швырнув внутрь желтый «корвет» пылающих прохожих – «погибла я именно под обрушившейся стеной». Желтый цвет интерпретируется автором как символ смерти.

Все описанные явления в рассказе «Говорят мертвые» объединяет неизбежность смерти: если человек должен умереть, то он умрет. Смерть –

это бездна, которая неожиданно разворачивается на пути не останавливающейся жизни, это трагедия, постигающая каждую семью, куда она заглядывает, это и нечто потустороннее, врезающееся в наш реальный мир. Смерть поразительна и столь же обыденна, она близка и далека одновременно, ее жертвами становятся богатые и бедные, здоровые и больные, молодые и старые, сильные и слабые. Вот где кроется смысл названия произведения «Жизнь после Бога». Всевышнему наперед известна судьба всех людей. Чья-то жизнь будет увенчана невероятным успехом и признанием народа, а другая будет похожа на сущий ад, полный боли, искушений, и поэтому человеку лучше покинуть мир сейчас, чем мучиться и страдать всю оставшуюся жизнь. Бог знает, что, забирая, он делает только лучше, а мы, теряя близкого, родного человека виним его в несправедливости, задаем ему вопросы: «Почему? Зачем?» и не находя ответы, разочаровываемся, отрекаемся, уходим от него. Человек начинает искать замену, уходит в поиски новых идеалов и утешений, например, алкоголь и наркотики (судьба Донни). Завершает Коупленд данный отрывок философским размышлением о жизни и смерти:

«Переведите дыхание, потому что дыхание – это то, что нужно вам, – кислород, свет и вода. И время. Вам, но не нам ... Мы теперь больше не принадлежим к миру живых, теперь с нами птицы – вот куда они улетели ... и все дивные твари Божьи» [2].

Мертвые разговаривают с живыми, призывая беречь время. Под временем писатель понимает жизнь, которая может быть также быстротечна как время. Человеку необходимо научиться жить, научиться любить жизнь, ценить жизнь, ценить тех, кто рядом с тобой. Мотив одиночества на протяжении всего повествования остается основополагающим. Даже в обращении мертвых к живым, мы слышим, что по ту сторону жизни-смерти души одиноки: «теперь с нами птицы – вот куда они улетели...». Незаконченность фразы усиливает мотив одиночества. На земле человек сам создает себе одиночество, после смерти, его душа также испытывает чувство одиночества. Почему? Данный вопрос остается открытым, также как и вопрос: «Возможна ли жизнь после Бога»?

Читать произведения Д. Коупленда одновременно легко и трудно. Легко – потому что тебе знакомы чувства героев, ситуации, как будто ты сам только-только пережил момент жизни, чувство одиночества; трудно – потому что в этих скупых на слова очерках проступают образы, которые очень угнетающе воздействуют на читателя. Новизна и эпатаж иногда сбивают с толку, но в это же время и подстегивают читателя. Сборник рассказов «Жизнь после Бога» – это не социологическое исследование нравов современного общества, не эпическое полотно, живописующее типы и характеры нашего времени. Это попытка найти разумное начало в эпоху безумия, попытка сохранить человеческое лицо в бесчеловечном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абышева Н. Ю., Гауч О. Н.* Особенности взаимодействия иностранного языка, литературы и культурологии студентов неязыковых вузов // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2018. № 2. С. 39–42.

2. *Коупленд Д.* Жизнь после Бога [Электронная книга]. Режим доступа : https://royallib.com/book/kouplend_douglas/gizn_posle_boga.html (дата обр. 10.09.2020)

Гоголева В. Н., Ефимова С. К.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОГЕЗИИ В ЯПОНСКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению когезии в текстах японских газет, в связи со спецификой японского публицистического стиля. Основной целью исследования является выделение наиболее часто используемых типов когезии в японских газетных текстах. Материалом исследования послужили 8 статей из интернет-версии японской национальной газеты 「朝日新聞」 «Asahi shinbun», размещенных на сайте www.asahi.com. Авторами статьи рассмотрены понятия «текст», «связность текста», «когезия», а также приведен анализ когезии в японских газетных текстах по классификации М. Халлидей и Р. Хасан.

Ключевые слова: категории связности, когезия, публицистический стиль, средства связности, текст.

В последнее время исследования средств связности текста приобретают все большую актуальность в связи с их особенностями соединения текста в единое целое и придания ему смысла. Для более глубокого понимания данной категории текста мы провели анализ когезии в японском газетном тексте. Японские тексты характеризуются использованием большого количества иероглифов, трехслойной лексикой (исконно японская, из китайских корней, заимствованная), вертикальной организацией текста справа налево, эллипсисом и др.

В рамках нашего исследования придерживаемся определения «текста», данного И. Р. Гальпериным: «текст – это моделируемая единица языка, которая функционирует в обществе в качестве основополагающей единицы языка, имеющая смысловую и коммуникативную завершенность в общении» [4, с. 35]. Таким образом, текстом является зафиксированное или высказанное явление, осуществляющее цели общения, связанное с актами коммуникации, обладающее структурным единством и имеющее главное качество – связность. Мы согласны с определением Н. С. Валгиной, которая рассматривает связность текста как «информационное, структурное единство,

функциональное завершённое целое» [2, с. 37]. То есть, под связностью текста подразумевается основной признак текста, который заключается во взаимодействии знаков и связи между элементами текста. Из данных понятий выделяются основные категории текста: структурная связность (когезия) и содержательная (когерентность). Под когерентностью подразумевается понятийно-смысловая цельность текста, применяющаяся к содержанию, так как существенную значимость имеет коммуникативная ситуация, набор знаменит адресанта и адресата [4, с. 124]. Таким образом, когерентность устанавливает связь всего текста. Когезию П. Я. Гальперин рассматривает как «грамматические, семантические и лексические формы связи, между отдельными частями текста, определяющие переход от одного контекстно-вариативного членения текста к другому» [4, с. 125].

В своем исследовании мы опираемся на классификацию когезии М. Халлидея и Р. Хасан, которые выделяют: референцию, субституцию, эллипсис, конъюнкцию (соединение) и лексическую когезию [5, с. 44]. В результате анализа 8 японских газетных текстов мы пришли к следующим результатам:

1. В рассмотренных текстах референции обнаружено не было. Под референцией подразумевается замененное наименование, свойство или действие, к которым относятся местоимения и слова с количественным или качественным значением. Как правило, референция является самым распространённым видом когезии, однако в японском языке местоимения используются реже, чем в других языках в связи с необязательностью упоминания субъекта в предложении, а также в официальной речи избегаются местоимения и больше используется субституция слов.

2. В нашем исследовании мы нашли 6 примеров субституции. В субституции элементы, заменяющие группы слов и предложений вместо отдельных обозначений, имеют принадлежность к другому классу. Например, под перифразом подразумевается троп, который выражает определенное понятие при помощи других:

1) 「コンビニ弁当の実質値引き実験開始 食品ロス減に効果は」 (Konbini bento: no jisshitsu nebiiki jikken kaishi shokuhin rosu-gen ni ko:ka wa) «Старт реального дисконтного теста в магазине «Ланч бокс» эффективен для снижения потери продуктов»: перифраз 食品ロス (shokuhin rosu) — «потеря продуктов», в данном случае подразумеваются «отходы», но имея целью не представлять товары в негативном ключе использован перифраз с заимствованным словом гайрайго 「ロス」 (rosu) «потеря»;

2) в статье про лапшу быстрого приготовления найден перифраз 「インスタントラーメン発祥の地」 (Insutantora:men hassho: no ji) «Родина лапши быстрого приготовления», то есть место, где впервые начали производить данную лапшу: перифразом подчеркнули, что именно в этом месте впервые появилась лапша быстрого приготовления.

3. Было выявлено 28 случаев использования эллипсиса. Эллипсис присутствует заголовкам газетных статей, так как они устанавливают содержание

всей статьи, но не несут в себе подробную информацию [5, с. 44]:

1) 「紫のボールは巨大ネギ坊主 府立植物園」 (Murasaki no bo:ru wa kyodai negi bo:zu furitsu shokubutsuen) «Огромные фиолетовые цветы зеленого лука, префектурный ботанический сад»: в заголовке не использованы глаголы, а существуют только две разделенные фразы;

2) в статье 「メイ首相、与党党首辞任 後継党首選は強硬離脱派リード」 (Mei shusho:, yoto: to:shu jinin ko:kei to:shu-sen wa kyo:ko: ridatsu-ha ri:do) про отставку премьер-министра Мэй, лидера правящей партии, можно наблюдать эллипсис в предложении 「最初の予備投票は13日。」 (Saisho no yobi to:hyo: wa 13-nichi.) «Первое предварительное голосование (состоится) 13-го.»: опущен глагол, но смысл предложения определяется по контексту.

4. В ходе анализа нами было выявлено 20 союзов, которые относятся к конъюнкции (соединительное средство, в которое включаются соединительно-противительные союзы, семантические коннекторы, словосочетания, отрицания в нейтральных стилистических отношениях и предложения). Данные союзы помогают скреплять части предложений друг с другом и выражают в текстах статей смысловые отношения синтаксических единиц, но так как в газетных текстах наблюдается сжатость и применяется парцелляция, союзы часто не используются.

Например, в статье 「宇宙ステーションがホテルに? NASAが商業利用へ」 (Uchu: sute:shon ga hoteru ni? Nasa ga sho:gyo: riyō: e) «Космическая станция в отеле? НАСА для коммерческого использования» про космические путешествия в НАСА, встречаются:

1) союз このほか (konohoka), означающее «кроме того», в предложении 「このほかに往復の宇宙船代約5800万ドルがかかるという」 (Kono hoka ni o:fuku no uchu:sen-dai yaku 5800 man-doru ga kakaru to iu) «Кроме того, это будет стоить около 58 миллионов долларов за космический корабль в оба конца»;

2) союз が, означающее «но», в предложении 「これまでロシアが窓口となり7人の民間人が滞在しているが、NASAが行うのは初めて」 (Koremade Roshia ga madoguchi to nari 7nin no minkan hitoga taizaishite iru ga, NASA ga okonau no hajimete) «До сих пор Россия была контактной организацией, 7 мирных жителей останутся, но НАСА никогда не делала этого раньше»

3) союзные слова как ために (tame ni) в значении «который», 「ニューヨーク・タイムズによると、宇宙ホテル計画を進める米ベンチャー「ビゲロー・エアロスペース」が飛行士を送るためにスペースXの4回分の打ち上げを確保しているという」 (Nyū:yo:ku Taimuzu ni yoru to, uchu: hoteru keikakuwosumeru Amerika bencha: «bigero: earosupe:su» ga hiko:shi o okuru tame ni supe:su X no 4-kaibun no uchiage o kakuho shite iru to iu) «По данным New York Times, американское предприятие «Biggerow Aerospace»,

которое планирует запустить космический отель, обеспечило четыре запуска Space X для отправки космонавтов».

5. К лексической когезии относятся повторы, синонимы, антонимы и однокоренные слова. В ходе анализа были выявлены: 209 повторов, 7 синонимов, 7 антонимов:

а) самое большое количество повторов, которые фиксируют внимание читателей, было обнаружено в спортивных и политических статьях. Например, в тексте о спорте: 「日午前9時から山形県野球場 (中山町) で、弘前東 (青森第3代表) と対戦する」 (Shosen wa nanoka gozen 9-ji kara yamagataken yaku:jo: (nakayamamachi) de, Hirosaki Higashi (Aomori dai 3 daihyo:) to taisensuru) «Первый матч состоится в 9:00 утра седьмого числа на бейсбольном стадионе префектуры Ямагата (Накаямачо) против Хироаки Ист (Третий представитель Аомори)» и 「初戦は6日午後1時から山形県野球場 (中山町) で、東日大昌平 (福島第1代表) と対戦する」 (Shosen wa muika gogo 1-ji kara yamagataken yaku:jo: (nakayamamachi) de, higashinichidaisho:hei (Fukushima dai 1 daihyo:) to taisensuru) «Первый матч состоится на бейсбольном стадионе префектуры Ямагата (Накаяма-чо) с 1:00 6-го числа против Тошин-Дайшо Шохей (представитель Фукусимы №1)» встречались слова 初戦 (Shosen) «первый матч», 野球場 (yaku:jo:) «бейсбольный стадион», 対戦する (taisensuru) «состоится».

В особенности отмечается большое количество приемов повтора в политических статьях. Например, в одной статье про отставку премьер-министра Мэй, лидера правящей партии, часто использовались повторы слова 辞任 (jinin) означающее «отставка» встретилось 4 раза: 「保守党の党首を辞任した」 (Hoshuto: no to:shu o jininshita) «Ушла в отставку с поста лидера Консервативной партии»; 「正式に党首を辞任した」 (Seishiki ni to:shu o jinin shita) «Формально подала в отставку с поста руководителя»; 「メイ氏の辞任を受けて」 (Mei-shi no jinin o ukete) «В ответ на отставку госпожи Мэй»; 「メイ氏に抗議して閣僚を辞任した」 (Mei-shi ni ko:gi shite kakuryo: o jinin shita) «Ушел в отставку с поста министра в знак протеста против госпожи Мэй».

б) было выявлено 7 синонимов, имеющих одинаковый смысл, но разные в написании. Наличие синонимов в газетном тексте придаёт детальное и конкретизированное определение, отвлекая читателя от обилия одного и того же слова. Например:

1) 「工事は来年度以降に延期される」 (Ko:ji wa rainendo iko: ni enki sa geru) «Строительство будет отложено после следующего года» слова 工事 (ko:ji) и 建設 (kensetsu), являющиеся синонимами и означающие «строительство»;

2) в статье 「コンビニ弁当の実質値引き実験開始 食品ロス減に効果は」 (Konbini bento: no jisshitsu nebiki jikken kaishi shokuhin rosugen ni

ko:ka wa) про начало эксперимента о скидках на обеды в комбини использовались синонимы 「値下げそろり」 (nesage) «снижение цены» и 「引き下げ」 (hikisage) «снижение цены».

в) было выявлено 7 антонимов, такое низкое использование противопоставлений обуславливается сжатостью текста и постоянной необходимостью удерживать внимание читателя на определенном смысле текста, с другой стороны, антонимы усиливают эмоциональность речи и акцентируют внимание на каком-то факте:

1) антонимы, показывающие одно действие с двух сторон: 「販売が始まる」 (hanbai ga hajimaru) «продажи начнутся» и 「買ってくれる」 (Katte kureru) «будут покупать».

2) 「工事は来年度以降に延期される」 (Ko:ji wa rainendo iko: ni enki sa geru) «Строительство будет отложено после следующего года» и 「工事は早くても来年7」 (Ko:ji wa hayakute mo rainen) «Строительство будет в начале следующего года».

В результате анализа японского газетного текста на материале статей из интернет-версии японской национальной газеты 「朝日新聞」 «Asahi shinbun» мы приходим к выводу, что в японской публицистике в качестве когезии чаще выступают: лексическая когезия (209 повторов, 7 синонимов, 7 антонимов), затем эллипсис (20 случаев), конъюнкция (20 случаев), субституция (6 повторов), референции выявлено не было. Данные результаты исследования характеризуют публицистический стиль Японии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брчакова Д. О связности в устных коммуникациях. Синтаксис текста. М. : Наука, 1979. 261 с.
2. Валгина Н. С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 173 с.
3. Гальперин П. Я. К вопросу о внутренней речи. М. : Доклады АПН РСФСР. 1957. 138 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 138 с.
5. Halliday, M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976. 44 p.
6. Halliday, M. A. K., Hasan R. Language, Context and Text: A Social Semiotic Perspective. Oxford : Oxford Univ. Press, 1989. 126 p.

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В РОМАНЕ ФРАНСУАЗЫ ЛЁФЕВР
«МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ – КАННИБАЛ»**

*Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена изучению синтаксических фигур, как одного из средств художественной выразительности в романе Ф. Лёфевр «Le petit prince cannibale». Предпринята попытка анализа различных синтаксических фигур и их экспрессивного потенциала. Синтаксические фигуры, введенные автором в текст романа призваны усилить художественную выразительность и служат средством создания эмоционального портрета главной героини.

Ключевые слова: синтаксические средства выразительности, анафора, лексико-синтаксическая контактная анафора, синтаксический микропараллелизм, риторический вопрос, парцелляция, анадиплосис.

Через языковые средства выразительности реализуется авторский замысел в художественном произведении. Синтаксические фигуры за счет своего необычного построения призваны увеличить экспрессивность высказывания автора и помочь писателю воплотить свою мысль с большей точностью. В данной статье будут рассмотрены синтаксические средства выразительности: анафора, лексико-синтаксическая контактная анафора, синтаксический микропараллелизм, риторический вопрос, парцелляция, анадиплосис.

Франсуаза Лёфевр – французская женщина-писатель, актриса, в начале своей карьеры, оставшись без средств к существованию, одна с двумя детьми, вынуждена была пойти работать контролёром в кинотеатр. Первое же произведение молодой писательницы «La Première habitude», которое она писала в комнате для прислуги, где не было ни воды, ни электричества имело большой успех у читателей. Каждая последующая книга содержала важный автобиографический момент: поиски себя как писателя, трудности в отношениях с бывшим мужем, отношения со своими четырьмя детьми, один из которых Гюго, родился с синдромом Аспергера. Именно отношениям между матерью и сыном-аутистом и посвящен роман «Маленький принц – каннибал».

Воскрешая в памяти своё детство, автор пишет о своём безысходном одиночестве, о невозможности или нежелании разделить с кем бы то ни было свои переживания и это же чувство писатель испытывает вновь во взрослой жизни. Но если чувство покинутости и потерянности в большинстве случаев у детей далеко от реальности, в силу детского максимализма, то во взрослой жизни оно приобретает реальные очертания. Лексико-син-

таксическая контактная анафора, к которой прибегает Франсуаз Лёфевр, отражая некое постоянство состояния, передаёт это чувство и служит лейтмотивом фрагмента текста.

Même dans ma petite enfance, je ne me souviens d`aucun moment léger, ni de réelle insouciance. Tout pesait gravement. Le temps s`enfuyait. – Tout prendre dans mes bras. Tout garder. Tout contenir. À qui dire? À qui rapporter? [1, с. 5]

J`ai perdu des choses impalpables et secrètes. Légères comme un duvet d`oiseau en avril. J`ai perdu des choses qui n`entreraient dans aucune liste tant elles se dérobent, familières et cependant étrangères à moi-même [1, с. 7].

После рождения детей жизнь автора кардинально меняется, дети занимают всё её время, они становятся смыслом её существования, заменив, может против её воли, казавшееся необходимым занятием литературным трудом. И вновь цепь лексико-синтаксических контактных анафор, употреблённых в одном абзаце, помогает понять интенцию автора передать читателям это чувство постепенного растворения в повседневности.

Ce temps haché menu, ces heures minuscules où je ne peux qu`ère me demander si j`aime ou non m`asseoir à cette table. Il faut le faire. Il faut chercher dans les décombres, se jeter dans le puits, dans l`eau verte du bassin pour rapporter les premières phrases de la noyée. Faiblement, la noyée tentait de me dire quelque chose. Je n`ai pas pu noter. Je perds mes crayons. Je perds mes stylos. Je perds mes mots comme d`autres leurs clefs. Je me souviendrai. Je me souviendrai... [1, с. 9].

Эта же синтаксическая фигура передаёт все переживания и трудности матери, имеющей ребёнка-аутиста.

Personne ne sait, ne voit, ne mesure, ce temps que nous passons ensemble. Personne ne comprend, même quand j`explique.

Durant les quatre années qui viennent de s`écouler, tu m`as tout pris. Je n`ai plus envie de rien. Ni d`amour. Ni de nourriture. Rien. [1, с. 17]

Adieu, livre. Adieu, calme. [1, с. 18]

Самым сложным периодом, Франсуаз Лёфевр называет период, который длился два года, когда её сыну Гюго-Жюльену было от двух до четырёх лет. Описывая этот период, автор использует синтаксический микропараллелизм – повтор одного члена предложения, в данном случае повтор личного местоимения второго лица единственного числа «tu», добиваясь, таким образом, ощущения реальности беседы с сыном. Мать рассказывает ему то, что им довелось вместе пережить и прочувствовать:

Tu te Griffes le visage. Tu n`es qu`une boule de rage, complètement folle, que rien ne peut arrêter. Tu sanglotes. Et tu t`agites comme si tu voulais enlever un invisible vêtement, tout tissé d`orties. Tu ressembles à ces gens don`t les habits brûlent et qui pour éteindre les flammes se roulent à terre en hurlant. Tu n`entends plus. Tu redoubles tes cris. Tu deviens fou [1, с. 19].

Comme je voudrais que tu me parles et me souries. Tu ne me souris jamais. Tu ne souris jamais à personne [1, с. 20].

Лексико-синтаксическая контактная анафора акцентирует мысль о

принятом решении и решимости матери самостоятельно бороться с болезнью сына:

Il me semblait que tu n'étais pas à ta place parmi ces malheureux gamins baveux, hébétés ou très agités. Il me semblait que tu étais moins atteint qu'eux, ou l'amour maternel me rendait-il aveugle? [1, с. 21].

Un jour, je me suis dit que derrière ton silence, il n'y avait peut-être rien. *Le vide*. Ce doute a durci un peu plus le serment que j' m'étais fait: te sortir de là. Te sortir de ton autisme. *Le vide*, on va le remplir, je te le jure [1, с. 22].

Следующий пример анафоры мы наблюдаем во фрагменте, описывающем действия матери, которая пытается успокоить сына после приступа ярости. Синтаксическая фигура задаёт успокаивающую монотонность повествованию:

Je t'ai pris dans mes bras. Je t'ai parlé à l'oreille. Je t'ai appelé. Je t'ai exhorté. Je t'ai secoué. Je t'ai serré fort pour que tu reviennes à toi [1, с. 30].

Следующий пример анафоры помогает читателю увидеть в главной героине уже другую женщину, постепенно обретающую уверенность в себе, веру в исцеление своего ребёнка.

Pour apprendre à aimer et tenter de guérir un enfant autiste, c'est beaucoup plus simple de l'imaginer comme un Petit Prince. *J'apprendrai ton langage. J'entrerai dans ton silence. J'oublierai ce que je crois savoir. Je t'aimerai. Te respecterai infiniment* [1, с. 36].

Риторические вопросы отражают усталость от ежедневной борьбы с болезнью ребёнка и растерянность матери:

Non, ce n'est pas moi. *Dans quel grand cahier tiendra-t-on compte de ces heures? Et de mes rendez-vous manqués, mes voyages si souvent remis?* [16].

Je prie, je supplie mes forces vitales de ne pas me quitter. *Mais où est la vraie vie?* [1, с. 24].

Mais que savent la plupart de ces gens sur l'amour, sinon ses frustrations...? [1, с. 25]

D'où me vient ce goût de l'enfermement? Du renoncement? [39]

Pourquoi suis-je si terriblement consolée, accompagnée quand j'écris? [1, с. 39]

Трудности общения с собственным сыном, не разговаривающим ни с кем и замкнутом в своем мире, преодоление трудностей в обычной жизни при выполнении простейших действий и терпение, которое постепенно приходит на смену безысходности, переданы при помощи односоставных инфинитивных конструкций:

Il peut rester des heures assis ou debout au même endroit. *Sans bouger* [1, с. 19].

Avec toi chaque chose doit être négociée, durement négociée: mettre un pied devant l'autre. *Monter dans une voiture. En descendre* [1, с. 20].

Avancer. Reculer. S'asseoir. Entrer dans un ascenseur. En sortir [1, с. 20].

В возрасте четырёх лет сын писательницы начинает произносить свои первые слова и описывая этот период мы наблюдаем как изменяется манера

письма Франсуазы Лёфевр. Частотными становятся предложения неполного состава, парцелляции, как будто мать намеренно упрощает свою речь, чтобы быть ближе к сыну:

Tu aimes autant que moi ces instants où nous nous recueillons et prenons des forces pour continuer de lutter. *Ensemble* [1, с. 39].

Парцелляция усиливает эмоциональное воздействие на читателя:

Je t'aurais tué parfois de me faire si mal, d'aspirer avec tes hurlements toute ma poésie. *Mes pensées. Ma bonne volonté. Ton mon amour. Mon increvable amour pour toi* [1, с. 40].

Chaque jour, je repousse l'heure d'écrire. Je perds mes feuilles volants. *Mes carnets à demi arrachés. Mes notes brouillons. Incompréhensibles. Et pour moi indéchiffrables* [1, с. 42].

Vivre avec toi, lutter contre cette maladie, c'est renoncer à tout. Tu comprends. *À TOUT. L'amour. La poésie. Le désir. Le calme* [1, с. 44].

Анадиплосис, который мы выделяем в тексте, влияет на особый ритм повествования и на его экспрессивность:

«Bonne nuit. N'oublie pas que je t'aime. Je t'aime.» [1, с. 33].

Inventer une minable intrigue au moment où l'on allait dire *l'essentiel*. *L'essentiel* c'est le désir [1, с. 18].

Ce désir fou qui fait dire: «*Je suis vivante. Je suis vivante!*» [1, с. 50].

Неоднократное использование одного предложения в рамках абзаца демонстрирует его эмоциональность:

Mais je trouve de la force dans cet amour que nous avons noué ensemble. Colchiques dans les prés. *Je t'aime. Je t'aime* [1, с. 52].

Автор пытается найти время для того, чтобы писать, но этого времени всегда не хватает. Парцеллированные конструкции в романе напоминают черновики, которые писатель пишет быстро, чтобы только зафиксировать образы и мысли, пришедшие в голову.

Je n'écris pas pour quelqu'un, il me semble que j'écris souvent contre quelqu'un. *Contre tout. Contre moi* [1, с. 54].

Serment d'ivrogne, en effet, de dire que j'écrirai chaque jour. Je n'ai rien écrit aujourd'hui. *Aveu de mon impuissance. Regard de pierre. Yeux des statues. Neige des squares* [1, с. 59].

Порой от текста создаётся впечатление текста, написанного телеграфным стилем, автор пытается отразить свою внутреннюю речь, свои мысли.

Je suis toujours ramenée à ce lieu de douleur. *D'enfermement*. Depuis quelque temps, je rêve d'une écriture blanche. *Vide. Froide comme le marbre. Une écriture de constat. De registre. Une écriture sans passion. Une froide écriture vidée de son sang. De ses nerfs. Étincelante comme la neige sous une lune glacée. De juste mots glacés comme le diamant. Une blanche écriture comme les ossements blanchis au soleil. Une écriture de désert*. [1, с. 63].

Таким образом, автор, используя синтаксические средства выразительности, создает точный эмоциональный портрет женщины, матери, пи-

сателя и вызывает у читателей чувства сопереживания, понимания жизненных ситуаций, иногда сочувствия и веры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lefèvre, F. Le petit prince cannibale. Actes Sud, Paris, 1990. 103 p.*

Ильина Ю. П., Шугаева Н. Ю.

ОБРАЗ ПАРИЖА В РОМАНЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ «ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ»

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется роман Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Методом выборки примеров и анализ выявленных средств создания образов авторы статьи изучили различные образы изображения Парижа, а также лингвостилистические средства для создания образности города. В ходе исследования были раскрыты особенности использования лингвостилистических средств создания образов в художественном тексте, определено понятие лингвостилистических средств и выявлены лингвостилистические подходы при изучении текста художественного произведения.

Ключевые слова: художественный образ, образ города, Эрнест Хемингуэй, лингвостилистика, лингвостилистические средства, лингвостилистические подходы.

Город – объект междисциплинарных исследований, он изучается с точки зрения экологии, урбанистики, социологии, психологии, философии. Образ города находит свое воплощение и в художественной литературе. Как вид художественного творчества, литература создает корпус текстов, представленный специфическим для нее языком [2].

Особая роль в изучении художественного образа города принадлежит Н. П. Анциферову, из наследия которого большинством отечественных исследователей были восприняты только часть, касающаяся теоретического и практического краеведения (причем и здесь, в потоке публикаций по частным вопросам, затерялась идея комплексного подхода к изучению конкретного города [2]).

Под душой города Н. П. Анциферов понимал «исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта, населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан)» [2]. М. С. Каган объясняет душу города как культурную целостность, которая находит выражение в единстве стиля поведения жителей, в облике города с архитектурными сменами эпох

[3]. Названия некоторых произведений Н. В. Гоголя («Миргород», «Вечера на хуторе близ Диканьки») также указывают на стремление автора описать особую атмосферу, возникающую там, где человеческая жизнь либо спокойно и плавно «течет», либо бурно «кипит». В романе «Великий Гэтсби» Фицджеральд сравнивает Нью-Йорк первоначально с «зеленым лоном нового мира», открывшимся перед взором голландских моряков, а затем с «Долиной шлака», в которой копошатся маленькие человечки, сделанные из угольной пыли. Наиболее угрюмый образ города представлен в сцене с пьяной женщиной в бриллиантах, лежащей на носилках Нью-Йорк - город, где разбиваются иллюзии и ломаются людские судьбы.

Эрнест Хемингуэй, известный писатель, журналист и лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 года, считал, что как синий океан издали кажется прозрачным и красивым, а вблизи весь покрыт апельсиновыми корками и ящиками, так и город привлекает и обманывает своих обитателей запахом хереса и дорогих сигар, а на деле оборачивается затхлой вонью дешевых китайских прачечных и смрадом гниющих отбросов [5]. С таким теплом и вниманием Эрнест Хемингуэй передал парижскую атмосферу 1920-х годов в своем мемуаре «Праздник, который всегда с тобой» (мобильная вечеринка), что многие влюбляются в Париж сразу после прочтения романа и однажды во французской столице они стремятся посетить места, отмеченные присутствием известного писателя.

В первую очередь, следует заметить, что произведение Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» изобилует ономастическими единицами. У каждого человека остаются в воспоминаниях свои образы этих мест, тем самым описание Хемингуэя вызывает у каждого читателя, знакомого с Парижем, особые чувства:

“There were many ways of walking down to the river from the top of the rue cardinal Lemoine; After you hit the flat part and crossed the busy traffic of the beginning of the boulevard St-Germain, onto a dull part where there was a bleak, windy stretch of river bank with the Halle aux vins on your right!” [1].

Хемингуэй рисует перед глазами настоящие парижские улицы, используя аутентичные названия на французском языке.

“By this time, I had paid the check and gone out and turned to the right and crossed the Rue de Rennes so that I would not go to the deux-magots for coffee and was walking up the Rue Bonaparte on the shortest way home” [1].

Также попадают топонимы и на других языках: *“I went over and found someone I knew from the old days at San Siro in Milano. He gave me two horses”* [1].

В описаниях Э. Хемингуэя Париж предстает перед нами в совершенно разных тонах. Условно он делит Париж на два разных города: дождливый и мрачный, яркий и солнечный. Говоря о мрачном и дождливом Париже, Хемингуэй использует описание холодного дождя и ветра:

“Then there was the bad weather. It would come in one day when the fall was over. We would have to shut the windows in the night against the rain and

the cold wind would strip the leaves from the trees in the place contrescarpe” [1].

Хемингуэй наблюдает, как с приходом зимы дождь погружает город в пустоту и уныние. Происходит изменение и в цвете города: белые крыши перекрашиваются в грязный черный цвет; жизнь «останавливается»:

“All of the sadness of the city came suddenly with the first cold rains of winter, and there were no more tops to the high white houses as you walked but only the wet blackness of the street and the closed doors of the small shops” [1].

«Спасение» от непогоды и ненастья Хемингуэй находит и в пансионе, окутанном белоснежным пейзажем:

“Now that the bad weather had come, we could leave Paris for a while for a place where this rain would be snow coming down through the pines and covering the road and the high hillsides and at an altitude where we would hear it creak as we walked home at night. Below les avants there was a chalet where the pension was wonderful and where we would be together and have our books” [1].

Свой уют находит Э. Хемингуэй в зимнем Париже. Он рисует город белыми красками, окутывает теплотой окружающие дома, кафе и т.д. Уличные фонари города обретают совсем иное свечение, что не может не нравиться Хемингуэю. Однако голые деревья и ветер отдают холодом, возвращая читателя к реальности:

“The city had accommodated itself to winter, there was good wood for sale at the wood and coal place across our street, and there were braziers outside of many of the good cafes so that you could keep warm on the terraces... We burned boulets which were moulded, egg-shaped lumps of coal dust, on the wood fire, and on the streets the winter light was beautiful” [1].

Окружающая зимняя пустота и закрытые парки нагоняют на автора уныние, которое весьма характерно для этого времени года. Автор твердо уверен, что лишь работа сможет вытащить человека из грусти и тоски:

“There were so many things to understand in those days and i was glad when we talked about something else. The park was closed so I had to walk down along it to the Rue de vaugirard and around the lower end of the park” [1].

Но также теплота и общение в кругу приятных людей помогает пережить зимние вечера:

“It was easy to get into the habit of stopping in at 27 Rue De Fleurus late in the afternoon for the warmth and the great pictures and the conversation” [1].

Хемингуэй уверяет, что ничего не может быть простым в Париже:

“But Paris was a very old city and we were young and nothing was simple there, not even poverty, nor sudden money, nor the moonlight, nor right and wrong, nor the breathing of someone who lay beside you in the moonlight” [1].

Весной Париж предстает перед Э. Хемингуэем цветущим садом. Распускающиеся деревья, дети, играющие на тротуаре, младенцы в колясках – все это символизирует начало прекрасного времени года.

Описывая Париж, автор говорит: *“It was a lovely spring day and I walked down from the place de l'observatoire through the little Luxembourg. The horse-*

chestnut trees were in blossom and there were many children playing on the gravelled walks with their nurses sitting on the benches, and I saw wood-pigeons in the trees and heard others that I could not see” [1]. Он по-прежнему широко использует ономастическую лексику и эпитеты, чтобы придать должное настроение повествованию.

Следующий фрагмент: *“When I had come back from trips that I had made to the different political conferences or to the near east or Germany for the Canadian paper and the news services that I worked for she wanted me to tell her about all the amusing details. There were funny parts always and she liked them and also what the Germans call gallows-humour stories*” [1]. В данном случае мы видим лексический повтор личного местоимения I, что позволяет писателю представить свое повествование в виде некоего дневника или мемуаров. Хемингуэй продолжает подробно описывать каждую улочку, уделяя внимание эпитетами, например, “amusing”, “funny”. А также он продолжает использовать ономастическую лексику в названиях улиц “Rue de fleurus”.

“By this time, I had paid the check and gone out and turned to the right and crossed the rue de Rennes so that I would not go to the Deux-magots for coffee and was walking up the rue Bonaparte on the shortest way home. It went up Bonaparte to guynemer, then to the rue d'assas, up the rue Notre-dame-des-champs to the Closerie des Lilas. I sat in a corner with the afternoon light coming in over my shoulder and wrote in the notebook. The waiter brought me a cafe creme and I drank half of it when it cooled and left it on the table while I wrote” [1]. В данном отрывке автор по-прежнему широко использует ономастическую лексику, говоря о названиях улиц и кафе “Deux-magots”, “rue Bonaparte”, “Bonaparte to guynemer”, “rue Notre-dame-des-champs” и “Closerie des Lilas”. Также писатель использует французизмы в названиях кофе, например, “café au crème”. Чтобы описать свое настроение и отношение к городу, Э. Хемингуэй продолжает широко использовать эпитеты.

Таким образом, мы рассмотрели образы Парижа в романе Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Мы проанализировали лингвостилистические средства, которые использовал автор при создании образа столицы Франции. Чтобы создать аутентичный образ города, Э. Хемингуэй использовал многочисленные эпитеты, французизмы, ономастическую лексику и прием лексического повтора.

Произведение Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» представляется читателю как воспоминания из жизни автора в столице Франции. Это мемуары, посвященные трепетным отношениям с первой женой и первом захватывающем литературном опыте. Это красочная хроника исторического времени, города и целого поколения, где личный опыт автора происходит в атмосфере Парижа, города «лучше, чем нет писателя» [1].

Этот город вдохновляет сотни людей, которые приезжают в Париж в поисках мира и счастья. Это не что иное, как блестящее и удивительное, полное драматических поисков и романтических эксцентричностей, история для всех. Э. Хемингуэй писал: «Париж никогда не кончается, и каждый,

кто там жил, помнит это по-своему».

Описывая Париж, Э. Хемингуэй в первую очередь описывает состояние своей души: когда он творит, все детали вокруг него начинают играть новыми красками, он начинает воспринимать себя как часть особого мира. А когда в унынии по вечерам он идет выпить, Париж резко становится чужим темным и даже неприятным.

Э. Хемингуэй использует все функции художественного текста в произведении «Праздник, который всегда с тобой». Стилиевые черты художественного стиля речи: конкретность, образность и эмоциональность. Функции этого стиля – эстетическая и информативная.

Э. Хемингуэй изображает кафе, применяя все функции художественного текста. Он подробно описывает бытовые детали, атмосферу, посетителей, их настроение, эмоции, подбирая точные языковые элементы и трансформируя в художественный текст. Хемингуэй остается верен своему стилю без прикрас, исподволь используя лингвостилистические приемы, такие, как эпитет, метафора, художественный параллелизм, олицетворение, синекдоха и некоторые другие. Также автор широко использует французизмы и ономастическую лексику – названия кафе, и улиц. Тем не менее, образы, созданные автором, получаются цельными, яркими, живыми, несмотря на небольшой ассортимент лингвостилистических средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hemingway, Ernest A Moveable feast* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.fadedpage.com/books/20141111/html.php>
2. *Анциферов Н. П., Анциферов Т. П.* Книга о городе: Жизнь города. Л. 1928. 299 с.
3. *Каган М. С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996. 407 с.
4. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
5. *Хемингуэй Э.* Собрание сочинений. В 7 томах изд. М. : АСТ, 2009. 3500 с.

Иоскевич М. М.

СОЦИАЛЬНЫЙ МИФ И АКТ РАССКАЗЫВАНИЯ В БЕЛОРУССКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ТЕМАТИКИ

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь*

Аннотация. Художественная литература выступает одним из средств передачи социального мифа. В художественном произведении, обусловленном социальным заказом, социальный миф неизбежно проявляется через акт рассказывания, так как способ передачи содержания оказывает непосред-

ственное воздействие на читательское восприятие. В 1960–70-е гг. советский социальный миф утверждал наличие нового социально-культурного типа – «советский человек (строитель социализма)». Образ «нового человека» последовательно воплотился в произведениях производственной тематики, которые внедряли социальный миф в читательское восприятие через такие составляющие акта рассказывания как слово «чужих», лексику, обусловленную реалиями советской эпохи, а также анималистические и мифологические сравнения, раскрывающую сатирическую направленность образов «чужих».

Ключевые слова: социальный миф, акт рассказывания, белорусские произведения производственной тематики, советская эпоха, советский человек.

П. С. Гуревич определяет социальную мифологию как «особый вид духовной деятельности по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно продуцируемых правящей элитой для манипулирования массами» [1]. Как известно, художественная литература выступает одним из средств передачи социального мифа. В художественном произведении социальный миф неизбежно проявляется через акт рассказывания, так как способ передачи содержания оказывает непосредственное воздействие на читательское восприятие.

Материалом для раскрытия механизмов воздействия социального мифа на читательское восприятие через акт рассказывания в художественном тексте могут служить произведения советской эпохи, обладающей очевидным мифотворческим потенциалом. В данной работе мы будем называть подобные произведения *социально-мифологическими*, поскольку в основе их композиции лежит пласт традиционного мифа, приобретающий конъюнктурное наполнение на уровне развития сюжета.

Акт рассказывания, обусловленный социальным мифом, тесно связан с проблемой «чужого слова». М. М. Бахтин выделяет три рода «чужих слов»: 1) «прямое, непосредственно направленное на свой предмет слово, как выражение последней смысловой инстанции говорящего»; 2) внеположное сознанию говорящего «объектное слово (слово изображаемого лица)»; 3) принадлежащее одновременно двум субъектам, по-разному ими осознаваемое и переживаемое «двуголосое слово» [5]. При исследовании произведений, обусловленных социальным мифом, особый интерес вызывает второй род слов, а именно – «объектное слово» (слово изображаемого лица). С помощью объектных слов раскрывается система ценностей персонажей, их точки зрения на происходящие события, и, следовательно, обозначается оппозиция «свой – чужой», с помощью которой организуется система персонажей. «Свои» – положительные персонажи, выражающие «правильную» (идеологически верную) точку зрения на происходящие события, которым противостоят «чужие» – враги, политические оппоненты и т. п. Задача объ-

ектных слов – вызвать положительный или отрицательный модус читательского восприятия по поводу героев и событий, соответствующий официальной точке зрения.

Особый интерес также представляет слово «чужих», ведь по его содержанию можно судить о точке зрения, противоположной официальной. Более того, оно может помочь прояснить авторскую позицию, ведь передача оппозиционных высказываний отрицательным персонажам с последующим их осуждением персонажами положительными либо повествователем – это один из способов донести до читателя авторскую точку зрения.

В речи как «чужих», так и «своих» в социально-мифологических произведениях может присутствовать лексика с негативной коннотацией, даже бранная лексика, направленная на оппонентов. Это один из самых простых и прямых способов принизить статус противоположной стороны.

Негативные высказывания часто передаются через сравнения и метафоры с анималистическими и мифологическими образами. Используются образы животных, несущих негативную коннотацию, ассоциирующихся с отрицательным признаком-символом человеческих качеств, черт характера, ведь «представление о том или ином животном складывается из присущих ему по самой его природе признаков, воспринимаемых человеком эмпирически (их определяют как сигнификат наименования животного), и признаков, приписываемых животному на основе хранящихся в генетической памяти народа длительных наблюдений за образом его жизни и поведением (такие характеристики называют коннотативными, или коннотациями)» [3, с. 163].

Основная задача акта рассказывания в социально-мифологических произведениях, – формировать положительный или отрицательный модус читательского восприятия героев и событий, соответствующий официальной точке зрения. Традиционный способ изображения «чужих» требует их осмеяния, принижения, «обесценивания». Помочь этому может смех, обличительная разновидность которого носит название «сатира». Элементы повседневности становятся главным орудием осмеяния «чужих», что способствует оценке их точки зрения как «неправильной», профанной, в противоположность «сакральной» позиции «своих».

Проследить принципы воплощения социального мифа через акт рассказывания предполагается на примере белорусских романов производственной тематики, созданных в 1960–70-е гг.

В эти годы трансформируется социальный миф, который утверждает наличие нового социально-культурного типа – «советский человек (строитель социализма)», сформированного за годы советской власти. С идеологической точки зрения социалистическая личность представляла как «идейная личность, ставящая на первое место общественный интерес, разделяющая цели и принципы коммунистической идеологии» [4, с. 220]. Образ нового человека последовательно воплотился в произведениях производственной тематики, появляющихся на протяжении всего послевоенного периода.

Очевиден мессианский характер героя, который выступает носителем истинных ценностей: духовности, преданности идее социалистического строительства, коллективизма и т. д.

Романы производственной тематики раскрывают содержание с помощью всезнающего повествователя, давая читателю возможность погрузиться в сознание как положительных, так и отрицательных персонажей. Авторы дистанцируются от вынесения оценок, представляя читателю право присоединиться к той или иной точке зрения.

Особое значение в произведениях производственной тематики приобретает лексика, обусловленная реалиями советской эпохи. В романе «Атланты і карыятады» шаги, предпринимаемые главным героем Карначом для осуществления мечты – нового экспериментального района, открывают перед читателем глубину социального пространства должностного лица, занятого благоустройством города. Главный архитектор посещает различные учреждения, откладывая творческую работу ради забот о том, как «пробить», «выбить», «достать» качественные стройматериалы для осуществления объектов строительства в родном городе. В этих глаголах «зашифрована» одна из сторон советской повседневности 1970-х гг.: «технология неформальных обменных связей» [6, с. 139], использование личных знакомств, родственных отношений для пользы общего дела. В эпоху Брежнева «теневая» экономика «смыкалась с властью: предприниматели обретали покровительство политиков в обмен на материальные выгоды и всевозможные услуги» [6, с. 140].

Особая лексика обозначает и неудачу в карьерных делах. В «Атлантах і карыятадах» речь антагониста Макоеда изобилует глаголами «падения»: «плюхнуться», «шлепнуться», «накрыться», которые персонаж употребляет по отношению к главному архитектору. Эти глаголы символизируют общественную «смерть» Карнача после его самоотвода в горком партии. Однако Макоеду возражает заместитель директора филиала Фрид: «Накрыцца можам мы з табой. А Карнач заўсёды аткрыты. Быў і застанеца» [7, с. 67]. Эти слова заставляют читателя ассоциировать образ главного героя, воплощающего образ настоящего советского человека, с Христом, символизирующим «правду» и «жизнь».

«Карьеристы» и «мещане» попадают под анималистические и мифологические сравнения, которые должны вызвать у читателей чувства презрения, негодования, отвращения. Жена Макоеда Нина Ивановна, заведующий кафедрой вуза, где по совместительству преподает Карнач, напугана его самоотводом в горком, вообразив, что он желает занять ее место заведующего кафедрой. Должность досталась Нине Ивановне нелегко: «Колькі чалавек ты з'ела?» [7, с. 25]. Глагол «съесть» вызывает ассоциации со «зверем» либо «вампиrom», уничтожающим свою жертву. Действительно, Нина Ивановна идет к цели напролом, безжалостно уничтожая конкурентов, не останавливаясь перед средствами. Она в пылу ссоры называет мужа, который ползает, пресмыкаясь, перед ней на коленях, «слизняком».

Телесность старика-старовера, кляузничавшего на жильцов пятиэтажек, также попадает под анималистическое сравнение: «Максім сціснуў падлакотнік крэсла і ўтаропіўся ў паперы на сталe, каб не глядзець у нахабныя масляністыя вочкі старовера, на яго зусім малады, без маршчын, лоб – адзінае месца, што не зарасло поўсцю» [7, с. 78]. «Звериная» сущность старовера, покрытого «шерстью», отстаивающего материальные интересы, находит отражение в его внешности. Его образ представлен в сатирических тонах, призван обличать частнособственнические инстинкты. Старовер цепко держится за свой частный дом, не разрешает его сносить. Он огорчает свою «крэпасць», ютящуюся среди современных пятиэтажек, натягивает поверх ограды колючую проволоку. Жильцы пятиэтажек обращаются в горком с просьбой о сносе частного дома. Однако в отместку старик переносит нужник под окна жалобщиков, который те разносят ночью «на трэскі» [7, с. 77].

Карнач, поначалу воспринимающий старовера с юмором, возмущен: «Якімі смярдзючамі справамі трэба займацца!» [7, с. 78]. На самом деле «барадаты тып гэты здэкваецца з законаў, будаўнічых парадкаў, рэгламентацый і з яго, галоўнага архітэктара, таксама» [7, с. 78]. Маслобоев отказался от канализации, поскольку «паскудства гэтае вялікае і агіднае богу – нужнік у хаце. У маёй хаце дух святы жыве» [7, с. 78]. Карнач не выдерживает и заявляет: «Значыцца, ваш дух і святы дух не ўжываюцца побач? І таму вы свой дух падсунулі людзям?» [7, с. 78]. Прием обращения к телесному «низу», соотнесенному автором с «мещанством», «религиозностью», призван вызвать читательский смех, а вместе с ним отвращение к их, по мнению героя, «вонючим» проявлениям.

В дилогии «За годом год» во сне Юркевича его главный антагонист представлен в карикатурном виде: «Появлялся Понтус и грозил пальцем. Палец был большой, а сам Понтус унылый и вытянутый, как рисуют на карикатурах или каким можно увидеть человека в кривом зеркале комнаты смеха. И каждый раз он произносил одни и те же слова: “Дудки, уважаемый! Мы тоже кое-что можем!” – и это вьедливое, умышленно искаженное “можем!” глушило, отнимало волю» [2, с. 101]. Карикатурный вид Понтуса, тем не менее, не снижает осознания опасности, которую, по мнению автора, представляют карьеристы, преследующие лишь материальные выгоды.

В романах производственной тематики карьеристы могут выдавать себя за «своих», и тогда их позиция раскрывается через внутренний монолог, с позиции всезнающего повествователя, как, к примеру, в случае с Макоедом, который настойчиво называет Карнача другом, скрывает свои истинные чувства, однако добивается одного – сместить главного архитектора с должности. В других случаях они получают возможность открыто высказывать свою точку зрения, даже гордятся своей обывательской философией как единственно верной жизненной позицией, что попадает под осуждение персонажей с коммунистической системой ценностей.

Таким образом, в романах производственной тематики снижается

смеховой эффект обличения антагонистов, анималистический и мифологический контекст их образов. Как мы полагаем, это объясняется тем, что в данных произведениях спадает острота социального конфликта (по сравнению с такими социально-мифологическими произведениями, как книги революционной тематики и произведения о коллективизации, где «чужой» является «врагом»), который переносится в производственную сферу, что обусловлено относительно спокойными периодами «оттепели» и «застоя» в истории советского государства. Широко представлено «слово “чужих”» как демонстрация обывательской, мещанской философии, подлежащей осуждению читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуревич П. С.* Социальная мифология. М. : Мысль, 1983. 175 с.
2. *Карпов В. В.* За годом год: роман [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=221796>. Дата доступа: 10.05.2019.
3. *Кубасова А. О.* Анималистическая лексика румынского языка как способ характеристики человека через сравнения и метафоры // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Аспирант. тетр. СПб., 2008. № 29 (65). С. 162–167.
4. *Смирнов Г. Л.* Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М. : Политиздат, 1973. 415 с.
5. *Теория двуглового слова М. М. Бахтина* [Электронный ресурс]. 2019. Режим доступа : https://studopedia.su/6_54165_teoriya-dvugolosogo-slova-m-m-bahtina.html. (Дата доступа: 20.09.2019)
6. *Тураев В. А.* Кризис советской идентичности и распад СССР / Россия и АТР. 2015. С. 5–17.
7. *Шамякін І.* Атланты і карыятыды: раман. Мінск : Маст. літ., 1985. 430 с.

Карпухина Т. П., Симонова Е. П.

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАТЕКСТА В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. ТАРТТ «ЩЕГОЛ» ("THE GOLDFINCH"))

*Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск, Российская Федерация*

Аннотация. В статье описывается интерпретативный потенциал метатекста в тексте художественного произведения. Объектом исследования являются текстовые знаки и сильные позиции текста. Материалом исследования послужил современный роман воспитания американской писательницы Д. Тартт «Щегол» ("The Goldfinch"). Предмет исследования – интерпретативный потенциал метатекста в тексте. Метатексты в тексте встречаются далеко не во всех художественных произведениях. Обнаружение и анализ метатекста в обрамляющем тексте дает одну из ценных подсказок к пониманию всего авторского замысла.

Ключевые слова: сильная позиция, текстовый знак, структура, связность, интерпретация, связность, художественный текст.

Одним из наиболее продуктивных подходов к пониманию художественного текста является семиотический, предполагающий анализ знаков в структурном единстве текста.

Знак – это некий материальный носитель, представляющий другую сущность [6, с. 18], а структура представляет собой «множество отношений между элементами системы, которые обычно описываются в виде некоторых функций» [7, с. 254]. Анализ таких элементов, их линейных и нелинейных связей и функций является необходимой процедурой, предвещающей интерпретацию целого текста.

Структура текста проявляет себя в свойствах локальной и глобальной связности. Локальная связность/когезия (лат. *cohaesus, cohesion* – связанный, сцепленный) характеризуется аддитивностью и проявляется в тексте как внутренняя, формальная и линейная связь разных видов. Когезия «не выявляет, что сообщает текст, она выявляет, как текст организован в семантическое целое» [5, с. 109]. Глобальная связность/когерентность (лат. *cohaerens, coherence* – находящийся в связи) определяет выбор средств когезии. Она понимается как смысловая организация целого и тяготеет к неаддитивности. Когерентность не линейна, проявляется через ключевые слова и текстовые знаки, тематически и концептуально объединяющие текст в целое. По словам М. Л. Макарова, когеренция шире когезии: она охватывает «семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной связности дискурса, как локальной, так и глобальной» [9, с. 195]. Таким образом, когерентность обеспечивает внешнюю (прагматическую) связность текста [4, с. 43].

Текстовые знаки образуют формально-семантическую структуру текста. По форме выражения они могут совпадать с языковыми, однако их «значения и функции в тексте принципиально иные» [8, с. 87].

По словам В. А. Лукина, текстовые знаки содержательно независимы, они, как правило, являются самопонятными частями текста, а места их расположения называют «сильными позициями». Содержание сильных позиций, как указывает И. В. Арнольд, «становится понятным и значительным в процессе взаимодействия с остальным текстом» [1, с. 238]. Таким образом адекватное понимание целого текста возможно только при условии понимания его сильных позиций, в то время как содержание текстового знака в сильной позиции может быть понято вне оставшейся части этого же текста. Из этого следует, что в преддверии интерпретации целого произведения каждая сильная позиция художественного текста должна становиться предметом анализа интерпретатора.

Объектом нашего исследования являются текстовые знаки и сильные позиции текста. Предмет исследования – интерпретативный потенциал метатекста в тексте. Цель данной работы – определить интерпретативный потенциал метатекста в тексте художественного произведения. В качестве материала исследования был выбран роман американской писательницы Д.

Тартт «Щегол» (“The Goldfinch”).

К текстовым знакам из которых состоит текст относят заголовки, цитаты, эпиграфы, прецедентные тексты, анаграммы и метатекст в тексте.

Соотношение текстовых знаков и сильных позиций различается. Так, заголовок или эпиграф всегда будут сильными позициями текста, поскольку их расположение фиксировано и обозначает верхнюю границу текста. Положение таких текстовых знаков как анаграмма, прецедентный текст, метатекст в тексте не фиксировано, они образуют сильные позиции там и тогда где они находятся.

Обзор основных концепций метатекста позволяет сделать вывод о том, что понятие метатекст неоднозначно и имеет различное толкование. Начало исследований метатекста было положено А. Вежбицкой, а затем продолжено в работах Т. Андрищенко, Е. Падучевой, Н. Рябцевой, Н. А. Фатеевой и др.

Метатекст в понимании А. Вежбицкой – это «вводные слова и обороты с семантическим элементом «говорит». Функция метатекста, по А. Вежбицкой, заключается в том, чтобы прояснять “семантический узор” основного текста» [2, с. 249].

В нашем исследовании мы, вслед за В. А. Лукиным, понимаем метатекст в тексте как такую часть текста, которая является вполне самостоятельным, семантически автономным текстом. Референтом метатекста в тексте является код и тема обрамляющего текста, в котором метатекст существует на правах сильной позиции. Указывая на материнский текст, метатекстовый знак проявляет себя как индексальный (дейктический) знак, а характеризуя его – как символ (по Пирсу) [8, с. 101–103].

В. А. Лукин разграничивает понятия метатекст и метатекст в тексте. Метатекст, в том значении, которое вкладывает в него А. Вежбицкая, по словам В. А. Лукина, является метатекстовым элементом, так как служит средством когезии. Метатекст в тексте, в свою очередь, стремится к выполнению функции глобальной связности поскольку соотносится со всем пространством материнского текста или значительной его частью [8, с. 101–103]. Следует отметить, что не во всех художественных текстах такого рода метатекст можно обнаружить. Именно поэтому при его обнаружении в обрамляющем тексте необходимо максимально учитывать его интерпретативный потенциал.

Обратимся к материалу исследования. Роман американской писательницы Д. Тартт «Щегол» (“The Goldfinch”) [10] относится к жанру роман воспитания и имеет автобиографическую форму – повествование ведется от первого лица. В основе сюжета находятся события, охватывающие более десяти лет жизни главного героя, с того момента, как он и его мать случайно заходят в музей на выставку картин.

До начала трагических событий мать успевает познакомить сына с некоторыми полотнами художников XVII века. Она подробно рассказывает сыну об истории этих картин, о самих художниках и о секретах творчества

голландских мастеров. Особое отношение у матери к картине «Щегол». Она рассказывает сыну о трагической смерти ее автора – художника Карела Фабрициуса:

“It was a famous tragedy in Dutch history,” my mother was saying. “A huge part of the town was destroyed.” <...> “The disaster at Delft. That killed Fabritius. Did you hear the teacher back there telling the children about it?” I had. There had been a trio of ghastly landscapes, by a painter named Egbert van der Poel, different views of the same smouldering wasteland: burnt ruined houses, a windmill with tattered sails, crows wheeling in smoky skies. <...> a gunpowder factory exploded at Delft in the 1600s, that the painter had been so haunted and obsessed by the destruction of his city that he painted it over and over. “Well, Egbert was Fabritius’s neighbor, he sort of lost his mind after the powder explosion, <...> but Fabritius was killed and his studio was destroyed. Along with almost all his paintings, except this one <...> He was one of the greatest painters of his day, in one of the greatest ages of painting. Very very famous in his time. It’s sad though, because maybe only five or six paintings survived, of all his work. All the rest of it is lost – everything he ever did” [с. 29-30]. / Это знаменитая трагедия в истории Голландии, сказала мама, огромная часть города была разрушена. <...> Катастрофа в Делфте, которая убила Фабрициуса. Слышал, как учительница рассказывала об этом детям? Я слышал. На выставке было три кошмарных пейзажа, автором которых был художник по имени Эгберт ван дер Пул. Три разных вида тлеющей пустоши: обгоревшие руины домов, ветряная мельница с дырявыми лопастями, вороны, кружащиеся в дымном небе <...> пороховой склад в Делфте взорвался 1600 годах. Вид разрушенного города преследовал художника, и он изображал его вновь и вновь. Эгберт был соседом Фабрициуса, он будто сошел с ума после порохового взрыва <...> Фабрициус погиб, его мастерская была разрушена и все его работы были уничтожены, кроме вот этой <...> Он был одним из величайших художников своего времени. Очень жаль, но вероятно из всех его работ сохранились только пять или шесть. Все остальное пропало – все, что он сделал. (перевод наш – Т. П. Карпухина, Е. П. Симонова)

Данный фрагмент текста романа является метатекстом, поскольку обладает свойствами связности и цельности, то есть представляет собой вполне самостоятельный, семантически автономный текст, повествующий о смерти художника от взрыва порохового склада. Фрагмент текста, выделенный нами как метатекст, сообщает информацию о последующих событиях обрамляющего текста – далее в романе говорится о теракте в музее, во время которого погибает мать главного героя. Мальчик, придя в себя после взрыва, не может понять где он (*Nothing made sense in any direction*) [10, с. 35]. Он описывает то, что видит вокруг себя – лохмотья и тряпки, вздыбленный пол, пыль, битое стекло, мусор, кирпичи, обрывки бумаги и пепел, который напоминает мальчику иней: (*Swags and tatters dangled from the ceiling. The ground was tumbled and bucked-up with heaps of a gray substance like moon rock, and blown about with broken glass and gravel and a hurricane of random*

trash, bricks and slag and papery stuff frosted with a thin ash like first frost) [10, с. 35]. Связь метатекста с последующими событиями передается через семантически близкие слова, например, *burnt ruined houses* (обгоревшие руины домов) и *a thin ash* (тонкий слой пепла), *tattered sails* (дырявые лопасти) и *broken glass* (битое стекло).

Главный герой, оставшись после смерти матери без семьи и дома, вынужден долгие годы скитаться. Его судьба оказывается тесно связанной с картиной К. Фабрициуса «Щегол», которую он случайно забирает с собой из музея после взрыва. Таким образом, метатекст имеет прямое отношение к сюжету романа, он осуществляет катафорическую связь, предвосхищая последующие события.

Метатекст в тексте интерпретирует одну из тем романа «Щегол» – конечность человеческой жизни и смерть творца. Мать, подобно художнику Фабрициусу погибает при взрыве. Ее сын, словно неповторимое и уникальное творение художника – картина «Щегол», продолжает свою жизнь, неся на себе отпечаток пережитой трагедии и все то хорошее, что ему передает мать при жизни. В структурном отношении этот метатекст подобен своему референту – тексту романа, так как в развернутом виде разъясняет содержание последующих событий в жизни главного героя. Метатекст оказывается копией материнского текста или, иными словами, текст повторяется в собственном иконическом знаке – в метатексте двойнике.

Имена художников Фабрициуса, Эгберта ван дер Пула, название картины «Щегол», а также название города Дельфт не вымышленные, поэтому мы определяем их как прецедентные тексты, апеллирующие к «культурной памяти» читателя. Обладая подобно метатексту в тексте признаками «автосемантической, дейктивности и реинтерпретируемости» [3, с. 107], эти имена могут быть извлечены из текста-источника «без потери познавательно-эстетической ценности и использованы как самостоятельные утверждения в других текстах» [3, с. 107].

Подводя итоги, следует отметить, что текстовые знаки являются элементами глобальной связности. К текстовым знакам относят метатекст в тексте, который проявляет тенденцию к иконичности – подобию между планом выражения и планом содержания. Метатекстовый знак по своим свойствам соответствует определению текста, то есть является самостоятельным и автономным текстом.

В исследуемом романе Д. Таррт «Щегол» (“The Goldfinch”) метатекст в тексте исключительно важен для когерентности текста. Он представляет обобщенно и в сжатом виде информацию об одной из ключевых тем романа, а его интерпретативный потенциал раскрывается в дейктивной и характеризующей функции – рассказ матери о трагической смерти художника задает тон всему повествованию. Сюжет романа проникнут страданием осиротевшего ребенка, пережившим ужасный взрыв, потерявшим самого близкого человека и вынужденным искать покой в безразличном мире чужих людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / науч. ред. Бухаркин П. Е. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 444 с.
2. *Байкова С. А.* Метатекст // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/metatekst> (дата обращения: 20.10.2020).
3. *Баженова Е. А.* Интертекстуальность [Текст] // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта : Наука, 2006. С. 104–108.
4. *Валгина Н. С.* Теория текста. М. : Мир книги, 2003. 280 с.
5. *Величко М. А.* Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 2 (177). [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kogeziya-i-kogerentnost-osobennosti-razgranicheniya-i-opredeleniya-ponyatiy> (дата обращения: 10.10.2020).
6. *Кронгауз М. А.* Семантика. М. : Изд. центр «Академия», 2005. 352 с.
7. *Лебедев С. А.* Философия науки. М. : Академический Проект, 2007. 731 с.
8. *Лукин В. А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М. : Ось-89, 2005. 560 с.
9. *Макаров М. Л.* Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Тверь : Изд-во Тверс. гос. ун-та, 1998. 443 с.
10. *Tartt, D.* The Goldfinch. London ABACUS, 2013. 864 p.

Корнеева Т. А.

ИМЕНА НУЛЕВОЙ СУФФИКСАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность исследования заключается в изучении текстообразующей функции нулевых экспонентов в текстах разных жанров и стилей. Объектом исследования являются узуальные имена нулевой суффиксации в русском языке и особенности их функционирования в произведениях малых фольклорных жанров – пословицах и поговорках. Цель статьи – выявить основные словообразовательные типы имён нулевой суффиксации, представленных в пословицах и поговорках, определить их роль в организации художественного пространства высказываний. Ведущие методы исследования: теоретический анализ научной и учебно-методической литературы по теме, метод сплошной выборки, метод языкового, речевого и текстового анализа, структурно-семантический анализ языкового материала, сопоставительный и статистический методы, педагогическое наблюдение. В результате исследования выявлена частотность употребления в пословицах и поговорках определённых словообразовательных типов имён нулевой суффиксации (отглагольных, отыменных, отадъективных), отмечена частотность бесприставочных имён нулевой суффиксации, показаны особен-

ности сочетаемости девербативов, их место в содержательном и ритмическом построении пословиц и поговорок. Рассмотрены изобразительно-выразительные свойства данных образований. Подчёркнута прикладная значимость исследования и возможность использования результатов в лингводидактических целях преподавания русского языка как родного и как иностранного.

Ключевые слова: словообразование, нулевая суффиксация, текстообразующая функция, пословицы, поговорки.

Изучение нулевых экспонентов в языке предполагает не только структурно-семантический подход к исследуемому материалу, но и функциональный, в частности, рассмотрение особенностей употребления слов в речи. Образования нулевой суффиксации, как правило, привлекают внимание исследователей в своём окказиональном варианте как элемент поэтического идиостиля. Роль узуальных имён в создании художественных тропов или стилистической организации художественного произведения остаётся вне научного поля зрения. Между тем изучение особенностей функционирования имён нулевой суффиксации в лирике начала XX в., в произведениях современных авторов позволяет расширить и углубить представления о слове как «живом поликодовом гипертексте» [2, с. 8] и текстообразующем потенциале производных слов с нулевыми словообразующими элементами.

Обращение к особенностям функционирования имён нулевой суффиксации в русских пословицах и поговорках не случайно. Будучи малым фольклорным жанром, пословицы и поговорки представляют собой суждения, имеющие «бытовой» план выражения и «философский» план содержания. Они являются воплощением свёрнутой ситуации, сжатой, сконцентрированной в структурном плане и многозначной – в семантическом. Свёрнутость ситуации характерна и для семантики имён нулевой суффиксации, в частности для девербативов.

Имена нулевой суффиксации представляют собой производные образования с имплицитным характером выражения словообразующей морфемы, значение которых включает свёрнутую ситуацию. Наиболее часто в художественных текстах используются девербативы, во-первых, как самая продуктивная группа подобных образований (в том числе исторически сформированные имена действия, образованные от беспривагочных глаголов), во-вторых, наряду с другими типами имён нулевой суффиксации, реализующая словообразовательные потенции языка (например, окказиональные образования нулевой суффиксации в поэтических текстах начала XX века, подробно описанные в научной литературе). Textoобразующую роль образований нулевой суффиксации можно проследить на примере анализа ряда произведений разных форм и жанров. Прежде всего имена нулевой суффиксации служат средством организации художественного пространства малых фольклорных жанров.

Наблюдение за особенностями функционирования образований нулевой суффиксации в русских пословицах и поговорках, зафиксированных в «Словаре» В. П. Жукова [1], позволяет отметить следующие основные закономерности.

1) В пословицах и поговорках представлено большинство словообразовательных типов указанных имён, однако их частотность различается. Признавая условность классификации, отметим преобладание имён со значением отвлечённого действия (*торг, гром, потеха, дума, звон, зов, суд, забота, работа, визг, спрос, беседа, крик, оборона, ответ, перевоз, полёт, похвала, проводы, расчёт, спрос, ссора, счёт, укор (укора), шум*) и отвлечённого понятия (*дело, слава, вкус, межа, грех, вина, воля, совет, разум, риск, добро, худо, жар, зависть, игра, мера, молва, ноша, нужда, обида, охота, посул, риск, слух, смех, сон*). В меньшей степени представлены имена со значением результата действия (*недосол, пересол, запас, недород, совет, уговор*), единичного действия (*удар, чох, поклон*), состояния (*стыд, голод, тепло, покой, худо*), места (*село, брод, мель, поворот*), с собирательным значением (*голь, приход*), предмета (*пряжа, помол, капля, навоз*), орудия (*воз, хомут*), лица (*вор, слуга, кума, раба, сват*), а также имена прилагательные (*золотой, злой*) и наречия, образованные на основе имён нулевой суффиксации (*по выбору, за упокой*).

В ряде случаев определить с точностью словообразовательное значение не представляется возможным, так как контекст допускает неоднозначное толкование. Например, синкретизм семантики слова проявляется в суждении *Рыболова одна тоня кормит*. В слове *тоня* реализуются значения места (ср.: участок водоёма, специально оборудованный для ловли рыбы закидным неводом, а также часть берега, прилегающая к этому участку), отвлечённого действия (рыбная ловля на таком участке) и орудия и результата действия (невод с уловом после одной закидки) (по: [5]).

2) Значительная часть имён представляет собой образования от бесприставочных глаголов. Подобное нередко наблюдается в поэтических текстах (например, в стихотворениях А. Ахматовой). Структурно менее осложнённые производные слова в большей степени способствуют внутренней мотивации поэтического текста, в отличие от объективной мотивации структурно осложнённых слов.

3) Наибольшее количество пословиц встречается со словами *дело* (24), *добро* (6), *труд* (4). Пословиц, включающих другие имена нулевой суффиксации, значительно меньше. Этимологически слово *дело* восходит к индоевропейскому *dhē- [4, с. 496] и является суффиксальным производным, однако смена мотивации привела к установлению глагольной соотнесённости в образованиях подобного типа. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского зафиксированы такие значения слова *дело*, как: деятельность (противоположность бездействию); поступок, деяние; способ, образ; работа, труд; подвиг; сражение; спор, тяжба; состязание; сила, энер-

гия; ценность, достоинство; заслуга; образец, подобие [6, с. 786–789]. В пословицах значение слова *дело* синонимично слову *работа*, реже – слову *деяние*. В отличие от слова *труд*, слово *дело* не несёт в себе семантики нечто тяжёлого, требующего усилий и терпения. Не случайно в «Словаре русской идиоматики» Г. И. Кустовой отмечается разница в сочетаемости данных слов: *труд – адский, неустанный, нечеловеческий, а дело – необыкновенное, нешутливое* [3].

4) С точки зрения поэтической организации художественного пространства пословиц с именами нулевой суффиксации следует отметить частотность повтора однокоренных слов и сопутствующую ему аллитерацию (*Гром гремит не из тучи, а из навозной кучи, Дела не делай, а от дела не бегай, Всякая вина виновата, Что муж возом не навозит, то жена горшком наносит, Вольному воля, Кому какое дело, что кума с кумом сидела, От добра добра не ищут, Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается*), паронимическую аттракцию (*К обедне ходят по звону, а к обеду по зову, Не то забота, что много работы, а то забота, как её нет*), антонимию (*Делу время, потехе час, Недосол на столе, а пересол на столе, Своя воля страшной неволи, Перерод хуже недороду, Нет худа без добра, Сердце вещун, чует добро и худо*). Наблюдается сочетание разных имён нулевой суффиксации в пределах одного суждения: *И смех и грех, Делу время, потехе час, Не хвальна похвала до дела, Риск – благородное дело, Криком дело не спорится*. Однако в большинстве пословиц и поговорок имена нулевой суффиксации сочетаются с другими производными образованиями: *Попытка не пытка, а спрос не беда, Не бойся суда, а бойся судьи, Начал за здоровье, а кончил за упокой, Мелева много, а помолу нет, Где любовь да совет, там и горя нет* и др.

5) Редко имена нулевой суффиксации бывают обусловлены ритмической инерцией и рифмой (*Эта ворона нам не оборона, Каков поп, таков и приход, Без соли, без хлеба худая беседа, Пропал мех, а на батьку грех*).

В целом изучение особенностей функционирования имён нулевой суффиксации в пословицах и поговорках может быть продолжено в сопоставлении их с другими малыми жанрами устного народного творчества – загадками, приметам, потешками и прибаутками, считалками, скороговорками, играми и закличками.

Изучение текстообразующей функции имен нулевой суффиксации в русских пословицах и поговорках имеет не только лингвистическое, но и прикладное лингводидактическое значение. Пословицы и поговорки, включающие образования нулевой суффиксации, отражают особенности нравственных представлений народа и могут служить основой для аналитических и синтетических упражнений различного типа, связанных с отражением в языке и тексте специфики русской национальной ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Русский язык, 2000. 554 с.

2. Залевская А. А. Значение слова и “Живой поликодовый гипертекст” // Вопросы психолингвистики. 2013. №1 (17). С. 8–19.
3. Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. М., 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения 15.10.2020)
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Астрель, 2003. 588 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Русский язык, 1990. 921 с.
6. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. М. : Знак, 2003. 776 с.

Курникова Н. С.

ДОМИНАНТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ СОВРЕМЕННОГО БРИТАНСКОГО ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО РОМАНА

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию “общих мест” в изображении персонажей в современном британском постколониальном романе. Автор делает краткий экскурс в историю феномена постколониальной литературы и определяет основной круг тем, которые затрагивают в своих произведениях современные англоязычные писатели с “гибридной идентичностью”. На примере романов “Будда из пригорода” Ханифа Курейши и “Белые зубы” Зэди Смит автор рассматривает доминантные характеристики персонажей британской черной литературы.

Ключевые слова: британский постколониальный роман, постколониальная литература, черная британская литература, персонаж.

Термин «постколониальный роман» утверждается в литературоведении во второй половине XX в. и связан с распадом мировой колониальной системы. Современная британская постколониальная литература охватывает творчество писателей азиатского, африканского, карибского и другого происхождения, проживающих как на территории Британских островов, так и в бывших колониях. Яркими представителями британской постколониальной (или «черной») литературы являются М. Али, К. Исигуро, Х. Курейши, Н. Мухамед, Т. Мо, Ш. Найпол, С. Рушди, З. Смит, В. Хэдли и др. Их персонажи, равно как и сами авторы, обладают смешанной этнокультурной, или гибридной идентичностью.

Постколониальный роман знакомит европейских читателей с культурными нормами и традициями, которые ранее были для них недоступны. Герои постколониальных романов нередко переживают глубоко личные проблемы, культурный шок, обусловленный тем, что они оказываются в новой

стране, где иммигрантская культура сталкивается с новыми для нее традициями и устоями. Герои далеко не всегда готовы к трансформации и адаптации к этим новым условиям. Они вынуждены совмещать в себе черты обеих культур, которые зачастую противоречат друг другу, что приводит к внутренней неустойчивости характеров персонажей. Очень часто в романах писателей-постколониалистов герои проходят через внутренний мировоззренческий кризис; многие литературные персонажи в определенные моменты сталкиваются с тем, что собственные убеждения ставятся ими самими под сомнение и возникают внутренние противоречия [1, с. 147].

Такие признаки постколониальной литературы, как гибридность, межпространственность, пороговость [2] проявляются на разных уровнях произведений, и в первую очередь – на этапе создания образов персонажей. Рассмотрим средства характеристики героев в романах «Будда из пригорода» (1990) Ханифа Курейши и «Белые зубы» (2000) Зэди Смит.

В первом произведении рассказчик Карим повествует о своей жизни в Лондоне 70-х гг., когда он был подростком. Будучи сыном индуса и англичанки, он не может определить, кто он в большей степени. Духовные метания героя приводят к тому, что он ищет ответы в песнях PinkFloyd и TheWho, книгах Керуака, ставит эксперименты с наркотиками. Он становится свидетелем краха культурных и семейных традиций, и не знает, как ему жить дальше. Второй роман – история о нескольких поколениях двух семей – англичанина Арчи Джонса и его лучшего друга, бангладешца Самада Икбала. Зэди Смит исследует такие вопросы, как межнациональные браки, самоопределение детей, рожденных в таких браках, взаимодействие истории и современности, традиций и новых веяний, место религии в современном обществе и др. Безусловно, роман «Белые зубы» по своей масштабности превосходит роман Х. Курейши, но при этом романы очень похожи друг на друга.

Роман «Будда из пригорода» начинается с характеристики героя, от лица которого и ведется повествование: *“My name is Karim Amir, and I am an Englishman born and bred, almost”* [3, с. 3]. Слово *“almost”* в обособленной конструкции ясно указывает нам на положение иммигрантов в Англии. Карима нельзя считать индийцем, потому что он живет в Англии, но он и не англичанин, поскольку у него индийское происхождение. В описании отца рассказчика встречаем характерные эпитеты: *“Like many Indians he was small, but dad was also elegant and handsome, with delicate hands and manners”* [3, с. 4]. Прилагательное *«small»* в данном предложении не только описывает рост персонажа, но и странным образом противопоставляется эпитетам *elegant, handsome, delicate*, что говорит о предубеждениях героя по отношению к индусам. Сравнения в портретном изображении героев могут носить как положительную, так и отрицательную коннотацию. Поэтому их использование может помочь автору отобразить отношение персонажей к внешности, ее принятие или желание что-то изменить в себе.

“He looks like a little aristocrat, like a little Englishman” [4, с. 216].

Родители Маджида (“Белые зубы”) смотрят на фотографию сына, одетого в твидовый костюм и галстук, с шляпой в руке и видят в нем элегантного англичанина, и это не может их не радовать.

Имена являются индикаторами их этнической принадлежности. Но некоторые герои в попытке избежать дискриминации прибегают к таким мерам, как изменение имени, данного им при рождении. Например, в произведении «Будда из пригорода» брат Карима Амар называет себя «Алли»: “*My brother Amar, four years younger than me, called himself Allie to avoid racial trouble*” [3, с. 19]. В романе Тед и Джин называют Харуна Амира «Гарри», поскольку тетя Джин пытается навязать английскую идентичность семье Амира: “*Ted and Jean never called Dad by his Indian name, Haroon Amit. He was always ‘Harry’ to them, and they spoke of him as Harry to other people*” [3, с. 33]. Один из героев Зэди Смит, Маджид Икбал, представляется своим друзьям типичным английским именем Марк Смит, тем самым вызывая гнев отца: “*I GIVE YOU A GLORIOUS NAME LIKE MAGID MAHFOOZ MURSHED MUBTASIM IQBAL!*’... ‘*AND YOU WANT TO BE CALLED MARK SMITH!*” [4, с. 151].

Дети иммигрантов сталкиваются с тем, что, даже несмотря на то, что они родились в Англии, никто их не воспринимает как англичан. Поэтому меняя свои имена, иммигранты пытаются избежать дискриминации и “сойти за своих”.

Дочь Клары Боуден, Айри, обеспокоена своим внешним видом, она отличается от своих сверстниц, ее не устраивает ее вес, ее кучерявые волосы, доставшиеся от мамы и бабушки, ямаек по национальности. Девушка уверена, что прямые волосы и стройная фигура помогут ей привлечь внимание противоположного пола. Мы видим, что помимо обычных подростковых комплексов, здесь присутствуют и проблемы с принятием особенностей внешности, которые зависят от наследственности. Ее внешний вид не совсем соответствует современным западным стандартам красоты и это усложняет её жизнь в европейской стране. “*What exactly were you aiming for? – Wasn’t it obvious? Straight. Straightness. Flickability*” [4, с. 283]. Для передачи эмоционального состояния Айри Зэди Смит использует эмоциональную градацию. Тем самым она старается ярко, живо передать мысли девочки, ее эмоциональное состояние, желание избавиться от кучерявых волос, чтобы стать похожей на своих сверстниц. К тому же градация помогает показать возмущение, так как парикмахеру приходится объяснять, как кажется героине, очевидные вещи.

Авторы романов используют метафорические переносы в описания внешности: “*Irie, ignorant of all this, turned up for her appointment three thirty on the dot, intent upon transformation, intent upon fighting her genes, a headscarf disguising the bird’s nest on her head, her right hand carefully placed upon her stomach*” [4, с. 273]. В этом случае метафора “*the bird’s nest*” используется писателем для наглядного изображения сходства объемных, взлохмаченных, неуправляемых волос Айри и птичьего гнезда, ветки которого сложены

в хаотичном порядке. Курчавые волосы девочки не подавались никакой укладке, с ними было очень тяжело управляться, одноклассники часто насмехались над героиней из-за них, неудивительно, что девочка стала их ненавидеть.

Как мы можем заметить, Смит часто использует художественное сравнение в описании внешности персонажей. Айри сравнивает свои волосы с проволокой, что показывает ее ненавистное отношение к ним и желание изменить свою внешность: *“And the curly hair thing, black wires”* [4, с. 272]. Отношение Айри к своей внешности передано через иронию, гиперболу и сравнение: *“... her various ledges (shelf space for books, cups of tea, baskets or, more to the point, children, bags of fruit, buckets of water), ledges genetically designed with another country in mind, another climate”* [4, с. 266]. Девушка иронично отзывается о своем теле и заключает, что ее полная фигура далека от европейского идеала, и предназначена для другой страны и другого образа жизни.

В своих романах Смит и Курейши часто используют прилагательные *«white»* и *«black»* для обозначения расовой принадлежности своих героев и их противопоставление с коренными европейцами: *“Clara Bowden was beautiful in all senses except maybe, by virtue of being black, the classical. Clara Bowden was magnificently tall, black as ebony and crushed sable, with hair plaited in a horseshoe which pointed up when she felt lucky, down when she didn't”* [4, с. 23].

Зэди Смит явно говорит о том, что как бы красива не была девушка, темный цвет кожи – это недостаток, тем самым, поднимая вопрос о толерантности и расовых проблемах.

“We don't want you blackies coming to the house.” [3, с. 40]

“The whites will never promote us. Not an Indian while there is a white man left on earth.” [3, с. 27]

Харуна возмущает, что права иммигрантов притесняются *«белыми»* в этой стране, и он даже не надеется, что с течением времени что-то изменится.

Выраженная доминантная, а потому и престижная культура, является одним из главных признаков британского мультикультурализма. Иммигранты постоянно пытаются подстроиться под западные стандарты. Детей, которые родились в межрасовых семьях, постоянно преследует чувство не-правильности.

Одним из важнейших средств выявления характера персонажей является индивидуализация их речи. Характер может частично проявиться при разговоре с данными персонажами, в диалогах с ними. Речь персонажей дает первичное представление читателю об их социальном статусе, основных чертах их характеров, уровне образованности, профессиональных навыках, типе темперамента и так далее. От того, как писатель раскрывает персонажа через особенности его речи, зависит то, как ярко представит себе читатель образ данного персонажа.

“Bwoy, me kyant do nuttin’ right today – “ [4, с. 36].

Клара Боуден иногда говорит на ямайском варианте английского языка, часто в ее речи встречаются сокращения, что выдает ее иностранное происхождение, усложняет понимание ее речи. Особенностью речи иммигрантов является использование нераспространенных предложений, «проглатывание» слов и окончаний. Авторы прибегают к искажению написания слов, для передачи характерного акцента.

Герой произведения “Белые зубы”, Самад Икбал возмущен тем, что его родные не разделяют его точку зрения, в том, что человек не в состоянии что-либо изменить в своей жизни, все предрешиено судьбой, единственное, что он может сделать – это смириться со своей участью. Он пытается доказать свою правоту и использует нецензурную лексику, в попытках убедить окружающих. Нередко использование сниженной лексики свидетельствует о социальном статусе героев. Культурная образованность героев является одним из важнейших факторов, влияющих на правильность речи персонажей. Представители низших социальных слоев чаще всего используют слэнг и просторечия в своей речи. Представители высших социальных слоев прибегают к использованию аллюзий в своей речи.

Как известно, постколониальная литература затрагивает обширный круг проблем. Они могут включать в себя как конфликт поколений, так и межрасовые конфликты. Однако основной темой постколониальных произведений является поиск своей идентичности в новой социальной среде.

Часто персонажи вынуждены делать трудный выбор между сохранением национальных особенностей и принятием устоев западного общества. Эти культуры зачастую кардинально отличаются, поэтому персонажи переживают тяжелые времена, связанные с принятием себя в новом мире.

Противоречия между этими разными во многих смыслах мирами является основной проблемой, которая позволяет сюжету развиваться, приводить к глубоким выводам, связанных с иммигрантской природой персонажей.

Анализ двух произведений позволяет следующим образом сгруппировать следующие типические характеристики персонажей:

- богатая и очень конкретная топонимика: Lambeth, Jamaica; Bangladesh, Raggastan, Gujarat, Bengal и др. Авторы скрупулезно документируют наименования малой родины своих персонажей, называют не только страну, но и штат, город, исторический регион, который, возможно, уже не существует, поскольку читателю важно знать, откуда родом герои произведений;

- адаптация (вестернизация) имен: Харун – Гарри, Амар – Алли, Маджид Махфуз Мустафа Икбал – Марк Смит – означает попытки соответствовать статусу западного европейца, иногда приводит к возникновению комических ситуаций;

- лексические единицы семьи «пограничности»: hybrid (of Asian and British blood), almost (English), mixed-race (teenager), neither here nor there,

half-English, like a little Englishman, like a little aristocrat, designed in another climate; pepper-and-salt;

- реалии, с одной стороны – национальные, культурно-специфичные реалии – предметы одежды, национальные блюда (sari, Quron); с другой – реалии современной западноевропейской жизни (punk rock, The Who, Vespa GS, BBC One, Kerouac), которые демонстрируют наличие определенного культурного “багажа”, и при этом показывают, что иммигранты стараются не отставать от своих сверстников и новых соплеменников;

- иронические и саркастические метафоры, эпитеты и сравнения: black wires, like a bird’s nest, (intent upon) transformation, ledges, like ebony – сарказм и ироничность отражают пересмотр традиционного евроцентризма;

- контраст как литературный прием и антитеза как его лексическая реализация: *black and white; the whites and blackies; «a cool river of balmy distraction – a cage of umbrellas and steely regularity; Princess Jeetah-Auntie Jeetah; white teeth-black skin; man/woman, male part/female part, man’s job/woman’s job*. Очевидно, речь идет о постоянном противопоставлении персонажей-иммигрантов с местным населением, спокойствию прошлой жизни на родине и амбициями и тяжелым трудом в новой стране; об изменении социального статуса, о переоценке гендерных ролей и др.

Таким образом, на примере двух современных постколониальных британских романов мы увидели, как писатели изображают столкновение человеческого «Я» с наследием предков и давлением окружающего его общества. Дети в попытках избежать призрачного со стороны сверстников изменяют свою внешность. Иммигрантам второго поколения очень трудно ориентироваться в мире, где общество требует от тебя одного, а родители – другого, так как они являются носителями другой культуры, традиций. Попытки адаптироваться в новом мире, сойти за «своего» приводят к кризису идентичности, которому подвергаются все персонажи-иммигранты. Кто-то стремится перенять все блага западной культуры, кто-то обращается к истокам, своим корням, своей вере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровиков П. В. О сути и соотношении понятий «мультикультурализм» и «постколониальная литература» // Вестник МГЛУ. 2018. № 5. 150 с.
2. Толкачев С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // Знание. Понимание. Умение. № 1. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/
3. Kureishi, H. The Buddha of Suburbia. UK: Faber and Faber, 1990. 284 с.
4. Smith, Z. White teeth. UK: Penguin Books Ltd, 2012. 540 с.

ФАКТОР АДРЕСАТА В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «ФРОНТОВОЕ ПИСЬМО»

*Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, Российская Федерация*

Аннотация. Данная работа вписана в круг исследований по актуальному направлению современной лингвистики – речевому жанроведению. В статье обосновываются роль, особенности проявления, характеристики адресата в текстах речевого жанра «фронтное письмо». Фронтное письмо рассматривается в рамках теории естественной письменной русской речи. Фактор адресата является одним из параметров коммуникативно-семиотической модели, по которой описываются жанры естественной письменной речи. Для жанра «фронтное письмо» адресатная характеристика является одним из доминантных признаков. Материалом исследования являются тексты фронтных писем жителей Алтайского края.

Ключевые слова: фронтное письмо, естественная письменная речь, речевой жанр, адресат, автор.

Данная работа вписана в круг исследований жанров естественной письменной речи (термин Н. Б. Лебедевой) [3]. Целью исследования является рассмотрение роли, особенностей проявления адресата в текстах жанра «фронтное письмо».

Фронтное письмо – это эпистолярный речевой жанр, письменное послание, созданное в условиях Великой Отечественной войны. Фронтное письмо было одним из традиционных средств общения во время войны, зачастую оно становилось единственным источником коммуникации между людьми.

Фронтные письма наиболее изучены в источниковедческом аспекте, актуальным является их рассмотрение с точки зрения жанроведения. Исследованием писем с фронта занимались Т. П. Сухотерина, Н. А. Купина, С. М. Треблер, Ю. А. Завьялова и другие. Большой вклад в изучение фронтных писем в лингвистическом аспекте внесли работы Т. П. Сухотериной, в которых письма описаны по параметрам коммуникативно-семиотической модели, предложенной Н. Б. Лебедевой для описания текстов естественной письменной речи с целью выделения доминантных и детерминантных признаков.

Одним из доминантных признаков жанра «письмо» и, в частности, «фронтное письмо» в целом является фактор адресата.

Фактор адресата, или слушающего, является одним из обязательных компонентов речевой деятельности. М. М. Бахтин в работе «Проблема речевых жанров» указывает на активно-ответную роль слушающего: «Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно-ответный ха-

ракти (хотя степень этой активности бывает весьма различной); всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим» [2]. Точка зрения Бахтина указывает на обязательный диалогичный характер любого речевого высказывания, на значимость роли адресата. Обращение к адресату всегда учитывает его особенности (а не только авторские). Фактор адресата определяет и цель коммуникации, и диктумно-модусное содержание, и другие характеристики речевого акта.

В речевом жанроведении важное место занимает концепция Т. В. Шмелевой. В своей «Модели речевого жанра» исследователь выделяет семь конститутивных признаков, на основе которых характеризуется речевой жанр. Один из них – «образ адресата» [8]. Так, например, «среди императивных РЖ основную массу составляют жанры с адресатом ИСПОЛНИТЕЛЕМ, то вынужденным принимать такую роль (ПРИКАЗ), то принимающим ее в своих интересах (СОВЕТ)» [8].

Проблема воздействия различных аспектов, функций фактора адресата на адресанта в отечественной лингвистике была поставлена в работе Н. Д. Арутюновой «Фактор адресата». В теории речевых актов субъект, воспринимающий речевое высказывание именуется именно адресатом (в разных теориях речевой деятельности он может быть назван интерпретатором, слушающим, собеседником и т. д.), что указывает на сознательность направленности этого высказывания. «Всякий речевой акт рассчитан на определённую модель адресата» [1, с. 358]. Н. Д. Арутюнова поднимает вопрос о функции адресата в разных типах речевых актов в соответствии с теорией Остина – Серла - Вендлера. Акты-императивы наиболее жёстко привязаны к адресату: ожидаемый от них результат («перлокутивный эффект») должен быть осуществлён именно адресатом. Комиссивы и этикетные высказывания относятся к числу реакций, адресат сам вызывает отклик и является заинтересованным в нём. Коммуникативно немаркированные высказывания адресованы в случае принадлежности к сфере межличностного общения – они нужны адресанту только «ради» адресата [1, с. 361].

Описание жанров естественной-письменной речи в теории Н. Б. Лебедевой осуществляется по коммуникативно-семиотической модели, одним из фациентов которой является адресат. Адресат в концепции естественной письменной речи не отождествляется читателем, это «избранный читатель». Н. Б. Лебедева вводит также категорию «потенциального читателя». «Категория Адресата имеет, кроме общих с Автором 1) социологического, 2) психологического, 3) гендерного, 4) возрастного, еще и такие параметры, как: 5) «Я» и «Другой» («авто-адресат» – «альтер-адресат»), 6) эксплицированный (неопределенный – определенный, последний, в свою очередь, – «названный» – «неназванный»), 7) количественный: нулевой адресат (безадресное письмо), моноадресат, полиадресат, 8) взаимоотношения с Автором (параметры: статусный, «свой/чужой», «контролер/подконтрольный», эмоциональный и др.)» [3, с. 8].

Адресат фронтового письма может быть рассмотрен с точки зрения различных подходов, отражённых в концепциях разных исследователей, тем не менее вписанных в круг изучения речевых жанров. Вышеперечисленные точки зрения лингвистов на фактор адресата отражают разные стороны одного явления, взаимодополняют друг друга. Основываясь на этих концепциях, можно составить наиболее полную характеристику исследуемого объекта.

Адресат фронтового письма – это «избранный читатель» [6, с. 250], это тот близкий фронтовику человеку, к которому он обращается. Адресатом письма с фронта всегда является близкий автору человеку: родственник, друг, поскольку фронтовик нечасто имеет возможность и средство для создания послания. Кроме того, близкий характер отношений между автором и адресатом определяется психоэмоциональными и мировоззренческими особенностями.

В коммуникативной ситуации Великой Отечественной войны появляется также потенциальный читатель. К примеру, частью коммуникативной среды могла быть военная цензура, проверявшая содержание фронтовых писем. В некоторых письмах фронтовиков, содержащих важную информацию, которая не подлежала распространению, зачёркнуты строки, а на конверте (или самом письме, если оно свёрнуто треугольником и носителем субстрата является сам субстрат) стоит штамп, информирующий о том, что данное письмо просмотрено военной цензурой [6]. Стоит отметить, что в таком случае потенциальный адресат выполняет и функции автора – изменяет содержание послания.

Согласно концепции М. М. Бахтина, как уже отмечалось выше, любой речевое высказывание диалогично. Письмо с фронта – это диалог автора с адресатом и, кроме того, внутренний диалог адресанта. Формально адресат не присутствует при создании письма, но содержательно ощущается его присутствие. *«Радуюсь вместе с вами, что к вам приезжал Дм. Конст.»* – пишет фронтовик, и в его высказывании адресат присутствует здесь и сейчас.

Диалогичность проявляется на уровне диктумно-модусного содержания в этикетных формах приветствия и прощания (*«Здравствуй, дорогая сестренка»*, *«Здравствуйте, Все, Все»*, *«крепко жму руку»*), вопросах и вопросно-ответных комплексах (*«как вы живете»*, *«скол думаши отпустит скота взиму»* (*примечание: орфография сохранена*)) и т. д.

Информативная цель письма также указывает на адресатное направление высказывания: автор-фронтовик делится информацией о себе, поскольку это отвечает интересам адресата. Так фактор адресата определяет содержание текстов исследуемого жанра.

В этой связи стоит отметить, что для фронтового письма характерно сочетание персонального и институционального дискурсов, однако преобладающим является персональный, который может быть назван бытовым,

так как при помощи фронтового письма осуществляется общение между хорошо знакомыми людьми. Это общение «сводится к поддержанию контакта и передаче информации о себе, об условиях, в которых находится автор в момент написания письма, о проблемах, которые его волнуют и т. п.» [5, с. 218].

Как внутренний диалог письмо с фронта выполняет эмотивную и «здоровьесохраняющую» [7, с. 27] функции: «процесс написания писем позволял фронтовикам хотя бы на время забыть о военных действиях и переживаниях, связанных с ними, мысленно перенестись к родным и близким» [4, с. 167]. Письмо для фронтовика – канал связи с внешним миром, с прошлой жизнью.

Фронтовое письмо входит в сферу межличностного общения. Оно всегда имеет адресата, причём не просто подразумеваемого, а точно названного. Адресат определяет содержание письма, оно создания «ради» него. Образ адресата, представленный в письме, субъективен, он проходит через призму авторского сознания и, отражаясь в нём, составляет субъект, к которому направлено высказывание.

В соответствии с коммуникативно-семиотической моделью фациент «адресат» жанра естественной письменной речи характеризуется по нескольким параметрам. Социологическая, гендерная, возрастная характеристика адресата фронтового письма не является жанрообразующим признаком. Адресат, то есть близкий для фронтовика человек, может занимать различное положение в обществе, его пол и возраст не могут быть установлены для инварианта жанра. Значение имеет только характер взаимоотношений между автором и тем, кому послание адресовано. Психологическая характеристика адресата сложно выделяется из текста фронтового письма, но в соответствии со средой коммуникации можно определить общие психологические особенности социальной группы людей, причастных к войне. Индивидуальные личностные характеристики не всегда выделяются в письмах с фронта.

Описание жанровых признаков адресата фронтового письма можно проводить по другим параметрам, которые позволяют наиболее явно определить жанровую особенность рассматриваемого фациента.

Эксплицированный/неэксплицированный. Фронтовое письмо представляет собой жанр естественной письменной русской речи, в котором адресат эксплицитно выраженный, определённый, «названный». Адресат в письмах с фронта определён, вектор коммуникации всегда задан, точно установлен. «Коммуникативная установка автора целенаправленна, адресат непосредственный» [6, с. 250–251]. В текстах присутствует обращение: «Здравствуйте многоуважаемая Фаста Константиновна и ваше семейство», «Здравствуй, дорогая сестренка». Адресат фронтового письма указывается на носителе субстрата. Данный способ коммуникации – переписка – по определению предполагает эксплицированность адресата.

Количественный параметр: моноадресат/полиадресат. Адресат

фронтового письма может быть как индивидуально ориентированным, так и коллективно ориентированным. Фронтовик в своих письмах обращается как к одному человеку (*«Здравствуйте Фаста Константиновна», «Аня ты представляешь какой перелом в моей жизни»*), так и к нескольким (*«Здравствуйте, Все, Все», «Здравствуй Аня Геночка Вена Вовик», «монога уваемая моя семья я вам кланус всем»*). Тем не менее формально фронтовое письмо всегда адресовано одному человеку, именно ему послание будет доставлено. Содержательно автор письма может обращаться к нескольким людям, часто ко всем членам семьи, в которую письмо отправляется. Однако, обращаясь в приветствии к полиадресату, далее фронтовик, как правило, переходит к диалогу с конкретным моноадресатом, например, в одном из писем автор приветствует жену и детей – коллективно ориентированного адресата: *«Здравствуй Аня Геночка Вена Вовик»*; далее на протяжении речевого акта, совершающегося в письме, адресант обращается только к жене: *«Аня настроение у меня сейчас вот в данную минуту великолепное даже повышенное», «Аня что ещё писать писать просто не знаю»*. В некоторых письмах с фронта автор поочередно обращается к разным моноадресатам.

Взаимоотношения с Автором: «свой»/«чужой». Как уже указано выше, взаимоотношения автора и адресата фронтового письма чаще всего родственные или дружеские. Адресат характеризуется как «свой» по отношению к адресанту, это близкий ему человек. «Но в некоторых письмах адресат может быть охарактеризован как «чужой». Это человек, посторонний для автора, но с которым он вступает в контакт, например: *«Уважаемые товарищи Владимирцевы! Письмо, которое Вы писали своему сыну я получил. Сообщаю, что сын Ваш Ваш погиб в борьбе с немецкими оккупантами за нашу Родину 26/VII – 43 г.»*» [6, с. 250]. В подобных случаях жанр «фронтовое письмо» сближается с жанром «похоронка», который нельзя однозначно отнести к текстам естественной речи. Цель фронтового письма изменяется, меняется и роль автора – он информирует адресата без установки на фатику, на установление контакта. Тем не менее, фронтовое письмо и в такой ситуации продолжает выполнять эмотивную функцию (автор может выразить сочувствие адресату), речь естественна – она не официально-деловая, индивидуально-авторские особенности проявляются в тексте.

Близкий/далекий. С точки зрения пространственного параметра, адресат фронтового письма является далёким [6]. Он находится на расстоянии от автора и на момент создания текста не владеет определённой информацией, которую сообщает ему автор. Коммуникативное время для фронтового письма – долгосрочное.

Таким образом, фактор адресата является одним из жанрообразующих признаков жанра естественной письменной речи «фронтовое письмо». Адресат определяет содержание письма, он всегда конкретно выражен. Адресат письма с фронта эксплицирован; им может быть как один человек, так и несколько; по отношению к автору традиционно адресат «свой»; по пространственному расположению адресат далёкий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М. : Наука, 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm
3. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2001. Вып. 1. С. 4–10.
4. Старостин К. А. Письма фронтовиков как объект лингвистического исследования // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 165–177.
5. Сухотерина Т. П. Фронтное письмо в коммуникативной ситуации Великой отечественной войны // Историческая память молодежи о Великой отечественной войне: социально-гуманитарные и психолого-педагогические аспекты исследования и формирования. 2015. Алтай. С. 216–222.
6. Сухотерина Т. П. Фронтное письмо как жанр естественной письменной русской речи // Мир науки, культуры, образования. 2014 (б). № 4. С. 249–251.
7. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции : монография. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.
8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/shmeleva_1.doc

Николаева М. Н., Шибанова А. И.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «EYES» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ У. С. МОЭМА)

*Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Статья рассматривает один из древнейших разделов фразеологизмов, известный в русском языкознании как соматические фразеологизмы. В работе проводится анализ семантических особенностей и функций соматических фразеологизмов с компонентом *eyes* («глаза») в произведениях У. С. Моэма. Лингвистический анализ английских соматических фразеологизмов с указанным компонентом позволил выявить ряд семантических и функциональных особенностей, связанных с выражением специфики и оценки поведения и эмоционального состояния человека, а также его взаимоотношений с другими людьми в англоязычном социуме.

Ключевые слова: соматические фразеологизмы, семантические особенности, коннотация оценки, функции соматизмов, художественный текст, экспрессивная функция, эмоциональная окраска.

XXI век, век интеграции и глобализации общества, характеризуется большими требованиями, предъявляемыми к изучению иностранных язы-

ков. Сегодня уже недостаточно знаний о системе языка, важными становятся развитие коммуникативных навыков и формирование межкультурной компетенции, содержащей информацию о национальной и языковой картинах мира носителя иностранного языка, эксплицируемых в различных языковых единицах, в том числе и устойчивых. К устойчивым языковым единицам относят фразеологизмы, которые отличаются структурно-семантическим и функциональным своеобразием и представляют особую сложность при изучении любого языка. Известный исследователь-лексиколог профессор А. В. Кунин характеризовал фразеологические единицы (ФЕ) как «устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой и не образующихся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний» [3, с. 4]. Фразеологизмы, или идиомы, как их называют в зарубежной лингвистике, являясь особыми языковыми единицами с переосмысленным значением и устойчивой синтаксической структурой, составляют самую выразительную часть словарного состава английского языка. Достаточно часто фразеологизмы «содержат своего рода культурные вкрапления, несущие информацию об истории и культуре, моделях поведения и системе ценностей языкового сообщества» [5, с. 74].

Рассматривая вопрос о самобытности культуры и мировоззрения народа, необходимо вспомнить один из самых крупных пластов ФЕ в любом языке – соматические фразеологизмы. И. С. Горбулич, говоря о показателе частотности употребления соматических фразеологизмов, отмечает, что «у одних исследователей этот показатель составляет около 15 %, а у других достигает 30 %» [2, с. 124]. На наш взгляд, этот факт свидетельствует о том, что «соматические фразеологизмы являются постоянным объектом лингвистических исследований, что объясняется существующим стремлением человека осознать и оценить его место и роль в окружающем мире. Человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектов, вызвавшим также интерес к словам, обозначающим строение тела человека» [4, с. 214]. Сам термин «соматизм» (от греч. *sōma*, ‘тело’) был заимствован в отечественную лингвистику из области физиологии. В англоязычной терминологии соматические фразеологизмы известны как ‘body idioms’.

Соматические фразеологизмы всегда играли важную роль во фразеобразовании, содержание многих идиом связано с человеком и сферами его жизнедеятельности. Антропонимический фактор является решающим, ведь лексемы, которые называют части тела, уходят глубоко корнями в историю, обладают высокой частотностью употребления и способностью к метафоризации. А. М. Эмирова, убеждена, что «ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего мира человеку удобнее соотносить прежде всего с частями своего тела» [6, с. 54].

Одними из самых часто встречающихся соматических фразеологизмов являются идиомы с компонентом “eyes” (глаза). Так, в англоязычном

словаре Oxford Dictionary of Idioms (2004), содержится 95 различных фразеологизмов с данным компонентом [13]. Мы понимаем, что любой язык постоянно развивается, поэтому обнаруженное количество идиом носит относительный характер и может измениться со временем в большую или меньшую сторону.

Указанное количество фразеологизмов с компонентом “eyes” не случайно, ведь именно посредством глаз человек воспринимает большую часть информации извне. Знакомое многим выражение «глаза – зеркало души», авторство которого приписывают и М. Т. Цицерону, и У. Шекспиру, и Л. Н. Толстому, передает важную мысль о том, что в глазах человека отражаются тончайшие движения его души и сокрыты самые глубокие эмоции. Глаза говорят больше, чем слова. Глаза – самое выразительное, что может быть у человека во внешности. Красоте глаз посвящают стихи поэты, во многих произведениях описанию выражения глаз уделяется большое внимание.

Целью исследования в нашей работе являются семантические и функциональные особенности соматических фразеологизмов с компонентом “eyes”. Материалом изучения подобных ФЕ служат произведения С. Моэма, романы “The Moon and Sixpence” («Луна и грош»), “Theatre” («Театр»), “Cakes and Ale” («Пироги и пиво, или Скелет в шкафу») и рассказы “Mr Know-All” («Мистер Всезнайка»), “Virtue” («Порядочность»), “Rain” («Дождь»).

Произведениям У. С. Моэма свойственны точность и лаконичность повествования, в котором каждая фраза персонажа имеет вес. Особую роль играют ФЕ, выполняющие различные функции в тексте художественных произведений С. Моэма.

Корпус примеров соматических фразеологизмов исследуемой группы из указанных выше произведений У. С. Моэма составляет 26 случаев. В основание семантической классификации полученной выборки соматических фразеологизмов с компонентом “eyes” положены, во-первых, их способность характеризовать действия и состояния персонажей, их ментальную реакцию (понимание, ощущения), во-вторых, обозначать специфику их взаимоотношений с другими персонажами, *в-третьих*, нести эмоциональную и аксиологическую оценку описываемых ситуаций. Следует отметить, что большинство ФЕ с исследуемым компонентом являются синонимами и различаются в каждом конкретном случае оценочной коннотацией и/или эмоциональной окраской [1].

К соматическим ФЕ с компонентом “eyes” в тексте произведений относятся следующие, которые обозначают:

1) действия персонажей – «взглянуть на кого-л., поднять глаза» (to run one’s eyes over smb, to raise one’s eyes); «пристально смотреть на кого-л». (to fix one’s eyes on smb, to set one’s eyes on smb, to keep a wary eye on smb, to follow with one’s eyes);

2) ментальную реакцию на что-л. – «понимать, ощущать что-л.» (to believe one’s eyes, to have eyes in one’s head, with one’s eyes open, to keep one’s

eyes open, to tell with half an eye, to see with one's own eyes); «отводить взгляд, закрывать глаза на что-л.» (to cast down one's eyes, to take one's eyes off smb, to drop one's eyes); «у всех на виду» (in the eyes of the world, in the public eye); «внутри, мысленно» (in one's mind eye); «встретиться взглядом» (to meet one's eyes, to catch one's eyes);

3) чувства и эмоции, например, желание – «очень хотеть сделать что-л.» (to give one's eye-teeth); удивление – «удивиться, обрадоваться чему-л.» (one's eyes light up, eyes pop out of one's head); «испытывать негативные эмоции» (to scratch one's eyes, heavy eyes).

В произведениях Моэма встречаем соматические ФЕ как с изначально присущей оценочной коннотацией значения, так и получаемой её в тексте под воздействием языкового окружения. Например, соматический фразеологизм *to scratch one's eyes out* «выцарапать глаза», изначально обладая негативной оценкой, в контексте произведения используется для передачи эмоционального состояния персонажа в форме агрессивного намерения: *I'd like to scratch your eyes out* [10, с. 129].

У соматической ФЕ *to set eyes on smb* «обратить внимание на кого-то; остановить взгляд» в контексте *I was astonished. I should have thought he could not bear to set eyes on him* [11, с. 62] (рус. Я (т.е. рассказчик) был поражен. Мне казалось, что он (Дирк Струве) не вынес бы даже одного взгляда на него (Стрикленда)) под воздействием употребления формы сослагательного наклонения и модального глагола с отрицанием “could not bear” появляется коннотация отрицательной оценки.

Соматические ФЕ *to have eyes in one's head* «не видеть, но чувствовать, что происходит; иметь глаза на затылке» и *with one's eyes open* «полностью сознавая всю ситуацию» используются для выражения ментальной реакции на речь или поведение другого персонажа в примере: *I don't believe there's a word of truth in it. After all I've got eyes in my head* [10, с. 140] (рус. Я не верю, что тут есть и капля правды. Все-таки я чувствую, что тут что-то не то) и *She went with her eyes open. If she had to put up with certain inconveniences it was her own lookout* [11, с. 51] (рус. Она (Бланш Струве) пошла осознанно (за Стриклендом). Если ей и приходилось мириться с некоторыми неудобствами, то это был ее собственный выбор). Помимо выражения ментальной реакции оба фразеологизма выполняют и другие функции – ФЕ *to have eyes in one's head* интенсифицирует значение сомнения или недоверия словам собеседника, а соматизм *with one's eyes open* добавляет эмоциональной окраски в характеристику действий героини, а также некоторый оттенок иронии.

Фразеологизм *to keep one's eyes open* «смотреть в оба, держать ухо востро» приобретает яркую эмоциональную окраску в контексте *All the same she kept her eyes open, and if she noticed that any woman had predatory intentions on Charles she took care to queer her pitch* [10, с. 155] выражает враждебный настрой героини романа «Театр» Джулии Ламберт в отношении женщин, которые попытаются проявить захватнические намерения и

привлечь к себе внимание Чарльза, мужа Джулии.

С помощью ФЕ *to shut one's eyes to smth* «закрывать глаза на что-л., не замечать что-л.» и таких сочетаний слов, как *no good, be humiliated* и *a perfect fool* в контексте <...> *he'd be humiliated, naturally it was no good shutting her eyes to the fact, at her age she'd look a perfect fool being divorced on account of a boy of three-and-twenty* <...> [10, с. 201] происходит выражение подчеркнуто отрицательной самооценки и презрительного отношения к гипотетическому разводу и последующему браку актрисы Джулии Ламберт с молодым бухгалтером.

Фразеологизм *to keep a wary eye on smb* «следить за кем-л. с подозрением, с опаской» образован от ФЕ *to keep an eye on smb* «глаз не спускать, присматривать за кем-л.», но в отличие от последнего за счет включения в состав ФЕ определения *wary* к слову *eye* приобретает более яркую эмоциональную окраску и отрицательную коннотацию, усиливая при этом общий смысл выражения в контексте *The service was conducted by two maids in brown uniform and Mrs. Driffield in the midst of her fluent conversation kept a wary eye on them* [7, с. 88] (рус. Обслуживание вели две служанки в коричневой униформе, и миссис Дрифилд, оживленно беседуя, с опаской поглядывала на них). Оба этих фразеологизма являются синонимичными.

Субстантивный фразеологизм *heavy eyes* «усталый взгляд» в контексте *She wore her white dress and the large hat with the flowers on it. Macphail noticed that her skin was yellow and muddy under her powder, and her eyes were heavy* [9, с. 23] (рус. На ней было белое платье и большая шляпа с цветами. Макфейл заметил, что ее кожа под пудрой была желтой и грязной, а глаза тяжелыми) используется для выражения отрицательной оценки внешности героини.

К соматическим ФЕ с приобретаемой в контексте произведения коннотацией положительной оценки можно отнести *to fix one's eyes on smb* «сосредоточить внимание на ком-л.» в контексте *Once I saw that his eyes were fixed on Blanche Stroeve, and there was in them a curious irony* [11, с. 46] (рус. Один раз я заметил, что он не сводил глаз с Бланш Струве, и в его взгляде была странная ирония). Словосочетание *a curious irony* в приведенном примере усиливает эмоциональную окраску и способствует выражению ослабленной положительной оценки. Известно, что персонаж Стрикленд действительно некоторое время проявлял интерес к Бланш Струве, хотя этот интерес был совсем не платонический.

ФЕ *to take one's eyes off smb* «отвести, оторвать взгляд от кого-либо» в контексте *His letters had told me that he was very much in love with his wife, and I saw that he could hardly take his eyes off her* [9, с. 32] (рус. Из его писем я узнал, что он очень любит свою жену, и я видел, что он не может отвести от нее глаз) также получает коннотацию положительной оценки, позволяющей подчеркнуть силу чувства любви мужа к жене в описываемом примере, которое обозначено эксплицитно с помощью сочетания слов *he was very much in love with his wife*.

Примерами соматических ФЕ, приобретающих коннотацию положительной оценки в тексте произведений У. С. Моэма, являются *one's eyes light up* «глаза горят» в контексте “*Come on, then,*” he said, getting up. “*I'd like a decent meal*”. *His eyes lit up again* [11, с. 35] (рус. – Тогда пойдем, – сказал он, вставая. – Я бы хотел прилично поесть. Его глаза снова загорелись) и *to meet one's eyes* «встретиться взглядом» в *They chaffed one another a good deal and laughed a lot and every now and then their eyes met more significantly and they seemed to exchange a little private message* [12, с. 35] (рус. Они много подшучивали друг над другом и много смеялись. Время от времени их глаза встречались. Обмен взглядами, казалось, становился все более многозначительным, все более личным). Указанные ФЕ, обладая переносным образным значением, сигнализируют в то же время о существующих между этими двумя людьми доверительных личных отношениях, что подтверждается использованием сравнительной степени наречия *more significantly* (рус. более многозначительно), усиливающим значение факта обмена взглядами: *and every now and then their eyes met more significantly*.

Во многих соматических фразеологизмах с компонентом “eyes” в структуре значения отсутствует ярко выраженная оценочная коннотация, но присутствуют экспрессивная и/ или эмотивная коннотации, создающие образ описываемого в контексте действия или мнения и /или его эмоциональное восприятие (в нашем случае поведения и взаимоотношений между людьми). Рассмотрим несколько ФЕ, которые не имеют коннотации разнополюсных оценок, а приносят экспрессивность и эмоциональность в описываемые суждения и желания в представленных высказываниях, например, ФЕ *in the eyes of the world* «в глазах всего мира» создает образ преувеличенного мнения в контексте *It is not difficult to be unconventional in the eyes of the world when your unconventionality is but the convention of your set* [11, с. 25] (рус. Нетрудно быть нетрадиционным в глазах мира, когда ваша нетрадиционность – всего лишь условность вашего круга). ФЕ *to believe one's eyes* «верить тому, что видишь; верить своим глазам» в примере *I did not altogether believe my eyes* [10, с. 129] (рус. Я не совсем верил своим глазам) обозначает эмоционально-ментальную реакцию говорящего, а ФЕ *to see with one's own eyes* «увидеть своими собственными глазами» выражает чувство зависти с оттенком восхищения в следующем контексте: *I envied men who had seen with their own eyes the sights that Captain Nichols described* [11, с. 75] (рус. Я завидовал людям, которые своими глазами видели то, что описал капитан Николс). ФЕ *to give one's eye-teeth* «очень хотеть сделать что-либо, готов всё отдать, чтобы получить что-то или стать кем-то» передает чувство сильного желания, обещания или даже клятвы в примере из романа «Пирог и пиво» *Smith rejoiced in the glow of this wonderful vitality and it was damned decent of Roy to say he'd give his eye-teeth to have written a book half as good as Smith's last* [7, с. 28] (рус. Смит радовался сиянию этой чудесной жизненной силы, и со стороны Роя было чертовски благородно сказать, что

он отдал бы всё, чтобы написать книгу хотя бы наполовину такую же хорошую, как последняя книга Смита).

Примечательно, что в структуре ФЕ одновременно присутствуют два компонента-соматизма *eye* (глаз) и *teeth* (зубы), способствующие интенсификации содержащегося в ФЕ значения сильного желания, обещания, приближающегося к клятве. Внутренняя формы этой идиомы, которая восходит к началу 1800-х гг., хотя слова *eye-teeth* и *eye-tooth* датируются 1600 г., способствует пониманию смысла этой ФЕ. Указанные слова обозначают разновидность зубов, то есть клыки, которые располагаются у человека в челюсти под глазной впадиной. Наличие клыков связывают с периодом становления взрослого человека и приобретения им таких качеств, как бдительность и мудрость. Следовательно, отдать такой зуб равносильно потере мудрости. Поэтому в приведенном выше примере соматический фразеологизм *to give one's eye-teeth*, создавая образ действия, усиливает эмоциональную окраску и интенсифицирует значение обещания.

В заключение отметим, что соматические фразеологизмы с компонентом “eyes” обладают как общими со многими ФЕ семантическими особенностями, так и характерными для этой группы фразеологизмов. Уникальность соматических фразеологизмов заключается в том, что их употребление ограничено антропонимической сферой. Они отражают специфику поведения, ментальную реакцию и оценку действий человека, его взаимоотношений с другими людьми в социуме. Соматические ФЕ выполняют эмоционально-экспрессивную функцию в художественном тексте. Они являются интересным лингвистическим объектом и ценным источником информации для изучающих английский язык, так как помогают определить особенности взаимоотношений людей в различных социальных ситуациях, которые находят отражение в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка. М. : Дрофа, 2004. Сер. Высшее образование. 288 с.
2. Горбулич И. С. Сравнительный анализ английских соматических фразеологизмов с компонентом «heart» и русских фразеологизмов с компонентом «сердце» // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 9-2 (63). С. 124–128.
3. Кунин Н. К. Курс фразеологии современного английского языка. М. : Высш. шк., 1996. 381 с.
4. Николаева М. Н. Семантические особенности соматических фразеологизмов тематической группы «рука» в английском языке // Современные вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. ст. Чебоксары, 2018. С. 213–218.
5. Павлина С. Ю. Декодирование национально-культурных смыслов фразеологизмов // Вестник МГПУ. Серия “Филология. Теория языка. Языковое образование”. 2020. № 2 (38). С. 74–82.
6. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. М. : Фан, 1988. 92 с.
7. Maugham, W. S. Cakes and Ale [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://royallib.com/read/MAUGHAM_W/cakes_and_ale.html#0
8. Maugham, W. S. Mr Know-All [Электронный ресурс]. Режим доступа :

<http://drnissani.net/mnissani/world/Mr%20Know-All.htm>

9. *Maugham, W. S. Rain* [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://yablokova.net/wp-content/uploads/2018/09/maugham_somerset_sixtyfive_short_stories.pdf

10. *Maugham, W. S. Theatre* [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://royallib.com/read/Maugham_William/Theatre.html#0

11. *Maugham, W. S. The Moon and Sixpence* [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://vk.com/doc173598948_537970852

12. *Maugham, W. S. Virtue* [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://yablokova.net/wp-content/uploads/2018/09/maugham_somerset_sixtyfive_short_stories.pdf

13. *Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford University Press, 2004. 340 p.

Осипова В. В., Шугаева Н. Ю.

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СКАЗОЧНОГО ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТФИЛЬМА «ШРЕК»)

*Чувашикий государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье проанализированы лингвостилистические средства отображения речевых портретов героев в мультфильме «Шрек» режиссёров Эндрю Адамсона и Вики Дженсон снятого по мотивам детской книги. Автором были рассмотрены способы создания речевого портрета основных героев произведения. Также были исследованы фрагменты диалогов мультфильма «Шрек» на предмет конкретизации определенного лингвокультурного типажа. Были выявлены особенности речи, фонетические, грамматические и лексические особенности персонажа, а также сделан вывод.

Ключевые слова: Шрек; речевой портрет; образы героев; лингвокультурный типаж.

Шрек – полнометражный анимационный фильм, где главными героями являются известные и любимые в европейской культуре герои сказок, где традиционные сюжеты вплетены в современность. Герои живут в Средневековье, но их речь сочетается с высоким поэтическим стилем. В мультфильме присутствуют различные стереотипные языковые дискурсы, сосредоточенные на том, как изображаются различные версии латиноамериканцев и афроамериканцев. В отличие от других сказок, она рассказывается путем линейного повествования, но не с точки зрения всезнающего рассказчика. История на самом деле рассказывается через взаимодействие и диалог центральных персонажей, и поэтому это приводит к ироническому взаимодействию между персонажами.

Значительная роль в формировании художественного образа персонажей принадлежит речи самих персонажей. Как нам уже известно, традиционно различаются три вида передачи речи: косвенная речь, прямая речь и несобственно-прямая речь. Последняя объединяет две ее разновидности: косвенно-прямая речь и изображенная речь. К компетенции стилистики относится только несобственно-прямая [1], под которой понимаются, с одной стороны, специфические методы передачи чужой речи и, с другой, авторское изображение чувств, переживаний и мыслей персонажей. Гальперин И. Р. считает, что несобственно-прямая речь имеет два подвида: косвенно-прямая речь как один из способов передачи речи и изображенная речь, которая служит способом художественного изображения внутреннего состояния героя, но не является формой передачи речи персонажа [1]. Несобственно-прямая речь дает возможность автору излагать одно и то же явление или событие с разных точек зрения одновременно – с авторской позиции и через восприятие героя. Благодаря этому несобственно-прямая речь приобретает большую выразительную силу.

Шарапова Ю. В. классифицировала несобственно-прямую речь на основании структурно-семантического аспекта. В соответствии с ее исследованиями, все множественные фрагменты текста, содержащие несобственно-прямую речь, можно разделить, в первую очередь, на два вида: 1) где персонажем или персонажем-повествователем передаётся сказанное им самим либо другим лицом (внешняя речь); 2) где персонаж или герой-рассказчик погружен в собственные мысли (внутренняя речь) [2].

Например, первый вид несобственно-прямой речи мы видим в мультфильме «Шрек», когда зритель понимает суть сюжета произведения через мысли Шрека – главного героя. Мультфильм начинается так же, как типичная диснеевская сказка-клише, где Шрек открывает книгу и начинает рассказ:

“Once upon a time there was a lovely princess, but she had a terrible curse on her, which could only be broken by love's first kiss. She was locked up in a castle guarded by a terrible, fire-breathing dragon. Many brave knights tried to free her, but none of them could beat the dragon. The princess waited in a room at the top of a tall tower for her true love and true love's first kiss”.

Однако тут зеленая рука внезапно вырывает страницу из книги и Шрек говорит: «Yeah, right!». Эта сцена убедительно показывает нам ироническую сторону между персонажами и автором.

Реализацию второго вида мы можем увидеть в передаче мыслей героя “This is the part you should run away!”. Мысли Шрека напоминают зрителям, что, согласно традициям, люди должны бежать от злого огра, кричащего на них. Это доказывает, что Шрек осознает свое традиционное положение в сказках. Также восклицание здесь передаёт возбуждение и даже в какой-то мере отчаяние героя, который надеется, что походы обыкновенных граждан на его дом прекратятся.

Параллельно Шрек издает рыгающие звуки, что являются обычными

чертами поведения огра, и, включив их в фильм, создатель вводит тот факт, что, хотя он бросает вызов стереотипу, этот персонаж все еще обладает традиционным поведением огра. Так же звук яркий звук грязи выплескивающейся из ствола дерева, показывает аудитории грязную среду, в которой будет происходить следующая сцена принятия ванной. Совокупность этих приемов создает стереотипную личность Шрека.

Создатели фильма использовали самые разнообразные приемы, чтобы создать его нестереотипную сторону. Когда многие люди думают об ограх, они думают о нецивилизованных, нечистых, неандертальских существах. Существа, которые, по стереотипу, не разговаривают. В фильме персонаж Шрека явно подрывает эти стереотипы своими разговорами. Например, диалог Шрека и Осла о луке:

Шрек: FYI, there's a lot more to ogres than people think.

Осел: Example?

Шрек: Okay, er... ogres... are... like onions.

Donkey: They stink?

Шрек: Yes...NO!

Donkey: Or they make you cry.

Шрек: No!

Donkey: Oh, you leave them out in the sun and they turn brown and start sproutin' little white hairs.

Шрек: NO! LAYERS! Onions have layers. OGRES have layers. Onions have layers... you get it. We both have layers.

Donkey: Oh, you both have layers. You know, not everybody likes onions. CAKES! Everybody loves cakes! Cakes have layers!

Шрек: I don't care... what everyone likes. Ogres. Are not. Like cakes!

Donkey: You know what else everybody likes? Parfaits. Have you ever met a person, you say, "Let's get some parfait," they say, "Heck no, I don't like no parfait?" Parfaits are delicious.

Шрек: NOOO!!! YOU DENSE, IRRITATING, MINIATURE BEAST OF BURDEN! Ogres are like onions! End of story! Bye bye! See you later!

Этим диалогом Шрек подрывает свой стереотип о злом и бездушном огре, вдобавок ко всему у него довольно своеобразная личность – комичная и неординарная («NOOO!!! YOU DENSE, IRRITATING, MINIATURE BEAST OF BURDEN!»), и даже местами саркастически-пессимистичная (“End of story! Bye bye! See you later!”). Диалог между толпой и Шреком так же демонстрирует зрителям чувство юмора и сарказм Шрека:

Шрек: Yes, well, actually, that would be a giant. Now, ogres, oh they're much worse. They'll make a suit from your freshly peeled skin.

Толпа: No!

Шрек: They'll shave your liver. Squeeze the jelly from your eyes! Actually, it's quite good on toast.

Шрек играет на чувстве страха обыкновенных людей, а именно быть

убитым заживо.

Иногда Шрек использует аллюзии, чтобы показать Ослу, что второй уже нежеланный собеседник, как например:

Осел: Let me get this straight. You're gonna go fight a dragon and rescue a princess just so Farquaad will give you back a swamp which you only don't have because filled it full of freaks in the first place. Is that about right?

Шрек: You know, maybe there's a good reason donkeys shouldn't talk.

Коммуникативный потенциал человека осуществляется через «речевой портрет», который предполагает существование определённого шаблона в речи, с другой стороны, его можно представить как совокупность характеристик, составляющих вербальный имидж говорящего, то есть то, как обычно воспринимает и оценивает этого человека общественность [2]. А в нашем случае не только человека. Язык находится под влиянием социальных различий, которые появляются в обществе, таких как возраст, пол, экономическое положение и этническая принадлежность. Эти социальные факторы порождают различные виды языка. В данном мультфильме были ярко выражены диалоги одних из важных представителей Америки – афроамериканцев. Один из многих персонажей, который славится тем, что он представитель афроамериканцев в диснеевских анимационных фильмах, – это Осел. В фильме Осла выдает его манера речи, его слова и движения. Например, актер, который озвучивал Осла, так же является афроамериканцем, и в первой же сцене мы видим, как Осла изображают в традиционной исторической ипостаси, он изображается как раб.

Приведем грамматические характеристики, которые появились в высказываниях Осла:

- Использование неформальных сокращений (“All right, all right. Calm down. Look, it's not that bad. You're not that ugly. Well, I ain't gonna lie. You are ugly. Shrek's ugly 24-7”). Осел использует gonna, неформальной форму going to.

- использование другой структуры глагольной формы to be (“Uh-uh, no way. I ain't saying anything. You don't wanna listen to me. Right?”)

- множественное отрицание (“Shrek? Well, you know what I like about you, Shrek? You got that kind of I-don't-care-what-nobody-thinks-of-me thing. I like that. I respect that, Shrek. You all right”) “I don't care” and “nobody thinks of me” – это двойное отрицание. Первое отрицание выполняет всю работу по отрицанию, в то время как другое только подчеркивает отрицание. В случае этого высказывания отрицательное неопределенное существительное nobody используется только для того, чтобы подчеркнуть первое отрицание don't.

- второе лицо множественного числа y'all (“Shrek? Well, you know what I like about you, Shrek? You got that kind of I-don't-care-what-nobody-thinks-of-me thing. I like that. I respect that, Shrek. Y'll right”). Фраза y'all это сокращенный вариант от you all. В этом высказывании y'all относится ко

второму лицу множественного числа местоимения you или также означает "все вы". Тот факт, что осел использует его в своих высказываниях, показывает, что он я ркий представитель афроамериканской этничности.

• Смешение времен: “But, uh, I don't have any friends. And I'm not going out there by myself. Hey, wait a minute! I got great idea! I'll stick with you. You're mean, green, fighting machine. Together we'll scare the spit out of anybody that crosses us”.

Все высказывания, сказанные ослом, произносятся в настоящем времени, однако высказывание “I got great idea” имеет глагол прошедшего времени, который не подходит к другим высказываниям. Высказывание “I got great idea” пропускает вспомогательный элемент, необходимый для формирования правильного стандартного английского предложения. Однако упущение вспомогательного в этом высказывании идентифицируется как грамматическая характеристика афроамериканского английского.

Также рассмотрим другого представителя нации изображенного в мультфильме. Это кот, который говорит по-английски, но имеет характерный испанский акцент, второго по распространенности языка. Единственный раз, когда кот употребляет испанский язык в сцене, когда падает с коня (“Hey tú, pedazo de carne con patas, ¿Cómo te atreves a hacerme esto!?”). Здесь мы видим, что большую часть времени кот сдерживает себя, и только в момент полного отчаяния он переходит на своей родной язык, в отличие от Осла, который часто употребляет выражения характерные для афро-американского английского. “Так же кот говорит по-французски, так как “that is the only language in which you can purr”.

Таким образом, в целом, “Шрек” – очень хороший пример фильмов, демонстрирующих постмодернизм, поскольку создатели фильма включили в него ироническое взаимодействие, саркастичность, этническое разнообразие, всё, что свойственно современному миру. При создании образа Шерлока используется как прямая, так и несобственно-прямая речь. Проанализировав речь главного героя, следует заметить, что при создании его речевой характеристики в основном используется несобственно-прямая речь, для которой характерны огромное число вопросительных и восклицательных предложений. Рассмотрен так же представитель афроамериканского общества, основные характеристики, свойственные данной этничности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Galperin, I. R. Stylistics. M., 1977, 1983. 334 с.
2. Galperin, I. R. An Essay in Stylistic Analysis. M., 1968. 62 с.
3. Сценарий фильма «Шрек» [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.imsdb.com/scripts/Shrek.html>
4. Шаранова Ю. В. Несобственно-прямая речь в функциональнокоммуникативном и структурно-семантическом аспектах (на материале английского языка). СПб., 2001. 197 с.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КИНОТЕКСТА

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются способы выражения модальности в вербальном компоненте кинотекста. Были выявлены разноуровневые средства выражения модальности в речи киногероя, определены характерные особенности выражения данной категории в рамках кинотекста.

Ключевые слова: кинотекст, модальность, оценка, кинодиалог, средства выражения модальности.

Лингвистические исследования последних десятилетий характеризуются повышенным вниманием к текстам, которые выходят за рамки исключительно письменных конструктов. Все чаще в поле внимания ученых попадают произведения, включающие не только вербальные, но и невербальные знаки. Подобные семиотически разнородные тексты получают наименование полимодальных. Кинофильмы являются одной из самых сложных разновидностей подобного рода текстов, поскольку они совмещают в себе знаки, воспринимаемые через зрительный и аудиальный каналы [8].

Семиотические характеристики кинотекста получают освещение в исследовании Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой. Авторы рассматривают лингвистический компонент кинофильма как соединение двух составляющих: письменной (титры, надписи и пр.) и устной (речь актеров, закадровый текст) [10, с. 22]. В трудах отечественных лингвистов вербальный элемент кинофильма трактуется как «кинодиалог» [3; 6]. Устная речь как компонент кинотекста обнаруживает определенные особенности, к которым относятся сходство с естественной, живой речью, лаконичность, имплицитность. Данные характеристики обусловлены тем, что лингвистический компонент кинотекста находится в тесном взаимодействии с иконическим, то есть устная речь персонажей воспринимается с опорой на визуальный ряд [10, с. 142–143].

В поле зрения ученых находятся различные характеристик кинотекста. Так работа Е. Б. Ивановой посвящена анализу интертекстуальных связей в художественных фильмах [5]. А. Н. Зарецкая рассматривает использование вербальных и невербальных компонентов кинотекста при создании подтекста [4]. Однако функционирование отдельных лингвистических категорий в рамках вербальной составляющей кинотекста остается малоизученным. В частности, требуют рассмотрения особенности выражения категории модальности в устной разновидности лингвистической системы кинотекста, то есть в речи персонажей.

В качестве объекта настоящего исследования была выбрана речь ге-

роя англоязычного художественного кинофильма. Цель заключается в выявлении языковых средств, используемых для передачи модальности и определении особенностей выражения этой категории в кинотексте.

Категория модальности получает различные трактовки в лингвистической литературе. Наиболее логичной представляется интерпретация модальности как функционально-семантической категории, которая выражает «разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [7, с. 303]. Из этого следует, что, как и у прочих лингвистических категорий, у модальности должен быть план выражения и план содержания [5, с. 9]. Действительно, сутью понятийной категории модальности является выражение отношения содержания высказывания к действительности, вернее, характер этой отнесенности с точки зрения говорящего. Подобное свойство модальности подчеркивается Ф. А. Агаевой [1]. Говоря о плане выражения данной категории в английском языке, автор отмечает, что модальность манифестируется главным образом при помощи наклонения, а также лексических, лексико-фразеологических и лексико-синтаксических средств, просодии и отдельных синтаксических конструкций [5, с. 14–15]. В то же самое время британский лингвист Ф. Палмер утверждает, что в английском языке ключевая роль при выражении модальности отводится системе модальных глаголов [11].

Распространенной является точка зрения, согласно которой одной из видов модальности является оценочность. В трудах Е. М. Вольф оценка трактуется как разновидность модальности, которая накладывается на дескриптивное содержание языкового выражения. Оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами и является важным аспектом высказывания. По наблюдению Е. М. Вольф, объект может оцениваться с точки зрения «важности – неважности», «истинности – ложности», но основной для оценки является дихотомия «хорошо – плохо» [2, с. 8].

Исходя из рассмотренных теоретических положений, была выдвинута гипотеза о том, что лингвистические средства выражения модальности в кинотексте характеризуются определенной спецификой, предопределяемой семиотическим своеобразием текста. Материалом исследования послужили высказывания главного героя фильма *The Man who Knew Infinity* (2015, режиссер Мэтт Браун). Общий объем выборки составил 230 высказываний, включающих в себя 1352 слова. Каждое высказывание было проанализировано с точки зрения заключенного в нем модального значения и средств его выражения, принадлежащих к различным языковым уровням.

Исследование эмпирического материала проводилось с использованием метода сплошной выборки, описательного метода, а также лингвистического и лингвопрагматического анализа.

Изучение модальной составляющей высказываний главного персонажа фильма позволило выделить языковые средства манифестации категории модальности, относящиеся к разным языковым уровням.

На лексическом уровне средства выражения модальности были представлены модальными глаголами (41), глаголами (6) и наречиями (7) с модальным значением, а также оценочной лексикой. Наибольшее распространение получают модальные глаголы: *can* (16), *will* (12), *could* (3), *would* (3), *should* (2), *must* и *might*. Кроме того, манифестация модальности осуществлялась при помощи полумодальных глаголов *need* (4), *have to* (1) и выражения *had better* (1), которое Ф. Палмер относит к периферийным элементам модальной системы в английском языке [6, с. 25].

Другим лексическим средством выражения модальности являются наречия: *certainly* (1), *perhaps* (2), *maybe* (4). Два других наречия, *really* и *truly* подчеркивают присущую высказываниям реальную модальность. В качестве примера приведем следующее высказывание героя: *I really am quite exceptional with numbers* (0:05:34).

Используя классификацию типов модальности, предложенную Ф. Палмером, можно утверждать, что выделенные в кинотексте лексические средства выражают модальные значения, связанные с возможностью и вероятностью, то есть эпистемическую модальность. В ряде случаев выявлена модальность, связанная с обязательством и долгом или в иных терминах деонтическая модальность. Третьим видом модальности является онтологическая, которая выражает возможность и долженствование, проистекающие из объективного устройства мира (например, физическую возможность субъекта совершить действие) [11].

В рамках лексических средств выражения модальности были рассмотрены оценочные лексемы. В исследуемом тексте лексика подобного рода представлена главным образом прилагательными (*nice, kind, delicious*), несколько реже встречаются глаголы (*to value, to waste*), и существительные (*fate*). Важная роль в выражении оценки принадлежит наречиям, которые либо являются оценочными сами по себе (*perfectly*), либо выступают интенсификаторами оценки, заключенной в семантике прилагательных (*very, most*). Следует отметить, что последняя группа особенно многочисленна.

Грамматические средства манифестации модальности в лингвистической составляющей исследуемого кинотекста демонстрируют разнообразие. Наиболее частотным грамматическим средством выражения модальности в речи героя является наклонение. Глагол в каком-либо из трех наклонений (изъявительном, повелительном или сослагательном) встречается или может быть восстановлен в 182 высказываниях из 230 (79,1 %). В остальных высказываниях либо используются модальные глаголы, не имеющие наклонения, либо присутствует эллипсис, не позволяющий восстановить форму глагола. Наклонение глагола помогает выразить то, как содержание высказывания соотносится, по мнению говорящего, с реальностью. Изъявительное наклонение характерно для высказываний, содержание которых представляется как факт, а повелительное и сослагательные наклонения чаще указывают на не свершившиеся в реальности действия или такие, реаль-

ность которых не утверждается. На основе классификации видов модальности, предложенной Е. В. Падучевой, удалось выявить, что в исследуемом тексте наибольшее распространение получают средства выражения объективной реальной модальности (172 предложения) [9]. Около четверти высказываний выборки связаны с объективной нейтральной модальностью, объективная контрфактивная модальность выявлена лишь в трех высказываниях (см. таблицу 1). Необходимо отметить, что ряд высказываний характеризуется совмещением нескольких видов модальности.

Вид модальности	Кол-во предложений	Изывительное наклонение	Повелительное наклонение	Сослагат. наклонение	Наклонение не выражено
Объективная реальная	172	152	0	0	20
Объективная нейтральная	85	40	15	2	28
Объективная контрфактивная	3	1	0	1	1
	Всего: 260				

Таблица 1. Связь наклонения и видов модальности в предложениях

Помимо морфологической категории наклонения в речи героя также встречаются синтаксические средства выражения модальности. Однако их репертуар ограничен, и по своей значимости они уступают морфологическим средствам манифестации модальности. В первую очередь, на ирреальность указывают условные придаточные с союзами *if* и *unless*: *An equation has no meaning to me unless it expresses a thought of God* (1:26:12).

Кроме этого было выявлено использование различных эмфатических конструкций: *What I need is a job* (0:03:10). В исследуемом тексте выявлен один случай употребления эмфатического *do*: *You see, you do exist* (0:29:03). Подобно наклонению, данные синтаксические средства указывают на реальность-ирреальность содержания высказывания.

Достаточно скромная роль синтаксических средств выражения модальности объясняется особенностями вербального компонента кинотекста, которые заключаются в ее лаконичности и ориентированности на живую устную речь. Именно поэтому в ней редко обнаруживаются какие-либо сложные синтаксические конструкции. Это подтверждается статистическим анализом: с точки зрения структуры 184 из 230 или 80 % высказываний являются простыми предложениями, в 50 высказываниях используется эллипсис.

Таким образом, исследуемый материал показывает, что в вербальной составляющей англоязычного кинотекста модальность выражается на различных языковых уровнях. На соотнесенность содержания высказывания с объективной действительностью указывает, главным образом, морфологическая категория наклонения, которая выражает реальность или нереальность описываемого действия или события. В меньшей степени эту функцию выполняют синтаксические средства, такие как условные придаточные

и эмфатические конструкции. Лексические средства, а именно, модальные глаголы, а также глаголы и наречия с модальными значениями, выражают долженствование, разрешение, возможность и вероятность. Кроме того модальный фон высказывания создается за счет оценочных лексических единиц. Особенностью манифестации модальности в рамках вербального компонента кинотекста является сравнительно редкое использование синтаксических средств, что объясняется ориентированностью диалогов в фильме на реальную речь с опорой на видеоряд.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агаева Ф. А.* Модальность как лингвистическая категория : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1990. 47 с.
2. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М. : УРСС, 2002. 261 с.
3. *Горшкова В. Е.* Перевод в кино. Иркутск : ИГЛУ, 2006. 278 с.
4. *Зарецкая А. Н.* Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
5. *Иванова Е. Б.* Интертекстуальные связи в художественных фильмах : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 178 с.
6. *Колодина Е. А.* Смысл кинодиалога в пространстве кинодискурса: синергетический подход // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 51–56.
7. *Ляпон М. В.* Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 303.
8. *Никольская Т. Е., Павлина С. Ю.* Национально обусловленные аспекты восприятия поликодового текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 132–145. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.11>
9. *Падучева Е. В.* Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://rusgram.ru> (Дата обращения: 20.04.20)
10. *Слышкин Г. Г., Ефремова М. А.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М. : Водолей Publishers, 2004. 153 с.
11. *Palmer, F. R.* Modality and the English Modals. N.Y. & L. : Routledge, 2013. 220 p.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

12. *The Man who Knew Infinity.* Great Britain, 2015, dir. Matt Brown (144 min).

АКСИО-ФУНКЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АВТОКОММУНИКАТИВНОМ ЖАНРЕ

(на материале историко-биографической прозы кн. Б. И. Куракина)

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. В статье на основе анализа лексических заимствований в мемуарно-историческом жанре Петровской эпохи показана мотивированная языковая стратегия языковой личности, как средство сознательного сужения // расширения лексического значения и ассоциативных полей и образов русского менталитета, образующих индивидуальную аксио-сферу автокоммуникации. Констатируется, что актуальный смысл лексических заимствований формируется на основе соотношения существующих в сознании читателя ассоциативно-смысловых связей лексической единицы с ее текстовой реализацией, отражающей интенции автора.

Ключевые слова: языковая личность, языковое существование, лексические заимствования, аксио-функция лексических заимствований, автокоммуникативный жанр.

В русском историко-литературном процессе XVIII столетия мемуаристика играла особую роль, так как ее ретроспективный взгляд помогал увидеть знаковые вершины прошедших эпох и точнее определить характер современной жизни, уловить в ней зачатки будущих явлений. Документально-публицистический характер мемуарно-автобиографических записок весьма достоверно фиксировал изменения, происходящие в быту, национальном укладе жизни, в общественном сознании.

В России в XVIII веке появляются новые модели творчества: писатель воспринимает созданные им тексты, как индивидуальностные, ценные и неповторимые. Формируется новая концепция человека, светская в своей основе. Идея ценности человеческой личности, разрыв традиционных социально-корпоративных и конфессиональных связей способствовали укреплению позиций мемуарно-автобиографической литературы. Реформаторский дух Петровской эпохи заставил человека осознать себя государственной личностью, положение которой в обществе определяют на заслуги предков, а личные способности и трудолюбие.

Обращение к собственному прошлому, воспоминания о давно минувших днях располагает человека к оценке / переоценке прошлого. Жанровая природа жизнеописания обладает потенциальными возможностями для изображения внутреннего мира автокоммуниканта, выделение особых смыслов/понятий, закреплённых в лексемах; выбор лексем мотивирован предпочтением языковой личностью автокоммуниканта. Ценные для автокоммуниканта лексеммы в дневниковой модели создают аксио-сферу: «...вы-

бор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц и коммуникативных моделей поведения...» [7, с. 4].

По интенсивности и размаху мемуарно-исторических занятий кн. Куракин не имел себе равных в первой половине XVIII века в России и за рубежом [1, с. 13]. Князь Б. И. Куракин писал о причине создания автобиографии: «Сподѣваюся, читающаго сіе мое описаніе отъ самага меня и моего житія будетъ заирать на то что такъ описаль, и буду писать. И то зазрѣніе, не думаю, отъ каждой націи или народу, сподѣваюся токмо отъ нашихъ, русскаго народу, а не отъ другихъ европейскихъ, понеже тѣ обычайны въ такихъ письмахъ. Для того и я не отъ себя самага то учинилъ, но вѣдавъ обычай всѣхъ, какъ высшихъ, такъ и среднихъ и самыхъ шляхетныхъ персонъ, которыя описываютъ свой животъ, понеже и я тому послѣдствовалъ» [6, с. 244].

Представляется заслуживающим внимания рассмотрение «языкового существования» [3, с. 5] языковой личности (далее – ЯЛ) князя Б. И. Куракина на материале историко-биографической прозы: «Дневникъ и путевые замѣтки князя Бориса Ивановича Куракина 1705-1710», автобиографическая повесть «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина имъ самимъ описанная 1706», набросок исторической повести «Гисторія о царѣ Петрѣ Алексѣвичѣ 1723-1727».

Под «языковым существованием» мы, понимаем процесс взаимодействия личности с языком, в котором «язык выступает одновременно и как объект, над которым говорящий постоянно работает, приспособливая его к задачам, возникающим в его текущем жизненном опыте, и как среда, в которую этот опыт оказывается погружен и в окружении которой он совершается» [3, с. 5].

Лексические заимствования (далее – ЛЗ) в языковом существовании князя Б. И. Куракина, мы рассматриваем как лексемы, выполняющие аксио-функцию, своего рода языковую стратегию, в основе которой лежит положение о мотивированности ЛЗ как средства сознательного сужения // расширения лексического значения и ассоциативных полей и образов русского менталитета, образующих индивидуальную аксио-сферу концептов.

Все поступающие из вне языковые впечатления органически врастают в языковой мир личности: они трансформируются, окрашиваются по-другому, особым образом фокусируются в языковом мире данного человека; но и сами вновь полученные впечатления в свою очередь воздействуют на личностную среду [12, с. 21], создают индивидуальную аксио-сферу.

Полагаем, что многочисленные ЛЗ в текстах являются мотивированными (предпочтение личностью тех или иных языковых единиц: строго определенные границы могут существовать только в индивидуальном сознании [8, с. 225]) и сознательно выбранными языковыми элементами, присутствующими лишь многоязычному языковому сознанию, которые несут для автокоммуниканта аксио-смысл.

Для понимания языковой стратегии автора важно отметить, что дневник, автобиография, неоконченная история – по своей природе автокоммуникативны, рассчитаны на внутреннее «потребление», «секретны» для окружающих. В воспоминаниях автокоммуникативность размыта, сфера ее действия ограничена: она присутствует только в тех случаях, когда речь идет об «уяснении внутреннего состояния пишущего», которое «без записи не происходит» [9, с. 238]. Например, «Сіе мнѣ припало, конечно, отъ печали, понеже отъ того случая несчастливаго ни м(ал)ой забавы отнюдь не имѣль. Но уже топерь напишу, что истинно радощень былъ смерти, такъ дисперать былъ» [6, с. 285]; «Къ сему жъ объявляю: замкнулъ въ сердцѣ моемъ, политически проходить, искать какихъ себѣ добрыхъ способовъ, видявъ какъ и другіе, и положился въ волю Создателя моего и Ее заступленія – тѣ мя да управятъ и произведутъ. Такъ для тезоиментства своего былъ печалень, что стоя во церкви братцкой у ранней обѣдни, не могъ удержаться воспоминанія злости дней моего житія» [6, с. 287].

Культурно-языковая двойственность «поколения Януса» [11, с. 8] делает естественным использование иноязычной лексики в текстах Петровской эпохи. К «поколению Януса» принадлежал и князь Борис Иванович Куракин, чья автокоммуникативная деятельность до сих пор вызывает научный интерес.

Куракин Борис Иванович (1676-1727) – представитель древнего русского княжеского рода, ведущего начало от Гедиминовичей. Большую часть жизни князь Б. И. Куракин прожил за границей (Италии, Германии, Франции, Нидерландах); был одним из образованнейших людей своего времени, блестяще владел иностранными языками (французским, немецким, итальянским, голландским, английским, польским).

В юности князь Б. И. Куракин был спальником при Петре Великом и участником его «потешных» предприятий; в 1691 г. женился на Ксении Лопухиной, сестра которой, Евдокия, вышла замуж за Петра. В 1696 г. был отправлен в числе других спальников в Италию для изучения морского дела; в первые годы Северной войны участвовал во многих действиях против шведов, заслужил доверие государя. В 1707 г. ездил в Рим, чтобы убедить папу не признавать Станислава Лещинского польским королем. В 1708 г. удачно выполнил поручение царя, доставив из Киева в Глухов малороссийских епископов для избрания вместо Мазепы нового гетмана.

С 1709 г. состоял послом в Ганновере, Англии и Голландии, исполнял личные поручения Петра Великого: приглашение на русскую службу иностранцев, присмотр за учившейся в Западной Европе русской молодежью. Находясь с 1711 года в Гааге в звании посла, князь Б. И. Куракин фактически выполнял функцию русского канцлера за границей. В 1713 г. был представителем России на Утрехтском конгрессе, усердно охраняя российские интересы, в 1714 г. – на Брауншвейгском конгрессе, где безрезультатно обсуждался вопрос о мире между Россией и Швецией. С 1716 г. состоял по-

слом в Париже, где 15 августа 1717 г. заключил с Францией и Пруссией договор о дружбе, торговле и восстановлении мира в Европе. Когда в 1722 г. Петр отправился в Персидский поход, он поручил Куракину руководительство всеми действиями русских послов за границей. В 1723 г. Куракин вел в Версале переговоры о женитьбе Людовика XV на Елизавете Петровне. Назначенный в 1727 г. представителем России на Суассонский конгресс, он скончался в Париже до его начала. Не раз терпя неудачи, Борис Иванович Куракин всегда проявлял незаурядные качества дипломата, особенно в конце Северной войны, когда ему удалось удержать Англию от войны с союзной России Данией. Сен-Симон выразился о нем так: “c'etait un grand homme, bien fait, qui sentait fort la grandeur de son origine, avec beaucoup d'esprit, de tour et d'instruction”. <...>.

Сочинения Куракина, написанные характерным языком Петровского времени, изданы в первых томах «Архива князя Куракина», а завещание его, которым отказан капитал на устройство «шпиталя» (Странноприимный дом князей Куракиных в Москве), напечатано в № 2 «Русского Архива за 1893год («Журнал Министерства Народного просвещения» 1891, №1; «Вестник Европы» 1891, №9; «Русское обозрение» 1892, №1).

Компоненты коннотации ЛЗ (культурный, экспрессивный, эмотивный, образный, оценочный, идеологический, социальный и этикетный), обусловленные его узуальными связями и ассоциативной сопряженностью с контекстом, передают важнейшую для коммуникативного акта информацию [12, с. 122], делают общение субъективно окрашенным, личностно значимым, реализующим аксио-функцию лексических заимствований. И если информативность слова определяется номинативной функцией, то богатство и яркость речи, ее прагматическое и эстетическое воздействие на воспринимающего текст читателя чаще формируется коннотацией. Например, «О характеръ его [Тихона Стрешнева] описать можемъ только, что человекъ лукавой и злаго нраву, а ума гораздо средняго, токмо дошелъ до сего градусу такимъ образомъ, понеже былъ въ поддядькахъ у царя Петра Алексѣевича съ молодыхъ его лѣтъ и признался къ его нраву, такимъ образомъ, былъ интригантъ дворовой» [4, с. 63]; «И сперва объявился въ фаворъ и какъ-бы быть за перваго князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Токмо сіе не продолжалось болѣе, какъ недѣли двѣ, понеже былъ человекъ забавной и отлучался часто по своимъ деревнямъ. И такъ въ краткомъ времени потерялъ; однако-жъ остался въ прежнемъ градусѣ и правилъ или владѣлъ всѣмъ Низомъ. Но во всѣ дѣла внутреннія его величество положился и далъ управлять на Тихона Стрешнева, хотя котораго внутренно и не любилъ, ниже эстимоваль» [4, с. 74–75]; «И еще болѣе, ежели-бъ изъ фамиліи его величества есть какая притчина, на которую явилась, чтобъ касался къ предосужденію самой его величества персоны, могъ-бы, взявъ, сослать въ монастырь. Оной же князь Ромодановской вѣдалъ монастырь дѣвичей, гдѣ царевна Софія, заключенная, сидѣла, и содержалъ ее въ великой крѣпости. И когда розыски самыя царевны Софіи были, то его величество самъ распрашивалъ

ее въ присутствіи его, князя Ромодановскаго, и кромѣ его въ тѣхъ дѣлѣхъ никому конфиденціи не имѣль» [4, с. 77] и мн. др.

Актуальный смысл ЛЗ формируется на основе соотнесения существующих в сознании читателя ассоциативно-смысловых связей лексической единицы с ее текстовой реализацией, аксио-сферой существования концепта, отражающей интенции автора [12, с. 36]. Выбор единицы анализа и ее интерпретации позволяют установить, какие внутренние резервы слова обеспечивают возможность создания особого ассоциативно-смыслового образа ЛЗ. Например, ЛЗ куріезите (коріузита) (нем. *Kuriosität, curiosité* – ‘странность’, ‘необычность’; ‘любопытность’, ‘любопытство’) расширяют границы ассоциативно-смыслового образа. Ср.: «И по такой своей склонности къ морскому ходу и по своей куріезите обыкновенной ходилъ Петръ дважды въ къ городу Архангелскому видѣть море» [4, с. 69]; «... всѣмъ, кому случится быть въ Галандіи, конечно, надобно быть въ Лейденъ, и въ той академіи тѣ коріузита видѣть, изъ котораго виду сподѣваюся, что многое придасть увеселеніе» [5, с. 143]; или дериват negliжировать (фр. *negligeer* – ‘пренебрегать’, ‘небрежно относиться’, ‘не заботиться’): «Однакожь, помянутой князь Голицынъ въ своемъ проекте весьма обманулся, и былъ тѣмъ правителемъ генеральнымъ нѣсколько дней, понеже былъ человекъ, правда, ума великаго, токмо погрѣшенія многія имѣль: первое, пиль непрестанно, и для того всѣ дѣла negliжироваль; второе, великой мздоимецъ, такъ что весь Низ разориль» [4, с. 75] и мн. др.

Культурологическими маркерами личностной аксио-концептосферы языка являются ЛЗ, выступающие в узуальном аристократическом лексиконе того времени, расширяя // сужая коннотативно-ассоциативные поля [12, с. 130]; выполняют аксио-функцию для автокоммуниканта. Например, 1) расширение коннотативно-ассоциативного поля русских соответствий бунтъ – замѣшеніе и сужение коннотативно-ассоциативного полей ЛЗ ребелія – емуе: «Того-жь года, въ бунтъ, были въ великомъ страхованіи, и нѣкоторые дни были въ похоронкахъ, для того что отца князь Ивана Григорьевича тѣ бунтовщики хотели убить» [6, с. 245–246]; «Но когда указы по слободамъ стрѣлецкимъ явились о томъ избраніи и цѣлованіи креста, тогда во многихъ приказахъ началось замешеніе, и многіе полки креста не похотѣли цѣловать, объявя, что надлежитъ быть на царствѣ бѣльшему брату» [4, с. 44]; «Есть то политика для ребелій пополи римской, а паче для интересу своего государства, потому что выбираютъ папъ и въ томъ во всемъ силетца тѣми послами отъ дворовъ и всякой выбираетъ своей стороны склоннаго; а обще всѣ послы смотрѣть универсальнаго интересу, чтобъ папу не выбрали умнаго и расторопнаго, и смѣлаго, и молодаго очень, и всегда желаютъ простаго» [5, с. 190]; «А по приходѣ царскаго величества (съ) московской емуе, Долгорукой пріѣхаль въ Вильно изъ Бреста и сказываль, что по вѣдомостямъ войска Саксонскаго въ Саксоніи 27, 280 человекъ конницы и пѣхоты» [5, с. 109]; 2) сужение коннотативно-ассоциативного поля ЛЗ ре-

белліоны-стрѣльцы и расширение коннотативно-ассоциативного поля русского соответствия бунтовщики-стрѣльцы: «Въ томъ году царь Петръ Алексѣвичъ тайно из Преображенскаго и со всѣмъ дворомъ пошелъ къ Троицѣ отъ ребелліоновъ-стрѣльцовъ, и былъ тамо ажъ до осени, для того покаместъ Щагловитова привезли и голову отсѣкли» [6, с. 248]; «И того года Его Величество поворотился изъ Вѣны за бунтовщиками-стрѣльцами, которые хотели, пришедъ къ Москвѣ, всѣхъ вырубить» [6, с. 256]; 3) расширение коннотативно-ассоциативного поля русского соответствия прибыль: «И къ нимъ были всѣ чины дворовые и военные, по старому обыкновению, расписаны всѣ изъ первыхъ персонъ бояре и окольничіе, также и всѣ подъячіе и дьяки изъ приказовъ были посажены на лошадей и подъ командою Бутурлина служили, отъ которыхъ оной немалой себѣ профиктъ отъ нихъ получалъ» [5, с. 67]; «И съ того сбора сбиралось во всемъ государствѣ съ той бумаги тысячъ по 300. И съ того числа почели умножаться прибыли» [6, с. 257].

Культурно-информационный «заряд» ЛЗ-концептов является выше, значимей для понимания семантики слова (его многозначности) определенным социальным слоем; уточнения аксиосмыслов автокоммуникантом [12, с. 128]. Ср., например, употребление ЛЗ и русских соответствий:

1. *ауторія – власть*: «А Казанской дворець правилъ и весь Низъ съ великой ауторією князь Борисъ Алексѣвичъ Голицынъ, которой, по смерти царицы Натальи Кирилловны, вступилъ было во все правление государственное, какъ бы быть первымъ министромъ, въ томъ надѣяніи, что его величество къ нему естиму великую имѣль за всѣго прежнія показанныя службы во время царевны Софіи Алексѣевны...» [4, с. 75]; «Также оной [Ф.И. Ромодановский] правилъ судомъ всю гвардію Преображенскаго полку, таже оному далъ власть: во время своего отбытія съ Москвы и внѣ государства, какъ на прикладъ въ бытность свою въ Голандіи, и въ Англіи, и въ Вѣнѣ, также и въ другіе отбытности править Москву, и всѣмъ бояремъ, и судьямъ прилежать до него, Ромодановскаго, и къ нему съѣзжаться всѣмъ и совѣтовать, когда онъ похочеть» [4, с. 77]. Лексическое значение ЛЗ ауторія (фр. *autorite*) включает в себя комплекс слов: власть; органы власти; авторитет, престиж [10, с. 92], содержит семантическую информацию более значимую для полиязычных, нежели для моноязычных. Ср., в русском языке власть – 1) ‘право и возможность распоряжаться, повелевать, подчинять своей воле’; 2) ‘могущество, господство, сила’; 3) ‘должностные лица, начальство, администрация’; 4) ‘политическое господство; право управлять государством или регионом; органы, наделенные таким правом’; 5) ‘орган государственного управления, правительство’ [2, с. 135].

2. *марьяжъ – сватьба – женитьба*: «Но противная ему, князю Голицыну, партія Нарышкины и Тихонъ Стрешневъ того не допустили, опасаяся, что чрезъ тотъ марьяжъ оной князь Голицынъ съ Трубецкими и другими своими свойственники великихъ фамилей возьмутъ повоіръ (*pouvoir*) и

всѣхъ другихъ затеснять» [4, с. 55]; «Сіе приложи прежде Троицкаго походу, для того: сватьба учинилась до того времени обоихъ государей» [4, с. 53]; «И сію женитьбу въ томъ видѣ учинила [царевна Софія Алексеевна], чтобъ видѣть сыновой отъ брата своего и наслѣдниковъ къ коронѣ» [4, с. 53]. ЛЗ *марьяжъ* (фр. *marriage*) имеет лексические значения: ‘брак’; ‘замужество’; ‘женитьба’; ‘свадьба’, в русском языке свадьба – ‘брачный обряд’; ‘празднество по случаю вступления в брак’ [4, с. 1153]; женитьба – ‘вступление мужчины в брак’; ‘брачный союз мужчины с женщиной’ [2, с. 303].

3. *плезиръ – довольство – удовольствие*: «Въ ту жь мою бытность въ генварѣ такъ велики морозы были, что все каналы замерзли и вельми былъ плезиръ великъ въ Амстрадамѣ, и выходятъ всѣ гулять съ женами и съ детьми за ворота Утрехтцкія для того, что многіе на конькахъ катаются по рѣкѣ Амстеру, а за другія ворота Лейденскія, за третія Гарломскія» [5, с. 149]; «И торжествовала тогда довольность народная, такъ что всякой легко могъ видѣть, когда праздничной день въ лѣтѣ, то всѣ мѣста кругомъ Москвы за городомъ, сходные къ забавамъ, какъ Марьины рощи, Дѣвичье поле и прочее, наполнены были народомъ, которые къ великихъ забавахъ и играхъ бывали, изъ чего можно было видѣть довольность житія ихъ» [4, с. 50]; «... [был прислан] князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, которой былъ человекъ набожной и справедливой и весьма противной царевны Софіи Алексѣевны, со всякимъ братскимъ обнадеживаніемъ и дружбы, соболѣзнуя о такой притчинѣ и прочее, и что будетъ стараться всячески все учинить ко удовольствию его – любимаго брата своего» [4, с. 59]. Лексическое значение ЛЗ *плезиръ* (фр. *plaisir*) включает в себя пять значений: ‘удовольствие’, ‘радость’, ‘развлечение’, ‘увеселение’, ‘наслаждение’ [10, с. 752], русское соотвѣтствие удовольствию имеет значение: 1) ‘чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний’; 2) ‘то, что вызывает, создает такое чувство’; ‘приятное развлечение, забава’ [2, с. 1375]; *довольство* – 1) ‘чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения’; 2) ‘материальный достаток, зажиточность’ [2, с. 266].

4. *фаворъ – милость*: «Въ тожь время фаворъ къ Лефорту продолжался, токмо былъ для однихъ вечеринокъ и пировъ, а въ дѣлахъ оной Лефортъ силъ не имѣлъ и на мѣшался, и правленія никакого не имѣлъ, токмо чинъ адмирала и генерала отъ инфантеріи» [4, с. 76]; «Но въ тожь время Александръ Меншиковъ почаль приходитъ въ великую милость, и до такаго градуса взошелъ, что все государство править почитай, и дошелъ до градуса фельдмаршала, и учинился отъ цесаря сперва графомъ имперскимъ, а потомъ вскорѣ принцомъ, а отъ его величества дукомъ ижерскимъ» [4, с. 76]. Лексическое значение ЛЗ *фаворъ* (фр. *faveur*) имеет значение: ‘милость’, ‘благосклонность’, ‘любезность’, ‘расположение’, ‘покровительство’ [10, с. 440], в русском языке милость – 1) ‘доброе, великодушное, благосклонное отношение к кому-л.’; 2) ‘доброе дело, благодеяние’; 3) устар. ‘Тот, кто имеет более высокое положение в обществе’ [2, с. 542].

ЛЗ явились культурологическими маркерами особой страты, ориентированной на пресуппозицию определенного социального слоя [12, с. 132]. Актуальными концептами в языковой деятельности князя Б.И. Куракина являются ЛЗ, функционирующие в качестве концептов и служащие для расширения // сужения лексического значения слова, коннотации дополнительных значений, а также для расширения // сужения бесконечных ассоциативных полей, свойственных национальному (русскому) сознанию, и играющие особую роль в личностной аксио-концептосфере многоязычной личности в автокоммуникативном жанре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антюхов А. В.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2003. 42 с.
2. *Большой толковый словарь русского языка* / ИЛИ РАН. СПб. : Норинт, 1998. 1535 с.
3. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : НЛО, 1996. 351 с.
4. *Гисторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ 1682–1694. Сочиненіе князя Б. И. Куракина.* Архив князя Б. П. Куракина. Т. I–X (1676–1727). СПб., 1890–1892.
5. *Дневник и путевыя замѣтки князя Бориса Ивановича Куракина 1705–1710».* Архив князя Б. П. Куракина. Т. I–X (1676–1727). СПб., 1890–1892.
6. *Жизнь князя Бориса Ивановича имѣ самимъ описанная 1676–1709.* Архив князя Б. П. Куракина. Т. I–X (1676–1727). СПб., 1890–1892.
7. *Карасик В. И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М., 2019.
8. *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. М. : Языки русской культуры, 2000. 341 с.
9. *Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Учен. зап. Тартусского ун-та. Тарту, 1973. Вып. 308. С. 229–307.
10. *Французско-русский словарь активного типа.* Под редакцией В. Г. Гака и Ж. Триомфа. М. : Русский язык, 1991. 1005 с.
11. *Хютль-Фольтер Г.* Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 1987. Bd. 33, S. 7–21.
12. *Ясинская М. Б.* Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность : На материале историко-биографической прозы князя Б.И. Куракина : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Москва, 2004. 297 с.

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Гурин В. В., Субботин Н. С.

НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются лингвистические особенности текстов социальной англоязычной рекламы. В работе рассматривается понятие социальной рекламы, обосновывается её значимость и актуальность в современном социуме. Авторы особое внимание уделяют исследованию грамматических, лексических и стилистических характеристик рекламного текста. Наиболее частотными языковыми средствами, используемыми в текстах социальной рекламы, являются эллиптические, императивные конструкции, синтаксический параллелизм, а также стилистические тропы (метафора, метонимия, ирония, олицетворение).

Ключевые слова: рекламный текст, социальная реклама, английский язык, грамматические особенности, лексические особенности, стилистические приемы.

В современном мире реклама является важной и значимой частью общества. Имея большое количество способов подачи, реклама связана со всеми сферами деятельности современного человека. Благодаря такой тесной связи в рекламе отражаются ценности и интересы общества, она оказывает влияние на взгляды и отношение человека к другим людям и к самому себе, формирует модель поведения человека в различных ситуациях.

В настоящее время реклама используется в целях обозначения и решения различных социальных проблем. Социальная реклама не несет какую-либо экономическую цель, она направлена на популяризацию спорта, борьбу с вредными привычками, защиту детей, установление гармоничных отношений в социуме. Этот тип рекламы является эффективным способом коммуникации, так как социально ценная идея воспринимается аудиторией как собственное знание и побуждает аудиторию к действию [1].

Социальная реклама имеет огромный потенциал. При этом круг проблем, на которые направлена реклама, а также предлагаемые способы их решения во многом зависят от особенностей исторического развития, экономического и социального благополучия, а также традиций, культуры и менталитета аудитории.

Главным рекламодателем чаще выступает государство, использующее идеологическую, воспитательную, образовательную, информационную

и агитационную функции социальной рекламы. Являясь самостоятельным видом коммуникации, социальная реклама является объектом наблюдения людей.

Эффективность рекламного текста во многом зависит от использования многочисленных языковых средств и способности их взаимодействия. Социальная реклама несет воздействующую функцию, вследствие чего в ней используются соответствующие функциональные возможности предложений, частей речи, отдельных слов, участвующих в пробуждении сознания аудитории.

Грамматическая сторона текстов социальной рекламы имеет некоторые сходства с другими типами рекламы. Как и в других видах рекламных сообщений, в социальной рекламе традиционно используются формы настоящего времени, а именно, the Present Simple Tense. Глагол используется преимущественно в форме императива и действует как вежливая просьба, побуждение действовать определенным образом:

- Don't ride too fast [6];
- Join us to fight for a child's future [6].

Хотя тексты социальной рекламы могут побуждать аудиторию делать денежные взносы и пожертвования, такие глаголы, как pay, donate, buy, как правило, не используются, так как их употребление может вызвать негативную реакцию на рекламное сообщение. Вместо них используются глаголы get, try, help, join.

Особого внимания заслуживает использование эллипсиса в рекламных текстах. Под эллипсисом подразумевается намеренный, не искажающий смысл, пропуск слов в высказывании. Полные фразы и законченные предложения встречаются довольно редко, так как решающее значение в среде, загроможденной иной информацией, играет восприятие. Эллипсис позволяет сделать сообщение более коротким и, следовательно, более эффективным:

- Be the difference (first aid) [6];
- Air (the value of the clean air) [3].

Часто в социальной рекламе встречаются высказывания в формате «проблема-последствие», которые указывают на существующую проблему и опасность ее игнорирования:

- Destroying nature is destroying life [4];
- Your beauty. Up to smoke [4].

Для привлечения внимания аудитории создателями социальной рекламы используются бинарные связи. Предложение делится на две взаимосвязанные части. Слово, подчеркиваемое в первой части, противопоставляется элементу, выделенному во второй части. Успех подобных конструкций определяется предельной краткостью сообщений:

- Use mobile. Save paper [3].

Еще одной грамматической особенностью текстов социальной ре-

кламы является синтаксический параллелизм. Под этим понятием подразумевается однотипное синтаксическое построение следующих друг за другом частей высказывания, фраз и предложений [2]. Данный прием актуализируется в составлении предложений с определенным порядком слов:

- *Don't act like pedestrian when you're on wheels. Don't turn without signaling* [3].

Подбор лексических единиц для текстов социальной рекламы обусловлен их способностью передать максимально важную информацию. Следовательно, каждое слово занимает определенное место в сообщении и, взаимодействуя с другими словами, способствует цельной подаче информации. На выбор лексики в большей степени влияет аудитория, к которой обращено сообщение, например, к людям, страдающим от заболеваний:

- *Heart attack stops life, before it has truly begun* [3].

Использование узконаправленной лексики позволяет привлечь внимание аудитории, а также обеспечить понимание весомой информации.

При создании рекламы должна также учитываться уместность использования различных лексических форм. Если они использованы неправильно, происходит разрыв между издателем и адресатом, а текст рекламы теряет побуждающий эффект. Зачастую подобное происходит при использовании сниженной лексики или агрессивного тона обращения к аудитории.

В рекламных сообщениях используется большое количество выразительных средств, что обусловлено потребностью усиления смысловой нагрузки текста сообщения.

Широко распространено деление выразительных средств на изобразительные и собственно выразительные. Изобразительные средства языка подразумевают случаи использования слов, фраз и словосочетаний с целью создания образа, объединяя все их виды термином «тропы». Выразительные средства используются для повышения выразительности и эмоциональности речи посредством употребления особенных синтаксических построений.

Однако такое деление условно, так как выразительные средства, подобно изобразительным, способны участвовать в создании образов, а изобразительные – служить усилению выразительности текста.

Более широкое распространение имеет деление на выразительные средства языка и стилистические приемы. Рассмотрим некоторые стилистические средства более подробно.

Одним из самых частотных стилистических приемов в текстах социальной рекламы является метафора. Этот троп основан на схожести и различности явлений. Словосочетание является метафорическим, когда оно используется в переносном смысле, создавая тем самым компактность и образность употребляемого выражения:

- *An unwashed vegetable can become a deadly weapon* [5];
- *Your child is what you eat* [4];
- *Be more online at life* [4].

Частотными в текстах социальной рекламы являются абсолютные метафоры, сравнивающие два термина, не связанных между собой:

- That is worth less than a dead didgeridoo [5];
- We faced a scallywag of tasks [5].

Издателям рекламы нужно быть осторожными с использованием такой метафоры ради создания пронизательной линии в тексте, так как неправильно истолкованная метафора лишь оттолкнет адресата.

Часто в текстах социальной рекламы используется метонимия, употребление названия одного предмета вместо названия другого предмета на основании внешней или внутренней связи между ними [2].

Как и метафора, метонимия основана на смежности таких понятий, как: материал и предмет, изготовленный из него (glass – a glass), место и человек, находящийся в нем (chair – the chair/chairperson), часть и целое (hands of a man) и т.д.

Являясь формой ассоциации, метонимия особенно сильна в аргументации. Она не только связывает два разнородных признака, но и косвенно аргументирует их сходство.

- World's food day. (childhood hunger) [5];
- In traffic every audio may be goodbye [3];
- Dogs cure depression, adopt one [3].

Ирония является одним из самых выразительных средств, используемых в социальной рекламе. Принцип данного приема основан на скрытой насмешке, противоречии истинного смысла явному (If there's one thing I can't stand, it's intolerance. An oral contract isn't worth the paper it's written on). С помощью такого приема создается впечатление, что обсуждаемое явление или предмет не такой, каким кажется.

Несмотря на составляющую насмешки в иронии, ее не стоит путать с юмором, так как ирония не всегда вызовет смех, но может вызвать раздражение, сожаление и недовольство. Однако столкновение положительного и отрицательного всегда неожиданно и, взаимодействуя с контекстуальными значениями, чаще всего вызывает юмористическое отношение к сообщаемым фактам:

- Need money for my family in the rainforest (An advertising poster on the tree) [4];
- You'll never worry about lipstick on your teeth again (meth) [4];
- No one think's they'll lose their virginity here. Meth will change that [5].

Особого внимания заслуживает широко используемый вид аллегии – олицетворение. Под олицетворением подразумевается перенос свойств и качеств человека на неодушевленные предметы или какие-либо понятия с целью усиления выразительности и создания образности:

- An artery can separate you forever [3];
- Smoking kills [3];
- Beware of evil food [5];
- Warm clothing also save lives [3];

- Words kill wars [5].

В процессе исследования грамматических особенностей текстов социальной рекламы было отмечено широкое использование повелительных глаголов, побуждающих аудиторию к действию, рассмотрены особенности употребления эллипсисов и типов предложений, свойственных рекламному тексту. Лексические особенности зависят от конечной аудитории, на которую рассчитана реклама. В стремлении сделать текст выразительным и запоминающимся нельзя забывать, что используемые в рекламе слова должны быть уместны. При исследовании текстов особое внимание было уделено стилистическим особенностям социальной рекламы. Именно с помощью стилистических приемов текст социальной рекламы становится красочным и выразительным, а потенциал воздействия рекламы возрастает. Использование таких средств, как метафора, метонимия, ирония и олицетворение делает текст неоднородным, интересным и действенным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Николайшвили Г. Г.* Социальная реклама: Теория и практика: учебное пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2008. 191 с.
2. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1976. 543 с.
3. *20 примеров социальной рекламы* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/20-primerov-socialnoj-reklamy-hlestkoj-kak-poschetchina-2148215/>
4. *Benefits of social media advertising* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://digitalreview.co/benefits-social-media-advertising-social-advertising-examples/>
5. *Creative Personification Ads in Advertising* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://naldzgraphics.net/30-creative-personification-ads-in-advertising/>
6. *Pretty Ugly: Wildlife Crime* [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=tFL4_NyNaZg

Мартынова И. Н.

COVID-19 И ИЗМЕНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье дается анализ лексических единиц, связанных с понятием COVID-19, появившихся в английском языке в 2020 году во время пандемии коронавируса. Исследование было проведено на основе материалов Оксфордского словаря английского языка. В работе представлены примеры того, какие слова стали популярными в связи с глобальными изменениями, а также какие фразы расширили своё значение. Выделяется ряд слов, возникших в результате словосложения для обозначения новых жизненных реалий. Анализу подвергается акроним COVID-19, его проис-

хождение и варианты написания наряду с некоторыми слэнговыми формами.

Ключевые слова: COVID-19, коронавирус, Оксфордский словарь английского языка, языковые изменения.

Две тысячи двадцатый год стал особенным для всего человечества и привнёс в нашу жизнь множество изменений. Пандемия коронавируса COVID-19 стала и продолжает оставаться настоящим неприятным испытанием для жителей всех стран мира. Новые реалии жизни, возникшие под влиянием распространения коронавируса, неизбежно находят отражение в языке. В данной статье мы хотели бы рассмотреть некоторые аспекты таких изменений в английском языке на примере Оксфордского словаря английского языка.

В апреле 2020 года авторы Оксфордского словаря английского языка сделали то, чего ещё не было за всю историю существования данного издания. На протяжении последних двадцати лет они публиковали обновления с информацией о новых словах и значения, выбранных для включения в оксфордский словарь, каждый квартал, то есть в марте, июне, сентябре и декабре [3].

Однако в конце весны 2020 года, а также снова в июле, редакторы словаря выпустили специальные обновления. Эти экстренные выпуски вышли по причине необходимости задокументировать изменения, уже произошедшие и происходящие в английском языке из-за распространения в мире коронавирусной инфекции [11].

Хотя составители словаря зафиксировали достаточно много языковых изменений, связанных с коронавирусом, некоторые результаты их наблюдений достаточно неожиданы. Например, они утверждают, что пандемия породила всего лишь одну по-настоящему новую лексическую единицу: акроним COVID-19.

Большинство из зарегистрированных языковых изменений, вызванных коронавирусом, по словам автором словаря, касаются уже существовавших раньше слов, зачастую малоупотребительных слов. Наряду с этим пандемия очень быстро сделала более употребительными ряд фраз, например, *reproduction number* и *social distancing*.

2020 Daily Mirror (Nexis) 25 May 30 Left to itself coronavirus has a reproduction number of about three, but estimates vary [8].

2020 Tampa Bay (Florida) Times (Nexis) 25 Mar. Residents should redouble their efforts to follow federal guidelines regarding social distancing and limiting contact with others [10].

Интересно отметить, что в результате пандемии коронавируса, термин «социальное дистанцирование», кажется, уже прочно вошёл в русский язык. Если раньше его употребление было достаточно ограниченным и касалось в основном лишь сферы межкультурной коммуникации, то в эпоху панде-

мии о необходимости соблюдения социальной дистанции знают очень многие россияне.

Исследователи также зарегистрировали появление новых сложных лексем, возникших путём сложения уже существующих в английском языке слов.

Оксфордский словарь английского языка претендует на роль самого авторитетного и полного издания, отражающего словарный запас и этимологию лексических единиц английского языка [5].

Отдельные части первого издания Оксфордского словаря вышли в свет в 1884 году. Само же первое издание было завершено лишь в 1928 году. В последующие годы публиковались дополнительные тома с новыми словами, и это были дополнения к первому изданию. Все вместе они были объединены во второе издание словаря, которое было издано в 1989 году. Именно эта версия Оксфордского словаря представлена в большинстве библиотек. Первая цифровая версия словаря на компакт-дисках появилась в 1992 году.

В марте 200 года словарь запустил свою онлайн версию. Для этого, третьего издания словаря, его авторы пересматривали словарные дефиниции первого издания, многим из которых на тот момент было больше ста лет. Из-за своего размера новое, третье издание, будет выпущено лишь в электронном виде, а пересмотр и проверка словарных дефиниций может продлиться до 2034 года.

Одновременно с этим редакторы словаря продолжают документировать изменения, происходящие в английском языке практически каждый день. В ежеквартальных отчётах представляются новые слова и пересмотренные значения слов, уже давно существующих в языке. Например, в сентябрьском выпуске можно найти такие слова как *craftivist* и *Cookie Monster* [7].

Специальные обновления, посвященный тематике коронавируса, дают нам возможность увидеть, как быстро может меняться язык на фоне социальных и экономических проблем. Например, одним из последствий пандемии стало то, что малопонятные неспециалисту медицинские термины за короткое время вошли в топ употребляемых.

Обычно издатели словарей включают в них научные и технические термины, только если последние находят широкое употребление вне своей профессиональной сферы. Так часто происходит с названиями лекарств, поскольку существуют тысячи наименований различных препаратов. К примеру, в словарях можно найти такие слова как *Ritalin* или *Oxycotin*, но при этом вы не найдёте слова *Aripiprazole*.

Во время пандемии коронавируса как минимум два наименования лекарственных средств вошли в обиходное употребление многих людей, говорящих на английском (и не только на нём!) языке.

Hydroxychloroquine, лекарство от малярии, разрекламированное в качестве чудодейственного средства от коронавируса, было добавлено в

Оксфордский словарь в июле, хотя само название данного средства было впервые упомянуто в 1951 году.

2020 *Irish Independent (Nexis) 10 July 17 A string of studies... have found chloroquine and hydroxychloroquine ineffective against Covid-19* [6].

Ещё одним ставшим совсем недавно популярным средством является *dexamethasone*, кортикостероид, позволяющий снизить смертность от коронавируса. В печати это слово появилось в 1958 году, и было включено во второе издание словаря. В июльском обзоре авторы добавили примеры употребления данного слова в контексте борьбы с коронавирусом.

2020 *Times 17 June 1/1 Dexamethasone, a decades-old steroid that costs about 50p a day, was found to reduce Covid-19 deaths by up to one third for the sickest patients* [3].

В обновлениях также можно найти примеры новых вариантов употребления таких терминов как *community transmission* (впервые употреблён в 1959 году) и *community spread* (было впервые опубликовано в 1903 году).

Термины, обозначающие социальную изоляцию, появились задолго до того, как в нашу жизнь вошёл COVID-19, но в 2020 году они впервые получили настолько широкое распространение.

Например, понятия *self-isolation*, *self-isolated* и *shelter in place* в современных условиях стали употребляться с несколько иными оттенками значений.

Некоторые термины стали употреблять в новых значениях. Изначально фраза *shelter in place* означала поиск убежища в случае возникновения непредвиденной чрезвычайной ситуации, такой как торнадо или нападение вооружённого преступника. Сейчас данное выражение в основном используется для обозначения длительного периода социальной изоляции.

1994 *Charleston (W. Va.) Daily Mail (Nexis) 6 Aug. 1 A Because of an incident involving the WOWK-TV helicopter during a recent chemical leak, a plant official would like air space automatically restricted in areas where a shelter-in-place is called.*

2020 *St. Paul Pioneer Press (Minnesota) (Nexis) 24 Mar. This will not be able to be a shelter in place for a week to two weeks. It will probably have to look more like multiple weeks to months to get the desired effect* [9].

Нечто схожее произошло и с фразой *elbow bump*. Она развилась из обозначения жеста, схожего по своему значению с жестом *high five*, до наименования формы приветствия, которое может использоваться в условиях запрета на рукопожатия. Впервые это выражение было зарегистрировано в словаре в 1981 году.

1981 *Miami News 13 Feb. (Home ed.) c1/2 Gene Banks of the Duke basketball team speaks of the hand slap, high five,..elbow bump and other varieties of shakin'.*

2020 *Evening Times (Glasgow) (Nexis) 28 Mar. 9 Before strict social distancing rules came into force, Abby and her mother Joanne visited her grandmother, great-grandmother and aunty to share some birthday cake and*

greet them with a safe elbow bump [4].

В языке COVID-19 также можно встретить региональные варианты. Термин *self-isolate* в большей степени распространён в британском английском, в то время как американцы предпочитают употреблять слово *self-quarantine*. В США и Австралии наблюдается использование слэнгового наименования коронавируса, *Rona* или *rona*. Однако составители оксфордского словаря не сочли, что данное слово получило достаточное распространение для того, чтобы быть включённым в словарь.

Важным вопросом для лексикографов является насколько долго и широко используется тот или иной термин для того, чтобы быть включённым в словарь. Пандемия COVID-19 породила достаточно много новых терминов, являющихся сочетаниями других слов. Ряд таких терминов находится под пристальным наблюдением исследователей на предмет включения в оксфордский словарь. Это такие слова как *maskne*, или сыпь, возникающая на лице в результате ношения маски; *zoombombing*, или вторжение незнакомых людей в конференцию в Zoom, и *quarantine*, коктейль, употребляемый в изоляции.

Среди других новых сложных слов можно выделить *covidiot*, человек, игнорирующий рекомендации по профилактике коронавируса; *doomscrolling*, или пролистывание новостной ленты на смартфоне с целью избежать новостей об ужасах коронавируса, и *hamsterkauf*, панические закупки перед началом периода самоизоляции. Останутся ли эти слова в широком употреблении после окончания пандемии, остаётся только догадываться.

Что же касается самого термина COVID-19, он впервые появился в отчёте Всемирной организации здравоохранения 11 февраля 2020 года как сокращение от фразы *coronavirus disease 2019*. Но как же следует правильно обозначать этот термин на письме: COVID-19 или Covid-19? Издатели Оксфордского словаря сообщают, что и здесь мы имеем дело с региональными вариантами. Написание COVID в основном используется в США, Канаде и Австралии, в то время как вариант Covid распространён в Великобритании, Ирландии, Новой Зеландии и Южной Африке.

Поскольку оксфордский словарь английского языка составляется и издаётся в Англии, в нём преимущественно используются британские формы. В онлайн версии статья о коронавирусе озаглавлена Covid-19 [1].

Ранее кризисы в здравоохранении также приводили к появлению новых акронимов и терминологии. Почти сорок лет назад в английский язык вошли слова AIDS и HIV. Тем не менее, они появились в Оксфордском словаре только когда вышло его второе издание в конце 1980-х.

Сейчас, когда обновления выходят в интернете, издатели имеют возможность отслеживать и фиксировать изменения в языке в режиме реального времени, что делает наши представления о современном состоянии английского языка гораздо более реалистичными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Covid-19, n.* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.oed.com/view/Entry/88575495?redirectedFrom=covid+19#eid>
2. *Corpus analysis of the language of Covid-19* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://public.oed.com/blog/corpus-analysis-of-the-language-of-covid-19/>
3. *Dexamethasone, n.* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.oed.com/view/Entry/51654?redirectedFrom=dexamethasone#eid>
4. *Elbow, n.* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.oed.com/view/Entry/60163?redirectedFrom=elbow+bump#eid1305595900>
5. *Guide to the third edition of the OED* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.oed.com/public/oed3guide/guide-to-the-third-edition-of>
6. *Hydroxychloroquine, n.* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.oed.com/view/Entry/89047967?redirectedFrom=hydroxychloroquine#eid>
7. *New words list September 2020* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://public.oed.com/updates/new-words-list-september-2020/>
8. *Reproduction, n.* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.oed.com/view/Entry/163102?redirectedFrom=reproduction+number#eid1308929610>
9. *Shelter in place, n.* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.oed.com/view/Entry/88513093?rskey=HXWOOd&result=1&isAdvanced=false#eid>
10. *Social distancing, n.* [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.oed.com/view/Entry/88377097>
11. *Using corpora to track the language of Covid-19 : update 2* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://public.oed.com/blog/using-corpora-to-track-the-language-of-covid-19-update-2/>

Моисеева А. С., Гордеева Н. Г.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «СУЕВЕРИЕ» В ЛЕКСИКОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению понятия «суеверие» в лексикологии современного французского языка. Также выявлены сущность и содержание понятия «суеверие», виды суеверий, их классификация, проведено сопоставление примет во французском и русском языках. Была затронута проблема использования примет в повседневной жизни человека, в результате чего выявлены причины суеверий, которые могут помочь лучше понять окружающих, а также не предпринимать нежелательные действия в обществе.

Ключевые слова: суеверие, лексикология французского языка, сходные и противоположные суеверия, причины суеверий.

На протяжении всей истории человечества люди замечали некоторые странные закономерности, которые приводили к необъяснимым событиям.

В течение долгого времени исследователи изучали и продолжают изучать такие ситуации. Причем эти события приводили как хорошим, так и плохим последствиям. В ходе исследования ученые назвали эти закономерности «приметы» и «суеверия».

Хотя в большинстве случаев такие закономерности являются простым совпадением, а не знаком высших сил, но многие люди продолжают в них слепо верить. Народные суеверия появились еще тогда, когда появилось само человечество. И это говорит о том, что они являются средством передачи информации от предков к предкам.

В современном мире суеверия настолько сильно закрепились в нашей повседневной жизни, что они стали неотъемлемой частью нашего существования. Приметы и суеверия часто ассоциируются с магическими обрядами, злыми духами и религией. И все это создает атмосферу таинственности и загадочности, а тема, которая включает в себя эти загадки и секреты, которые до сих пор являются нераскрытыми, все больше привлекает внимание исследователей.

В каждой культуре существует большое количество примет. При этом значения примет разных народов могут быть одинаковыми и полностью противоположными по смыслу. Может быть такое, что суеверия одной культуры могут показаться странными и непонятными для народов других стран. В данной статье мы рассмотрим суеверия, с точки зрения лексикологии современного французского языка, сравнивая их с суевериями в русском языке. Но прежде всего, рассмотрим сущность и содержание понятия «суеверие».

Суеверие – вера в то, что некоторые явления и события представляют собой проявление сверхъестественных сил или служат предзнаменованием будущего [2].

Австрийский психолог, психоаналитик, психиатр и невролог, основатель психоанализа Зигмунд Фрейд (1856–1939) считает, что суеверие – это результат проекции, то есть перенесения человеком вовне неосознаваемых мотивов своего поведения. Смутно ощущая внутреннюю обусловленность своих поступков, но не находя им удовлетворительного объяснения, суеверный человек, подобно параноику, начинает помещать источник суеверий во внешний мир. Французский философ, антрополог и этнолог, профессор Сорбонны, член Академии моральных и политических наук Люсьен Леви-Брюль (1857–1939) полагает, что суеверия – это разновидность коллективных представлений, возникающих посредством передачи от поколения к поколению в результате действия механизмов внушения, заражения и подражания [3].

Функция магических верований заключается в защите индивида от страха старения и смерти, от страха перед реальностью. Убеждения, созданные воображением и фантазией человека, ослабляют чувствительность к боли бытия. Человеку становится легче переживать утраты, неудачи, одиночество, горе, безответную любовь, депрессию, неизбежность смерти и т. д. [1].

Как и в любой другой стране, во Франции существует множество суеверий. И Франция, и Россия славятся богатством своей культуры, традициями и фольклором. Французский и русский фольклор имеют сильные различия и, следовательно, суеверия носят различный характер. Немаловажную роль в различии суеверий играет еще и то, что большинство людей нашей страны православные, а большинство людей, проживающих во Франции – католики. Следует также добавить, что сходства и различия суеверий в России и Франции зависят еще и от истории двух разных стран, так как все суеверия идут из прошлого.

Несмотря на то, что русская культура сильно отличается от французской, и страны проходили разный исторический путь, многие приметы и суеверия совпадают. В первую очередь это приметы, которые имеют общее значение по всему миру (например, счастливые и несчастливые числа, суеверия о зеркалах и погоде, некоторые приметы, связанные с животными и др.).

Проблема примет и суеверий неоднозначна. Она является причиной для дискуссий среди исследователей, так как при рассмотрении данной проблемы раскрываются такие темы, как религия, психология, культурная и духовная жизнь людей, вопросы о предопределении судьбы и нечистой силе. Но в любом случае приметы и суеверия играют одну из важных ролей в жизни общества [4].

Рассмотрим виды суеверий:

- различные: встречаются только в России или во Франции;
- сходные: полностью совпадают по значению;
- противоположные: встречаются и в России, и во Франции, но имеют противоположное значение.

Различные

Хорошие приметы в России:

- Сын на мать похож, а дочь на отца – дети будут счастливыми.
- Голубь или другая птичка испачкала вам одежду, пометили машину или попали прямо на тело – к деньгам.
- В доме увидели паучка – к добру.
- Прыщик на носу – в человека кто-то влюбился.
- Вставать с восходом солнца – удача на весь день.
- Со стола упала ложка или вилка – в дом придут гости.
- Не узнаешь знакомого человека – быть ему богатым.
- Посидеть перед дальней дорогой – к удаче в дороге.
- Зачесался нос – к большому веселью в компании.
- Случайно рассыпать сахар – к любви.

Плохие приметы в России:

- Баба с пустым ведром – плохой день.
- Стричься в новолуние или стричь самого себя – укорачивает жизнь.
- Взять деньги в руки вечером.

- Вынести вечером или ночью мусор из дома – к смерти близкого человека.
- Пустые бутылки и ключи на столе – к финансовым потерям и слезам.
- Дарить часы, ножи и шарфы – к расставанию, к появлению врагов, к слезам соответственно.
- Стоять на пороге дома, говорить или передавать что-либо через порог – к несчастью.
- Сидеть на столе – к смерти или бедности.
- Садиться незамужней девушке на угол стола – к неудачам в замужестве в течение 7 лет.

Хорошие приметы во Франции (porte-bonheur):

- Дотронуться до головного убора французского матроса (Toucher le pompon rouge du béret d'un marin) – к счастливому дню.
- Увидеть радугу (Voir un arc en ciel) – к удаче.
- Найти монетку вашего года рождения (Trouver une pièce avec notre année de naissance, porte chance).
- Увидеть взлетающую божью коровку (Voir une coccinelle s'envoler) – к счастью, сколько точек на божьей коровке, столько месяцев счастья.

Плохие приметы во Франции (porte-malheur):

- Раскрыть мокрый зонт в доме (Ouvrir un parapluie dans une maison) – к несчастью
- Не смотреть человеку в глаза, когда вы чокаетесь бокалами и делаете первый глоток – к неудаче в интимной жизни
- Надевать новую одежду в пятницу (Mettre des habits neufs un vendredi) – к несчастью
- Скрестить 2 ножа на столе (Croiser deux couteaux sur une table) – к неудаче
- Подарить хризантемы или гвоздики (Offrir des chrysanthèmes ou des oeillets) – к смерти
- В церкви не зажигать свою свечу о чужую – все просьбы и желания перейдут к другому человеку.
- 13 человек за столом – к несчастью

Сходные

Удача		Неудача	
Постучать по дереву, когда загадываешь желание	Toucher du bois en faisant un souhait	Пятница, 13	Quand le 13 du mois est un vendredi
Найти клевер с 4-мя листочками (или цветок сирени).	Trouver un trèfle à quatre feuilles	Разбитое зеркало	Casser un miroir
Разбитая посуда	Casser du verre blanc	Встретить чёрную кошку	Croiser un chat noir

Подвесить подкову над входной дверью	Accrocher un fer à cheval au – dessus de la porte	Рассыпанная соль	Renverser du sel sur la table
В ночь перед экзаменом выйти на балкон и крикнуть «Халява приди!»	Перед экзаменом студенты идут к статуе Мишеля Монтень и держатся за правую «счастливую» туфлю философа	Пройти под прислоненной к стене лестнице	Passer sous une échelle

Во Франции тоже верят в то, что чёрные кошки приносят неудачу, поэтому они стараются обходить их стороной. Но трехцветных кошек они боятся больше. Во Франции, если трёхцветная кошка перебежала дорогу человеку, то это приведет человека к гибели в автокатастрофе. Также девушка, которая наступила на хвост кошке, проведет целый год в одиночестве [5].

Противоположные по значению

Суеверие	В России	Во Франции
Поднять булавку Trouver et ramasser une épingle, amène la chance toute la journée	К несчастью	К счастью
Встать не с той ноги Marcher sur l'étron des animaux de compagnie	К неудаче в течение дня Le droit pied (правая нога) – к неудаче	Le gauche pied (левая нога) – к удаче

Интересный факт: во Франции, чем старше человек, тем меньше он верит во все суеверия и приметы, в России, наоборот, люди, которые верят в разные совпадения, являются представителями пожилого возраста.

Проанализировав исследования, можем сделать вывод, что суеверия и приметы являются частью культуры любого народа, они являются одним из способов передачи информации от предков к предкам. Сравнивая суеверия во французском и русском языках, можно увидеть, что как во Франции, так и в России, существует разные приметы. Они бывают плохими и хорошими. Некоторые французские приметы схожи с русскими, другие имеют свои особенности, которые нам, жителям России, могут показаться немного странными и непонятными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь русского языка*: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований ; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999
2. <https://frenchblog.ru/info/francuzskie-narodnye-primety.html>
3. <https://iod.media/ru/article/psihologiya-zaboboniv-zvidki-rostut-nogi-u-chornih-kotiv-3575>
4. <https://www.grc-eka.ru/primeti/primety-xoroshie.html>
5. <https://www.oslo.ru/o-francuzskih-sueveriyah.html>

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭСТОНСКОГО МОЛОДЁЖНОГО ЖАРГОНА

*Военный университет Министерства Обороны,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности современного эстонского молодёжного жаргона. На материале разговорной речи учащихся старших классов двух тартусских гимназий были выявлены как сходства, так и различия с выделенными ранее характерными особенностями общеэстонского молодёжного жаргона. В качестве основных средств обогащения лексического состава современного эстонского молодёжного жаргона отмечается метафоризация, метонимия, иноязычные заимствования и др.

Ключевые слова: эстонский язык, социальные диалекты, молодёжный жаргон, метафора, метонимия, эвфемизм.

Социальная вариативность речи, как правило, зависит от возраста, пола, социального происхождения, круга интересов, общеобразовательного уровня, рода занятий и т. д. Внутри языка, определяемого единством произношения и, в особенности, единством грамматических форм, в действительности существует столько особых словарей, сколько имеется социальных групп, обладающих автономией в пределах общества, говорящего на этом языке [11, с. 251].

Среди выделяемых социолингвистикой разновидностей социальных диалектов особое место занимают корпоративные (или групповые) жаргоны, которые возникают «...из потребности отдельных общественных и возрастных групп обособить себя и выделиться среди других средствами языка» [2, с. 47].

Из корпоративных жаргонов наибольший, с нашей точки зрения, интерес представляет молодёжный жаргон – языковое образование, лексической системой которого пользуются преимущественно молодёжные коллективы. На рубеже XX–XXI вв. различают такие разновидности молодёжного жаргона, как жаргон неформальных молодёжных объединений (хиппи, панков, металлистов, фанатов), жаргоны хипхоперов, компьютерщиков, уличных музыкантов, толкиенистов и т. д. [1, с. 54].

Специфичность молодёжного жаргона состоит в ограниченности возрастными рамками его носителей. В научных работах, посвящённых изучению молодёжной речи, возраст носителей данной разновидности социальных диалектов варьируется. Л. П. Крысин нижнюю возрастную границу ограничивает школьниками старших классов (т.е. достигшими 15–16 лет), а верхнюю определяет в 35 лет (молодая гуманитарная и техническая интеллигенция) [6, с. 76]. Л. А. Кудрявцева и И. Г. Приходько считают носителями молодёжного жаргона молодых людей от 15 до 30 лет [7, с. 3], Е. Г.

Борисова – от 14 до 25-30 лет [3, с. 84], Т. В. Зайковская – от 12 до 25 лет [5, с. 8], а Х. Лаппалаинен – от 10 до 30 лет [10, с. 74].

Наиболее широко возрастной диапазон рассматривает М. А. Грачёв, который нижнюю возрастную планку носителей данного жаргона опустил до 6–7 лет (возраст начала обучения в школе), а верхний определил в 35 лет (возрастная «граница представителей неформального объединения хиппи») [4, с. 167].

Молодёжный жаргон формируется в силу определённого возрастного и корпоративно-психологического комплекса [8, с. 114], отличается специфическим лексико-фразеологическим составом, созданным для общения в кругу молодых людей и развивается в ответ на потребность в экспрессивном, эмоциональном, оценочном обозначении предметов и ситуаций, в ответ на необходимость создания в определённой среде своей субкультуры, неотъемлемой частью которой является языковая игра и чувство юмора [1, с. 86].

Рассмотрим некоторые особенности эстонского молодёжного жаргона.

По мнению исследователя эстонских социальных диалектов Т. Тендера, большую часть жаргонной лексики составляет эстонская лексика, которая в разговорном языке приобрела иной смысл. Изменение смысла общелитературной лексики происходит по следующим направлениям:

- некоторые признаки живого существа переносятся на неодушевленный предмет (например, *kapsauss* (в эст. лит. яз. ‘стручковый перец’) – ‘медленно ползущий поезд, электричка’);

- свойства неодушевленного предмета передаются живому существу (например, *kapp* (в эст. лит. яз. ‘шкаф’) – ‘атлетически сложенный мужчина’);

- сочетаются признаки различных неодушевленных предметов (например, *ruut* (в эст. лит. яз. ‘квадрат’) – ‘ящик пива’);

- характеристики одного живого существа передаются другому живому существу (например, *jäär* (в эст. лит. яз. ‘баран’) – ‘физически сильный человек’). Здесь часто встречаются зооморфизмы [12, с. 349].

Частым явлением в эстонском молодёжном жаргоне является изменение значения слова на противоположное (например, *eit* (в эст. лит. яз. ‘старуха’) – ‘молодая женщина’).

В меньшей, чем метафоры, степени используются метонимические переносы (например, синекдоха: *kõri* (в эст. лит. яз. ‘горло’) – ‘пьяница’).

Речь молодёжи достаточно богата сравнениями. Сравнение может быть скрытым (например, *pragu* (в эст. лит. яз. ‘трещина, щель’) – ‘отсутствии в течение нескольких часов’) или прямым (например, *pekk* (в эст. лит. яз. ‘свиное сало’) – ‘толстый человек’).

Зачастую на основе какого-то признака в жаргоне обобщаются:

- имена литературных персонажей (например, *Karlsson* – ‘толстый человек’);

- эстонские имена (например, *Ants* – ‘мужчина; парень’);
- имена, распространённые у соседних народов (например, *Pekka* – ‘финн’).

Для характеристики кого-то или чего-то в жаргоне могут использоваться более длинные фразы, применяются перифразы (например, *arva ära, kuhu ma vaatan* (‘угадай, куда я смотрю’) – ‘косоглазый человек’).

Роль заимствований из иностранных языков в молодёжном жаргоне заметна. Слова заимствуются не только потому, что в языке отсутствует определение какой-либо реалеме. Новое, заимствованное слово может показаться более эмоционально мощным, более свежим, более экономичным. В эстонском молодёжном жаргоне слова, заимствованные из иностранных языков, появляются достаточно часто. Это связано с сильным влиянием иностранных СМИ на эстонскую культуру. Т. Тендер выделяет несколько способов заимствования иноязычной лексики [12, с. 350–351].

Иностранные слова или словосочетания, заимствованные эстонским молодёжным жаргоном, могут приобретать иное, чем в исходном языке, значение (например, *titanik* – ‘большой человек’).

В эстонском молодёжном жаргоне присутствует явление, когда собственные эстонские слова и имена переводятся на иностранный язык или предпринимаются попытки произнести (и написать) свои собственные слова по иноязычному шаблону (например, *Copli-City* – Копли (район г. Таллинн)).

Изредка встречаются слова или словосочетания, возникшие в результате сочетания слов двух разных иностранных языков (например, *getnaahui* – ‘уходи’).

Иногда иностранные слова заимствуются путем имитации их правописания (например, *jäts* (от англ. *jazz*) – ‘джаз’ (в эст. лит. яз. *džäss*)).

Кроме того, в эстонском молодёжном жаргоне могут использоваться архаизмы и экзотизмы (например, *paadialune* (в эст. лит. яз. ‘босяк’) – ‘грязный опустившийся человек, пьяница’), аббревиатуры (например, *AB* – ‘аборт’).

Встречается явление сокращения слова путём отсечения части основы (например, *resto* (в эст. лит. яз. *restoran*) – ‘ресторан’) [12, с. 352].

Также при образовании жаргонизмов используется явление перестановки звуков или слогов, родственное метатезе, вследствие чего возникает эффект новизны (например, *pikapäkk* (от эст. лит. *päkapikk* ‘гном’) – ‘низкорослый человек’). Следующие одно за другим два слова меняются передними слогами или первыми буквами, что приводит к более или менее остроумной игре слов (например, *juhakonna osataja* (от эст. лит. *osakonna juhataja* ‘начальник отдела’) – ‘начальник (директор) чего-л.’) [12, с. 352–353]. Пользователям жаргона также нравится метод словообразования, при котором новое слово образуется произвольным объединением двух слов (например, *lamhis* (от эст. лит. *lamp loojas* ‘закат солнца’) – ‘быть пьяным’).

Ещё одним явлением, характерным для эстонского молодёжного жаргона, является деривация новых слов с помощью суффиксов. Новые жаргонные слова могут быть получены как из собственных, так и из иностранных слов. Ниже приведены наиболее часто используемые суффиксы с примерами: *-kas* (например, *pubekas* ‘подросток’), *-a* (например, *jota* (в эст. лит. яз. *joodik*) – ‘пьяница’), *-ar* (например, *tontar* ‘танцевальная вечеринка’), *-e* (например, *kohve* (в эст. лит. яз. *kohvik*) – ‘кафе’), *-er* (например, *raamer* (в эст. лит. яз. *raamatukogu*) – ‘библиотека’), *-ka* (например, *naiska* (в эст. лит. яз. *naine*) – ‘женщина’), *-ke* (например, *linnuke* (в эст. лит. яз. *lind* ‘птица’) – ‘легкомысленная женщина’), *-ku* (например, *telku* (в эст. лит. яз. *televiisor*) – ‘телевизор’), *-s* (например, *jäts* (в эст. лит. яз. *jäätis*) – ‘мороженое’), *-u* (например, *seeru* (в эст. лит. яз. *seersant*) – ‘сержант’), *-ur* (например, *pihkur* (в эст. лит. яз. *pihk* ‘ладонь’) – ‘человек, занимающийся мастурбацией’), *-i* (например, *tüdi* (в эст. лит. яз. *tüdruk*) – ‘девочка’), *-ik* (например, *nilbik* (в эст. лит. яз. *nilbe* ‘похабный’) – ‘неприятный непристойный человек’), *-is* (например, *literdis* ‘беззаботная девушка’), *-la* (например, *pügala* ‘парикмахер’), *-ung* (например, *pummelung* (в эст. лит. яз. *pummeldamine* ‘кутёж’) – ‘вечеринка с выпивкой’), *-unn* (например, *labrunn* (в эст. лит. яз. *labrakas*) – ‘лабрадор (порода собак)’ [12, с. 353–355].

Более подробно особенности эстонского молодёжного жаргона мы рассмотрим на материале, собранном при анкетировании учащихся старших классов (возраст 14-17 лет) двух гимназий в городе Тарту (*Tartu Tamme Gümnaasium* и *Tartu Kommertsgümnaasium*) (подробнее см. [9]).

К особенностям молодёжного жаргона старшеклассников г. Тарту можно отнести, в частности, намеренное искажение слов (*tütarlapats* вместо *tütarlaps*, *porse* вместо *perse*).

При употреблении жаргонизмов, опрашиваемые применяли несколько изменённую орфографию, используя букву *x* вместо *ks* (*pax* – *paks*), *ž* вместо *ss* (*kamažid* – *kamassid*), *d* вместо *t* (*drop* – *tropp*), *f* вместо *hv* (*niferdama* – *nihverdama*).

Отмечается обилие сокращений, таких как:

- усечение иноязычных заимствований (например, *be* от англ. *beebi* ‘девочка’);
- сокращение слова с последующим добавлением суффикса (например, *idu* от *idioot* + *-u* ‘глупый человек’);
- выпадение фонем (например, *tre* от *tere* ‘приветствие’);
- отсечение части сложного слова (например, *tähed* от *rahatähed* ‘денежные знаки’).

Обращает на себя внимание явление образования новых сложных слов. При образовании сложного слова используются как собственные, так и иностранные слова (например, *täikott* ‘русский’, *diskoperu* ‘девушка любительница дискотек’).

Очень распространены метонимические переносы (например, *kapp* (в

эст. лит. яз. 'шкаф') – 'большой и сильный'). Часто используются зооморфизмы (например, *säga* (в эст. лит. яз. 'сом') – 'мальчик', *lehm* (в эст. лит. яз. 'корова') – 'женщина').

Присутствует обобщение качеств на примере реальных имен собственных:

а) обобщение имен персонажей телепередач, сериалов и т.п. (например, *superman* 'большой, сильный мужчина');

б) обобщение имен литературных персонажей (например, *sipsama* 'активно вести себя по отношению к противоположному полу', *kääbik* 'человек маленького роста');

в) обобщение имен и фамилий на эстонском и иностранных языках (например, *Pekkanen* 'финн');

г) обобщение товарных знаков (например, *gorba* 'водка').

Имеет место использование табуированных слов и ввод в употребление новых табуированных слов (например, *tüarakott* 'гомосексуалист').

Можно обнаружить изменение смысла уже адаптированных в эстонском языке иноязычных заимствований (например, *projekteerima* (в эст. лит. яз. 'проектировать') – 'воровать').

Создание и использование образных выражений (например, *iivet tõstma* 'состоять в сексуальной связи').

Для молодёжного жаргона г. Тарту характерны метафорические слова и выражения (например, *segi nagu zilli uks* 'быть пьяным', *laev* 'толстый человек'), эвфемизмы (например, *joomar* 'пьяница', *tutt* 'женский половой орган'), дисфемизмы (например, *udarad* 'груди'), описательные слова (например, *kisklema*, *kiskuma* 'драться').

Для сокрытия явного смысла используются различные языковые средства:

- перифразы (например, *antikaine* вместо *purjus* 'пьяный');

- более общее или расплывчатое слово вместо точного (например, *hea koht* вместо *käimla* 'уборная, отхожее место');

- иностранное слово вместо эстонского (например, *peenis*, *ekskremendid*);

- искажение формы слова (например, *pelts*, *pelta*, *peller* от *peldik* 'уборная, отхожее место').

Часто используются иронические выражения (например, *tissipidurid* 'бюстгальтеры'), смешные слова и выражения (например, *mõnna-mõnna tegema* 'состоять в сексуальной связи'). Не чужда старшекласникам и черная ирония (например, *megaaju* 'психически нездоровый человек').

Обращает на себя внимание обилие пейоративных или уничижительных слов (например, *moor* 'женщина', *rasvavolt* 'толстый человек'), использование бранных слов (например, *lits*, *libu* 'женщина').

Следует отметить заимствование определённых слов и фраз:

- прямые заимствования (например, *bimbo* от англоязычного слен-

гизма *bimbo* ‘молодая, привлекательная, глупая женщина’; *veelik* от русского разговорного *велик* ‘велосипед’);

- кальки (например, *tüüp* от шведского сленгизма *typ* ‘случайный человек’);

- незначительное количество внутренних заимствований (например, *kabistama* ‘прибить’).

Таким образом, на материале разговорной речи старшекласников двух тартусских гимназий были рассмотрены некоторые особенности эстонского молодёжного жаргона. Были выявлены как сходства, так и различия с выделенными ранее характерными особенностями общеэстонского молодёжного жаргона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анищенко О. А.* Генезис и функционирование молодёжного социолекта в русском языке национального периода. М. : Флинта : Наука, 2010. 280 с.
2. *Бондалетов В. Д.* Молодёжный жаргон. Что это? // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М. : ЭЛПИС, 2006. С. 46–50.
3. *Борисова Е. Г.* О некоторых особенностях современного жаргона молодёжи // Русский язык в школе. 1981. № 3. С. 83–87.
4. *Грачёв М. А.* Русское арго. Монография. Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1997. 245 с.
5. *Зайковская Т. В.* Проблемы культуры молодёжной речи: (Пути пополнения словарного состава молодёжного жаргона). Кишинёв : Бизнес-Элита, 2005. 211 с.
6. *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М. : Наука, 1989. 186 с.
7. *Кудрявцева Л. А., Приходько И. Г.* Словарь молодёжного сленга города Киева. Киев : Аванпост – Прим, 2006. 192 с.
8. *Скворцов Л. И.* Культура языка – достояние социалистической культуры. М. : Просвещение, 1981. 205 с.
9. *Happonen, N.* Tähendusülekanded kui sõnavara täiendamise viis eesti, soome ja vene koolinoorte kõnekeeles ja slängis – inimkesksed metafoorid. Magistritöö. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/15209/happonen_natali.pdf?sequence=1
10. *Lappalainen, H.* Sosiolingvistinen katsaus suomalaisnuorten nykupuhekieleen ja sen tutkimukseen // Virittäjä 105. 2001. L. 74–101.
11. *Meillet, A.* Linguistique historique et linguistique generale. Paris: Éditions Champion, 1982. 343 p.
12. *Tender, T.* Eesti släng: olemus ja uurimislugu // Keel ja kirjandus, 5, 1994. Lk. 346–355.

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Темой статьи является употребление английских фразеологических выражений в эвфемистической функции. Рассматриваются вопросы мотивированности фразеологизма и его внутренней формы. Отмечается, что в основе фразеологического значения лежит фразеологический образ, формирующийся на основе образа ситуации, создаваемого посредством комбинации значений слов-компонентов фразеологической единицы.

Ключевые слова: эвфемизм, фразеологизм, мотивация, внутренняя форма, образ.

Настоящая статья посвящена употреблению фразеологических выражений английского языка в функции эвфемизмов. Семантика термина «фразеологизм» восходит к греческому языку, в котором ‘phrasis’ означает со значением ‘выражение’ и ‘lógos’ значит ‘слово’ или ‘учение’. Фразеологизмами традиционно называют устойчивые семантически связанные словосочетания, чье значение основано на механизме переосмысления буквального смысла, создаваемого сочетанием лексических значений слов-компонентов такого словосочетания. Буквальный смысл, о котором сказано выше, может быть прозрачен и ясен, а может быть скрыт и непонятен. Последнее происходит в том случае, когда лексическое значение компонента фразеологизма утрачено в результате превращения такой лексемы в историзм или архаизм.

Данное явление понятности и непонятности буквального значения фразеологического выражения описывается в терминах мотивированности значения и внутренней формы.

Мотивированность значения фразеологизма – это понимание его семантики, при этом это понимание – явление комплексное. Как пишет В. Н. Телия, воспринимающий фразеологизм осознает такие вещи, как внутренняя форма устойчивого переосмысленного выражения, которую она понимает как способ организации значения, это содержательный компонент семантики фразеологизма, который создается сочетанием лексических значений слов, которые входят в состав семантически связанного выражения. Внутренняя форма может быть прозрачной и непрозрачной. Следующий компонент – это образ, возникающий в результате переосмысления «буквального» значения сочетания слов [7, с. 43].

Создание и осознание фразеологического образа – это процесс генерализации и отвлечения от семантики конкретной ситуации, описываемой лексическими значениями слов-компонентов фразеологической единицы, это осознание общего, обобщающего значения, позволяющего перенести данное выражения из сферы описания конкретной ситуации на описание

других ситуаций. При этом говорящий осознает тот инвариант значения, который объединяет смысл ситуации, описанной буквальным значением слов, и смыслы ситуаций, к описанию которых применим данный фразеологизм, поскольку эти другие ситуации содержат в своем характере тот же семантический компонент, но расширенный, переосмысленный, генерализованный – образный компонент.

Фразеологическая образность базируется на соотношении в сознании человека двух сущностей. Во-первых, есть так называемое наглядное представление. Это образ, который создается исходным номинативным значением свободного словосочетания. Такое свободное словосочетание является прототипом фразеологизма. Этот первичный образ «отрывается» от описания конкретной ситуации и по ассоциации переносится на другие ситуации, подлежащие характеристике или оценке в речи.

К компонентам внутренней формы и фразеологического образа В. Н. Телия добавляет гештальт. Гештальт в лингвистике понимается тоже как образ, но это образ высшего порядка абстракции, это, как пишет В. Н. Телия, ассоциативно-образная «память» идиомы [там же]. «Гештальт является особенным, более высокоорганизованным видом когнитивной структуры, которая соединяет в себе чувственное и рациональное в их единстве и целостности. это результат нерасчленяющего восприятия ситуации, высший уровень абстракции, недискретное, неструктурированное знание, расположенное вне категориальных пределов естественного языка, но реконструированное на основании языковых средств» [9, с. 193]. Осознание гештальта позволяет лицам, владеющим данным языком, употреблять данный фразеологизм во всех подходящих ситуациях, не нарушая норм языка, не искажая смысл, давая правильную оценку описываемой ситуации.

Итак, при рождении фразеологизма происходит переосмысление буквального значения выражения, его обобщение, способствующее возможности его употребления для описания множества ситуаций, имеющих инвариантный смысловой компонент, то есть формируется образ ситуации. Подобное переосмысление происходит при использовании определенных языковых механизмов, таких как метафоризация, метонимизация, гиперболизация и проч. В связи с этим В. Н. Телия добавляет следующий мотивационный компонент – «вид тропеического преобразования» и другие средства переосмысления исходного образа в образное значение фразеологизма [7, с. 43].

Лингвисты расходятся в трактовке мотивационного аспекта фразеологизмов. Существует классификация фразеологических единиц, предложенная академиком В. В. Виноградовым, в основу которой положена степень мотивированности единицы. Ученый выделяет единицы, значение которых считается им совершенно не мотивированным. Такие единицы названы фразеологическими сращениями, или идиомами. «С точки зрения современного языка это химическое сочетание распавшихся, аморфных лексических частей» [2, с. 358].

Считается, что фразеологические сращения немотивированы, потому что они утратили свою внутреннюю форму. Например, это происходит, когда в состав фразеологической единицы входит историзм или архаизм, значение которого непонятно современному человеку, поскольку эти слова выпали из употребления. Например: *бить баклуши, точить лясы, попасть впросак, турусы на колёсах*. В таком контексте получается, что внутренняя форма – это тот смысл, который создается лексическими значениями слов-компонентов фразеологической единицы. Если такой смысл не создается, вследствие непонимания значения компонента, историзма или архаизма, то у такого фразеологизма внутренней формы нет. Как пишет В. В. Виноградов, целостное значение фразеологизма не зависит от его лексического состава. Он также предлагает такой параметр, как степень слитности компонентов. У фразеологических сращений такая степень является наивысшей. Однако такая точка зрения является в настоящее время не единственной.

Существует мнение, что мотивированность есть у любого, каждого фразеологизма [10, с. 262]. Согласно этому мнению, фразеологическое выражение может казаться немотивированным, если оно рассматривается в синхроническом плане. Если же подойти к его анализу с диахронической точки зрения, то мотивация значения такой единицы становится понятной. Появляется внутренняя форма.

В этом случае говорят об этимологическом описании значения фразеологизма. Например, русская идиома *попасть впросак* со значением «по своей оплошности оказаться в невыгодном, неудобном положении» кажется немотивированной, то есть лишенной внутренней формы. Однако при этимологическом анализе выясняется значение субстантива «просак»: это станок для скручивания веревок. Одежда рабочего попадала по его небрежности в такой станок, причиняя человеку большие неудобства [3].

Современные лингвисты при описании механизма рождения фразеологизма вводят в обиход понятие фразеологического образа. Считается, что на основе комбинации прямых (свободных) значений слов-компонентов фразеологической единицы в сознании человека строится образ описываемой ситуации, то есть обобщенное представление о ней, о типе отношений между ее участниками, о характере последствий существования такой ситуации. Так, русский фразеологизм *сесть в лужу* понимается говорящим в прямом смысле (здесь не нужен этимологический анализ этой единицы, так как она не содержит вышедших из употребления слов): сидеть в луже. На основании осознания первичного (прототипического) значения этого словосочетания говорящий формирует образ описываемой ситуации, то есть отвлекается от конкретной ситуации сидения в луже и понимает ее образный смысл, который состоит в том, что оказаться сидящим в луже – это нежелательная и неприятная ситуация, созданная не сознательными усилиями субъекта, а его оплошностью, небрежностью, непредусмотрительностью.

Одни лингвисты говорят о том, что в таком случае происходит переосмысление значений компонентов фразеологизма на основе какого-либо

тропа (метафоры, метонимии, алогизма, гиперболы, литоты, олицетворения и проч.). Другие исследователи отвергают наличие переосмысления: «Принципиальное положение в рассмотрении внутренней формы фразеологизмов заключается в том, что мотивация фразеологического значения осуществляется не переосмыслением значения компонентов, а всем образом, «картинкой» целостной ситуации реальной действительности, которая лежит в основе семантики фразеологизма. Переосмысления значений слов-компонентов по сути дела не происходит» [4].

«Формирование идиоматического значения как выводного знания объясняет и природу идиоматичности: слова-компоненты переосмысленного сочетания «отрываются» от своей области референции и переключаются на новую референтную отнесенность не за счет значения сочетания слов, а отталкиваясь от этого значения, которое, включаясь путем выводного знания в новый фрейм, не имеет со своим источником ничего общего, кроме мотивации» [8, с. 142–143].

Те фразеологизмы, у которых внутренняя форма не требует этимологического анализа для своего объяснения, потому что значения слов понятны и благодаря этому понятен обобщенный образ описываемой ситуации, в классификации В. В. Виноградова называются фразеологическими единствами, например, *мелко плавать, сидеть на мели, без ножа зарезать, плясать под чужую дудку, держать в чёрном теле, держать камень за пазухой* и др.

Поскольку наша статья посвящена эвфемистическому потенциалу фразеологизмов, приведем определение эвфемизма: эвфемизмы (греч. *euphemismos*) – это эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными [6].

Как стилистический троп и способ словесного смягчения отрицательного денотата эвфемизм сформировался в эпоху античности, о чем свидетельствуют труды Аристотеля [1, с. 15–69].

Английский язык богат на фразеологические единицы, обнаруживающие эвфемистическую функцию. Так, например, ряд таких единиц применяется для иносказательного описания человеческих качеств и поведения, которые не являются комплиментарными в глазах окружающих. Начнем с глагольных единиц. Например, выражение *turn smb's head* означает 'вскружить кому-либо голову' или 'сбивать кого-л. с толку; плохо подействовать на чью-л. психику'. Если человек внушает другому глупые мысли, пытается убедить в чем-то нелепом, такое поведение иносказательно описывается такими выражениями как *stuff smb's head with smth* или *persuade smb. that the moon is made of green cheese* «убеждать кого-либо, что луна сделана из сыра».

Например: *Don't stuff his head with this nonsense.* – Не забивайте ему голову подобным вздором.

Если женщина ведет себя неподобающим образом в отношении мужчины, оказывая ему слишком много внимания, можно употребить выражение *make a dead set at smb* – завлекать кого-либо, ловить жениха, вешаться на шею кому-либо. Низкопоклонничество, подхалимаж эвфемистически описываются с помощью выражений *eat smb's toads*, *have an oily tongue*, *have a smooth tongue* – быть подхалимом, лизоблюдом, подхалимничать, льстить. Внутренняя форма первого выражения первого выражения оказывается немотивированной и требует этимологического анализа, образ, создаваемый на основе второго и третьего выражения прозрачен и понятен.

Если мы говорим о манипулятивном воздействии на человека, мы можем употребить выражение *have smb on toast* – иметь кого-либо в своей власти, держать кого-либо в своих руках; его мотивированность также требует этимологического анализа. Высокомерное поведение описывается с помощью такого глагольного выражения как *throw one's weight about \ around* – вызывающе, заносчиво держаться; важничать, задаваться.

Существуют глагольные выражения, которые описывают поступки человека как неразумные, не достигающие цели, бессмысленные. Например, *catch \ grasp a\the shadow and let go \ lose \ miss a\the substance* – в погоне за нереальным упустить реальное; *catch at shadows* – гоняться за призраками, мечтать о несбыточном; *fight with one's own shadow* – «сражаться с собственной тенью», вести бесплодную борьбу, бороться с воображаемым противником; *bark \ bay at the moon \ bay the moon* – «лаять на луну», т.е. тратить время попусту. Выражение *go over the edge* означает сойти с ума.

Лживость и обман характеризуют такие фразеологические единицы как *promise smb the moon* и *shoot the moon*. Если внутренняя форма первого выражения ясна, то у второго выражения она требует пояснения: *shoot the moon* означает ночью съехать с квартиры, не заплатив за нее.

Наряду с глагольными словосочетаниями в роли фразеологических эвфемизмов могут выступать субстантивные единицы. Например, выражение *the third sex* является американским жаргонным выражением для обозначения гомосексуалистов, в настоящее время в свете современных тенденций его нельзя отнести к политкорректным номинациям. Эвфемизм *flat tire* имеет значение 'неинтересный человек, заурядная личность'. Выражение *a Peeping Tom* – «Том Подгляда», характеризует человека как чересчур любопытного, всюду сующего свой нос. Внутренняя форма этого фразеологизма требует объяснения: согласно легенде, граф Мерсийский наложил непосильный налог на жителей города Ковентри. Когда его жена, леди Годива заступилась за них, граф сказал, что отменит налог, если леди Годива осмелится в полдень проехать обнаженной через весь город. Чтобы не смущать её, все жители закрыли ставни своих домов. Один только портной Том стал подсматривать в щелку и был тут же поражен слепотой.

Субстантивное выражение *a moonshine in the water* иносказательно характеризует нечто как призрачную надежду, нечто призрачное, нереаль-

ное. Выражение *copy-book morality* завуалировано критикует чьи-то высказывания как тривиальные и скучные: прописная мораль.

Адъективные эвфемистические словосочетания также имеют место быть. Например, *soft \ touched \ weak in the head*, что значит 'придурковатый, слабоумный, не все дома, мозги набекрень'. *Hot under the collar* означает 'рассерженный, возмущенный, взбешённый'. Мотивированность первого выражения более прозрачна, чем у второго.

Таким образом, мы рассмотрели ряд эвфемистических выражений фразеологического типа, в основе которых лежит определенный образ. Данный образ отражает ситуацию, которая является нежелательной в сфере человеческого опыта, описывая ее, человек понимает, что то, о чем он говорит, это плохо, но в силу определенных причин говорящий предпочитает смягчить прямоту своего высказывания, выбирая иносказательное выражение. Образ, лежащий в основе характеристики, может быть прозрачен и понятен, а может быть затемнен. В последнем случае говорят или о немотивированности значения фразеологизма, то есть об отсутствии у него внутренней формы, или о том, что любое фразеологическое выражение всего мотивировано, просто при неясности прямого значения выражения, лежащего в основе фразеологизма, выявление внутренней формы требует этимологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Риторика. Античные риторики. М. : Гослитиздат, 1978.
2. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, М. : Наука, 1947.
3. *Го Нинин*. Описание внутренней формы фразеологизмов в словарях // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вестник ТГУ, вып. 11 (103), 2011.
4. *Ковалевская Л. А.* Внутренняя форма как источник семантической мотивации и культурной коннотации фразеологизмов русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2010.
5. *Кунин А. В.* Большой англо-русский фразеологический словарь = English-Russian phraseological dictionary : ок. 20000 фразеол. единиц. 6-е изд., испр. М. : Живой язык, 2005 (ОАО Тип. Новости). 942 с.
6. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : «Советская энциклопедия», 1990.
7. *Телия В. Н.* Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеография в Машинном фонде русского языка. М. : Наука, 1990. С. 32–47.
8. *Телия В. Н.* Семантическая структура фразеологизмов-идиом и принципы их фразеологической обработки // Фразеологизм и его фразеологическая разработка. М., 1987.
9. *Ходоренко А. В.* Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) № 1. Часть 1 2011 г. С. 192–198.
10. *Чэнь Янь*. Внутренняя форма фразеологизма как предвосхищение его актуального значения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 11 (103). 2011.

**СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА
К ОБУЧЕНИЮ/ОБРАЗОВАНИЮ (НА ПРИМЕРЕ ТУРКМЕНСКОГО,
РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

*Чувашикий государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу паремиологических единиц туркменского, русского, английского и французского языков. Анализируемые паремиологические единицы объединены единой темой: они выражают отношение туркменоязычного, русскоязычного, англоязычного и франкоязычного социумов к такому явлению как образование, обучение, знание. Анализ коммуникативно-прагматического смысла пословиц проводится на основе применения понятия когнитемы как компонента содержания паремии, являющейся компонентом комплексного смысла, выражаемого этой фразеологической единицей.

Ключевые слова: паремиологическая единица, пословица, сравнение, когнитема.

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу паремиологических единиц четырех языков – туркменского, русского, английского и французского. Анализируемые паремиологические единицы объединены единой темой: они выражают отношение туркменоязычного, русскоязычного, англоязычного и франкоязычного социумов к такому явлению как образование, обучение, знание.

Изучение пословиц и поговорок – это способ познать определенные аспекты национального менталитета, поскольку данные паремиологические единицы создаются народом на протяжении многих веков его существования. В них отражается накопленный социумом опыт, формулируются общественно значимые выводы и знания. Изучение пословичного фонда того или иного языка является реализацией антропоцентрического подхода к изучению языковых явлений, поскольку этот подход предполагает анализ того, как факты действительности преломляются в сознании индивида \ индивидов, как они осознаются и оцениваются. В результате создается возможность описания языковой картины мира, возможность сравнения языковых картин разных этносов, нахождения общего и различного. С одной стороны, естественно ожидать наличия общих, инвариантных черт в культурах и воззрениях народов разной национальной идентичности, поскольку к какой бы расе ни принадлежал тот или иной этнос, какие бы ни были его генетические корни, любой народ относится к виду *Homo Sapiens*, живет на планете Земля и в силу этого вырабатывает схожие подходы к оценке явлений повседневной действительности, жизненных обстоятельств, к решению социальных

проблем, к выработке понятий «хорошо» и «плохо». С другой стороны, географические условия проживания этноса, религиозные нормы и догмы, довлеющие над сознанием его представителей, культурно-социальные воззрения не могут не откладывать определенный отпечаток на мировоззрение народа и определять специфические черты его менталитета. Это общее и различное возможно изучать и через пословичный фонд, выработанный социумом.

Образование, овладение суммой знаний и умений неизбежно находятся в центре внимания любого народа. Поэтому неудивительно, что в языке туркменского, русского народов, в английском и французском языках мы находим паремиологические единицы на эту тему.

Являясь содержательными языковыми единицами, несущими определенную информацию обобщенного характера, прагматически-дидактической характеристикой которых является стремление выразить некоторое поучение адресата, некоторое назидание, паремии можно анализировать, раскладывая комплексное содержание на элементы, которые одни лингвисты называют аксиологемами (К. А. Жуков), другие когнитивными (Е. В. Иванова). Это единицы содержательного плана, формулирующие отдельные положения пропозиционального характера, передающие элементарный смысл, который является компонентом общего комплексного смысла, выражаемого пословицей. Этот элементарный смысл выделяется как на уровне внутренней структуры паремиологической единицы (этот смысл создается буквальными лексическими значениями слов, из которых состоит пословица), так и на уровне переосмысленного, обобщающего значения пословицы как дидактической единицы поучающего характера.

Е. В. Иванова выделяет в пословицах эти два вида содержательных компонентов (когнитивный) плюс смысл прагматического характера, который она называет сценарием. Согласно мнению лингвиста, любая пословица предполагает (имплицитно) как бы инструкцию адресату: что он должен делать, исходя из смысла паремии, как ему следует себя вести. «Сценарий образует в когнитивной модели пословицы прагматико-когнитивный подуровень, так как в нем представлено, с одной стороны, отношение к определенной ситуации (прагматический), а с другой – знание возможных схем действия, обусловленное знанием ситуации (когнитивный)» [2, с. 85]. Возможные схемы действия не предполагают какой-то одной, строго определенной модели. Все зависит от конкретной ситуации. Так, например, если говорящий констатирует, что *There is no smoke without fire/ Нет дыма без огня*, он может подразумевать, что «надо искать эту причину, или действовать, учитывая существование причинно-следственной зависимости между некоторыми факторами, или предпринимать действия по устранению причины и т.д. Набор сценариев в пословице – языковой единице существует в потенции, при её употреблении в речи реализуется один или два» [там же].

В пословице *All that glitters is not gold \ Не все то золото, что блестит*

на уровне внутренней формы выделяется в качестве осознаваемого говорящим и адресатом компонента смысла пословицы когнитема «gold glitters»/«золото блестит», «not only gold glitters»/«Не только золото блестит». Это уровень буквального значения, создаваемый лексическими значениями слов, составляющих пословицу. На уровне небуквального (пересмысленного в направлении обобщения) значения пословицы выделяется когнитема «appearance is misleading»/«внешний вид обманчив». Сценарий, подразумеваемый этой пословицей (прагматико-когнитивный подуровень), формулируется так: «don't judge by appearance»/«не суди по внешнему виду» [2, с. 101].

Аналогичные по характеру единицы содержания пословиц К. А. Жуков называет аксиологемами. На языковом уровне они представляют себя формулировки, отражающие смыслы пословиц. Эти мыслительно-содержательные формулировки могут различаться по словесному составу, особенно в разных языках, но они передают одну и ту же аксиологему/когнитему, то есть выражают одну и ту же мысль, одно и то же суждение. Например:

1. Работа – надёжный способ существования (Покуда цеп в руках, потуда и хлеб в зубах, *The horse that will not carry a saddle must have no oats*).

2. Работа – главное средство нравственного воспитания (Золото не золото не быв под молотом, *He that labours and thrives spins gold*).

3. Работа – мера достатка (Каково руки родят, таково плечи носят, *No mill, no meal, no sweet, without sweat*).

4. Работа – способ объединения людей, интегрирующая сила (Артели – брюхо да руки, нет иной поруки, *Many hands make light work*).

5. Работа – способ избавления от пороков (Труд человека кормит, лень портит, *A man of words and not of deeds is like a garden full of weeds*).

6. Работа – средство от скуки (Не сиди, сложна руки, так и не будет скуки).

7. Работа – средство сближения человека с Богом (Ори да Бога моли; С молитвой в устах, с работой в руках; Божья тварь Богу и работает, *God gives the milk, but not the pail*).

8. Работа – средство к осмыслению ценности результата труда (Легко добыто, легко и прожито. Легко пришло, легко и ушло, *Easy come, easy go. The greatest end of life is not knowledge, but action*).

9. Работа – способ преодоления трудностей (Пот ключом льёт, жнец своё берёт. *Life is a battle*).

10. Труд закаляет человека, делает стойким (Не тёрт, не мят – не будет калач; Не толчёное, так и не пшено; Не молот хлеб – не мука. *Labour conquers everything*).

11. Работа, деятельность – способ самореализации, самоутверждения, творчества (*Actions speak louder than words*. У работающего работа огнём в руках горит).

12. Работа – способ познания самого себя (*You never know what you can do till you try*).

13. В работе – смысл жизни (Без дела жить – только небо коптить; Жизнь дана на добрые дела, Life is nothing without work, Work is the spice of life) [1].

Обзор туркменских, русских, английских и французских пословиц об образовании и обучении позволил выделить такую когнитивную как «ценность образования выше приобретения материальных благ». Этот смысл прослеживается в такой туркменской пословице как *Bilim bilen hikmet altyndan Gutmat / Знание дороже золота*. Ей вторят английские пословицы *The love of money and the love of learning rarely meet / Любовь к деньгам и любовь к обучению редко встречаются* и *The lesson is the best wealth / Ученье – лучшее богатство*.

Приблизительно такой же смысл мы видим в пословице, в которой критикуется увлечение погони за документами об образовании в ущерб реальным знаниям: *Диплом имеет, а дела не понимает*.

Аналогичная мысль представлена близкой по смыслу когнитивной «образование более ценно, чем внешняя красота»: *Красна птица перьем, а человек – ученьем. Красота приглядится, а ум вперед пригодится*.

Другая когнитивная – это «образованный человек живет лучшей жизнью, чем необразованный». В таких пословицах имплицитно расширяется возможности жизнедеятельности образованного человека, например, Отмечается ценность знания иностранных языков: *Dil bilen il gezer / Человек знающий много языков обойдет весь мир. Autant de langues qu'un homme sait parler, autant de fois est-il homme / Человек, говорящий на многих языках, живет жизнью многих людей*.

Утверждается, что у образованного человека более обеспеченная жизнь и\ или старость: *Кто учится смолоду, не знает на старости голоду. Jeunesse paresseuse, vieillesse pouilleuse / Учись смолоду, не умрешь с голоду. An ounce of knowledge may be worth a pound of comfort / Унция знания может стоить фунта комфорта. Кто получит знания, тот не будет жить в нужде. Туркменская пословица даже гарантирует образованному человеку продление жизни: *Ylymsuz yuz yasar ylymly mun / Безграмотный живет сотни лет грамотный или умный живет тысячи лет*.*

Третья когнитивная гласит, что «учение – тяжелый труд». Например, следующая туркменская пословица сравнивает учение с процессом рытья ямы посредством швейной иглы: *Ylym almak inne bilen guyu gazatak \ Учение – это рыть яму иглой*. Аналогичный смысл передают русские пословицы: *Идти в науку – терпеть муку. Без муки нет и науки. Без терпенья нет ученья*. Английская пословица, отмечая необходимость преодоления горьких трудностей в процессе обучения, акцентирует внимание на сладости достигаемых результатов: *Knowledge has bitter roots but sweet fruits*. Другая английская пословица подчеркивает, что процесс обучения требует времени: *No man is his craft's master the first day / За один день мастером не станешь*. Об этом же говорит еще одна английская поговорка: *Learn to creep before you*

leap, а также русская пословица *Сперва аз да буки, а потом науки*. Французская пословица также гласит, что учение – это процесс, требующий времени и усилий и оставляющий мало времени на сон: *Celui qui sait beaucoup dort peu / Тот кто знает много, мало спит*.

Четвертая когнитивная тема – это «начинать учиться надо в молодости»: *Учись, пока лежишь не спростишься*. Следующая пословица подчеркивает печальные последствия пренебрежения образованием, с которыми человек может столкнуться в старости: *Смолоду прореха – под старость дыра*. Об этом же говорят английская и французская пословицы: *Knowledge in youth is wisdom in age / Ученье в юности – мудрость в старости; Jeunesse paresseuse, vieillesse pouilleuse \ Учись смолodu, не умрешь с голоду*.

Пятую когнитивную тему можно сформулировать так: «учение – это залог приобретения трудовых навыков». Туркменская пословица подчеркивает, что мастером своего дела невозможно стать, не пройдя процесс обучения: *Isin ussasi okatak \ Мастер дела это учение*. Об этом же говорят русские пословицы: *Человек неученый – что топор неточеный. Не учась и лаптя не сплетешь. Знание – сила*: это суждение звучит на разных языках: *Savoir, c'est pouvoir / Знать – значит уметь (Знание это сила). Knowledge is power / Знание – сила*. Английская пословица подчеркивает значение практических умений, имплицитно, что одних теоретических знаний недостаточно: *Knowledge without practice makes half but an artist / Знания без практики – это пол-мастера*.

Английские пословицы подчеркивают необходимость сочетания энтузиазма с основательной подготовкой в данной области: *Zeal without knowledge is a frenzy / Рвение без знания – это безумие. Zeal without knowledge is a runaway horse / Рвение без знания не польза, а беда*.

Шестая когнитивная тема формулирует важность наличия квалифицированного учителя для достижения оптимального результата: «хорошие ученики могут быть только у хорошего учителя». Например: *Всяк мастер на выучку берет, да не всякий доучивает. По ученику и об учителе судят*.

Туркменская пословица акцентирует ценность книги как источника знаний: *Bilmeyan zadny kitapsan sora / То, о чем не знаешь, спроси у книги*. Вместе с тем, другая туркменская пословица подчеркивает, что мало прочитать книгу, нужно понять прочитанное: *Okadym diyme bildim diy. – Не говори, что прочитал, говори, что узнал (от автора или ученого)*. В аналогичном ключе высказывается русская пословица: *Не тот грамотен, кто читать умеет, а тот, кто слушает да понимает*.

В языках есть пословицы, являющиеся переводом латинских пословиц. Таким примером является латинская пословица *Repetitio est mater studiorum / Повторение – мать учения*. Такова французская пословица: *La répétition est la mère de la science*.

Проникла в языки и другая латинская пословица: *Plenus venter non studet libenter / Полное брюхо к ученью глухо*. Однако во французском языке

эта пословица была переосмыслена и приобрела смысл *Пустое брюхо к учению глухо*, в смысле голод не способствует успешному овладению знаниями: *Un homme affamé ne pense qu'à pain / Голодный человек думает только о хлебе; Ventre affamé n'a point d'oreilles / У голодного желудка нет ушей (Голодное брюхо к учению глухо).*

Таким образом, мы рассмотрели ряд когнитивных, объективированных с помощью паремиологических единиц туркменского, русского, английского и французского языков. Данные паремиологические единицы объединены общей темой отношения к процессу обучения подрастающего поколения, а также темой важности статуса образованного человека в обществе. Проведенный анализ показал значительное совпадение содержания когнитивных единиц в разных языках, что свидетельствует об идентичности взглядов различных социумов на вопросы обучения и знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков К. А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии): дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004.
2. Иванова Е. В. Мир в англ. и русских пословицах. СПб., 2006.

Прокуророва О. В., Захарова П. С.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОКРАЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

*Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования сокращений в текстах современных средств массовой информации. Дается определение термина «сокращение» и классификация сокращений. В статье содержатся многочисленные примеры сокращений, материалом для отбора которых послужили следующие англоязычные новостные издания и информационные агентства: “The Guardian”, “BBC”, “Telegraph”, “News Week” и “Short List”. Для уточнения полных форм сокращённых слов и словосочетаний использовались словари “Cambridge Dictionary” и “Longman Dictionary of Contemporary English”. Статья также содержит описание процедуры отбора единиц, их анализ, классификацию и выводы в отношении частотности использования сокращений разных типов.

Ключевые слова: сокращения, английский язык, средства массовой информации.

«Принцип экономии» изначально присущ как человеческому мышле-

нию, так и отражающему его языку. В философии первым это явление исследовал философ-схоласт Уильям Оккам. Он полагал, что всякое подлинное объяснение должно быть максимально простым. Ему принадлежит известный принцип «бритвы Оккама»: сущности не следует умножать без необходимости. В лингвистике «принцип наименьшего усилия» был выдвинут лингвистом Бодуэном де Куртене, который называл его общим законом языка: «Языковая жизнь является непрерывной органической работой, а в органической работе можно заметить стремление к экономии сил и нерас трачиванию их без нужды, стремление к целесообразности усилий и движений, стремление к пользе и выгоде» [2, с. 226]. Французский лингвист А. Мартине считал «принцип экономии» главной движущей силой развития языка.

Таким образом, современная тенденция к сокращению не является чем-то революционным. Новизна заключается в масштабах, которые это явление приняло в наши дни, а также в том, как оно «подпитывается» новым видом общения – электронной коммуникацией (computer-mediated communication). Язык чутко реагирует на любые изменения жизненной действительности. Современные философы и психологи утверждают, что человек начала 21 века становится всё более рациональным, прагматичным, вследствие чего, как отмечают лингвисты, в языке всё более широко используются те средства, которые соответствуют установке человека на всё более рациональные, целесообразные и сжатые формы выражения своих мыслей. Сейчас ввиду развития информационных технологий, ускорения темпа жизни и роста потока информации в языке на всех уровнях (фонетическом, грамматическом и лексическом) всё сильнее проявляется тенденция к сокращению. Современное общество стремится к увеличению информативности текста за счёт его сокращения в целом, а если говорить в частности о средствах массовой информации, то в экономии заинтересованы обе стороны: как производители новостного контента, которые экономят пространство при размещении текста на страницах печатного издания или на сайте, так и читатели как потребители продукции, которые хотят получить максимально адекватное содержание за минимально время, потратив на получение информации как можно меньше усилий.

Однако следует заметить, что у языковой экономии есть пределы. Экономия может зайти так далеко, что акт коммуникации не состоится из-за неспособности получателя верно интерпретировать информацию. Поэтому устройство языковой структуры подчиняется принципу экономии, но не в «минимальной», а в «оптимальной» формулировке, то есть языковая структура стремится к сбалансированности на всех участках при минимуме изменений, а не к минимизации средств на каких-то отдельных участках.

Говоря об определении термина «сокращение» можно привести следующие. С. И. Ожегов в Толковом словаре русского языка так толкует анализируемое явление: `В словообразовании: существительное, образованное

из усечённых отрезков слов (напр., *исполком, комсомол*), из таких же отрезков в сочетании с целым словом (напр., *роддом, запчасти*), а также из начальных звуков слов или названий их начальных букв (напр., *вуз, АТС, МХАТ, ЭВМ, СКВ*), сложносокращённое слово [4].

Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова в Словаре-справочнике лингвистических терминов дают следующее определение, раскрывая этимологию термина: «Аббревиатура (итал. *abbreviatura* от лат. *brevis* – краткий). 1. Слово, образованное из названий начальных букв или из начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание (инициальная аббревиатура). 2. То же, что сложносокращённое слово. \ *Комсомол. Минпрос*» [3].

Тенденция к сокращению является универсальной, то есть характерной для любого национального языка. Язык всегда стремится к простоте выражения и сохранению его информационной значимости для целей коммуникации. Однако тенденция к сокращению реализуется по-разному, на разных языковых уровнях, в разных микросистемах. Сокращение может иметь место на уровне синтаксической структуры, фонетического или лексического состава языка. Пути и скорость проявления тенденции к сокращению зависят от типологических характеристик самого языка. В данной статье рассматриваются сокращения слов и словосочетаний в современных англоязычных средствах массовой информации.

Для поиска примеров сокращений были использованы следующие англоязычные новостные издания и информационные агентства: “The Guardian”, “BBC”, “Telegraph”, “News Week” и “Short List”. Методом сплошной выборки было отобрано 100 примеров использования сокращений различных типов. Для уточнения полных форм сокращённых слов и словосочетаний использовались словари “Cambridge Dictionary” и “Longman Dictionary of Contemporary English”. Далее отобранные 100 единиц были подвергнуты анализу, тип сокращения определялся в соответствии с классификацией И. В. Арнольд [1, с. 110–111]. Далее мы подсчитали количество сокращений каждого типа и их процентное соотношение.

Исследование показало, что в англоязычных средствах массовой информации широко используются различные виды сокращений. Язык современных СМИ характеризуется высокой емкостью, лаконичностью. Основным источником английских сокращений являются новостные статьи и заголовки. Это объясняется экономией места, желанием воздействовать на читателя экспрессивностью заголовка, желанием заинтересовать, а иногда и заинтриговать читателя.

Были выявлены два основных типа сокращений: графические и лексические.

Графические аббревиатуры являются результатом сокращения слов и словосочетаний только в письменной речи. Они используются для экономии пространства и усилий в письменной форме. Графические аббревиатуры иллюстрируют следующие примеры:

RRP – retail price

GB – gigabyte

Также аббревиатура может использоваться для сокращенной формы письменного слова или фразы, используемой в тексте вместо целого. Это достигается пропуском букв, образующих одну или несколько частей целого. Из некоторых статей средств массовой информации можно привести такие примеры как:

the ONS – the Office for National Statistics

NGO – non-governmental organization

the BBC – the British Broadcasting Corporation

BST – British Summer Time

MP – Member of Parliament

Рассматривая графические сокращения слов и словосочетаний можно выделить несколько семантических групп. Вот некоторые примеры употребления таковых из проанализированных статей:

1. Обращения:

Mrs. – missis

Mr. – mister

2. Ученые степени:

BA – Bachelor of Arts

MD – Doctor of Medicine

3. Единицы времени, длины, веса:

sq. – square

km – kilometer

В английском языке существует несколько типов инициализмов. На материале СМИ нами были обнаружены следующие примеры:

1. Инициализмы с алфавитным чтением, такие как:

CPI – consumer price index

The CBI – the Confederation of British Industry

HK – Hong Kong

the ONS – the Office for National Statistics

NGO – non-governmental organization

NHS – the National Health Service

the BBC – the British Broadcasting Corporation

MP – Member of Parliament

DC – District of Columbia in the US

GDP – Gross Domestic Product

OECD – Organization for Economic Co-operation and Development

LSE – London Stock Exchange

LED – light-emitting diode

DNA – deoxyribonucleic acid

IP – intellectual property

CEO – chief executive officer

HIV – human immunodeficiency virus

IS – the Islamic State group

AI – artificial intelligence

CDC – Centers for Disease Control and Prevention

BA – Bachelor of Arts

2. Инициализмы, которые читаются как слова, называются акронимами. Акроним (acronym) представляет собой сокращенную единицу языка, образованную из начальных букв или начальных элементов сложного слова или словосочетания. Полученный таким образом набор начальных букв произносится в речи по правилам произношения как слово, а не как отдельные буквы:

BALPA /'bælpə/ – The British Airline Pilots' Association

IATA /ai 'ɑ:tə/ – International Air Transport Association

NASA /'næs.ə/ – National Aeronautics and Space Administration

SARS /'sɑ:z/ – Severe Acute Respiratory Syndrome

VAT /væt/ – abbreviation for Value Added Tax

WHO /'hu:/ – the World Health Organization

NASA /'næs.ə/ – National Aeronautics and Space Administration

DOJ /dɒdʒ/ – Department of Justice

ABTA /'æb.tə/ – Association of British Travel Agents

Лексические сокращения классифицируются в соответствии с той частью слова, которая отсекается. В основном это конец слова, потому что начало слова в большинстве случаев является корнем и выражает лексическое значение слова. Этот тип аббревиатуры называется апокопа. Здесь можно привести такие примеры как:

tech – technical

gym – gymnasium

Помимо графических и лексических сокращений существует грамматическое сокращение (grammatical contraction). Данное сокращение соединяет вместе два слова, чтобы составить одно и является весьма распространенным. Оно присутствует в каждой проанализированной статье. Например:

don't – do not

can't – cannot

it's – it is/it has

Итак, анализ отобранного материала позволяет нам сделать следующие выводы. Преобладают инициальные аббревиатуры – на них приходится 76 % случаев, далее идут акронимы, доля которых составляет 13 %, графические аббревиатуры насчитывают 7 % и замыкают список апокопы и грамматические сокращения, доля которых – по 2 %. Примеры, представленные в статье, взяты из источников, опубликованных в 2020 году и отражают текущее состояние английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. The English word / Лексикология современного английского языка. М. : Высшая школа, 1966.

2. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* О связи фонетических представлений с представлениями морфологическими, синтаксическими и семасиологическими // Изб. труды по общему языкознанию. М. : Изд-во АН, 1963. Т. 2.

3. *Словарь справочник лингвистических терминов* / Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. М. : Просвещение, 1985.

4. *Толковый словарь русского языка* / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : «Азъ» 1992.

Руднева О. В., Савенкова К. Р.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

*Сургутский государственный педагогический университет,
г. Сургут, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются структурные и семантические особенности эмоционально-оценочной лексики, описывается специфика интернет-коммуникации. Характеризуется категория оценочности в языке.

Ключевые слова: эмоциональность, оценочная лексика, оценочность, интернет-коммуникация.

Языковая информация выполняет имеет прагматическую заданность, языковые средства направлены в том числе для воздействия на поведение и психику адресата. Среди прагматических функций языковой информации можно выделить следующие: экспрессивная; эмоциональная; эмоционально-оценочная; эстетическая; побудительная; контактная [1, с. 45].

По мнению А. Вежбицкой, эмоциональность предполагает «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном проявлении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков» [2, с. 33–34]. Следует отметить также, что среди наиболее характерных признаков категории оценочности можно выделить соответствие качеств предмета оценки его ценностным критериям, субъективному характеру, значимости и общей связанности с категорией эмоциональности.

Важно подчеркнуть, что в пределах лексического значения слова оценка может быть передана по-разному. К примеру, помимо непосредственно стилистической окраски слово также может выражать и оценку некоторых реалий окружающей действительности: в частности, существуют слова с позитивной или негативной оценкой, которые однозначно заявляют о точке зрения на рассматриваемый феномен.

Стоит отметить, что выбор оценочной лексики, как правило, обуславливается отношением человека к тому, о чем он говорит, т. е. его личной субъективной оценкой происходящего действия или феномена [3, с. 88–89].

Следовательно, категория оценки представляет собой определенную совокупность разноуровневых лексических единиц, которые объединяются общим лексическим значением и призваны выразить положительное либо отрицательное отношение говорящего к теме и предмету своего высказывания.

Более того, характерной отличительной особенностью передачи оценки остается возможность интенсификации и деинтенсификации оценки самим говорящим. Как правило, в речи оценка выступает как процесс установления отношения субъекта к объекту и при этом является ключевой частью процесса отражения реальности. По сути, все когнитивные процессы неизбежно сопровождаются оценкой, следовательно, оценочная лексика представляет собой значимый пласт системы языка.

Таким образом, феномен оценочной лексики представляет собой прагматический аспект речи, поскольку он отражает эмоциональное и субъективное отношение говорящего к тому или иному феномену окружающей действительности. Оценивание как процесс – неотъемлемый фактор когнитивного восприятия мира человеком, следовательно, такая категоризация всегда происходит имплицитно, в сознании человека. С точки зрения лингвистики, проблема оценочной лексики представляет определенный интерес, т. к. посредством изучения данного феномена можно сделать выводы и о специфике восприятия мира человеком. Сфера употребления эмоциональной лексики достаточно широка, такая лексика присутствует во всех жанрах и всех типах коммуникации, и в просторечии, и в литературном языке, и в устной, и в письменной речи.

Исследователь М. Кастельс указывает на наличие феномена «реальной виртуальности», что означает систему, которая подразумевает, что реальность остается полностью погруженной в виртуальный мир [4, с. 191]. Таким образом, информационные технологии способны изменить картину мира человека. В рамках формирования новых реалий технологического общества носители языка получают новый опыт, и при этом язык является чутким инструментом, реагирующим на множественные экономические, социальные и политические изменения. Вне всякого сомнения, любые масштабные процессы неизбежно отражаются в системе языка.

Можно также отметить, что язык находится в непрерывном приспособлении к изменяющемуся миру. Эволюция языка при этом характеризуется принципами, а также и необходимостью сбережения системы языковых средств [5, с. 28]. Сами по себе условия коммуникации в Интернет-среде подразумевают соблюдение языковой экономии из-за существенной ограниченности коммуникативных ресурсов [6, с. 55]. В то же время на выбор языковых средств оказывают влияние и экстралингвистические факторы, обусловленные как спецификой коммуникативной среды, так и социально-коммуникативными отношениями участников, их социальными, демографическими, психологическими и культурными характеристиками.

Отличительной особенностью Интернет-коммуникации остается ее

специфическая репрезентация устной речи, которая далека от нормативного общепринятого стандарта. Ввиду того, что подавляющее большинство активных участников Интернет-коммуникации в русском сегменте Интернета являются молодыми людьми, они формируют в Интернет-пространстве некую новую социокультурную реальность. Сетевая структура Интернета сама по себе предполагает статусное равноправие участников коммуникации, возможность демократичного общения «на равных» [7, с. 80], а высокая степень проницаемости данной среды предоставляет любому пользователю потенциальную возможность стать участником или свидетелем коммуникативного акта [8, с. 73].

Следовательно, со всей уверенностью можно утверждать, что новая сформированная и продолжающаяся формироваться языковая коммуникативная среда способна оказать существенное влияние на реализуемые речевые практики. Феноменальность Интернет-коммуникации состоит в том, что он подразумевает значительную интерактивность и непредставимую прежде широту коммуникационного канала. Появление новых технологий и новых феноменов вызывает активное словообразование, и такие новые слова ввиду обширности сетевой коммуникации становятся достоянием миллионов людей. Такое формирование неологизмов, специфичных именно для Интернет-коммуникации, указывает на все своеобразие используемой в данном дискурсе лексики и лексических оборотов.

Стоит отметить, что в русском языке Интернет-коммуникации пополнение и расширение словарного запаса происходит преимущественно за счет заимствования лексических единиц из английского языка. Такая особенность объясняется доминирующим положением английского языка в сфере Интернет-коммуникации. Стоит отметить, что такие заимствования в подавляющем большинстве испытывают воздействие морфемного состава русского языка, что приближает их в системе русского языка, например: *респект* (*респект тебе*) – выражение уважения, поддержки, одобрение поступка; *хайповый* (*хайповая тема, хайповая песня*) – известный, популярный, активно обсуждаемый; *трэшковый* (*трэшковый разговор, трэшковая ситуация*) – неприятная ситуация, тема, не заслуживающая внимания. Кроме того, стоит подчеркнуть, что значительная часть приведенных выше лексических единиц была сформирована в контексте индустрии компьютерных игр. Преимущественно, речь идет об англицизмах, поскольку современная индустрия компьютерных игр непосредственно создана на английском языке.

Стоит отметить также, что многочисленные Интернет-эмотивы призваны оказывать существенное влияние на аудиторию. Оценочный состав Интернет-эмотивов способен указать на то, что лексические единицы данного типа в значительной степени формируют ценностные ориентиры Интернет-пользователей и Интернет-аудитории. Стоит отметить высокую степень «мультикодовых» текстов в интернет-коммуникации [8, с. 74].

Большинство используемых в Интернет-коммуникации (комментарии

видеоблогов, посты в «Instagram», «ВКонтакте») оценочной лексики характеризуется принадлежностью к жаргону: «*Чувак в ролике реальный зашквар!*» (зашквар – потеря репутации, крим. жарг. зашкварить «осквернить»), «*Это Рофл если кто-то не понял*» (рофл – перевод английской аббревиатуры ROFL – Rolling On the Floor Laughing – «катаюсь по полу от смеха»), Лексические единицы со значением оценки того или иного коммуникативного события чаще всего представляют собой кальки из английского языка, прошедшие фонетическую, морфологическую адаптацию в системе русского языка.

Данная лексика характеризуется принадлежностью к молодежной среде общения (Интернет-жаргон) и сопровождается эмотивами. В большинстве это заимствования из английского языка («*Сейчас бы агриться, когда тебе подписчица комплимент делает насчёт фигуры*», Instagram – англ. aggress «нападать; начинать агрессивные действия»; «*Ты и твои френды — вы толпа*», Instagram), из компьютерного жаргона и воровского жаргона (зашквар), лексика молодежного сленга (жесть – неоднозначная оценка чего-либо; или негативная; может вызывать шокирующие эмоции: «*В школу не идём, в университет не идём, на работу не идём... Жесть*», vk.com). Незначительное количество перифрастических оборотов со значением оценки («*Диванные критики, вы все герои в комментариях*», youtube), а также оценочной лексики, не связанной с заимствованиями из английского («*одна школота в коментах строчит*», youtube – собир., жарг., уничиж. школьники). Большое количество в оценочной лексике имен прилагательных. Самыми продуктивными являются суффиксальные образования от англицизма (хайповый, лайтовый, трушный) Среди имен существительных продуктивна модель образования с помощью суффиксов -ер слов, обозначающих лицо, выполняющее определенные действия или носителя определенных признаков (*читер, флудер, спамер, ламер, личер*). Усечение основы является самым продуктивным способом образования жаргонных слов (*коммент, прога, мерч, репа (репутация), вирь (вирусная программа)*). Существительные со значением опредмеченного признака, процесса чаще образуются с помощью суффикса -ух (уважуха), --ак (ржака), -инг (троллинг),

Неоправданное использование англицизмов в речи молодежи показывает отсутствие богатства лексического запаса, ориентацию на западную культуру, характеризует новые ситуации общения, некоторые сленговые слова нельзя перевести на литературный язык одним словом. («*Чёрная икра, слишком лакшери*», vk.com; «*Если бы не паблики которые его яро хайпили, так бы и остался ноунеймом*» vk.com). Данный аспект является одним из языковых фактов эпохи и требует внимания педагогов, так как иллюстрирует разрыв между поколениями, принадлежащими разным эпохам. Постоянная потребность выразить себя при помощи эмоционально маркированных слов приводит к появлению новых экспрессивных средств выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Киселёва Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978.
2. *Вежбицкая А.* Русский язык // Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. С. 33–34.
3. *Гак В. Г.* Эмоции и оценки в структуре высказывания // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 3. С. 88–89.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / пер. с англ. ; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М., 2000.
5. *Мартине А.* Основы общей лингвистики. М., 2009.
6. *Бергельсон М. Б.* Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55–67.
7. *Кутузов А. Б.* Коммуникативные особенности дискурса компьютерных сетевых форумов // Третьи Лазаревские чтения: Традиционная культура сегодня: теория и практика: Мат-лы Всерос. научн. конф. с междунар. участием. Челябинск, 2006. Ч. 3. С. 79–83.
8. *Галичкина Е. Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: дисс. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2001.

Суханова И. Г.

КОЛОРЕМА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ И ОТРАЖЕНИЯ АТМОСФЕРЫ КОНКРЕТНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

*Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию свойств колоремы, лексической единицы, позволяющей вербализовать цветовой образ. Цветообозначение – это социально значимое явление, так как изучение трансформации значений цвета позволяет исследователю увидеть и проанализировать изменения в развитии того или иного языкового сообщества. Материалом исследования послужили англоязычные тексты романов Ч. Диккенса, Р. Ренделл и Дж. Ланчестера. В результате были получены данные, которые позволили определить эстетические характеристики колоремы, её особенности функционирования в тексте, как средства создания образности и воспроизведения атмосферы конкретной исторической эпохи.

Ключевые слова: колорема, цветообозначение, образность.

«Цвет – это клавиш, глаз – молоточек, душа – многострунный рояль. Художник есть рука, которая посредством того ли иного клавиша целесообразно приводит в вибрацию человеческую душу». Так о влиянии цвета на восприятие человеком окружающей действительности писал знаменитый художник и теоретик изобразительного искусства В. В. Кандинский [2, с.

78]. Говоря о словесной живописности, невозможно представить себе художественное произведение, в котором бы не использовались цвета и цветообозначения. Как продуктивные средства создания образности в литературе, цветообозначения дают авторам возможность отобразить изображаемое и описываемое в конкретной наглядности, выразить свой собственный стиль, мировоззрение, отношение к окружающей действительности в определенный отрезок времени. Точное описание цвета и его оттенков позволяет читателю погрузиться в атмосферу повествования, «увидеть» и «почувствовать» описываемые предметы и места. Мир не черно-белая картинка и все оттенки серого. Это палитра огромного количества цветов, для называния которых мы используем множество лексических средств. Но всегда возникает ситуация, когда, увидев что-то впечатляющее, мы не можем найти нужных слов, чтобы точно передать цветовые особенности предметов.

Природа цвета интересовала ученых и естественно-научных, и гуманитарных областей. Что такое цвет и как его воспринимает человек изучали и изучают физиологи и психологи, биологи и философы, физики и культурологи, химики и филологи. В лингвистических исследованиях языковые средства, описывающие и называющие цвета, принято структурировать в виде лексико-семантического поля. Интегральным признаком, присущим каждому члену такой системы, является значение цвета. Архилексемой лексико-семантического поля цвета является сема цвет – это объединяющий элемент, входящий в семантический набор каждого из членов поля. К ядерной зоне этого поля можно отнести прямые цветообозначения или колоремы, в которых сема цвета является доминирующей (*red, white, green* и др.), к периферии относятся слова, в которых сема цвета является дифференциальной или уточняющей (*custard-coloured, ivory-white, dim, light, dark* и др.). Колоремы или цветообозначения – это языковые единицы, которые называют цвета и их оттенки, это лексические единицы, позволяющие вербализовать цветовой образ. Колорема используется в тексте с эстетической целью, это важнейшее средство создания словесной живописности и определенной художественной образности, позволяющее автору, как художнику, представить изображаемое в непосредственной наглядности, «зримости» [3, с. 86]. Колорема является не только средством отражения цвета или оттенка предмета окружающей среды, но и может передавать эмоциональное состояние человека, то есть служить средством эмоциональной оценки и выражения субъективного видения действительности. Кроме того, использование определенных цветообозначений в описании действительности позволяет автору точнее передать историческую эпоху, атмосферу бытия определенного сообщества, создать «картинку» и фрагмент жизнедеятельности героя.

Очевидно, что цветообозначения включаются в описания фрагментов действительности наряду с другими языковыми средствами. Однако именно цветообозначения конкретизируют предметы действительности, «раскрашивают» мир героя, позволяют читателю увидеть описываемое в полной мере.

Количество лексических единиц с семой цвета невозможно точно

определить, так как любой автор наряду с самыми привычными колоремами «красный», «бирюзовый» или «оливковый», может придумать новое цветоименование, используя предметы своего быта. И тогда в тексте вместо «зеленый» встречается цвет «свежей листвы» и не красный или оранжевый, а цвет «июльского заката». И если практически любой человек знает, какого цвета снег, то вопрос «какого цвета дождь?» может удивить неожиданным ответом.

В английской художественной прозе цветообозначения также широко используются. Их количество также сложно определить, так как словообразовательные модели, существующие в английском языке, позволяют создавать новые цветообозначения достаточно легко. Но анализ существующих в языке и закрепленных в словаре колорем не менее интересен, так как это лексико-семантическое поле в английском языке достаточно обширно.

Впервые цветообозначения были систематизированы Б. Берлином и П. Кеем, которые выделяли три основных компонента: цветовой тон (главная компонента), яркость и насыщенность. По их мнению, с помощью этих трех характеристик можно описать любое цветоощущение. Классификация Б. Берлина и П. Кея систематизирует цветообозначения как кардинальные, основные, оттеночные и дополнительные и включает четыре критерия, по которым то или иное слово может относиться к цветоименованиям:

- а) слово должно быть моноксемой, то есть должно быть непроемным и не относиться к сложным словам;
- б) слово по значению не должно уже обозначать другие цвета;
- в) слово должно обладать широкой сочетаемостью;
- г) слово должно быть значимым для носителей языка.

Анализ словарного состава 98 языков позволил им выделить 11 основных цветов или, так называемых, универсальных понятийных цветовых категорий, которые любой язык приобретает в определенной последовательности, а именно: 1) *black, white*; 2) *red*; 3) *yellow, green*; 4) *blue*; 5) *brown*; 6) *purple, pink, orange, grey* [5, с. 94].

Дальнейшие исследования позволили ученым классифицировать цветоименования и по другим принципам и значительно расширить лексико-семантическое поле цвета. Так, к названиям основных цветов или базовых цветообозначений (*yellow, white, red, green, grey, brown, blue, black, purple, pink, orange*) были добавлены словосочетания, называющие более сложные цвета (*baby blue, snowy white* и другие), и оттенки или слова с модификаторами (*bright gray, pale green, dark green, dull-green, bright red* и другие), а также относительные прилагательные (*snowy, cream, beige* и другие), двусоставные прилагательные модели «цвет + цвет» (*red yellow, blue green, reddish ginger, pinkish violet* и другие), словосочетания модели «цвета» (*colour of the English sea, colour of rotting fruit, colour of sunshine on sand* и другие) которые позволяют сделать цветовое описание более точным [9, с. 408], [1, с. 117].

Цветообозначения признаются социально значимым явлением, так

как считается, что текст может трактоваться как вторичная моделирующая система, воспроизводящая в общих чертах фрагменты реальной действительности [4, с. 27]. Цветообозначения могут отображать ценностные приоритеты и культурные стереотипы общества определенной эпохи. Анализ трансформации некоторых значений цвета в созданной автором индивидуальной цветовой картине художественного образа позволяет исследовать возможности функционирования цветообозначений в тексте, их стилистические и структурные функции.

Так, для изучения возможных изменений в восприятии и описании известного многим поколениям места в качестве материала исследования используются описания городской среды. Город – это хранилище культурной и исторической памяти народа. Описание города отражает национальную и культурную специфику людей, которые в нем живут. Более того, описание конкретного города в определенную историческую эпоху отражает особенности этого периода, атмосферу общественной жизни, основные тенденции развития общества и настроение горожан этого времени. Таким образом, лингвистический анализ описаний одного и того же города у авторов разного исторического периода позволяет увидеть изменения как в жизни города, так и в отношении к окружающей действительности его жителей. В частности, одним из наиболее значимых и репрезентативных элементов национальной английской культуры является столица Великобритании Лондон. Интересно, что Лондон очень часто описывается в произведениях как классических, так и современных британских авторов, что подтверждает значимость этого мегаполиса в формировании общественного уклада британцев, отражает их мировидение и их восприятие действительности.

Так, в произведениях Ч. Диккенса, Лондон – это грязное, угрюмое место, в описаниях которого превалирует колорема *black* и её варианты *perfectly black, blacken, blackest*. Причем, в этих контекстах встречаются такие лексические единицы, как *neglect, dust, age, dirt, dirty, discoloured, filthy, dark, darkness, gloomy, grimy* и другие лексемы с отрицательной коннотацией, что естественным образом создает атмосферу заброшенности и уныния. Лондон представляется читателю грязным и чёрным от дыма труб, смога, бедности и безысходности. Вряд ли Лондон эпохи Ч. Диккенса является привлекательным для туристов. Это страшное место скорее подходит беглым преступникам, его улицы опасны и пустынно. Возникает ощущение, что в Лондоне только два цвета – черный и серый.

В отличие от Лондона 19-го века, современный мегаполис представляет собой буйство красок (*bright green, scarlet, acid yellow, orange, turquoise, rich violet, ivory-white*). И это не только базовые цвета, а самые разнообразные оттенки. Интересно, что и контекст поддерживает позитивный настрой описания. Авторы используют такие лексемы как *raspberry-coloured, custard-coloured, cleanest, brightest, whitest* и другие, что создаёт атмосферу праздника, чистоты, уюта. Даже черный цвет уже не ассоциируется с грязью и заброшенностью. Это скорее дань прошлому, эстетическая

ценность, шик и роскошь, как дорогое Лондонское такси (*black cabs*) или изящный винтажный экипаж (*black-and-gold carriage*). Лексемы, которые используются в соответствующих контекстах (*glamour and romance of London, drawn by four black horses with black feathers on their heads*), поддерживают атмосферу роскоши.

Описания Лондона эпохи Ч. Диккенса отражают атмосферу тяжелой жизни в этом большом, но негостеприимном городе. Однако Лондон в произведениях современных авторов, таких как Рут Ренделл (автор романа «*Portobello*») или Джон Ланчестер (автор романа «*Capital*») представляют Лондон в новом свете и цвете, отражая тем самым изменения в общественном укладе жизни современного мегаполиса, отношении к окружающей действительности. Стремление его жителей сделать свою жизнь ярче и интереснее изменили облик Лондона, сделав его комфортным для себя и привлекательным для туристов. Трансформации семантических свойств колоремы *black* отчетливо показывают, какие изменения произошли в обществе и культуре жителей города. Это уже не унылое, опасное место, пристанище криминальных элементов и отчаявшихся искателей лучшей жизни. Это город романтиков и художников, успешных профессионалов, уверенных в себе и своём будущем счастливых людей. Их оптимизм и позитивное отношение к миру позволило «раскрасить» этот город в самые необычные яркие цвета. Желание авторов точнее описать каждый предмет, подмечая его цвет и оттенок, говорит о важности этих элементов действительности и лексических средств, которые вербализуют созданные автором ситуации.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что колорема обладает эстетическими характеристиками. Колорема, как важнейшее средство создания словесной живописности и продуктивное средство создания образности в литературе, воспроизводит фрагменты реальной действительности и атмосферу конкретной исторической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и название цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. Москва : КомКнига, 2005. 216 с.
2. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Москва : Эксмо, 2016. 160 с.
3. Качаева Л. А. Цветовая палитра А. И. Куприна // Писатель и жизнь. Москва, 1981. 86 с.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. Санкт-Петербург : «Искусство. СПб», 1998. С. 14–285.
5. Berlin, B., Kay, P. Basic Color Terms. Their University and Evolution. California : University of Californian Press, 1969. 178 p.
6. Dickens, Ch. Oliver Twist [electronic resource]. URL: <https://www.planetebook.com/free-ebooks/oliver-twist.pdf>
7. Lanchester, J. Capital. United Kingdom: Faber and Faber Ltd, 2012. 577 p.
8. Rendell, R. Portobello. England: Arrow Books, 2008. 376 p.
9. Rich, E. Sex-related Differences in Colour Vocabulary. Language and Speech, 1977. Vol. 20. Pp. 404–409.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МИКРОТОПОНИМОВ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

*Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация*

Аннотация. В статье проанализированы и классифицированы топонимы Республики Марий Эл по лексико-семантическому принципу. Материал исследования был извлечён из картографических источников и печатных и электронных изданий. В работе описываются названия малых топонимов: антропонимического происхождения; отражающие географические особенности рельефа, флору и фауну местности; выражающие духовную и религиозную деятельность человека, мифологию этноса; раскрывающие общественно-хозяйственную деятельность человека.

Ключевые слова: микротопонимия, микротопоним, топокомпонент, Республика Марий Эл, лексико-семантический подход.

Проблемы региональной микротопонимии остаются недостаточно изученными, несмотря на то, что несут в себе не только ценный языковой материал, но и факты исторического, этнокультурного, общественно-политического характера. Важность изучения национальной топонимии обусловлена тем, что все виды топонимов, в частности, микротопонимы, находятся на стадии исчезновения. Актуальность настоящего исследования заключается в анализе сохранившихся географических названий малых географических объектов на территории Республики Марий Эл (РМЭ).

Каждый народ наряду со своей территорией, историей, культурой, языком, религиозными традициями располагает своим национальным топонимиком. Национальная марийская топонимия представляет собой культурное, историческое наследие Марийского народа, в которой отражаются важнейшие этапы её развития.

Целью нашего исследования является анализ и классификация микротопонимов по лексико-семантическому принципу на примере Республики Марий Эл, одного из регионов Российской Федерации.

Топоним – разряд топонимов, слово, обозначающее собственное название природного объекта. Топоним составляет особый сектор или разряд лексической системы языка. В основе системной классификации данного раздела лежит тематическая классификация слов в зависимости от значения и сферы употребления.

В исследованиях по марийской топонимике анализируются, как правило, названия крупных топонимов или географических объектов определённого класса (Воронцова О. П., Галкин И. С., Черных С. Я., Куклин А. Н. и др.). Взаимодействие языков в топонимии РМЭ, в том числе, с татарским компонентом, отражено в работах, посвящённых малым топонимам, в частности, гелонимам и оронимам [2; 3; 4].

Одним из источников возникновения микропонимии являются физико-географические особенности данной территории. Микропонимия рассматривается как отдельная группа топонимических наименований. Микропоним – это собственное имя чаще природного физико-географического объекта, реже – созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого объекта, в том числе микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков, лугов, полей, рощ, улиц, угодий, урочищ, лесосек, пастбищ, ключей и др.).

Классификация микропонимов РМЭ представлена по лексико-семантическому принципу:

1) **Названия антропонимического происхождения** (т.е. имя владельца данного места). Самую большую группу составляют названия, которые происходят от личных имён, фамилий и прозвищ. Например: Карымкинская мельница, Акылбай ото (молельная роща Акылбая), Сапан кўсото (мольбище Сапана), Серьгино (дом лесника Сергея), Серёгина (дом лесной охраны Сергея), Симакайка (дом лесника Симака), Сабанаково (лесоучасток Сабаняка), Тынбай лук (улица Тынбая), Ямбылат кўвар (мост Ямбылата), Табашино (ж/д станция Табаша), Ямыта памаш (родник Ямыта), Извай арка (возвышенность Аркая), Идалмаш арка (возвышенность Идалмаша) и др. Например:

Алыш кўсото – мольбище у деревни Кугенер Сернурского р-на. Топоним отантропонимный, ср. Алыш, Алиш – собственное имя. Антропоним Алиш – тюрк. по происхождению: араб. али «возвышенный» + тат. иш «чета, пара, товарищ». Кўсото – мар. по происхождению в значении «мольбище».

Идалмаш арка – возвышенность в Красноярском с/с Звениговского р-на. Топоним указывает на владельца возвышенности Идалмаша. Это дохристианское собственное имя марийцев, восходит к тюрк. Италмас, которое состоит из двух основ: ит «собака»+алмас «не возьмёт».

Сабанаково – лесоучасток в Аргамачинском с/с Килемарского р-на. Название отантропонимное, ср.: Сабаняк – муж. личное имя марийцев от тат. сабан «плуг» + ак суффикс, -ово – топоформант.

Сапан кўсото – мольбище у деревни Кокшародо Большеключевского с/с Сернурского р-на. Название дано по имени жреца, проводившего моления в этой роще.

Симакайка – дом лесника в Шимшургинском с/с Звениговского р-на. отантропонимный, ср.: Симак – мужское личное имя марийцев. Конечный элемент –ай(ка) – сложный суффикс с ласкательным значением. Этимологически он восходит к слову сима «пружина, стальная пластинка, гнупок, виток, гибкий и упругий прут».

Ямбылат кўвар – мост за дер. Кугенер в Сернурском р-не. Топоним

отантропонимный. Название дано по имени хозяина моста или того, кто его построил, ср. Ямбылат. Ямбулат – собственное имя: тат. ямь «красота, краса, уют» + пылат <булат «сталь, булат» + мар. кўвар в значении «мост».

Сергино – дом лесника в Марьинском с/с Юринского р-на. Ныне не существует. Название возникло от ласкательной формы имени Сергей – Серга + конечный топоформат -ино.

Серёгина – дом лесной охраны в Кромском с/с Юринского р-на. Ныне не существует. Ойконим отантропонимный, образован с помощью топоформанта -ино от ласкательной формы имени собственного Сергей – Серёга.

2) **Названия, отражающие географические особенности рельефа, флору и фауну местности.**

а) **ландшафт**: гора (Пьяная гора), Извай арка (возвышенность, холм), Лоп (низина), Лопасенэр корем (овраг в низине), Лопаш (деревня в низинном месте), Лопе куп (низинное болото), Лоп куп (болото в низине), Лопнур (деревня на низинной поляне), Подьем (деревня в горной местности), Алаир ныр (поле, равнинное место):

Пьяная гора – деревушка в Яраморском с/с Моркинского р-на, ныне не существует. Предположительно, название дает характеристику ландшафту местности, ассоциируясь, при этом, с другим русским словом пьяный «Гора, не устоявшаяся, меняющая свой облик, шаткая».

Извай арка – возвышенность в Сотнурском с/с Волжского р-на. Топоним указывает на владельца объекта. Извай – дохристианское личное имя марийцев. Извай арка – «возвышенность Аркая».

Идалмаш арка – возвышенность в Красноярском с/с Звениговского р-на. Топоним указывает на владельца возвышенности Идалмаша. Это дохристианское собственное имя марийцев восходит к тюрк. Италмас, которое состоит из двух основ: ит «собака»+алмас «не возьмёт».

Лоп (оф. Лопово) – деревня в Карлыганском с/с Марий-Турекского р-на. Название марийского происхождения: лоп «низина, долина», то есть «низинная деревня».

Подьем – деревня в Коротнинском с/с Горномарийского р-на. Название русского происхождения, отражает ландшафт горной местности, где образовано поселение, то есть «деревня на подьеме».

Алаир ныр – поле близ деревни Кўшыл Солаволкы Горномарийского р-на. Первый компонент Алаир состоит из двух основ: ала<хала «город»+ир<йыр «кругом, вокруг». Второй компонент ныр /нур – марийский географический термин в значении «поляна, поле».

б) **качество и цвет почвы, воды**: Йошкар курык санга (возвышенность по цвету почвы), Йошкар сер корем (овраг по цвету и качеству почвы), Йошкар куп (болото по цвету воды), Шем памаш (родник - название по цвету воды).

В марийской топонимике прилагательное йошкар «красный» не сходно с русской семантикой слова красный «красота»; адъектив называет лишь цвет объекта или предмета.

Йошкар курык санга – возвышенность в Лажъяльском с/с Сернурского р-на. Ороним марийского происхождения: йошкар «красный»+курык «гора»+санга «лоб, склон» указывает на цвет почвы, где находится данная возвышенность.

Йошкар куп – болото в Красноярском с/с Звениговского р-на. Название отражает цвет воды болота. Это свидетельствует о том, что в воде содержится много железа, поэтому название болота переводится «Красное болото»: йошкар «красный»+куп «болото».

Йошкар сер корем – овраг в Петъяльском с/с Волжского р-на. Название марийского происхождения указывает на цвет географического объекта: йошкар «красный»+сер «берег»+корем «овраг», то есть «овраг с красными берегами». Это говорит о том, что берега данного оврага богаты глиноземом.

Шем памаш – деревня в Кукмаринском с/с Советского р-на, ныне не значится. Атрибут **шем** «черный» характеризует цвет воды в роднике. Таким образом, Шем памаш «Черный ключ».

в) названия по растительности: Ревнур корем (овраг, где произрастает репа), Ревнур куп (болото, где произрастает репа), Рамень (дом лесной охраны – название по лесу), Сасканур (лесоучасток – название по месту произрастания ягод), Тумерсола (пристань, где произрастают сосны), Алан чодыра (лес с поляной), Йошкар памаш пүнчö (возвышенность с соснами), Торешкүвар якте (сосняк), Ошканэнгер (приток реки – название по растительности), Изи Карлыган (деревня – название от растительности «смородина»), Изи Кадем (речка), Изи Йыгыръяр (озеро карстового происхождения):

Рамень – дом лесной охраны в Аргамачинском с/с Килемарского р-на. Название-характеристика местности по растительности, ср.: рамень – лес, соседний с полями, пашнями.

Ревнур корем – овраг в Кужмаринском с/с Советского р-на. Ороним указывает на местоположение объекта: Ревнур < реве «репа»+нур «поле» и корем «овраг», то есть «овраг у поля, где посеяна репа».

Алан чодыра – лес в Волжском р-не близ деревни Нурмучаш Шайра. Топоним марийского образования: алан «поляна»+чодыра «лес», то есть «лес с поляной».

Изи Карлыган (оф. Малый Карлыган) – деревня в Карлыганском с/с Марий-Турекского р-на. Отфитонимный ойконим татарского происхождения, ср.: тат карлыган «смородина». Марийское слово *изи*, являясь компонентом двусловных тополексем, указывает на малую величину или вторичность образования топообъекта.

Йошкар памаш пүнчö – возвышенность с соснами на берегу р. Шабы у дороги Сернур – Киров. Топоним в разряде микропонима марийского происхождения, где йошкар памаш – название деревни, пүнчö «сосна», то есть сосна у деревни Йошкар памаш. Под соснами вытекает родник, вода которого считается целебной.

Ошканэнгер – правый приток р. Немды. Гидроним марийский, сложный, состоит из двух слов: ошкан – имя прилагательное с суффиксом -ан от ошко «осокорь»+энгер «река, речка», то есть «речка с осокорями или речка, берегу которой растут осокори»

г) *названия рыб, животных, птиц и насекомых*: Каракаер (озеро с карасями), Шеренга (дом лесной охраны, комоним отихтионимный), Заячья (пристань – отзоонимное название тотемного характера), Изи Алангййяр (озеро с окунями). Топонимы с компонентом маска «медведь» являются наиболее распространенными отзоонимными топонимами в марийских географических названиях», многие из которых происходят от мужского личного имени марийцев тотемного происхождения: Маска корем (овраг), Маска куп (болото), Маскан корем (овраг), Масканур (деревня), Маскародо (деревня), Маскасола (деревня).

Заячья – пристань в Дубовском п/с Горномарийского р-на. Отантропонимный топоним прозвищного характера, в основе названия которого лежит зооним.

Каракаер – озеро в Яраморском с/с Моркинского р-на. Лимноним указывает на превалирующий сорт рыбы в озере. По образованию сложный, состоит из двух слов, ср.: карака «карась»+ер «озеро», то есть «озеро Карась» или «озеро с карасями».

Маска корем – овраг в Верхушнрском с/с Советского р-на, отзоонимный составной ороним, где маска «медведь», корем «овраг», тот есть «медвежий овраг».

Маска куп – болото в Волжском р-не по аналогии с Маска корем «Медвежье болото». Название отражает ареал обитания животного. Медведь изображен на гербе Республики Марий Эл, является символом преданности и силы, означает лесной характер природы.

Изи Алангййяр – озеро в Юринском р-не. Лимноним указывает на животный мир озера, ср.: алангй «окунь»+ йяр «озеро», тот есть «окунево озеро».

Шеренга – дом лесной охраны в Абаснурском с/с Советского р-на. Комоним отихтионимный. Назван по озеру Шеренга. Шеренге (мар.) «плотва, сорога» – комоним отихтионимный, указывает на преобладание этого вида рыбы в озере.

д) *названия частей тела*: Сухое горло (дом лесной охраны - апеллятив «горло»), Йолгуп (болото, название апеллятив «нога»), Кульбаш (деревня, название-апеллятив «голова»):

Йолгуп – болото в Петъяльском с/с Волжского р-на. Название Гелоним указывает на внешнюю форму географического объекта: йол «нога»+куп > гуп «болото», то есть болото, похожее на ноги, то есть «раздвоенное болото»

Сухое горло – дом лесной охраны в Аргамачинском с/с Килемарского р-на. Название-апеллятив, ср.: горло «проток, устье реки». Атрибут сухой говорит о том, что место здесь безводное.

Кульбаш – татарская деревня в Ульбашинском с/с Моркинского р-на. Ойконим татарского происхождения, сложный, состоит из двух слов: куль «озеро»+баш «вершина, голова», то есть «голова, вершинный конец озера».

е) **местоположение относительно ближайшего населенного пункта:** Коротни, Уржумка (лесоучасток), Табашино (ж/д станция), Уржумский (дом лесной охраны).

Коротни – лесоучасток в Ахмыловском с/с Горномарийскоо р-на. Название указывает на местоположение участка около деревни Коротни.

Табашино – ж/д станция в одноимённом с/с Оршанского р-на. Станция названа по одноимённому селу. Русский топоним с топоформантом – ино, ср.: Табаш – мужское личное имя марийцев в Удюрминской волости Царевосанурского уезда, возводимое к чувашскому слову тапаш «барыш». Первопоселенец Табаш является, по всей видимости, обрусевшим марийцем.

Уржумка – лесоучасток в Сидельковском с/с Звениговского р-на. Ныне переименовано в Уржумское лесничество и входит в состав Кокшамарского с/с. Лесоучасток получил свое название от финно-угорского гидронима Вүрзым, Уржум вүд (оф. Уржумка), правого притока реки Вятки.

Уржумский – дом лесной охраны в Кокшамарском с/с Звениговского р-на. Название оттопонимное, от деревни Уржумка.

3) **Названия, отражающие духовную и религиозную деятельность человека, мифологию этноса:** кладбища, места религиозных поклонений, культовых сооружений (экклезионимы), онимы, связанные с мифологическими персонажами, например: Альш күсото, Ёлыл күсото, Сапан күсото, Извече күсото, Янгараш күсото (мольбище), Сүрем ото, Акылбай ото (роща, молебное место), Керемет ото (роща), Керемет чодыра (лес, где обитали нечистые силы), Вуверьер (озеро, где жила ведьма), Овда корем (овраг Овды), Овда кү курык (гора, где обитала Овда), Юмылдымаш корем (молельный овраг).

Янгараш күсото – молельная роща находится между деревнями Кугенер и Койсола Сернурского р-на. Отантропонимный топоним, ср.: Янгур, Янгараш – собственное мужское имя тюркского происхождения. Янгараш < др.-тюрк. янгр «звучать, звенеть»+суффикс –аш, күсото < мар. күсото «мольбище».

Акылбай ото – молельная роща близ деревни Кугенер Сернурского р-на. Дримоним образован от марийского собственного имени Акылбай и марийского ото «роща». Акылбай по происхождению тюркский: акыл «ум, разум, рассудок, интеллект»+бай «богач, богатый».

Вуверьер – два озера, расположенные в Волжском и Звениговском р-нах. Лимноним сложный, состоит из двух слов и связан с народной мифологией марийцев, ср.: вувер «ведьма»+ер «озеро», то есть озеро, где водится ведьма.

Вуверэнгер – речка в Сернурском р-не. Гидроним также по своему происхождению связан с народной мифологией марийцев и состоит из двух

слов: вувер «ведьма»+энер «река».

Керемет чодыра – лес в Яраморском с/с Моркинского р-на. Дримоним марийского образования: Керемет «злой дух»+ чодыра «лес», указывает на место обитания Злого Духа – Керемета.

Овда корем – овраг в Моркинском р-не. Ороним отантропонимный. Овда – антропоним, корем «овраг», то есть овраг Овды. Прослеживается связь оронима с марийским словом овда «мифическое существо женского рода» (ведьма).

Овда кӱ курык – возвышенность на территории Яраморского с/с Моркинского р-на. Название марийского образования, восходящее к мифическому существу женского рода овда + кӱ «камень»+курык «гора». Ороним указывает на место, где обитали мифические существа, и дает физико-географическую характеристику местности.

Юмотоер – озеро в бассейне р. Илети, гидроним сложный и состоит из трех марийских слов, ср.: юмо «бог»+ото «роща»+ер «озеро», то есть «озеро у рощи, где молятся богу».

Юмылдымаш корем – овраг в Карайском с/с Волжского р-на. Ороним типично марийский, также связан с языческой религией: юмылдымаш «моление», корем «овраг», то есть «молельный овраг».

Юмылдымо куп – болото в Именецком с/с Звениговского р-на, типично марийский гелоним, где юмылдымо «моление»+куп «болото», то есть «молельное болото». По-видимому, у данного болота марийцы молились.

4) Названия, отражающие общественно-хозяйственную деятельность. К этой группе относятся микропонимы, обозначающую хозяйственную деятельность человека: мельница, пристань, переправа, железнодорожная станция, машинотракторная станция, лесоучасток: Карымкинская мельница, Сар вончак (переправа), Ямыта памаш (родник Ямыта),

Карымкинская мельница в Красностекловарском п/с Моркинского р-на. Название указывает на владельца объекта Карымкина. Антропоним тюркского происхождения с русским ласкательным суффиксом –к- (а): Каримка от тат. имени Карим, которое восходит к араб. карим «великодушный, властный». Гласный на русской почве редуцировался.

Килемарская МТС – машинотракторная станция в Васеневском с/с Килемарского р-на. Название населенного пункта дано по наличию в нём производственного объекта и указывает на его административное подчинение.

Сар вончак – переправа в Красноярском с/с Звениговского р-на. Название напоминает о том, что здесь шла война, ибо атрибут сар «война, военный» свидетельствует об этом. Вончак – переправа. Таким образом, Сар вончак – военная переправа.

Сталинградский – лесоучасток в Юксарском с/с Горномарийского р-на. Ныне не существует. Название связано с урбонимом Сталинград. Во время Великой отечественной войны здесь заготавливали лес для обороны Сталинграда.

Ямыта памаш – родник, расположенный в ольховнике на левой стороне от дороги к реке Шабе (дер. Кугунур Большеключевского с/с Сернурского р-на). Гидроним отантропонимный, назван по имени марийца Ямыта, который открыл этот родник. Ямыта – марийское собственное имя тюркского происхождения: ям «красота, уют, краса»+ата «отец, самец».

Таким образом, из проанализированных 51 лексических единиц, описывающих малые географические объекты Республики Марий Эл, 15,6 % тополексем имеют антропонимическое происхождение; 55 % отражают географические особенности рельефа, флору и фауну местности; 19,6 % выражают духовную и религиозную деятельность человека, мифологию этноса; 9,8 % раскрывают общественно-хозяйственную деятельность человека. Микротопонимы РМЭ имеют как марийские, так и заимствованные из татарского и русского языков топокомпоненты. Геолокация марийского этноса и его тесная связь с окружающей средой обитания выражена в онимах, связанных с его ландшафтом, качеством и цветом почвы и воды, названиями растительного и животного мира, местоположением и формой топообъектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронцова О. П., Галкин И. С.* Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола : Изд-во Марполиграфкомбината, 2002. 424 с.
2. *Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г.* Отантропонимные географические названия Республики Марий Эл татарского происхождения: топонимические зоны // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 3. С. 259–285.
3. *Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г.* Татарские антропонимы в структуре оронимов Республики Марий Эл / Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т ; сост. Р. А. Кудрявцева, Т. Н. Беляева; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2019. С. 97–101.
4. *Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г.* Тюркские заимствования в структуре гелонимов Республики Марий Эл / Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук: сб. мат-лов V Межд. науч.-практ. конф. / Мар. гос. ун-т ; под ред. Д. А. Семенов. Йошкар-Ола, 2019. С. 64–71.

Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

*Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена вопросам политической топонимики Республики Марий Эл в отношении региональных ойконимов – комонимов и урбонимов. Представлен анализ лексико-семантического и структурно-грамматического описания политических тополексем, отражающих концепты «Власть» и «Политик» и коррелирующих с лексико-семантическими

группами: политические символы, политические партии / движения / организации / объединения, политическое событие, государственный строй, государство / страна / столица; глава государства.

Ключевые, слова: топоним, ойконим, политическая топонимия, концепт «Политик», концепт «Власть», лексико-семантическая группа, Республика Марий Эл.

Топонимия любого региона представляет собой специфическую систему, процесс формирования и эволюции которой обусловлен разнообразными факторами: лингвистическими, географическими, культурно-этническими, историческими и др. Значительный пласт географических названий мотивирован политическими причинами. В лингвистике они определяются как политические топонимы: «...географические названия, которые возникают в результате становления и развития политической системы определенного государства» [3, с. 157]. Так, политические топонимы – это своеобразный язык, который наделяет политическим смыслом и значением географические объекты на карте.

Появление политических топонимов связано с определенными историческими периодами. Значительные изменения топонимии, а также и концепции топонима происходили в следующие исторические периоды: правление Петра Великого, Екатерины Великой, Первая мировая война, годы Советской власти и др. По мнению российских исследователей, «политическое топонимическое символотворчество» достигло максимума в первые годы государственного строительства в Стране Советов, когда появился огромный пласт политических топонимов, тесно связанных с советской политической идеологией (А. М. Селищев, С. А. Никитин, Е. А. Земская, Е. А. Терентьев, С. Н. Басик, Д. А. Роговцов, И. В. Бугаева и др.). Эта тенденция нашла отражение и в региональном топонимиконе.

Предметом данной статьи является лингвистический анализ политических наименований населенных пунктов Марий Эл, появившихся преимущественно в период 20-90 –х гг. XX столетия. В качестве материала исследования привлечено издание «Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ» О. П. Воронцовой, И. С. Галкина, посвященное географическим названиям РМЭ [1].

Региональная культура располагает перечнем основополагающих топонимов, включающим, как правило, названия региона, столицы и значимых географических объектов – гор, рек, озер и др. Для марийской культуры минимально определяющими являются: Марий Эл (Марийский край) – Марийская АССР – Марийская автономная область; Йошкар-Ола (столица); Юл (река Волга), Элнет (река Илеть), Кокшага (река), Мүшылъер (озеро Морской глаз); Карман курык (крепостная гора / гора с укреплениями) и др. Географические топонимы отражают как историко-культурные явления, так и общественно-политический контекст номинации объектов окружающей среды обитания. С одной стороны, топоним, являясь одним из видов имен

собственных, консервативен по своей природе, что позволяет ему сохранять историческую информацию, быть показателем времени в культуре, то есть, способствовать формированию хронотопа культуры (М. М. Бахтин). С другой стороны, использование в политическом дискурсе топонимов и их производных, традиционно выполняющих функцию идеологически нагруженных знаков [2, с. 53], приобретает символическое значение, актуальное для понимания сущности политических событий и процессов.

С момента появления политической топоним становится компонентом политического дискурса. По своей лексико-семантической структуре он может быть связан с двумя категориями названий, соотнесёнными с базовыми концептами политического дискурса «Власть» и «Политик»: топонимы-идеологемы и политические антропотопонимы – государство / страна / столица, государственный строй, государственная символика, партии / политические движения / организации / объединения, выборы, внешняя / внутренняя политика, органы управления, государственные структуры / службы / учреждения; глава государства, главы властных структур [5, с. 26–27].

Основными путями формирования политического топонимического лексикона Республики Марий Эл (РМЭ) явились: искусственный (декретный) и традиционный (как отражение диалектных особенностей региона и языковой практики населения в течение длительного периода). За основу топонимов, созданных волевым решением (органа государственной власти и т.п.), были взяты официальные формы географических названий, которые устойчиво используются в делопроизводстве, помещаются на картах, являются общепризнанными языковыми идентификаторами соответствующих населенных пунктов РМЭ. Адресная функция как первичная функция топонима уступила место вторичной функции – политической. Из общего количества проанализированных топонимов (30 ЛЕ) традиционным путём было образовано 1 наименование, остальные (29 ЛЕ) – декретным.

Главной причиной появления политических наименований географических объектов в советское время было представление о политической функции топонимов. В контексте описываемой эпохи топонимы несли политическую нагрузку и должны были активно участвовать в формировании нового общественного сознания. В годы Советской власти (1918–1990 гг.) активно присваивались наименования-идеологемы, относящиеся к следующим лексико-семантическим группам (ЛСГ):

1. ***Государство / страна / столица*** -

Йошкар-Ола – столица Республики Марий Эл, административный центр городского округа «Город Йошкар-Ола» (до 1919 года – Царевококшайск). После установления Советской власти, город по идеологическим соображениям был переименован в Краснококшайск, а в 1927 году как центр Марийской автономной области получил название Йошкар-Ола (букв.: «красный город», луговомар. йошкар «красный», ола «город»).

2. ***Государственный строй*** –

Советский – пгт., районный центр Советского р-на, образованный в

1965 году. Название имеет общественно-политический характер, является производным от слова *совет*, который на первоначальном этапе своего существования являлся классовым органом, призванным выражать интересы пролетариата. Топоним *Советский* связан с советской властью, а впоследствии – с Советским Союзом.

3. *Государственная символика* –

К частотным основам, формирующим политическую символику, относится *красн-*, в том числе, на национальных языках: *йошкар* мар. «красный», *кызыл* тат. «красный». Красный цвет в символике коммунистического движения – цвет революционной борьбы, рабочего движения, борьбы за свободу, пролетарской революции. В атрибутике Советской России широкое распространение приобрела пятиконечная *звезда*, подразумевающая единство мирового пролетариата всех пяти континентов Земли: пять концов звезды соотносились с пятью материками планеты. Среди частотных адъективов, символизирующих новое время и новый государственно-политический строй, явилось прилагательное *новый*, в мар. языке у, входящее в состав топонимов со структурой Adj.+N. и имеющее стилистические синонимы *светлый*, *свободный*. Данная семантика передаётся также существительными *свобода*, *ўжара* (мар. «рассвет, заря»).

Кызыл Байрак – тат. починок в Ирнурском с/с Параньгинского р-на. Починок возник в годы советской власти и носит название общественно-политического характера (cf.: тат. кызыл «красный», байрак «знамя»), то есть красное знамя).

Кызыл Тормыш (оф. Кызыл турмыш) – тат. дер. в Петровском с/с Моркинского р-на. Типично татарский ойконим указывает на общественно-политический характер названия (cf.: тат. кызыл «красный», тормыш «жизнь»).

Кужер (оф. Красный Стекловар) – дер. в Красностекловарском п/с Моркинского р-на. Возник как посёлок при стекольном заводе, построенном в 1856 году купцом Местниковым. Кужерский стекольный завод был переименован в годы советской власти в завод «Красный стекловар», который позднее перешёл также в официальное название посёлка. Официальный вариант имеет общественно-политический характер.

Красная звезда – дер. в Алексеевском с/с Мари-Турекского р-на (ныне не сущ.). Составной ойконим представляет собой название сельхозкоммуны и носит политический характер.

Краснознаменский – мар. хутор в Эмековском с/с Волжского р-на. Ойконим возник как название сельхозкоммуны, носит политический характер.

Звезда – выселок в Троицко-Посадском с/с Горномарийского р-на. Выселок образован в 30-ые годы XX века.

У коммуна – мар. дер. в Малокушнинском с/с Моркинского р-на. Ойконим возник в годы советской власти. Название – символ: у «новый» + коммуна, то есть новая коммуна.

Эр Ёжара, Чўнг Энгер – мар. дер. в Купсолинском с/с Сернурского р-на. Ойконим метафорический, составной. Образован из лвух марийских слов эр «утро, утренняя» + ёжара «заря». Название возникло в период коллективизации.

Ёжара (Ужара) – мар. дер. в Эшполдинском с/с Сернурского р-на (ныне не сущ.). Ойконим возник в годы советской власти, имеет в своей основе марийское существительное ёжара «заря».

Светлый – рус. пос. в Сидоровском с/с г. Йошкар-Олы. Название связано с идеей «светлого будущего», постулируемой Советской властью.

Свобода – рус. дер. в Елембаевском с/с Новоторьяльского р-на. Ойконим носит социально-политический характер.

Новая стройка – рабочий пос. в Нурбельском с/с Сернурского р-на (ныне входит в состав пос. Сернур). Посёлок возник в советское время. Наименование указывает на время его возникновения.

4. **Партии / политические движения / организации / объединения** –

Комсомольский – название двух посёлков, один из которых расположен в Зеленогорском с/с Моркинского р-на, другой – в Советском п/с Советского р-на. Идеологический комоним-адъектив появился в ойконимии в советский период и связан с названием молодёжной организации Коммунистической партии Советского Союза *Коммунистический союз молодёжи*. Топооснову составляет акроним *комсомол* + суффикс *-ск* и окончание *-ий*.

Марий Ушем (оф. Мари – Ушем) – мар. дер. в Шойбулакском с/с Медведевского р-на. Деревня возникла в период коллективизации, её название имеет идеологический характер, где *мари* «марийский», *ушем* «союз, объединение», то есть Марийский союз, как альтернатива старым общественным отношениям.

Ушемнур – мар. дер. в Староторьяльском с/с Новоторьяльского р-на. Деревня возникла в период коллективизации. Название сложное, в основе которого лежат марийское слово *ушем* «союз» и топоформант *нур* «поле». Ойконим может быть переведён как *союзное поле* (досл.), то есть *общее, коллективное поле*.

Йошкар Ушем – мар. дер. в Верхне-Кугенерском с/с Сернурского р-на. Ойконим социально-политического характера. Деревня образовалась в 30-ые годы XX века. Название переводится *красный союз* (cf.: *йошкар* «красный» + *ушем* «союз, объединение»).

Рим – рус. дер. в Семёновском с/с Медведевского р-на (ныне не сущ.). Деревня возникла в годы советской власти в период коллективизации. Название-аббревиатура носит идейно-политический характер: РИМ – *Революционный Интернационал Молодёжи*.

КИМ – рус. дер. в Кузнецовском с/с Медведевского р-на. Деревня образована в период коллективизации и названа в честь *Коммунистического Интернационала Молодёжи* (КИМ). Ойконим-аббревиатура.

5. **Политическое событие** –

Среди наименований политических событий периода советской власти, вошедших в топонимический фонд РМЭ, наиболее интенсивными являются топонимы – производные от слов *октябрь* (распространенное метафорическое обозначение Октябрьской революции 1917 года), *май* (*1 Мая* в значении пролетарского праздника труда Первомая).

Октябрьский – рус. пос. в Октябрьском с/с Горномарийского р-на, тат. пос. в Октябрьском с/с Моркинского р-на, мар. выселок в Виловатовском с/с Горномарийского р-на.

Краснооктябрьский – р.п. в одноимённом п/с Медведевского р-на. Посёлок возник в советское время и назван в честь революционного праздника.

Красный Октябрь – рус. дер. в Чкаэнгерском с/с Медведевского р-на. Название сельхозкоммуны в годы Советской власти.

Красный май – мар. выселок в Сурском с/с Горномарийского р-на. Выселок возник в годы советской власти и назван в честь праздника 1 Мая.

Юбилейный – пос. в Азановском с/с Медведевского р-на. Ойконим русского происхождения, образованный в годы советской власти и часто употребляемый в номинации населённых пунктов и других объектов в указанный период.

Анализ функционирования имён собственных в географических названиях Марий Эл показывает высокую степень частотности антропонимных топонимов на территории данного региона [4]. В меньшей степени распространены названия-посвящения в память о политических и государственных деятелях России, которые могут быть отнесены к концепту «Политик». Антропонимы, участвующие в образовании новой географической номенклатуры 1918–1930 гг., носили как мемориальный, так и прижизненный характер. Подлинные фамилии государственных деятелей, известных под псевдонимами, не топонимизировались. Тополексемы относились к ЛСГ «*Глава государства*» и принадлежали руководителям страны В. И. Ленину (Ульянову) и И. В. Сталину, например, ойконимы:

Ленинсир (оф. Ленинский) – мар. выселок в Сурском с/с Горномарийского р-на. Возник в годы советской власти из рабочего посёлка Ленинский Юринского р-на. Название составное, где Ленин – политический псевдоним Ульянова (Ленина) Владимира Ильича + тополексема сир «берег».

Ленинский – рус. рабочий посёлок в Марьинком с/с Юринского р-на. Название русского происхождения, образовано от имени собственного *Ленин* и топоформанта –ский.

Ленина – выселок в Вершино-Сумском с/с Горномарийского р-на (ныне не сущ.). Название дано в честь основоположника компартии СССР.

Имени Сталина – выселок в Алексеевском с/с Волжского р-на (ныне не сущ.). Ойконим имеет общественно-политический характер, возник в годы коллективизации.

Приведённые названия ойконимов образованы по следующим моделям: «композиционное (антропоним + тополексема)»; «антропоним с нулевой

топонимической деривацией» путем его наращивания с помощью суффикса *-ск* + флексии *-ий*; форма родительного падежа (-а); номинативная конструкция с маркированным possessивным значением.

Вторая группа географических онимов, реализующих концепт «Политик», подразумевает ведущую силу нового общества – рабочий класс, членство в общественно-политическом движении, либо лидеров социалистического производства, например;

Передовик – мар. дер. в Помарском с/с Волжского р-на. Комоним возник от названия сельхозкоммуны «Передовик». Передовик – это тот, кто опережает других в работе, добивается наилучших результатов, то есть показывает образцы сознательного (коммунистического) отношения к труду.

Работник – мар. дер. в Озёркинском с/с Горномарийского р-на. Деревня возникла в годы Советской власти, в период коллективизации.

Рабочий – пос. в Медведевском с/с Медведевского р-на, ныне в составе пос. Медведево. Название дано по характеру трудовой деятельности жителей.

Таким образом, политическая ойконимика Республики Марий Эл представлена комонимами (28 ЛЕ) и урбанонимами (2 ЛЕ). Основным путём образования политтопонимов явился декретный способ (29 ЛЕ). Тополексема является активным агентом политического дискурса в составе географических названий региона. Из проанализированных нами тополексем 26 отражают концепт «Власть», 4 – концепт «Политик». Марийские политические тополексемы представляют следующие ЛСГ: политические символы (12 ЛЕ), политические партии / движения / организации / объединения (7 ЛЕ), политическое событие (5), государственный строй (1 ЛЕ), государство / страна / столица (1 ЛЕ); глава государства (4 ЛЕ).

В контексте процесса переименований топообъектов конца XX–начала XXI вв. ландшафтная политическая карта региона не претерпела коренных преобразований, что позволяет говорить о сохранении символическо-ценностных норм массового сознания марийского этноса советского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронцова О. П., Галкин И. С.* Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола : Изд-во Марполиграфкомбината, 2002. 424 с.
2. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал. ун-та, 1995. 144 с.
3. *Роговцов Д. А.* Политонимы в структуре политической символики // Современные проблемы школьного и вузовского географического образования и топонимических исследований. Минск, 2001. С. 157–159.
4. *Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г.* Отантропонимные географические названия Республики Марий Эл татарского происхождения: топонимические зоны // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 3. С. 259–285.
5. *Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г.* Политический дискурс в медиапространстве неродственных языков. Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2017. 175 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЛОССАРИЯ ИТОНСКОГО КОЛЛЕДЖА

*Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу лексических средств в глоссарии Итонского колледжа с точки зрения образовательной политики Великобритании. Получены выводы о том, что признаки системы британского образования проявляются в лексических средствах, отражающих такие особенности обучения в Итоне, как: дисциплинарные меры, строгий контроль, с одной стороны, и уважительное отношение к личности ученика и предоставление свободы, с другой; образовательный процесс, представленный широким спектром видов деятельности: академическими занятиями, спортивными соревнованиями, праздничными мероприятиями; многогранная деятельность тьютора; создание комфортных условий для учащихся; проведение разнообразных спортивных мероприятий; тесные связи с общественностью; внимание к традициям Итона.

Ключевые слова: глоссарий, лингвокультурология, лексические средства, дисциплина, тьютор, традиции.

В современной социокультурной ситуации взаимопроникновение культур приводит к глобальному реформированию национальных систем образования. Национальная социокультурность проявляется в культурных формах воспитания [1, с. 66]: каждая воспитательная практика и модель воспитания представляет собой социализирующую матрицу национальной культуры, [1, с. 73], логика которой определяет «логику индивидуальной культуры поведения личности и способствует поиску собственного места в жизни» [1, с. 74].

Типичные национально-культурные черты, выраженные в различной степени в индивидууме, представлены в коммуникативной деятельности языковой личности [8, с. 33], отражающей языковую общность, а также более узкий входящий в неё речевой коллектив и усреднённого носителя данного языка [8, с. 24]. Характерные черты исторического типа общества могут быть экстраполированы на институт образования [4, с. 14].

Основу британской системы высшего образования составляет колледж, сориентированный в первую очередь подготовить политическую элиту [3, с. 161]. Одной из крупнейших и самых престижных публичных школ Англии является Итонский колледж, частная школа-пансион для мальчиков 13–18 лет, основанный Королем Генрихом VI в 1441 году [2, с. 77]. Поскольку в Итоне получили образование многие выдающиеся английские государственные деятели, в атмосфере данной элитной школы можно проследить природу английского лидерства и, соответственно, характер английской жизни.

Одним из уровней в структуре языковой личности является лингвокогнитивный (тезаурусный) уровень [8, с. 24], включающий в качестве единиц «обобщенные (теоретические или обыденно-житейские) понятия, крупные концепты, идеи» [8, с. 26]. Синонимом слова «тезаурус» является существительное *гlossарий* [5], рассматриваемое как «словарь <...> малопонятных слов» [7] в русском языке и *glossary 'brief dictionary'* [12] / *краткий словарь* (здесь и далее перевод выполнен на базе словаря Яндекс переводчик [9]) в английском.

Актуальность данного исследования определяется возрастающим интересом современной лингвистики к изучению лексических средств, отражающих специфику британской сферы образования как показателя картины мира представителей британской лингвокультурной общности.

Научная новизна работы предопределена её актуальностью и состоит в исследовании особенностей лексического корпуса глоссария, отражающего специфику обучения в Итонском колледже.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении особенностей терминов глоссария Итонского колледжа с точки зрения специфики образовательной политики Великобритании.

Достижение поставленной цели определило решение следующих исследовательских **задач**: 1) определить особенности британской системы образования; 2) выявить в терминах глоссария Итонского колледжа лексические средства, отражающие специфику образовательной политики Великобритании.

Основываясь на уходящих в далекое прошлое традициях, английская система частного образования опирается на такие принципы, как «полная автономия», «наличие высококвалифицированных педагогов, соединяющих функции учителей, воспитателей и наставников», «высокое качество знаний», «развитое самоуправление», «система пансиона». Английские пансионы отличает строгая дисциплина, постоянный контроль, «особое внимание к <...> воспитанию моральных и социальных качеств», «строгий распорядок учебного времени», четкое планирование неакадемических занятий: церковных служб, военных парадов, спортивных соревнований; участие в добровольных обществах [6, с. 121], «спартанский» быт воспитанников, честь мундира, командный дух, поощрение индивидуальности» [1, с. 72], большая аскетичность традиций воспитания по сравнению со смешанными школами, запрет покидать территорию школы самовольно [там же], обязательные занятия спортом и искусством, широкий спектр видов спорта [1, с. 73].

Анализ глоссария Итонского колледжа [11] позволил выделить группы терминов, отражающие следующие аспекты: 1) дисциплина; 2) руководящий состав; 3) образовательный процесс; 4) тьюторская деятельность; 5) создание комфортных условий для субъектов образовательного процесса; 6) спортивная жизнь; 7) связи с общественностью; 8) традиции.

Дисциплина подчеркивается в первом термине глоссария, существительном *abracadabra* (Абракадабра) (здесь и далее в скобках приводится термин из глоссария). Данная лексема отражает мистический аспект, магию и трюки, представленные словосочетанием *magic trick / магический трюк* [10; 12]. Целью подобных трюков является достижение успеха, что отражено в словосочетании *perform <...> successfully / выполнить успешно* [10]. В то же время дефиниция термина *Abacadabra* включает лексемы, отражающие основное академическое расписание, составленное как для учеников, так и для наставников, что подтверждает лексема *determining / определяющий* и словосочетания *basic academic timetable / основное академическое расписание, boys and masters / ученики и учителя*. Ср.: *The abracadabra is Eton's basic academic timetable <...> boys and masters receive a personalised version showing their timetable / Абракадабра – это основное академическое расписание Итона <...> ученики и учителя получают индивидуальную версию расписания* (Абракадабра). Можно сказать, что заявленная в данном термине мистическая атмосфера образовательной политики Итонского колледжа направлена на поддержание дисциплины и, таким образом, достижение успеха в обучении.

Также дисциплина представлена словосочетаниями, отражающими: 1) **школьную форму учащихся:** *school uniform / школьная форма* (School Dress); *school dress / школьное платье* (Tails) и др.; строгость в отношении формы прослеживается как в одежде для официальных мероприятий, представленной в термине *Formal Change*, так и неофициальных в термине *Informal Change*. Лексемы и словосочетания *allowed / допустимый* (Formal Change); *appropriate / соответствующий* (Formal Change; Informal Change); *required / требуемый* (Formal Change); *good judgement / здравый смысл* (Informal Change); *good taste / хороший вкус* (Informal Change) указывают на честь мундира; 2) **контроль за посещением занятий:** *a list of absentees from lessons, lectures / список прогульчиков с уроков, лекций* (Mark In / Out); *check / проверка*; *absent without leave / отсутствующий без разрешения*; (Absence); 3) **контролирующих лиц:** *Head Master / директор школы, Lower Master / младший учитель* (Sent Up for Good); *division master / руководитель подразделения, house master / ответственный на факультете, tutor / наставник* (Show-Up); 4) **разрешение для выхода учащегося из здания школы:** *to sign out / выходить*; *leave for approved activities / уходить на утвержденные мероприятия* (Lock Up).

В то же время употребление лексемы *excused / оправданный* по отношению к болезни обучающегося, выраженной существительным *illness / болезнь*, свидетельствует о внимании к здоровью воспитанников. Ср.: *Excused school owing to illness / Освобождение от занятий из-за болезни* (Staying out). В свою очередь, наречие *appropriately / надлежащим образом* в сочетании с глаголами *to rebuke / сделать выговор* и *to punish / наказывать* указывает на уважительное отношение к учащимся при вынесении наказания. Ср.: *the Head Master or Lower Master will see him and rebuke or punish him*

appropriately / директор школы или младший учитель встретится с ним и сделает выговор или накажет надлежащим образом (Bill).

Руководящий состав Итона представлен лексемами и словосочетаниями, отражающими как **группы руководящих лиц**: *fellows* / действительные члены учёного общества (Fellows); *the school's governing body* / руководящий орган школы (Fellows), так и **индивидуальные должности**: *Provost* / ректор (Provost); *Vice-Provost* / проректор (Vice-Provost); *the School Office Manager* / школьный офис-менеджер (School Office); *the Director of Music* / директор по музыке (Precentor). **Иерархия руководящего состава** представлена: 1) в словосочетаниях с лексемой *prefect* / префект: *senior prefect* / старший префект (House Captain); *sub-prefect* / заместитель префекта (Debate); *school prefects* / школьные префекты (Pop (B), составляющие Итонское общество / *The Eton Society* (Pop (B)); 2) в словосочетаниях с лексемой *master* / учитель, наставник: *Head Master* / директор школы (Head Master; Head Man (B)); *Lower Master* / младший учитель (Lower Master; Lower Man (B)); *Division Master* / руководитель подразделения (Division Master); *House Master* / ответственный на факультете (House Master); возможность избрания учителя на должность проректора отражена в словосочетании *former master* / бывший учитель (Vice-Provost).

Самоуправление обучающихся подчеркивает лексема *captain* / капитан в словосочетаниях *Captain of the Oppidans* / капитан городских жителей (Captain of the Oppidans) и *Captain of the School* / капитан школы (Captain of the School). Неординарный характер данных должностей отражают прилагательные *top* / лучший и *distinguished* / выдающийся в словосочетаниях *the top Oppidan* / лучший городской житель; *the academically most distinguished Oppidans* / наиболее отличившиеся в учебе городские жители (Captain of the Oppidans); *the top Colleger* / лучший ученик (Captain of the School).

Образовательный процесс представлен лексемами, обозначающими урок, *lesson* / урок (School); тест, *test* / тест (Colours Test (H); Passing), направленный на проверку как академической успеваемости, представленной лексемами *school* / школа и *learn* / учить (Colours Test (H), так и спортивных достижений, в частности, в плавании, *swimming* / плавание (Passing); а также в отражающем итоговые испытания словосочетании *end-of-term examinations* / выпускные экзамены (Trials).

Лексема *school* / школа (School) является как самостоятельным термином, так и компонентом терминов, отражающих широкий спектр изучаемых предметов, представленных лексемами: *art* / искусство (Drawing Schools), *classics* / классическая литература (James Schools), *design* / дизайн (School of Mechanics (H), *economics* / экономика (Elliott Schools), *English* / английский в словосочетании *the English department* / английское отделение (Alington Schools; Saxton Schools), *geography* / география (Cannon Yard Schools), *history* / история (Marten Schools), *mathematics* / математика (New Schools), *music* / музыка (Music Schools) и словосочетанием *science and computing* /

наука и вычислительная техника (Queen's Schools). Неакадемические занятия для обучающихся отражены в словосочетании *out of school / вне школы* в примере *work set by a division master to be done out of school / устанавливаемая руководителем подразделения деятельность вне школы* (Extra Work).

Периоды обучения в течение года представлены в термине *Half*, обозначающем ряд событий: *Michaelmas / Михайлов день*, *Lent / Великий пост* и *Summer / лето* (Half); а также в словосочетаниях, конкретизирующих семестры: *the spring term / весенний семестр* (Lent Half), *the summer term / летний семестр* (Summer Half) и *the autumn term / осенний семестр* (Michaelmas Half).

Ступени обучения указаны в терминах, отражающих классы. Так, обучающиеся 1, 2 и 3 года указаны в примере: *A boy during his first two or three years in the school / Ученик в течение первых двух или трех лет в школе* (Lower Boy); обучающиеся в третьем и четвертом классах представлены в терминах: *Third Form (H)*, *Fourth Form (H)*. Особое место занимают учащиеся 5 класса, которые не переведены в 6 класс. Данная группа представлена лексемой *non-specialists / неспециалисты*: *Boys not yet in the sixth form / Мальчики, еще не переведенные в шестой класс* (Non-Specialists). В свою очередь, учащиеся 6 класса называются *specialists / специалисты* (Specialists), т.е. *sixth-formers / старшеклассники, учащиеся шестого класса*.

Итогом продуктивной образовательной деятельности является возможность для обучающихся публиковать журнал и размещать успешные работы в библиотеке колледжа, что представлено в терминах *The Chronicle* и *Sent Up for Good*. Ср.: *a magazine edited by senior boys / журнал под редакцией старшеклассников* (The Chronicle) и *a sample of his work, which is then lodged in College Library / образец его работы, который далее хранится в библиотеке колледжа* (Sent Up for Good). Поощрения учеников отражает лексема *scholarship / стипендия*, указывающая на учрежденные в 60-х годах стипендии по музыке: *Music scholarships were instituted in the sixties / Музыкальные стипендии были учреждены в шестидесятых годах* (Music Scholar).

Традиционная для британской системы образования деятельность тьютора представлена в лексемах *tutor / наставник* (Comment Card; Tutor) и *tutorial / консультация* (Tutorial). Многогранность данной деятельности подтверждают примеры, отражающие: периодизацию проводимых занятий: *once a week / раз в неделю* (Tutor); ответственность за академическую подготовку и благосостояние учащихся: *responsible for their academic and to some extent other welfare / ответственный за их академическое и в какой-то степени иное благосостояние* (Tutor); различные группы тьюторов: *non-specialist tutor / наставник для неспециалистов* (Tutorial); *specialist tutor / наставник для старшеклассников* (Private Business); *classical tutor / тьютор по классической литературе* (Classical Tutor (H)); сотрудничество с ответственным на факультете, совмещение функций тьютора и ответственного на

факультете: *a tutor in addition to a house master (in some cases, they are one and the same)* / *тьютор в дополнение к ответственному на факультете (в некоторых случаях это одно и то же лицо)* (Tutor).

Создание комфортных условий для учащихся подтверждают: 1) лексемы и словосочетания, отражающие развитую инфраструктуру Итона: *chapel* / *молельня* (College Chapel; Lower Chapel), *classroom* / *классная комната* (Schoolroom); *field* / *поле* (Fellows' Eyot); *garden* / *сад* (Luxmoore's Garden); *island* / *остров* (Queen's Eyot); *stream* / *ручей* (Jordan); *college library* / *библиотека колледжа* (College Library); *school boathouse* / *школьная лодочная станция* (Rafts); *school hall* / *школьный зал* (School Hall); *school library* / *школьная библиотека* (School Library); *school office* / *школьный офис* (School Office); *school yard* / *школьный двор* (School Yard); 2) прилагательное *convenient* / *удобный* в примере *a narrow pedestrian pathway providing a convenient short cut through the centre of the school* / *узкая пешеходная дорожка, обеспечивающая удобный короткий путь через центр школы* (Judy's Passage); 3) наречие *conveniently* / *удобно* в примере *an iron lamp-post conveniently positioned right in the centre of Eton* / *железный фонарный столб, удобно расположенный прямо в центре Итона* (Burning Bush); 4) лексемы, отражающие приемы пищи: *breakfast* / *завтрак* (Bekynton); *lunch* / *ланч* (Bekynton; Boys' Dinner; Half-Holiday); *supper* / *ужин* (Bekynton); процесс приема пищи *to eat* / *есть* (Sock (B) (H)); еду *food* / *еда* (Tap); 5) словосочетание *school-run shop* / *школьный магазин* (Rowlands). Так, возможность заказа в магазине и выбора особых товаров, указанные в словосочетаниях *an order to a shop* / *заказ в магазин* и *specified goods* / *требуемые товары*, свидетельствует о предоставлении воспитанникам свободы. В то же время необходимость подписывать заказ такими лицами, как *house master* / *ответственный на факультете*; *dame* / *помощник ответственного на факультете*; *parents* / *родители* указывают на строгий контроль за покупками. Ср.: *An order to a shop to supply a boy with specified goods; it may be signed by his house master or his dame, or by his parents.* / *Заказ в магазин о поставке мальчику определенных товаров; он может быть подписан ответственным на факультете или помощником ответственного на факультете, или его родителями* (Order).

Спортивная жизнь представлена лексемами и словосочетаниями, отражающими такие виды спорта, как: 1) **гребля**: *oarsmen* / *гребцы*, *oar* / *весло*, *row* / *гребти* (Procession of Boats); *rowing course* / *курс гребли* (Rowing Lake); название команды гребцов *Rowers* (Wet Bobs) и др.; 2) **крикет**: *cricket* / *крикет* (Mesopotamia; Sixpenny; Upper Club); *cricketers* / *игроки в крикет* (Dry Bobs); *cricket field* / *поле для крикета* (Sixpenny; Upper Club); *field* <...> *for cricket* / *поле для крикета* (Mesopotamia); *cricket ground* / *площадка для крикета* (Lord's); *cricket club* / *клуб игроков в крикет* (Sixpenny; Threepenny); *cricket match* / *матч по крикету* (Lord's) и др.; 3) **футбол**: *football* / *футбол* (Mesopotamia; The Field Game); *football field* / *футбольное поле* (The Field); *a field* <...> *for football* / *поле для игры в футбол* (Mesopotamia, South

Meadow).

Проводимые вне уроков мероприятия представлены примерами, отражающими: демонстрацию академических успехов: *recite 'speeches' / читать 'речи'* (Speeches); выставки: *exhibitions* (Fourth of June); спортивные события: *sporting events / спортивные события* (Fourth of June); *the Procession of Boats / шествие лодок* (Procession of Boats); *the annual wall game match between the collegers and the oppidans / ежегодный матч по настенной игре между студентами и городскими жителями* (St Andrew's Day); военную подготовку для волонтеров: *military <...> training for volunteers* (CCF); празднование Дня Св. Андрея: *St Andrew's Day / День Св. Андрея* (St Andrew's Day); празднование Дня 4 июня / *Fourth of June*, занимающего особое место и обозначенного словосочетанием *gala day / торжественный день* (Fourth of June). Лексемы *friends / друзья*, *parents / родители*, *relations / родственники* (Fourth of June); словосочетания *crowd of parents / толпа родителей* (Procession of Boats); *numerous parents and members of the community / многочисленные родители и представители общности* (Speeches); *local authority / местное самоуправление*; *local <...> clubs / местные клубы* (Thames Valley Athletic Centre) свидетельствуют о широком спектре связей с общественностью.

Для глоссария характерно внимание к традициям Итона. Данное учебное заведение имеет более тесную связь с Королевским двором по сравнению с другими паблик скулз: глава совета попечителей назначался лично монархом [2, с. 78], а на сегодняшний день часть из 1300 воспитанников Итона являются почётными королевскими стипендиатами и обучаются бесплатно [1, с. 72]. Указанную связь подтверждают существительные *Queen / Королева* (Queen's Eyot, Queen's Schools) и *King / Король* (King's Scholar), а также словосочетание *Henry VI / Генрих VI* (King's Scholar). Термин *Colleger* отражает традицию, связанную с правлением короля Генриха VI называть учащимися колледжа 70 лиц '*poor scholars*' / '*бедные ученики*' (King's Scholar). Словосочетание *King's Scholar* является в глоссарии как самостоятельным термином, так и компонентом в дефиниции термина *Colleger*. Традиция деления учеников на «колледжеров», входивших первоначально в число 70 учеников Итона, обучающихся бесплатно, и приходивших из городка Итон «оппиданов», которые должны были платить за обучение [2, с. 78], прослеживается в терминах *Colleger* и *Oppidan*, *Oppidan House*, *Oppidan Scholar*.

Связанные с модой на одежду традиции отражены в примерах *nineteenth-century naval uniform / военно-морская форма девятнадцатого века* (Procession of Boats) и *the era when boys wore top hats / эпоха, когда мальчики носили цилиндры* (Carring (H)): в то же время отмена последней указанной традиции отмечена в словосочетании *died out during the 1990s / исчезла в 1990-е годы* (Carring (H)). Традиции спортивной жизни представлены словосочетанием *over a hundred years / более ста лет* (Lord's) в примере: *The annual cricket match against Harrow School, which has been held at*

Lord's cricket ground for well over a hundred years / Ежегодный матч по крикету против школы Харроу, который проводится на крикетной площадке Лорда уже **более ста лет** (Lord's).

Таким образом, в терминах глоссария Итонского колледжа находят отражение лексические средства, свидетельствующие о следующих особенностях британской системы образования: дисциплина и строгий контроль, в то же время предоставление свободы и уважительное отношение к обучающимся; развитая инфраструктура колледжа; создание комфортных условий для учащихся; важная роль тьютора; связь академической подготовки со спортивными мероприятиями и праздничными событиями; многогранность процесса обучения; тесные связи с общественностью; традиции Итона, подчеркивающие связь с Королевским двором.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев Г. Ю.* Модели воспитания: национальный контекст // Проблемы современного образования. 2013. № 4. С. 65–78. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vospitaniya-natsionalnyy-kontekst>
2. *Бородавкина Н. В.* Роль публичных школ в общественно-политической жизни викторианской Англии: Итон // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2010. № 1. С. 77–81. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-publichnyh-shkol-v-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-viktorianskoy-anglii-iton>
3. *Волков Е. А.* Обеспечит ли экономическую безопасность страны элитное образование? // Экономика образования. 2008. № 4. С. 160а–162. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechit-li-ekonomicheskuyu-bezopasnost-strany-elitnoe-obrazovanie>
4. *Калюжина Е. В.* Институциональные черты высшего образования и их эволюция с позиций концепции «Трех волн» // Вестник Курганского государственного университета. 2009. № 2 (16). С. 13–17 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-cherty-vysshego-obrazovaniya-i-ih-evolyutsiya-s-pozitsiy-kontseptsii-treh-voln>
5. *Карта слов и выражений русского языка* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://kartaslov.ru/>
6. *Сурудина Е. А.* Современные концепции образования за рубежом // Учебное пособие. М. : МПГУ, 2017. 180 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=27261>
7. *Толковый Словарь Ушакова* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://ushakovdictionary.ru/>
8. *Чулкина Н. Л.* Основы межкультурной коммуникации // Учебно-практическое пособие. М. : Изд. центр ЕАОИ, 2010. 144 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=6464>
9. *Яндекс переводчик* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://translate.yandex.ru/>
10. *Cambridge Dictionary* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 22.06.2019).
11. *Glossary of Eton Expressions* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.etoncollege.com/Glossary>
12. *Lexico* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.lexico.com/en/definition/>

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ В ГЕРМАНИИ

*Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,
г. Брест, Республика Беларусь*

Аннотация. Данная статья посвящена тенденциям развития немецкого языка и его влияния на межкультурную коммуникацию на территории Германии. Отражена история её развития и проблемное поле в современных реалиях. Показывается взаимосвязь социальных и языковых изменений: практическое влияние неологизмов, заимствований и языковой политкорректности на немецкий язык и межкультурную коммуникацию в целом. В заключение делается вывод, что язык стремится адаптироваться под существующую действительность, а успешная межкультурная коммуникация реализуется, в свою очередь, посредством преодоления языковых барьеров и недопониманий.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, развитие языка, неологизмы, заимствования, политкорректность.

В современных условиях развития общества последствия глобализации отчётливо проявляются в росте и ускорение международных миграционных движений. Всеобъемлющие изменения во многих областях жизни являются причиной возникновения новых организационных форм и международного сотрудничества, появляется тенденция международного обмена и, следовательно, формируется среда межкультурного общения на территории одной страны.

Несмотря на то, что проблема межкультурных коммуникаций сегодня вызывает вполне оправданный интерес, многие вопросы по данному явлению вызывают полемику в научном сообществе. Они вытекают из самой сущности феномена, а также обусловлены различными методами и подходами, связанными с изучением и анализом общения в сфере культуры.

Коммуникация (от лат. *communicatio* – ‘связь, сообщение’) – это совместный обмен информацией, проходящий как на вербальном уровне (непосредственно через речь), так и на невербальном (косвенно через тело).

Культура сообщества, с рождения опосредованная через общение, формируется в длительном процессе развития и подвергается постоянным изменениям. Культура и коммуникация тесно взаимосвязаны. Культура не только влияет на коммуникацию, но и сама подвергается её воздействию в процессе включения человека в существующее сообщество и, следовательно, в определенную культуру с отличительными ценностями, нормами и моделями поведения.

Таким образом, межкультурная коммуникация – особая форма коммуникации двух или более представителей различных культур, в ходе которой

происходит обмен информацией, культурными ценностями, и которая предполагает знание иностранных языков, материальной и духовной культуры другого народа. Успех межкультурного общения заключается не только в изучении «чужого» языка и умение декодировать вербальные и невербальные сигналы, но и в понимании, что каждый человек является «продуктом» социализации своей культуры.

Германия впервые столкнулась с межкультурной коммуникацией после окончания Второй мировой войны, когда началась активная иммиграция беженцев и вынужденных переселенцев из восточных государств. Далее в истории страны прослеживается период переселения гастарбайтеров из таких стран, как Италия, Испания, Греция, Турция и Марокко.

Последствие политического решения по открытию немецкой границы для беженцев в 2015 году стало одной из причин быстрого роста мигрантов. Так, рассматривая статистику Федерального управления по миграции и беженцам от 2015 года, их приток составил 1810904 человек [4].

В результате этих событий взаимодействие между людьми разных культур неизбежно увеличилось, а, следовательно, возросло и недопонимание.

Так, Edith Broszinsky-Schwabe отмечает, что недопонимание во многом зависит от типа культуры и моделей поведения, сложившихся в стране. Так роль женщины в исламской культуре определяется её послушанием и подчинением патриархально заложенным традициям, однако, что касается женщин Германии, они обладают равными правами с мужчинами и могут занимать важные государственные должности [3].

Немаловажную роль во взаимодействии двух культур играет толерантное отношение. Так, например, Организация Объединенных Наций привержена укреплению терпимости путем углубления взаимопонимания между культурами и народами. Эта настоятельная необходимость лежит в основе Устава Организации Объединенных Наций, а также Всеобщей декларации прав человека, являясь актуальной в нынешнюю эпоху усиливающегося и насильственного экстремизма, распространения радикализма и расширения конфликтов, одной из отличительных черт которых является полное пренебрежение к человеческой жизни [1].

Межкультурная коммуникация предполагает знание менталитета носителей, а также языка и его особенностей, которые являются важной составляющей самой культуры. Сегодня на первый план выходит не филологический аспект языка, а его практицизм. На современном этапе можно наблюдать тенденции приспособления языка к социальным изменениям: создание неологизмов, заимствование слов, возникновение политкорректного движения. Таким образом, осуществление коммуникации между представителями двух или более культур в пределах одной страны требует особого внимания к социальным и языковым преобразованиям.

Так, стремительное развитие коронавирусной инфекции COVID-19 оказало значительное влияние на современный немецкий язык и привело к

появлению неологизмов, которые Институт немецкого языка им. Лейпцига зафиксировал в словаре «*Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*». В данном словаре можно встретить ряд лексических единиц на данную тему. Например, слово «*Coronazeit*» означает «период времени, в течение которого пандемия COVID-19 практически полностью приостановила всю общественную и экономическую деятельность». Понятие «*Fußgruß*» интерпретируется как «знак взаимного приветствия двух людей, которые соприкасаются ногами вместо того, чтобы пожать руки». Приобретает новое значение слово «*Zombie*» – компания, которая остаётся дееспособной только благодаря государственным кредитам и пытается погасить проценты, понесенные по причине низких доходов от бизнеса, путем повторного приема дополнительных кредитов. В юмористичной форме подается значение слова «*Hygieneritter*» (дословно рыцарь гигиены) – тот, кто следует всем требуемым гигиеническим нормам [5]. Таким образом, словарь предлагает возможность отчётливо проследить динамику развития неологизмов и их взаимосвязь с нынешней эпидемиологической ситуацией.

Преобразование немецкого языка также связано с распространением, в первую очередь, англицизмов и специфической национальной лексики иностранцев. Под заимствованием обычно понимают слово, взятое из одного языка в другой, но сохранившее при этом письменность и произношение языка происхождения. Актуальными на сегодня заимствованиями являются *Home-Schooling* ‘дистанционное обучение’, *Home-Office* ‘удалённая работа’, *Hot-Spot* ‘горячая точка’, *Lockdown* (вместо нем. *Ausgangssperre*) ‘комендантский час’. Слово «*Shutdown*» интерпретируется как приостановка или прекращение деятельности, упорядоченное закрытие предприятий и магазинов. Выражение «*on hold*» обычно используется в английском языке по отношению к звонкам и означает «поставить кого-либо на удержание», однако в немецком языке оно приобретает другой смысловой оттенок, а именно, ожидание окончания эпидемиологической ситуации. Фраза «*flatten the curve*» ‘сгладить кривую’ распространилась в основном в социальных сетях и относится сегодня к диаграммам, показывающим, как увеличивается число инфицированных Covid-19. В дополнение к большому количеству актуальных англицизмов можно встретить галлицизм *Triage*, описывающий в медицинской терминологии процесс, в ходе которого оценивается, насколько экстренным является лечение больного и насколько высоки его шансы на выздоровление, чтобы при необходимости можно было предпочесть лечение одного человека другому [6].

Таким образом, на протяжении многих лет английский язык является одним из основных источников заимствований в немецком языке. Опираясь на язык, межкультурная коммуникация на территории Германии предполагает адаптацию иностранных граждан к нововведениям в языке.

Установление дружественных уважительных взаимоотношений, а также сглаживание отличий между представителями разных социальных

групп является одной из основных задач политкорректности. Политкорректность – это тактичное, общественно приемлемое отношение к различным политическим и общественным группам, исключающее возможность дискриминации, оскорбления национальных чувств, ущемления достоинства, прав и свобод отдельных лиц или социальных групп по политическим, расовым, религиозным и другим признакам [2].

Так, основным принципом политкорректности является толерантное отношение говорящего к субъектам и объектам действительности, которое, в свою очередь, предусматривает не только тактичное поведение человека в той или иной ситуации, но и корректное построение мысли, ведущее посредством языка к успешной межкультурной коммуникации.

Исходя из стилевых направлений, возникающих в результате политически культурного движения, традиционно выделяют следующие направления политкорректности: расовая, гендерная, гражданская, этническая, социальная, физическая, умственная, этическая.

Известно, что одним из способов реализации явления политкорректности в языке являются эвфемизмы. Богатство эвфемии оказало значительное влияние на немецкий язык. Искусно скрывая негативную сущность явления, данные языковые единицы формируют нейтральное представление, так как их основой являются лексемы с отвлеченной семантикой. Важно подчеркнуть, что в современных условиях наибольшее развитие получают способы и средства эвфемизации, затрагивающие социально значимые темы, сферы деятельности человека, его отношений с другими людьми, с обществом, с властью.

Например, для гражданской политкорректности, которая непосредственно связана с межкультурной коммуникацией в пределах одной страны, неприемлемыми стали лексемы, указывающие на иностранное происхождение жителя. Так, в немецком языке *Gastarbeiter* ‘гастарбайтер’, *Fremdarbeiter* ‘рабочий-иммигрант’ и даже *Ausländer* ‘иностранец’ заменяется на эвфемизм *ausländische Mitbürger* ‘иностранцы сограждане’ / *Bürger mit Migrationshintergrund* ‘граждане с миграционными корнями’.

Таким образом, широкий спектр тем политкорректности является сдерживающим фактором в обществе и способом избежать вербальной агрессии, которая может послужить толчком к различного рода конфликтам. Языковая политкорректность, неологизмы, заимствования неразрывно связаны с более общими вопросами взаимодействия языка и социума, которые непосредственно транслируются в СМИ и определяют дальнейшее их развитие.

Подводя итог, можно сделать вывод, что каждая нация имеет свои культурно-специфические структуры мышления и вытекающие из них модели действий, которые с рождения закладываются на подсознательном уровне определенные культурные стандарты. Они возникают в результате столкновения людей с социальными, политическими и экономическими

особенностями региона происхождения. Вызванная по определенным причинам необходимость проживания на территории какой-либо страны предусматривает не только знание о специфике культурных различий и языкового кода, но и понимание, что язык стремится адаптироваться под существующую действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Декларация принципов терпимости* // ООН. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 20.10.2020).

2. *Национальная политическая энциклопедия*. Политика [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://politike.ru/termin/politkorrektnost.html> (дата обращения: 20.10.2020).

3. *Broszinsky-Schwabe, E.* Interkulturelle Kommunikation Missverständnisse und Verständigung. Berlin : Springer VS, 2017. S. 22.

4. *Migrationsbericht 2018* // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Forschung/Migrationsberichte/migrationsbericht-2018.html?nn=403964> (Abrufdatum: 20.10.2020).

5. *Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#> (Abrufdatum: 21.10.2020).

6. *Social Distancing, Hot-Spot und Triage: Fremdwörter im Zusammenhang mit Covid-19* // Gesellschaft für deutsche Sprache. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://gfds.de/social-distancing-hot-spot-und-triage-fremdwoerter-im-zusammenhang-mit-covid-19/#> (Abrufdatum: 21.10.2020).

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЛИНГВИСТИКЕ

Assanova D. N., Knol M. V.

INTERFERENCE OF TRILINGUALISM.

E.A. Buketov University of Karaganda, Karaganda, Kazakhstan

Annotation. The relevance of the research is due to the fact that people in our country are characterized by Kazakh-Russian bilingualism and when learning a foreign language (in this case, English), there is a mutual influence of the phonetic systems of these languages. And since English in Kazakhstan has become the language of international communication and integration into the world economy, teaching correct pronunciation in English is very important at the moment.

To do this, it is necessary to study the main problems faced by students in the process of learning English, and determine ways to overcome them.

Keywords: bilingualism, phonetic system, interference, trilingualism, multilingualism, types of interference.

Currently, this term is widely used in various fields of science. In linguistics, it was first introduced by scientists of the Prague linguistic circle, meaning by interference the process of deviation from the norms of contacting languages. However, the most well-known definition of interference was given by U. Weinreich. [1, p. 37] in essence, it is similar to the definition of Prague: both Prague and Weinreich pay attention only to the negative result of interaction, talking about deviations in the system and norm of contacting languages. This understanding of interference is common.

The term interference was first used in the exact Sciences, where it means interaction, mutual influence, the result of which can be either positive or negative. Its etymology is interpreted by dictionaries in different ways: in some cases from lat. inter “between” and ferio “strike”; in others-from lat. inter “between” and ferens (ferentis) “bearing, carrying”.

The idea of the deforming influence of the first language in mixed bilingualism was expressed by L. V. Shcherba [2, p. 283], although he did not use the term interference.

In linguistics, interference refers to the consequence of the influence of one language on another. Following V. A. Vinogradov [3, p. 398], we understand interference as the interaction of language systems in conditions of multilingualism, in which certain structures or elements of one language are transferred to another without control. This phenomenon can manifest itself in both oral and written speech. The scientist determined that “Interference (from lat. inter – among themselves, mutually and ferio – touch, strike) – the interaction of language systems in a bilingual, folding or from contact languages, either in the individual develop-

ment of the non-native language; expressed in deviation from the norm and system of a second language influenced the native...” [2, p. 189]

It is known that languages come into contact when people and peoples come into contact. It took entire historical periods of contact between peoples and their languages to form the system of teaching a non-native language. But regardless of these historical periods, a native speaker faced the phenomenon of interference as soon as he tried to understand and master the language of another people it is the protective function of the native language, inherent in its very nature, stood in the way of mastering the “foreign” language.

When two or more languages come into contact, their perception functions collide, language norms come into “confrontation”, and the phenomenon of interference – assimilation occurs: the norm of one language tends to subordinate the norm of another language.

The main goal of the study, as we said above, is to determine the causes of interference in the context of multilingualism. To do this, it is necessary, first of all, to identify these reasons that lead to errors in pronunciation when learning English.

As noted by A. L. Pumpyansky [4, p. 38], a researcher of scientific and technical translation, the main reasons that lead to errors include:

- mixing sounds of your native language with foreign ones;
- erroneous use of analogy;
- inability to find Russian or Kazakh meanings for translating English words, lexical and grammatical combinations;
- ignorance of the laws of presentation of English material and the way it is transmitted to Russian or Kazakh languages.

When it comes to the interaction of sound systems in terms of their coexistence, you need to keep in mind that in the interaction of Russian and Kazakh languages the interference is certain: the Russian language in the mouths of native speakers, becomes absolutely certain phonetic properties associated with phonological and phonetic characteristics of the sound system of the Kazakh language. As a result of this interaction of the native language system, a specific “national” version of the Russian literary language appears (at least in its colloquial form), which is characteristic not only for native speakers of this language, but also for Russian speakers living in this environment. The reverse influence, the influence of the Russian language on the Kazakh language – also exists. In a General way about the impact of the Russian language in the Kazakh indicates, for example, the emergence of “borrowed” Russian phonemes, came together with Russian lexical borrowing.

Bilingual students who are residents of our country and for whom Russian is their second native language are of exceptional interest in teaching a third language, in this case English. It is important to understand what this bilingualism leads to when teaching a third, non-native language, whether it simplifies the solution of the problem or not. In other words, different combinations may occur in the chain “native language – Russian language – foreign language”:

- a) “native language + Russian” is opposed to “foreign language”;
- b) “native language” is opposed to two non – native languages – “Russian language + foreign language”;
- c) all three languages act as independent systems.

As already available data show, any of the three models is possible in this situation, this applies not only to different specific languages involved in this chain, but also to different elements of the sound system being studied. When learning, for example, vowels, knowledge of the Russian language may not affect the acquisition of a foreign language, and when learning consonants—to promote the acquisition of a foreign language, or even hinder it.

The knowledge of the system of sound means of a foreign language involves automating the mechanisms of speech generation and using sounds similar to the Kazakh and Russian languages in the perception of English in our case.

In conditions of multilingual interference, both sides of speech activity are not fully automated, so perception imposes significant restrictions on the errors that may occur (i. e., “poor” quality of speech in a non-native language does not exclude good understanding, and if the sounds of a non-native language are poorly distinguished, pronunciation errors are optional).

Interference can manifest itself in both oral and written speech, as well as at all language levels.

Scientists distinguish several types of interference:

- semantic
- lexical
- grammatical
- orthographic
- stylistic
- linguistic and cultural studies
- socio-cultural

According to the method of influence of contacting languages, there is a difference between positive and negative interference.

The source of negative phonetic interference is differences in the composition of phonemes and their combinations, as well as mismatch of phonemic systems. At the same time, the nature of interference is largely determined by the similarity and genetic relationship of the contacting languages. Phonetic negative interference is, first of all, a violation or distortion of the language system of the foreign language being studied and its norms as a result of the interaction in the speaker's mind of phonetic systems and pronunciation norms of two languages, manifested through interference of auditory and pronunciation skills.

Along with this, phonetic interference can also give a positive result, for example, in the case of articulatory-acoustic similarity of the sound phonemes of contacting languages. Pronunciation skills are formed together with the articulation base of the language. According to L. R. Zinder, the articulation base is a set of articulatory and phonotactic habits; its formation primarily depends on the phonemic system of the language and, most importantly, on the differential features

used in this language.

However, as L. R. Zinder emphasizes, “the articulation base is formed on the basis of phoneme articulation as an integral unit, and not as a set of differential features” [5, p. 9]. In this sense, for the implementation of the pronunciation program, it is very important “which organs of pronunciation are involved in the formation of distinctive features of a given language and how intensively... what combinations of different organs are possible in a given language” [6, p. 54].

Z. N. Dzhaparidze suggests considering the articulation base as “a system of "pronouncing instructions" and addresses stored in memory, according to which "pronouncing orders" (nerve impulses) leading to pronouncing movements are sent to the speech organ” [7, p. 49].

Of course, learning the phonetics of English causes some difficulties for students and leads to errors in pronunciation. In many cases, due to the difference in the phonetic system of English, Kazakh and Russian, students may experience interference, i.e. the negative impact of the pronunciation skills that the student has on the language being studied.

Trilingual comparison is carried out in two main directions: comparison of phonetic systems and consideration of intonations. These aspects are closely related.

S. I. Bernstein identified the main reason for difficulties in mastering foreign language pronunciation as “students perceive the sound of someone else's speech through the prism of the phonetic system of their native language. Having with stable skills of hearing and pronouncing sounds of their native language, they adjust their perception and reproduction of unusual sounds of someone else's speech to these patterns” [8, p. 7].

Both at the initial stage of learning, when attention is focused on the phonetic side of speech, and in the process of further study, it is easier to imagine the sounds of the native language instead of foreign sounds.

This is because the language norm has a protective function of language. Every time a person (consciously or unconsciously), realizing the possibilities of the language structure, thinks about how to correctly Express his thought, that is, he discovers a desire for the language ideal.

The outstanding linguist N. S. Trubetskoy also paid great attention to the problems that arise when studying the phonetics of a foreign language: “When listening to someone else's speech, we involuntarily use the familiar "phonological sieve" of the entire native language when analyzing what we hear. And since our "sieve" turns out to be unsuitable for a foreign language, numerous mistakes and misunderstandings arise. The sounds of a foreign language get the wrong phonological interpretation.” [9, p. 277].

The outstanding linguist N. S. Trubetskoy also paid great attention to the problems that arise when studying the phonetics of a foreign language: “When listening to someone else's speech, we involuntarily use the familiar "phonological sieve" of the entire native language when analyzing what we hear. And since our "sieve" turns out to be unsuitable for a foreign language, numerous mistakes

and misunderstandings arise. The sounds of a foreign language get the wrong phonological interpretation.” [9, p. 277]

It is known that when listening to and playing a new sound, students liken it to a close sound of the sound system of their native language. In cases of similarity, this similarity is a positive factor that contributes to the assimilation of foreign language sounds. However, in cases of difference, when students unconsciously replace the sound of their native language with a similar sound of the language being studied, this similarity makes it difficult to learn the sound system of a foreign language.

REFERENCES

1. *Vajnrax, U.* Monolingualism and multilingualism // *New in linguistics*. M. : Progress, 1972. Vy`p. 6. Language contacts. Pp. 25–60.
2. *Shherba, L. V.* On the issue of bilingualism // *Language system and speech activity*. L., 1974. Pp. 424.
3. *Vinogradov, V. A.* Interference // *Linguistic encyclopedic dictionary / main ed. V. N. Yarceva*. M., 1990. 685 p.
4. *Pumyanskij, A. L.* Introduction to the practice of translating scientific and technical literature into English. M. : Publishing house «NAUKA», 1965.
5. *Zinder, L. R.* On the question of articulation base // *Experimental phonetic analysis of speech: Problems and methods*. 1984. № 1. Pp. 8–12.
6. *Zinder, L. R.* General phonetics. M., 1979.
7. *Dzhaparidze, Z. N.* Some of the questions of perceptual phonetics // *The analysis of the speech*. 1969. Pp. 39–52.
8. *Bernshtejn, S. I.* Problems of teaching pronunciation // *The issues of phonetics and pronunciation teaching: Sb.* M., 1975. P. 15.
9. *Trubeczkoj, N. S.* Basics of Phonology. M. : High school, 1960. 372 p.

Гончарова Н. А., Швецова В. М.

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ «КОМПЕНСАТОРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ» В РУСЛЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АСПЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

*Мичуринский государственный аграрный университет,
г. Мичуринск, Российская Федерация*

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные аспекты концептуализации иноязычных невербальных средств общения, используемыми не носителями иностранного языка в процессе осуществления иноязычного общения. Акцентируется внимание на том факте, что концептуализация иноязычного невербального знака в сознании не носителя языка осуществляется в ходе формирования компенсаторной компетенции. Компенсаторная компетенция, позволяющая осуществлять полноценное общение на иностранном языке, является значимым компонентом в составе иноязычной коммуникативной компетенции. При этом подчеркивается, что

концептуализация иноязычного невербального знака в сознании не носителя языка ограничена рамками родной языковой картины мира, заданной рамками родного языка. Овладение невербальным знаком на основе общенаучного принципа постижения действительности от общего к частному рассматривается как эффективный момент в овладении иноязычными невербальными средствами общения не носителем языка.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция не носителя языка, компенсаторная компетенция обучающихся, невербальные средства общения, концептуализация иноязычного невербального знака, языковая картина мира, общенаучный принцип постижения действительности от общего к частному.

Современный мир пестрит многообразием речевых контактов на иностранных языках, что естественным образом отражается на качестве воспринимаемой коммуникантами информации [8]. Будучи представителями разных социокультурных сообществ, коммуникантам необходимо находить «общий язык» для осуществления коммуникации с целью адекватного восприятия коммуникативных намерений друг друга.

Известно, что успешность осуществления иноязычной коммуникации представителями разных лингвокультурных сообществ обеспечивается тем уровнем сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, который позволяет коммуникантам – носителю и не носителю иностранного языка, на котором происходит общение, – понимать и передавать нужный коммуникативный замысел, что связано с концептуализацией той языковой картины мира, в рамках которой происходит общение [6].

Изучение соответствующих работ по теме исследования позволяет констатировать, что понятие иноязычной коммуникативной компетенции подвергалось детальному изучению [7; 2; 9]. Придя к более-менее единому мнению относительно определения иноязычной коммуникативной компетенции, исследователи, однако, по-разному представляют компонентный состав такого сложного конструкта, как коммуникативная компетенция. Так, некоторые исследователи уверены, что иноязычная коммуникативная компетенция включает такие компоненты, как речевая, языковая, социокультурная, компенсаторная, учебно-познавательная компетенции. Другие исследователи придерживаются мнения относительно наполнения иноязычной коммуникативной компетенции такими компонентами, как лингвистический, социолингвистический и прагматический компоненты. В работах третьих исследователей иноязычная коммуникативная компетенция выглядит следующим образом: лингвистическая (языковая) компетенция, социокультурная компетенция, речевая компетенция, социальная компетенция, дискурсивная компетенция, стратегическая (компенсаторная) компетенция, профессиональная компетенция, предметная компетенция.

В рамках нашего исследования мы, не вдаваясь в дискуссионную сто-

рону данного вопроса, акцентируем внимание на такой составляющей иноязычной коммуникативной компетенции, как компенсаторная компетенция. Компенсаторная компетенция является значимой частью иноязычной коммуникативной компетенции, поскольку в акте иноязычной коммуникации способствует заполнению вербальных лакун, возникающих в результате того, что коммуникант – не носитель иностранного языка – не может по какой-то причине знать или может забыть нужное слово на иностранном языке.

Из ряда проанализированных нами определений компенсаторной компетенции очевидно, что данный вид компетенции связан с употреблением в коммуникативном акте невербальных средств общения как значимых маркеров владения иностранным языком [6]. Существует мнение, что невербальные средства общения составляют важный аспект любого межкультурного взаимодействия, осуществляемого средствами какого-либо естественного языка. О необходимости владения невербальными средствами общения для осуществления иноязычной коммуникативной деятельности мы находим в работах ряда исследователей.

В научных источниках высказывается мнение о том, что один и тот же невербальный знак, запечатленный коммуникантом жестом руки, поворотом тела, движением глаз, обязательно будет трактоваться коммуникантом – не носителем данного языка – с позиции того понимания языковой картины мира, которая задана коммуниканту его родным языком. Здесь мы можем утверждать, что при всей схожести и даже определенной одинаковости существующих тех или иных невербальных знаков, у каждого конкретного лингвокультурного сообщества существует только ему присущая трактовка невербального знака, что естественным образом создает основу национального мировидения и коннотативной оценки окружающей действительности, которая в коммуникативном акте будет истолкована коммуникантами, принадлежащими к разным лингвокультурным сообществам, с позиции своего понимания языковой картины мира, которая кодируется вербальными и/или невербальными знаками, и употребление того или иного вербального/невербального знака отражает некое видение и смысловое структурирование мира в соответствии с общей логикой миропонимания, мировидения и мировосприятия, заданной родным языком коммуниканта [1] и во многом основанной на ассоциативных связях языковых знаков [10; 11].

Языковая картина мира в сознании каждого участника коммуникативного акта – носителя и не носителя языка – должна рассматриваться в межкультурном аспекте употребления не только вербальных, но и невербальных средств общения [3]. При этом в качестве единицы сопоставления в сознании коммуниканта – не носителя языка – выступает тот культурный концепт, который соотносится с той или иной ситуацией общения [4]. И естественно, что невербальные средства общения, будучи выраженными одним знаком для разных лингвокультурных сообществ, в сознании коммуникантов могут породить неверную интерпретацию коммуникативной ситуации,

заданной рамками конкретной языковой картины мира.

Существует справедливое замечание, что в языковой картине мира любого этноса выделяется стабильное ядро, характерное для всех народов, и вариативные участки, детерминированные историческими, социальными, политическими и другими факторами. На уровне невербальных средств общения стабильным ядром выступают врожденные средства выражения эмоций; вариативными участками являются жесты, мимика, пантомимика и т. д., которые в основном являются социально обусловленными. Следует напомнить, что система эмоционального состояния человека включает семь основных способов выражения эмоций, являющихся стабильным ядром и относящихся к врожденным биологическим эмоциям: радость или счастье; отвращение или презрение; интерес или любопытство, удивление или изумление; гнев или ярость; печаль; страх. Весь остальной спектр выражения эмоций является социально обусловленным и находится в рамках соответствующей языковой картины мира [6].

Невербальные средства коммуникации характеризуются ярко выраженной национальной спецификой и находят отражение в языковой картине мира конкретного народа с учетом этнических особенностей и факторов самобытности, индивидуального проявления и культурного соответствия как аспекта характеристики уникального поведения индивида. Жестикулярно-мимическая речь, пантомимика и пр. выражает некую непрерывность существования человека в культурной среде, связанную с ее укорененностью. Данным фактором и объясняется определенная устойчивость и низкая взаимопроницаемость невербальных средств коммуникации в условиях межнациональной коммуникации. В исследованиях устанавливаются факторы, ограничивающие использование невербальных средств коммуникации не носителями языка в процессе иноязычного общения: различная частотность использования жестов, мимических выражений и пр. (многожестикулирующие страны – Италия, Испания; маложестикулирующие – Финляндия, Япония); наличие специфических культурологических соматизмов, отражающихся в этикетных нормах конкретного народа (например, русские смотрят в глаза собеседника в процессе общения в знак открытости и честности намерений; китайцы, избегая прямого взгляда, смотрят в сторону или прячут глаза); полисемичность невербальных средств разных культур, когда, например, один и тот же жест может обозначать разное содержание (русский человек проводит ребром ладони по горлу для выражения сытости; японец производит данную манипуляцию, чтобы в ресторане пригласить официанта для оплаты счета) и пр.

Национальная специфичность иноязычного невербального знака связана с трудностями адекватной интерпретации. Стабильными, сохраняющими свое содержание во многих языковых картинах, выступают лишь экспрессивные коды эмотивных состояний индивида. В то же время остальные способы неязыковой коммуникации, не отличающиеся однозначностью понимания, моделируются в зависимости от множества аспектов. Например,

гендерные и возрастные отличия, ситуативность коммуникации, культурные и этнические особенности репрезентации индивидуальных особенностей представителей той или иной нации и пр. Невозможно предусмотреть специфику всех перечисленных аспектов в условиях межличностной иноязычной коммуникации – так возникают ошибки в понимании невербальных сообщений. Избежать данного обстоятельства поможет четкое осознание участниками иноязычного общения оригинальности неязыкового знака и подвижности способов невербального выражения. Адекватность в репрезентации мыслей, чувств коммуникантов (обучающихся) определяется системой сформированных навыков и умений кодирования сообщений подобного рода.

Следует учитывать, что интерпретация невербального знака в условиях межличностного иноязычного общения представляет творческий процесс, успешность которого зависит от уровня социального интеллекта обучающихся – не носителей иностранного языка, а также от внимания и проявленного интереса к участникам коммуникации. В большинстве случаев в процессе самостоятельного постижения значения невербального знака коммуникантами – не носителями языка – позволяет последним наиболее эффективно вести иноязычную коммуникацию [5]. Полагаем, что именно данными факторами и определяется коммуникативная компетентность человека. В связи с вышеизложенным полагаем, что формирование компенсаторной компетенции обучающихся предполагает не только знание семантики невербального знака, но и «вживание» в национальный культурный код, зафиксированный социально обусловленными невербальными знаками, что нацеливает взглянуть на языковую картину мира изучаемого иностранного языка «изнутри». Данный факт дает возможность обучающимся концептуализировать в своем сознании не только ядерные (стабильные), но и периферийные (вариативные) элементы иноязычной языковой картины мира.

Естественно, что система родного языка коммуниканта накладывает существенные ограничения на восприятие и воспроизведение невербального знака в процессе иноязычной коммуникации. Однако у носителей языка не в каждом случае формируется новый элемент, характерный для иноязычной картины мира, зафиксированной невербальным знаком. С целью более полного формирования в сознании обучающихся элементов иноязычной картины мира необходимо в процессе формирования компенсаторной компетенции исходить из тех признаков в интерпретации невербального знака, которые основаны на общих дифференциальных признаках. К подобным невербальным знакам, отражающим общие признаки любой коммуникативной ситуации, относятся, как мы уже упоминали, невербальные знаки, выражающие врожденные эмоции. Далее процесс формирования компенсаторной компетенции предполагает обращение к социально обусловленным невербальным знакам: от похожих невербальных знаков в родном и иностранном языке, до полностью отличающихся либо по способу

выражения, либо по интерпретации. Отсюда очевидно, что с позиции лингвокогнитивного аспекта исследования формирование компенсаторной компетенции должно быть подчинено общенаучному принципу постижения действительности от общего к частному, что обусловлено закономерностями познавательного процесса, отражающими суть человеческого бытия.

Таким образом, с позиции лингвокогнитивного аспекта исследования методическое понятие «компенсаторная компетенция обучающихся» дает нам возможность обратить внимание на процесс концептуализации иноязычного невербального знака в сознании не носителя языка. Будучи значимым компонентом иноязычной коммуникативной компетенции, компенсаторная компетенция позволяет осуществлять полноценное общение на иностранном языке не носителю языка. Система родного языка накладывает определенные ограничения на восприятие и интерпретацию иноязычного невербального знака, что зачастую вызывает трудности для коммуниканта – не носителя языка – в адекватном восприятии и понимании иноязычной коммуникативной ситуации. Процесс овладения иноязычным невербальным знаком на основе общенаучного принципа постижения действительности от общего к частному определяется как наиболее эффективный момент в формировании компенсаторной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гончарова Н. А.* Истоки формирования концепта «патриотизм» в сознании подрастающего поколения // *Идея патриотизма в системе воспитания подрастающего поколения: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодарский край, с. Сукко; Всерос. детский центр «Смена», 16–18 апреля 2019 г.).* Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. С. 101–106.
2. *Гончарова Н. А.* Обучение студентов филологических факультетов педагогических вузов особенностям английского языка (на материале американского варианта английского языка): монография. Мичуринск : Изд-во МГПИ, 2007. 117 с.
3. *Гончарова Н. А., Крестинина Г. В.* Обучение английскому дискурсу в аспекте межкультурной коммуникации // *Язык. Культура. Коммуникация : мат-лы XI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, приуроченной к 30-летию Ульяновского государственного университета.* Ульяновск : изд-во Ульяновский государственный университет, 2018. С. 93–97.
4. *Гончарова Н. А., Швецова В. М.* Постигание студентами-иностранцами особенностей менталитета русского народа на примере авторского стиля А. И. Солженицына (продвинутый уровень владения русским языком) // *Педагогика. Вопросы теории и практики.* Тамбов : Грамота, 2020. № 4. С. 450–456.
5. *Гончарова Н. А., Швецова В. М., Крестинина Г. В.* Значимость внеклассной работы по предметам гуманитарного цикла с обучающимися начальной школы // *Методология, теория и практика инновационного развития регионального образования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (22-23 ноября 2019 года) Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ» [Электронный ресурс].* М. : Издательство «Перо», 2019. С. 75–79.
6. *Крестинина Г. В.* Методика обучения студентов филологических факультетов иноязычной спонтанной речи (английский язык как дополнительная специальность) : дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2002. 220 с.
7. *Мелехова Н. В.* Формирование иноязычной компетенции у обучающихся неязыковых вузов // *Электронный журнал «Наука и образование».* № 4. Мичуринский ГАУ, 2019 г.

8. Мелехова Н. В., Жеребцова Ж. И., Копельник В. И., Гливенкова О. А. Психологические лингводидактические основы использования компьютерных технологий при обучении русскому языку как иностранному // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. № 4(66). 2017. С. 127–136.

9. Чуксина О. В., Кретинина Г. В., Гончарова Н. А. Обучение англоязычному диалогическому общению: социокультурный аспект // Высшее образование в России. М. № 4. 2007. С. 160–162.

10. Швецова В. М. Межсловные ассоциативные связи в процессе развития текстовой семантики слова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. № 2. Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 197–203.

11. Швецова В. М. Принципы взаимодействия компонентов внутрислового пространства голографической единицы в процессе развития текстовой семантики // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2013. № 1. С. 178–180.

Залавина Т. Ю.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ «Я» В ВИРТУАЛЬНОМ МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

*Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация*

Аннотация. Современный этап развития лингвистической науки характеризуется разноаспектным и всесторонним изучением самопрезентации и самореализации в интернет пространстве. Цель исследования заключается в рассмотрении прагматических способов, с помощью которых осуществляется самовыражение личности в социальных сетях. Данные исследования предусматривают ряд аналитических целей или задач и уделяют особое внимание ряду факторов, которые будут влиять на виртуальную коммуникацию и использование языка в Интернете в ближайшем будущем.

Ключевые слова: коммуникация, личность, социальная сеть, Интернет.

Компьютерно-опосредованная коммуникация стала ключевым механизмом в структуре взаимодействия большей части мира. Быстрое развитие технологических инноваций позволило динамично развиваться в направлении все более активного взаимодействия с использованием Интернета. Это, в свою очередь, позволило расширить возможности для развития новых социальных сетей через различные сайты социальных сетей, что позволило пользователям и особенно молодым людям стать более самостоятельными, чем когда-либо прежде.

В интернет-опосредованном общении разговорные задачи адресанта и адресата не отличаются от тех, которые упоминаются при личном общении.

Виртуальные собеседники в Сети выдвигают гипотезы о существовании и степени взаимности в их когнитивной среде, что является важным шагом на пути к эффективному общению. Однако очень часто эти виртуальные собеседники сталкиваются с ограниченной, частичной или даже несуществующей информацией, касающейся когнитивной среды других пользователей.

Личная репрезентация в интернете-это не неизбежное следствие биологии, рождения или социальных обстоятельств, а, скорее, легко манипулируемая бестелесная фабрикация.

Существует социальная анонимность, которая является прямым следствием необходимости вообразить наших собеседников или, в терминах теории релевантности, необходимости выдвигать гипотезы на основе предположений, относящихся к взаимной когнитивной среде собеседников, которые не сосуществуют. Конечно, информативность современных кибермедиа увеличивает общие возможности для самораскрытия.

Сайты социальных сетей могут быть как конкретными, так и общими, поскольку можно сосредоточиться на конкретных группах населения или видах деятельности с помощью виртуальной платформы, где пользователи могут представлять себя так, как они хотят.

Сетевое взаимодействие в Интернете является широко распространенным явлением, причем на долю использования социальных сетей приходится примерно четверть всего времени, проведенного в сети [1].

Хотя пользователи социальных сетей состоят из людей всех возрастов, подростки и молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет со значительным отрывом являются наиболее активными.

Кроме того, потребность в валидации и социальной поддержке, которую ищут в Интернете, особенно заметна среди молодежи в возрасте до 16 лет.

Реляционный потенциал, предоставляемый социальными сетями молодым людям разного возраста, приносит с собой более широкий спектр относительно специфических групп идентичности или интересов; единомышленники становятся более доступными в интернете.

Возраст является существенным фактором прочности связей с онлайн-группой; молодые люди идентифицируют себя с онлайн-сообществами более активно, чем старшее поколение. Уровень независимости и индивидуальности молодого человека отрицательно связан с силой идентификации с онлайн-сообществом или группой сверстников, и поэтому менее автономные молодые люди с большей вероятностью будут сильно привязаны к группе [3].

Кроме того, с точки зрения пола существует небольшая разница в количестве времени, проводимого в интернете, но формы активности, используемые мальчиками и девочками в возрасте до 16 лет, различаются [6]. Исследования с участием молодых людей в возрасте 18-29 лет согласуются с выводами более молодых подростковых групп с точки зрения гендерных

различий в использовании социальных сетей. Социальные сети используются женщинами больше для укрепления существующих отношений, в то время как мужчины более склонны искать новых друзей и романтически мотивированные привязанности [2]. Так, при самопрезентации в Интернете, подростки женского пола выбирают себе никнеймы с большим удельным весом эмотивности. [9].

Мужчины, же, гораздо чаще, чем женщины, показывают более рискованное поведение в Интернете. Мужчины также проводят значительно больше времени, взаимодействуя через онлайн-игры, чем женщины. Примечательно, что, хотя формы взаимодействия и мотивы самопрезентации, лежащие в основе самореализации в Интернете, различаются между полами, их роль остается неизменной для обоих полов.

Социальные сети открывают людям путь к объединению социального капитала через предоставления социальной и эмоциональной поддержки посредством взаимодействия со сверстниками.

Центральное место в привлечении онлайн-групп занимают аспекты общих интересов или общих характеристик идентичности; существует разделение общих целей и поведенческих норм. Примечательно, что возраст является предиктором наивности пользователей в Интернете, где молодые люди, ищущие идентификации, с большей вероятностью проявляют доверие после того, как переживают близость отношений [9].

Социальное доверие часто является предварительным условием того, хочет ли человек оставаться анонимным или раскрывать свою личность в онлайн-среде. Молодые люди, избегающие общения лицом к лицу, чаще общаются с другими людьми в Интернете, где некоторая форма анонимности может быть использована для поощрения самораскрытия [7]. Это самораскрытие является ключевым компонентом формирования и поддержания отношений между информацией, коммуникацией и обществом, поскольку оно способствует социальному доверию как онлайн, так и офлайн.

Механизмы онлайн-и офлайн-идентификации групп сверстников отличаются друг от друга; членство в группах и опыт работы в Интернете и офлайн-группах эквивалентны с точки зрения силы реляционных связей. Кроме того, как экстраверты, так и интроверты переносят стиль поведения из офлайн-среды в онлайн-среду.

Однако те, у кого меньше офлайн-друзей, как правило, имеют более низкую самооценку и будут тратить больше времени на социальные сети в дополнение к более благоприятному отношению к преимуществам его использования.

Потребность в принятии в группе или сообществе является основополагающей в мотивации к безопасности и самоуважению, и как таковая является основной целью многих людей, пользующихся преимуществами, предлагаемыми Интернетом [6]. Интернет-среда, позволяет адаптировать самопрезентацию к желаемой аудитории путем выбора того, какие аспекты лич-

ности будут скрыты или показаны. Анонимность интерактивного взаимодействия позволяет экспрессировать и экспериментировать с теми аспектами личности, которые в противном случае могли бы остаться скрытыми [10].

Центральное место в реляционном аспекте занимает способность к самопрезентации любыми способами; здесь пользователи контролируют свою видимую персону или профиль, полностью контролируя, является ли он точным или идеализированным, чтобы искусственно повысить свою привлекательность на онлайн-арене [4].

Социальные сети предоставляют платформу для индивидуальной самопрезентации с целью как поддержания, так и развития отношений, что делает ее привлекательной для тех, кто желает иметь более широкую аудиторию. Эта способность контролировать свою самопрезентацию наряду с динамикой социальной арены вовлекает в игру тех, кто проявляет черты нарциссизма, характеризующиеся как тенденция считать себя более важным, чем другие, искать восхищения и поддерживать чувство собственной важности или уникальности со склонностью к саморекламе [1]. Во многих отношениях сцена, предоставляемая Интернетом, является идеальным пространством для удовлетворения потребностей у людей, ищущих самовыражение.

Социальные сети пользователи проявляют более высокий уровень нарциссизма, чем не-пользователи, так как доступность таких сайтов обеспечивает новый уровень удовлетворения этих потребностей [11]. Примечательно, что эта манера поведения, которая может рассматриваться как выражение уверенности, на самом деле связана с противоположным концом спектра, демонстрируя низкую самооценку.

Кроме того, люди с высоким уровнем нарциссизма и с низким уровнем самооценки чаще проводят более одного часа в день в социальных сетях [8]. Здесь люди с низкой самооценкой используют онлайн общение как метод поиска подтверждения или получения признания от определенной группы.

Таким образом, низкая самооценка в сочетании с повышенной способностью манипулировать и контролировать взаимодействие в Интернете могут быть существенным мотиватором для отображения все более идеализированной саморепрезентации через социальные сети в целях достижения желаемого внимания со стороны других пользователей.

Интернет сильно изменился и сильно изменил нас в последние годы. Его влияние на повседневную жизнь граждан в развитых обществах было огромным в первом десятилетии 21-го века, и это влияние будет продолжаться в последующие годы, когда, опять же, некоторые современные формы интернет-опосредованных взаимодействий устареют (например, традиционная группа новостей, почти исчезнувшая в настоящее время), в то время как новые варианты взаимодействий появятся и станут популярными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубских А. И., Бутова А. В., Харитонова С. В. Солидаризация как тактика самопрезентации публичной персоны в «звездном» интервью // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1 (50). С. 99–106.
2. Дубских А. И. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в масс-медиаальном дискурсе (на материале «звездных» интервью) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014. 24 с.
3. Дубских А. И. Выражение оценки в личностном интервью // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 17. С. 82–87.
4. Дубских А. И. Основные подходы к определению роли адресанта и адресата в речевой коммуникации // Актуальные проблемы теоретических и прикладных исследований: язык – культура – ментальность: Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. тех. ун-та им. Г. И. Носова, 2014. С. 11–16.
5. Дубских А. И. Интернет-пространство как сфера реализации отрицательной самопрезентации юмористическими средствами // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (199). С. 14–20.
6. Кисель О. В. Семантика личных имён. Магнитогорск, 2010.
7. Кисель О. В., Заруцкая Ж. Н. Межъязыковая передача личного имени через призму коннотативного аспекта семантики онимов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 393–399.
8. Кисель О. В., Дубских А. И., Бутова А. В. Мотивы самопрезентации личности в интернет-пространстве посредством никнейма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 5. С. 222–225.
9. Кисель О. В. Коннотативные аспекты семантики личных имен : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009.
10. Zerkina, N. N., Kisel, O. V., Mikhailov, V. V., Lukina, O. A. Historical and Social Background of English Name Giving Process // Arab World English Journal. 2018. Т. 9. № 1. С. 8–96.
11. Zalavina, T. Y., Kisel, O. V. “Blame” Concept in Phraseology: Cognitive Semantic Aspect (based on the French Language) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. № 17. С. 9693–9703.

Записных О. В.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

*Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема вербализации исторической памяти как релевантного лингвокультурного концепта в языковой картине мира в аспекте взаимодействия культур в России и ФРГ. Автор подвергает теоретическому компаративному анализу значимые научные источники, опубликованные по исследуемой проблематике, а также приводит примеры из современных текстов СМИ, которые свидетельствуют о том,

что историческая память до сих пор является ключевым фактором взаимодействия языковых культур России и Германии на современном этапе развития мирового сообщества в эпоху глобализации.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуальная картина мира, историческая память, лингвокультурный концепт, дискурсивное событие, публицистический текст, современный немецкий язык.

Как субъект познания человек обладает определенной системой знаний, мнений и представлений в отношении окружающей его объективной действительности. Данная система определяется в различных областях научного знания как картина мира, образ мира, модель мира и т.п. Взаимодействуя с окружающим миром, человек создает в своем сознании сложную и многообразную модель этого мира, некую «картину свойств вещей в их отношениях друг к другу и к субъекту» [5, с. 54].

В этом году весь мир отмечает 75-летний юбилей победы над нацизмом. В этой войне наша многострадальная Родина понесла огромные человеческие потери. В то же время, проблема вербализации исторической памяти нации остается актуальной на современном этапе новейшей истории ФРГ, на рубеже XX–XXI вв. И во многом это связано с темой преступлений нацистов в период Второй мировой войны (1939–1945). На наш взгляд, А. И. Борозняк напоминает о том, что прошло уже более полувека, как в немецком языке возникло сочетание *Bewältigung der Vergangenheit*, которое не имеет эквивалентов в других языках, а на русский буквально переводится как «преодоление прошлого». Данные термин, по мнению исследователя, олицетворяет национальную боль немцев за свое историческое прошлое. Он пишет: «И хотя в этом словосочетании стыдливо отсутствует указание на то, о каком именно прошлом идет речь, каждому немцу ясно: речь идет не об абстрактном далеком «прошлом», но о кровоточащем времени национал-социалистического господства: раны не заживают, а прошлое “не зарастает травой”» [2, с. 7].

Действительно, значительное количество публицистических статей в современной прессе ФРГ свидетельствуют о том, что немцам очень непросто преодолевать это прошлое, как и тяжело осознавать в какой-то степени свою вину за преступления в XX веке. Так, в своем обращении к читателям журнала «*Deutschland*», в то время федеральный министр иностранных дел, а ныне – федеральный президент Германии, Франк-Вальтер Штайнмайер подчеркивает, что 2014 год стал в каком-то печальном смысле юбилейным, когда стоит вспомнить о Первой и Второй мировых войнах. И этот скорбный момент дает повод лишней раз поразмышлять об ошибках прошлого, и используя все современные инструменты, не повторять этих ошибок в будущем, с целью защиты мира и свободы [6, с. 4–5].

Многие исследователи в этой связи часто вспоминают такие поступки известных исторических личностей, как знаменитое коленопреклонение в Варшаве (нем. *Kniefall von Warschau*, *Warschauer Kniefall*). Это был своего

рода жест покорности и покаяния со стороны тогдашнего канцлера ФРГ Вилли Брандта по отношению к жертвам восстания в Варшавском гетто, произошедшее 7 декабря 1970 года во время визита Брандта в Польскую Народную Республику.

Данное событие журналистка Жанет Шайян актуализирует в своей статье «Память как база для будущего Европы». В ней речь идет о визите федерального канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера в Польшу в 1999 году. Во время памятных мероприятий он, вместе с премьер-министром Польши Бузком, возложил венки к мемориалу на кладбище Пальмиры. Здесь похоронено свыше 2000 польских граждан, которых нацисты зверски замучили в период с 1939 по 1941 гг.: Die polnische Presse würdigte Schröders Besuch in Palmiry und das Gedenken an die polnischen Opfer des Nazi-Terrors denn auch als Beweis dafür, dass auch die neue Generation deutscher Politiker, die den Krieg nicht unmittelbar erlebt hat, sich der Geschichte nicht entzieht. Sie wertete Schröders Geste in Palmiry in Anlehnung an den Kniefall Willy Brands vor dem Ehrenmal des Warschauer Ghettos 1970 als „Ergänzung und Zusammenfassung der historischen Gesten seiner Vorgänger“, er habe damit „symbolisch einen gewisse Lücke in dem gemeinsamen Gedächtnis gefüllt“ [8, S. 26].

В целом, по сути именно поступки федеральных канцлеров ФРГ всегда представляли собой своего рода символические дискурсивные события. Подчеркивая тот факт, что слово «событие» в нетерминологическом значении обычно определяют, как «значительное явление, факт общественной или личной жизни», В. Я. Шабес считает возможным рассматривать «событие» как основную единицу фоновых знаний [4, с. 15]. Здесь представляется целесообразным рассматривать термин «событие» как значительное явление, факт общественной жизни, очерчивающее социально-исторический контекст фрагмента дискурса.

Дискурсивное событие детерминирует пропозициональное содержание, которое выступает в качестве одной из форм фоновых знаний. Под дискурсивным событием, таким образом, понимается значимое для данной языковой общности событие на определенном этапе ее исторического развития, маркируемое определенными лексическими единицами. Дискурсивные события отражают социальные практики языковой общности и очерчивают социально-исторический контекст, детерминируя определенное пропозициональное содержание, транслирующее экстралингвистические / неязыковые знания.

Так, например, в 2005 году Герхард Шредер стал первым в новейшей истории канцлером, присутствовавшим во время военного парада в честь 60-летнего юбилея окончания войны и победы над фашистами на Красной площади. При этом он общался не только с В.В. Путиным, но и нашими ветеранами: Im Gespräch mit russischen Kriegsveteranen und Jugendlichen gedenkt der deutsche Kanzler der Leiden von Putins Mutter im belagerten Leningrad – um sofort auszuschließen: „Gestatten Sie mir, daran zu erinnern, dass

in diesem Krieg auch mein Vater gefallen ist“ [7, S. 28]. Герхард Шредер почтил память страданий матери В. Путина в блокадном Ленинграде. И это по-своему символично, так как немецкий народ в лице избранного им канцлера отдает дань памяти русскому народу (избранником которого по конституции является президент, т.е. В. В. Путин), больше остальных пострадавших за годы Великой Отечественной войны. При этом от себя Г. Шредер позволяет напомнить о том, что его отец погиб на этой войне.

Но как показала практика, после ухода Г. Шредера с поста канцлера, а также с началом украинского кризиса в 2014 гоу, ставшего своего рода триггером в нарастающей всеобщей милитаризации в мире и началом новой «холодной» войны, в современных немецких СМИ при вербализации лингвокультурного концепта «историческая память» появились дополнительные коннотации и значения.

Например, в своей статье «Культура памяти» профессор Алейда Асманн поднимает вопрос своеобразного «обновления памяти», при этом предлагает свое восприятие исторического прошлого, пытаясь обратить внимание читателя скорее на то, как память о войне «обновляется» в современной России при В. В. Путине. Она говорит о том, что в современных СМИ много писали о том, что В. Путин не принял участие в торжественных мероприятиях по случаю 70-летия со дня освобождения германского лагеря смерти Освенцим Красной Армией 27 января 1945 года. По ее мнению, именно для В. В. Путина главным памятным днем считается дата окончания войны 9 мая. Именно тогда в Москве ежегодно проходит помпезный традиционный военный парад с демонстрацией вооружений и речами в честь последних ветеранов войны. Она отмечает: «День 27 января объявлен Стокгольмской конференцией еще в январе 2000 межнациональным днем памяти о холокосте, а с 2005 г. официально объявлен ежегодным днем памяти в Европейском союзе и ООН. В глазах Путина это некий западный «союз памяти», в котором России, государству-наследнику страны победителей, найти свое место не так-то просто» [1, с. 14–16].

Очевидно, что автор здесь предпринимает необходимые усилия для того, чтобы мифологизированная картина мира вытеснила определенные устойчивые лингвокультурные концепты в объективной языковой картине мира читателей в ФРГ и России.

Таким образом, анализирую особенности вербализации лингвокультурного концепта «историческая память» в корреляции «языковая картина мира – концептуальная картина мира», представляется логичным и целесообразным заключить следующее.

Понятие картины мира является одним из базовых понятий, отражающих особенности бытия человека и его взаимоотношений с окружающей действительностью. Несмотря на сложную природу концептуальной картины мира, в ней присутствуют константы, свойственные каждому индивиду, способствующие взаимопониманию людей. Строительными элемен-

тами данной системы выступают концепты, которые, являясь своеобразными «квантами» хранения знания о мире, способствуют обработке субъективного опыта индивида как носителя концептуальной системы. Поскольку конструирование концептуальной системы происходит непрерывно, концепт может представлять собой совокупность других концептов и быть континуально связанным с остальными элементами системы. Можно предполагать, что концептуальная картина мира каждого индивида обладает достаточно сложной природой, данная система непостоянна, изменчива [3, с. 177].

При этом необходимо отметить, что процесс выделения и исследования лингвокультурных концептов как когнитивных категорий представляет значительный интерес для современных исследований и носит многоаспектный характер. Язык, как одна из репрезентированных в сознании семиотических систем общественно выработанных значений, не только является частью картины мира – на его основе и формируется языковая картина мира.

Концептуальная картина мира как исходный глобальный образ лежит в основе мировоззрения человека. Она представляет собой своеобразную призму, через которую человек познает окружающий мир и в соответствии с результатами этого познания строит свою дальнейшую деятельность, в том числе и языковую. Языковая картина мира является важной составной частью комплексной концептуальной модели мира в сознании индивида, как совокупности знаний и представлений о мире.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вербализация релевантных лингвокультурных концептов, отражая исторический контекст социальной практики той или иной языковой общности, с одной стороны транслирует экстралингвистические или фоновые знания (социальная информация), а с другой стороны знания языковые, которые зафиксированы в знаковой системе языка, его «внутренней форме».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ассманн А.* Культура памяти // Германия. 2015. № 1. С. 13–17.
2. *Борозняк А. И.* Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 351 с.
3. *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М. : Наука, 1975. 231 с.
4. *Шабес В. Я.* Событие и текст: монография. М. : Высшая школа, 1989. 175 с.
5. *Шахнарович А. М., Голод В. И.* Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 52–56.
6. *Штайнмайер Ф. В.* Преодолевая разделение // Германия. Помнить и чтить память: специальный выпуск. 2014. С. 4–5.
7. *Krumpey, H., Pörtner, R., Wiegold, Th.* Vielflieger Schröder // Focus. 2005. № 21. S. 28–32.
8. *Schayan, J.* Erinnern als Basis – für die Zukunft in Europa // Deutschland. 1999. № 5. S. 26–27.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ УДАЧА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТА ОДНОИМЕННОГО КОНЦЕПТА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. В работе обсуждаются семантические преобразования лексемы *удача* в контекстах неузальной сочетаемости. Описаны особенности языковой экспликации когнитивных признаков концепта «удача» в употреблении слова *удача* в моделях атрибутивных и генитивных словосочетаний. Показано, что контексты атрибутивной сочетаемости связаны с расширением сферы приложимости понятия «удача», а контексты генитивной сочетаемости реализуют метафорическое одушевление субъекта – носителя удачи и нейтрализуют различие между представлениями о носителе удачи и об объекте ее приложения. Делается вывод о семантической активности лексемы *удача* в русской речевой практике и о значительной культурной разработанности концепта «удача» в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: лексема *удача*, анализ концептов, русская языковая картина мира, семантические преобразования, контексты сочетаемости, лингвокультурология.

В работе приводятся итоги последней стадии проводимого нами исследования по комплексному описанию концепта «удача» в русской языковой картине мира. В соответствии с принятой концепцией исследования этот этап заключается в рассмотрении новых явлений в употреблении слов, воплощающих указанный концепт в русской речи. В данной работе нас интересуют семантические преобразования лексемы *удача* в контекстах неузальной сочетаемости.

Цель исследования – описать особенности языковой экспликации когнитивных признаков концепта «удача» в употреблении слова *удача* в концептуально-метафорических моделях атрибутивной и генитивной сочетаемости.

Теоретической основой работы выступают принципы комплексного, лингвокогнитивного и лингвокультурологического описания явлений языка на лингвокогнитивной основе, изложенного в работах [1; 2]. Используется методика лингвокультурологической интерпретации активных процессов в русском языке новейшего периода [6; 7] и методика интегративного анализа концептов культуры [5; 8]. Материалом для исследования выступают языковые данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Удача является одной из самых архаических мифологем в истории человечества. Мифологическое восприятие событий, которые случаются с че-

ловеком и которые не могли на тогдашнем уровне знаний о мире быть предметом рационального осмысления, приводило к анимизации, персонализации удачи как сверхъестественного существа, вмешивающегося в жизнь людей. Во всех мифологиях мира существует бог или дух удачи – Тюхе в Древней Греции, Фортуна в древнеримской мифологии, Молох в древнесемитских верованиях, Велес у славян и т. д. Удаче посвящены многочисленные тексты фольклора всех народов мира – сказки, пословицы, поговорки, загадки и пр.

С одной стороны, удача мыслится как общечеловеческая универсальная культурная категория, присущая всем лингвокультурам. С другой стороны, как показали наши исследования [4], концепт «удача» имеет существенную национальную специфику, связанную с ключевыми идеями русской языковой картины мира. В частности, в известной коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005) первой в списке из восьми ключевых идей идет идея о непредсказуемости мира и невозможности для человека полностью управлять событиями [2].

Представление об удаче, сформировавшись еще на заре цивилизации, и в наши дни является одним из важнейших концептов, которым руководствуются русские люди в своей повседневной жизни. Этот концепт сегодня только увеличивает свою представленность в современной русской речи, демонстрируя расширение своей сочетаемости и обогащение смыслового объема.

Согласно концепции исследования, в работе анализируются особенности синтагматической репрезентации концепта «удача», что предполагает обнаружение смыслового и коннотативно-оценочного потенциала концепта, который раскрывается в сочетаемости слов – репрезентантов концепта, но не отражен в их словарных описаниях.

В целом в выявленных нами семантических преобразованиях лексемы *удача* так или иначе акцентируются основные когнитивные признаки соответствующего концепта, обнаруженные и зафиксированные на предыдущих этапах анализа: (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'; (2) 'желательный результат, нужный исход дела' (3) 'везение'; (4) 'счастье' и др. [4, с. 294–295]. Специфика выражения данных когнитивных признаков в нашем материале связана с расширением сферы приложимости понятия «удача» на сферы, в которых в терминах удачи раньше люди не мыслили и не говорили. С другой стороны, ряд новых смысловых эффектов в них связан с концептуальной метафоризацией удачи в духе теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [3].

В настоящей работе нас интересует два типа контекстов сочетаемости для лексемы *удача*: (1) атрибутивная сочетаемость; (2) генитивная сочетаемость.

(1) Контексты атрибутивной сочетаемости слова *удача* по модели «прил. + сущ.» примечательны тем, что в них отражается существенное расширение области приложимости для слова *удача*. Новая сфера приложимо-

сти задается за счет семантики относительных прилагательных, которые характеризуют существительное *удача*.

Так, удача может быть приписана значимым социальным, политическим, юридическим, военным, финансовым, коммерческим, экономическим и др. областям нашей жизни:

В чем его такая замечательная особенность, в чем его, так сказать, политическая удача? [Валерий Лебедев. Долги наши тяжкие // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.16];

Второй главной законотворческой удачей можно считать подписание закона об электронно-цифровой подписи, что должно хоть как-то помочь российскому интернет-бизнесу, находящемуся в полубморочном состоянии [Александр Латкин. Контакт пока есть. Почта, информатизация и электросвязь сольются в одно // «Известия», 2001.12.27]

Теперь мы оба во власти воинской удачи, а удача – игра богов [Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011];

Зато сделка, заключенная в среду вечером или в четверг до 12.00, в будущем обещает обернуться финансовой удачей [Гороскоп // «Столица», 1997.03.04].

Контексты подобного рода актуализуют представления о фрейме удачи с позиции переосмысления состава его участников в качестве свойств, признаков, атрибутов удачи. В ряде случаев в употреблении прилагательного отражается концептуальная схема ‘носитель удачи’: *воинская удача* = *удача воинов*, в ряде случаев отражается концептуальная схема ‘объект / область приложения удачи’: *политическая удача* = *удача в политике*; *финансовая удача* = *удача в финансовых предприятиях*.

Особенность именно атрибутивной модели состоит в том, что во многих случаях в контексте нейтрализуется представление о субъекте и / или объекте удачи: законотворческая удача может интерпретироваться и как ‘удача в законотворческой деятельности’, и как ‘удача субъектов законотворческой деятельности, т.е. законотворцев’.

Широко представлена в нашем материале историческая или географическая сфера приложения удачи:

Плюс двойная громадная географическая удача – восточноевропейские пространства изолировали Запад от степных кочевников и аграрных империй Востока, а по ту сторону Атлантики обнаружили целых два природно богатых и, в сущности, беззащитных континента [Георгий Дерлугьян. Чисто империалистическое самоубийство // «Эксперт», 2014]

В чем, как ни странно, была историческая удача либерального капитализма, сохранявшегося к началу 1940-х годов лишь в островной Британии и Америке [Георгий Дерлугьян. Чисто империалистическое самоубийство // «Эксперт», 2014].

В данных контекстах атрибутивные сочетания представляют собой результат стяжения: *географическая удача* ← *удачное географическое рас-*

положение. При этом опорное слово в исходном и получившемся словосочетании меняются местами (прилагательное *удачное* было зависимым словом, но в получившемся словосочетании оно преобразуется в существительное *удача* уже в роли главного, подчиняющего опорного слова). Перед нами – не просто стандартная модель перехода от атрибутивного адъективного словосочетания к атрибутивному генитивному типа *деревянная икатулка* → *икатулка из дерева*, но именно существенная перестройка исходной структурно-семантической схемы с изменением смысловых отношений и направления зависимости между компонентами словосочетания.

Удача также может быть приложена к отдельным, частным сферам социальной и / или профессиональной деятельности – градостроительная, полиграфическая и пр. удача:

Похоже, что восстановление Храма Христа Спасителя против всяких ожиданий может стать градостроительной удачей [Дмитрий Швидковский. Московское строительство // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.20];

Эти книги не только художественная, но и полиграфическая удача [Николай Дмитриев. Два вектора писателя и штурмана // «Транспорт России», 2002.05.20].

В данных контекстах в относительных прилагательных, атрибутирующих лексему удача, также нейтрализуется семантика отношения к носителю удачи и семантика отношения к области приложения или объекту удачи: *градостроительная удача* – это и удача градостроителей, и удача в градостроительстве.

В ряде контекстов атрибутивная сочетаемость лексемы *удача* отражает приметы быта, реалии обыденной жизни:

С угодливой, суетливой радостью, словно навёрстывая упущенное, стремится стать, кажется, всеми без разбора безличными и безликими людьми и со страстью давно сдерживаемого нетерпения, со страстью, очевидно отторгнутой у прежних исчезновений, бурно увлекается мелочным устройством быта <...>, проблемами дачи, приятностями рыбалки и грибной удачи – словом, всем тем, в чём разуму можно отсутствовать почти целиком [Валерий Володин. Повесть о настоящем человеке // «Волга», 2000];

Она перешла на работу в другое издательство, тихое такое и никому не нужное, это была ее большая плата за квартирную удачу [Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом (2000)]. В последних случаях атрибутивная модель обладает семантической емкостью, потому что одним словосочетанием охватывает целый фрейм, в норме требующий пространного описания, например, *грибная удача* = *удачный поход за грибами*, т.е. ‘удача субъекта в ситуации похода за грибами’; *квартирная удача* = *удачное приобретение / получение квартиры*, т.е. ‘удача субъекта в приобретении / получении выгодно расположенной и / или удобной квартиры’.

(2) Контексты генитивной сочетаемости слова *удача* по модели «сущ.

+ сущ. в Род. пад.» демонстрируют нам модели концептуальной метафоры концепта «удача» [3], согласно которым происходит так называемое одушевление субъекта – носителя удачи.

В контекстах генитивной сочетаемости носителем удачи может быть, например, абстрактное или собирательное понятие – например, природа, искусство, религия, война и пр.:

Допуская, что прекрасное возможно в природе, ой определяет его как удачу природы, называя ее «искусством природы» [Е. Т. Яковлев. Эстетика (1999)];

Так, прекрасное он определяет как очевидную удачу искусства в обстановке спокойствия, гармонии, величия, верных пропорций и меры, счастья и любви [Е. Т. Яковлев. Эстетика (1999)];

Удача христианства – социализм, и не шведский, а русский [Борис Парамонов. Трава родины, или Сталь и шлак // «Октябрь», 2003];

В те годы удача рифм и удача боев тесно сплетались [В. Г. Шершеневич. Великолепный очевидец (1934–1936)].

Примечательно, что, как и в проанализированных выше случаях атрибутивной сочетаемости, в моделях генитивной сочетаемости в контексте может быть реализовано и субъектное, и объектное значения родительного падежа для слова *удача*, например, *удача рифм = удачные рифмы*, а *удача боев = удача в боях*.

При этом в ряде контекстов субъектное и объектное значения могут не разграничиваться, нейтрализоваться. Это происходит, когда в подчиненной генитивной позиции стоит неодушевленное конкретно-считаемое существительное – например, *город: В этом была удача, сходная с удачей городов древности [Олег Куваев. Территория (1970–1975)].* – Здесь не вполне ясно, то ли имеется в виду удача самих городов как носителей удачи в какой-то сфере, то ли имеется в виду удача жителей городов древности в том, что им повезло в них жить.

В заключение отметим, что в контекстах атрибутивной и генитивной сочетаемости лексемы *удача* акцентируются и уточняются такие выявленные ранее когнитивные признаки соответствующего концепта, как субъектный признак (5) 'тот, у кого все получается, кому все удается', оценочные признаки (14) 'высшая ценность в мире человека' и (17) 'оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату'.

В целом проанализированный материал обнаруживает большую семантическую активность слова *удача* в речевой практике носителей русского языка, его продуктивность и распространенность в разных типах дискурса в разные хронологические периоды, его богатую сочетаемость и существенный оценочный потенциал. Это, на наш взгляд, является еще одним репрезентативным свидетельством значимости представления об удаче в русской языковой картине мира, значительной культурной разработанности этого концепта в русском мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М. : Русские словари, 1997. 416 с.
2. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
3. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. М. : Едиториал, 2004. 256 с.
4. *Макшанцева А. Л.* Концепт «удача» в русской языковой картине мира (по данным лексикографических источников) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 290–295.
5. *Радбиль Т. Б.* Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2018. 375 с.
6. *Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В.* Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
7. *Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст:* кол. мон. / Под ред. Л. В. Рацибурской. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. 325 с.
8. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Академпроект, 1997. 989 с.

Померанцева Т. П.

КОМПЛЕКСНОЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТОВ ЧЕЛОВЕК И ЛЮДИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен обзор трёх этапов комплексного когнитивного анализа лингвокультурологических концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ: анализа экстралингвистического содержания понятия «человек», этимологии и истории слов *человек* и *люди*, а также их современного значения по данным экстралингвистических (философских, психологических, социологических, религиоведческих) и основных этимологических и толковых словарей. По результатам проведённого анализа делается вывод о различиях их когнитивных признаков, на основании чего данные две грамматические формы одного слова предлагается рассматривать как два отдельных концепта.

Ключевые слова: концепты ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ, лингвокогнитивный анализ концептов.

В соответствии с методикой комплексного лингвокогнитивного опи-

сания концептов, принятой в Нижегородской школе концептуального анализа [9; 14; 15] предпринято исследование концептуального содержания и смыслового объема концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ в русской языковой картине мира. Было проанализировано экстралингвистическое содержание понятия «человек» в социокультурном пространстве и языковая объективация концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ по данным лексикографических источников с целью сравнить их когнитивные признаки.

Определить понятие «человек» на протяжении многих веков стремится множество наук: философия, психология, социология, физиология, медицина, этнография и т.д. [4; 27; 11]. На современном этапе основная часть нелингвистических словарей называет человека высшей ступенью живых организмов, субъектом общественно-исторической деятельности и материальной и духовной культуры [1; 4; 5; 24; 26; 27]. Лишь отдельные словари не признают за человеком первенства, отводя ему как ступени живых организмов место «определённого» [10]. Отмечается принадлежность его к классу млекопитающих, от наиболее высокоорганизованных представителей которого человек отличается объемом и организацией головного мозга, прямохождением, свободой верхних конечностей, применяемых для трудовой деятельности [1]. Однако кроме приобретенных свойств отмечаются и утраченные способности, заложенные природой, по большей части физические [5]. Отмечается гипотетичность версий причин становления собственно человека.

В отличие от поведения животных, поведение человека менее обусловлено инстинктами и окружающей средой, и потому более свободно. Кроме того, человек выделяется из других форм жизни благодаря способности производить орудия труда, членораздельной речи, мышлению и сознанию [1; 5; 25; 26]. Автор «Психологического словаря» П. С. Гуревич добавляет к отличительным особенностям человека нравственно-этические качества. [5] Человек – социальное существо, определяется общественными связями и законами [1; 5; 8]. Неоднократно отмечается преобразующий, деятельностный потенциал человека [8; 24] и постоянное развитие его [3; 5].

Философская энциклопедия под редакцией Ф. В. Константинова не даёт собственного определения понятию «человек» и раскрывает его значение через термин «личность», обращая внимание на отличие его от схожего, но обозначающего лишь принадлежность к человеческому роду «индивид». Личность подразумевает единство индивидуальных способностей и выполняемых социальных функций. Это продукт и субъект общественных отношений [23].

Конкретный человек – это практически всегда исключение из общего правила, уникальная целостность [12].

В философской, социологической, психологической и религиозной литературе понятия «человек» и «люди» не разграничиваются. Слово *люди* не дается отдельных толкований кроме как множественное число от слова *человек*.

Подводя итоги краткого обзора истории экстралингвистического наполнения понятия «человек», можно выделить несколько ключевых смысловых его составляющих, претендующих на роль когнитивных признаков, которые нам предстоит выявить при дальнейшем лингвистическом анализе концепта:

1. Разумное существо;
2. Существо, обладающее душой, т.е. внутренним психическим миром;
3. Существо, обладающее духом, т.е. сознанием;
4. Существо, обладающее связной речью;
5. Существо, обладающее индивидуальностью;
6. Общественное существо;
7. Субъект преобразующей мир деятельности, осознанного труда и творчества;
8. Существо телесное, связанное с миром природы;
9. Существо, обладающее свободой воли;
10. Свободное существо;
11. Неидеальное существо, обладающее недостатками и слабостями;
12. Существо потенциально изменчивое, способное к развитию;
13. Существо, руководствующееся нравственными принципами;
14. Существо, превосходящее другие формы жизни и в известном смысле противопоставленное им;
15. Существо, занимающее определенное место в иерархии религиозных отношений;
16. Существо, способное на иррациональные действия вопреки логике и здравому смыслу;
17. Существо, исполняющее некую роль;
18. Эталон меры и оценки;
19. Существо, занимающее определённое положение по отношению к своему роду.

Предварительно сформулированные по итогам обзора экстралингвистического понимания слова *человек* когнитивные признаки требуют верификации на базе языкового материала и сопоставления со значением слова *люди*.

Расхождение между *человек* и *люди* видно уже на уровне происхождения слов. В современном русском языке для обозначения единственного и множественного числа слова *человек* используются формы, на ранних этапах развития русского языка бывшие самостоятельными словами: у каждого из них есть собственный ряд числовых противопоставлений и пр. Анализ происхождения и истории развития значений слов *человек* и *люди* по данным этимологических и исторических словарей и энциклопедий [2; 7; 13; 18; 19; 22; 28; 29; 30; 31; 32] показал, что между этими понятиями были изначально заложены и смысловые расхождения.

Таблица 1.

Сопоставление когнитивных признаков концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ
по данным этимологического анализа

ЧЕЛОВЕК	ЛЮДИ
Общественное существо	Общественные существа
Свободное существо	Свободные существа
Социально подчиненное существо	Социально подчиненные существа
Существо, обладающее душой, т. е. внутренним психическим миром	Существа, занимающие определенное место в иерархии религиозных отношений
Субъект преобразующей мир деятельности, осознанного труда и творчества	Боевая сила
Эталон меры и оценки	Человечество
Существо, занимающее младшее положение по отношению к своему роду	Чужие, другие, посторонние
Существо, обладающее индивидуальностью	Коллектив, объединённый неким общим признаком
Существо, обладающее свободой воли	Свидетели
Существо потенциально изменчивое, способное к развитию	Внешний источник опасности
Существо, обладающее духом, т.е. сознанием	
Существо, обладающее связной речью	
Существо телесное, связанное с миром природы	
Социально и индивидуально состоятельное существо	

Основные пересечения в значении слов человек и люди в диахронии наблюдаются в сфере общественных, социальных отношений. Слово *люди* совпадает со словом *человек* по наличию варьируемого в зависимости от исторической социальной обстановки признака свободы и социального подчинения.

На современном этапе развития языка лексические значения слов человек и люди демонстрируют значительно больше сходства, чем на более ранних этапах. По результатам сравнительного анализа данных основных современных толковых словарей русского языка [6; 16; 17; 20; 21] были выявлены следующие когнитивные признаки концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ.

Таблица 2.

Сопоставление когнитивных признаков концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ
по данным анализа толковых словарей

ЧЕЛОВЕК	ЛЮДИ
Разумное существо.	Разумные существа
Существо, обладающее связной речью.	Существа, обладающие связной речью
Субъект преобразующей мир деятельности, осознанного труда и творчества.	Субъекты преобразующей мир дея-

	тельности, осознанного труда и творчества
Общественное существо.	Общественные существа
Социально подчиненное существо	Социально подчиненные существа
Существо, обладающее индивидуальностью	Коллектив, объединённый неким общим признаком
Существо, превосходящее другие формы жизни и в известном смысле противопоставленное им.	Человечество
Существо, обладающее свободой воли.	Рабочая сила
Интеллектуально и морально состоятельный человек, в каком-то смысле образцовый (позитивно-оценочное)	Боевая сила
	Носители некой социальной нормы
	Чужие, другие, посторонние
	Неопределенная безликая людская масса

В современном значении слов *человек* и *люди* общими являются основные элементы, в сумме представляющие собой определение понятия «человек» (мн. ч. люди) в экстралингвистическом смысле, в версии философских словарей, идентифицирующие человека/людей как явление объективного мира вне какой бы то ни было оценочности (‘разумное общественное существо, обладающее связной речью, субъект преобразующей мир деятельности, осознанного труда и творчества’). Кроме того, в русском языке слова *человек* и *люди* имеют общий элемент значения ‘социально подчинённое существо’ как в диахронии, так и в синхронии.

Концепт ЧЕЛОВЕК имеет больше когнитивных признаков, раскрывающих уникальность человека, его идеологию и внутреннюю мотивацию: ‘существо, обладающее индивидуальностью’, ‘существо, обладающее индивидуальностью’, ‘существо, обладающее свободой воли’, ‘интеллектуально и морально состоятельный человек, в каком-то смысле образцовый’ (позитивно-оценочное).

Для концепта ЛЮДИ более широко представлены когнитивные признаки, характеризующие жизнь в социуме с точки зрения некой общности (‘человечество’, ‘коллектив, объединённый неким общим признаком’, ‘носители некой социальной нормы’), а также людей как внешний независимый фактор (‘чужие, другие, посторонние’), как ресурс (‘рабочая сила’, ‘боевая сила’) и как «пластичную однородную бездушную субстанцию» (‘своего рода заполнители пространства, противопоставленные пустоте’).

Итак, результаты проведённого анализа позволяют сделать вывод, что когнитивные признаки концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ имеют не только пересечения, но и существенные различия, что позволяет говорить о них не как о двух грамматических формах одного слова человек в рамках единого концепта ЧЕЛОВЕК, а как о двух разных концептах с отличающимся семантическим наполнением и смысловым объемом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атеистический словарь* / Абдусамедов А. И., Алейник Р. М., Алиева Б. А. и др.; под общ. ред. М. П. Новикова. М., 1985. 512 с.
2. *Беловинский Л. В.* Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в. М., 2007. 784 с.
3. *Бердяев Н.* О назначении человека. Париж, 1931. 320 с.
4. *Большая советская энциклопедия*: В 30 т. / Глав. ред. А. М. Прохоров. М., 1969–1978.
5. *Гуревич П. С.* Психологический словарь. М., 2007. 798, [1] с.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. М., 2006.
7. *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. 311 с.
8. *Кравченко С. А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М., 2004. 511 с.
9. *Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии*: коллективная монография / Маркова Е. М., Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В., Ручина Л. И., и др.; под ред. Л. В. Рацибурской. Нижний Новгород, 2020. 248 с.
10. *Малышевский А. Ф.* Философско-терминологический словарь. Калуга, 2004. 329 с.
11. *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. М., 2010.
12. *Новейший философский словарь* / Сост. А. А. Грицанов (НФС). Минск, 1998. 896 с.
13. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. В 3 т. М.–Л., 1910–1949.
14. *Радбиль Т. Б.* Когнитивистика : учебно-методическое пособие. Нижний Новгород, 2018. 374 с.
15. *Радбиль Т. Б.* Основы изучения языкового менталитета. М., 2012. 328 с.
16. *Словарь русского языка в 4 томах* / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988 гг.
17. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. М.; Л., 1950–1965.
18. *Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук*. В 4 т. СПб., 1847.
19. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. В 3 т. СПб., 1895–1902.
20. *Толковый словарь русского языка* / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2006. 938 с.
21. *Толковый словарь русского языка*: в 4-х т. / сост. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и др.; под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с пред. проф. Б. А. Ларина. М., 1986–1987.
23. *Философская энциклопедия*. В 5-х т. / Под ред. Ф.В. Константинова. Т. 5. М., 1970. 740 с.
24. *Философский словарь* / Под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М., 1963. 544 с.
25. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1981. 445 с.
26. *Философский энциклопедический словарь* / Ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М., 2003. 576 с.
27. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М., 1983. 839 с.
28. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1999.
29. *Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

542 с.

30. *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. В 86 т. СПб., 1890–1907.

31. *Этимологический словарь русского языка*. Вып. 9 / Под общей ред. А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского. М., 1999. 240 с.

32. *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*. М., 1963–2018.

Tynbayeva G. S., Amanbekova A. E., Akhmetova A. E.

CONTEMPORARY ISSUES OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

*Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова,
г. Караганда, Республика Казахстан*

Annotation. The article reveals in detail the importance of the language picture of the world, which expresses the specifics of human existence, its relationship with the world, the most important conditions for its existence in the world, because language is a defining property of a person. The article also discusses in detail the concept and levels of interaction between cultures. It considers the diversity of existing nowadays language picture of the world and refers of examples of the spoken languages of different language families.

Keywords: language picture of the world, interaction of cultures, dialects, levels of cultures, colloquialism.

Every day we observe the interaction of different cultures, which is carried out through dialogue, which is a way of communication and a condition for mutual understanding of people. People of different backgrounds and nationalities come in contact with each other and learn something new about other cultures. It is believed that each language has its own unique language picture of the world.

So, what is the “language picture of the world”? When considering the picture of the world, it is impossible not to mention the language aspect that goes back to the ideas of the German philosopher, educator, public and statesman, diplomat Friedrich Wilhelm von Humboldt and his followers, among whom it is worth highlighting the German linguist Johan Leo Weisgerber [1] in the article *Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache, Denken und Handeln* “The connection between the native language, thinking and action” (1930), you can find its first definition. The main characteristic includes such items as:

- The language picture of the world is a complex of all social structures of a language community or people;
- The language picture of the world is the historical heritage of the people, which contains their path of development as an ethnic group;
- The language picture of the world is part of the culture of peoples;

- The language picture of the world is its public domain. [2]

According to Humboldt, language is a continuous activity of the spirit that seeks to turn an articulated sound into an expression of thought. Hence the expression that “language is the spirit of the people”. [1] It is a reflection of our vision of this world, showing the history and culture of each nation. As an example, let's consider the folklore character of Kazakh fairy tales – Aldar Kose. Due to his social position, he could not openly Express his thoughts and ideas to the aristocrats, who were the highest circle of society. Biased and unfair treatment of the common people became the basis for his satirical and humorous style of responses to the rulers and the bourgeoisie. Based on this, we can also recall the famous Greek companion for justice – Aesop. There is a story in which the philosopher Xanthus asked Aesop to bring guests the best food in the world. To which Aesop brought all kinds of languages prepared in different ways. Aesop explained the reason for this choice: “Isn't language the best thing in the world?”

People use language to negotiate, set laws, and talk about wise things – nothing is better than language!” The next day, he asked me to buy the worst things in the world. Aesop repeated his previous choice. To Xanth's question, he replied: “isn't language the Worst thing in the world? People deceive each other with their language, start disputes, war – nothing is worse than language!” The answers satisfied Xanth and we understand that language is both the best and the worst, and it depends on how a person uses it. [5]

Based on these points, we can determine that the language culture of the world is a historically formed set of representations, ways, perception and structure of the world reflected in the language.

Aldar Kose and Aesop were born from the very depths of folk wisdom. Both are sons of poverty, endured deception and oppression, but with their wit and folk wit they made their way in life and remained in people's hearts for centuries.

Each language contains words and expressions that have an individual meaning and type of perception for their people. If the Kazakh people when greeting “Salemetsiz be!” can be understood from the first time about the person's desire to say Hello, then the Korean people are a little more confused about this. There are several ways to greet a person with various methods that are currently practically not used by the younger generation. Here are a few options:

- "안녕하세요" (anneyonghaseyo) – the most common greeting on the territory of the entire Korean people;
- "밥먹었어?" (pabmeogeosso) – the literal translation means “did you eat rice?” or “did you eat?”. We should agree that this is not the most familiar greeting for us, since it will be perceived as a question. But in Asian countries like China, Japan, and Korea, rice is a sacred source of vital energy. Therefore, this expression conveys to us the local flavor of the above countries;
- "잘지내고있어요?" (jaljinaegoisseoyo) – “Are you all right?” Usually Koreans use it as an analogue of our “How are you?”, but a large proportion

also included this expression in the greeting group.

The most basic greetings and wishes for the night can determine the values of this nation. For example, “Hello” in Georgian will be “გამარჯობა” (gamarjoba), which has the main translation as “victory”. Also, the highest point of contact of the language picture of the world is a dream. Sleep should be peaceful, calm and good. Therefore, in all languages of the world, we wish “Kaiyrlly-Tun”, “Spokoinoinochi”, “Good night”, etc.

Daily phrases are not the only thing that the language picture of the world includes. Each language has its own characteristics that are difficult and sometimes impossible to explain to a representative of another language community. If we consider such words in English, we can distinguish the following:

- the word “Kerfuffle” may seem extraordinary to those who study English. It has Irish roots and means the situation when two opponents do not agree, starting to make a lot of noise.
- “Kerfuffle” can be followed by “Hullabaloo”. If we hear sounds of strong shouting and noise, we can use this word.
- “Cacophony” has a meaning as a collection of all the sounds that will somehow get us out of patience. For example, repair sounds, baby crying, etc.

We can observe such examples in every language community. They include the daily emotions of a certain people, their reaction, behavior to various situations. For example, in the dictionary of the Kazakh people there is a word “Base”, which cannot be named or defined in one word. It means a situation where we knew what was going to happen next and that’s how it works. The Russian equivalent is the expression “Yes, it should be so”.

The examples above make it clear that mastering a language perfectly is a very ambitious and difficult goal, even for those who study languages constantly and professionally. After all, any living language is a whole universe with its own words, meanings, associations, and realities. Even in their native language, everyone has phrases that are unique to certain regions of the country. These words are called “dialects”. For example, in Kazakhstan they are usually divided by regions (southern accent, Western accent), and in Korea by six significant districts (Gyeonggi accent, Jeju island accent), etc.

Analyzing the features of some languages, we can say that the language picture of the world is also factors that Express the features of national culture and mentality. Language contributes to the transmission from generation to generation of cultural and historical traditions, events to foreign cultures through literature, secondary feelings expressed by metaphors, metonymies, epithets. Based on this, the concept of “interaction of cultures” is born.

What is the “interaction of cultures”? This is a set of relationships and connections that form a constructive dialogue of world cultures, which contributes to mutual changes, from the decisions made in the course of interaction. There are several levels of interaction between cultures:

- Ethnic – a level that means the interaction of several ethnic groups, which aims to establish contacts between representatives of different ethnic

groups, which can be expressed in bilingualism, mixed marriages, acceptance of the customs of another people, joint celebrations, etc.

Let us look at the positive and negative effects of ethnic interaction. Since ancient times, States have tried to preserve their ethnic heritage by resorting to the “closed politics” trend. Today, most countries have a policy of “border transparency” and we have the opportunity to exchange culture with almost any country. There is a mutual assimilation of elements of each other's culture, and this contributes to integration processes, mutual enrichment, and exchange.

On the other hand, a constant relationship with another culture can weaken the culture of the same country. Let us take the example of the United States and the Soviet Union. The USSR was the best in the field of education, medicine, military training and technical specialties. After the opening of borders, people began to adopt Western culture more and more. Now we can say that this was both a plus and a minus. [4]

Now, we have the opportunity to interact with all countries, use their goods and electronics. But at the same time, we lost our strong specialists in all areas due to the beginning of the “brain drain”. Therefore, the special feature of this level is the protection of its ethnic origin;

- The national level is most relevant to inter-state contacts. It exists based on already established ethnic relations. Cross-cultural interaction at this level is manifested in economic, political, and spiritual ties, in the exchange of material and spiritual values, in acquaintance with the national literature and art of other countries. There are also contradictions of interaction. It is one thing when interaction is carried out in the course of trade contacts and another when it occurs in the course of wars and military conflicts. Wars are accompanied by violence, including in the field of culture; [5]

- Central element – regulates inter-ethnic relations within its borders;
- Civilizational – interaction of cultures consists in contacts between civilizations. Most often the whole world is divided into two civilizations: The East and West. The West refers to Europe and America. Under the East – the Islamic world, China, India, and the far East. Sometimes they distinguish civilizations based on religious principles: Orthodox Christian, Islamic, Confucian, Hindu, far Eastern, and Western Christian. When we talk about the civilizational level of interaction between cultures, we mean various kinds of connections between these interethnic associations, the exchange of spiritual, artistic, and scientific achievements, and the unification of several ethnic communities that are close in spirit. For example, the Turkic-speaking peoples are representatives of the same ethno-linguistic community and have many similar factors in spirit and cultural values.

Today, many conditions have been created for the interaction of cultures. For example, the program “student exchange.” This practice is widely used in civilized countries. Students communicate with direct native speakers, thereby enriching their knowledge of the language, the culture and history of the country where they are staying. There are many well-known student exchange programs

in the world. These include “Work and Travel”, “Erasmus”, “DAAD”, etc. Studying abroad opens the door to a diverse and exciting world of education. This is a very convenient and interesting way to learn a foreign language and culture. [3]

In modern linguistics, it is recognized that each language reflects its own picture of the world, which is reflected in the language. Therefore, in linguistics, we talk about the language picture of the world. The interaction of different countries and peoples is an integral part of the modern globalized society. Due to the technological development that has led to the development of communication and data transmission methods, culture and language are increasingly mixed and complement each other. Therefore, in order to improve mutual understanding, representatives of different countries need to have an understanding of the language picture of the world.

REFERENCES

1. https://studme.org/90296/kulturologiya/yazykovaya_kartina_mira_lingvisticheskii_aspekt_mezhkulturnoy_kommunikatsii
2. *Weisgerber, J. L.* Native language and formation of the spirit / trans. from German. M. : MSU publishing house, 1993. P. 51.
3. <https://www.magistre.ru/>
4. https://studme.org/90296/kulturologiya/yazykovaya_kartina_mira_lingvisticheskii_aspekt_mezhkulturnoy_kommunikatsii
5. <https://solvaigsamara.livejournal.com/780816.html>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Громова Е. Н.

ПЕРЕДАЧА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЛАКУН ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье рассматриваются такие распространенные в переводе понятия, как «лакуна», «элиминирование лакун», «заполнение» и «компенсация». Теория лакун на современном этапе не теряет актуальности не только в плане изучения языка, но и в теории перевода. В статье анализируется полнота передачи социокультурных лакун на примере перевода художественного произведения, а именно романа «Двенадцать стульев» Ильи Ильфа и Евгения Петрова на английский язык, выполненный профессиональным переводчиком.

Ключевые слова: лакуны, социокультурные лакуны, элиминирование, заполнение, компенсация.

Илья Арнольдович Ильф и Евгений Петрович Петров (Катаев) опубликовали свой роман «Двенадцать стульев» в 1927 году. Данное произведение правомерно считается глобальным образом эпохи, показывающим национальный колорит русского народа. Данный роман является интересным и с точки зрения перевода, не в последнюю очередь из-за огромного количества социокультурных реалий и лакун, содержащихся в нем. Один из последних переводов романа был выполнен Джоном Ричардсоном в 1997 году.

В романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» встречаются несколько типов лакунарных единиц.

Первый тип лакунарных единиц – это речения, под которыми мы понимаем образные слова или выражения, устойчивые сочетания слов, используемых в народе и культуре. Сюда мы можем отнести такие социокультурные лакуны романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев», как: *уездный город N; Милости просим; пить горькую; дело было на мази; стояли, как барашки; почувствовал себя гадостно; здорового залечат!; отправиться восвояси; захватило дух; сыграть в ящик; приказать долго жить; протянуть ноги; дать дуба; предводитель дворянства; бог знает сколько; ни к чёрту не годится; лёд тронулся; великий комбинатор; к чёртовой матери; попасть впросак.*

Здесь представлены ярко окрашенные слова и выражения, часто упо-

требляемые в русской речи тех времен, о которых пишут Илья Ильф и Евгений Петров.

Следует отметить, что данные слова и фразы имеют также национальный колорит и показывают характер и быт русского человека, описывая загадочную русскую душу. Русский национальный характер описывают в полной мере надежда на то, что все само разрешится, надежда и вера в Бога, вера в предначертанное, решимость и изворотливость.

Вторым типом лакунарных единиц являются названия религиозных праздников и понятия, связанные с религией. Как известно, религия и религиозные праздники играют большую роль в жизни русского народа, так в романе упоминаются слова, напрямую связанные с Христианством и религией в целом, как, например, *отец Фёдор; кулич; Царствие небесное; батюшка; хорал; поп; Достойно есть; церковь Фрола и Лавра.*

Третьей лексико-семантической группой лакун являются обращения. Хотелось бы отметить, что в романе часто встречаются самые различные обращения, которые несут сильную эмоциональную окраску, и национальный колорит русского народа. Сюда можно отнести такие слова, как *батюшка; матушка; тёщенька; девица; чета; отец Фёдор; голубчик; санные родственники; попадья; забулдыга; нахал; жулик; работник метлы; богоделка.* Как видим, эти обращения отражают почтительное уважительное отношение к адресату (как к старшим членам семьи) или же отношение полное сочувствия.

К четвертой группе относим названия административных объектов. Сюда мы относим, как названия географических объектов *уездный город; улица товарища Губернского; Старопанская площадь; Тверь; Самара; Перемышль; губерния; деревня Чмаровка; Советская улица; озеро Байкал; улица Маркса и Энгельса; улица Ленских событий; улица Красноармейская и Кооперативная.* Но также к этой группе мы причисляем такие объекты как *милиция; духовное училище; заводик; Курский вокзал; скорняжное производство; профсоюз, Старсобес, пивная; столовая «Уголок вкуса»; богадельня, бурка.* Как мы видим, некоторые из вышеприведенных примеров имеют в составе имена собственные.

Объекты русского быта, как, например, *вежеталь; палевый; стол регистрации; уездная почва; дужка; оглобли; тесёмка; пиджачок; кушак; цацки; сторожевой тулуп; колотушки; горячительные напитки; обыкновения; суконный; картузы; сени; ряса; чепец; журнал «Огонёк»; ставни; самовар; картуз; газеты; гарнитур; регалии; кальсоны; пожарный обоз; барыш; бабки; паёк; приплод; скорняжное производство; оренбургский платок; журнал «Русский паломник»; трёхрублёвка; бесплацикартный поезд; полоса отчуждения; пять копеек; лавочничество; верста; царский режим; компот; зубровка; балалайка; двоюродный племянник; чертог; тройка; разноголосица; кефирное заведение; червонец; итиблеты; шеренга; развал; дворницкая; папаха; частушка; балалайка; царский режим; советская власть; каланча; бемское стекло; журнал «Смехач»; журнал «Красная*

Нива»; краковяк; локон; оземь; пивная; баранки; бублики; творог; вареники; ломовик с кладью; бидон; битюги составляют пятую группу лексико-семантических лакунарных единиц романа «Двенадцать стульев».

Названия должностей, званий и профессий составляют следующую лексико-семантическую группу. В романе мы видим такие названия, как *секретарша, коммунальник, цирюльник, дворник, сослуживец, мастер гробовых дел, агрономша, поп, сановные родственники, чин, брендмейстер, семинарист, стяжатель, обыватели города, обновленцы, красноармеец, дворяне, свояченица, слесарь, барин, предводитель дворянства, большевики, полицмейстер, фининспектор, предводитель, школьники первой ступени, жулик, коммунист.*

Также лакунами следует считать неологизмы авторов, которые они создают либо изменяя состав слова, либо соединяя слова, как например, *уисполкомовский автомобиль; плугимолотовское; клоповар; воробьяниновский дом; великий комбинатор; вандереровский; давидсоновские; полторотысячное дело; жертва аборта; кому и кобыла невеста.*

И в отдельную лексико-семантическую группу лакун романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» можно выделить сокращения и аббревиатуры, например, *местком; загс; страхкасса; финагент; АХРР; ГПУ; Днепрострой; собес; женотдел; Старгуброзыск; Маслоцентр; Старгубстрах; жилотдел; завхоз; дом соцобес; соцстрах; угрозыск; губпожар; Губплан; Старсобес; Мельстрой; Госпромцветмет; Коммунхоз.* Как видим, лакунарные единицы отражают процесс становления Советской власти.

Далее следует обратить внимание на то, какие переводческие трансформации применялись в работе с лакунами. Рассмотрим следующие примеры:

«Полесов усмехнулся. – Как же большевики будут воевать? Чем? Чем они будут воевать? Старыми винтовками? А воздушный флот? Мне один видный коммунист говорил, что у них – ну, как вы думаете, сколько аэропланов?» [66: гл. XIX, с. 88].

Перевод:

“Polesov laughed derisively. „How can the Bolsheviks fight? What with? What will they fight with? Old-fashioned rifles. And the Air Force? A prominent communist told me that they only have . . . well, how many planes do you think they have?“ [67: ch. 19, p. 191].

Воспользовавшись приёмом транслитерации, Ричардсон перевёл данную лакуну как «*communist*» без использования комментария. Можно сказать, что перевод таким способом в данной ситуации является адекватным.

В следующем примере наблюдается замещение лакунарной единицы: *«Весенние вечера были упоительны, грязь под луною сверкала, как антрацит, и вся молодежь города до такой степени была влюблена в секретаршу месткома коммунальников, что это просто мешало ей собирать членские взносы» [66: гл. XIX, с. 88].*

Перевод:

„*The spring evenings were delightful, the mud glistened like anthracite in the light of the moon, and all the young men of the town were so much in love with the secretary of the communal-service workers' local committee that she found difficulty in collecting their subscriptions*“ [67: ch. 19, p. 191]. В данном случае присутствует такая лакуна, как «коммунальщик», которая подразумевает под собой «работника коммунального хозяйства». Переводчик передал данную лакуну с помощью такого переводческого приёма как описание “*the communal-service workers*”. Данный перевод отражает суть понятия.

В следующем примере переводчику пришлось прибегнуть к описательному переводу: «*Очки с первого раза ему понравились, но жена (это было незадолго до ее смерти) нашла, что в очках он вылитый Милюков, и он отдал очки дворнику*» [66: гл. I, с. 8].

Перевод:

„*He liked the spectacles from the very first, but his wife (this was shortly before she died) found that they made him look the spitting image of Milyukov, and he gave them to the man who cleaned the yard.*“ [67: ch. 1, p. 15].

В английском языке нет слова с тождественным значением «дворник», поэтому переводчик использовал такой приём, как описание „*the man who cleaned the yard*“. Данный перевод точно раскрывает значение русского слова, поэтому данный перевод является эквивалентным и адекватным.

Иногда переводчику приходится комбинировать несколько способов перевода: «*Ни тогда, когда он был воспитанником духовного училища, Федей, ни когда он был усатым семинаристом Федор Ивановичем.*» [66: гл. III, с. 42].

Перевод:

„*Neither at the time when he was Theo, a pupil of the Russian Orthodox Church school, nor when he was Theodore Ivanych, a bewhiskered student at the college.*“ [67: ch. 3, p. 74]

В русском языке слово «семинарист» означает «Ученик семинарии, духовной, учительской и др.». В английском языке нет слова с таким же значением, поэтому переводчик использовал в данном случае сразу два способа перевода: описание и генерализация. Он решил выполнить перевод таким образом „*student at the college*“. Он описал данное слово, а также расширил значение духовной семинарии, применив генерализацию, из-за чего потерялся оригинальный смысл слова. В данном случае перевод выполнен не наилучшим образом.

Напоследок рассмотрим случай калькирования при передаче лакунарной единицы: «*Уже и бывший предводитель дворянства, а ныне делопроизводитель загса Ипполит Матвеевич Воробьянинов потревожен в самом нутре своем и задумал черт знает что такое*» [66: гл. IV, с. 22].

Перевод:

„*Even Ippolit Matveyevich Vorobyaniinov, former marshal of the nobility and now clerk in a registry office, is stirred to the depths of his heart and highly*

excited at the great things ahead“ [67: ch. IV, p. 43]. Если посмотреть на этот пример, то можно заметить такую лакуну для английского языка как «*предводитель дворянства*», под которой подразумевается должность в системе дворянского самоуправления в Российской империи. Переводчик в данном случае использовал приём калькирования, при котором отдельные слова данного словосочетания были переведены с помощью дословного перевода – “*marshal of the nobility*“, то есть начальник дворянства. Перевод с использованием данного приёма был выполнен качественно, а также он сохранил смысл русского словосочетания.

Таким образом, мы можем утверждать, что передача социокультурных лакун при переводе романа «Двенадцать стульев» Ильи Ильфа и Евгения Петрова на английский язык была выполнена переводчиком Джоном Ричардсоном качественно и эффективно, хотя сам роман был переведен в сокращенной версии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М. : Правда, 1987. 672 с.
2. If, I., Petrov, E. The Twelve Chairs. Translated from Russian by John Richardson // Great Britain : Hazell Watson & Viney Ltd. Aylesbury, Bucks, 1971. 411 p.

Емельянова Я. Б.

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на эффективность осуществления процесса переключения кодов, анализируется их природа и характер влияния. Предлагается выделять следующие факторы: психолингвистические (связаны с функциональной организацией языков в мозге), лингвистические (лингвистический контекст, ситуации межъязыкового пересечения, типы лексических единиц) и ситуативные (регулярность и предсказуемость переключения). Делается вывод о необходимости учета перечисленных факторов в процессе обучения переводу, в частности устному.

Ключевые слова: переключение кодов, возраст усвоения языка, ментальный лексикон, интернациональные и псевдоинтернациональные слова.

Переключение кодов является одним из ключевых элементов процесса перевода и осуществляется на основе функционирования целого ряда умственных механизмов и процессов. На эффективность переключения кодов могут оказывать влияние факторы психолингвистического, лингвистического и ситуативного характера.

Психолингвистические факторы связаны с функциональной организацией языков в мозге, обусловленной порядком, способом и возрастом овладения языками по отношению друг к другу.

Точка зрения о влиянии возраста на успешность овладения языком нашла свое отражение в *гипотезе критического периода*, выдвинутой в 1959 году У. Пенфилдом (Penfield W.) и его коллегой Л. Робертсом (Roberts L.) и впоследствии развитой и популяризированной Э. Леннебергом [8].

Было установлено, что «разница в обработке языков в условиях переключения кодов обусловлена не столько разницей во владении языками, сколько различной функциональной организацией или системой доступа к этим языкам, обусловленной различным возрастом овладения Я2 по отношению к Я1» [10, с. 1649].

Возраст может влиять как на характер изучения языка, так и на успешное овладение различными аспектами языка. Отмечается, что процесс овладения языком в более взрослом возрасте происходит по другой траектории и, как правило, менее успешно и менее естественно. Изучение иностранного языка взрослыми происходит на фоне уже сформировавшегося мозга и сформированной на основе родного языка концептуальной системы. Овладение языком в большей степени основывается на переводе уже существующих лексических знаний, тогда как при изучении Я2 в более раннем возрасте он «делит» семантическую систему и концептуальные знания с Я1 [3; 10].

Наиболее зависимым от возраста аспектом языка является фонетика (критический период овладения – до 1 года), что является одним из объяснений иностранного акцента в речи на втором языке. Для грамматики критический период составляет до 7 лет. По мнению ряда исследователей, для изучения лексики на втором языке не существует критического периода.

Что касается характера овладения языком, то более позднее усвоение Я2 может влиять на:

1) *характер связей* между языками и концептуальным блоком в ментальном лексиконе – специфика соотношения языков и концептуального блока в случае более позднего изучения Я2 обусловлена наличием прямой более сильной связи от Я2 к Я1 и между Я1 и концептуальным блоком, а также не прямой/косвенной и более слабой связью от Я1 к Я2;

2) *характер репрезентаций* в ментальном лексиконе – репрезентации по модели связи слов (word association) или семантического опосредования (concept mediation); при изучении Я2 с рождения или раннего детства, репрезентации носят характер семантического опосредования, при изучении в более взрослом возрасте изучающих Я2 по учебникам, преобладают репрезентации по модели связи слов;

3) *уровень мобильности* языка – проявляется в степени доступности необходимой информации и скорости ее припоминания и вызова;

4) *уровень активации* языка – язык, выученный в более позднем возрасте, имеет более низкий уровень активации по умолчанию по сравнению

с родным языком.

Факторы лингвистического характера можно представить в виде нескольких подгрупп. К первой подгруппе следует отнести факторы, связанные с лингвистическим контекстом, в частности это «ожидаемость слова» (word expectedness) и «семантическое ограничение предложения» (semantic constraint of the sentence). *Ожидаемость слова* отражает степень вероятности появления слова в определенном контексте. Соответствие слова предшествующему контексту повышает его ожидаемость и, как следствие, скорость и успешность переключения. Напротив, трудности с интеграцией слова в предшествующий контекст вызывают замедление ответа [1].

Ожидаемость в определенной степени связана с *семантическим ограничением предложения*, т.е. степенью, в какой целевое слово или грамматическая форма «запрограммированы» в определенный лингвистический контекст [11]. Семантическое ограничение может быть высоким (*большая предсказуемость слова и меньшее количество возможных вариантов*) и низким.

Вторая подгруппа отражает ситуации межъязыкового пересечения, которое может наблюдаться на лексическом и синтаксическом уровнях. На *лексическом уровне* проявлением межъязыкового пересечения являются интернациональные и псевдоинтернациональные слова. *Интернациональные слова* (когнаты) – это слова в двух языках, имеющие идентичное написание и идентичное или в большой степени совпадающее значение. *Псевдоинтернациональные слова* – слова в двух языках, имеющие идентичное написание, но разное значение.

За счет совпадения формы и значения интернациональные слова распознаются быстрее, легче и правильнее, а также вызывают меньше состояний «вертится на языке» [4]. Несовпадение значения в случае псевдоинтернациональных слов приводит к замедлению темпа и повышает вероятность интерференции и ошибок [7].

Степень эффекта интернациональных и псевдоинтернациональных слов во многом зависит от степени их межъязыкового наложения, которое может относиться как к графической форме слова, так и звуковой, а также к его значению.

Подобное влияние интернациональных и псевдоинтернациональных слов на процесс переключения объясняется характером их хранения в лексиконе (близость лексических статей, сходство звуковой формы слов).

Близость лексических статей в лексиконе имеет межъязыковое влияние, так как слова, налагающиеся друг на друга в разных языках, могут рассматриваться как «мостик» между языками. Перекрещивающиеся участки могут содержать сходные или идентичные лексические статьи двух или даже трех языков. В силу своей тесной связи в лексиконе интернациональные и псевдоинтернациональные слова являются словами-триггерами, провоцируя автоматическое включение другого языка.

На *синтаксическом уровне* активация синтаксических структур,

сходных в двух языках, стимулирует межъязыковую активацию в билингвальной речевой деятельности и упрощает процесс переключения.

Третья подгруппа представлена различными типами лексических единиц, оказывающими влияние на характер переключения кодов (конкретные/абстрактные, многозначные, высокочастотные/ низкочастотные).

Конкретные слова упрощают переключение, что проявляется в более быстром концептуальном доступе и сокращении времени реакции [6], а также в положительном влиянии на перевод в обоих направлениях. В свою очередь *абстрактные слова* с большей вероятностью будут иметь значения, специфические для каждого конкретного языка, поскольку они в меньшей степени накладываются друг на друга [7].

Многозначные лексические единицы имеют не один доминирующий эквивалент в переводе и могут требовать больше времени на перевод, поскольку все варианты перевода активируются и конкурируют за использование в речи.

Высокочастотные слова требуют меньше времени на ответную реакцию и обеспечивают более оперативное и качественное переключение [10, с. 1648], так как слова, используемые наиболее часто, проще и быстрее извлекаются. Большинство *низкочастотных слов* хранятся в виде репрезентаций, основанных на связи слов (word-association representations). Это означает слабость связи между репрезентацией формы в Я2 и концептуальным блоком в силу недостаточной практики их использования. Следует учитывать, что частотность слов в большой степени коррелирует между языками, т. е. распространяется на соответствующие слова в другом языке. Репрезентативная структура для каждой отдельной пары слов в двух языках может изменяться в условиях ее использования или неиспользования.

Факторы третьей группы – ситуативные – связаны с характером осуществления переключения. К ним относятся регулярность и предсказуемость переключения.

Степень *регулярности* переключения может влиять на характер обработки переключений и затраты по (ре-) активации языков в конкретном речевом акте. Исследования показывают различный характер обработки регулярных и нерегулярных переключений. При регулярном переключении языковые средства рассматриваются как переводные эквиваленты и, соответственно, как «лексические пары/альтернативы» (lexical alternatives) [5], которые легко извлекаются билингвом в процессе речепроизводства и речевосприятия. При нерегулярных переключениях языковые средства воспринимаются говорящим как случаи «отклонения/нарушения» (violations) из-за их появления в неожиданных и нерегулярных позициях [1, с. 13762].

В процессе регулярного переключения между Я1 и Я2 скорость переключения может быть обратной – переключение с Я1 на Я2 может происходить быстрее, а с Я2 на Я1 – медленнее, что объясняется гипотезой «инерции переключения» (task set inertia hypothesis) [9]. Изначально она была

сформулирована применительно к исследованиям переключений при выполнении неязыковых заданий. Был выявлен парадоксальный эффект, когда переключение на доминирующее задание характеризуется более значительными затратами.

Степень влияния *предсказуемости* переключения на характер его осуществления является довольно неоднозначным вопросом. По мнению ряда исследователей, предсказуемость переключения может снижать или даже полностью снимать дополнительные затраты [9].

Подобные выводы были сделаны на основе результатов исследований, показавших, что предсказуемость переключения может:

а) изменять характер активации мозга и снижать или полностью отменять активацию участков, отвечающих за обработку неожиданных или маловероятных сценариев [10];

б) обеспечивать симметричные затраты на переключение даже в случаях доминирующего Я1 за счет обеспечения оптимального эндогенного контроля [2].

С другой стороны, многие эксперименты показывают относительность роли предсказуемости переключения. Ряд экспериментов показал повышение активации мозга и более долгие отрезки времени на ответы даже в случаях предсказуемого переключения кодов [11].

Понимание природы описанных факторов и характера их влияния на процесс переключения кодов позволяют сформировать более полное представление о сути данного процесса. Учет данных факторов в процессе обучения переводу может способствовать повышению эффективности профессиональной подготовки переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Abutalebi, J., Green, D.* Bilingual language production: the neurocognition of language representation and control // *Journal of Neurolinguistics*. 2007. Vol. 20. Pp. 242–275.
2. *Costa, A., Santesteban, M.* Bilingual word perception and production: two sides of the same coin? // *Trends in Cognitive Sciences*, 2004. Vol. 8. No. 6. Pp. 253–254.
3. *Dufour, R., Kroll, J. F.* Matching words to concepts in two languages: A test of the concept mediation model of bilingual representation // *Memory and Cognition*. 1995. Vol. 23 (2). Pp. 166–180.
4. *Gollan, T. H., Acenas, L. A.* What is a tot? Cognate and translation effects on tip-of-the-tongue states in Spanish-English and tagalong-English bilinguals // *Journal of Experimental psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2004. Vol. 30 (1). Pp. 246–269.
5. *Green, D. W.* Mental control of the bilingual lexicosemantic system // *Bilingualism: Language and Cognition*. 1998. No. 1. Pp. 67–81.
6. *Kroll, J. F., Tokowicz, N.* The development of conceptual representation for words in a second language // Nicol J. (ed.) *One mind, two languages: bilingual language processing*. Malden, MA: Blackwell, 2001. Pp. 49–71.
7. *Kutas, M., Moreno, E. M., Wicha, N.* Code Switching and the brain // Bullock B., Toribio A. J. (eds.) *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. Pp. 289–306.
8. *Lenneberg, E. H.* *Biological Foundations of Language*. New York : Wiley, 1967. 489 p.
9. *Meuter, R. F. I., Allport, A.* Bilingual language switching in naming: asymmetrical

costs of language selection // Journal of Memory and Language. 1999. Vol. 40. Pp. 25–40.

10. Proverbio, A. M., Leoni, G., Zani, A. Language switching mechanisms in simultaneous interpreters: an ERP study // Neuropsychologia. 2004. Vol. 42. Pp. 1636–1656.

11. Van Hell, J. G., De Groot, A. M. B. Sentence context modulates visual word recognition and translation in bilinguals // Acta Psychologica. 2008. Vol. 128. Pp. 431–451.

Иванова В. В., Засецкова Е. Н.

АДАПТАЦИЯ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК РАССКАЗОВ И. А. БУНИНА

*Чуваши́ский госуда́рственный педа́гогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Росси́йская Федера́ция*

Аннотация. В статье рассматриваются определения культурно-специфической лексики, реалии, а также их классификации; освещается проблема передачи культурно-специфической лексики на язык перевода, в этой связи перечисляются переводческие приемы, служащие адекватной передаче данной лексики, среди которых адаптация является основным и наиболее применяемым. Приведенный теоретический материал был проиллюстрирован на примере рассказов И. А. Бунина, творчество которого характеризуется внушительным стратом культурно-специфической лексики.

Ключевые слова: язык и культура, культурно-специфическая лексика, реалии, адаптация, рассказы И. А. Бунина.

При знакомстве и изучении языка, культуры и быта любого народа отдельное внимание стоит уделять культурологическому аспекту языка. Язык не просто социальное явление и инструмент общения, это хранитель уникальной истории и культуры, традиций и обычаев определённого народа, которые находят свое отражение в лексике языка. В данном случае актуален вопрос о культурно-специфической лексике, свойственной лишь одной языковой культуре и отсутствующей в другой.

Данная статья посвящена проблеме адаптации культурно-специфической лексики русского языка на английский язык. Настоящая проблема представляла и до сих пор представляет немалый интерес со стороны филологов, переводчиков, специалистов в области страноведения, культурологов и людей, которые преподают или изучают тот или иной иностранный язык.

Согласно Ершовой Е. Ю., культурно-специфическая лексика – это лексика определённого языка, обозначающая на денотативном или коннотативном уровне те элементы данной культуры, которые не являются широко интернационально известными или универсальными, и включающаяся в ассоциативные связи согласно специфике национально-культурной картины мира [3].

Е. П. Семенова предлагает классифицировать культурно-специфическую лексику, основываясь на убеждении о том, что культурный компонент может содержаться как в денотативном, так и в коннотативном значении лексической единицы:

1. Культурно-специфическая лексика, в которой культурный компонент значения выражен эксплицитно: 1) реалии: а) ономастические реалии: топонимы; антропонимы; названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны; названия государственных и общественных учреждений и т.д.; б) апеллятивные реалии: географические; этнографические; общественно-политические; 2) специфические концепты, отсутствующие в других языках; 3) фразеологические единицы.

2. Культурно-специфическая лексика, в значении которой культурный компонент представлен имплицитно: 1) национально-специфическая лексика, обозначающая абстрактные понятия; 2) культурно-специфические ситуации; 3) слова, коннотация которых опирается на ассоциации; 4) слова, употребляемые в переносно-расширительном смысле; 5) слова, в которых культурный компонент придает лексической единице переносно-метафорическое значение; 6) фразеологические единицы [6].

В лингвистике бытует ряд близких по значению терминов, выдвинутые разными лингвистами и филологами, которые обозначают культурно-специфическую лексику: «безэквивалентная лексика», «экзотическая лексика», «варваризмы» и «лакуны», «алиенизмы», «этнокультурная лексика».

Некоторые исследователи склонны номинировать культурно-специфическую лексику термином «реалия» [5].

В переводоведении, лингвострановедении и смежных науках о языке термином «реалия» часто обозначают слова, называющие предметы и явления материальной культуры. Так, согласно толковому словарю Т. Ф. Ефремовой под «реалиями» понимаются предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках [4].

Приведем классификацию реалий, разработанную В. С. Виноградовым:

1. Лексика, называющая бытовые реалии: а) жилище, имущество; б) одежда, уборы; в) пища, напитки; г) виды труда и занятия; д) денежные знаки, единицы меры; е) музыкальные инструменты, народные танцы и песни, исполнители; ж) народные праздники, игры; з) обращения.

2. Лексика, называющая этнографические и мифологические реалии: а) этнические и социальные общности и их представители; б) божества, сказочные существа, легендарные места.

3. Слова-реалии, обозначающие реалии мира природы: а) животные; б) растения; в) ландшафт, пейзаж.

4. Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни, как актуальные, так и исторические: а) административные

единицы и государственные институты и т. п.; б) торговые заведения; в) основные воинские и полицейские подразделения и чины; г) гражданские должности и профессии, титулы и звания.

5. Лексика, называющая ономастические реалии: а) антропонимы; б) опонимы; в) имена литературных героев; г) названия компаний, музеев, театров, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов.

6. Лексика, отражающая ассоциативные реалии: а) вегетативные символы б) анималистские символы; в) цветовая символика; г) фольклорные, исторические и литературно-книжные аллюзии; д) языковые аллюзии [2].

Реалии являются «хранителями» этнического, самобытного и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий в других языках, а, следовательно, не должны переводиться с одного языка на другой на общих основаниях, и требуют индивидуального подхода к каждой языковой единице.

На текущий момент вопрос о передаче культурно-специфической лексики на язык перевода остается насущным вопросом переводоведения, так как перевод реалий – непростое дело для переводчика, задачей которого является адекватная передача слов-реалий, чтобы реципиент информации смог без труда осмыслить авторскую задумку, идеи, мысли, ощущения и настроение. Обозначая понятия, чуждые для других культур, данные языковые единицы представляют немалый интерес как для исследователей одного конкретного языка, так и для ученых, занимающихся сравнением нескольких языков.

В ходе работы необходимо рассмотреть способы перевода слов-реалий с исходного языка на переводящий язык. Одним из преобладающих и наиболее применяемых способов перевода культурно-специфической лексики – адаптация.

Адаптация используется для определения конкретного переводческого приема, который заключается в «замене неизвестного известным, непривычного привычным» [5].

Наиболее применяемые способы перевода слов-реалий в теории перевода следующие:

- Адаптация.
- Транскрипция и транслитерация.
- Калькирование.
- Описательный перевод.
- Аналог или приближенный перевод.
- Трансформация реалии.

Перевод – это не просто процесс замены одного языка другим, а сложный многогранный процесс, при котором сталкиваются не только языки, но и культуры, быт чужого народа. При работе с двумя культурами выделяются совпадающие и несовпадающие аспекты. К несовпадающим элементам мы и относим слова-реалии, свойственные лишь одной языковой среде и отсут-

ствующие в другой. В лингвистике данные несовпадающие элементы принято называть реалиями, рассмотрению и переводу которых мы и уделим особое внимание.

Для рассмотрения и анализаспособов передачи и адаптации реалий при переводе были выявлены русские реалии в оригинальных художественных текстах Ивана Алексеевича Бунина и сопоставлены с переводами слов-реалий на английском языке.

Иван Алексеевич Бунин – один из самых ярких представителей русской литературы 19–20 века, не просто писатель, но и поэт, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Реалии, исследуемые в настоящей статье, были взяты из цикла рассказов «Темные аллеи» [1], вышедшего в свет в 1953 году. Для удобства обработки материала исследования слова-реалии были разделены на группы.

Рассмотрим реалии и способы их перевода на примерах из оригинального художественного текста рассказа «Степа».

В данном рассказе находим ряд топонимов. Топонимы относятся к лексике, называющей ономастические реалии. «Чернь» – “*Chern*”, «Кисловодск» – “*Kislovodsk*”, «Москва» – “*Moscow*”, «Кавказ» – “*the Caucasus*”. Топонимы «Кисловодск» и «Чернь» были переданы на английский язык с помощью переводческого приема транслитерация, а «Москва» и «Кавказ» были переведены при помощи существующих английских эквивалентов.

Следующий пласт слов, переводу которых стоит уделить внимание, также относятся к группе ономастических реалий: антропонимы. Ряд антропонимов видим в рассказе «Темные аллеи»: «Николай Алексеевич», «Надежда», «Николенька», «Клим». Все они переданы на переводящий язык при помощи транслитерации, “*Nikolai Alexeyevich*”, “*Nadezhda*”, “*Nikolenka*”, “*Klim*”.

Антропонимы «Красильщиков» – “*Krasilschikov*”, «Пронин» – “*Pronin*”, «Василь Луксейч» – “*Vasil Lixeyich*” из рассказа «Степа» также переданы на английский язык также с привлечением транслитерации.

В текстах рассказов «Темные аллеи» и «Степа» встречается немало количество лексики, обозначающей бытовые реалии. Сюда мы можем отнести реалии, описывающие явления и предметы, используемые в обиходе. Элементы одежды, кухни, мебель, праздники и многое другое.

Стоит обратить внимание на бытовые реалии, которые встречаются в произведении «Темные аллеи»:

«Изба» – “*hut*”, «горница» – “*living quarters*”, «самовар» – “*samovar*”, “*tarantass*” – «тарантас», «тройка» – “*three quite ordinary horses*”, «сени» – “*little entrance hall*”, «чуйка» – “*jacket*”.

Существительное «изба» передано на английский язык, существительным “*hut*” при помощи аналога. Одно из центральных реалий русской культуры «самовар» передано на английский язык транслитерацией, этот же способ применен к русской реалии «тарантас» – “*tarantass*”. Другое слово-реалия «горница» передано на английский язык словосочетанием “*living*

quarters“, то есть калькированием. Считают, было бы логичным добавить лексический комментарий, который помог бы до конца понять данную реалию русской культуры. Русская «тройка» всегда являлась национальным символом России и не имела аналогов в мире и поэтому на английский язык передано при помощи метода описательного или же «разъяснительного» перевода. Реалия русской культуры «сенцы» – помещение в избе, между жилой частью дома и крыльцом, передано на английский язык словосочетанием “*little entrance hall*”, то есть при помощи «разъяснительного» или описательного перевода, но в английской культуре ни один тип помещения в английском доме не соответствует функционально типу помещения «сени» в русском доме. Возможно, надо было применить тип транскрибирования, т.е. “*seni*”, а затем дать лексический комментарий. Существительное «чуйка» – верхняя мужская одежда в виде длинного кафтана из сукна. Данная реалия русской культуры переведена на английский язык словом “*jacket*”, что является примером приближенного перевода, так как данная реалия отсутствует в английском языке.

Также следует рассмотреть реалии, относящиеся к государственному-административному устройству и общественной жизни.

Например: «сэр» – “*sir*”, «купец» – “*merchant*”, «мещанин» – “*the petty bourgeois*”.

Вежливое обращение «сэр» адаптировано на английский язык аналогом “*sir*”. Русская реалия «купец» передана аналогом “*merchant*”. На английский язык «мещанин» переведено аналогом “*petty bourgeois*”.

Таким образом, мы можем утверждать, что культурно-специфическая лексика нередкое явление в художественной литературе и, являясь по своей природе лингво-специфическим, тем не менее, подобная лексика подлежит переводу. Каждый конкретный пример создает проблему выбора приема перевода, от которого зависит полнота передачи значения и национального колорита той или иной реалии. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что топонимы и антропонимы неродной культурной среды чаще всего переводятся при помощи транслитерации, реже используется эквивалентный перевод. Реалии, относящиеся к быту, переводятся при помощи описательного перевода, транслитерации и калькирования, в некоторых случаях переводчикам удается найти аналоги элементам русского быта. Реалии, относящиеся к государственному-административному устройству и общественной жизни, передаются аналогами английского языка.

Стоит отметить, что вопрос адаптации культурно-специфической лексики русского быта вызывает неподдельный интерес у переводчиков со всего мира, поскольку русская культура одна из самых богатых и колоритных, а перевод культурно-специфической лексики дело непростое, но интересное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Темные аллеи. Рассказы и стихи. М. : АСТ, 2019. 256 с.

2. *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение. М. : Издательство института общего среднего образования, 2001. 224 с.

3. *Ершова Е. Ю.* Культурно-специфическая лексика как лингвистическое понятие // Сб. науч. ст. : в 2 ч. Мичуринск : Издательство Мичуринского государственного университета. 2017. С. 165–168.

4. *Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М. : Дрофа, Русский язык, 2000.

5. *Прочанова Е. А.* Проблема перевода культурно-специфической лексики с русского языка на немецкий в художественном тексте (на примере М. А. Шолохова) // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2012. Вып. 10. С. 191–202.

6. *Семенова Е. П.* Языковая репрезентация культурно-специфической информации в художественном тексте [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii1/a1677.php>

Иванчина Ю. В.

ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ DR. SEUSS “THE CAT IN THE HAT”

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности перевода стихотворения Dr. Seuss “The Cat in the Hat” и проявление индивидуального стиля переводчика В. Гандельсмана. Затрагиваются такие проблемы перевода поэтического текста, как выбор заголовка, подбор подходящей лексики, учет иллюстраций оригинала, передача идеи и настроения аутентичного текста, возможные искажения первоначального посыла автора и изменения характерных черт персонажей произведения в ходе перевода. Сопоставление перевода и оригинала стихотворения показало, что средства выразительности, которыми пользуется переводчик отличаются от тех, что использует автор, и добавляют тексту новый оттенок значения.

Ключевые слова: поэтический перевод, индивидуальность переводчика, языковые средства выразительности.

Говоря об особенностях перевода художественных произведений с русского языка на английский, стоит немало внимания уделить такому жанру, как стихотворение. Поэтическая речь насыщена яркими образами, эмоциональна, красочна, фонетически и лексически богата, что делает её интересной для детей и сложной для переводчиков. Каждый перевод должен производить на читателя то впечатление, которое подлинник производит на «своего», передать посыл автора [5]. Однако исходный текст переосмысливается переводчиком, образуя новую материально-выраженную мысль, отличную от авторской и сформированную в сознании переводчика [4]. Следовательно, в переводе всегда проявляется индивидуальность переводчика,

определяемая его художественным восприятием, талантом, своеобразием отбора языковых средств. Эти черты не имеют никакого отношения к авторскому стилю оригинала, поэтому они нежелательны, но неизбежны [1]. Для иллюстрации проявления индивидуальности рассмотрим стихотворение Доктора Сьюза “The Cat in the Hat” и перевод Владимира Гандельсмана «Кот в шляпе».

Уже в названии можно заметить расхождение посылы автора и переводчика. В оригинале название рифмуется, что делает его запоминающимся и привлекает внимание детей. В. Гандельсман выбрал дословный перевод, при котором теряется эффект от рифмы, и не стал использовать какие-либо языковые средства для привлечения внимания к заголовку. Для сравнения приведем другие примеры переводов этого названия. Е. Липатова озаглавила стихотворение «Синий кот в зеленой шляпе». Невозможность перевести название в рифму она компенсировала использованием такого стилистического приёма, как антитеза (синий-зеленый). М. Лукашкина использовала аллитерацию (повтор согласного звука) и перевела название, как «Кот в колпаке». Индивидуальный подход к переводу проявляется уже с выбора названия произведения и подбора языковых средств для более точной передачи его настроения и посылы.

В переводе В. Гандельсмана можно заметить обилие окказионализмов и заимствованные слова (финты, сальто-мортале), активное использование суффиксов для выражения оценочного отношения (рыбочка, рыбёшка, сонюшка, обманочки) при том, что в оригинале Доктор Сьюз использует примитивные слова из 1-2 слогов. Единственное слово с 3 слогами – «another». Дело в том, что Сьюз преследовал цель написать детское произведение, используя по просьбе издательства только список из 223 слов [8]. Книга должна была быть несложной для детей. Очевидно, у переводчика была иная цель – заинтересовать читателя, а где-то и рассмешить его, передать более образно настроение и эмоции героев. В одном из своих интервью он признался, что в переводе детской литературы ему нравится возможность «поиграть» [2]. Это игривое настроение передается переводу. В. Гандельсман с самого первого четверостишья проявляет фантазию, использует игру словом и, меняя 1 фонему слова «сиротливо», создаёт окказионализм «сыротливо». Такой корневой повтор «сыро, сыротливо» заменяет повтор слов cold, cold в исходном тексте и при этом усиливает экспрессивно-игровую функцию языка.

Доктор Сьюз

The sun did not shine.
It was too wet to play.
So we sat in the house
All that **cold, cold**, wet day [9]

Владимир Гандельсман

Мы сидели сиротливо,
никуда не выходя.
Было **сыро, сыротливо**
на дворе из-за дождя [7]

Активное использование окказионализмов с корневым повтором – одна из отличительных черт В. Гандельсмана. В его переводе можно встретить выражения с корневым повтором и деривацией «слетел кувыркот КУ-ВЫРКОТ», «КОТОШЛЯП произвёл котошлѐп». В целом, деривация, или скрещение слов, характерна для детской поэзии. И, однозначно, В. Гандельсман виртуозно владеет этим приёмом, ведь такие слова, как «шляпокот», «котошляп», «сундучудо», «котопять» фигурируют в его версии часто. Однако, это снова противоречит изначальной задумке Доктора Сьюза, который ни разу не использовал деривацию в оригинале.

К другим окказиональным словам с корневым повтором можно отнести слово «шляпнешься»: просторечная замена слова «упадешь» на «шлѐпнешься» с изменением 1 фонемы для отсылки к слову «шляпа». Или употребление такого слова, как «шляпсус», о значении которого можно догадаться только из контекста.

Доктор Сьюз

“Have no fear!” said the cat.
I will hold you up high
As I stand on a ball.
With a book on one hand!
And a cup on my hat!
But that is not all I can do!
Said the cat...[9]

Владимир Гандельсман

– Не бойсь!
Ты не **шляпнешься** вниз,
потому что на **шляпе** моей –
чашка с блюдцем (они уж скорей
могут **шляпнуться**)!
Ах, я пою
и при этом жонглирую книгою,
и к тому же я лапой на шаре стою,
а другой восхитительно дрыгаю.
Погоди, погоди, погоди,
главный **шляпсус** ещё впереди [7]

Просторечия и производные от «шляпы» слова создают новый образ Кота. К тому же, в лексиконе Кота В. Гандельсмана встречаются такие слова и выражения, как «трусливая рыбёшка», «не бойсь», «шась из дома» и другие, что придает Коту более вульгарный и надменный образ, нежели Кот Сьюза. Детей переводчик тоже наделил похожей манерой речи: «обалдеть», «бестолково», «уматывай». Даже рыбка переходит на такой лексикон: «он вымелся» (ушёл). Персонажи В. Гандельсмана наделены чертами, не свойственными героям в оригинале, что также показывает языковую индивидуальность переводчика.

Особенностью детских произведений является наличие звукоподражаний. Их использовал и автор, и переводчик, но и здесь отчетливо виден индивидуальный стиль переводчика.

Доктор Сьюз

Then Sally and I
Saw them run down the hall.
We saw those two Things
Bump their kites on the wall!
Bump! Thump!
Thump! Bump! [9]

Владимир Гандельсман

И потом началось
и пошло вкривь и вкось!
В стену – хлоп!
В люстру – звяк!
Вправо – шлёп!
Влево – шмяк! [7]

Сьюз использует повторы, в то время как В. Гандельсман добавил описание пространства, более красочные звукоподражания (выделены полужирным шрифтом) и эллипсис (замена слова тире), что создает эффект динамичности и суматохи.

Из звукоподражаний В. Гандельсман создает также и окказионализмы: «цирк сделал с шара кувырк», «кот поправил кис-кис».

По количеству использованных языковых средств В. Гандельсман явно превосходит Доктора Сьюза. В этом можно убедиться, сравнив и проанализировав следующие отрывки:

Доктор Сьюз

“Now! Now! Have no fear.
Have no fear!” said the cat.
“My tricks are not bad,”
Said the Cat in the Hat [9]

Владимир Гандельсман

– Ну, без страха, вперед! –
крикнул нам ШЛЯПОКОТ. –
Мои шутки не тяп,
мои трюки не ляп,
не тяп-ляп для растяп! –
крикнул нам КОТОШЛЯП [7]

Основное языковое средство, которым пользуется Доктор Сьюз – повторы. В. Гандельсман для этого отрывка задействовал большее количество средств: параллелизм (мои шутки не тяп, мои трюки не ляп), повторы (не тяп, не ляп, не тяп-ляп), анафора (повтор «мои» в начале предложения), ассонанс (повтор «я» - тяп, ляп, растяп, котошляп), метатеза (перестановка слогов – шляпокот, котошляп), звукоподражание (тяп-ляп), выделение слов заглавным шрифтом. С одной стороны, перевод получился интереснее и насыщеннее оригинала, с другой стороны, такое искажение авторского стиля неприемлемо. По мнению Л. П. Нелюбина, опытный переводчик должен усмирить свою творческую фантазию во имя верности оригиналу.

Важной особенностью перевода В. Гандельсмана является то, что он учитывал иллюстрации Доктора Сьюза. Сьюз тщательно просчитывал расположение рисунков на странице и их соотношение с текстом. Строки стихов располагаются согласно логике изображения. Перевод В. Гандельсмана виртуозно проигрывает визуально-музыкальные мотивы стихов Сьюза (см. рисунок 1) [3].

Then we saw him step in on the mat!
We looked!
And we saw him! The cat in the Hat! [9]

Мы увидели, – ах,
перед нами в дверях
он возник с синим зонтиком в лапе [7]

Рисунок 1. Иллюстрация из книги Dr. Seuss “The Cat in the Hat”

Обобщив вышесказанное, отметим, что личность переводчика играет огромную роль. На примере произведения Dr. Seuss “The Cat in the Hat” мы видим, как меняется язык, настроение и характер персонажей при переводе, как переводчик входит в образ и проявляет фантазию, изучает текст и авторские иллюстрации к нему. Владимир Гандельсман явно перестарался с уменьшительными суффиксами и добавил слишком много искусственных сложных слов, языковых оборотов и средств выразительности, не учитывая того, что автор оригинала хотел заинтересовать детей, используя минимальные языковые средства [6]. Многие аспекты подлинника были упущены или переформулированы, однако такие преобразования неизбежны при поэтическом переводе. Как бы то ни было, Владимир Гандельсман помог маленьким русским читателям познакомиться с зарубежным Доктором Сьюзом и полюбить Кота в шляпе, а его перевод является одним из самых читаемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. *Владимир Гандельсман и Доктор Сьюз* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://blog.itrex.ru/gandelsman-perevodchik-syuza/>
3. *Дубровская Н.* Владимир Гандельсман [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://kurlymurly.org/vladimir-gandelsman-2/>
4. *Крупник Л. В.* Личность переводчика как субъективный фактор художественного перевода (на материале книги Л. Уоллиса «Бен-Гур») [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/literature/krupnik.html>
5. *Нелюбин Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2003. 230 с.
6. *Новикова Е.* Как перевести слона // Журнал «Коммерсантъ Деньги». № 22 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/doc/900390>
7. *Сказка в стихах Кот в шляпе* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://ma-montenok-online.ru/stihi/skazki-v-stixah-doktora-syuza/kot-v-shlyape/>

8. *Seuss, Dr.* Wiki. The Cat in the Hat (book) Fandom. Mode of access : [https://seuss.fandom.com/wiki/The_Cat_in_the_Hat_\(book\)](https://seuss.fandom.com/wiki/The_Cat_in_the_Hat_(book))

9. *Seuss, Dr.* The cat in the hat, by Dr. Seuss. Boston, Houghton Mifflin. 1957.

Истианиди А. Д., Матасова И. Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ СКАЗОК-БЛИЗНЕЦОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

*Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова,
г. Караганда, Республика Казахстан*

Аннотация. Область исследований в переводческой сфере расширилась за пределы языка, включив в нее культуры исходного и целевого языков. Однако, интерес к культурным аспектам перевода прослеживается еще с начала девятнадцатого века. Культура определяет фактически весь образ жизни, который состоит из нравов данного общества, их религии, ценностей, традиций, привычек, образовательных систем, семейных и социальных структур, политической и правительственной иерархии и использования передовых технологий. Таким образом, культура охватывает все аспекты жизни в обществе. В разных культурах есть разные взгляды на то, что составляет моральное и аморальное поведение человека, формирует ценности и предысторию народа. Ценности обычно абсолютны и неизменны и это само по себе придает уникальность и специфическое значение, характерное только для определенной нации, что отлично прослеживается путем лингвокультурологического анализа.

Ключевые слова: культура, лингвокультурологический анализ, ценности, использование передовых технологий, культурный аспект.

Перевод и культура – это два понятия, которые тесно связаны друг с другом. Однако, на ранних этапах развития теории перевода, перевод воспринимался лишь как замена исходного текста текстом на целевом языке, причем оба имели примерно одинаковое значение. В процессе переводческой деятельности основной упор делался на лингвистические и семантические аспекты. Всегда была актуальна и проблематична смысловая составляющая перевода. Какой тип значений наиболее релевантный, а каким все же можно пожертвовать? Семантическим, прагматическим или социальным? Наконец, все эти типы значений были сочтены равнозначными и получили общее название «культурных аспектов перевода». Настоящий профессиональный перевод редко осуществляется без учета исходной и целевой культур. Однако возможно ли перевести культуру? Может ли существовать перевод в отрыве от его культуры? Каждый лингвист признает тот факт, что язык переплетен с культурой прочными нитями, разорвать которые трудно,

а порой и вовсе невозможно. Профессиональный переводчик иначе реагирует на перевод, чем обычный читатель. Знаменитые переводческие работы передают не только текст, но и сознание читателя на языке перевода. Переводчик – это культурный посредник, который может перейти от исходной культуры к целевой, выбирая для этого наиболее целесообразные методы. Одна из основных целей, почему мы переводим с языка А на язык В, – это лингвистическое и культурное обогащение языка В. В этом случае переводчик стремится сохранить исходную культуру. Он переводит содержание и стиль исходного текста и вводит элементы исходной культуры в целевой текст. Постепенно эти иностранные элементы интегрируются в изучаемый язык и культуру и становятся частью восприятия новой среды. В настоящее время при изучении языка формирование лингвокультурной компетенции является одной из приоритетных задач. Для достижения этой задачи необходимо не только усвоить определенный набор лексико-грамматических единиц, но и понимать их национально-культурную специфику, т.е. содержащийся в них национально-культурный смысл. Так как переводчик, как раз посредник между культурами, то львиная доля ответственности ложится именно на него. Потому передать колорит культур невозможно без глубоких знаний истории данного народа, мифологии, традиций и ценностей, а также знаний того, как они закрепляются и выражаются в языке, и умения выделять и интерпретировать национально-культурные коннотации.

Для осуществления такого рода переводов используется лингвокультурологический анализ текстов, т.е. рассмотрение текста как феномена культуры и восприятие культурной информации в языковом знаке и тексте в целом. Внимательное изучение текста помогает глубже проникнуть в культуру своей страны, страны изучаемого языка, раскрыть смыслы, стоящие за теми или иными языковыми единицами, понять ценностные установки и сценарии данной культуры, и в результате сформировать представление о картине мира, существующей в данной культуре. Отсюда необходимо отметить основные задачи лингвокультурологического анализа, а точнее:

1. Умение извлекать из текста сведения о культуре страны;
2. Умение интерпретировать полученные сведения;
3. Умение сравнивать ценностные картины мира разных культур.

Чтобы продемонстрировать, как работает лингвокультурологический анализ, необходим ярко выраженный культурный колорит. Таким колоритом обладает, как правило, фольклор. Это своего рода, историческая основа всей мировой художественной культуры, источник национальных художественных традиций, выразитель народного самосознания. Фольклор – это искусство народа, а не отдельной личности или этнического коллектива, проживающего на определенной территории, что отлично позволяет проследить разницу сравниваемых единиц, в значении которых заключена национально-культурная специфика, которые аккумулируют и транслируют культурный опыт из поколения в поколение. Для данного анализа, нами были отобраны

сказки с бродячим сюжетом. В национальных сказках можно проследить какие черты характера, нравственные нормы и идеалы являются важными для этой страны. Например, в немецком фольклоре чаще всего воспеваются справедливость и благородство, во французском – смелость и достоинство, в английском – великодушие. Сказки-близнецы имеют несколько типов сюжета: героический, волшебный, сатирический и бытовой.

Для анализа единиц в аспекте перевода мы выбрали бытовой сюжет, а точнее русскую народную сказку «Колобок», и сходное по сюжету фольклорное произведение американской культуры «The Gingerbread Man». В исходных текстах сказки нами были обнаружены некоторые единицы, а точнее: безэквивалентная лексика, лакуны, стереотипы, ключевые концепты культуры. Ниже рассмотрим подробнее понятия, а впоследствии и примеры из вышеуказанных сказок.

К безэквивалентной лексике относят обозначения специфических для данной культуры явлений, которые являются продуктом кумулятивной (накопительной) функции языка и могут рассматриваться как вместители фоновых знаний. Эти слова обозначают предметы или явления, которые не имеют соответствий в другой культуре.

По классификации В. С. Виноградова слова-реалии подразделяются на 6 групп:

1. Бытовые:

- Одежда и обувь: кимоно, лапти;
- Строения и предметы: изба, сауна, иглу;
- Реалии-меры и реалии-деньги: аршин, рубль;
- Особенности национальной кухни: каравай, вонтоны;

2. Реалии природного мира:

- Термины физической географии: степь, фиорд, прерия, саванна;
- Эндемики: кенгуру, баобаб;

3. Этнографические реалии:

- Обычаи, ритуалы, игры: вендетта, тамада, лапта;
- Мифология и культы: Дед Мороз, тролль, ксендз;

4. Общественно-политические реалии: перестройка, виги и тори, большевики;

5. Ономастические реалии-антропонимы (имена известных личностей, требующие комментариев), топонимы;

6. Ассоциативные (анималистические символы, цветосимволизымы, аллюзии) [1, с. 1].

В ту же группу, схожую по характеристикам с безэквивалентной лексикой, входят и лакуны. Лакуны – это несовпадения при сопоставлении понятийных, языковых, эмоциональных и других категорий двух или нескольких лингвокультурных общностей. Два слова, являющиеся переводными эквивалентами в двух разных языках, зачастую связаны с нетождественным содержанием в культуре этих народов. Это связано с отличиями в познава-

тельной деятельности этих народов, разным социально-историческим опытом и т.д.

Так же как правило, любая сказка скрашена наличием какого-либо стереотипа. Стереотип определяется как схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенный и обладающий устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта.

Разумеется, при лингвокультурологическом анализе, в любом произведении можно выявить так называемый концепт. Ключевые концепты культуры – это слова или выражения, отражающие культурно-национальные представления этноса о мире. Они представлены в сознании как ментальные сущности, но имеют имя в языке и эксплицируются при помощи языковых средств того или иного языка. Многие концепты универсальны, например, концепты «добро», «труд», «время», «пространство», «счастье», «судьба», «красота» и другие встречаются в других культурах, как ее основные категории.

Ознакомившись с единицами, которые были обнаружены нами в исходных текстах, продемонстрируем их на практике, а точнее приведем примеры из сказок-близнецов.

«... И не было у них ни хлеба, ни соли, ни кислых щей. Пошел тогда старик по амбарам мести, по сусекам скрести...» [3]. Русские сказки, как известно, наделены особым колоритом, который как раз отражается в отдельных словах, а точнее в лакунах. В указанном отрывке не характерные для американской культуры слова «щи», «скрести», соответственно при переводе на английский язык будет использоваться описательный перевод, либо замена словосочетаниями. Слова «амбар», «сусеки» – это яркое выражение наличия безэквивалентной лексики, относящиеся к особенностям строения русской избы и хранения продуктов. Эквивалентов этих слов нет в английском языке, поэтому начало русской народной версии сказки «Колобок» стилистически и лексически окрашено.

Если рассматривать главного персонажа сказки, то здесь уже отлично прослеживаются бытовые реалии. Так, например, в американской версии «The Gingerbread Man» говорится: «...With the dough that was left over, she made a Gingerbread Man with the little boy's help. The old woman made the shape of the Gingerbread Man. The boy put two black currants as his eyes and a red cherry as the nose, a crescent-shaped apple slice as the smiley mouth, and three grapes as three buttons on his shirt...» [2]. Здесь наблюдается особенность традиционной кухни Англии, ведь, как известно, родина пряников – это Великобритания и впервые делать пряники в форме ангелов, животных начали английские монахи. Поэтому в английском аналоге привычного нам «Колобка» используется близкий по восприятию народом герой – пряничный человечек. В русском народном варианте главный герой изображается

в виде круга: «...Замесила старуха муку на сметане, испекла колобок, изжарила в масле и на окошко остудить положила...». Это явление не случайность, Колобок – уменьшительное от «колоб» (круглый хлебец, хлеб). Это толстая, круглая лепешка, изготавливаемая в виде хлебного кома, почти шара или разбухающая до формы шара к концу выпечки. Калабуха – чисто русское хлебное изделие, возникновение которого было случайным, но вкус и постоянство его формы были обусловлены самим характером колобкового теста. Дело в том, что колобки пекли не всегда, а лишь при отсутствии обычных припасов для хлеба в их обычном количестве, поэтому в начале сказки и говорится «...И не было у них ни хлеба, ни соли, ни кислых щей. Пошел тогда старик по амбарам мести, по сусекам скрести. Собрал 2 горсти муки, и решили они испечь колобок...».

Еще одной ярко выраженной реалией в путешествиях колобка и пряничного человечка, являются герои, которых они встречали по мере своего путешествия. В русской народной сказке на пути колобка встречаются лишь животные: «...И вот катится он по тропинке, а навстречу заяц скачет...», «...Катится Колобок дальше, навстречу ему Серый Волк прогуливается...», «...Катится Колобок, катится, навстречу ему Медведь из леса вышел...», «...Катится Колобок, а тут навстречу ему Лиса...» [3], – это обусловлено этнографическими реалиями, а точнее культами, верованиями. Вера в связь с животными оказала большое значение на все фольклорное творчество. Животных наделяли различными человеческими качествами и героями в устных народных сказках наравне с человеком являлись они. В английской версии все обстоит иначе. Главными героями там чаще всего, являются люди разных профессий (крестьяне, фермеры): “...At the end of the lane, three mowers were busy cutting grass. When they saw the Gingerbread Man, they stopped working, and wanted to eat him...” [2]. Так как вся средневековая история Англии построена на освобождении и разделении крестьянства, поэтому часто крестьяне становились героями сказок и эпосов.

К разряду стереотипных представлений мы отнесли коннотацию образа лисы, как хитрого и коварного персонажа. Это прослеживается в обеих сказках: “...The cunning fox said in a soothing voice, “Don’t worry, I am a very strong swimmer. Just jump onto my back and I will carry you across. Thus, the Gingerbread Man climbed onto the cunning fox’s back and the fox began to cross the river. When they reached the middle of the river, the cunning fox said, “My dear Gingerbread Man, please climb onto my nose, because the water is deep here, and you might drown.” So, the Gingerbread Man climbed onto the fox’s nose. Immediately, the fox tossed him up into the air, opened his mouth and gobbled up the Gingerbread Man...” [2] и “...Ах, песенка, как хороша, да слышу я плохо. Колобочек дорогой, а сядь ты ко мне лучше на нос, да спой еще разок, громче. Колобок уселся Лисе прямо на нос и спел песенку громче, как она просила. А Лиса ему опять ласковым голосом: – Колобок, Колобок, совсем я ничего не слышу, сядь-ка ко мне на язычок, да пропой в последний разок. Колобок сел Лисе на язык, а Лиса его – ам! – и съела...” [3].

Так же общим в обеих сказках является ключевой концепт, а точнее воссоздание трудностей, предостережений через образы сказочных героев и ситуации, приключившиеся с ними.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы сказать, что культуру следует рассматривать как ключевой компонент перевода. Отсутствие адекватных знаний о культуре затрудняет понимание текста. Любой текст имеет свои лингвокультурологические единицы, даже если они на первый взгляд совершенно отсутствуют. Таким образом, главная цель перевода – обогатить целевой язык как лингвистически, так и культурно, максимально передав сознание этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ворошкевич Д. В., Казанникова Д. П.* Пособие по лингвокультурологическому анализу текста. М. : Издательство МПГУ. 2016. С. 1–2.
2. *The Gingerbread Man* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.kidsworldfun.com/short-stories/the-gingerbread-man.php>
3. *Колобок* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://wisdomlib.ru/story/9521>

*Kutimova L. S., Otynshieva M. T., Sarbalakova G. B.,
Tompieva Z. E., Baiduisen B. A.*

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF LEXICAL TRANSFORMATIONS

*University of Karaganda, N. Nurmakov RSBS for gifted children,
Karaganda, Kazakhstan*

Аннотация. Особенность семантической структуры слов в разных языках обуславливает необходимость применения лексических преобразований при переводе. Перевод – это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования в различных науках. Переводоведение изучает психологические, литературные, этнографические и другие аспекты переводческой деятельности, а также историю переводческой деятельности в той или иной стране. Актуальность данной работы заключается в том, что тема переводческих трансформаций до сих пор полностью не раскрыта. Исследователи до сих пор спорят о классификации переводческих трансформаций, в том числе лексических. В данной статье мы рассмотрим классификацию лексических трансформаций, методы контекстуальных замен и примеры их применения на практике. Перевод-это деятельность, которая включает в себя повторное выражение текста с одного языка на другой. Перевод позволяет людям общаться, обмениваться информацией и изучать культуру других народов. Переводческие трансформации помогают достичь адекватности в переводе и точно передать смысл исходного текста. Сами преобразования – это преобразования, которые обеспечивают большую степень эквивалентности при переводе.

Лексические трансформации – это замена отдельных лексических единиц одного языка эквивалентной заменой в другом языке. Для обеспечения межкультурной коммуникации переводчик должен быть не только двуязычным, но и «бикультурным». Межкультурная коммуникация и перевод неразделимы.

Ключевые слова: перевод, типы трансформации, лексические трансформации, методы контекстуальных замен, билингвизм.

Language, as we know, is the most important means of human communication, through which people exchange thoughts and achieve mutual understanding. People communicate using language in two ways: orally and in writing. If people speak the same language, then communication occurs directly, but when people speak different languages, direct communication becomes impossible. Today, humanity speaks more than 3,000 languages. Each language is a system of knowledge about the world, a vision of this world, imprinted in its linguistic structure, in its rules. But this diversity of languages hinders mutual understanding. In this case, the translation comes to the rescue. With the development of human society, translation from one language to another has become widely popular. Before professional translators, there were travelers, merchants, and ambassadors, many of whom spoke two or more languages. In translation, different cultures, different personalities, different ways of thinking, different kinds of literature, different eras, different levels of development, different traditions and attitudes collide. The translation is a very ancient type of human activity. It has its roots in those distant times when the proto-language began to break up into separate languages and there was a need for people who knew several languages and were able to act as intermediaries when communicating with representatives of different language communities. To ensure cross-cultural communication, a translator must be not only bilingual but also “bicultural”. Intercultural communication and translation are inseparable. The translation is a type of cross-language and cross-cultural communication.

To translate means to express correctly and completely by means of one language what has already been expressed previously by means of another language [1]. Any case when a text created in one language is transferred using another language, we call it a translation. Since a language is a kind of code or sign system that is an arbitrary designation of objects and phenomena of reality using conventional signs the translation can be called recoding since each of the conventional signs is replaced by a sign of another sign system during translation. Therefore, translation is a re-expression or recoding of the source text.

Every text, as a work of speech, has certain content that is, it carries some information that is transmitted during the translation process. The translator uses language units, but the object of translation is the meaning, not the words. In other words, the translator conveys the meaning of the entire text, rather than translating individual words. Failure to comply with this key principle of translation often leads to a literal translation that is the translation “word for word”. [2]

The linguistic science of translation is still very young. Until now, it does not even have a common name. We can find such terms as “translation studies”, “translatology”, and “translation theory” among different researchers [3].

Studying translation as a special type of speech communication, the theory of translation is not limited to analyzing its language mechanism, because translation is not only the interaction of languages but also the interaction of cultures, as already mentioned. Let's consider the main types of translation according to two classifications proposed by V. N. Komissarov [4].

Genre-stylistic classification implies the following types of translation:

1. Literary translation – translation of works of fiction, the purpose of which is to create a speech work that can have an artistic and aesthetic impact on the reader. Analysis of translations of literary works shows that they typically deviate from the maximum possible semantic accuracy in favor of artistic translation.

2. Informational (special) translation – translation of texts whose main function is to provide information. These are materials of a scientific, business, general-political, and everyday nature. This should also include the translation of those detective stories, travel descriptions, essays, where a purely informational narrative prevails.

Psycholinguistic classification takes into account the way of perception of the original and creation of the translation text – written or oral. Accordingly, the following types of translation are highlighted:

1. Written translation. This is a type of translation in which speech works that are combined in an act of inter-language communication (the original and the text of the translation) appear in the translation process as fixed texts that the translator can refer to repeatedly.

Written translation can be:

- 1) complete;
- 2) abstract;
- 3) annotation.

In case of abstract and annotative translation, the text is compressed and not fully translated. Translation-abstract is the translation of individual parts of the text, while the text is subjected to significant compression (10-20 percent of the text volume should remain). When translating an abstract, the main compositional structure of the text is preserved; digressions, examples, repetitions, author's remarks are removed, sometimes whole paragraphs, separate sentences, and parts of a sentence are removed.

Translation-annotation is a summary of the content and features of the text. In contrast to the abstract, the annotation gives an idea of the main topic of the text and the list of issues that are covered in it [5]. The annotation does not allow citation due to its extreme brevity.

2. Oral translation. It is divided into subspecies taking into account various circumstances:

- 1) Simultaneous translation is the simultaneous work of the speaker and

the interpreter (with a permissible lag of 2-3 seconds between the interpreter and the speaker). Simultaneous translation is a complex subspecies of oral translation since it requires the translator to simultaneously perform heterogeneous speech actions: listen to speech in one language, translate it into another language, and speak in that language, keeping up with the pace of the speaker's speech.

2) Consecutive (paragraph-phrase) translation involves translation of 2-3 phrases;

3) Translation from a sheet (the translator receives the text for translation and immediately performs the translation without prior preparation);

4) Two-way translation (a translator works with two participants at once);

5) Multi-party translation (one translator works with a large number of interlocutors).

We had investigated lexical transformations in our thesis. We used various references to reveal the topic of lexical transformations and we can say that translation transformations, despite all the research, are still unexplored to the end. Generally, lexical transformations represent a real challenge for both professional and novice translators; therefore, they merit attention from researchers and scholars in the field of translation studies. Various examples of using lexical transformations were presented. In the theoretical part of the thesis we studied in detail the notion of lexical transformations, their types, examined different theories on this issue from different translators and scholars in the field of linguistics. We have considered the reasons that cause lexical transformations and the motivation for their use. Throughout the thesis, we explained the essence of the theme of lexical transformations and analyzed text upon that subject. In the theoretical part, we noted that the use of lexical transformations in translation is an integral part of translation as a whole. And that this is a complex process that requires accuracy from the translator. Therefore, we should not ignore the features of lexical transformations to inaccuracies, inconsistencies, numerous errors in the translation of texts and in the use of those transformations.

Currently, there is a large amount of scientific literature devoted to the issue of translation. This paper presents various definitions of translation and translation transformations. They also discuss the reasons for using translation transformations and describe their classification. Translation transformations are a very difficult, even somewhat paradoxical phenomenon in translation, the nature of which is complex and multi-faceted. Getting to the bottom of this phenomenon is as problematic as answering questions: how does the translation process itself work, and what translation mechanisms underlie translation activities?

Despite the fact that when translating, performing certain transformations, the translator is not aware of the purpose for which he did it, i.e., transforms the text on an intuitive level, each translation transformation is motivated, i.e. caused by one or another reason. We have considered some types of translation transformations, mainly lexical transformations, provided examples of translation with their use and can conclude that the translation choice regarding transformations is determined by linguistic factors. The different systems of the source language and

target language, stylistic features of the original peculiarities of language and speech norms in source and translated languages – those circumstances without which it is impossible to explain the use of translation transformations. Considering the points of view of various researchers, we can conclude that there is a unity of authors in the allocation of certain types of transformations, but there is no general classification of translation transformations and methods of their implementation. Knowledge of translation transformation tools allows the translator to save time and focus on solving non-standard tasks. Of course, using only translation transformations, it is impossible to translate successfully. Since every translation requires a creative approach and specific translation solutions from the translator.

Many well-known translation experts have addressed the issue of translation transformations to some extent, but despite the extensive literature on the problem of translation transformations, there is no consensus among scientists about the concept of translation transformation itself. Most definitions do not fully disclose the essence of the translation phenomenon under consideration. And in some cases, the term “translation transformation” is used without a clear definition at all. Despite the extensive literature on translation problems, the status of one of the main translation techniques has not yet been determined. This discrepancy of views in the interpretation of the term “translation transformation” makes it necessary to consider this issue in detail and clarify the understanding of the essence of transformations. In our thesis, we revealed the essence of lexical transformations, classified, recognizes problems in translating lexical transformations and the motivation for their use. We made the theoretical research, revealed the peculiarities and problems of lexical transformations, and to found ways of solving them. We completed the following tasks: - we found the information upon the theme “Lexical transformations and contextual substitutions”, we made the theoretical analysis of observed information, we made the plan of the theoretical chapter, described and explained the core of the theme, revealed the peculiarities and problems of translation of lexical transformations, gave detailed information about the translation of transformations, found ways of solving problems, demonstrated in practice the theory of translation. Also we considered the concept of translation, gave a definition and a general characterization of lexical transformations in translation, investigated the causes of translation transformations and showed examples of using lexical transformations in translation.

Summing up the overall results of the work done, it should be noted that the research of translation problems is a vast field, both special and interdisciplinary research, which cannot be exhausted within the framework of this thesis. Since the second half of the nineteenth century, the problems of culture, language, translation, understanding, and communication have become the focus of research in almost all humanitarian science. Language, culture, and time materialize in texts. Texts are material carriers of meaning, through which we can reconstruct traditions, the level of development, moral foundations, as well as events that occurred in a particular period. It is up to the translator to correctly and correctly

convey to the future reader the fullness of the translated meanings. Therefore, the problem of translation is focused as an independent scientific problem in philology, linguistics, psychology, as well as in related sciences. To correctly apply the most effective translation transformations, the translator must have equal or almost equal knowledge of both the source and the translating cultures. How well and skillfully the translator uses translation transformations will depend on our understanding of the translated text.

Summing up all the above, we can conclude that the various translation transformations applied in translating the work “the Green Mile” into Russian allow us to accurately convey the values and moral guidelines of the American people of that time, laid down by the author. Transformations help to convey the meaning of the original, adapt it for the perception of Russian-speaking recipients, emphasize the shades of meaning in the speech of the characters, emotional and stylistic techniques, and, in general, achieve the adequacy of the translation. It should be noted that discrepancies in the structure of the two languages present great difficulties for translation. These difficulties vary in a fairly wide range: from individual non-translatable elements to the source text. The solution of such problems is achieved by the ability to correctly perform various translation transformations. In the process of translation, the translator uses transformations to achieve equivalence, for maximum convergence with the original text.

The analyses presented in this study are an answer that lexical transformations are quite often used in translation from English into Russian. In the practical part of the thesis we analyzed text with the presence of lexical transformations, we noted each transformation and explained the cause of its usage. During the practical part of the thesis we used all the knowledge that is pointed out in the theoretical part, and we took into account all the features of lexical transformations which helped us to identify them into the text.

In the process of analysis, we met the following transformations:

Transcription – 17

Transliteration – 2

Calque – 3

Modulation – 26

Concretization – 76

Generalization – 11

Holistic transformation – 15

Antonymic transformation – 13

Compensation – 1

Adding – 23

Omitting – 40

The total number of transformations – 227.

Here we can see that during the translation process the most used transformation is concretization, less – omitting, adding and modulation. Translating proper names, we mainly used transcription transformation. We used compensa-

tion the least frequently. But such cases occur in practice, so we can say that during the translation process translator is not limited to the only most used transformations, and we should know how to apply them. During the thesis, we noted and understood how important to transform words correctly, applying all the knowledge we have to be able to send the correct message to the recipient. During applying transformations, it is important to consider the cultural specificity of each country and the features of the source and target language. All these difficult issues require the translator a thorough study and consideration of existing professional opinions.

REFERENCES

1. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968. 274 с.
2. Розенцвейг В. Ю. О языковых контактах. М., 1963. С. 42–55.
3. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. Екатеринбург, 2015. 84 с.
4. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 1980. 278 с.
5. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. 278 с.
6. Немченко В. Н. Введение в языкознание. М., 2008. 703 с.

Маслов Ю. В.

К ПРОБЛЕМЕ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СИНХРОННОМУ ПЕРЕВОДУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

*Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь*

Аннотация. В материале рассматривается проблема преподавания синхронного перевода в неязыковом вузе. Описываются различные аспекты содержания обучения, дается характеристика современной аудитории обучающихся. Постулируется необходимость использовать конкретную модель перевода для разработки методической системы обучения синхронному переводу. Предлагается вариант организации (само) оценочной деятельности студентов.

Ключевые слова: виды перевода; синхронный перевод; методическая система обучения; «модель усилий»; метод «думай вслух».

В настоящее время вузовской системе необходимо обеспечить совершенствование практики подготовки устных переводчиков. Это объясняется тем, что в различных профессиональных сообществах возрастает значение перевода «здесь и сейчас». Это диктует необходимость подготовки соответствующих кадров. Очевидна важная роль *устных переводчиков* в обеспечении межкультурного взаимодействия, особенно в ходе конференций, переговоров и т.п.

Известно, что в зависимости от *условий осуществления* перевод может

быть разделен на разные подвиды. Так, в англоязычной литературе выделяют «перевод в социальной сфере» (*community interpreting*), «перевод на конференциях» (*conference interpreting*), т.е. синхронный перевод, «медийный перевод» (*media*), «эскортный перевод» (*escort*) [13].

Перевод разделяют на подвиды, в том числе, в зависимости от способа реализации. Как правило, перевод может осуществляться тройным образом: синхронно, последовательно или «нашептыванием» (*chuchotage*). В каждом случае мы вновь имеем дело с потенциально различными способами организации обучения.

Когда речь идет о языке международного общения – *английском*, необходимо вносить в систему подготовки переводчиков определенные коррективы. Дело в том, что сегодня идет активный процесс формирования так называемого *глобального английского (Globish)*. Вполне возможно, что результатом этого процесса может стать формирование некоей универсальной англоязычной грамотности большинства людей, вовлеченных в межкультурное общение в его любых формах. Но и в таких условиях устным переводчикам будет чем заняться, поскольку «универсальный» уровень англоязычной грамотности не будет во всех случаях адекватным.

В связи с этим в зарубежной практике ставится задача провести определенную ревизию подходов к профессиональной подготовке переводчиков (*Albl-Mikasa, 2013*). Подготовка должна проводиться в логике *обучения английскому языку для международного общения* (по-английски: *ELF – English as Lingua Franca*). Такая задача требует, с одной стороны, умения использовать простой, если не сказать упрощенный язык общения, а с другой – способности реализовывать цели коммуникации на самом высоком уровне иноязычной компетентности [12, р. 10–13]. Не случайно поэтому, что в поле зрения специалистов по обучению устному переводу всегда находятся, в том числе, весьма сложные языковые явления, механизмы функционирования которых становятся объектом изучения – проблематика «горизонтального» и «вертикального» контекста и т.п. [7, с. 271–276].

Однако иноязычная подготовка – это еще не все в практике подготовки переводчиков. Указывают, что будущие переводчики-синхронисты, например, должны уметь пользоваться современными ИКТ – информационно-коммуникационными технологиями [2, с. 53–58]. Понятно, что сами по себе ИКТ не обеспечивают высокое качество синхронного перевода, а служат лишь важным вспомогательным средством. Главную роль в подготовке устных переводчиков – и особенно синхронистов – играет система упражнений. Можно надеяться, что начинающие переводчики рано или поздно дойдут до всего сами – так, как это случалось со многими известными специалистами в области перевода [1, с. 4]. Но задача в том, чтобы необходимая и достаточная функциональная основа деятельности сформировалась в стенах вуза – как результат реализации спроектированной системы подготовки.

Далее мы сконцентрируем внимание на обучении синхронному переводу в *неязыковых вузах*. Традиционно считается, что организовать такое обучение сложно ввиду специфики этого вида переводческой деятельности. С другой стороны, современная студенческая молодежь в гораздо большей степени, чем предшествующие поколения готова к обучению именно *синхронному* переводу (опыт преподавательской деятельности автора – 40 лет, так что есть возможность сравнивать).

В связи с этим Н. В. Шалыгина отмечает, что сегодняшние молодые люди – представители поколения Z – комфортно чувствуют себя в сетевом общении, обладают космополитическим сознанием, а главное – готовы к быстрой смене видов деятельности (в том числе «благодаря» синдрому дефицита внимания) [11, с. 165]. Зарубежный педагог С. Donovan, осуществляющий магистерскую подготовку переводчиков, подчеркивает, что нынешняя молодежь лучше приспособлена к условиям, в которых работает синхронист, поскольку для нее органична ситуация и многозадачной деятельности (*multi-tasking*), и работы в удаленном формате в условиях постоянного общения [14, с. 97]. Таким образом, степень потенциальной готовности студенческой аудитории к обучению синхронному переводу (в том числе в неязыковом вузе) достаточно высока.

Другое дело, что этой аудитории надо предложить качественную систему подготовки. Не требует доказательств утверждение о том, что эффективное проектирование системы подготовки синхронных переводчиков *возможно осуществить только на базе теоретической модели перевода* (теории перевода). Известно несколько таких моделей. Мы остановимся лишь на описании нескольких из них.

Хорошо известна трехфазная модель немецкого исследователя О. Каде [6, с. 19]. Интересно отметить, что автор модели выделил в процессе перевода важный промежуточный этап, который совершается в сознании переводчика и поэтому непосредственно не наблюдается. На этой стадии происходит декодирование исходного сообщения, переход от знаков исходного сообщения к знакам переводного сообщения.

В известной степени сходной является модель (теория) синхронного перевода – *интерпретативная теория* или теория смысла, предложенная французскими исследователями Д. Селескович и М. Ледерер. Суть ее сводится к тому, что в процессе синхронного перевода происходит так называемая «девербализация» смысла воспринимаемого сообщения, после чего переводчик-синхронист осуществляет реконструкцию смысла на языке перевода.

Как всякая теория, она находит как сторонников, так и критиков. Критические суждения в адрес понятия «девербализованного смысла» находим в недавно переведенной книге [8, с. 39–40]. Одновременно нельзя не заметить, что ни французские исследователи, ни критики их теории, судя по всему, не знакомы с представлениями о речемыслительных процессах, описанными Н. И. Жинкиным в работе «О кодовых переходах во внутренней

речи» (1964). Ведь то, что Д. Селескович именуется процессом «девербализации», есть, по сути дела, перекодирование сообщения (информации), происходящий во внутренней речи и реализуемый в *предметно-изобразительном коде* (термин Н. И. Жинкина). Этот код является непроизносимым, в нем нет признаков естественного языка, это своего рода универсальный язык, который можно переводить на любой другой. Более того, в этом коде имеются схематические изображения, образующие некую цепь или группировку, в которой представлена информация [5, с. 64].

Иными словами, при проектировании методической системы подготовки устных переводчиков (и особенно синхронных) полезно учитывать, в том числе, достижения науки прежних лет. Кроме того, для решения задач обучения синхронному переводу необходимо найти модель, на основании которой можно построить относительно законченную методическую систему. Такой моделью, по нашему мнению, может быть так называемая «модель усилий» (*Efforts Model*), разработанная французским исследователем Д. Жилем (*D. Gile*).

Российские авторы А. А. Кониная и Т. А. Черниговская описывают данную модель в своем обзоре. Ученые подчеркивают, что автор исходит из предположения, что ресурсы когнитивной системы, обеспечивающей синхронный перевод, ограничены и распределяются по четырем базовым конкурирующим, осознанным действиям – «усилиям»: слушание и анализ, продукция, запоминание, а также координационное усилие. Хотя полноценной экспериментальной проверки этой модели, по мнению авторов обзора, проведено не было, существуют исследования, частично подтверждающие её [4, с. 180].

Нам представляется, что «модель усилий» может служить надежной основой для разработки целесообразной методической системы обучения синхронному переводу. (Кстати говоря, сам Д. Жиль подробно описывает рекомендации по созданию подобных систем обучения [16].)

Элементами такой системы могут быть подсистемы упражнений по уровням (восприятие, запоминание, продуцирование и координация), направленные на предупреждение четырех типов трудностей при осуществлении синхронного перевода – языковых, культурных, социальных и аффективных. В результате мы получаем площадку для тренировочной подготовки, где могут быть потенциально использованы *шестьдесят четыре* специфических упражнения. Их выполнение может оказать положительный эффект на весь комплекс когнитивных способностей будущих переводчиков.

Именно такая методическая система обучения разрабатывается нами сегодня. Суть ее не в том, чтобы использовать все возможные упражнения. Задача в том, чтобы студенты четко осознавали, какое именно переводческое умение развивается, и могли четко и эффективно провести самоанализ успешности тренировочных усилий.

Не менее важной проблемой обучения синхронному переводу является выбор способов оценки результативности переводческой деятельности и качества «переводческого продукта» в частности. Выделяют четыре подхода, ориентированные на (1) сам «переводческий продукт», (2) процесс перевода, (3) применяемые техники и умения перевода, (4) конечного пользователя «переводческого продукта» [15].

Каждый из способов по-своему важен, но в традиционной практике преподавания переводческих дисциплин акцент чаще всего делается на первом способе. Однако он «работает» эффективно при обучении синхронному переводу, т.к. мы имеем дело с устно-речевым текстом. Одним из альтернативных способов оценивания качества *процесса* является так называемый метод «думай вслух» (*think-aloud protocol*). В отечественных условиях данный способ пока еще может называться «новым [3, с. 30; 9, с. 96].

В нашем опыте преподавания дисциплины «Синхронный перевод» на 5 курсе факультета международных бизнес-коммуникаций БГЭУ (опыт начат в сентябре 2019 г.) мы пришли к выводу о необходимости оценивать в первую очередь *процесс* деятельности. Потребность оценить процесс навела нас на поиск способов модифицировать метод «думай вслух» и создать новый вариант подобного протокола.

На протяжении короткого курса обучения студенты несколько раз осуществляют контрольный синхронный перевод текста длительностью 5 минут (в нашем случае используются, главным образом, законченные фрагменты выступлений на платформе *TED*). Текст перевода на русском языке записывается на мобильный телефон переводчика с помощью студента-ассистента. Затем студент делает стенограмму своего устно-речевого текста, включая в нее все паузы, слова-заполнители, ложные начала предложений и т.п. Иными словами, данный текст может содержать все имевшие место недостатки устного перевода. Законченная стенограмма проверяется преподавателем на предмет соответствия оригиналу и предлагается автору для внеаудиторного *письменного* самоанализа по определенным параметрам.

В 2019/2020 учебном году проведена первая опытная проверка эффективности данного способа оценивания результатов обучения ($n = 30$ человек). Проведена первичная обработка стенограмм, выявлены наиболее типичные трудности, которые испытывают студенты. Общее мнение участников опытной проверки: данная технология анализа результативности оправдывает себя и может быть использована в целях совершенствования переводческой компетенции студентов, будущих специалистов в сфере лингвистического обеспечения межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика : учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб. : Изд-во «Союз», 2001. 288 с.
2. Витковская Г. В. Эффективность применения инновационных технологий в

процесс обучения переводчиков-синхронистов // Переводческий дискурс : междисциплинарный подход: мат-лы I Всеросс. науч.-практ. конф. (Симферополь, 27–29 апреля 2017 г.) / гл. ред. М. В. Норец. Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2017. С. 53–58.

3. Жмаева Н. С. К вопросу о применении метода «думай вслух» (think aloud) в переводческих исследованиях // Науковий вісник ПНПУ ім. Ушинського. Лінгвіст. науки. 2014. № 19. С. 24–31.

4. Кони́на А. А., Черниговская Т. А. Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов (обзор экспериментальных исследований) // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4 (38). С. 177–203.

5. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: учеб. пособие для студентов филол., лингв. и переводов. ф-тов высших учеб. заведений. М. : Академия, 2004. 432 с.

6. Ми́рам Г. Э., Дайнеко В. В. и др. Тренинговый курс по синхронному переводу. Киев : Арий, 2009. 192 с.

7. Михайловская М. В. Устный перевод: дискурс и глобальный вертикальный контекст // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: мат-лы I Всеросс. науч.-практ. конф. (Симферополь, 27–29 апреля 2017 г.) / гл. ред. М. В. Норец. Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2017. С. 271–276.

8. Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении / пер. с англ. Т. А. Казаковой; под ред. А.В. Ачкасова. СПб. : Изд-во СПУ, 2018. 255 с.

9. Раренко М. Б. Вопросы нормы перевода // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, языкознание: реферативный журнал. 2018. С. 87–99.

10. Фраш С. С., Максютин О. В. Перевод с листа как самостоятельный вид перевода. Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 4 (94). С. 76–81.

11. Шалыгина Н. В. Игреки и центениалы: новая ментальность российской молодежи // Власть. 2017. № 1. С. 164–166.

12. Albl-Mikasa, M. Teaching Globish? The Need for an ELF Pedagogy in Interpreter Training // International Journal of Interpreter Education. 2013. Issue 5(1). Pp. 3–16.

13. Bednarek, A., Pietrzak, P. Interpreting / In: Ways to Translation. Bogucki, Ł., Gózdź-Roszkowski, S. and P. Stalmaszczyk (eds). Łódź-Kraków: Łódź University Press & Jagiellonian University Press. Pp. 305–316.

14. Donovan, C. The Place of the Interpreter and Interpreting in an Institutional Setting // *Clina*. Vol. 3(2). 2017. Pp. 91–113.

15. Tirkkonen-Condit, S. Challenges and Priorities in Process Research, in Tapping and Mapping the Processes of Translation and Interpreting: Outlooks on Empirical Research. Tirkkonen-Condit, S. (ed). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2000. Pp. vii-ix.

16. Gile, D. Teaching Conference Interpreting: a Contribution, in Training for the New Millennium. Tennen, Martha (ed). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2005. Pp. 127–151.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ГОВОРЯЩИХ ИМЕН В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИКИ

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования проблемы передачи говорящих имен в англоязычных переводах произведений русской классики. Материалом для исследования послужили три перевода комедии, выполненные А. Вагаповым, А. Шоу и Мэри Хобсон. В работе в качестве методов передачи имен собственных рассматриваются транскрипция, транслитерация и калькирование. В процессе исследования делается вывод о том, что главной проблемой передачи говорящих имен является неправильно подобранный способ перевода говорящего имени.

Ключевые слова: говорящее имя, транслитерация, транскрипция, калькирование.

В наше время вряд ли можно встретить такого человека, который не брал в руки иностранную литературу. Она всегда вызывает большой интерес у русских читателей, также как иноязычная публика интересуется произведениями русской классики. Однако большая часть англоязычных читателей, как и мы, читает произведения только в единственном переводе, не сравнивая ее с другими. Такая проблема, как перевод говорящих имен собственных в англоязычных переводах произведений русской классики, является одной из самых сложных и распространенных проблем при переводе художественных произведений.

«Говорящее имя – это семантически прозрачное имя, которое создано автором для характеристики объекта номинации, которое подчеркивает, преувеличивает его качества, его предназначение» [6, с. 200].

Виноградов В. С, считает, что говорящее имя – это вид тропа, в некоторой степени, равнозначный метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа. Автор может создавать говорящие имена для различных целей, опираясь в своем словотворчестве на существующие в ономастике традиции и модели [2, с. 160–161].

Таким образом, исходя из вышесказанных определений, можно сказать, что говорящее имя – это вымышленное имя, которое обладает особой смысловой нагрузкой и помогает автору охарактеризовать персонажа произведения с той или иной стороны.

В. А. Никонов дает следующее определение: «Имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ, оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду (или разрушать ее, если имя выбрано вопреки правде)» [5, с. 234].

Основными способами передачи говорящих имен, которыми пользуются переводчики, являются транскрипция, транслитерация, калькирование.

Существуют различные мнения, касающиеся способов перевода, которые следует использовать при переводе говорящих имен. Так, например, в качестве основных способов перевода, А. В. Суперанская предлагает транскрипцию и транслитерацию [7].

В своей работе «Иностранные имена и названия в русском тексте» Р. С. Гиляревский и Б. А. Старостин указывали на неизбежность приближительного характера практической транскрипции в результате различия ряда фонем в разных языках. Исследователи считают, что в большинстве случаев в произведениях отсутствует перевод собственных имен. Иногда иностранные имена собственные, как имена людей, так и названия географических объектов, заимствуются с помощью перевода на русский язык. Это делается в целях сохранения стиля произведения в процессе перевода литературного произведения: Lord Chatterino – Лорд Балаболло, Island of Leap-high – остров Высокопрыгия, John Law – Джон Брех [3].

Для анализа проблемы передачи говорящих имен в англоязычных переводах произведений русской классики была выбрана комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». Материалом послужили три перевода комедии, выполненные А. Вагаповым, А. Шоу и Мэри Хобсон.

Исследование данной комедии позволяет выявить следующие говорящие фамилии: Фамусов, Молчалин, Чацкий, Репетилов, Тугоуховский, Хлестова, Скалозуб, Хрюмина, Загорецкий.

Выбор соответствующего способа перевода является основным критерием для оценки перевода говорящего имени.

Павел Афанасьевич Фамусов постоянно переживает, что скажут люди; мнение людей для него всегда стоит на первом плане, что не скажешь о внутреннем мире этих людей. В своем кругу его фамилия знакома каждому, этого человека слушают и прислушиваются к нему. Именно эта черта отражается в его фамилии, ведь Фамусов происходит от лат. «fama» – молва.

Фамилия Фамусов в переводе А. Вагапова, А. Шоу и М. Хобсон – Fatusov. Во всех трех случаях фамилия переведена транскрипцией, и как можно заметить в переводах отсутствует главный лексический компонент фамилии. Переводчики стремятся передать только звучание русских имен, игнорируя лексическую сторону.

Данную фамилию можно перевести комбинированным способом: Fatousov, используя в качестве основы прилагательное «famous» и добавление конечного буквосочетания фамилии.

Фамилия Молчалин образована от глагола «молчать». В комедии Алексей Молчалин не высказывает свое мнение, а наоборот старается угодить каждому человеку, в котором он видит хоть какую-то выгоду. Именно это черта отражается в фамилии данного персонажа:

«В мои лета не должно сметь свое суждение иметь»; [4, с. 74]

«Мне завещал отец: Во-первых, угождать всем людям без изъятия; Хозяину, где доведется жить, Начальнику, с кем буду я служить» [4, с. 129].

Перевод имени А. Вагаповым, А. Шоу и М. Хобсон имеет форму – Molchalin. Для перевода фамилии переводчики использовали транскрипцию и не смогли передать лексическую значимость фамилии, что, конечно же, является огромным минусом, так как иноязычный читатель не сможет до конца понять этого персонажа.

Фамилия Репетиллов образована от французского глагола «repetet» – повторять. В комедии Репетиллов постоянно повторяет слова и мысли, услышанные в обществе, считая себя заурядным неудачником, который ничего не добился в жизни:

«...Вот люди, есть ли им подобные? Навряд.../ Ну, между ими я, конечно, зауряд...» [4, с. 116].

Фамилия Репетиллов в переводе А. Вагапова, А. Шоу и М. Хобсон – Repetilov. Для перевода фамилии переводчики использовали транскрипцию и не смогли передать лексическую значимость фамилии. Данную фамилию можно перевести как Repeatilov, используя в качестве основы глагол «repeate» и добавление конечного буквосочетания фамилии.

Фамилия Тугоуховский ассоциируется с устойчивым выражением «тугой на ухо», которое означает глуховатый, плохо слышащий. В комедии данный персонаж действительно практически ничего не слышит, с ним невозможно поговорить, потому что он не может произнести ни одной внятной фразы:

«...Он ничего не слышит!...»; [4, с. 100]

«...Что? А? глух, мой отец; достаньте свой рожок. Ох! Глухота большой порок...» [4, с. 100].

Перевод имени А. Вагаповым и А. Шоу имеет форму Tugoukhovsky, М. Хобсон – Tugoukhovski. В первом и во втором вариантах говорящее имя – ассоциация передается транскрипцией, а в третьем – транслитерацией. Данные способы перевода не способны передать нужное лексическое значение фамилии, поэтому в данном случае необходимо использовать калькирование.

Фамилия Скалозуб ассоциируется с фразеологизмом «скалить зубы», которое означает огрызаться, выражать свое возмущение в грубой и резкой форме. В комедии данный персонаж негативно и резко отзывается об инновациях, презирает не только их, но и принижает людей, которые стараются привнести что-то новое в общество. Такое же отношение у него к таким вещам, как любовь и привязанность, аргументируя свое мнение тем, что это бесполезные вещи, на которые не следует тратить попусту время.

В переводах А. Вагапова, А. Шоу и М. Хобсон дается транслитерация – Skalozub, которая не смогла передать значение оригинала и ассоциации, которые возникают у читателя оригинала.

Для перевода данной фамилии можно использовать существительное

«snapper», который имеет тоже значение, что и оригинал, а именно огрызаться, грубо ответить. Таким образом, для перевода используется калькирование, которое точно передает значение оригинала.

Фамилия Загорецкий ассоциируется с таким выражением как «разжечь костер сплетен», что означает распускать про людей слухи. В «Горе от ума» Загорецкий действительно является лгуном, мошенником и главным сплетником в обществе, который постоянно врет и распространяет слухи:

«Загорецкий – шулер и картежник; он ухаживает за дамами, сообщает им разные новости, но с единственной целью при посредстве их найти доступ в общество, где бы ему можно было применить на практике свои шулерские замыслы» [1, с. 35].

Перевод имени А. Вагаповым и А. Шоу имеет форму Zagoretsky, M. Хобсон – Zagoretskii. В первом и во втором вариантах говорящее имя – ассоциация передается транскрипцией, а в третьем – транслитерацией. Данные способы перевода не способны передать нужное лексическое значение фамилии, поэтому в данном случае необходимо использовать калькирование.

Таким образом, проанализировав говорящие имена в комедии Грибоедова «Горе от ума», можно сделать вывод о том, что главной проблемой передачи говорящих имен в англоязычных переводах произведений русской классики является неправильно выбранный способ перевода. Так, переводя такие фамилии, например, как Тухоуховский, Скалозуб и Загорецкий переводчики использовали транскрипцию и транслитерацию, не раскрыв главный лексический компонент говорящих имен и не дав иноязычному читателю ближе познакомиться с персонажами комедии. В данной статье была показана необходимость использования калькирования, которое точно сможет передать значение говорящего имени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бураковский С. З. «Горе от ума» А. С. Грибоедова: Разбор комедии для учащихся / Сост. С. Бураковский. 3-е изд. Новгород : Тип. А.С. Федорова, 1896. С. 35.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Издательство института общего образования РАО, 2001. С. 160–161.
3. Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте: справочник. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва : Высшая школа, 1985. 303 с.
4. Грибоедов А. С. Горе от ума // Полн. собр. соч. в 3 т. Т. 1. СПб., 1995. С. 9–122.
5. Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. С. 234.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. 200 с.
7. Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. М. : Наука, 1978. 284 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕАЛИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу звуковых и графических форм имен собственных в русском, английском, немецком и китайском языках. Целью исследования является выявления идентичных и несовпадающих форм имен собственных в указанных языках в результате перевода. Приводятся определения понятий «реалия» и «прагматический потенциал текста», а также рассматриваются существующие в теории и практике перевода способы передачи имен собственных из одной языковой системы в другие. Особое внимание в работе уделяется роли языка в процессе межкультурной коммуникации и проблеме перевода реалий.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, диалог культур, язык, лингвокультурология, реалия, имя собственное, прием перевода.

В последнее время вопросы, связанные с культурой, становятся особенно актуальными. Мы живем в поликультурном обществе, члены которого постоянно взаимодействуют друг с другом. Следовательно, вопросы взаимопонимания и уважения представителей разных культур являются одними из самых актуальных в условиях глобализации всех сфер жизни человека.

Основным средством общения и обмена информацией является язык. Однако стоит отметить, что очень часто язык одновременно выступает и в роли инструмента решения многих проблем, затрагивающих несколько народов. Многие сферы жизни общества, не связанные с культурой, в современном мире взаимодействуют посредством перевода. Например, большинство экологических проблем практически невозможно решить на уровне одного государства, ведь нарушение общепринятых норм производства загрязняет окружающую среду не только на конкретной территории, а может нанести вред всей планете.

При обсуждении роли перевода в современном мире нельзя обойти стороной и политическую сферу жизни общества. В наши дни постоянно проводятся различные международные саммиты и конференции, в которых принимают участие государственные деятели со всего мира. В этом случае перевод играет особенно важную роль, так как неверная или неточная трактовка каких-либо реалий или выражений может привести к недопониманию, а иногда и к международным конфликтам.

Среди сфер, взаимодействующих через перевод, самой важной для всего человечества, стала медицина. События этого года являются наглядным подтверждением этого суждения. Возникновение COVID-19, нового вида вирусной инфекции, заставило ученых со всего мира объединиться и

исследовать незнакомое заболевание, чтобы создать лекарство и вакцину от него. Поскольку не все врачи и ученые владеют иностранными языками на должном уровне, они вынуждены сотрудничать и общаться друг с другом при помощи переводчиков.

Таким образом, для решения вышеописанных проблем требуется сотрудничество нескольких государств, а, следовательно, и диалог различных культур, в том числе посредством перевода. Как уже было отмечено ранее, в современном обществе перевод выполняет особенно важную роль: с его помощью решаются глобальные проблемы и устанавливаются международные контакты.

О связи языка и культуры говорил и член Национальной академии наук США Э. Сепир: «Язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [3]. **Ошибка! Источник ссылки не найден.**

Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что культура действительно оказывает заметное влияние на язык. Например, общеизвестная пунктуальность немцев отражается в четко установленном порядке слов в предложении на немецком языке, где сказуемое всегда стоит на втором месте. Например, *in diesem Jahr kaufte er ein neues Auto*.

Многие лингвисты считают, что язык является частью культуры и что он не может существовать отдельно от нее. По мнению С. Г. Тер-Минасовой именно переводу принадлежит решающая роль в диалоге культур. Российский лингвист и доктор филологических наук дает этому понятию следующее определение: «Перевод – это связь культур и народов, это трансформация одного мира в другой, преобразование, это “переодевание”, перекодирование, реконструкция и даже телепортация» [4].

Однако иногда даже опытные переводчики испытывают трудности при переводе некоторых выражений. Что объясняется тем, что язык отражает картину мира определенного народа, то есть то, как люди воспринимают окружающую действительность. Разница культур обусловлена историческими различиями, несовпадением условий жизни и развития общественного сознания этих народов. Так, названия одних и тех же предметов и явлений действительности отличаются в разных языках. Например, в США лифт называется *an elevator* (подъемник), в Германии – *der Fahrstuhl* (стул, который едет), а в Китае – 电梯 (электрическая лестница). При этом наряду с ними используется и интернациональное слово *lift*.

Как известно не все слова одного языка имеют аналоги в других языках. Такие слова образуют группу безэквивалентной лексики, в которую входят и реалии. Реалии – это разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история, культура и ее предметы, языковые контакты носителей данного языка с точки зрения их отражения в данном языке [1]. Поскольку люди разных наций постоянно взаимодействуют и обмениваются информацией друг с другом, проблема перевода реалий не теряет своей актуальности. Нередко в

ходе межкультурной коммуникации возникают различного рода ссоры и конфликты, поэтому знание особенностей перевода реалий играет особую роль в процессе взаимодействия представителей совершенно разных культур.

Различие лексических систем языков, лексико-фразеологической сочетаемости и культурных представлений – основные причины трудностей при переводе реалий [5 **Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Например, черный кот в разных культурах воспринимается по-разному: в России он считается предвестником несчастья, в Великобритании – знаком скорого везения, в Шотландии – символом богатства.

Различия в восприятии окружающего мира часто приводят к недопониманию и конфликтам. Следовательно, при переводе необходимо учитывать прагматический потенциал текста – выбор языковых единиц с целью произведения определенного эффекта на собеседника при передаче информации. Если прагматика текста не совпадает с коммуникативным намерением источника, возникает эффект «сказал не то, что хотел» [2]. Например, разговорное выражение *как белый человек* в русском языке используется для обозначения *действия или пребывания в комфортных условиях, без каких-либо трудностей*, но в других языках (англ. *a white man*, нем. *ein weißer Mann*, кит. 白人) оно обозначает людей европейского происхождения и зачастую считается проявлением расизма, что влечет за собой множество негативных последствий. Для того чтобы избежать подобных инцидентов переводчик должен обладать теми же фоновыми знаниями, которыми располагают носители языка, то есть иметь представление об их картине мира.

Однако стоит отметить, что затруднительным является перевод не только устойчивых выражений и коннотативно окрашенной лексики, но и антропонимов и топонимов. Рассмотрим несколько примеров перевода следующих групп имен собственных: названия географических объектов, известных компаний, а также некоторых популярных кинофильмов. Основу проведенного сравнительного анализа составили лексические единицы русского, английского, немецкого и китайского языков.

На первый взгляд перевод имен собственных кажется одним из самых простых, не требующих особых знаний языка переводов. Однако для передачи имен собственных из одного языка в систему другого только владения основными правилами транслитерации недостаточно. Совсем наоборот, правильный перевод безэквивалентной лексики требует знаний культурного фона языка источника, а именно особенностей произношения антропонимов и топонимов, а также их традиционных названий.

Имена собственные наиболее точно отражают культуру народа, говорящего на определенном языке. Стоит отметить, что далеко не все имена собственные могут быть переданы из одного языка в другой путем транслитерации. Среди топонимов наиболее известным примером несоответствия как звуковой, так и графической форм слов в разных языках является *пролив Па-де-Кале*. На англоязычной карте он обозначается как *the Strait of Dover*

(пролив Дувра), на немецкоязычной – *die Straße von Dover* (улица Дувра), на китайском языке он звучит как 多佛爾海峽, что в переводе означает *Дуврский пролив*. Иными словами, названия данного пролива в английском, немецком и китайском языках имеют схожую звуковую форму, но они не имеют ничего общего с русским вариантом *Па-де-Кале*, который пришел в наш язык из французского языка.

Для того чтобы лучше понять проблему передачи имен собственных, рассмотрим еще несколько примеров. Начнем с названий всемирно известных компаний. Например, производитель компьютерной техники и программного обеспечения *Apple Inc.* в большинстве стран сохраняет свою звуковую и графическую формы. Несмотря на то, что в России используется кириллица, а не латиница, на вывесках все равно пишется *Apple*. Но в китайский язык это название передается путем калькирования: в Китае эта компания известна под другим названием – 苹果公司 (яблочная компания).

Что касается передачи китайских названий в другие языки, то они передаются не с помощью калькирования, а переводческой транскрипции – подбора максимально близких по звучанию фонем. Например, 小米 (*Xiaomi*) можно перевести как «*маленький рис*», но при этом компания известна по всему миру как *Xiaomi*. Стоит отметить, что звуковая форма слова остается неизменной, а графическая передается с помощью пининя – системы романизации китайского языка.

Таким образом, можно утверждать, что передача названий фирм с помощью калькирования в основном применяется при их переводе на китайский язык, при этом названия китайских компаний на языках стран Европы сохраняют исходную звуковую форму.

Культура народа проявляется не только в названиях каких-либо компаний или географических объектов. Ярче всего она отражается в названиях фильмов, которые чаще всего подвергаются переводу. Например, известный фильм «*В джазе только девушки*» в разных языках имеет совершенно непохожие друг на друга названия: на немецких постерах мы видим “*Manche mögen’s heiß*”, а в англоязычном прокате фильм вышел под названием “*Some Like It Hot*”. Оба названия переводятся как «*Некоторые любят погорячее*». Но в Китае эта комедия называется “*熱情如火*” («*Страсть словно огонь*»).

Иногда названия кинолент не подлежат переводу. Например, фильм 2019 года о единственном человеке, который помнит песни группы The Beatles, во всех индоевропейских языках называется “*Yesterday*”. Но в Китае на афишах кинотеатров можно увидеть “*昨日奇迹*”, что в переводе означает «*Вчерашнее чудо*».

Чаще всего при переводе названий фильмов применяется метод калькирования – заимствования языковых единиц с помощью буквального перевода. Например, китайский фильм, получивший номинацию на премию «Оскар» «*Озеро диких гусей*» на английском языке называется “*The Wild Goose Lake*”, на немецком – “*Der See der wilden Gänse*”. Однако на языке

оригинала кинолента именуется “南方车站的聚会”, что переводится как «Встреча на южном вокзале».

Таким образом, проведенный анализ перевода некоторых имен собственных английского, немецкого, русского и китайского языков показал, что большинство из них не подвергается переводу. Такие реалии, как названия фильмов изменяются при переносе из одной языковой системы в другую, что объясняется необходимостью прибегать к прагматической адаптации для преодоления межкультурных барьеров. Следовательно, можно выделить основные способы перевода безэквивалентной лексики: калькирование, транскрипция, транслитерация. Также стоит отметить, что наиболее заметным трансформациям подвергаются имена собственные при переводе с китайского языка и на китайский язык. Возможно, это обусловлено его принадлежностью не к индоевропейской языковой семье, а к сино-тибетской.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для интов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1990. 253 с.
3. *Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи: Избр. тр. по языкознанию и культурологии. М., 1993. 447 с.
4. *Тер-Минасова С. Г.* Проблемы перевода: mission impossible? // Вестн. Моск. унта. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 9–18.
5. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.

Радыгина Т. В.

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБЛАСТИ УСТНОГО ОТРАСЛЕВОГО ДИСКУРСА

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация. В статье поднимается проблема формирования переводческой компетенции в области устного отраслевого дискурса на занятиях по переводу в вузе. При отраслевом переводе в структуре общей переводческой компетенции на первый план выходят ее предметно-когнитивная, языковая и речевая составляющие. Ниже приводится методическая последовательность формирования данной компетенции в единстве ее составляющих, включающая в себя последовательное прохождение шести этапов. При успешном прохождении всех этапов подготовки, студенты успешно справляются с отраслевыми текстами, даже если на начальном этапе считали их непреодолимо сложными.

Ключевые слова: профессиональная компетентность переводчика,

переводческие компетенции, когнитивное ориентирование, глоссарий, перевод с листа, универсальная переводческая скоропись.

В настоящее время перевод, как письменный, так и устный, наиболее востребован для обеспечения работы таких отраслей экономики как добывающая промышленность, IT сфера, медицина, военно-промышленный комплекс, а также открытие и запуск производственных предприятий самого различного профиля – от производства пищевых продуктов до автомобилей. При этом очевиден особый спрос на переводчиков, которые демонстрируют высокий уровень осведомленности и понимания, приближенного к профессиональному, той сферы, в рамках которой выполняется перевод. Зачастую необходимо выполнить перевод дискурса, охватывающего описание узкоспециальных областей вышеперечисленных секторов промышленности, без знания которых на около-профессиональном уровне качественный перевод не может быть осуществлен. Причиной этому является то, что в составе общей профессиональной переводческой компетентности недостаточно или не сформированы вовсе предметно-когнитивная, языковая и речевая компетенции в конкретной отраслевой области. Настоящая статья посвящена описанию методического алгоритма формирования данных компетенций в области устного отраслевого дискурса, который успешно применяется на занятиях по устному переводу на старших курсах при подготовке бакалавров по специальности «Перевод и переводоведение».

В структуре общей профессиональной компетентности выделяются общие и собственно переводческие компетенции. Под собственно переводческими, мы, вслед за Бродским М. Ю., понимаем следующие: языковая, речевая, когнитивно-культурная, технологическая, этическая и психологическая [2, с. 85]. Важно отметить, что для развития переводческой компетенции в области устного отраслевого дискурса преподаватель опирается на уже сформированные в общем курсе перевода вышеперечисленные компетенции, при этом целенаправленно занимается совершенствованием когнитивной, языковой и речевой компетенций в определенной отрасли вообще или отраслевом сегменте.

Этот процесс может быть представлен в виде нескольких этапов:

- 1) Когнитивное ориентирование;
- 2) Составление отраслевого глоссария устного переводчика;
- 3) Тренинг предметных речепорождающих умений и навыков на родном и иностранном языках;
- 4) Перевод с листа отраслевых текстов;
- 5) Введение отраслевых знаков универсальной переводческой скорописи (УПС);
- 6) Алгоритм-тренинг перевода текстов устного отраслевого дискурса.

Первый этап данной схемы отражает формирование культурно-когнитивной компетенции, но в данной работе представляется более обоснованным несколько переформулировать данный термин на предметно-когнитивную компетенцию, так как при переводе отраслевого дискурса наряду с об-

щим пониманием, именно знание определенного предмета конкретной области выступает на первый план. Формирование предметно-когнитивной компетенции представляет собой прохождение этапа двуязычного когнитивного ориентирования по определенной узкой тематике. Как правило, переводчику заранее известны тема, примерное содержание, цель переговоров, деловой беседы, презентации, мастер-класса и т. д. и он может подготовиться к предстоящему мероприятию [1, с. 330].

При этом, наиболее успешно когнитивное ориентирование осуществляется после предварительной подготовки-знакомства с отраслевой информацией, предварительной встречи с участниками предстоящего мероприятия – в виде посещения, непосредственного наблюдения работы предприятия, тестирования программного обеспечения и т.п. в зависимости от специфики отрасли, то есть эмпирически. В процессе обучения в университете данное знакомство осуществляется, главным образом, посредством работы с качественными аутентичными текстами на родном и иностранном языках – именно двуязычный канал получения нового знания должен быть задействован. На начальном этапе для общего ориентирования в теме предпочтение отдается текстам на родном языке, затем, когда новое знание встроено в когнитивную картину мира, равноценно используются тексты на разных языках. При подборе таких текстов преподавателю следует обратить внимание на системность и логичность изложения информации – для этого более всего подходят (по степени доступности изложения информации): энциклопедические тексты для детей и подростков, энциклопедические тексты для широкой аудитории, научно-популярные тексты СМИ, научно-учебные тексты из отраслевых учебников на родном и иностранном языках, научные тексты в отраслевых научных журналах. Например, при подготовке к переводу дискуссии на тему Nuclear power: perspectives процесс когнитивного ориентирования должен включать знакомство с текстами, описывающими принцип ядерной реакции, историю развития ядерной энергетики, структуру и принцип работы АЭС, обращение с ядерными отходами, экологические риски работы АЭС.

Следующий этап – составление глоссария устного переводчика – базируется на качественном прохождении первого и позволяет совершенствовать/сформировать языковую компетенцию в рамках изучаемой тематики.

Задача переводческого глоссария устного переводчика – представить определенную тему в виде открытой упорядоченной системы представления специальных знаний, которую составляют речевые единицы на родном и иностранном языках. В отличие от терминологической базы в письменном переводе, глоссарий устного перевода может включать не только специальные термины в рамках узкой темы, но и любые тематико-ориентированные лексические единицы, наиболее частотные для раскрытия данной темы, на уровне словосочетаний особое внимание при этом уделяется фиксации речевой сочетаемости.

При составлении такого глоссария работа со словарем носит подчиненный характер, закрепленные языком значения лишь ориентируют при подборе адекватного переводческого соответствия. В этой связи интересен опыт подготовки к устному переводу Р. Миньяр-Белоручева: «Не знаю, как для других лиц из команды приема Шарля де Голля, но для меня дни, проведенные на космодроме, оказались полезными. Беглое знакомство с ракетами, стартовыми площадками, «космическим сленгом» пополнили мой запас русских терминов, французские эквиваленты которых предстояло найти в Москве в военных французских журналах» [3, с. 6]. Как видим, при подготовке к устному переводу глоссарий по теме составляется, прежде всего, при работе с узусом.

Основные принципы составления глоссария:

1) единицы глоссария – элементы знания по теме, фиксируя которые и включая в определенный блок глоссария, мы учитываем их принадлежность к определенному семантическому полю и/или определенные смысловые связи с остальными элементами глоссария (напр. причина-следствие, противопоставление, соположение, гипероним-гипоним, часть – целое, синонимия, антонимия, ложные друзья переводчика и т.д.); 2) глоссарий – открытая, гибкая, рабочая система, которая может пополняться, не ограничиваясь по времени; 3) глоссарные единицы могут сопровождаться любыми актуальными для его составителя комментариями (фонетический, грамматический, лексический, переводческий, поясняющего характера, пример употребления, и т. д.); 4) все единицы сопровождаются верифицированным для данной темы переводом, при этом приоритет имеют узуальные варианты над языковыми.

Третий этап формирования переводческой компетенции в области устного отраслевого дискурса является логическим продолжением предыдущего и призван запустить процессы речепорождения на родном и иностранном языках в рамках узкой специфики тематики, что является одним из способов формирования речевой компетенции переводчика. Студентам дается задание самостоятельно сформировать высказывания средней протяженности поочередно на обоих языках, включая в них по возможности все единицы определенного раздела. Например, в разделе глоссария Nuclear reaction – 7-10 глоссарных единиц. Задача студента – составить научно и логически верное высказывание по данной подтеме, используя глоссарные единицы родного, затем иностранного языка, или наоборот. В смысловом плане эти высказывания могут пересекаться, но не быть эквивалентными, о переводе речь пока не идет. Это крайне эффективное упражнение, которое формализует на языковом уровне знание, полученное на этапах когнитивного ориентирования и составления глоссария и предполагает самостоятельное порождение высказываний, закрепляя таким образом не только новые структуры знания, но и их языковые коды.

Следующий этап – перевод с листа отраслевых текстов – здесь проис-

ходит переход от сформированных предметных языковой и речевой компетенций к собственно переводческим. Перевод с листа оказывается особенно эффективным для достижения конечной цели, так как соответствует общедидактическому принципу доступности и посильности: новый вид интеллектуально-коммуникативной деятельности – перевод – осуществляется при наличии визуальной опоры в виде вербального кода и представляет собой текст узко-профессионального характера. Таким образом осуществляется постепенный переход от рецептивного восприятия знания к активной репродукции в виде коммуникативного умения и, наконец, переводческой деятельности.

Этапы введения отраслевых знаков универсальной переводческой скорописи (УПС) и алгоритм-тренинг текстов отраслевого перевода устного дискурса акцентируют технологический аспект формирования переводческой компетенции в области устного отраслевого перевода, к которому, помимо прочих, относятся владение переводческой скорописью и владение техникой перевода [2, с. 85].

При введении отраслевых знаков УПС, которые будут использованы при переводе, необходимо актуализировать уже знакомые и ввести новые, специфичные для определенной темы. Так, в рамках рассматриваемой нами темы Nuclear power: perspectives – актуализируем следующие аббревиации и символы: NP (nuclear power), nr (nuclear reaction), CO₂, Pu (Plutonium), U (Uranium), N. – (nuclear – в любых сочетаниях в роли определения), E (energy), АЭС, ff – fossil fuels и т. д. Такая тематико-ориентированная предварительная работа со знаками УПС снимает необходимость предпринимать дополнительное интеллектуальное усилие уже во время перевода и повышает скорость и качество перевода.

Заключительным этапом формирования переводческой компетенции в области устного отраслевого дискурса является алгоритм-тренинг перевода текстов отраслевого устного дискурса. Он представляет собой устный последовательный перевод в аудитории устных презентаций (на начальном этапе – подготовленный), тексты которых подобраны по следующему принципу: 1) тексты, простые по форме и содержанию; 2) тексты, простые по форме, сложные по содержанию; 3) тексты, сложные по форме и простые по содержанию; 4) тексты, сложные по форме и содержанию. Этот принцип нарастающей сложности позволяет в конечном итоге прийти к адекватному переводу сложных узко-специальных отраслевых текстов устного дискурса. Вначале для перевода подбираются тексты на иностранном языке, затем – на родном для подготовки к двустороннему переводу.

При проработке нескольких тем по вышеуказанному алгоритму, студенты затем успешно переносят его в свою профессиональную деятельность – следование ему помогает подготовиться и успешно осуществлять переводческую деятельность в любой отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение. М. : Академия, 2004. 352 с.
2. *Бродский М. Ю.* Устный перевод. М. : Юрайт, 2019. 161 с.
3. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Как стать переводчиком? М. : Готика, 1999. 176 с.

Смирнова М. Н., Снигирева Д. А.

ПРОБЛЕМА КОМПЬЮТЕРНОГО ПЕРЕВОДА: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

*Глазовский государственный педагогический институт
им. В.Г. Короленко, г. Глазов, Российская Федерация*

Аннотация. В статье поднимается проблема использования компьютерных переводчиков при работе с иноязычными текстами. Автор обосновывает важность умений адекватного перевода и рассматривает достоинства и недостатки современных компьютерных переводчиков. В частности, он акцентирует внимание на преимуществах использования компьютерного переводчика, подчеркивая высокую скорость перевода, экономичность, защиту и безопасность информации, универсальность перевода. Но, тем не менее, автор считает, что, несмотря на несомненное удобство использования машинного перевода, компьютерные словари и переводческие программы не могут заменить человека в области перевода литературы любого жанра, однако вполне способны помочь обычным пользователям понять основное содержание текста на иностранном языке.

Ключевые слова: компьютерный перевод, достоинства и недостатки, стилистические ошибки.

Среди множества проблем, которые изучаются в лингвистике, важную роль играет изучение лингвистических аспектов межъязыковой речевой деятельности, известной как перевод. Перевод с самого начала считался одной из самых сложных форм человеческой деятельности. И хотя лингвисты в основном говорят о переводах «с одного языка на другой», на самом деле не все так в действительности. Ведь в нем сталкиваются разные эпохи, а также разные культуры и традиции [3, с. 11].

Переведенные тексты различаются как по содержанию, так и по языку и способу перевода. А это приводит к созданию разных типов переводов, каждый из которых имеет свои особенности.

Жизнь не стоит на месте. Постоянно создается что-то новое, необходимое человеку. В этих условиях возникла необходимость разработки специальных программ, а именно: компьютерных переводчиков. В наше время внимание ученых привлекает именно компьютерный перевод [5, с. 96].

При компьютерном переводе тексты переводятся с одного языка на

другой с помощью специальной компьютерной программы. Системы машинного перевода перестали быть чем-то необычным. Люди научились умело использовать их в своей жизни. Программы автоматического перевода очень помогают людям в различных областях знаний.

Самой распространенной программой компьютерного перевода является система PROMT. Данная система является набором профессиональных инструментов, позволяющих переводить с основных европейских языков на русский и наоборот. Эта система обеспечивает точный и последовательный перевод в соответствии со всеми стандартами. Она может переводить отдельные слова, фразы и весь текст.

Многие люди обращаются к системам компьютерного перевода каждый день, не задумываясь об их преимуществах и недостатках. И эта проблема действительно существует.

Рассмотрим достоинства и недостатки электронных переводчиков.

Преимущества:

- *Быстрый доступ и высокая скорость.* Программа-переводчик всегда под рукой. Процесс перевода занимает всего несколько секунд, и мы получаем готовый перевод.

- *Информационная безопасность.* Программа-переводчик гарантирует безопасность информации. Полная конфиденциальность.

- *Экономичность.* Система компьютерного перевода не требует оплаты. Например, если бы мы обратились к профессиональному переводчику, нам пришлось бы заплатить за эту услугу. Здесь вам нужно только подключение к интернету.

- *Гибкость и универсальность.* Возможность настройки либо под конкретную предметную область, либо под конкретную книгу или текст. Система компьютерного перевода также универсальна. Вам просто нужно правильно подобрать словарь по определенной теме. Возможность создавать несколько вариантов перевода.

А к недостаткам электронного перевода можно отнести следующее:

- переводчики хорошо переводят простые части речи, но они не всегда могут справиться с переводом падежей и фраз;

- переводчики словарей не придерживаются правил грамматики, стиля и лексики, не принимают во внимание игру слов и художественные приемы;

- чаще всего переводчики текста выбирают одно из значений многозначного слова, которое может не соответствовать контексту;

- электронные словари часто предлагают несколько вариантов перевода слова на другой язык без объяснения различий конкретных лексических эквивалентов, что затрудняет выбор правильного соответствия в конкретном контексте;

- после компьютерного переводчика обычно нужно поправить текст: подобрать синонимы к словам, изменить предложения, то есть, вы тратите больше времени, чем переводили бы сами;

- если слово отсутствует в словарной базе, оно не будет переведено [2, с. 27].

Рассмотрим подробнее ошибки перевода на примере английского языка.

Например, английская фраза *“This is my book”* дословно переводится как «Это есть моя книга», и формально это будет правильно, но по-русски так не говорят. Подобный стиль языка скорее присущ иностранцу. Конечно, данный пример самый элементарный, и возможно большинство электронных переводчиков переведут это предложение правильно, исключив слово *“is”*. Также можно заранее заложить в программу функцию игнорирования данной формы глагола *“to be”*.

Обратимся еще к одной фразе – *“You see”* («Ты видишь»). Конечно, первое значение глагола *“see”* – «видеть», но в нашем контексте следует эту фразу перевести по-другому – «Понимаешь, видишь ли». Сюда же можно отнести случай с конструкцией *“had to ask”*, который в буквальном переводе звучит как «должен был попросить», но здесь следовало бы использовать «пришлось попросить», «вынужден был попросить».

Кроме того, встречаются ошибки и при переводе атрибутивных словосочетаний. Например, *“chocolate makers”* следует переводить не прилагательным и существительным (шоколадные производители), а существительным и существительным (производители шоколада) или причастным оборотом (фабрики, производящие шоколад).

Достаточно сложно переводить и глаголы с инфинитивами. Например, некоторые компьютерные переводчики, словосочетание *“begun to grow jealous”* переводят как «начали расти ревновать», а *“took jobs”* – «взяли работу», в то время как правильный вариант будет такой: «начали завидовать» и «устроились на работу».

Кроме того, недостаток компьютерных переводчиков еще и в том, что часто они переводят отдельные слова из фразы, не учитывая всего ее контекста. Приведем примеры перевода с русского языка на английский язык.

– Эти упражнения трудные? (– *Are these exercises difficult?*)

– Нет, легкие. (– *No, the lungs*).

Мы видим, что слово «легкие» (*“easy”*) он перевел как *“lungs”* (легкие как орган человеческого тела). И таких примеров много.

Следует остановиться еще на одной проблеме, это - перевод географических названий/реалий. По правилам перевода названия нужно просто транслитеровать. То есть улица Радужная должна звучать как Raduzhnaya, а не как Rainbow. Нижний Новгород – Nizhny Novgorod, а не Lower Novgorod.

Не следует использовать электронных переводчиков и для перевода высказываний, песен или стихов. Системы компьютерного перевода не предназначены для этого.

Такая же проблема возникает и при переводе устойчивых сочетаний

слов (идиом), которые довольно сложно перевести с одного языка на другой. Идиомы или единицы, связанные с фразами, представляют собой устойчивые словосочетания, которые имеют свое собственное уникальное значение. Но некоторые компьютерные переводчики не понимают особенности данных лексических единиц и буквально/дословно переводят эти фразы. И в результате получается абсолютно неправильный перевод. Например:

- “*Ladybird*” – «Птица женского пола» (правильно: «Божья коровка»); «Возлюбленная» (поэтическое).
- “*Watch out!*” – «Посмотри снаружи!» (правильно: «Берегись!»)
- “*I fell in love*”. – «Я упал в любовь» (правильно: «Я влюбился»).

Особенность перевода идиом и единиц выражения заключается во взаимосвязи между структурным и семантическим разнообразием оригинала и законами соответствующего перевода. Следовательно, компьютерный переводчик не всегда может с этим справиться. Переводчик должен сначала понять, что это идиоматическое выражение, а затем правильно перевести его на русский язык [1, с. 6].

Например, выражение “*to have a finger in the pie*” может иметь три перевода:

- «засунуть палец в пирог» (буквальный перевод);
- «помогать или назойливо вмешиваться в любое дело» (образно-метафорический перевод);
- «принимать участие в каком-либо деле; приложить руку к чему-либо; быть в чем-либо замешанным» (вариант адекватного перевода).

Словосочетание “*three sheets in the wind*” также можно перевести тремя способами:

- «три паруса на ветру» (буквальный перевод);
 - «очень пьян» (образно-метафорический перевод);
 - «вдребезги пьян, море по колено» (вариант адекватного перевода)
- [4, с. 99].

Как показывает практический опыт перевода при использовании языка важно учитывать такие факторы, как правила языкового поведения, связанные с неписаными законами ситуативного использования единиц языка в каждом обществе и различия в национальном мировоззрении и менталитете людей. И не каждый компьютерный переводчик может с этим справиться. И вот в этом его главный недостаток.

Предложения в языках одной и той же группы часто имеют одинаковую структуру, например, в языках романо-германской группы. Поэтому, если вы сделаете перевод текста с английского языка на французский или немецкий языки с помощью компьютерного переводчика, вы получите вполне адекватный перевод. Тем не менее, вы все равно должны проверять текст на предмет правильного согласования падежей. Но если язык исходного текста и язык перевода принадлежат к разным языковым группам, при

переводе текста могут возникнуть серьезные языковые трудности (например, при переводе с японского языка на английский). Проблема в том, что в этих языках разная структура предложений: в английском языке используется прямой порядок слов – подлежащее-сказуемое-определение, а в японском – наоборот.

Как показывает практика, компьютерный переводчик в основном правильно переводит только простые части языка, но допускает ошибки при переводе падежей, прилагательных, речевых оборотов и конструкций предложений. Система компьютерного перевода – это инструмент, который может решить проблему перевода только при правильном использовании.

В заключение хотелось бы сказать, что от компьютерного перевода не следует ожидать большего, чем он в принципе может дать. Однако такой перевод обязательно поможет в ситуациях, когда нехватка времени важнее стилистической точности. Даже перевод такого низкого качества лучше, чем его отсутствие. Возможно, рано или поздно компьютерные переводчики достигнут уровня, на котором только настоящий профессионал сможет улучшить и исправить свой перевод. Но об этом пока рано говорить: грубые ошибки видны невооруженным глазом. Компьютер очень быстро освоил формальную часть перевода, но не может выполнить творческое задание до конца.

Таким образом, современные компьютерные словари и программы перевода не могут заменить человека в области перевода литературы определенного жанра, но они способны значительно облегчить работу переводчика и помочь нам, обычным пользователям, понять основное содержание текста на иностранном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антоникова Л. Е.* Специфика перевода идиоматики как отражение языкового взаимодействия. Проблемы межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве : Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Тобольск : ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2003. С. 5–6.
2. *Деева Л. Р.* Особенности машинного перевода // Наука в исследованиях молодых: мат-лы VI Научного форума студентов, магистрантов, аспирантов (Новосибирск, ноября 2014 г.). Новосибирск : ООО «ЦСРНИ», 2014. С. 19–27.
3. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. Курс лекций. М. : ЭТС, 1999. 191 с.
4. *Кунин А. В.* Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1984. 944 с.
5. *Сдобников В. В., Петрова О. В.* Теория перевода. М. : АСТ Восток-Запад, 2006. 425 с.

ОСОБЕННОСТИ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ПОЛИТКОРРЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Данная работа посвящена изучению особенностей и способов перевода политкорректной лексики на русский язык. Политкорректность – это практика введения языковой политики, призванной внести изменения в лексическую систему языка, чтобы повлиять на сознание его носителей. В ходе анализа были выявлены продуктивные способы перевода политкорректной лексики. Мы проанализировали потенциальные трудности, с которыми сталкиваются профессионалы в процессе перевода. Материалы статьи могут быть полезны в практике лингвистам, переводчикам, филологам, социолингвистам, социологам, студентам.

Ключевые слова: перевод, социолингвистика, язык, перевод, политкорректность, эвфемизмы, раса, субъект деятельности, студент.

Одной из центральных проблем социолингвистики является проблема взаимоотношений языка и общества. С точки зрения социолингвистики политкорректность – это практика введения языковой политики, призванная внести изменения в лексическую систему языка, чтобы повлиять на сознание его носителей. С. Г. Терминасова считает, что «политкорректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые оскорбляют чувства и достоинство человека, нарушают его права человека с помощью привычной языковой бестактности и / или прямолинейности. с учетом расы и пола, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешности и т.д.» [6]. Современные общества – это мультикультурные, полиэтнические и полиязыковые образования, где важно думать о том, что и как говорить, чтобы избежать различного рода конфликтов. Таким образом, значение политической корректности явления, несомненно, велико в современном поликультурном пространстве [1; 2]. По сравнению с США и другими западными странами, в России исторически сложилось несколько иное языковое поведение, иногда более агрессивное и резкое. Несоблюдение критериев политкорректности не подорвет репутацию спикера и не разрушит его карьеру, как это могло произойти в США. В русском языке термин «политкорректность» имеет несколько расплывчатую смысловую нагрузку [5]. Политически корректное выражение означает нечто сдержанное, вежливое и безличное. Феномен политкорректности в России определенно существует, но он не превратился в идеологию в отличие от США.

Для определения значений единиц политкорректной лексики в исследовании использовался анализ современного английского словаря (Urban

Dictionary: <http://www.urbandictionary.com/>) [11]. Методом случайной выборки были выявлены статьи публицистического характера, послужившие материалом для анализа. Мы перевели с английского на русский четыре статьи, содержащие политкорректную лексику. Путем сравнения мы определили наиболее часто используемые английские эвфемизмы, относящиеся к человеческой расе, а также определили варианты их перевода на русский язык. Экспериментальная работа проводилась на веб-сайте новостной медиа-компании BuzzFeed и на антирасистских веб-сайтах. Мы проанализировали статьи публицистического характера, опубликованные в этих источниках, а также их перевод на русский язык. На основе этого анализа мы выделили особенности политкорректной лексики, относящейся к человеческой расе, в английском языке, ее отличия от этой лексики в русском языке, а, следовательно, особенности ее перевода на русский язык.

В исследовании используется метод сравнения политкорректных языковых единиц в английском и русском языках. Как было сказано выше, разное понимание феномена политкорректности сложилось в США и в России. Это явление по-своему проявляется в разных странах и у разных заинтересованных сторон [3]. Поэтому при переводе такой лексики необходимо учитывать культурные особенности и преобладающие языковые традиции; Практическая часть нашего исследования посвящена анализу таких случаев несоответствия версии дословного перевода наиболее подходящему варианту в каждом отдельном контексте [4].

На этом этапе были выявлены причины различий в слоях политкорректной лексики двух языков, а также причины выбора при переводе некоего эквивалента английского эвфемизма в русском языке. Существует ощутимая разница между политкорректной лексикой английского и русского языков. Обе страны известны своим этническим разнообразием, но народы, населяющие каждую страну, разные; языковые средства, используемые по отношению к ним, также различаются. Таким образом, одной из самых острых проблем в США является расизм по отношению к темнокожим людям, и активисты, защитники прав, помимо устранения нарушений прав и дискриминации на юридическом уровне, выступают за исчезновение «расистских» слов и выражений из выступлений [6]. Если сравнивать с количеством представителей национальных меньшинств в России, количество чернокожих здесь очень невелико, и проблема расизма по отношению к ним не является одной из самых важных в российском обществе. Следовательно, при переводе политически корректной, «нерасистской» лексики с английского на русский нельзя просто заменить одно выражение средствами другого языка: в русском языке может не быть установленной фразы для определенного термина или эвфемизма. Мы выделили следующие стратегии, которые используют переводчики при переводе политкорректной лексики. Один из продуктивных способов перевода – транскрипция или транслитерация [8]. На самом деле название дискриминации переводилось так: «расизм» (англ.

«Расизм»). Следующие понятия могут быть переведены методом заимствованного перевода или дословного перевода, имея в виду непосредственно расизм и антирасистское движение, а также разновидности расизма: «абстрактный либерализм» («абстрактный либерализм»), «культурный расизм» («культурный расизм»), «натурализация расизма» («натурализация расизма») [8]. Заимствованный перевод способствует пополнению лексического запаса русского языка, а также максимально полной передаче стилистической и коннотативной составляющих политкорректных выражений. Однако следует помнить, что основная задача при передаче политкорректных языковых единиц средствами другого языка – заменить их вежливым выражением [10]. Отсюда следует, что следует избегать прямого перевода политкорректной лексики. При переводе названий некоторых концепций движения следует использовать метод описательного перевода, если заимствованный перевод в этом случае невозможен. Итак, феномен «белой вины» дословно переводится как «белая вина», однако такой перевод противоречив. В этом случае на помощь приходит метод описательного перевода или ввода: вариант «вина белого человека (человека белой расы)» дает русскоязычному человеку большее понимание этого понятия. Термин «дальтонический расизм» дословно можно перевести как «дальтонический расизм» («дальтонический расизм»).

Термин «дальтонический расизм» можно буквально перевести как «дальтонический расизм» («дальтонический расизм»), но «расовый дальтонизм» («расовая дальтонизм») считается устоявшимся и, как следствие, более распространенный вариант [11]. При переводе таких понятий следует обращаться к словарю: прежде чем применять заимствованный перевод, нужно спросить, существует ли общепринятый вариант перевода данной языковой единицы [10]. Также есть определенные трудности при переводе слов, которые напрямую называют представителей дискриминируемой расы. При переводе эвфемизма «N-слово» следует использовать метод ввода: «слово на букву N» («N-слово»). Фраза «афроамериканец» переводится заимствованным переводом: «афроамериканка / афроамериканец» («афроамериканец»). Однако этот термин не применим к представителям всего черного сообщества, потому что чернокожие люди, живущие, например, в Европе, не американцы. Поэтому в английском языке появились другие слова и выражения для их обозначения: «черные» и «цветные люди» [7]. Все не так просто, как кажется на первый взгляд с первого слова. В русском языке слово «черный», обращенное к представителю кавказской национальности, является оскорбительным, и поэтому его использование по отношению к человеку противоречит принципу политкорректности. Более частые и политкорректные варианты – «темнокожие» («темнокожие») или «чернокожие» («темнокожие»). Кроме того, слово «негр», которое является табу в английском языке из-за его созвучия с «N-словом», не подвергается стигматизации в русском языке и является вполне приемлемой альтернативой предложенным выше вариантам, хотя и не используется с такой частотой в

СМИ, в публичных выступлениях и т.д. (где необходимо соблюдение правил политкорректности) по понятным причинам. Дословно словосочетание «цветные люди», относящееся к людям небелой расы, переводится как «люди цвета» («цветные люди»), что трансформируется в более гармоничное «цветные люди» («цветные люди»). посредством грамматической замены. Из-за наличия разных грамматических категорий между двумя языками, таких как статьи, фиксированный порядок слов в английском и падежах в русском, а также из-за особенностей словообразования, переводчик может столкнуться с определенными трудностями на грамматическом уровне.

Таким образом, когда производится грамматическая замена, единица языка оригинала заменяется единицей языка перевода с другим грамматическим значением. Например, замена одного числа множественным числом или замена существительного прилагательным, как в примере с эвфемизмом «цветные люди». Следует отметить, что это выражение еще не нашло устойчивого эквивалента в русском языке, и поэтому разные переводчики могут переводить его по-разному в разных источниках. Альтернативой варианту, полученному путем грамматической замены, является вариант, переведенный так называемым методом антонимного перевода, то есть способ, которым заменяется понятие с соответствующей перестройкой всего высказывания для сохранения неизменного смысла содержания, а именно, «не белое население» («небелое») [5]. Выбор того или иного варианта перевода (и, возможно, собственного изобретения) зависит от характера переводимого текста, контекста, благозвучия и личных предпочтений переводчика.

Проблема затрагивает все сферы жизни человека, и этот аспект социолингвистики важен для общения представителей одной культуры при взаимодействии разных культур, поскольку эти особенности отражаются в повседневной жизни. Развитие общества, научно-технический прогресс открывают новые возможности для межкультурного общения, где взаимопонимание, уважение, толерантность являются неотъемлемой частью взаимного диалога. Политически корректная лексика представляет трудности для переводчика, так как есть некоторые особенности ее перевода. Изучение данной проблемы вызвало необходимость обратиться к различным статьям [1-4], Интернет-источникам [5; 6], трудам российских ученых, посвятивших свои работы проблеме политкорректной лексики и политкорректности в целом, учитываемых как для специалистов, так и для широкой аудитории [8-10].

Таким образом, мы рассмотрели различные методы, используемые для перевода политкорректной лексики, а также терминов, относящихся к расизму и антирасистскому движению, с английского на русский язык. Итак, наиболее продуктивными методами являются заимствованный перевод, транслитерация или транскрипция, метод ввода, грамматическая замена, антонимический перевод и другие. Было обнаружено, что выбор того или иного метода перевода обусловлен благозвучием этой версии перевода,

целями, которые преследует переводчик или говорящий, наличием или отсутствием установленной версии перевода этой языковой единицы, наличием или отсутствием коннотации эквивалента этого выражения на целевом языке. Если две или более версии перевода эквивалентны, они выбираются в соответствии с личными предпочтениями переводчика, а также с учетом других факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Англо-русский большой универсальный переводческий словарь* [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://big_en_ru.academic.ru/93357/zero-tolerance_policy (дата обращения: 18.10.2020).

2. *Англо-русский электронный словарь ABBYY Lingvo*. [Электронный ресурс]. \Режим доступа : <http://www.lingvo-online.ru> (дата обращения: 18.10.2020).

3. *Англо-русский электронный словарь Multitran* [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.multitran.ru> (дата обращения: 18.10.2020).

4. *Горошко Е. И.* Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения 18.10.2020).

5. *Иванова О. Ф.* Эвфемистическая лексика английского языка: как прозвучать красиво, вежливо и убедительно и при этом не солгать. М. : МАКС Пресс, 2006. 156 с.

6. *Кирилина А. В.* Гендерные аспекты массовой коммуникации [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.owl.ru/win/books/articles/kirilina.htm> (дата обращения 18.10.2020).

7. *Киселёва Т. В.* Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира: тезисы Междунар. науч. конф., посвящённой 200-летию университета, 7–10 октября 1997. Кн. 1. Казань : Изд-во Каз. ун-та, 1997. С. 115–117.

8. *Маринина Е. В.* О некоторых тенденциях языковой политики США и Великобритании. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/2-2012-marinina.pdf> (дата обращения: 18.10.2020).

Хабибуллина О. А.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
г. Стерлитамак, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом, являющихся средством интерпретации менталитета народа. Изучаются переводческие технологии для передачи пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом с английского языка на русский. Выявлены наиболее часто употребительные способы перевода паремий с зоонимическим компонентом. Подсчитаны методы перевода для паремий, содержащих наименования зоонимов с наиболее высокой фразеологической

активностью. Определены антропоморфные характеристики основных зоонимов в английских и русских паремиях.

Ключевые слова: зооним, пословицы и поговорки, паремия, фразеологизмы, способы перевода.

Для исследования нами были отобраны 115 английских пословиц и поговорок с компонентом – зоонимом для определения наилучшего способа перевода с сохранением их экспрессивности, грамматического и синтаксического строя, рифмы и т.п.

Для определения способа перевода паремий были взяты за основу 2 метода перевода по С. И. Влахову – фразеологический и нефразеологический, и соответственно классификация, поддерживаемая учёными В. Н. Виноголадовым, Л. Ф. Дмитриевой, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирновой:

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА (115 фразеологизмов = 100%)	
Фразеологический (111 паремии = 97%)	Нефразеологический (4 паремии = 3%)
Эквивалент (49 паремий=44%*, 42,6%***)	Калька (3 паремии = 75%**, 2,6%***)
Аналог (62 паремии=56%*, 53,9%***)	Экспликация (описательный) (1 паремия = 25%**, 0,9%***)

*от числа паремий, переведенных фразеологическим способом

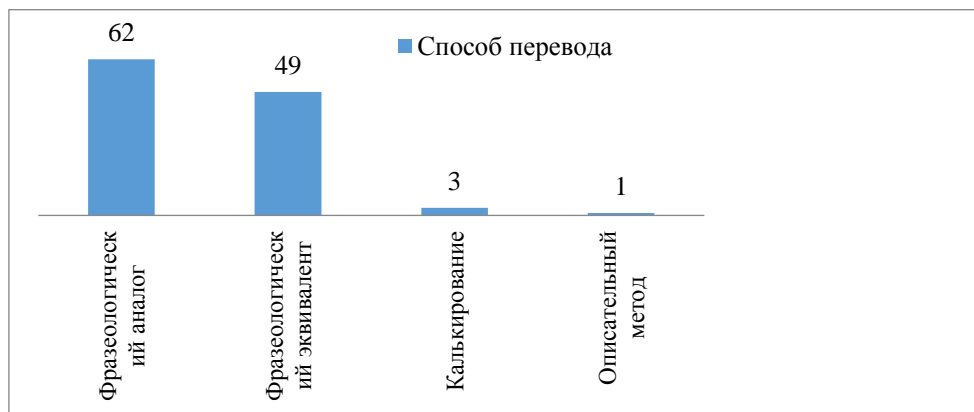
** от числа паремий, переведенных нефразеологическим способом

*** от общего числа

Фразеологический метод перевода (97 %, 111 пословиц и поговорок) доминирует над нефразеологическим (3 %, 4 пословицы), что является показателем богатого фонда паремий в обоих языках и обусловлено некоторым сходством в образе жизни и социально-экономических условиях народов, не исключая их особенностей.

Рисунок 1 показывает количественное распределение способов перевода, где превалирующее большинство принадлежит использованию фразеологического аналога, или частичного эквивалента, где один образ заменялся на другой – 62 паремии, ~54 %.

Рис. 1. Количественное распределение методов перевода отобранных паремий

Wolves may lose their teeth, but they never lose their nature – Змея, меняя шкуру, не меняет натуру. И в английском, в русском варианте пословицы зоонимы «волк», «змея» используется в качестве номинатора смысла: «Человек, дурные привычки которого неизменны». Пословица, не содержащая в себе наименования животного – *Горбатого могила исправит*.

A bull in a china shop – Слон в посудной лавке. Компоненты-зоонимы «bull» и «слон» используются для описания человека неуклюжего, неловкого, а также того, кто ненароком задевает чувства других людей. Выбор именно этих животных связан, возможно, с их размером тела. Примечателен тот факт, что «слон» используется и в переводе на другие языки: *comme un éléphant dans un magasin de porcelaine* (фр.), *como un elefante en una cacharrería* (исп.), *en elefant I en glasbutik* (дат.), в то время как «bull» (бык) – только в английском.

Do not buy a pig in a poke – Кота в мешке не покупают. Не стоит покупать что-либо, не зная, что находится внутри или не зная о достоинствах или недостатках покупки. Первое письменное упоминание данного выражения в английском появилось в 1546 году в цикле стихов Джона Хэйвуда «Centuries of Proverb». Появление пословицы связывают с древней практикой торговцев класть в мешок кота вместо дорогого лакомства – молодого поросёнка.

A black hen always lays a white egg – От чёрной коровки, да белое молочко. Человек может иметь непривлекательный внешний вид, но очень хорошо работать. Оба животного приносят пользу, в первом случае – яйца, во втором – молоко. И в английском, и в русском варианте пословицы представлено противопоставление по цвету: чёрный (плохой) – белый (хороший).

Better lose the saddle than the horse – Лучше лишиться яйца, чем курицы. Лучше остановиться и принять небольшую потерю, а не продолжать, рискуя потерять всё. В этих пословицах наблюдается взаимосвязь малого (менее ценного) и большего (представляющего большую ценность): horse-saddle, яйцо-курица.

При наличии в пословице или поговорке зоонима, наименования животного, обитающего только на определенной территории, поиск аналога является предпочтительным вариантом перевода, более того существующие различия в менталитете приводит к появлению разных образов, составляющих пословиц и поговорок. Также это обусловлено тем, что русский язык является флективным, а английский – аналитическим языком, что ведёт к различиям в грамматической организации паремий.

Метод фразеологического эквивалента также использован достаточно часто – 49 паремий, ~ 43 % от общего количества, что указывает на богатый паремиологический состав как русского, так и английского языков: *An old fox is not easily snared* – Старую лису нелегко поймать в ловушку; *An old dog barks not in vain* – Старый пес без причины не лает. Эти пословицы равноценны: они имеют одинаковую грамматическую структуру, наблюдается полная образная и стилевая характеристика. Данные пословицы можно считать интернациональными, они функционируют и в других языках, например: скрывающий дурные намерения (волк) под маской добродетели (овца): *A wolf in sheep`s clothing* (англ.) – Волк в овечьей шкуре (рус.); *Wolf im Schafspelz* (нем.), *un loup déguisé en mouton* (фр.), *un lobo disfrazado de cordero*(исп.). В этих пословицах наблюдается отсылка к религиозному источнику (Библии): «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Матф. 7:15).

Метод калькирования (3 паремии, ~ 3 % от общего количества) и описательный метод (1 паремия, ~ 0,9 % от общего количества) используется не так часто среди отобранных пословиц и поговорок, что обуславливается отсутствием контекста использования паремий: *As busy as bee* – Трудолюбивый, как пчела; *A dog wants doggy discipline* – Собаке собачья дисциплина; *A bird never flew on one wing* – Птица на одном крыле не летает. *A stone cold fox* – привлекательный человек.

Сравнивая образы, полученные в результате осуществления процесса перевода, нами были выделены следующие зоонимы и антропоморфные характеристики, олицетворяемые ими.

Таблица 1. Антропоморфные характеристики зоонимов в английских и русских паремиях

Зооним английской пословицы	Зооним русской пословицы	Характеристика человека
Bull (бык)	слон	Неловкость, бестактность
Sheep (овца), cackling hen (кудахтающая курица)	лошадь	Леность
Птица, лиса	воробей	Опытность, мастерство
Fish (рыба), Owl(сова)	Сивый мерин	Глупость, тупость
cricket	жавороночек	Веселый нрав
Snake (змея), Dog (собака), wolf	Змея, собака	Опасность, коварство

(волк)		
Cat (кошка)	-	Любопытство
Fox (лиса)	Лебедь (Лебёдушка)	красота
Rats (крысы)	Крысы	Предательство, подлость
Ass (ишак)	Собака	Пренебрежение
Fox (лиса)	Лиса	Хитрость
Lion (лев)	Лев	Сила
Hare (заяц)	Собака	Трусость, слабость
A willing horse	-	Наивность, глупость

Таблица 1 показывает, что некоторые образы совпадают, метод перевода соответственно – фразеологический эквивалент: Rat – крыса для описание такой черты, как подлость, склонность к предательству: *Rats abandon a sinking ship – Крысы бегут с тонущего корабля*, Fox – лиса, применительно к человеку хитрому, изворотливому: *An old fox is not easily snared – Старую лису нелегко поймать в ловушку*.

Остальные зоонимы в таблице представлены аналогичным русскоязычным вариантом: так, интересным с точки зрения перевода оказывается выражение *A stone cold fox* – красивый, грациозный, привлекательный человек. В русском языке данная характеристика представлена лексемой *лебёдушка, лебедь* (преимущественно белая – стоит вспомнить русские сказки, где царевны превращались в лебедей), однако данный образ используется по отношению к женскому полу. Категория мужской красоты уступает по своей ценности женской, и выражается, в основном, наличием статности, силы, ума, умением говорить, либо в пословицах показана отрицательная портретная характеристика мужского пола. Поэтому в этом случае использование описательного метода предстает как один из предпочтительных.

Среди выделенных категорий нами были подсчитаны методы перевода для паремий, содержащих наименования зоонимов с наиболее высокой фразеологической активностью.

Исходя из подсчетов, можно утверждать, что зоонимы, имеющие наибольшую степень активности, переведены в большинстве случаев фразеологическими способами перевода, а именно фразеологическим эквивалентом (более 50 % у зоонима) и фразеологическим аналогом (от 30 % у зоонима). Нефразеологические способы перевода, такие как калькирование (5 случаев) и описание (1 случай) либо вовсе отсутствуют, либо очень немногочисленны. Можно предположить, что зооним, проявляющий высокую степень активности в большинстве случаев будет переведён фразеологическим способом, при этом использование такого способа, как фразеологический эквивалент более вероятен.

Анализ проведенной работы показал, что неверным будет выделить лучший способ перевода, поскольку каждый из них уместен в конкретной ситуации. Тем не менее, наиболее оптимальным переводческим решением

считается поиск идентичной фразеологической конструкции, однако следует учитывать ограниченность соответствий, как в русском, так и в английском языках. Использование аналогичной фразеологической единицы исключается при несовпадении стилистической или эмоциональной окраски. Калькирование не всегда может выступать эффективным методом перевода, хотя и существенно расширяет арсенал в процессе перевода.

Чернова А. Е., Шугаева Н.Ю.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РОМАНЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» содержит большое количество культурных элементов советской эпохи. Данная статья рассматривает различные стратегии перевода советизмов на примере переводов Майкла Гленни 1967 года и Ричарда Пивира и Ларисы Волохонской 1997 года. Стиль Булгакова многогранен и требует тщательной работы переводчика над изучением терминов и понятий. Так, излишняя доместикация текста приведёт к утрате уникального стиля, а большой упор на форенизацию сделает процесс чтения романа затруднительным. Таким образом, цель данного анализа – проиллюстрировать случаи доместикации и форенизации в переводе романа «Мастер и Маргарита».

Ключевые слова: Булгаков; перевод; советизмы; доместикация; форенизация; культурный элемент.

Не существует универсального способа перевести художественное произведение, в силу того, что каждый автор обладает собственным уникальным стилем и видением, что зачастую включает в себя обильное использование культурных элементов, не поддающихся буквальному переводу. Если брать во внимание вопрос о хорошем переводе, вряд ли можно утверждать, что наиболее близкий к оригинальному тексту перевод является наиболее удачным; нельзя даже утверждать, что он является наиболее правильным – ввиду различных культурных понятий и явлений. Действительно хороший перевод, в моем понимании, должен, в первую очередь, передавать оригинальную задумку автора – будь то особый стиль, ироничные вставки или необычное использование терминов, – а не просто доносить сюжет. Образ произведения состоит, помимо сюжета, из культурной стилистики, которая и отвечает за создание непередаваемой атмосферы романа, присущей только ему одному.

В данной статье приводятся примеры перевода некоторых советских реалий, удачных и неудачных, на материале романа Михаила Булгакова

«Мастер и Маргарита». Сравнительный анализ проводится на примере двух вариантов перевода романа – Майкла Гленни 1967 года и Ричарда Пивира и Ларисы Волохонской 1997 года, – и концентрируется на различных стратегиях перевода, в том числе доместикации и форенизации, при передаче культурно-специфических элементов [3]. Наиболее точно данная передача видна в переводе советизмов – культурно, исторически и социально-специфических элементов, отражающих реалии советского общества тридцатых годов. Такие элементы несут в себе важную информацию, опущение которой может нанести вред правильному восприятию произведения, либо же лишить его оригинальных особенностей и колорита.

Советизмы играют важную роль в создании образа произведения Михаила Булгакова, и игнорирование их переводчиками приведёт к созданию неправильной картины жизни персонажей, живущих в советском обществе. Высказывания, названия еды и напитков, имена – всё это нельзя переводить посредством абсолютной доместикации, либо применять форенизацию без уточнения и разъяснения терминов – в таком случае исторический и социальный компонент будет утрачен. Советизмы должны сохранять свою информативную ценность, даже если их значение в оригинальном тексте не имеет способа буквальной адаптации.

Проблема перевода культурных элементов рассматривалась С. Влаховым и С. Флориным, которые включают советизмы в подкатегорию реалий – слов или словосочетаний, выражающих национальный культурный колорит [5]. Таким образом, перевод реалий происходит на трех коннотативных уровнях – национальном, историческом и социальном, – а советизмы, естественно, будут понятны только человеку, знакомому с советским образом жизни.

Влахов и Флорин выделяют три категории советизмов:

- Собственно советизмы – понятия, характерные для Советского Союза, которые переводятся с обязательным учётом отсутствия у читателя знаний о данных реалиях;
- Региональные советизмы, которые по сути не отличаются от национальных и переводятся посредством приёмов транслитерации или калькирования на принятые в стране эквиваленты;
- Интернациональные советизмы, обычно широко распространённые, не требующие дополнительного разъяснения [5].

В данной статье речь пойдёт о собственно советизмах, полностью передать значение которых иногда довольно сложно.

Если говорить о способах перевода, французские лингвисты Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне выделяют следующие методы: 1) заимствование; 2) калькирование; 3) дословный перевод как метод форенизации; 4) транспозиция; 5) модуляция; 6) адаптация; 7) эквиваленция как метод доместикации [6].

В случаях, когда замещение иностранного термина невозможно,

ввиду отсутствия эквивалентного понятия, переводчики прибегают к приёму транслитерации, что не всегда может точно передать смысл без дополнительных разъяснений. Рассмотрим следующий пример: в первой главе поэт Бездомный заявляет, что Канту за его мысли о существовании Бога следует находиться в Соловках [4], советском исправительно-трудовом лагере. Пивир и Волохонская в этом случае используют транслитерацию “Solovki” [2], что, однако, непонятно читателям, не знакомым с советскими реалиями, и требует дополнительных комментариев. Гленни же сделал уточнение “Solovki asylum” [1], что является ошибкой, так как в этом случае у читателя создаётся впечатление, что Бездомный считает Канта душевно больным и отправляет его в психиатрическую лечебницу, когда на самом деле Кант, по мнению поэта, это преступник, место которого в тюрьме. Таким образом, оригинальное значение в переводе Гленни искажается.

Другой пример, где транслитерация используется для перевода советских терминов: во второй части произведения, когда Булгаков знакомит читателей с Маргаритой, он уточняет, что ей никогда не приходилось прикасаться к примусу [4]. Это должно характеризовать героиню, как женщину, живущую в достатке. Пивир и Волохонская использовали транслитерацию с уточнением “primus stove” [2], что упрощает восприятие иностранного термина. Гленни в данном случае использует транспозицию (переход в другую грамматическую категорию): “Margarita never had to cook” [1], что тоже сохраняет оригинальный смысл, несмотря на то, что термин был опущен.

Иногда полная транслитерация невозможна, ввиду несовпадения морфем в языках. Так, советизм “пилатчина” [4], используемый критиками в описании работы мастера, имеет негативную, принижающую коннотацию, которая теряется в переводе “pilatism” Гленни [1] и Пивира и Волохонской [2]. Дело в том, что английский суффикс “-ism” не передаёт того оскорбительного значения, которое заключено в русском суффиксе “чин”, и, таким образом, важная часть коннотации утрачивается.

Бывает, что переводчик неправильно истолковывает значение термина, что также искажает оригинальный смысл. Так, переводя название известного советского шампанского Абрау-Дюрсо [4], Пивир и Волохонская добавляют неправильное уточнение “wine” [2], а вот Гленни совсем убирает название напитка, применив понятное замещение “champagne bottle” [1].

Пивир и Волохонская также используют транслитерацию при переводе термина “финдиректор” [4] и используют дополнительный комментарий, что необязательно, так как в слове “findirektor” [2] обе составные части не представляют трудностей в понимании для иностранных читателей. Гленни в этом случае использует дословный перевод “treasurer” [1], предпочитая его методам форенизации.

Другой способ перевода – калькирование, – так же широко используется. Так, и Гленни, и Пивир и Волохонская переводят термин “Госбанк” как “a state bank”, а слово “Интурист» – как “foreign tourist” [4; 1; 2]. Данные

термины непроблематичны, так как оба слова доступны и понятны на международном уровне, а не имеют в составе чисто советских понятий.

Перевод термина “сверхмолния” [4] в отношении срочной телеграммы требует особого подхода, так как важно не потерять иронию Булгакова, с которой он высмеивает советские реалии, используя гиперболу. Эффект усиливается за счет многократного повторения данного слова в одном абзаце, так как персонаж получает телеграммы одну за другой. Пивир и Волохонская, в данном случае, используют калькирование с уточнением “super-lightning telegram” [2], что делает термин понятным без потери иронизирующего аспекта, в отличие от Гленни – замещение “priority telegram” [1] правильно передаёт значение понятия, но абсолютно лишает его оригинального юмора.

Дословный перевод так же часто используется при адаптации романа, как в эпизоде, где Амвросий, обсуждая различные деликатесы в Доме Грибоедова, замечает, что невозможно приготовить что-то подобное на “общей кухне”, имея в виду коммунальную квартиру [4]. Данный термин может быть непонятен тому, кто не знаком с советской жизнью, и поэтому Пивир и Волохонская переводят данную фразу как “communal kitchen at home” [2], а также используют комментарий. Перевод Гленни “in the kitchen you share with half a dozen other people” [1] правильно передаёт значение, но не является достоверным, так как одну общую кухню могли делить до десяти семей.

В первой главе встречается фраза “двое граждан” [4], с помощью которой Булгаков сразу создаёт советскую атмосферу. Пивир и Волохонская используют дословный перевод “two citizens” [2], что хорошо выполняет свою функцию. В генерализированном переводе Гленни “two men” [1], атмосфера советского общества исчезает.

Сложно для перевода обращение “Товарищ дежурный” [4], советский колорит которого постарались передать Пивир и Волохонская в своём варианте “Comrade officer-on-duty” [2], а Гленни полностью уничтожил необходимую атмосферу, убрав термин из обращения: “Now look, everybody” [1], что не поспособствовало затруднению понимания, но исказило оригинальный стиль произведения.

Исходя из данного анализа, можно сделать вывод, что Гленни имел тенденцию к доместикации произведения и избегал обилия советизмов в переводе. Данный подход делает чтение гладким и незатрудненным для читателя, незнакомого с советскими реалиями, однако лишает его возможности погрузиться в иностранную атмосферу.

В случае с Пивиром и Волохонской, уклон был сделан в форемизацию романа, с возможным сохранением иностранных элементов, для создания наиболее точного образа оригинального произведения.

На мой взгляд, лучшая стратегия – это умеренная адаптация с добавлением комментариев к специфическим терминам и максимальная передача оригинального духа произведения, без утраты смысла некоторых неперево-димых элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bulgakov, M.* The Master and Margarita. Translated from the Russian language by Michael Glenny. London : Collins and Harvill Press, 1967.
2. *Bulgakov, M.* The Master and Margarita. Translated from the Russian language by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. London : Penguin books, 1997.
3. *Domestication and Foreignization in Translation Studies* / M. Jänis, H. Kemppanen, A. Belikova (eds.). Frank & Timme GmbH, 2012. 231 с.
4. *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. М. : Профиздат, 2008.
5. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М. : Высшая школа, 1980.
6. *Вине Ж.-П., Дарбельне Ж.* Технические способы перевода. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 157–167.

Шалгимбаева С. Т.

ПОСТРОЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ И ТЕОРИЙ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ КИТАЯ

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова,
г. Караганда, Республика Казахстан*

Аннотация. Перевод играет огромную роль в современном мире, особенно после того, как произошел так называемый «информационный взрыв». Резко увеличился объем информации, которой обмениваются люди и народы. В статье обосновывается важность переводоведения и исследование перевода Китая, так как в последние годы значимость китайского языка возросла, что привело к нехватке профессиональных кадров. В статье рассматриваются современные реалии и теории относительных Китая, также актуальные проблемы переводоведения на сегодняшний день. Для решения актуальных проблем отечественного прикладного переводоведения необходимо обобщить концептуальное представление прикладного переводоведения и объединить усилия для построения системы прикладного переводческого дискурса. В последние годы корпусный перевод стала более зрелой областью перевода. Тем не менее, исследования по Корпусный перевод редко основан на применении полилингвистических корпусов, что приводит к тому, что корпусный перевод по-прежнему имеет большие перспективы в таких областях, как общность перевода и спецификация перевода. В связи с этим, переводческое сообщество должно активизировать усилия по анализу особенностей и недостатков отечественных и зарубежных корпусных переводческих исследований, углублению корпусных переводческих исследований и продолжению расширения сферы охвата корпусных переводческих исследований. В будущем наша страна должна продолжать укреплять систематические исследования, касающиеся способности устного перевода, сосредоточив внимание на программах подготовки переводческих талантов, правилах развития и моделях оценки, проводить корпус-ориентированное обучение устному переводу и исследования, писать веб-

материалы для устного перевода и строить платформу для обмена устным переводом. Отмечены высказывания исполнительного вице-президента ассоциации переводчиков Китая, также профессоров ведущих университетов Китая. В настоящее время мы должны продолжать делать большие шаги вперед, объединяя понимание и действия в рамках построения сообщества человеческих судеб и проводя хорошие исследования в области перевода.

Ключевые слова: переводоведения, современные реалий, переводческие исследования, теория перевода, один пояс и один путь.

В контексте новой эры перевод стал важным мостом между народами разных регионов и рас для достижения культурных обменов и международных связей, а также для повышения способности к внешнему дискурсу стал неотложной потребностью в ответ на текущую ситуацию и в соответствии с текущими потребностями. Профессор Хуан Юйи, исполнительный вице-президент ассоциации переводчиков Китая, сказал, что вспышка отражает тот факт, что по-прежнему существует явный недостаток в способности китайского внешнего дискурса, и нам необходимо укрепить наши возможности и возможности китайского иностранного языка и перевода [1].

Переводческие исследования в контексте новых гуманитарных наук являются междисциплинарными, передовыми, теоретическими и международными, выступающими за то, чтобы голос Китая звучал с точки зрения глобальных гуманитарных наук, уделяя особое внимание человеческому характеру переводческих исследований и переводу изображения. Компьютерные и мультимедийные технологии широко используются в повседневном общении людей, а технология и электроника стали ключевыми словами современной эпохи. Приход «эры чтения карт» сочетает в себе обращение к тексту речи с обращением к изображению экрана, указывая на новые точки роста и прорыва в изучении перевода. Изучая основные особенности интерпретации и принятия, необходимо расширить границы лингво-ориентированных исследований, исследуя построение, преобразование и вывод значения других модальных символов в процессе перевода, помимо языковой информации. В настоящее время предложение «рассказать хорошую китайскую историю, распространять хороший китайский голос» по случаю национального предложения, использование яркого образа языка и невербальной символики, чтобы открыть текст, рисунки, аудиовизуальные и другие мульти-модальные слияния переводного повествования, чтобы создать новую концепцию в китайском языке, новую категорию, новую формулировку в вопросе должен быть смысл. Перевод-это перевод языка, который способствует росту и творчеству языка, является важным путем обновления мышления и обогащения мышления. Старший профессор гуманитарных наук Чжэцзянского университета Сюй Цзюнь сказал, что мы должны обратить внимание на языковые проблемы в практике китайского литературного иностранного перевода. В последние годы отечественное научное сообщество

активно строит систему дисциплин, академическую систему и систему курса, переводческие дисциплины также стремятся найти новые направления и пути теоретического расширения, углубления и инноваций [1].

Литературно-переводческие работы являются лингвистическим творчеством, способным вести нас к глубокому размышлению о проблемах жизни и бытия. Перевод вдохновляет родной язык, помогает создавать новые слова, новые идеи, а также открывает горизонты письма, обновляет идеи письма и расширяет творчество языка. В настоящее время двумя основными направлениями переводческих исследований являются китайско-зарубежные исследования и корпусные исследования. Среди них развитие китайских и зарубежных исследований в основном связано с темами исследований, тесно связанными с реалиями Китая, такими как «выход» китайской культуры, рассказывание хороших китайских историй, инициатива «Один пояс и один путь», обмен китайскими и китайскими гуманитарными связями и дипломатический дискурс великих держав. Все эти практики перевода предоставляют реальные кейс-материалы для теоретического построения. Расширение корпусных исследований отразилось на выборе темы для отечественных исследователей, что привело к таким важным темам, как лингвистический контраст, особенности перевода, стиль переводчика и преподавание перевода. Последующие исследования корпуса должны быть направлены на лучшее решение местных проблем, отражение китайского характера и усилия по созданию академического сообщества. Профессор Пекинского университета иностранных языков г-н Тан Чжэцзян предложил, что в течение более 40 лет китайские исследования перевода прошли через «масштаб внедрения иностранных переводческих идей», «пробуждение сознания современного переводчика», «интерпретация и изучение традиционного дискурса», «активное участие в международном диалоге по переводу» [1]. В настоящее время мы должны продолжать делать большие шаги вперед, объединяя понимание и действия в рамках построения сообщества человеческих судеб и проводя хорошие исследования в области перевода.

Теория перевода основана на практике перевода, а критика перевода как связующее звено между теорией и практикой перевода способствует взаимодействию между ними. События критики перевода, которые имеют конструктивную силу или могут принести новую энергию для критики перевода, а также новые возможности для теоретических инноваций. За десятилетия развития система и систематизация прикладных переводческих исследований в нашей стране постоянно повышаются, а теоретические и практические исследования прикладного перевода достигают совершенно новой высоты. Фу Цзинмин, профессор факультета иностранных языков Шанхайского университета, считает, что китайские особенности прикладных переводческих исследований в основном отражаются в символических характеристиках, характеристиках ресурсов, предметных характеристиках, проблемных характеристиках и ценностных характеристиках. 4 Проведение исследований по китайскому прикладному переводу имеет важное значение в

совершенствовании системы дисциплин, содействии их развитию, выявлении основного сознания, демонстрации теоретического сознания, служении национальной стратегии, стыковке с переводческой отраслью. Для решения актуальных проблем отечественного прикладного переводоведения необходимо обобщить концептуальное представление прикладного переводоведения и объединить усилия для построения системы прикладного переводческого дискурса. В последние годы корпусный перевод стала более зрелой областью перевода. Тем не менее, исследования по Корпусный перевод редко основан на применении полилингвистических корпусов, что приводит к тому, что корпусный перевод по-прежнему имеет большие перспективы в таких областях, как общность перевода и спецификация перевода. В связи с этим, переводческое сообщество должно активизировать усилия по анализу особенностей и недостатков отечественных и зарубежных корпусных переводческих исследований, углублению корпусных переводческих исследований и продолжению расширения сферы охвата корпусных переводческих исследований. В последние годы исследования устного перевода, как более «маргинальной» отрасли переводческих исследований, достигли определенных результатов. В будущем наша страна должна продолжать укреплять систематические исследования, касающиеся способности устного перевода, сосредоточив внимание на программах подготовки переводческих талантов, правилах развития и моделях оценки, проводить корпус-ориентированное обучение устному переводу и исследования, писать веб-материалы для устного перевода и строить платформу для обмена устным переводом. Углубленное развитие переводческих исследований оказало глубокое влияние на подготовку переводческих кадров. Мюррей, профессор Высшей школы перевода в кантонском университете иностранных языков, сказал, что с момента реформ и открытости, переводческое образование в Китае для национального развития и иностранных обменов подготовило большое количество выдающихся иностранных языков и переводческих талантов.

В процессе развития переводческого образования и научных исследований мы должны столкнуться с рядом проблем, которые не согласуются с реальными потребностями. В настоящее время отечественное переводческое образование в целом представляет собой пирамидальную структуру с небольшим количеством кандидатов переводческих наук и докторов переводческих наук. Необходимо создать надежную национальную систему подготовки специалистов-переводчиков путем постоянных реформ. В последние годы в академическом сообществе активно ведется работа по построению системы дисциплин, академической системы и системы дискурса. Переводческая дисциплина не является исключением, ее коллеги по переводческой отрасли стремятся к поиску новых направлений и путей расширения, углубления и инноваций. В контексте современных реалий теоретическое построение переводческой науки и практика перевода взаимодействуют друг с другом, что способствует достижению более плодотворных

результатов переводческих исследований в нашей стране. Профессор Чжэцзянского университета Сюй Цзюнь сказал, что творчество литературных переводчиков на языке может привести нас к глубокому размышлению о проблемах жизни и бытия. Он глубоко трактует лингвистические проблемы в литературном переводе, поднимает ряд неизбежных противоречий в литературном переводе и призывает нас обратить внимание на языковые проблемы в практике китайского литературного перевода [1].

В настоящее время двумя основными направлениями переводческих исследований являются китайско-зарубежные исследования и корпусные исследования. Китайское и зарубежное исследование в основном связано с выходом китайской культуры, рассказыванием хороших китайских историй, инициативой «Один пояс, один путь», Казахстанскими и китайскими гуманитарными коммуникациями и дипломатическим дискурсом наших стран и другими тесно связанными с реалиями Китая, может предоставить реальные материалы для теоретического построения. Лингвистический контраст на основе корпуса, особенности перевода, стиль переводчика и преподавание перевода стали важными темами для отечественных исследователей, а также представляют собой характерные китайские переводческие исследования, которые соответствуют международным стандартам. Анализируется взаимосвязь общей историографии и историографии перевода, вводятся общепринятые методы изучения истории перевода, рассматриваются особенности изучения китайского языка как естественный процесс формирования, переводческие исследования и разработки должны быть «изучены в истории», переосмыслены проблемы развития переводческих исследований и методы исследования, этот аргумент приносит много полезного для будущих историографических исследований перевода. Теория перевода основана на практике перевода, а критика перевода как связующее звено между теорией и практикой перевода способствует взаимодействию между ними. Изучение критики литературного перевода с точки зрения событий и сознательное продвижение на этой основе событий критики перевода может способствовать дальнейшему проявлению конструктивной критики перевода, которая имеет далеко идущее значение для изучения теории перевода.

Переводчик выступает посредником, то есть получателем и отправителем. Таким образом, переводчик воспринимает, декодирует, кодирует и передает. Переводчики и переводчицы различаются по этапам расшифровки, целям и конечному результату, срокам и этапам. Текст-это объект, обрабатываемый переводчиком с целью обеспечения коммуникации, а точнее, адекватного ответа получателя на сообщение отправителя, преследующего определенную коммуникативную цель, влияющую на получателя. Недостаточный ответ указывает на недостаточный перевод. Развитие современного общества, неуклонный рост международных отношений, расширение политических, экономических, социальных, научных связей выдвигают новые и более высокие требования к будущим переводчикам. Для специа-

листов, работающих в сфере иностранных дел, важно обладать профессиональными знаниями, языковыми навыками и умениями. Язык и межкультурная коммуникация в профессиональной, политической, личной коммуникации. Будущий переводчик должен иметь теоретическую модель деятельности переводческого языкового мышления. Основными ее составляющими являются: взаимно сдержанный начальный и конечный дискурс; обстоятельства, порождающие начальный дискурс и перевод; две взаимодействующие культурные среды; субъектные ситуации двух взаимодействий; речевые и фоновые ситуации; два языка; переводческие ценности и психологические ориентации, определяющие стратегию перевода; коммуникативные намерения исходного дискурса и коммуникативный эффект конечного дискурса. Переводчики должны понимать методы, методы и методы перевода, а также систему навыков и компетенций для перевода с одного языка на другой, включая: языковые навыки (разговорная речь, аудирование, письмо, чтение); двуязычные навыки, специальные навыки перевода (психологические, технические и технические); различные типы навыков перевода (например, односторонний, двусторонний, последовательный и визуальный перевод и т. д.) Билингвизм (человек одинаково хорошо разбирается в обеих системах символов) характеризуется способностью быстро распознавать и предвидеть языковые и речевые средства, коммуникативный эффект дискурса, две культурные среды и т. д. Психологические навыки и способности переводчика связаны с тем, как мобилизовать внимание переводчика в процессе перевода, активировать знания о таких процессах запоминания, как актуализация, запоминание, сохранение и воспроизведение, а также предотвращение забвения. К умственным навыкам и умениям относятся также приемы быстрого выявления коммуникативных ситуаций, другие важные эмоциональные и мотивационные факторы высказывания, а также навыки и умения переводить поведение. Технические навыки и умения переводчика направлены на выбор и реализацию правильных стратегий и методов перевода в конкретной ситуации переводческой деятельности, что приводит к правильной структуре конечного дискурса, его предметной организации, интонации, паузе, обусловленной точным позиционированием в коммуникативных и тематических ситуациях основного дискурса. Технические навыки перевода включают в себя технологию быстрой записи информации в различных маркерах и формах записи, применение универсальных схем-подсказок, поиск словарей, энциклопедий, а также использование технологий (электронный блокнот, распознавание речи, магнитофон). Успех будущего переводчика во многом зависит от систематизации знания двух языковых систем, что имеет решающее значение для выработки адекватных переводческих решений. Переводчики должны обладать обширными языковыми и культурными знаниями в рамках двух культур, в которых они функционируют; понимать специфику конкретной культурной среды, в которой взаимодействуют определенные социальные группы; по-

нимать социальные нормы и традиции, без которых перевод затруднен и неэффективен.

Помимо вышеперечисленных обучающих и вспомогательных функций, переводчик может выполнять контрольные функции. Контроль и учет знаний и умений учащихся является необходимой составляющей образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://www.cloudtrans.com>

Шатрова А. В., Хрущева Т. В.

АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА «МАЛЕФИСЕНТА», СОЗДАНЫХ ПРИ ПОМОЩИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

*Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск, Российская Федерация*

Аннотация. В статье обосновывается востребованность аудиовизуальных видов перевода художественных фильмов, выделяются и рассматриваются самые распространенные виды АВП (закадровый перевод, дублирование, субтитрирование) и их использование для передачи образа главного героя, анализируются отличия в образах героев, полученные при помощи каждого вида АВП, и выявляется самый оптимальный способ передачи образа при переводе фильма.

Ключевые слова: киноперевод, аудиовизуальный перевод (АВП), дублирование, закадровый перевод, субтитрирование, образ главного героя, художественные фильм.

В настоящее время среди лингвистов отмечается повышенный интерес к области аудиовизуального перевода (АВП), так как данный вид перевода становится довольно востребованным. Это связано со стремительным развитием международных средств массовой информации и появлением огромного количества сериалов и фильмов зарубежного производства. АВП становится самой перспективной областью переводоведения.

С появлением кинематографа возник и начал своё развитие аудиовизуальный перевод. Сегодня в зарубежном переводоведении аудиовизуальный перевод является одним из самых быстроразвивающихся направлений переводческой деятельности. Он охватывает «перевод художественных игровых и документальных, анимационных фильмов, идущих в прокате и транслируемых в телерадиовещательных сетях или в интернете, а также сериалов, телевизионных новостных выпусков (в том числе с сурдопереводом и бегущей строкой), театральных постановок, радиоспектаклей (в записи и

в прямом эфире), актерской декламации, рекламных роликов, компьютерных игр и всё разнообразие Интернет материалов» [1]. Самыми распространенными видами АВП являются дублирование, субтитрование и закадровый перевод.

Дублирование – это полное замещение оригинальной речи актёров речью на переводимом языке. В. Е. Горшкова считает, что «дублирование... представляет собой... как особую технику записи, позволяющую заменять звуковую дорожку фильма с записью оригинального диалога звуковой дорожкой с записью диалога на языке перевода, так и один из видов перевода» [2, с. 196]. При дублировании переведенный текст должен звучать синхронно с мимикой актёров и их артикуляцией, поэтому осуществляя перевод, переводчик всегда учитывает эти особенности.

Закадровый перевод является наиболее простым и наименее дорогостоящим. При осуществлении закадрового перевода переведённая речь актёров озвучивания накладывается поверх оригинальной звуковой дорожки, что отчетливо можно услышать – это и является основным отличием закадрового перевода. А. В. Козуляев отмечает, что при закадровом переводе количество ограничений минимально, кроме того он считает, что именно этот перевод можно рассматривать как одну из разновидностей синхронного перевода [3, с. 16].

Согласно определению В. Е. Горшковой, субтитрование является кратким переводом диалогов фильма, который отражает их основное содержание и выражается в виде текста, расположенном в нижней части экрана [2, с. 33]. Под субтитрами понимается текстовое сопровождение видеоряда, повторяющее или дополняющее звуковую дорожку [1]. При субтитровании переводчик сталкивается с рядом ограничений, необходимо уместить перевод в ограниченное количество знаков и строк и соотнести смену субтитров к смене кадров [3, с. 16].

Для того чтобы проанализировать все нюансы каждого вида аудиовизуального перевода и выяснить какой из них является наиболее удачным при переводе художественных фильмов, была подобрана кинокартина, переведенная всеми рассматриваемыми способами – «Малефисента».

«Малефисента» (англ. Maleficent) – американский фэнтезийный художественный фильм кинокомпании Walt Disney Pictures, снятый в 2014 году. Премьера фильма состоялась 28 мая 2014 года в Голливуде, в СНГ фильм вышел в прокат 29 мая 2014 года.

Художественный фильм «Малефисента» повествует о юной фее, которая жила в заколдованном лесу и была по-своему счастлива, пока ее покой не нарушили люди. Чтобы защитить сказочных существ, живших в лесу, волшебнице пришлось прибегнуть к силам черной магии. А когда её противостояние с людьми обострилось, Малефисента наложила сильнейшее заклятие на дочь короля, принцессу Аврору.

Для исследования были выбраны следующие переводы данного художественного фильма:

- Дублированный перевод студии «Невафильм» по заказу компании «Disney Character Voices International» в 2014 году.

Режиссёр дубляжа – Инна Соболева;

Переводчики и авторы синхронного текста – Елена Вержбицкая, Лев Вержбицкий.

- Субтитрированный вариант перевода, размещенный на сайте лингвистического портала <http://lelang.ru/> [4].

- Одноголосый закадровый перевод фильма выполнен Евгением Солодухиным и размещен на его сайте <http://vo.solod.me/> 27 сентября 2016 г. [5].

Для сравнения образов героев фильма «Малефисента», созданных с помощью выбранных видов перевода, были выбраны две главные героини – Малефисента и Аврора.

На основании проведенного исследования выявлено, что все виды перевода создают интересный, неоднозначный и глубокий образ Малефисенты, которая проявляет себя со стороны и добра, и зла. Однако наблюдаются некоторые отличия в созданных при переводе образах этой героини. В закадровом переводе часто встречаются не совсем вежливые формулировки, что наводит на мысль о невоспитанности или неискренности героини, и отличает данный образ от того, который создан в оригинальной версии. Более того, этот вид перевода, так же как и субтитрирование, создает менее экспрессивный образ Малефисенты, в котором, к тому же, нет отражения того периода истории, который подразумевается в фильме, а также проявляются такие негативные качества, как высокомерие, а временами и презрение. В переводе с закадровым озвучиванием и субтитрами не сильно заметна любовь и привязанность Малефисенты к своему дому, Топким Болотам; её образ менее приятный и в некоторых моментах схожий с образом настоящей злодейки из одноименного мультипликационного фильма. Несомненно, в этих видах АВП используются и фразы, придающие образу положительные черты, но в целом образ получается очень неоднозначным, так как нет четкого понимания того, в какую больше сторону, добра или зла, склоняется волшебница.

Что касается образа Малефисенты, созданного при дублированном переводе, то он позволяет зрителю прочувствовать грань между добром и злом внутри главной героини, увидеть изменения, происходящие в ней, и понять, что волшебница скорее положительный персонаж. Кроме того, данный вид АВП позволяет осознать, о каком историческом периоде идет речь. Образ Малефисенты, созданный в дублированной версии кинофильма, наполнен эмоциями, величием, могуществом, но в то же время это образ волшебницы, наделенный умением признавать ошибки, раскаянием, нежностью, любовью и заботой.

Другая героиня фильма «Малефисента» Аврора является как одной из протагонисток фильма, так и рассказчицей: именно от её лица повествуется сюжет данного фильма. Визуально она представляет собой образ очень свет-

лой, чистой и невинной девушки. Проведенное исследование позволяет отметить, что образы Авроры, созданные при помощи разных видов АВП, несколько разнятся. В дублированном переводе Аврора предстаёт в образе юной, мечтательной, очень доброй, ласковой и открытой девушки, которая всегда думает не только о себе, но и о других и боится кого-либо обидеть. Однако субтитрированный и закадровый перевод создают более эгоистичный, временами невежественный и менее любезный образ героини, которому, однако, свойственно и проявление благодарности, душевности, нежности.

Таким образом, можно сделать вывод, что образы Малефисенты и Авроры, созданные при закадровом и субтитрированном переводе, в значительной степени отличаются от образов героинь, создаваемых при дублированном переводе. Данный вид перевода является более продуманным и адаптированным, позволяет зрителю все время помнить о месте и времени происходящих событий. Благодаря определенной постановке слов в предложениях и использованию слов и фраз, напоминающих архаизмы, а также большему количеству эмоционально-окрашенной лексики, образы главных героинь получились более яркими, понятными и законченными.

Дублированный перевод, несомненно, является самым удачным видом АВП для передачи образа главного героя художественного фильма. Именно он позволяет создать цельный и привлекательный образ персонажа, в котором учитывается синхронность артикуляции и жестов актёров и уже переведенных фраз, которые подстраивают под скорость и темп речи, временные промежутки кадра, темперамент и возраст актёра. Помимо этого, важную роль играет фактор прагматической адаптации, которая позволяет создать впечатление, что дублированный фильм был изначально создан в стране и культуре языка перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов Е. В.* К вопросу о специфике аудиовизуального перевода в России и Финляндии // Факультет прибалтийско-финской филологии и культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://old.petrus.ru/Faculties/Balfin/EVBogdanov_2011.html
2. *Горшкова В. Е.* Перевод в кино. Иркутск : МИГЛУ, 2006. 278 с.
3. *Козуляев А. В.* Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3 (13). С. 3–24.
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://lelang.ru/>
5. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://vo.solod.me/>
6. [Электронный ресурс]. Режим доступа : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Малефисента_\(фильм\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Малефисента_(фильм))
7. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.kinopoisk.ru/film/496849/ord/rnd/rnd/1407488821/>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ С УЧЕТОМ ФАКТОРА ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ

Череповецкий государственный университет,
г. Череповец, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема учета фонетической синхронизации при синхронном многоголосом дубляже англоязычных фильмов на русский язык. Целью исследования является выявление взаимосвязи между различными способами перевода аудиовизуальной информации, использованными в переводе трех монологов из художественного фильма «I, Топуа», и фактором фонетической синхронизации. Данное исследование опирается на классификацию видов аудиовизуальной синхронизации К. Витман-Линсен. Авторы приходят к выводу, что наиболее частотными приемами сохранения фонетической синхронизации являются целостные преобразования, опущения и добавления, а также, что гласные звуки наиболее подвержены сохранению фонетической синхронизации их артикуляции.

Ключевые слова: фонетическая синхронизация, аудиовизуальный перевод, переводческие трансформации, дубляж, липсинк.

Перевод художественных фильмов представляет собой определенную сложность, так как в данной форме медиа информация предоставляется реципиенту через два коммуникативных канала – акустический и визуальный, которые одновременно передают закодированные значения с использованием различных знаковых систем. Через акустический канал реципиент воспринимает звучащий текст, паралингвистическую информацию, саундтрек и звуковые специальные эффекты, в то время как через визуальный канал реципиент воспринимает изображения, цвета, движения, а также постеры и надписи, использующие языковые знаки [4, с. 105]. Вышеупомянутые каналы формируют единство восприятия художественного произведения, что вызывает особые затруднения у переводчика при преимущественной работе со звучащей речью, относящейся к акустическому каналу.

Существуют различные способы перевода аудиовизуальной информации, такие как субтитрование (*subtitling*) и наложение нового звукового ряда на аудиодорожку оригинала (*voice-over*), однако, в современной русскоязычной индустрии перевода художественных фильмов наиболее распространенным способом перевода аудиовизуальной информации является дубляж (*dubbing*). Дубляж как способ перевода подразумевает замену оригинальной звуковой дорожки, содержащей диалоги актеров, записью на языке перевода, воспроизводящей смысл оригинала и в тоже время соотносящей движения губ актеров со звуками переводящего языка [2, с. 195]. Из

вышесказанного следует, что воссоздание единства восприятия информации, поступающей из визуального и акустического канала, представляет наибольшую важность для дубляжа, что делает исследования в области сохранения различных видов аудиовизуальной синхронизации при переводе особенно актуальными на сегодняшний день.

В современных исследованиях в области перевода аудиовизуальной информации наибольшее распространение получили классификации аудиовизуальной синхронизации И. Фодора и К. Витман-Линсен. И. Фодор разграничивает аудиовизуальную синхронизацию на фонетическую синхронизацию, включающую в себя синхронизацию фонетической формы перевода с артикуляцией актера, синхронизацию персонажа, которая относится к соответствию голоса актера в оригинале и в дубляже, и на синхронизацию содержания, сохраняющую согласованность перевода и действия, происходящего на экране [5, с. 109–110].

В свою очередь, подход, предложенный Витман-Линсен разделяет синхронизацию на две большие группы: визуальную синхронизацию (оптическую) и аудио синхронизацию (акустическую). Оптическая синхронизация подразделяется на 3 подгруппы: фонетическую синхронизацию (адаптация перевода к артикуляции актеров, находящихся на экране), кинетическую синхронизацию (синхронизация перевода и телодвижений актера) и изохронию (синхронизация длительности звучания перевода и произношения актера), в то время как акустическая синхронизация рассматривает такие составляющие дубляжа как тон, тембр и высота голоса актера [6, с. 20].

И. Фодор придерживается функционального подхода, который придает особое значение восприятию переведенного фильма зрителем и ставит основной целью переводчика сохранение развлекательного характера оригинала, однако он не принимает во внимание, что переводчик стремится к полной синхронизации текста с артикуляцией актера только тогда, когда кадр концентрируется на его лице или губах, что позволяет экономить время, затрачиваемое на выполнение перевода без ущерба восприятию фильма [3, с. 38]. Исходя из этого фактора данное исследование опирается на классификацию аудиовизуального перевода К. Витман-Линсен и переводческий подход к переводу аудиовизуальной информации, рассматривающий феномен синхронизации как с лингвистической точки зрения, так и с точки зрения профессионального опыта переводчиков.

Целью данного исследования являлось выявление взаимосвязи между лексическими, грамматическими и лексико-грамматическими трансформациями, использованными при переводе художественного фильма «I, Топуа», и фактором фонетической синхронизации. Материалом данного исследования являются 36 случаев лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформаций, извлеченных из перевода трех монологов в полнометражном фильме «I, Топуа». Фильм «I, Топуа» был выбран в качестве материала исследования, так как он относится к жанру псевдо-документали-

стики, что позволяет его создателям использовать формат монолога-интервью, при котором камера фокусируется на лице актера статичным планом. Данная особенность требует особой тщательности при синхронизации артикуляции губ актера и звучащей переведенной речи, так как при просмотре подобных сцен зритель фокусирует свое внимание на лице актера.

В ходе сопоставления оригинала и перевода монологов, выбранных в качестве материала исследования, было выявлено 108 случаев фонетической синхронизации, 95 из которых являются случаями синхронизации гласных, что составляет 88 % от всех случаев фонетической синхронизации, и 13 случаями синхронизации согласных, которые представляют 12 % от всех случаев фонетической синхронизации. Из представленных данных мы можем видеть, что русский перевод тяготеет к синхронизации гласных звуков, так как они представляют наиболее ярко выраженную артикуляцию.

В переводческой практике распространено явление, при котором гласные одного артикуляционного типа могут переводиться при помощи гласных другого артикуляционного типа. Данная тенденция также заметна и при переводе на русский язык:

Then I was hated. Then I was a punch line. – Потом ненавидели, а потом сделали шуткой.

- **punch line** – шуткой: [ʌ] > [y].

Как мы можем видеть из примера, приведенного выше, гласные звуки низкого подъема в переводе могут передаваться гласными верхнего подъема: **punch line** – шуткой: [ʌ] > [y].

При переводе аудиовизуальных произведений возможны случаи совпадения артикуляционных особенностей звуков в оригинале и в переводе:

Only this time it was by you. – Но теперь всей страной.

- **Only** – но [əʊ] > [o].

Однако это совпадение не является приоритетом для переводчика. Его основная цель состоит в сопоставлении артикуляции гласного звука актера с гласным звуком в переводе, так как разный артикуляционный характер звуков не оказывает значительного влияния на восприятие перевода зрителем.

Лексические и лексико-грамматические переводческие трансформации не всегда используются при переводе аудиовизуальных текстов. Другим способом достижения фонетической синхронизации является изменение порядка слов в переводе. Так как русский язык имеет свободный порядок слов, переводчик может изменить их расположение в переводе таким образом, чтобы необходимые для сохранения фонетической синхронизации звуки в языке перевода соответствовали их артикуляции в языке оригинала.

Использование вышеупомянутых приемов приводит к тому, что только 76 случаев фонетической синхронизации из 108 были сохранены при помощи использования переводческих трансформаций. Однако, мы можем видеть, что переводческие трансформации являются наиболее частотным способом передачи фонетической синхронизации, так как представленные

выше способы имеют ограниченную возможность для применения и не могут обеспечить сохранение синхронизации во всех случаях, когда это необходимо для сохранения естественности восприятия.

Наиболее частотными трансформациями, использованными при переводе 3 данных монологов, являются лексико-грамматические трансформации, составляющие 81 % от всех трансформаций (29 трансформаций). Второй по частотности группой являются лексические трансформации, составляющие 11 % (4 трансформации). Наименее частотными являются грамматические трансформации, составляющие 8 % от всех трансформаций (3 трансформации).

Так как модуляция, конкретизация, генерализация и грамматические трансформации не имеют ярко выраженного паттерна использования при сохранении фонетической синхронизации, мы сосредоточим свое внимание на группе лексико-грамматических трансформаций.

Из 36 выявленных трансформаций только 31 трансформация была применена с целью сохранения фонетической синхронизации. Наиболее частотной группой среди этих трансформаций является целостное преобразование, использованное для сохранения фонетической синхронизации в 69 % случаев (52 случая). Также, к часто используемым видам трансформаций относятся опущение (13 % – 10 случаев сохранения синхронизации) и добавление (12 % – 9 случаев сохранения синхронизации).

Частотность целостного преобразования может быть объяснена тем, что оно предоставляет переводчику наибольшую свободу для подбора лексических единиц, содержащих звуки ПЯ сходные по артикуляции со звуками оригинала. При использовании целостного преобразования синтаксическая структура предложения оказывает наименьшее влияние на переводчика, позволяя ему свободно изменять лексический состав и грамматические формы слов при сохранении исходного смысла. Единственными ограничениями, оказывающими влияние на переводчика при использовании данного типа трансформаций, являются ограничения, оказываемые изохронией, требующие совпадения конца и начала произносимой фразы в оригинале и переводе, что, однако, позволяет видоизменять предложение между этими точками:

1. *Absolutely ruined it.* – *Я похоронил...* (целостное преобразование):

- **Absolutely** – Я [æ] > [a],
- **Absolutely** – похоронил [ə] > [a],
- **Ruined** – похоронил [u:] > [a],
- **It** – похоронил [ɪ] > [и].

2. *you could do better* – *найдешь получше* (целостное преобразование):

- **You** – найдешь [u:] > [a],
- **Could** – найдешь [ʊ] > [o],
- **Do** – получше [u] > [a],
- **Better** – получше [ɛ] > [y].

Как мы видим из выше представленных примеров, целостное преобразование используется для сохранения целого ряда различных звуков. Оно позволяет переводчику подбирать те лексические единицы, которые содержат необходимые для сохранения фонетической синхронизации звуки без опасения нарушить лексическую сочетаемость.

Опущение и добавление являются следующими по частотности видами переводческих трансформаций. Причиной частотности таких трансформаций, как опущение и добавление является различие в среднем количестве слогов в русском и английском слове. Так как в русском слове в среднем содержится 2,24 слога, в то время как в английском 1,22 слогов [1, с. 415], переводчик вынужден опускать односложные и двухсложные слова, которые в русском языке могут передаваться трехсложными, четырехсложными или шестисложными соответствиями:

1. *Tonya would never have thought of calling in a death threat.* – *Тоня никогда бы не послала письмо с угрозами.*

- thought – опущение: сохранение фонетической синхронизации звука [ɔ:] > [a] в «thought – послала».

2. *And I said, “Go for it man.”* – *Я ему: «Ну че, дерзай».*

- And – опущение: синхронизация звуков [ə] > [a] при артикуляции «and – я».

Приведенные примеры опущения показывают, что переводчик прибегал к опущению в тех случаях, когда при переводе всех лексем оригинала количество слогов в переводе будет во многом превышать количество слогов в оригинале, что не позволяет осуществить укладку перевода в артикуляцию актеров.

Добавление также имеет высокую частотность вследствие различий длины русских и английских слов. Оно используется для сохранения фонетической синхронизации односложных слов оригинала, не имеющих односложных эквивалентов в русском языке, в случае если эти слова нельзя опустить из-за выраженной артикуляции актера. Чаще всего при переводе односложных слов добавляются дополнительные междометия русского языка, так как их произношение является достаточно кратким для передачи фонетической синхронизации и не оказывает значительного влияния на смысловую составляющую оригинала:

1. *Jeff did consult me regarding Tonya and asked me “What do you think?”* – *Джефф, да... спрашивал меня насчет Тони, мнения моего спрашивал.*

- Да – добавление: сохранение фонетической синхронизации звуков [d] > [д], [ɪ] > [а] в «did – да».

2. *Then I was hated. Then I was a punch line.* – *Потом ненавидели, а потом сделали шуткой.*

- а – добавление: сохранение фонетической синхронизации гласных звука [e] > [a] в «then – а».

Добавление зачастую используется комплексно с опущением, позво-

ляя переводчику осуществлять фонетическую синхронизацию односложных или двусложных слов оригинала, эквиваленты которых или не вписываются в артикуляцию актера из-за количества слогов или не имеют необходимого звука для передачи артикуляции. В таких случаях при переводе слово, артикуляцию которого необходимо сохранить, опускается, тем самым позволяя переводчику заменить его с помощью добавления на лексему, более подходящую по артикуляционным требованиям:

1. *And I said, "Go for it man."* – Я ему: «Ну че, дерзай».

- *said* – опущение, *ему* – добавление: сохранение фонетической синхронизации звуков [e] > [и] в *said* – *ему*

2. *Jeff did consult me regarding Tonya and asked me "What do you think?"* – Джефф, да... спрашивал меня насчет Тони, мнения моего спрашивал.

- *What do you think* – опущение, *спрашивал* – добавление: сохранение фонетической синхронизации звуков [ɹ] > [а] в *what* – *спрашивал*, [ɪ] > [ы] в *think* – *спрашивал*

Как мы можем видеть из примера 2, с помощью комплексного использования опущения и добавления могут переводиться не только единичные односложные слова, заменяемые соответствующими им по артикуляции односложными словами, но и группы односложных слов, которые могут быть заменены одним многосложным словом.

В ходе данного исследования мы пришли к выводу, что русский аудиовизуальный перевод тяготеет к сохранению фонетической синхронизации гласных, так как они обладают наиболее ярко-выраженной артикуляцией, а также что для ее сохранения переводчик может использовать слова, содержащие гласные, различающиеся по артикуляционным характеристикам.

Из 36 случаев использования переводческих трансформаций, примененных при переводе анализируемого текста, только 31 трансформация была применена с целью сохранения фонетической синхронизации. К наиболее частотным видам трансформаций относятся целостное преобразование, опущение и добавление. Частотность целостного преобразования объясняется определенной степенью свободы, которую данный вид трансформации предоставляет переводчику. Частотность опущения и добавления обусловлена различиями в среднем количестве слогов в русском и английском слове. Данные трансформации, в основном, используются для перевода односложных слов, которые имеют многосложные эквиваленты в русском языке. Опущение и добавление могут использоваться комплексно для перевода одного односложного слова или группы односложных слов, чем объясняется их сходное процентное соотношение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 448 с.
2. Cintas, J. D. Translation Today: Trends and Perspectives // Clevedon: Multilingual

Matters, 2003. P. 248.

3. *Chaume, F.* Synchronisation in Dubbing: A translational approach – Topics in Audiovisual Translation. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 227.

4. *Chaume, F.* The turn of audiovisual translation: New audiences and new technologies // Translation Spaces, 2013. V. 2. Pp. 105–108.

5. *Fodor, I.* Film Dubbing: Phonetic, Semiotic, Esthetic and Psychological Aspects. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1976. P. 110.

6. *Whitman-Linsen, C.* Through the Dubbing Glass. Frankfurt : Peter Lang, 1992. P. 341.

Швец В. М., Семенцова А. А.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА ВОКАЛЬНО-СИМФОНИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

*Череповецкий государственный университет,
г. Череповец, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема перевода поэтического текста, положенного на музыку, что вызывает специфические трудности для переводчика, связанные с необходимостью учета фактора вокального исполнения. В данной статье представлены результаты исследования перевода русскоязычного оригинала текста вокально-симфонической поэмы «Поэма памяти Сергея Есенина» на английский язык. В ходе исследования был проведен анализ переводческих трансформаций, примененных при переводе текста произведения, особенности их использования в связи с необходимостью учета вокальных требований исполнения музыкального произведения.

Ключевые слова: перевод, текст музыкального произведения, вокально-симфоническая поэма, критерии перевода.

В настоящее время перевод текста музыкального произведения служит мощным ресурсом для понимания особенностей другой культуры. В частности, вокально-симфоническое произведение «Поэма памяти Сергея Есенина» В. Г. Свиридова ярко отражает исторические и культурные черты России середины 20 века. Для максимально полной передачи содержания оригинального произведения в переводе необходимо отразить как смысловые, так и стилистические компоненты текста оригинала. При этом, перевод текста музыкального произведения предполагает появление дополнительных трудностей для переводчика: учет ритмической организации музыкального произведения, а также фактора исполнения текста вокалистом.

Целью данного исследования является выявление особенностей перевода поэтического текста, обусловленных необходимостью учета требований вокального исполнения.

При рассмотрении текста музыкального произведения и музыки подчеркивается их тесная взаимосвязь, не исключается важность ни одной из составляющих произведения [3, с. 4]. Рассматривая смысловую составляющую, С. Робинсон пришел к выводу, что музыка, какой бы выразительной она не была, не сможет вызвать настолько же четкие ассоциации, какие вызывает текст [6, с. 6]. Т. Онич считает, что успех перевода текста музыкального произведения заключается в эстетическом аспекте конечного продукта, а не в точности передаваемого содержания: тип рифмовки, ритм и рифма не всегда могут совпадать с оригиналом [5, с. 9–19]. Таким образом, перевод текста, положенного на музыку, рассматривается как особый вид перевода художественного произведения. Выполняя данный вид перевода, переводчик должен учитывать не только смысловое, стилистическое и эстетическое содержание, заложенное автором текста, но и видение композитора, отраженное в музыке.

Можно выделить следующие основные подходы к выполнению перевода текста музыкального произведения: 1) дословный перевод – ограничивается передачей основного смысла песен без сохранения ритма и рифмы; 2) интерпретация – характеризуется соблюдением только оригинальной мелодики, ритма, размера, расстановки ударений; 3) собственно песенный перевод – максимально передает смысл, сохраняя при этом ритм и рифму, при этом, допускаются незначительные отступления от исходного текста [2, с. 2].

По мнению П. Лоу [4, с. 185–212] при переводе текста музыкального произведения необходимо учитывать несколько критериев:

1. Удобство исполнения (*singability*). По мнению П. Лоу, это главный критерий перевода музыкального произведения. Перевод не должен сталкивать исполнителя с техническими трудностями, которые превышают трудности исходного текста. К вокальным трудностям, связанным с текстом, относят следующие моменты: согласные различного места образования, стоящие близко друг к другу; гласные звуки, которые неудобны для исполнителя в верхнем регистре. Так, Л. Б. Дмитриев отмечает, что у звука [а] наименьшее обратное акустическое сопротивление [1, с. 469].

2. Смысл (*sense*). П. Лоу считает сохранение семантики первостепенной задачей переводчика, но при переводе музыкального произведения зачастую требуется манипуляция смыслом. Ни один жанр перевода не позволяет переводчику последовательно поддерживать порядок слов или точное количество слогов исходного текста.

3. Естественность (*naturalness*). Согласно этому критерию, в тексте должна прослеживаться главная тема, которая будет понятна даже в том случае, если не понятен смысл отдельных слов.

4. Ритм (*rhythm*). Просодия музыкального произведения требует точного совпадения количества слогов в исходном тексте и в переводе.

5. Рифма (*rhyme*). По мнению ученого, рифма не должна соблюдаться строго. Возможны варианты перевода с другой рифмовкой.

Данное исследование выполнено на материале текста 8 части вокально-симфонической поэмы В. Г. Свиридова «Поэма памяти Сергея Есенина» и его перевода на английский язык. Цикл был написан на основе произведений С. А. Есенина Г. В. Свиридовым в 1956 году. Текст состоит из отдельных частей поэмы С. А. Есенина «Песнь о великом походе». Перевод выполнен Л. Поляковой.

При анализе материала выявлялось соответствие перевода критериям перевода текста музыкального произведения по классификации П. Лоу.

Для характеристики критерия **удобства исполнения** были взяты два отрывка. Выбор обоснован тесситурной сложностью. В данных отрывках есть переходные и высокие ноты, поэтому в них особенно важно преобладание звуков [a] и [o]. В первом отрывке текста оригинала преобладающим звуком является [a], при этом, в тексте перевода преобладает звук [i]. В русскоязычном варианте в высоком регистре использован звук [o], в англоязычном варианте в высоком регистре использованы звуки [ɛ] и [a] (см. Таблица 1).

Таблица 1. Употребление гласных звуков в тексте оригинала и перевода, первый отрывок

	Русский	Гласные	Английский	Гласные
	[гарм`он`маj`a]	A:4; o:1	[ha:`mɒnikəz]	a:1 v:1 i:1 ə:1
	[с калак`ол`цaм`u]	A: 3, o:1, u:1	[`lɪtl bɛlz lɛts hɪə]	i:1 iə:1 ɛ:2
	[б`уд`им p`ынку карм`ить]	A: 1, u: 2, ы:1, y:2	[`fɪfɪz naʊ wi:l fɪ:d]	i:4 aʊ:1
	[дабрав`ол`цaм`u]	A: 3, o:1, u:1	[wið wait ga:d ,vɒlən `træz]	a:1 v:1 i:1 iə:1 aɪ:1 ə:1
	Итог:	A: 11 И: 4 O: 3 У: 2 Ы: 1	Итог:	i:6 a: 2 v: 2 ə: 2 ɛ:2 iə:2 aɪ: 1 aʊ:1

Шрифтом выделены самые высокие звуки

В данном случае можно говорить о частичном соблюдении критерия удобства исполнения. Во втором отрывке текста в русскоязычном варианте преобладает звук [a], в англоязычном в равной степени использован трифтонг [aʊə] и дифтонг [aʊ]. Ударным элементом представленных англоязычных звуков является часть [a]. Так как преобладающими гласными звуками перевода этого отрывка являются указанные трифтонг и дифтонг (4 случая использования на каждое сочетание звуков, см. Таблица 2), можно говорить о соблюдении критерия удобства исполнения в данном отрывке.

Таблица 2. Употребление гласных звуков в тексте оригинала и перевода, второй отрывок

	Русский	Гласные	Английский	Гласные
--	---------	---------	------------	---------

	[н`аша власт` н`аша власт` н`аша власт`]	А: 9	[`avər əvɪn paʊ'r, 'avər əvɪn paʊ'r 'avər əvɪn paʊ'r]	avə: 3, əv: 3 av: 3
	[в`эс`эл`ис`]	Э: 2, и: 1	[`meri bi:]	ε:1, i:2
3.	[душ`а малад`эц- каја]	А: 5, у:1, э: 1	[mai lædz, naʊ δə 'fju:ʃəz 'avəz]	ai: 1, æ: 1, av: 1, ə: 1, u: 1, avə: 1
	Итог	А: 14 Э: 3 И: 1 У: 1	Итог	avə: 4, av: 4, əv: 3, i:2, ε:1, æ: 1, ə: 1, u: 1

Можно говорить о том, что **смысл** произведения оригинала, в целом, сохранен в переводе, так как центральные образы, например, крестьянство, элементы быта, реалии военного времени переданы в переводе текста поэмы. Для передачи семантики образов использовались как прием подбора соответствий (авторами работы выявлено 13 соответствий), так и модуляции. Последний прием использовался по следующим причинам: сохранение ритма при разной длине русских и английских слов (голубчика – lovey-dovey posh), передача устаревшей лексики (*Бьется эта рать – We all fight for now*). В процессе перевода частично была утеряна образность исходного текста. Некоторые из подобранных эквивалентов не отражают исторические реалии исходного текста, но передают первоначальный образ и смысл (*весь век – even more, нынче – now, рать – we all*), понятный носителям английского языка. Потерянная при переводе эмоциональная экспрессивность оригинала восстанавливается при помощи лексических трансформаций. Например, при использовании добавлений появляются новые эпитеты (*our red army bayonets flashing brightly in the wheat – красной армии штыки да в(ы) поле светятся*), слова, усиливающие впечатление общности (*Наша власть – Our own pow`r*).

В переводе так же, как и в оригинале, **основная тема** прослеживается при помощи рефрена: *Красной Армии штыки // Да в(ы) поле светятся // Тут отец сын // Могут встретиться – See our red army bayonets // Flashing brightly in the wheat // Here in battle might // Son and father meet*. Рефрен используется для того, чтобы акцентировать внимание слушателя на том или ином аспекте произведения. При переводе рефрена почти все лексемы переданы с помощью соответствий, что говорит об особенной значимости передаваемых явлений. Внимание слушателя также акцентирует инверсия, использованная в двух последних строчках. Сохранение рефрена в тексте перевода, использование соответствий, появление инверсии – факторы, позволяющие говорить о соблюдении критерия естественности.

Ритм текста перевода не всегда совпадает с ритмом оригинала. Только 24 % строк оригинала полностью совпадают (по ударению в строке)

с переводом. Данное расхождение можно объяснить двумя причинами. Во-первых, английские слова зачастую короче русских, поэтому ударений в строке получается больше. Во-вторых, особенностью данного текста является подражание частушкам, для которых не характерно четкое сохранение ритмического ударения в каждой строчке. По этой причине расхождение можно назвать попыткой сохранения авторского стиля Сергея Есенина в английском языке. Количество слогов текста перевода и оригинала совпадают на 95 %. Расхождение не влияет на исполнение произведения, излишний слог на одной строке компенсирует недостающий на другой строке. Например, последний слог строки *Крестиянские ребята* по положению в мелодии совпадает с первым слогом следующей строки англоязычного варианта текста *Countrymen tu own*. В результате общее количество слогов этих двух строк совпадает. Таким образом, существующие несовпадения ритма в тексте оказываются незаметны при исполнении, так как происходит компенсация одного слога другим.

В тексте перевода, как и в тексте оригинала, строчки рифмуются. Переводчик сохранил стихотворную форму, однако типы рифмовки текста оригинала и перевода не всегда совпадают. В тексте перевода использованы преимущественно те же схемы рифмовки, что и в тексте оригинала (см. Таблица 3). Преобладающий тип рифмовки текста оригинала – смешанная (*abcb*, использована в 3 случаях), она же является самой частотной и в тексте перевода (использована в 6 случаях). Можно говорить о частичном соблюдении критерия сохранения **рифмы**.

Таблица 3. Сопоставление рифмовки оригинала и перевода

	Рифмовка оригинала	Рифмовка перевода
	<i>Aaba</i>	<i>Aaab</i>
	<i>Abab</i>	<i>Abcb</i>
	<i>Abab</i>	<i>Abcb</i>
	<i>Aaba</i>	<i>Abcb</i>
	<i>Aaba</i>	<i>Abcb</i>
	<i>Abcb</i>	<i>Aaba</i>
	<i>Abcb</i>	<i>Abcb</i>
	<i>Abcb</i>	<i>Abcb</i>

Выводы

На основании проведенного исследования авторы пришли к выводу, что перевод в исследуемом материале не полностью соответствует критериям перевода текста музыкального произведения. Естественность, смысл, ритм – критерии, которые были, в целом, соблюдены при переводе. Присутствуют нарушения типов рифмовки, которые появились в переводе по причине разницы грамматических конструкций языков. Различная длина слов русского и английского языков также повлияла на результат перевода. Критерий удобства исполнения был соблюден не полностью. Различия фонетического состава английского и русского языков оказали влияние на соблюдение данного критерия. При этом сохранены самые существенные эле-

менты произведения, переданы ключевые образы крестьянской жизни, военного времени. Несмотря на различия в ритмической организации, текст перевода удобен для исполнения, поэтому, в целом, можно говорить о том, что перевод текста вокально-симфонической поэмы «Памяти Сергея Есенина» В. Г. Свиридова с русского языка на английский учитывает требования вокального исполнения текста музыкального произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриев Л. Б.* Основы вокальной методики. М. : Музыка, 2012. 675 с.
2. *Зуев М. П.* К вопросу о переводе английских песен: наблюдения переводчика // Молодёжь и наука : Сб. мат-лов VII Всеросс. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 50-летию первого полета человека в космос. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/thesis/s16/s16_14.pdf
3. *Kennedy, V., Gardpaille, M.* Introduction // Words and music. Cambridge, 2013. P. 185.
4. *Low, P.* Translating Songs that Rhyme // Perspectives: Studies in Translatology. Publons, 2008. Pp. 1–20.
5. *Onich, T.* Germont's aria from "La Traviata" between the original and the Slovene translation. // Words and music. Cambridge, 2013. Pp. 9–19.
6. *Robinson, S.* What do words express that music cannot? // Words and music. Cambridge, 2013. Pp. 2–9.

Шмелева О. Н.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

*Академия государственной противопожарной службы МЧС России,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению вопросов перевода пожарно-технических терминов с немецкого языка на русский. Автор останавливается на проблемах, связанных с трудностями перевода современной терминологии, функционирующей в немецкоязычной пожарно-технической литературе, выявляет и анализирует способы и приемы перевода, предлагаемые отраслевыми словарями данного профиля. В статье приводятся некоторые практические рекомендации адекватной передачи значения указанных терминов при переводе на русский язык.

Ключевые слова: перевод терминов, технический перевод, пожарно-техническая лексика, немецкий язык.

В настоящее время одним из самых популярных компьютерных сервисов является сервис онлайн-перевода, с помощью которого ежедневно пе-

реводятся миллионы страниц разнообразных текстов с одного языка на другой. При этом необходимо отметить, что качество таких программ стремительно улучшается, а диапазон языков постоянно расширяется. Тем не менее с переводом научно-технических текстов, особенно узкоспециальной направленности, онлайн программы справляются на данном этапе их разработанности довольно посредственно.

Так, например, перевод пожарно-технической литературы с немецкого языка на русский таит в себе много трудностей, поскольку язык немецкой технической литературы существенно отличается от литературного и разговорного языка, он осложняется наличием отраслевой лексики, развернутых сложных предложений с инфинитивными оборотами, распространенными определениями и вводными конструкциями. Кроме того быстрый темп развития пожарно-технической отрасли вызывает образование большого количества новых специальных понятий и соответствующих им терминов. Качество перевода этих терминов имеет здесь огромное значение. Неправильный перевод может послужить причиной неполадок в работе, что повлечет за собой серьезные производственные, а может быть и человеческие, потери. Поэтому точность перевода – основное требование к научно-техническому переводу, в рамки которого входит и пожарно-технический перевод. Под точностью следует понимать краткость, выразительность, логическую последовательность, полноту изложения материала оригинала и соответствие нормам русского научно-технического языка.

В рамках представленного исследования в переводоведческом аспекте было проанализировано 218 немецкоязычных терминов и терминологических словосочетаний, входящих в лексико-семантическое поле «Пожарное дело». Материал исследования был получен в результате сплошной выборки из современных немецкоязычных пожарно-технических толковых словарей, научных статей и монографий указанного профиля.

В нашей работе мы опирались на определение понятие «термин», данное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», где под «термином» понимается «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [3, с. 508]. Далее в словарной статье указывается, что термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии). В качестве особенностей терминов выделяются следующие [3, с. 508]:

- 1) системность;
- 2) наличие дефиниции;
- 3) тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля;
- 4) отсутствие экспрессии;
- 5) стилистическая нейтральность.

Также следует привести и определение понятия «термин» из «Толкового переводоведческого словаря» Л. Л. Нелюбина, которое, на наш взгляд, отражает основные его особенности. Так, в этом словаре понятие «термин»

трактуются как [6, с. 224]:

1. Слово или словосочетание специального (научного, технического, военного и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов.

2. Слово, не допускающее модуляции.

3. Слово или словосочетание, являющееся точным обозначением определенного понятия в области науки, техники, искусства, общественной жизни.

4. Слово, наделенное качеством обозначать научное понятие, составляющее вместе с другими понятиями данной отрасли науки или техники одну семантическую систему. В тексте, предназначенном для перевода, термин всегда требует отдельного решения на перевод, т.е. выступает как единица перевода.

Эти два определения представляются нам наиболее универсальными, поскольку позволяют учитывать все многообразие свойств терминов, которые рассматриваются здесь с семантической, морфологической и переводоведческой точек зрения.

Изучив вопрос перевода анализируемых терминов, представленных в двух печатных словарях [2] и [4], мы пришли к выводу, что авторами этих словарей в основном используются следующие способы перевода терминов:

а) подбор лексического эквивалента (напр., *Brandstiftung* = поджог; *Drehleiter* = автолестница; *Feuerwiderstand* = огнестойкость);

б) беспереводное заимствование (транскрипция/транслитерация) (напр., *Pumpe* = помпа, *Brandmeister* = брандмейстер; *Brandmauer* = брандмауер);

в) калькирование (напр., *Selbstentzündung* = самовозгорание; *Feuerlöscher* = огнетушитель; *Rauchentwicklung* = дымообразование; *feuerfest* = огнестойкий; *Saugrohr* = всасывающая труба);

г) трансформационный перевод (напр., *Schwelbrand* = тлеющий пожар с образованием дыма, *Glimmbrand* = тление, тлеющее горение без дыма)

д) описательный перевод/интерпретация (напр., *Brandschutzbeauftragter* = уполномоченный по пожарной безопасности на предприятии (штатная должность в Германии)).

К сожалению, вышеназванные пожарно-технические словари на материале немецкого и русского языков были опубликованы более 20 лет назад и не переиздавались, поэтому в них не нашли отражение многие современные термины данной отрасли, не говоря уже о технических неологизмах. В настоящее время также не имеется и электронных терминологических словарей интересующей нас области. Частично некоторые термины можно найти в электронном интерактивном словаре Мультитран [5], но в целом нами было обнаружено немало терминов, которые употребляются в значениях, не зафиксированных пока в словарях, например,

Vegetationsbrandbekämpfung, Alarmübertragungsanlage, hochfeuerhemmend, Abbrandverhalten, Rußbestandteil, Prüfbrandofen, Hochdrucklöschwasserwirbel, Brandrauchversuch, Nebelfluid, Realfeuer и др. Поэтому вопрос перевода современных пожарно-технических терминов с немецкого языка на русский является весьма актуальным.

Поскольку большинство современных немецких пожарно-технических слов-терминов из нашего корпуса примеров являются многосложными словами, то учитывая структурно-типологические признаки обоих языков можно предложить следующие способы их перевода:

Калькирование, т.е. способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных их лексическими соответствиями в переводящем языке. Сущность этого способа заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в переводящем языке, копирующего структуру исходной лексической единицы. Поскольку одним из главных черт термина является его точность, то этот способ перевода, на наш взгляд должен превалировать, однако применительно к нашему языковому материалу этот способ в чистом виде использовался только в 3 % случаев. Мы использовали такие морфологические структуры как, ср.:

а) прилагательное / причастие + существительное, например, *Löschmonitor = пожарный монитор, Brandgut = сгоревшее имущество; Wiederentzündung = повторное возгорание; Wassernebel = водяной туман;*

б) существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже (с определением или без), например, *Vegetationsbrand = пожар растительности, Rauchgasvergiftung = отравление дымом, Schaumzumischanlage = установка пожаротушения пеной; Flächenbrandbekämpfung = тушение пожара большой площади; Wassernebeltechnologie = метод тушения тонкораспыленной струей;*

в) существительное + предложный оборот, например, *Warnmeldung = оповещение об опасности, Entrauchungsmaßnahme = мероприятия по дымоудалению.*

Трансформационный перевод. Напомним, что переводческими трансформациями обычно называют межъязыковые преобразования, требующие перестройки единиц оригинала на лексическом, грамматическом или текстовом уровне, в целях достижения эквивалентности текстов оригинала и перевода (а также для сохранения функционального воздействия сообщения).

Исследование показало, что этот метод можно использовать, когда немецкоязычный пожарно-технический термин не имеет в русском языке точного лексического соответствия, например: *Brandüberschlag = угроза распространения горения на другой объект, Angriffstrupp = звено газодымозащитной службы, Persönliche Schutzausrüstung – боевая одежда и снаряжение пожарного и спасателя, Gerätewagen = автомобиль для перевозки противопожарного инвентаря, Krisenmanagementübung учение по управлению в кризисных ситуациях, Flächenbrandbekämpfung = тушение пожара большой площади*

Описательный / интерпретирующий перевод. При использовании этого метода полностью раскрывается исходное значение, однако имеется серьезный недостаток: перевод зачастую оказывается весьма громоздким: *Wassertrupp* = звено, ответственное за прокладку рукавных линий и подачу воды на участке «источник пожарного водоснабжения – рукавное разветвление»; *Schlauchtrupp* = звено, ответственное за прокладку рукавных линий и подачу воды на участке «рукавное разветвление – очаг пожара»; *Düsen Schlauch* = пожарный рукав для создания водяной завесы. Описательный метод, на наш взгляд целесообразно использовать для перевода терминов-реалий, характеризующих специфику пожарной охраны Германии (*Wassertrupp*, *Schlauchtrupp*) или для описания нового оборудования, которое еще не используется в России (*Düsen Schlauch*). Следует отметить, что при использовании метода описательного перевода полностью раскрывается исходное значение термина, однако имеется серьезный недостаток: перевод зачастую оказывается весьма громоздким.

В заключение отметим, что одной из особенностей перевода современной немецкоязычной терминологии пожарно-технической направленности является необходимость построения отсутствующих в родном языке эквивалентов немецкоязычных терминов. При построении термина переводчик должен обратить особое внимание как на точность передачи значения пожарно-технического термина, так и на взаимосвязи между создаваемым термином и другими элементами терминологии родного языка. Как отмечает отечественный исследователь данной проблема Анисимова А.Г.: «Нельзя создавать термин, который совпадает по форме с уже бытующим в языке термином, имеющим другое значение. Нельзя также употреблять в переводе термины и выражения, допускающие различные толкования. Создавая термин, следует стремиться к тому, чтобы он естественно входил в существующую терминологию данной области знания, а не ощущался в ней как чужеродное тело. Поэтому новые термины желательно строить по образцу существующих» [1, с. 33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова А. Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук : дис. ... д-ра филол. наук. М. : МГУ. 2010. 358 с.
2. Козлов И. Н. Немецко-русский терминологический словарь-минимум по пожарной технике и безопасности. М. : ВИПТШ МВД РФ, 1996. 102 с.
3. ЛЭС, *Лингвистический энциклопедический словарь* / Под ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
4. Мешалкин Е. А., Палей С. М., Васильев М. С., Мордкович Г. В., Ковоженков А. И. Иллюстрированный словарь по пожарной безопасности (англо-немецко-французско-русский): около 8000 терминов. М. : ВНИИПО МВД России, 1999. 450 с. 48 ил.
5. *Мультитран*. Многоязычный электронный словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.multitran.ru>. (Дата обращения 18.10.2020).
6. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 8-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2016. 320 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксёничкова-Бирюкова Ангелина Александровна – магистрант кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь)

Аманбекова Әйгерім Еркінбекқызы – студентка юридического факультета, кафедра конституционного и международного права Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Андрушкевич Юлиана Олеговна – преподаватель кафедры романских языков, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Республика Беларусь)

Аратаева Айгуль Тукеновна – кандидат филологических наук, заведующий отделом магистратуры факультета языка и перевода, Центрально-Казахстанская Академия (г. Караганда, Республика Казахстан)

Аргунов Василий Васильевич – аспирант 1 курса Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Российская Федерация)

Ару Адем – аспирант III года обучения кафедры современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)

Асанова Дария Нуртасовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики иноязычной подготовки, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Ахметова Анель Ерболатовна – студентка юридического факультета, кафедра конституционного и международного права Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Байдуйсен Бауыржан Амангелдиулы – преподаватель кафедры иностранных языков, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Бакалова Екатерина Владимировна – аспирант I года обучения кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет (г. Череповец, Российская Федерация)

Бартенева Инга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Республика Беларусь)

Бондаренко Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики английского языка Института иностранных языков, Московский педагогический государственный университет (г. Москва, Российская Федерация)

Боровик Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иноязычной коммуникации, Академия управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)

Бугакова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей, Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж, Российская Федерация)

Веч Олеся Ярославна – старший преподаватель кафедры русской филологии филологического факультета, Ферганский государственный университет (г. Фергана, Республика Узбекистан)

Гауч Оксана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, культурологии и социологии, Тюменский государственный институт культуры (г. Тюмень, Российская Федерация)

Гоголева Виктория Николаевна – студентка IV курса Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Российская Федерация)

Гончарова Наталья Александровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков и методик их преподавания, Мичуринский государственный аграрный университет (г. Мичуринск, Российская Федерация)

Гончарюк Наталья Леонидовна – старший преподаватель кафедры лингводидактики и второго иностранного языка, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, Российская Федерация)

Гордеева Наталья Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Горелик Маргарита Алексеевна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, педагогический институт, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Российская Федерация)

Городецкая Алина Вадимовна – студентка V курса факультета иностранных языков, Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж, Российская Федерация)

Громова Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Гурин Владимир Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики, педагогический институт, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Российская Федерация)

Дядиченко Дарья Викторовна – студентка II курса факультета музыки, театра и хореографии, Тюменский государственный институт культуры (г. Тюмень, Российская Федерация)

Емельянова Яна Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)

Ефимова Сардана Кимовна – магистр, доцент кафедры восточных языков и страноведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Российская Федерация)

Залавина Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (г. Магнитогорск, Российская Федерация)

Записных Ольга Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингводидактики и второго иностранных языков, лингвистический институт, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, Российская Федерация)

Засецкова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Захарова Полина Сергеевна – студентка V курса педагогического института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир, Российская Федерация)

Иванова Виктория Владимировна – студентка V курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Иванова Ираида Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фундаментальной медицины, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Иванова Татьяна Дмитриевна – студентка IV курса института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Российская Федерация)

Иванчина Юлия Владимировна – студентка V курса Высшей школы психологии, педагогики и физической культуры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск, Российская Федерация)

Ильина Юлия Петровна – студентка V курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Иоскевич Марина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (г. Минск, Республика Беларусь)

Истианиди Анна Дмитриевна – студентка IV курса факультета иностранных языков, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Карпущина Тамара Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Российская Федерация)

Кноль Марина Владимировна – докторант I года обучения кафедр теории и методики иноязычной подготовки, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Кормилина Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Корнеева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация)

Корышев Михаил Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Красикова Марина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель 107 кафедры иностранных языков, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А.К. Серова (г. Краснодар, Российская Федерация)

Курникова Наталия Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Кутимова Луиза Сабировна – преподаватель кафедры иностранных языков, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Лотфуллина Айзиря Надировна – студентка IV курса Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация)

Лыскова Дарья Сергеевна – студентка IV курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Макшанцева Анна Львовна – преподаватель кафедры развития дистанционных технологий в образовании, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)

Мартынова Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Марухина Мария Николаевна – студентка III курса филологического факультета, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, Российская Федерация)

Маслов Юрий Всеволодович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Республика Беларусь)

Матасова Ирина Николаевна – магистр иностранной филологии, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Мельник Максим Игоревич – студент IV курса, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Российская Федерация)

Михайлова Ксения Александровна – студентка V курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Мозжегорова Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Моисеева Анастасия Сергеевна – студентка III курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Нечаевский Вадим Олегович – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков, Военный университет (г. Москва, Российская Федерация)

Никитинская Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Николаева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Николаева Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет (г. Москва, Российская Федерация)

Оипова Виктория Витальевна – студентка V курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Отынишиева Малика Толгандиевна – преподаватель кафедры иностранных языков, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букедова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Павлова Ирина Сергеевна – студентка V курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Пенцакова Яна Олеговна – студентка IV курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Померанцева Татьяна Павловна – учитель школы-интерната № 2, соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)

Прасолова Ольга Дмитриевна – магистрант I курса Высшей школы перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)

Прокуророва Оксана Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых (г. Владимир, Российская Федерация)

Пташкин Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент отделения иностранных языков школы базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (г. Томск, Российская Федерация)

Пучкова Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Московский городской педагогический университет (г. Москва, Российская Федерация)

Пушкин Алексей Александрович – кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков №2, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Пишеничникова Анна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Российская Федерация)

Радыгина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Руднева Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (г. Сургут, Российская Федерация)

Савенкова Ксения Руслановна – студентка V курса филологического факультета, Сургутский государственный педагогический университет (г. Сургут, Российская Федерация)

Сагидуллина Алина Айратовна – студентка IV курса Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникации им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация)

Сарбалакова Гулим Болатовна – преподаватель кафедры иностранных языков, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Семенцова Алина Алексеевна – студентка IV курса гуманитарного института, Череповецкий государственный университет (г. Череповец, Российская Федерация)

Сидорова Лариса Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Симонова Елена Петровна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Российская Федерация)

Смирнова Марина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и удмуртской филологии, Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко (г. Глазов, Российская Федерация)

Снигирева Дарья Алексеевна – студентка II курса факультета информатики, физики и математики, Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко (г. Глазов, Российская Федерация)

Соколова Валерия Олеговна – студентка IV курса Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникации им. И.А. Бодуэна де Куртене, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация)

Субботин Никита Сергеевич – студент V курса отделения гуманитарно-эстетического образования, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Российская Федерация)

Суханова Ирина Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, Российская Федерация)

Тарасова Наталия Игоревна – студентка IV курса гуманитарного института, Череповецкий государственный университет (г. Череповец, Российская Федерация)

Тенякова Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Томпиева Зауре Ерболовна – преподаватель кафедры иностранных языков, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Туров Иван Григорьевич – старший преподаватель кафедры белорусского и иностранных языков, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)

Тынбаева Гульнара Салимжановна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Фадеева Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования и эффективной коммуникации, Институт развития образования Омской области (г. Омск, Российская Федерация)

Федорова Клавдия Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Российская Федерация)

Федорова Юлия Владиславовна – студентка V курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Филиппов Андрей Константинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Филиппов Константин Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Хабибуллина Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета (г. Стерлитамак, Российская Федерация)

Хабибуллина Флера Яхиятовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры фундаментальной медицины, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Хрущева Татьяна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Российская Федерация)

Чернова Анна Евгеньевна – студентка V курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Шакмакова Анастасия Михайловна – студентка IV курса Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникации им. Бодуэна де Куртенэ, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация)

Шалгимбаева Сабина Талгатовна – преподаватель кафедры иностранной филологии, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

Шатрова Анастасия Владленовна – студентка IV курса факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Российская Федерация)

Швец Варвара Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет (г. Череповец, Российская Федерация)

Швецова Виктория Михайловна – доктор филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет (г. Мичуринск, Российская Федерация)

Шестова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Омский государственный педагогический университет (г. Омск, Российская Федерация)

Шибанова Анна Игоревна – студентка IV курса института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (г. Москва, Российская Федерация)

Шмелева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Академия государственной противопожарной службы МЧС России (г. Москва, Российская Федерация)

Шоломицкая Анна Сергеевна – студентка III курса факультета иностранных языков, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина (г. Брест, Республика Беларусь)

Шугаева Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии и переводоведения, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Юсупова Мадина Бахтияр гызы – студентка IV курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

Ясинская Милена Борисовна – кандидат филологических наук, доцент Института права и национальной безопасности, Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация)

Яшкина Анастасия Владимировна – студентка V курса факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Боровик Н.С. (г. Минск, Республика Беларусь)</i> Роль редувантно- сти в процессе коммуникации	3
<i>Бугакова Н. В., Городецкая А. В. (г. Воронеж, Российская Феде- рация)</i> Сравнительный анализ процесса заимствования во французском и английском языках	9
<i>Веч О. Я. (г. Фергана, Республика Узбекистан)</i> Категория оценки в языке и ее связь с категориями эмоциональности, экспрессивности и модальности	14
<i>Гончарюк Н. Л. (г. Барнаул, Российская Федерация)</i> Особенности семантики диалектных фразеологических единиц, описывающих чело- века.....	18
<i>Николаева Е. В. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Некото- рые аспекты изучения и понимания дейксиса	24
<i>Соколова В. О. (г. Казань, Российская Федерация)</i> К истории эле- мента «раз» в русском языке.....	28
<i>Филиппов А. К., Филиппов К. А., Корышев М. В. (г. Санкт-Петер- бург, Российская Федерация)</i> Конверсия в немецком идиолекте М. В. Ломоносова	33

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

<i>Лотфуллина А. Н. (г. Казань, Российская Федерация)</i> К вопросу о путях пополнения группы существительных <i>pluralia tantum</i> в совре- менном русском языке	41
<i>Сагидуллина А. А. (г. Казань, Российская Федерация)</i> Граммати- ческая омонимия в сфере местоимений.....	45
<i>Фадеева Л. В. (г. Омск, Российская Федерация)</i> Сложные глаголы немецкого языка	50
<i>Шакмакова А. М. (г. Казань, Российская Федерация)</i> Основные аспекты изучения категории рода в русском языке	61

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТОЛОГИИ И СЕМАНТИКИ

- Аксёничкова-Бирюкова А. А. (г. Гомель, Республика Беларусь)* Ассоциативно-концептуальное поле «печаль» в поэтическом пространстве А. А. Ахматовой на раннем этапе ее творчества 66
- Аргунов В. В., Федорова К. И. (г. Якутск, Российская Федерация)* Организующая и смыслоореализующая функции концептуальных метафор в англоязычном спортивном дискурсе 71
- Ару Адем (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)* Концепт «дружба» в русской языковой картине мира: историко-этимологический аспект 76
- Красикова М. Б. (г. Краснодар, Российская Федерация)* Производные отглагольные существительные в современном английском языке 81
- Пташкин А. С. (г. Томск, Российская Федерация)* On Literary and Medical Discourses of the Category of Mental Deviation in English 86
- Пучкова И. Н. (г. Москва, Российская Федерация)* Репрезентация концептосферы «внутренний мир человека» в английской и русской фразеологии 90
- Пушкин А. А., Тенякова Е. А. (г. Чебоксары, Российская Федерация)* Лексические репрезентанты концепта JOY/РАДОСТЬ в современном английском языке 95

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Аратаева А. Т. (г. Караганда, Республика Казахстан)* Метафоризация реалий политического пространства в дискурсе языковой личности политического деятеля 100
- Бондаренко С. В. (г. Москва, Российская Федерация)* Интерференция постороннего слышащего как фактор регуляции речевого общения коммуникантов 106
- Иванова Т. Д., Ефимова С. К. (г. Якутск, Российская Федерация)* Особенности речевого воздействия в политическом дискурсе (на материале интервью в японской прессе) 111
- Кормилина Н. В. (г. Чебоксары, Российская Федерация)* Психолингвистические особенности понимания разных видов несвязных текстов 115

<i>Лыскова Д. С., Сидорова Л. А. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Использование фразеологизмов в речи представителей разных профессий.....	124
<i>Мельник М. И., Пшеничникова А. Б. (г. Владивосток, Российская Федерация)</i> Образы мужчины и женщины в англоязычном рекламном дискурсе.....	129
<i>Павлова И. С., Шугаева Н. Ю. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Роль политических эвфемизмов в современном английском языке	135
<i>Сидорова Л. А. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Использование политических эвфемизмов в речи американских политиков.....	141
<i>Шугаева Н. Ю. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Лингвостилистические особенности англоязычной публичной политической речи	145
<i>Яшкина А. В., Шугаева Н. Ю. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Лингвостилистические средства репрезентации образа России в современной англоязычной прессе	153

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>Андрушкевич Ю. О. (г. Минск, Республика Беларусь)</i> Языковые средства реализации коммуникативной стратегии убеждения в испанской аналитической статье	158
<i>Бакалова Е. В. (г. Череповец, Российская Федерация)</i> Структура кодовых переключений в печатных СМИ	165
<i>Бартенева И. И., Туров И. Г. (г. Минск, Республика Беларусь)</i> Новый вид заголовка – заголовок-статья.....	170
<i>Гауч О. Н., Дядиченко Д. В. (г. Тюмень, Российская Федерация)</i> Мотив «одиночества» в произведении Д. Коупленда «Жизнь после Бога»	176
<i>Гоголева В. Н., Ефимова С. К. (г. Якутск, Российская Федерация)</i> Характеристика когезии в японских газетных текстах	180
<i>Горелик М. А. (г. Хабаровск, Российская Федерация)</i> Синтаксические средства выразительности в романе Франсуазы Лёфевр «Маленький принц – каннибал»	185
<i>Ильина Ю. П., Шугаева Н. Ю. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Образ Парижа в романе Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой»	189

<i>Иоскевич М. М. (г. Минск, Республика Беларусь)</i> Социальный миф и акт рассказывания в белорусских произведениях производственной тематики	193
<i>Карпухина Т. П., Симонова Е. П. (г. Хабаровск, Российская Федерация)</i> Интерпретативный потенциал метатекста в тексте (на материале романа Д. Тартт «Щегол» (“The Goldfinch”)).....	198
<i>Корнеева Т. А. (г. Казань, Российская Федерация)</i> Имена нулевой суффиксации в произведениях устного народного творчества.....	203
<i>Курникова Н. С. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Доминантные характеристики персонажей современного британского постколониального романа	207
<i>Марухина М. Н. (г. Барнаул, Российская Федерация)</i> Фактор адресата в речевом жанре «фронтное письмо»	213
<i>Николаева М. Н., Шибанова А. И. (г. Москва, Российская Федерация)</i> Семантические и функциональные особенности соматических фразеологизмов с компонентом «eyes» (на материале произведений У. С. Моэма).....	218
<i>Осипова В. В., Шугаева Н. Ю. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Особенности создания речевой характеристики сказочного персонажа (на материале мультфильма «Шрек»).....	225
<i>Прасолова О. Д. (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)</i> Средства выражения модальности в вербальной составляющей кинотекста	230
<i>Ясинская М. Б. (г. Москва, Российская Федерация)</i> Аксио-функция лексических заимствований в автокоммуникативном жанре (на материале историко-биографической прозы кн. Б. И. Куракина).....	235

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

<i>Гурин В. В., Субботин Н. С. (г. Иркутск, Российская Федерация)</i> Некоторые лингвистические особенности текстов англоязычной социальной рекламы	243
<i>Мартынова И. Н. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> COVID-19 и изменения в английском языке.....	247
<i>Моисеева А. С., Гордеева Н. Г. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Сущность и содержание понятия «суеверие» в лексикологии современного французского языка.....	252
<i>Нечаевский В. О. (г. Москва, Российская Федерация)</i> Некоторые особенности эстонского молодёжного жаргона	257

<i>Никитинская Л. В. (Чебоксары, Российская Федерация)</i> Эвфемистический потенциал английских фразеологизмов	263
<i>Никитинская Л. В., Юсупова М. Б. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Содержательные аспекты паремиологических единиц, объективирующих отношение общества к обучению/образованию (на примере туркменского, русского, английского и французского языков).....	269
<i>Прокуророва О. В., Захарова П. С. (г. Владимир, Российская Федерация)</i> Использование сокращений в современных англоязычных средствах массовой информации.....	274
<i>Руднева О. В., Савенкова К. Р. (г. Сургут, Российская Федерация)</i> Эмоционально-оценочная лексика в интернет-коммуникации.....	279
<i>Суханова И. Г. (г. Барнаул, Российская Федерация)</i> Колорема как средство создания образности и отражения атмосферы конкретной исторической эпохи	283
<i>Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация)</i> Лексико-семантическая классификация микротопонимов республики Марий Эл	288
<i>Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация)</i> Политическая топонимия республики Марий Эл как составная часть регионального ономастического пространства.....	295
<i>Шестова А. А. (г. Омск, Российская Федерация)</i> Лингвокультурологический аспект глоссария Итонского колледжа.....	302
<i>Шоломицкая А. С. (г. Брест, Республика Беларусь)</i> Тенденции развития немецкого языка и его влияние на межкультурную коммуникацию в Германии	310

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЛИНГВИСТИКЕ

<i>Assanova D. N., Knol M. V. (г. Караганда, Республика Казахстан)</i> Interference of Trilingualism	315
<i>Гончарова Н. А., Швецова В. М. (г. Мичуринск, Российская Федерация)</i> Методическое понятие «компенсаторная компетенция обучающихся» в русле лингвокогнитивного аспекта исследования.....	319
<i>Залавина Т. Ю. (г. Магнитогорск, Российская Федерация)</i> Способы выражения «Я» в виртуальном межличностном общении.....	325
<i>Записных О. В. (г. Барнаул, Российская Федерация)</i> Историческая память как лингвокультурный концепт языковой картины мира в аспекте взаимодействия культур.....	329

<i>Макшанцева А. Л. (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)</i> Семантические преобразования лексемы <i>удача</i> как репрезентанта одноименного концепта в русской языковой картине мира.....	334
<i>Померанцева Т. П. (г. Нижний Новгород)</i> Комплексное лингво-когнитивное описание концептов <i>человек</i> и <i>люди</i> в русской языковой картине мира	339
<i>Тунбайева G. S., Amanbekova A. E., Akhmetova A. E. (г. Караганда, Республика Казахстан)</i> Contemporary Issues of the Language Picture of the World.....	345

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

<i>Громова Е. Н. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Передача социокультурных лакун при переводе романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»	350
<i>Емельянова Я. Б. (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)</i> К вопросу о факторах, оказывающих влияние на процесс переключения кодов	354
<i>Иванова В. В., Засецкова Е. Н. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Адаптация культурно-специфической лексики при переводе на английский язык рассказов И. А. Бунина	359
<i>Иванчина Ю. В. (г. Архангельск, Российская Федерация)</i> Проявление индивидуальности переводчика при поэтическом переводе на примере произведения Dr. Seuss “The Cat in the Hat”	364
<i>Истианиди А. Д., Матасова И. Н. (г. Караганда, Республика Казахстан)</i> Лингвокультурологический анализ текста английских и русских сказок-близнецов в аспекте перевода.....	369
<i>Kutimova L. S., Otynshieva M. T., Sarbalakova G. B., Tompieva Z. E., Baiduisen B. A. (г. Караганда, Республика Казахстан)</i> Peculiarities of Translation of Lexical Transformations.....	374
<i>Маслов Ю. В. (г. Минск, Республика Беларусь)</i> К проблеме разработки методической системы обучения синхронному переводу в неязыковом вузе	380
<i>Михайлова К. А., Шугаева Н. Ю. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Проблема передачи говорящих имен в англоязычных переводах произведений русской классики	386

<i>Пенцакова Я. О., Мозжегорова Е. Н. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Функционирование реалий в современной межкультурной коммуникации.....	390
<i>Радыгина Т. В. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)</i> Формирование переводческой компетенции в области устного отраслевого дискурса.....	394
<i>Смирнова М. Н., Снизирева Д. А. (г. Глазов, Российская Федерация)</i> Проблема компьютерного перевода: достоинства и недостатки.....	399
<i>Федорова Ю. В., Шугаева Н. Ю. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Особенности и способы перевода политкорректной лексики на русский язык	404
<i>Хабибуллина О. А. (г. Стерлитамак, Российская Федерация)</i> Особенности перевода английских пословиц и поговорок с компонентом зоонимом на русский язык	408
<i>Чернова А. Е., Шугаева Н. Ю. (г. Чебоксары, Российская Федерация)</i> Особенности перевода культурных элементов в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»	413
<i>Шалгимбаева С. Т. (г. Караганда, Республика Казахстан)</i> Построение современных реалий и теорий переводоведения Китая	417
<i>Шатрова А. В., Хрущева Т. В. (г. Хабаровск, Российская Федерация)</i> Анализ образов главных героев художественного фильма «Малефисента», созданных при помощи различных видов аудиовизуального перевода.....	423
<i>Швец В. М., Тарасова Н. И. (г. Череповец, Российская Федерация)</i> Особенности перевода художественных фильмов с английского языка на русский с учетом фактора фонетической синхронизации	427
<i>Швец В. М., Семенцова А. А. (г. Череповец, Российская Федерация)</i> Особенности перевода текста вокально-симфонической поэмы.....	433
<i>Шмелева О. Н. (г. Москва, Российская Федерация)</i> Способы перевода пожарно-технических терминов с немецкого языка на русский. .	438
Сведения об авторах	443

Научное издание

**ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ:
НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Сборник научных статей

Статьи печатаются в авторской редакции

Ответственные редакторы:

канд. филол. наук, доцент *Наталья Владимировна Кормилина*,

канд. филол. наук, доцент *Наталья Юрьевна Шугаева*

Подписано в печать 27.11.2020. Формат 60x84/16.

Бумага писчая. Печать оперативная.

Усл. печ. л. 28,8. Тираж 100 экз. Заказ № .

Согласно Федеральному закону № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 года
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию» данная продукция не подлежит маркировке

Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Отпечатано в тип. «Альфа&Омега» ИП Метелевой И. В.
г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 8 «Д», тел. 51-75-31